РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII ВЕКА

1700–1775

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII ВЕКА

1700-1775

ХРЕСТОМАТИЯ

Допущено
Министерством просвещения СССР
в качестве учебного пособия
для студентов педагогических институтов
по специальности № 2101 «Русский язык и литература»

Составитель В. А. ЗАПАДОВ

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1979

ББК 83.3Р1
З-30

Рецензенты:
Макагоненко Г. П., доктор филологических наук, профессор
Федоров В. И., кандидат филологических наук, доцент

Западов В. А.

З-30 Русская литература XVIII века, 1700—1775: Хрестоматия. Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» /Сост. В. А. Западов.— М.: Просвещение, 1979.— 447 с.

В книгу включены отрывки из произведений, изучение которых предусмотрено программой педагогических институтов. Хрестоматия содержит три раздела: литература Петровской эпохи, литература 1730—1750-х годов, литература 1760-х — первой половины 1770-х годов.

Основной принцип расположения текстов — хронологический, но при этом учитываются и жанровые различия.

Р $\frac{60602-746}{103(03)-79}$ 27—79 4309020300

ББК 83.3Р1
8Р1

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Хрестоматия составлена как учебное пособие для изучения курса русской литературы XVIII в. Представленный в ней материал соответствует первым трем разделам ныне действующей программы, составленной В. А. Западовым и В. И. Федоровым.

Сочинения писателей XVIII в. в настоящее время издаются редко; отдельные издания произведений и сборники авторов, изучение творчества которых предусмотрено учебной программой, в библиотеках подавляющего большинства вузов либо вообще отсутствуют, либо имеются в незначительном количестве. Поэтому данная хрестоматия предназначена не только студентам высших учебных заведений, но и преподавателям.

Существующая ныне хрестоматия, составленная А. В. Кокоревым и вышедшая первым изданием в 1952 г., в свое время явилась весьма ценным пособием для преподавателей и студентов. Однако теперь она не удовлетворяет в полной мере ни современному состоянию науки, ни практическим нуждам преподавания и изучения литературы XVIII в. Во-первых, развитие науки в последние десятилетия показало, что существовавшие до конца 1940-х годов концепции (нашедшие отражение в хрестоматии А. В. Кокорева) не учитывали ряда важных явлений, без знакомства с которыми невозможно составить правильное представление о литературе XVIII в. Во-вторых, практика показала, что в хрестоматии А. В. Кокорева не всегда удачно выбраны отдельные тексты; в ней встречаются целые произведения и отрывки, не имеющие большой принципиальной и художественной ценности.

Конечно, значительная часть отобранных произведений неизбежно совпадает с помещенными в хрестоматии А. В. Кокорева, однако здесь произведены следующие принципиальные изменения и дополнения.

Во-первых, состав некоторых разделов коренным образом пересмотрен (а в ряде случаев и расширен). В первую очередь это относится к таким разделам, как поэзия Петровской эпохи, творчество А. П. Сумарокова, М. М. Хераскова, Ф. А. Эмина, М. Д. Чулкова, сатирические журналы Н. И. Новикова.

Во-вторых, в новую хрестоматию по возможности широко введены материалы, связанные с эстетическими и литературно-теоретическими позициями писателей XVIII в., когда формировалась новая русская литература, закладывались основы новой русской эстетики, создавалось новое русское стихосложение (в общем господствующее в русской поэзии и по сей день). Эти материалы позволяют проследить как становление и эволюцию нового отношения к «поэзии» (прежде всего, осмысления ее как искусства), так и формирование и борьбу двух культур в русской литературе, что стало фактом общественно-литературной борьбы XVIII в.

В-третьих, в ряде случаев составитель считал целесообразной замену текстов. Так, например, поэмы Хераскова представлены здесь «Чесмесским боем», проза Чулкова — тремя повестями и предуведомлением к «Пересмешнику», теоретические труды Ломоносова — отрывками из «Риторики» и «Предисловием о пользе книг церковных в российском языке». При этом составитель рассчитывал, что в случае необходимости читатель найдет отрывки из «Россияды» Хераскова, «Пригожую повариху» Чулкова, «Письмо о пользе стекла», «Тамиру и Селима» М. В. Ломоносова, «О качествах сти-

хотворца рассуждение» (приписывавшееся Ломоносову, но принадлежащее Г. Н. Теплову) в хрестоматии Кокорева, которая в большинстве вузов имеется в достаточном числе экземпляров.

Здесь пересмотрен и уточнен текст ряда произведений, напечатанных в предшествующей хрестоматии по неверным копиям, малоавторитетным редакциям и т. п. Проверены даты, изменена композиция внутри некоторых разделов. Время создания произведения указывается после его текста, даты предположительные сопровождаются знаком вопроса. В угловых скобках значится год, не позднее которого произведение было создано. Двойные даты, разделенные запятой, указывают на наличие двух редакций (текст печатается при этом по последней переработке).

Из крупных явлений литературы до 1775 г. не представлено в хрестоматии раннее творчество Д. И. Фонвизина, ибо оно войдет во вторую часть, посвященную литературе последней четверти XVIII в. Однако составитель счел необходимым в виде исключения внести в первую часть «Бой стихотворцев» Я. Б. Княжнина (чье творчество вообще будет представлено во второй части), так как эта литературно-полемическая поэма теснейшим образом связана с общественно-литературной борьбой середины 1760-х годов и многое в этой борьбе проясняет.

Что касается общей композиции предлагаемой хрестоматии, то она отчасти приближена к тому типу пособий, который уже в течение ряда лет выпускает издательство «Просвещение». Следует при этом иметь в виду, что статьи С. Г. Домашнева и М. М. Хераскова предваряют художественные произведения группы литераторов, условно говоря, «херасковского круга» — до И. Ф. Богдановича включительно, хотя у каждого из членов этой группы есть и свои собственные высказывания по вопросам художественного творчества, также в большей или меньшей степени представленные в хрестоматии.

Внутри разделов произведения расположены, как и в хрестоматии Кокорева, в хронологическом порядке, с учетом жанровых различий. Крупные произведения, как правило, даны в сокращении либо в отрывках. Тексты приближены к современной орфографии в соответствии с правилами, принятыми в современных научно-популярных изданиях. Однако в некоторых случаях, когда это представлялось более или менее существенным, оставлены написания типа «доброй» (вместо «добрый»), «произведении» (вместо «произведения») и пр.

Биографические заметки и примечания историко-библиографического характера сосредоточены в конце книги как приложение. Мелкие примечания, необходимые для верного понимания данного текста, помещены в сносках, причем означенные звездочкой принадлежат автору произведения, а цифрами — составителю. Античная мифология в данной хрестоматии, как правило, не поясняется вообще,— как в связи с наличием ряда соответствующих словарей и энциклопедий, так и потому, что в вузах курс античной литературы предшествует русской литературе XVIII в. Устаревшие и малоупотребительные слова, которые могут быть объяснены вне контекста, вынесены в особый словарь, заключающий книгу.

ЛИТЕРАТУРА ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

«ВЕДОМОСТИ»

ИЗ № 1 ЗА 1703 г.

На Москве вновь ныне пушек медных, гоубиц и мартиров вылито 400. Те пушки ядром по 24, по 18 и по 12 фунтов. Гоубицы бомбом пудовые и полупудовые. Мартиры бомбом девяти-, трех- и двупудовые и меньше. И еще много форм готовых, великих и средних к литью пушек, гоубиц и мартиров. А меди ныне на пушечном дворе, которая приготовлена к новому литью, больше 40 000 пудов лежит.

Повелением его величества московские школы умножаются, и 45 человек слушают философию и уже диалектику окончили.

В математической штюрманской школе больше 300 человек учатся и добре науку приемлют.

На Москве ноября с 24 числа по 24 декабря родилось мужеска и женска полу 386 человек.

Из Персиды пишут. Индейский царь послал в дарах великому государю нашему слона и иных вещей немало. Из града Шемахи отпущен он в Астрахань сухим путем.

Из Казани пишут. На реке Соку нашли много нефти и медной руды, из той руды медь выплавили изрядну, от чего чают немалую быть прибыль Московскому государству.

Из Сибири пишут. В Китайском государстве иезуитов вельми не стали любить за их лукавство, а иные из них и смертию казнены.

Из Олонца пишут. Города Олонца поп Иван Окулов, собрав охотников пеших с тысячу человек, ходил за рубеж в свейскую границу и разбил свейские Ругозенскую, и Гиппонскую, и Сумерскую, и Керисурскую заставы. А на тех заставах шведов побил многое число и взял рейтарское знамя, барабаны и шпаг, фузей и лошадей довольно, а что взял запасов и пожитков он, поп, и тем удовольствовал солдат своих. А достальные пожитки и хлебные запасы, коих не мог забрать, все пожег. И Соловскую мызу сжег и около Соловской многие мызы и деревни, дворов с тысячу, пожег же. А на вышеписанных заставах, по сказке языков, которых взял, конницы шведской убито 50 человек, пехоты 400 человек; ушло их конницы 50, пехоты 100 человек, а из попова войска только ранено солдат два человека.

На Москве 1703 генваря в 2 день

ИЗ № 22 ЗА 1704 г.

Из Нарвы пишут августа в 21 день. Нынешнего августа в 9 день славный и крепкий город Нарва (Ругодев) с божиею помощию воинством благочестивейшего нашего государя взят в три четверти часа приступом, хотя неприятель подкопом наших некую часть и подорвал, однакож солдатов тем устрашить не мог, потом в другую, старую крепость неприятель вбежал и бил шамад (сдачу),

дабы окорд (договор) или хотя бы пардон (милость) получить, по солдаты наши того и слышать не хотели и в тот час и во оную крепость ворвались, а потом и в самый замок, где неприятелю такой трактамент (потчевание) учинили, что и младенцев немного на сей свет пустили. Сей штурм милостию вышнего дивно окончился, потому что наших на всем штурме меньше трехсот человек упало. А чего колько в сем городе завоевано и колько неприятельских людей побито, и о том будет впредь ведомость.

На Москве лета господня 1704 августа в 22 день

ПРИКЛАДЫ, КАКО ПИШУТСЯ КОМПЛИМЕНТЫ РАЗНЫЕ

(Отрывок)

ПОЗДРАВИТЕЛЬНОЕ ПИСАНИЕ К ЖЕНСКОМУ ПОЛУ В ДЕНЬ ИМЕНИН

Моя госпожа! Понеже я не сумневаюся, что вы в сей радостный день, который ваше высокодрагое имя представляет, на многие изустные поздравительные комплименты отвещать имети будете, то я тако бесчастен есмь, что ради отлучения моего поздравления прочим не могу присовокупить, однако же уповаю, что вам не неприятно будет, егда я письменно объявлю, како меня увеселил дорогой день тезоименитства, и притом должнейшее мое поздравление к вам в сих малых строках чрез почту посылаю. Бог да подаст, дабы вы еще многократно такового достопамятного дня при всегда умножающемся счастии дожити сподобились и, егда оный паки случится, чтоб нам тогда вас от некоторого изрядного любезного обязану видети; ныне же я, яко ваш преданный слуга, дерзаю вас, мою госпожу, чрез присланный при сем малый поминок перевезать в той надежде, что вы сицевое[1] склонным сердцем восприимете и меня впредь приязни своей рекомендованна быть допустите, яко же и я против того при всех данных случаях себя в деле изъявити не оставлю. Ваш моей госпожи послушный.

<1708>

ЮНОСТИ ЧЕСТНОЕ ЗЕРЦАЛО

(Отрывки)

В-первых, наипаче всего должни дети отца и матерь в великой чести содержать. И когда от родителей что им приказано бывает, всегда шляпу в руках держать, а пред ними не вздевать, и возле их не садитися, и прежде оных не заседать[2], при них во окно всем телом не выглядывать, но все потаенным образом с великим почтением не с ними в ряд, но немного уступя позади оных в стороне стоять, подобно яко паж некоторый или слуга. В доме

---

[1] Таковое.

[2] Усаживаться, садиться.

ничего своим именем не повелевать, но именем отца или матери, от челядинцев просительным образом требовать, разве что у кого особливые слуги, которые самому ему подвержены бывают, для того, что обычайно служители и челядинцы не двум господам и госпожам, но токмо одному господину охотно служат. А окроме того, часто происходят ссоры и великие между ими бывают от того мятежи в доме: так что сами не опознают, что кому делать надлежит.

Дети не имеют без именного приказу родительского никого бранить или поносительными словами порекать. А ежели то надобно, и оное они должны учинить вежливо и учтиво.

У родителей речей перебивать не надлежит, и ниже прекословить, и других их сверстников в речи не впадать, но ожидать, пока они выговорят. Часто одного дела не повторять, на стол, на скамью или на что иное не опираться и не быть подобным деревенскому мужику, который на солнце валяется, но стоять должни прямо.

Без спросу не говорить, а когда и говорить им случится, то должни они благоприятно, а не криком и ниже с сердца или с задору говорить, не яко бы сумасброды. Но все, что им говорить, имеет быть правда истинная, не прибавляя и не убавляя ничего. Нужду свою благообразно в приятных и учтивых словах предлагать, подобно якобы им с каким иностранным высоким лицом говорить случилось, дабы они в том тако и обыкли.

Неприлично им руками или ногами по столу везде колобродить, но смирно ести. А вилками и ножиком по торелкам, по скатерти или по блюду не чертить, не колоть и не стучать, но должни тихо и смирно, прямо, а не избоченясь сидеть.

Когда родители или кто другий их спросят (позовут), то должни они к ним отозваться и отвещать тотчас, как голос послышат. И потом сказать: «что изволите, государь батюшко» или «государоня матушка», или: «что мне прикажете, государь», а не так: «что, чего, што, как ты говоришь, чего хочешь». И не дерзостно отвещать: «да, так», и ниже вдруг наотказ молвить: «нет»; но сказать: «так, мой сударь, слышу, государь; я выразумел, государь, учиню так, как вы, государь, приказали». А не смехом делать, якобы их презирая и не слушая их повеления и слов, но исправно примечать все, что им говорено бывает, а многажды назад не бегать и прежнего паки вдругорядь не спрашивать.

Когда им говорить с людьми, то должно им благочинно, учтиво, вежливо, разумно, а не много говорить; потом слушать и других речи не перебивать, но дать все выговорить и потом мнение свое, что достойно, предъявить. Ежели случится дело и речь печальная, то надлежит при таких быть печальну и иметь сожаление. В радостном случае быть радостну и являть себя весела с веселыми. А в прямом деле и в постоянном быть постоянну, и других людей рассудков отнюдь не презирать и не отметать, но ежели чие мнение достойно и годно, то похвалять и в том соглашаться; ежели же которое сумнительно, в том себя оговорить, что в том

ему рассуждать не достойно. А ежели в чем оспорить можно, то учинить с учтивостию и вежливыми словами и дать свое рассуждение на то, для чего. А ежели кто совету пожелает или что поверит, то надлежит советовать сколько можно и поверенное дело содержать тайно...

Всегда время пробавляй в делах благочестных, а празден и без дела отнюдь не бывай, ибо от того случается, что некоторые живут лениво, не бодро, а разум их затмится и иступится, потом из того добра никакого ожидать можно, кроме дряхлого тела и червоточины, которое с лености тучно бывает.

Младый отрок должен быть бодр, трудолюбив, прилежен и беспокоен, подобно как в часах маятник, для того что бодрый господин ободряет и слуг, подобно яко бодрый и резвый конь учиняет седока прилежна и осторожна. Потому можно отчасти, смотря на прилежность и бодрость или радение слуг, признать, како правление которого господина состоит и содержится. Ибо не напрасно пословица говорится: «Каков игумен, такова и братия»...

Младый шляхтич, или дворянин, ежели в ексерциции (в обучении) своей совершен, а наипаче в языках, в конной езде, танцовании, в шпажной битве и может добрый разговор учинить, к тому ж красноглаголив и в книгах научен, оный может с такими досуги прямым придворным человеком быть.

Прямый придворный человек имеет быть смел, отважен и не робок, а с государем каким говорить с великим почтением. И возможет о своем деле сам предъявлять и доносить и на других не имеет надеятися. Ибо где можно такого найти, который бы мог кому так верен быть, как сам себе. Кто при дворе стыдлив бывает, оный с порожними руками от двора отходит. Ибо когда кто господину верно служит, то надобно ему верная и надеждная награда. А кто ища милости служит, того токмо милосердием награждают. Понеже никто ради какой милости должен кому служить, кроме бога. А государю какову ради чести и прибыли и для временной милости.

Умный придворный человек намерения своего и воли никому не объявляет, дабы не упредил его другой, который иногда к тому ж охоту имеет...

Отрок должен быть весьма учтив и вежлив, как в словах, так и в делах: на руку не дерзок и не драчлив, также имеет оный стретившего, на три шага не дошед и шляпу приятным образом сняв, а не мимо прошедши, назад оглядываясь, поздравлять [1]. Ибо вежливу быть на словах, а шляпу держать в руках не убыточно, а похвалы достойно. И лучше, когда про кого говорят: «он есть вежлив, смиренный кавалер и молодец», нежели когда скажут про которого: «он есть спесивый болван»...

Младые отроки должни всегда между собою говорить иностранными языки, дабы тем навыкнуть могли,— а особливо, когда им

---

[1] Здороваться, желать здравия.

что тайное говорить случится, чтоб слуги и служанки дознаться не могли и чтоб можно их от других незнающих болванов распознать: ибо каждый купец товар свой похваляя продает как может...

Молодые отроки не должни носом храпеть, и глазами моргать, и ниже шею и плеча, яко бы из повадки, трясти, и руками не шалить, не хватать или подобное неистовство не чинить, дабы от издевки не учинилось вправду повадки и обычая, ибо такие принятые повадки младого отрока весьма обезобразят и остыжают так, что потом в домех, их пересмехая, тем дражнят...

Непристойно на свадьбе в сапогах и острогах[1] быть и тако танцевать, для того что тем одежду дерут у женского полу и великий звон причиняют острогами, к тому ж муж не так поспешен в сапогах, нежели без сапогов.

Такожде когда в беседе или в компании случится в кругу стоять, или сидя при столе, или между собою разговаривая, или с кем танцуя, не надлежит никому неприличным образом в круге плевать, но на сторону. А ежели в каморе[2], где много людей, то прийми харкотины в платок, а так невежливым образом в каморе или в церкви не мечи на пол, чтобы другим от того не сгадить, или отъиди для того к стороне (или за окошко выброси), дабы никто не видал, и подотри ногами так чисто, как можно...

И сия есть немалая гнусность, когда кто часто сморкает, яко бы в трубу трубит, или громко чхает, будто кричит, и тем в прибытии других людей и в церкви детей малых пужает и устрашает.

Еще же зело непристойно, когда кто платком или перстом в носу чистит, яко бы мазь какую мазал, а особливо при других честных людех.

Како младый отрок должен поступать, когда оный в беседе с другими сидит

Когда прилучится тебе с другими за столом сидеть, то содержи себя в порядке по сему правилу: в-первых, обрежь свои ногти, да не явятся якобы оные бархатом обшиты. Умой руки и сяди благочинно, сиди прямо и не хватай первый в блюдо, не жри, как свиния, и не дуй в ушное[3], чтоб везде брызгало, не сопи, егда яси, первый не пий, будь воздержен и бегай пьянства, пий и яждь, сколько тебе потребно, в блюде будь последний. Когда что тебе предложат, то возьми часть из того, прочее отдай другому и возблагодари ему. Руки твои да не лежат долго на талерке, ногами везде не мотай. Когда тебе пить, не утирай (рта) губ рукою, но полотенцем, и не пий, пока еще пищи не проглотил. Не облизывай перстов и не грызи костей, но обрежь ножом. Зубов ножом не чисти, но зубочисткою, и одною рукою прикрой рот, когда зубы чистишь; хлеба приложа к грудям не режь, ешь, что пред тобою ле-

[1] Шпорах.
[2] Комнате.
[3] В суп, похлебку.

жит, а инде не хватай. Ежели перед кого положить хощешь, не примай перстами, как некоторые народы[1] ныне обыкли. Над ествою не чавкай, как свиния, и головы не чеши; не проглотя куска, не говори, ибо так делают крестьяне. Часто чихать, сморкать и кашлять непригоже. Когда яси яйцо, отрежь напредь хлеба и смотри, чтоб при том не вытекло, и яждь скоро. Яишной скорлупы не разбивай и, пока яси яйцо, не пий; между тем не замарай скатерти и не облизывай перстов, около своей талерки не делай забора из костей, корок хлеба и прочего. Когда престанешь ясти, возблагодари бога, умой руки и лицо и выполощи рот.

<1717>

ГИСТОРИЯ О РОССИЙСКОМ МАТРОСЕ ВАСИЛИИ КОРИОТСКОМ И О ПРЕКРАСНОЙ КОРОЛЕВНЕ ИРАКЛИИ ФЛОРЕНСКОЙ ЗЕМЛИ

В Российских Европиях некоторый живяше дворянин, имяше имя ему Иоанн, по малой фамилии Кориотской. Имел у себя сына Василия, лицем зело прекрасна. А оной дворянин в великую скудость прииде и не имеяше у себя пищи.

Во едино же время оной же его сын рече отцу своему: «Государь мой батюшко! Прошу у тебе родительского благословления, изволь мене отпустить в службу: то мне будет в службе даваться жалованья, от которого и вам буду присылать на нужду и на прокормления». Выслушав же отец его и даде ему благословление, отпустя от себе. Василий же, взяв от отца своего благословление, прииде в Санктпетербурх и записался в морской флот в матросы. И отослали его на корабль по определению.

На корабле прибываше по обыкновению матросскому зело нелестно и прочих всех матросов в науках пребываше. И всем персонам знатным во услужении полюбился, которого все любили и жаловали без меры. И слава об нем велика прошла за его науку и услугу, понеже он знал в науках матросских вельми остро: по морям, где острова и пучины морские, и мели, и быстрины, и ветры, и небесные планеты, и воздухи. И за ту науку на кораблях старшим пребывал и от всех старших матросов в великой славе прославлялся.

Во едино же время указали маршировать и отбирать младших матросов за моря в Галандию, для наук арихметических и разных языков; токмо оного Василия в старших не командировали с младшими матросами, и оставлен был в Кранштате. Но токмо он по желанию своему просился, чтоб его с командированными матросами послать за моря в Галандию для лучшего познания наук. По его прошению был командирован с прочими матросами, отпущен за моря в Галандию с младшими матросами.

По отбытии из Кранштата, по некоторых днех прошедших, прибыли в Галандию матросы на кораблях и с ними Василий Ко-

[1] Люди.

риотской. В Галандии учинили им квартеры и поставлены были все младшие матросы по домам купецким. А ему, Василию, за его услуги и за старшинство,— к знатному и богатому гостю в дом поставили равно штатами. И оной матрос Василий у гостя стоял вельми смирно и слушал его во всем. И оной галанской гость усмотрел его в послушании и в науках зело остро и зело возлюбил, и послал его на своих кораблях с товарами в Англию, которому лучше всех своих приказчиков стал верить, и во всем ему приказывал, и деньги и товары ему вручил.

И как в Англию с кораблями пришли, то товары, по обычаю купецкому объявя, все испродав, и принадлежащие в Галандию товары на корабль (взял) и поехал обратно. В которой он, Василий, посылке великой прибыток гостю галанскому присовокупил, тако ж и накупи всякия восприял. И знатен был в Англии и в Галандии от всех знатных персон. И по прибытии в Галандию ко отцу своему в Россию чрез вексель послал четыре тысячи ефимков златых двухрублевых, которые отец его и получил. И писал к нему, чтоб он к нему приехал повидаться, ко отцу своему, и благословление принять.

А как урочной термин пришел, чтоб ученикам-матросам маршировать в Санктпетербурх, в Россию, то все матросы поехали, а Василия Кориотского оной гость нача просити, чтоб в Россию не ездил, понеже он, гость, его, Василия, возлюбил, яко сына родного. Но токмо он, Василий Кориотской, нача от гостя проситися в дом ко отцу для свидания и объявил ему, что отец его в великой находится в древности; то он, гость, его приятно увещевал, дабы от него не отлучился, и обещался во всем, яко родного сына, наследником учинить. И рече оной гость: «Любезнейший мой российский матрос, нареченный мой сын, изволь хотя еще чрез вексель послать ко отцу своему от имения моего, токмо ты, мой дражайший, не отлучайся от мене». Слышав же он, Василий, от него, зело прослезился и любезно просился, чтоб его ко отцу в Россию отпустил взять благословление, и обещался к нему обратно быть. Видев же гость несклонную его просьбу, и просил его, чтоб он во Францию (сходил и когда) возвратится, то обещал его в дом отпустить. По которому прошению он, Василий, не ослушався оного гостя, взяв корабли и убрався с товары, и отыде во Францию. И во Франции был два годы, испродав товары, возвратился в Галандию и учинил оному гостю великой прибыток в хождении своем, что оной гость никогда такого прибытка не видал и сердечно его возлюбил.

Но токмо он, Василий, нача еже с прилежанием в Россию ко отцу своему проситься. И видев гость его несклонную просьбу, и по желанию его уволил ему ехать в Россию. И даде ему оной гость три корабля с разными товарами и суммы своей денежной казны довольно. И просил его, чтоб, быв у отца своего, к нему возвратился, и отпустил его с великою печалию. И оной матрос Василий Кориотской, приняв корабли и работников-матросов и подняв пару-

сы, побежали к Российской Европии. И по отбытии на кораблях оной Василий, взяв тысячу червонцев, и зашил в кафтан свой в клинья тайно, чтоб никто не знал, для всякой приключающейся нужды.

И минувших семи днех, как корабли из Галандии поплыли, воста велия и некротимая буря, яко всему морю разлиятися, с песком смутитися, и корабли все врознь разбишася. И на котором корабле был Василий, и оной корабль волнами разбит, и люди все утопоша. Токмо божиею помощию единого Василия на доске корабельной прибило к некоему великому острову. И от великого ужаса пав на землю, яко мертв. А как волны утишилися, два корабля, видевше, что корабль, на котором был Василий, разбиен был весь, и чаяли, что и Василий утопоша в волнах морских, возвратишася назад в Галандию и поведоша гостю о приключившемся несчастии. Слышав же, гость вельми нача плакати и тужить не о кораблях и не о товаре, но о Василии Кориотском.

И как он, Василий, от великого ужаса, лежа на острове, очнулся и взыде на остров, и велие благодарение воздав богу, что его бог вынес на сухое место живого: «Слава тебе, господи боже, небесный царю и человеколюбче, яко не остави мя грешного, за грехи моя погубити, в водах морских погрузнутися».

Потом, стоящу ему на острове, много мысляще и осмотряющеся семо и овамо, в которые страны принесло и какой остров. Токмо хотя и много время по морям ходил, а такого острова не видал, понеже на оном острове великой и непроходимой лес, и великие трясины, и болота, что от моря никуды и проходу нет. А уже ему есть зело хотелось, а хотя у него червонцы были зашиты в клиньях в кафтане, токмо негде и не у кого было (купить), и помощи ему в них никакой не было. И ходя по брегу на многие часы, усмотрел, как бы ему куда пройтить к жилищу, и хотя нашел маленькую тропку в лес и истси (?), яко хождение человеческое, а не зверское. И о том размышлял, какая та стежка: ежели пойти, то зайти неведомо куда. И потом размышлял на долг час, и положась на волю божью, пошел тою стежкой в темной лес тридцать верст к великому буераку. Виде великой, огромной двор, поприща на три, весь кругом стоящим тыном огорожен. И подошел ко двору близко к воротам, и те вороты крепко заперты. И хотел посмотреть на двор, токмо скважины не нашел, и страхом обдержим и убоялся. Помышлял о том, что, конечно, зашел к разбойникам, и думал, как сказаться; ежели сказаться добрым человеком, то убьют; ежели сказаться разбойником, то в разбоях не бывал. А в том дворе великой шум и крик, и в разные игры играют. И вздумал сказаться разбойником, и нача у ворот крепко толкаться. То оные услышали, вскорости вороты отворили и спроша его, что за человек и откуда. Видев же Василий, что разбойники и множество их народа стояще, играюще в разные игры и музыки, пьяных, то ответствовал им Василий: «Аз есмь сего острова разбойник, един разбивал плавающих по морю». И оные разбойники взяша и приведо-

ша его ко атаману. Атаман же, видев его, молодца удалого и остра умом, и зрачна, лицем прекрасна, и осанкою добра зело, нача его вопрошати: «Чего ради пришел к нам?» Василий же рече, яко «единому мне жити скушно. И слышав вас, в сем острове живущих и весело играющих, того ради к вам приидох. И прошу, чтобы вы меня в товарыщи приняли». И атаман приняв его, и определил к разбойникам в товарыщи.

Минувшу же дни поутру рано прибежал от моря есаул их команды и объявил: «Господин атаман, изволь командировать партию молодцов на море, понеже по морю едут галеры купецкие с товары». Слышав то, атаман закричал: «Во фрунт!» То во едину часа минуту все вооружишася и сташа во фрунт. Токмо российский матрос Василий един стоит без ружья особо, понеже не определен. Тогда разбойники реша атаману: «Что наш новоприемный товарищ стоит без ружья и не в нашем фрунте? Извольте приказать оружия выдать». И атаман вскоре повеле ему оружия выдать и во фрунт встать. И оной матрос, хотя того не желал, но токмо чрез боязнь взяв оружия и стал во фрунт. И при командировании стал Василий просить атамана: «Господин атаман и вы все, молодцы-товарыщи, прошу вас, пожалуйте, увольте меня одного на добычу, понеже я извык один разбивать и хочу вам прибыль принесть». То слышав, атаман и все разбойники реша: «Отпустим его одного и посмотрим прибыли от него». И по командировке разбойники поехали на три партии, а Василия единого отпустили. Тогда матрос Василий пошел на морскую пристань и не желаше разбивать, но токмо смотрел того, как бы ему путь сыскать. И пришел на берег моря, взираше семо и овамо, не идут ли паки суда, чтоб ему уехать. И смотрел, ходя по берегу, весь день, токмо никого не видал. И в великую печаль впаде, нача горько плакати и рыдати, господа бога на помощь призывати, чтоб его господь вынес из рук разбойнических. И в том размышлении и великой печали уснул крепким сном на берегу моря. И сном крепким спал, что уже нощь. И нача думати, с чем ему показаться, что добычи никакой не получил. И вспомнил, что у него в кафтане в клиньях зашиты червонцы, и, распоров, вынел сто червонцев и завязал в платок шелковой. И пришел ко атаману, и предложил пред него червонцы, и сказал, что «некоторые люди в малом судне плыли и только у них было, которая вам предъявляю». Видев же атаман и все разбойники, зело тому начаша дивитися, и все же его хвалили. И после того еще его отпускали одного на разбой дважды, и он к ним приносил по двести червонцев, которыя его добычи как атаман, и все разбойники зело дивились, что счастлив.

Во едино же время соидошася все разбойники и начаша думать о российском матросе, чтоб его поставить во атаманы, понеже видев же его, молодца удалого и остра умом. И приидоша все ко атаману к старому и начаша ему говорить: «Господин наш атаман, изволь свое старшинство сдать новоприемному нашему товарыщу, понеже твое управление к нам худо. Изволь с нами быть в рядо-

вых, и которая наша казна, извольте с рук сдать». Тогда атаман им отвещал: «Братцы-молодцы, буди по воле вашей». И все единогласно российскому матросу Василию реша: «Буди нам ты атаман, изволь нашу казну всю принять и нами повелевать». Тогда отвеща им Василий: «Братцы-молодцы, пожалуйте, оставьте меня от такого дела, понеже я атаманом не бывал. Рад бы с вами в товарищах быть, а атаманского управления не знаю». И нача пред ними горько плакати. Разбойники же, его зело видя плачущего, все, яко звери, единогласно российскому матросу Василию реша: «Буди ты нам атаман, изволь нашу казну всю принять и нами повелевать». Отвеща к ним Василий: «Братцы-молодцы, пожалуйте, оставьте мене от такого дела, понеже я атаманом не бывал, рад бы с вами в товарищах быть, атаманского управления не знаю». И нача пред ними горько плакати. Разбойники же, видевше его зело плачуща, все, яко люты звери, единогласно закричали: «Ежели ты атаманом быть не желаешь, то сего часу мы тебе изрубим в пирожные части!» Видев же, Василий зело убояшася, чтоб от них не быть и вправду убиту, глаголя им: «Буди по воле вашей, токмо прошу вас: будите во всем меня послушны». Тогда все единогласно реша: «Господин наш атаман! Во всем слушать будем». И старой атаман отдаде ему ключи и поведе его по погребам. Видев же Василий казны великое множество, злата и сребра, и драгих камениев, и всяких драгих парчей, яко умом человеческим невозможно описать все суммы, и оную всю сумму принял. И ключи Василию разбойники отдали и стали его поздравлять: «Здравствуй, наш господин атаман, на многие лета!» И начаша пити и веселитися про его здравье, и во всякие игры играть. Потом реша ему: «Господин атаман! Изволь с нами идти до некоторого чулана». И как к тому чулану приидоша, то и ключи ему даша от него, точию реша ему: «Господин атаман! Изволь ключи принять, а без нас во оной чулан не ходить, а ежели без нас станешь ходить, а мы сведаем, то тебе живу не быть». Видев же Василий: оной чулан устроен зело изрядными красками и златом украшен, и окны сделаны в верху оного чулана, и рече им: «Братцы-молодцы! Извольте верить, что без вас ходить не буду. И в том даю свой пороль».

И в то время прибежал от моря есаул, и разбойники сказали ему, что у нас атаман новой. И он, подшед к нему, отдал поклон и стал его поздравлять и говорить ему: «Господин атаман! Изволь сего часу отправлять всех молодцов на добычу, понеже по морю четыре корабля купецкие из Ландона плывут». Тогда новый атаман Василий крикнул великим гласом: «Молодцы удалые, во фрунт!» И все разбойники, единым оком мгнуть, все во фрунт стали, и Василий нарошно пред ними, яко бы что знает волшебное, взяв два замка большие, привязал к ногам своим и около всех разбойников три раза обежал, заговаривая им оружия. Нога об ногу замками постукал и, обшед их, поклонился и выставил бочку вина, всем по ковшу поднес. Тогда все разбойники между собою реша: «Хорош, братцы, наш атаман новой, лучше старого! Мы сами

видим и знаем, что замками крепко заговаривает и для бодрости по чарке вина поднес. А старой атаман был дурак, как и был в атаманах, заговоров не знал и в отпусках нам никогда вина пить не давал». И весьма во отпуске им полюбился. И поехали на добычу в смелости, в надежде его заговору замками страсти никакой не возымели.

И как спустя их на добычу, думал сам, что у них в чулане имеется, понеже всю сумму сдали, а в этот чулан ходить не велели, хотя ключ у него. И недолг час размышлял и осмелился отпереть чулан и дверь отворить. И виде девицу зело прекрасну, в златом одеянии королевском одету, яко той красоты во всем свете сказать невозможно. И как увиде Василий, паде от ее лепоты на землю, яко Лодвик[1], королевич рахлийский, токмо не так, как Лодвик, себя отягчил любовию склонною и в любовь впаде. Сей Василий, став на коленки, рече: «Государыня, прекрасная девица, королевна! Ты роду какова и како сими разбойниками взята?» И отвеща девица: «Изволь, милостивый государь, слушать, я тебе донесу. Аз есмь роду королевского, дочь великого короля флоренского. А имя мое — Ираклия. Токмо едина была у отца своего дочь. И уже тому два года, пришли морем в наша государства из Европии кораблями российские купцы, и я в то время гуляла с девицами в шлюпках и смотрела российских товаров и всяких диковинок. И как мы на шлюпках от кораблей поплыли, то оные разбойники набежали в буерах, и всех гребцов у нас побили, и девиц в море побросали. Мене едину в сей остров увезоша и держат по сие время, что между ими великая распря: тот хочет взять себе, а другой не дает. И за тем спором хотят мене изрубить. И я пред ними горько плакати». И стала его вопрошать: «Молю тя, мой государь, ваша фамилия како, сюда зайде из которого государства? Понеже я у них, разбойников, до сего часу вас не видала и вижу вас, что не их команды, но признаю вас быть некоторого кавалера». Тогда Василий нача ей о себе сказывать: «Изволь ведать, государыня королевна, что я Российской Европии, послан для наук в Галандию. И так был почтен от галанского купца, от которого ходил с товарами в Англию и во Францию на кораблях, и оттуда возвратился, и велики ему учинил прибытки, почтен был вместо сына родного. Потом просился я у оного гостя в дом ко отцу своему. По некоторому прошению был уволен, и дано мне было три корабля с товарами, и чтоб, быв у отца своего, возвратиться назад, в Галандию. И по отбытии из Галандии семь дней на море были благополучно, а потом заста великая буря и корабли все разбило, и меня единого в сей остров на доске корабельной принесло. В котором разбойников обрел и поставлен от них атаманом, чего не желал, доношу вам, изволь верить: ежели меня бог вынесет от них, то и тебе не оставлю. Токмо прошу не промолвиться им, что я у вас был». Королевна же, слышав от него, паде на коленки и нача его

[1] Герой популярной переводной повести об Александре и Лодвике.

целовать любезно и просить, чтоб ее он не оставил, как сам пойдет. Василий же с клятвою обещался не оставить, и запер чулан, и отыде в великой печали.

Потом разбойники приехавши с добычи, и он их встретил по обычаю атаманскому, и все ему веселым образом отдали поклон и объявили, что его счастием три корабля и семь галер италианских разбили и великую сумму казны получили и товаров. И начаша ясти и пити в великом веселии, что его крепким заговором великие получили прибыли. Потом реша ему: «Господин наш атаман, изволь приказать на блюды хороших яств положить и ключи возьми от заповедного чулана». Пришли, и отпер, и видех королевну, и введе к разбойникам, и кушанья велел поставить на уборной стол, а сам плюнул и вон пошел в свой покой. Виде же разбойники, что он на королевну нимало не стал смотреть, и реша к себе: «Зрите ли, братцы-молодцы, каков наш атаман, что женской пол не хощет смотреть; не как наш прежний атаман,— все глаза растерял. И можно верить во всем господину новому нашему атаману». И с того времени наипаче стали верить. И как он их на добычу не отпускал, и во отпусках его великие прибытки были. И отпускал их на городки португальские и других земель. И его счастием везде без урону и с великим прибытком приезжали. А как их ни отпустит, то всегда к королевне хаживал, и думали, как бы от них уйти.

Во едино же время нача говорить Василий всем разбойникам, чтоб пошили великие сумы порознь разбирать злато и сребро и драгие каменья сыпать в сумы. И по его приказу нашили множество сум, и начаша разбирать все порознь и в сумы сыпать. И как все разобраша, то атаман рече им: «Братцы-молодцы! Приведите мне коня, и я поеду по острову, погуляю». Они же тотчас приведоша коня к нему и оседлаше драгим убором. Василий же ездил весь день по острову сему, но токмо кругом моря, а сухого пути следу нет. И узрев на одной стороне — пристают рыболовы. Он же их спрашивает, что из которого государства. Они же ему сказаша, что из Цесарского государства [1]. «А приезжаем сюда для продажи в сем острове живущим разбойникам рыбы». А того они не ведали, что их атаман. Он же рече им: «Братцы-молодцы! Пребудьте здесь два дни, и я вам дам великую плату. Вывезите меня до цесарских почтовых буеров». Они же обещалися подождать.

Потом приехал атаман Василий к разбойникам в великом веселии. Они же тотчас у него коня приняли и с честию его приведоша до горницы, и начаша все пити и веселитися. И как ночь прошла, то Василий тотчас велел всем собраться во фрунт. Как скоро все во фрунт собрались, то он нача к ним говорить: «Братцы-молодцы! Вчерашнего числа я видел на море корабли плывут, семь кораблей с Португалии. Извольте за ними гнать, а я признаю, что купецкие». И они тотчас все поехали в буерах.

Матрос же Василий, тотчас взяв двух коней и собрав роспус-

---

[1] Из Австрии.

ки[1] и наклав сум с златом и сребром и драгими камениями, елико мощно было двум коням везти. И пришел к королевне и ее взял с собою. Тотчас поехали к морю, где рыбаки цесарские. И убрався в их судно и с королевною, и злато и сребро взяша, а коней на берегу оставиша, и на гребках поплыша морем к пристани, от которой пристани к Цесарии почтовые буеры бегают.

И в то время разбойники вскоре возвратишася ко двору своему и не обретоша атамана, также и королевны, тотчас бросившася на море к той пристани, где рыбаки пристают. И увидевше коней и роспуски, тотчас в малых суднах в погоню погнаша. А рыболовы уже морем далеко гребут, что насилу можно в трубку человеку видеть. Разбойники же уже начаша догонять и великим гласом кричать: «Стойте, сдайте нам сих людей, а не отдадите, то мы вас живых не пустим!» Рыболовы же убояшася и хотели возвратиться к ним. Василий же, выняв свою шпагу, и пихнул одного в море, а другим рече: «Аще возвратитеся, то всех вас побью и в море побросаю!» Они же убояшася и начаша елико мочно вдоль морем угребать. И по их счастию воста поносной[2] ветр, и они подняли маленькие парусы и поплыша, из виду вон ушли. А у разбойников парусов нет. И тако возвратишася разбойники в великой печали. Потом приплыша рыболовы с российским матросом и с королевною на почтовую пристань. Тогда Василий, вышед из судна и все имения выбрав, и тем рыболовам дал едину суму злата. И они, рыболовы, той казне вельми были ради и обещались рыбы по морю не ловить и к тому острову разбойническому не ездить. А Василий нанял почтовое судно до Цесарии, в которое убравшись и с королевною Ираклиею, и поехали морем до Цесарии. И приехали в Цесарию благополучно, и за наем по договору деньги заплатил.

(В Цесарии Василий с великою славою принят цесарем, который назвал его братом. Прибывший на поиски Ираклии адмирал Флоренского государства обманом увозит королевну, Василия же приказывает утопить, однако благодарные российскому матросу за щедрость флоренские офицеры кладут Василия в лодку. Узнав о коварстве адмирала и мнимой смерти Василия, цесарь отправляет во Флоренское государство войско во главе с генералом Флегонтом. Василия в лодке прибило к маленькому острову, откуда старый рыболов переправляет его во Флоренское государство, где Василий нанимается рубить дрова и носить воду в богадельне у некоторой старухи. Адмирал же под угрозой смерти вынудил Ираклию присягнуть, что она скажет отцу и матери, якобы он ее из Цесарии «боем взял».)

По прошествии же трех месяцев, как Василий во Флоренцию приде, прибыл флоренский адмирал и с прекрасною Ираклиею на пристань. И начаша из пушек палить, и в барабаны бить, и во всякие игры играть. Тогда уведал король флоренской, что адмирал его

[1] Повозки (или сани).
[2] Попутный.

дочь, прекрасную королевну Ираклию, привез. Тотчас и с королевою своею на пристань поехал, и, увидевше дочь свою, от радости начаша горько плакати. А королевна с печали насилу вышла и ни о чем не говорит, лицом помрачена. Видевше отец ее и мать, начаша горько плакати и говорить: «Государыня наша, любезная дщерь, прекрасная королевна! Или ты недомогаешь, что ты видом очень печальна?» Она же, вздохнув жалостно, и нача плакати, и рекла: «Государь мой батюшко и государыня матушка! Ныне я вижу вас, мало порадовалась сердцем своим от печали своей, которая в сердце мое вселилась». И поехавши во дворец король и королевна. И адмирал начаша веселитися в великой радости, и королевна была весьма печальна и в черном платье.

Потом адмирал объявил королю: «Я королевну взял приступом». И просил адмирал королевского величества, что ему обещана отдать в жену, в чем и пороль свой дан. И скоро приказал ему, чтоб на другой день готовиться. И обещася дочь свою отдать, прекрасную королевну Ираклию, и пороль свой королевской не пременит. И как утро и день наста, и адмирал к законному браку совсем уготовился и, пришед к королю, нача просить. Король же повеле ему ехать к кирке, а прекрасную королевну повеле убирати в драгоценное платье королевское. И адмирал поехал со всем убранством к кирке.

И король прииде к королевне Ираклии и рече: «Возлюбленная моя дщерь, прекрасная королевна Ираклия! Изволь убираться, время к законному браку». Слышав же королевна от отца своего, горько стала плакати и паде на ноги его и рече: «Милостивый мой государь батюшко! Прошу вашей государской и родительской милости, пожалуй, не отдавай меня в жену сему адмиралу». Слышав же отец ее, рече: «Не изволь мне о сем больше говорить, ибо я дал свой пороль сему адмиралу, чтоб тебя отдать ему в жену, и не хощу пороль свой оставить, изволь убираться и ехать до кирки!» И видев королевна, что уже никак у отца не отговорится, залилась слезами и, воздохнувши, рече: «На что мне убираться, когда у меня единого нет: ежели б у меня едино было, то бы я веселилась». Слышав же отец и ее и мать, начаша дивитися и ее вопрошати: «Повеждь нам, милейшая наша дщерь, прекрасная королевна Ираклия». Королевна же в великой своей печали не отвеща, и поиде во уготованную палату, и вышла, и пала в карету в черном платье, и поехали к кирке. И как стали подъезжать близ той богадельни, идеже российский матрос Василий, взяв арфу, нача жалобную играть и петь арию:

...Ах, дражайшая, всего света милейшая, как ты пребываешь,
А своего милейшего друга в свете жива зрети не чаешь.
Воспомяни, драгая, како возмог тебе от мерзких разбойнических рук свободити,
А сей злый губитель повеле во глубину морскую меня утопити.
Ах, прекрасный цвет, из очей моих ныне угасаешь,

Меня единого в сей печали во гроб вселяешь,
Или ты прежнюю любовь забываешь,
А сему злому губителю супругою быть желаешь?
Точию сей мой пороль объявляю,
Иже сию арию вам объявляю,
И моей дражайшей воспеваю:
Аще и во отечестве своем у матери пребыти,—
Прошу верныя моя к вам услуги не забывати...

Слышав же королевна играюща на арфе и поюще к ней арию, тотчас повеле карете стати и разумела, что ее верный друг Василий жив, повеле спросити, кто играет. Паж прииде и поведа, яко некий кавалер играет. Королевна же из кареты тотчас сама встала и желала видеть, кто играет. И как увидела, что милой ее друг Василий Иванович, и пришед ухватя его, нача горько плакати и во уста целовати. И взяла его за руку и посадила его в карету, и повеле поворотить и ехать во дворец. Видев же сие все министры и начаша зело дивитися, что такое несчастие, всем превеликое подивление. И как приехали во дворец, тогда королевна Василия взяла за руку, российского матроса Василия (подвела) ко отцу своему и матери и рече: «Государь мой батюшко и государыня матушка! Чего не чаяла до смерти своей видеть, сей воочию моею ныне явился». И нача им подробно все сказывать, како он ее избавил от разбойников, и как в Цесарии был назван от цесаря братом родным, и как ее адмирал увез из Цесарии, и его бил, в море повеле бросити, и цесарских министров и драбантов били: «За которое извольте ожидать от цесаря вскоре силы за продерзность оного нашего адмирала». Слышав же то король и королева и приидоша в великой ужас. И все кавалеры стали говорить, чтоб Флоренции быть не разореной. Тотчас посла каморгера к кирке и велел орестовать адмирала. Каморгер орестовал. Королевна же тогда просия красотою, яко солнце, и одеяние черное сняла, и в драгоценное платье убралась. И бысть в великом веселии.

По прошествии трех дней прибыл из Цесарии генерал цесарской Флегонт с войском цесарским к Флоренскому государству и приказал беспрестанно бить из пушек и в барабаны. А сам генерал Флегонт, взяв присланный лист от цесаря, и поехал к королю флоренскому. И как приехал, то объявил королю, чтоб приказал адмирала своего, который был в Цесарии и брата цесарева Василия, зазвав к себе на корабли с генералами и с министры цесарскими, великое учинил непотребство, повеле в море побросать, и прекрасную королевну увез, которая была избавлена от разбойников оным цесаревым братом Василием. И за оные его, адмираловы, непотребства чтоб пред войском цесарским учинить тиранственное мучение: с живого кожу снять. Король же флоренской рече генералу цесарскому Флегонту, что Василий Иванович жив и в его королевстве. И взем его за руку. Видев же Флегонт Василия и королевну, яко своему цесарю поклон отдал и вельми тому порадовался. Васи-

лий же повеле адмирала пред войском цесарским вывесть и с живого кожу снять. А генералу цесарскому король флоренской и Василий даша великие дары и всему войску цесарскому жалованья...

Между 1703 и 1726

ПЕСНИ, КАНТЫ И СТИХИ

* *
*

Орел ко солнцу ныне возлетает,
Радость в России всем ниспосылает,
Яко сокруши львово сердце[1] во веки,—
Играйте в трубы, верны человеки!
Зря царя Петра Алексеевича,
Светящи в мире, аки светла свеща,
Что восприя власть над королем швецким,
Сотвори в диво всем землям немецким.
Ныне и сам царь вельми веселится,
Иже на войне аки столп крепится,
Повелевает тебе восклицати,
Богу вышнему хвалу воздавати:
Ты царь пресветлый, Петр Алексеевич,
Содержав крепко на враги своя меч.
И от народа тя величаем,
По всей вселенной имя прославляем.

1709

* *
*

Буря море раздымает,
А ветр волны подымает:
Сверху небо потемнело,
Кругом море почернело,
Почернело.

В полдни будто в полуночи,
Ослепило мраком очи:
Одна молнья-свет мелькает,
Туча с громом наступает,
Наступает.

Волны с шумом бьют тревогу,
Нельзя смечать и дорогу,—
Вдруг настала перемена,
Везде в море кипит пена,
Кипит пена.

Прибавляет ветр погоду,
Чуть не черплет корабль воду:
Мореходцы суетятся —
От потопу как спасаться,
Как спасаться.

А начальство все в заботе,
А матросы все в работе:
Иной кверху лезет снизу,
Иной сверху летит книзу,
Летит книзу.

Тут парусы подбирают,
Там веревки прикрепляют;
Нет никому в трудах спуску,
Ни сухаря на закуску,
На закуску.

---

[1] *Орел* — символ России, *лев* — Швеции.

Одолела жажда голод,
А без солнца — нужда, холод.
Неоткуду ждать подпоры,
Разливные валят горы,
Валят горы.

Одна пройтить не успеет,—
А другая свирепеет:
Дружка дружку рядом гонят,
С боку на бок корабль клонят,
Корабль клонят.

Трещат райны[1], машты гнутся,
От натуга снасти рвутся,
От ударов корабль стонет,
От бросанья чуть не тонет,
Чуть не тонет.

Вихрь парусы порывает,
Меж валами нос ныряет,
Со всех сторон брызжут волны,
На палубы льются волны,
Льются волны.

Так стихии все бунтуют
И на тщету наветуют:
Уж не в нашей больше власти
Ни парусы, ни все снасти,
Ни все снасти.

Ветром силу всю сломило,
Уж не служит и кормило.
Еще пристань удалела,
И погода одолела,
Одолела.

Не знать земли ни откуду,
Только видеть остров с груду,
Зде сошлося небо с понтом
И сечется, гонит гонтом[2],
Гонит гонтом.

Нестерпимо везде горе:
Грозит небо, шумит море,
Вся надежда бесполезна,
Везде пропасть, кругом бездна,
Кругом бездна.

Если сему кто не верит,
Пускай море сам измерит,—
А когда сам искусится,
В другой мысли очутится,
Очутится.

* *
*

Уж как пал туман на сине море,
А злодей-тоска в ретиво сердце;
Не сходить туману с синя моря,
Уж не выйти кручине из сердца вон.
Не звезда блестит далече во чистом поле —
Курится огонечек малешенек:
У огонечка разостлан шелковой ковер,
На коврике лежит удал добрый молодец,
Прижимает белым платом рану смертную,
Унимает молодецкую кровь горячую.
Подле молодца стоит тут его добрый конь,
И он бьет своим копытом в мать сыру землю,
Будто слово хочет вымолвить хозяину:
Ты вставай, вставай, удалой добрый молодец!
Ты садися на меня, на своего слугу,
Отвезу я добра молодца в свою сторону,

[1] Реи (на мачтах).
[2] Гонит как щепку, лучинку.

К отцу, к матери родимой, к роду-племени,
К милым детушкам, к молодой жене.—
Как вздохнет удалой добрый молодец:
Подымалася у удалого его крепка грудь,
Опускались у молодца белы руки,
Растворилась его рана смертная,
Пролилась ручьем кипячим кровь горячая.
Тут промолвил добрый молодец своему коню:
Ох, ты, конь мой, конь, лошадь верная!
Ты товарищ моей участи,
Добрый пайщик службы царския!
Ты скажи моей молодой вдове,
Что женился я на другой жене;
Что за ней я взял поле чистое,
Нас сосватала сабля острая,
Положила спать калена стрела.

1722

* * *

Ах, что есть свет и в свете, ах, все противное;
Не могу жить, ни умереть! Сердце тоскливое,
Долго ты мучилось! Нет упокоя сердца,
Купидон, вор проклятый, вельми радуется.
Пробил стрелою сердце; лежу без памяти.
Не могу я очнуться и очима плакати.
Тоска великая, сердце кровавое,
Рудою запеклося и все пробитое.
Ах, милой, умилися, ах, дая ся видети.
Сердечный друг, примись, ты можешь <мя> лечити.
Ах, больно мне терпеть, ты радость моя и свет!
Помилуй мя скоряе, не дай мне умереть!
Не служит мне Фортуна, ах, я бессчастная,
Велика моя дума, вельми отважная!
Умри мое сердце и тело будь земля,
Нежели жить без мила, жива бы в гроб легла.
Ах, плачьте, мои очи, взрыдай, мое сердце,
Не стало моей мочи ждать друга милого.
Уж руки белые примахала я.
Ты плачь и рвися, сердце, да уж пропала я.

<1724>

* * *

Фортуна злая, что так учиняешь,
Почто с милою меня разлучаешь?
Я хотел до смерти в любви пребыти,—

Ты ж меня тщишься от нее отрыти[1].
Или ты не знаешь, Фортунища злая,
Коль ми есть сладка та моя милая?
Несть ее краснее на сем зримом свете,
На вертограде прекрасном цвете.
Хоть воззрю на цветы — они пропадают
И по натуре скоро исчезают:
Ты, моя милая, не так быть хотела,
Колись ты, злая, скоро припела,
Скоро возлетела, как перната птица;
Мою милую златую голубицу
От меня — ничто же ей злое сотворша —
Днесь ее вижду от себя отторгшу.
Ах, Фортуна злая, от меня отстани,
А любовию паки ко мне пристани,
За что благодарен являтися буду
И до конца века отнюдь не забуду!

* *
*

О коль велию радость аз есмь обретох:
Купида венерину милость принесох,
    Солнце ли свет свои на мя спустило
    И злу печаль в радость мне обратило?
Ныне печаль отвергаю
И всю злость от сердца искореняю,
    Радость получаю, в сердце влагаю,
    Пред очима зрю, радость обряшу.
Ныне тя, радость, упоминаю,
Достойно почтение всем предъявляю.
    Сердцем возлюбленна, к любви обращенна,
    Донеже в свете буду, тебе не забуду.

* *
*

Радость моя паче меры, утеха драгая,
Неоцененная краля, лапушка милая
И веселая, приятно где теперь гуляешь?
Стосковалось мое сердце, почто так дерзаешь?
Вспомни, радость прелюбезна, как мы веселились
И приятных разговоров с тобой насладились.
Уже ныне сколько время не зрю мою радость,
Прилети, моя голубка, сердечная сладость!
Если вас сподоблюсь видеть, закричу: «Ах, светик мой,
Ты ли, радость, предо мной? Я раб и слуга твой».
Толи разно развернусь, прижав поцелую,

---

[1] Оторвать.

Подарю драгую перстнем, кинусь, размилую.
Виват, радость! Виват, сердце! Виват, дорогая!
Неоцененная краля, бралиант, дорогая!
Уж в последнее воспеваю: «Прощай, мой любезный свет!»
Этим речь мою кончаю, желаю вам много лет!

ЗАСТОЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Для чего не веселиться?
Бог весть, где нам взавтра быть!
Время скоро изнурится,
Яко река, пробежит:
И еще себя не знаем,
Когда к гробу прибегаем.

Где нынь все богатыри,
Цесарь Александер где?
Яко бедны пастыри,
Смертно все скончалися.
Царство царство удоляет[1],
Само же к концу поспевает.

Мудрость, разум, честь и слава,
Красота, сокровищи,—
Исчезают, яко трава,
Яко же сень наши дни.
Все, что время созидает,
Время таже погубляет.

Свет и все, что в нем, мне даром,
Я веселье возлюблю.
Чести, слава токмо яром[2],
Аз же их потрезвую.
Дай иным богатым быти:
Мне довлеет светло жити.

Малый вор[3], куда ты ходишь?
Дай мне ренско с сахаром.
Брат Масальский, куда ты бродишь?
Поднеси нам всем кругом.
За здоровье, кого мы знаем!
Дай ему бог, что мы желаем.

Вам, Голицыным, скончати.
Князь Иван, до тебе я пию!
Князь Борис, изволь нас ждати[4]:
Завтра я к тебе приду.
Дружба наша так велела:
Хлеб да соль — земная дела.

Хоть нас ревность осуждает,
Мы смеемся ревности.
Сердце наше токмо знает,
Пожити во радости.
Когда смерть житье скончала,
Радость наша исчезала.

ЧЕСТНЫЙ ИЗМЕННИК, ИЛИ ФРИДЕРИКО ФОН ПОПЛЕЙ И АЛОИЗИЯ, СУПРУГА ЕГО

(КОМЕДИЯ)

(Отрывки)

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

(В начальных «сенях» (т. е. сценах, явлениях) изображается любовь арцуга (герцога) Фридерико фон Поплея к его молодой жене Алоизии. В нее же влюблены маркиз Альфонзо фон Родиано и коварный Родериго.)

---

[1] Одолевает, побеждает.
[2] Ярем, ярмо.
[3] По-видимому, прозвище слуги, разливавшего вино во время пира.
[4] *Князья Масальский, Иван и Борис Голицыны* — видные вельможи, участники пиров Петра I.

Сень 4

Арцуг. О, сколь зело возрадован есмь, что вас здесь при себе вижу и с вами говорить имею.

Маркиз. Понеже давно чести не имел вашу пресветлость видети, и для того ныне вам послужить хотел.

Арцуг. Зри: тут же приходит моя супруга к нам, сокровище мое. Господин маркиз нам честь воздал с нами говорить, а понеже я для нужных дел во дворец ехать имею и так вы того, яко кавалера от высоких достоинств удовольствовать знаете.

Сень 5

Алоизия. Господине маркизе! Не возмог ли ты лучше явитись, нежели как нам честь воздать и нас посетить? Но я ни о чем вяще жалобы не приношу, токмо что я по достоинству вас потчевать не возмогу.

Арцуг. Еще прошу прощения, что я с вами проститись принужден; буде вам время долго покажется, можете идти, взяв за руку супругу мою, гулять в огород[1]; между сим живи здраво. *(Отходит.)*

Маркиз. Ваша пресветлость не требует отговариватись, потому что я не приехал яки гость, но яко слуга вам послужить. О боже!

Алоизия. Увы! больно мне!
Маркиз. Что я вижу?
Алоизия. Что я слышу?
Маркиз. О ангельская красота!
Алоизия. О свирепый любви огнь!
Маркиз. О, аз вижу земный рай!
Алоизия. Я чаю ад в сердце моем...
Маркиз. О, чтоб я был ограблен видения[2] своего!
Алоизия. О, чтобы я никогда не родилась!
Маркиз. Сердце мое полно есть помешательства!
Алоизия. Душа моя полна есть горьких радостей.
Маркиз. О любовь моя! Что со мною чинить хощешь?
Алоизия. О честь! Что из меня учинить хощешь?
Маркиз. Хощу любити и терпети.
Алоизия. Хощу вздыхати и молчати.
Маркиз. О любовь!
Алоизия. О честь!
Маркиз. О вы, мои изменничьи очеса!
Алоизия. О вы, мои неверные звезды!
Маркиз. Отвратитесь от сего солнца!
Алоизия. Снимите с меня ваше обвязательство.
Маркиз. Ах! Я сострàжду с вами.

---

[1] В сад.
[2] Лишен зрения.

Алоизия. Ах! Я умиление имею над вами.

Маркиз. Рассудите прекрасное творение на сем свете.

Алоизия. Удивляйтесь токмо совершеннейшему кавалеру сего времени.

Маркиз. Аз желаю к вам приближитися.

Алоизия. Аз желаю с вами разговоритися.

Маркиз. Услышали б вы мое томление!

Алоизия. Услышали б вы мое мучение!

Маркиз. Милостивая арцугиня! Многая имел бы вам сказать, но ныне больше того не смогу, токмо что я называюсь вашим слугою.

Алоизия. Господине маркизе! Много б мне с вами говорить, но ныне довольно, что я рабынею вашею называюсь.

Маркиз. Прости, прекрасная арцугиня!

Алоизия. Прости, господине маркизе!

Маркиз. Прошу, изволь выразуметь.

Алоизия. Прошу, изволь выслушать.

Маркиз. Чего вы изволите?

Алоизия. Что вы говорить хощете?

Маркиз. Я ничего.

Алоизия. И я ничего.

Маркиз. О вы, бози! Каковое сие помешание?

Алоизия. А я вам сердце мое открою.

Сень 6

Родериго *(позади)*. Ревность колет аки острый терн застращенной души моей и паки меня придти принуждает.

Маркиз. Милостивая арцугиня! Принужден есмь говорить.

Алоизия. По изволению вашему мочь имеете добру.

Маркиз. Но что хощете, чтоб я говорил?

Алоизия. То, что я охотно слышать хощу.

Родериго. О вы, бози! Хотел бы, чтоб я глух был!

Маркиз. То я принужден говорить, что вас усердно люблю.

Алоизия. Ужасное ваше опасение меня ужасает.

Маркиз. Мое хотящее обнятие вас паки оживит.

Алоизия. Хощете вы мне молчание и верность присягать?

Маркиз. Так, при оборонительных бозех жития и чести моей [1], присягаю.

Алоизия. Нам единым токмо любовь знатна [2] да будет.

Маркиз. Ни един человек, опричь нас, о том да не ведает!

Родериго. Аз, аки бешеной, которой ваше обвязательство подслушал.

Маркиз. Ах! Зело аз много желаю.

Алоизия. А я великое преступление творю.

Маркиз. Ваша красота меня к тому принуждает.

---

[1] При богах, защищающих жизнь и честь мою.

[2] Ведома, известна.

Алоизия. Ваша вежливость того хощет.

Маркиз. Исчезаю от сладких похотей.

Алоизия. А я истаеваю от великого желания.

Родериго. А я трескаюсь от бешеной зависти.

Алоизия. На конце сереборинных цветов гульбища суть маленькие дверцы, тамо вас дождуся.

Маркиз. Вы есте моя краснейшая Венус.

Алоизия. А вы мой к любви приводящий Адонис.

Родериго. А я ваш ревнительный изменник.

Маркиз. Ваше обещание утешает меня.

Алоизия. Ваше молчание обнадеживает меня.

Родериго. А моя ревность принуждает меня.

Маркиз. О, каковые радости!

Алоизия. О, каковое утешение!

(Отходят.)

Родериго. О, каковое досадительство! Мучение! Не умерщвляешь ли меня? О печаль! Еще ты меня живого попущаешь! Едва маркиз фон Родиано на сей двор приехал, то уже преломляет брак с Алоизиею. Любовь моя сопротиво смотрит на то ослепленными очесы. Но добро; токмо я сделаю, что арцуг свирепствовать станет, Алоизия терпеть, а маркиз умрет, а я после того пропаду, ибо лучше есть скорая смерть, нежели печаль, мучение же и страх в беде...

Сень 9

Арцуг, Родериго

Арцуг. Все во дворе по желанию исполнилось, о чем сердце мое возвеселилося, и я не желаю больше ведать, как-то супруга моя обретается. Но вижу я своего верного Родерига. Для чего ты так печален еси? Буди весел, князь бо твой еще имеет о тебе милость в остатках.

Родериго. Вашей пресветлости нечто объявить имею; но то стыжуся сказать.

Арцуг. Скажи ж, что то есть.

Родериго. Краткими словесы сказать: ваша супруга Алоизия преломила верность брака с маркизом фон Родиано.

Арцуг. Подумай себе, что ты говоришь, Родериго!

Родериго. Несть инако, милостивейший государь!

Арцуг. Не может то быть, Родериго, убо супруга моя есть честна.

Родериго. О, дало бы то небо, чтоб то так не было!

Арцуг. Сам ли ты то видел?

Родериго. Так, я сими моими очами то видел.

Арцуг. Родериго! Родериго! Хотел бы я, чтоб ты шпагою сердце мое проколол прежде, нежели мне сие бесчестие объявил.

Родериго. Верность моя к тому меня принудила.

Арцуг. Верность твоя была б ненарушима. Муж, иже о бес-

честии жены своей не ведает, то он отмщения чинити не требует. Но ныне, егда я уже знаю, то принужден есмь обоих умертвить, хотя как ни есть учинено. Полно на том, что ты сам видел еси, и для того поиди и стучись.

Родериго. Аз последствую вашей пресветлости. Слышь, маркиз! Слышь, ваша пресветлость! Никто слушать не хощет... Я подлинно ведаю, что они тамо.

Арцуг. Добро. Я сам стучати буду, а ты поиди в мою палату... Отвори, отвори или ломать учну дверь в часточки!.. Или ты еси глуха, арцугиня, от прелюбодейных желательств? Говорю: отвори и принеси мне мои пистоли.

Сень 10

Алоизия. Как? Что вам сделалось, любовь моя? Для чего не войдете сюда? Двери не заперты. Любовь ваша зело гневна мне видится.

Арцуг. Скоро иного услышишь ты, прелюбодейница! Где твой прелюбодей?

Алоизия. Увы мне! Изменена есмь!

Арцуг. Постеля вся смята, а однако ж его изобрести[1] не могу. Не схоронился ли под кровать? Тут ты умри, дьявольский!

Маркиз. Милости прошу, великоможнейший арцуг фон Поплей!

Арцуг. Счастье твое было, что пистоль не выстрелила; а то б, конечно, животом своим заплатил. Выходи оттоле, выходи!

Маркиз. Милости прошу, милостивый государь, для неба!

Арцуг. Скажи мне, однако ж, для чего ты дом мой осквернил? Егда ты всю вежливость у меня отпотреблял[2] еси, но еще тебе свою власную супругу поверил; а ты мне так злобно воздаешь.

Маркиз. Милостивейший государь! Припадаю к вашим ногам и признаваю: аз есмь ваш изменник и тысящную смерть заслужил, егда я вашей пресветлости брачное ложе осквернил. Но токмо мне время еще столько поизвольте, чтоб душу мою небу вручил; после того с радостию умру.

Арцуг. Смерти твоей, маркиз, аз не желаю. Но поиди и беги моего двора и не мысли больше на жену мою, и да будут уста твоя гроб вечного молчания. Живи, яко сонная коза, потому что сам верю, что во сне есмь, зане я тебя щажу.

Маркиз. О милостивейший государь!

Арцуг. Ничего больше! Поиди, беги и нишкни.

Маркиз. Я бегу, и молчу, и навеки молчать буду.

Арцуг. Ну, уже ныне бесчестие мое никому больше неведомо кроме того, иже мне то объявил. И для того я его устрою, чтоб бесчестие мое затаено было. Слушай, Родериго!

---

[1] Найти, обрести.
[2] Получал.

Сень 11

Родериго, арцуг

Родериго. Что изволите приказать, ваша пресветлость?

Арцуг. Арцугиня у мене ушла, а маркиза пигде изобрести не могу; емли свечу и смотри под кроватью, не туда ли он спрятался.

Родериго. Исполняю приказ вашей пресветлости.

Арцуг *(застрелит его)*. Так то всем бывает, которые уст своих преодолеть не могут; и так и впредь подумаю, как в деле моем поступить, чтоб от бесчестия отбыти возмог.

(Простив Алоизию, арцуг обещает любить ее, как прежде. Солдаты приводят бежавшего маркиза, которого они поймали по приказу арцуга. Освободив маркиза, арцуг в своей палатке изъясняется ему в дружбе и дает ему в это время яд. Затем арцуг идет к Алоизии. В ответ на ее вопрос, почему он печален, арцуг отвечает, что от печали могла бы его избавить лишь она одна.— Дальнейшего текста в рукописи нет.)

1702—1706

ХЕРЛИКИН И СУДЬЯ

(Интермедия)

Херликин, пришед к Судье, подает доношение

Судья. О чем твое прошение?
Херликин. Тому явствует мое доношение.
Судья *(отдает секретарю)*. Секретарь, доношение сие прими.
И, о чем явствует, прочти.

(Херликин кланяется.)

Секретарь. «Во учрежденную для всяких расправ канцелярию
покорное доношение.
Понеже известно мне учинилось,
Что для всяких расправ канцелярия учредилась,
Дабы всякие обиды и налоги, напасти,
Притом наглости, беспокойства и страсти
Всякие, справедливо розыскав, решить
И достойным по делам наказания чинить,
Тако ж всякую вольницу от буйства их воздержать,
Чтоб возможно было от беспокойства избежать.
Мне же есть издавна не малые обиды
Яко то от мух, комаров и прочия проныры,
Ни днем, ни ночью нет покою от них нигде,
Но сыскивают человека хотя б запершись везде,
Поют, шумят, а иные дерутся,
Сколько ни выгоняешь, все в избу жмутся.
Не имеют себе никакого стыда,
Но только лезут всегда в глаза,
Притом некоторые жестоко жиляют [1]

[1] Жалят, кусаются.

И погибели же своей нижé не чают.
Какое же бы кушанье и питье ни поставлялось,
Без того нельзя, чтоб их в то не навалялось.
Всегда прежде хозяев смакуют
И чрез то людей весьма не респектуют [1].
Но еще зас<...>стены, окна и всякую посуду,
Платье, белье и всю утварь дотуду,
Что коли долго зачем не помоешь,
То и сам ту вещь наконец не узнаешь.
Которое наводит немалое затруднение,
А особливо беспокойства и вещам помрачение.
Того ради оную канцелярию прошу,
О чем я выше сего доношу,
Со оными плутами так поступать,
Как вящие повеления велят,
Дабы оне от вышеписанного буйства унялись
И впредь бы противу людей не дрались,
Или мне прошу поволить,
Управляться с ними дозволить.
В том мое состоит и прошение,
Чтоб было учинено решение.
Вместо Епикура [2] руку приложил
Сибирский дворянин Иван Курин.
Числа, значит, и месяца
Сего году писано нынешнего».

Судья. По доношению в резолюцию тако:
Управляться тебе повелеваю самому всяко,
Понеже брать их под караул, сажать некуды,
За множеством не укараулишь, солдаты все рекруты.
Иди теперь и управляйся с ними смелее,
Где их сколько ни найдешь, там и бей не жалея.
Взыску за то никакого не будет,
А их понескольку убудет.

Херликин. Хотя и до смерти?

Судья. Поди уже, не медли.
Секретарь, подпиши на доношении помету
И в том учини ему быть неотменну,
Чтоб бить ему мух самому везде,
Не исключая никаких и нигде.

Секретарь. Слышу ваше определение
И подпишу все повеление.

Херликин *(оборотясь к народу, говорит)*. Куда я сему рад!
Станут за то и мне давать,
Чтоб я их только не бил
Или бы их обходил.

---

[1] Уважают.
[2] *Епикур* — здесь означает: шут, гаер, херликин.

Вот и сидит первая,
А вот здесь другая.
Аха! Ты сидишь наверху?
Не уйдешь у меня и налету.
А думаешь отсидеться на полу,
Сыщу тебя и в углу.
Охо! Какова воровата,
Сяду-де на судью, будто и неторовата!
(Ударит судью.)

Судья. За что ты бьешь меня?

Херликин. Молчи, я — муху, а не тебя!
Так и сюды уже поспела,
Эдак она где села! *(По сем ударит секретаря.)*

Секретарь. Изрядно присудил.

Херликин. Я уже многих убил.
Вот там, вот сям,
Вот зде, и везде,
Аха, ха, охо, хо! *(И тако с тем судей прогоняет.)*

Ф. ЖУРОВСКИЙ

СЛАВА РОССИЙСКАЯ

действа вседержавнейшего императора всероссийска Петра Первого, благодеяния России показавшего и из неславы славу российскую сотворившего, гласящая в торжественный всероссийский триумф коронования всепресветлейшия государыни императрицы Екатерины Алексеевны действием персональным изображенна в московской гофшпитале

(Отрывок)

SCAENA 4-ТА

Явление 4

Мир государств с Россиею, их же скипетры Россия венчает. Марс безоружен отпочивает. Турция в раздоре отходит.

Persia. Не чаях воистину Россию быть славну,
Ныне познаю тебе во всем быти державну.
Слышах прежде бесчестну, ныне благородну;
Прежде и дань даяше, а ныне свободну.
Не знах аз россиянов так быть марсоватых,
Зрю всех крепких и сильных, хотя староватых.
Чаять ли персам в гости российских героев,
Аж владетели стали дербенских покоев[1].
Войска так регулярна не было и флота,
Славнейша Петербурха, не было Кроншлота.
Тем твоя днесь, Россие, героична сила;
Твоя слава Персию зело убедила.
Российску всегда в чести да имать корону,
Сприят будет согласно российскому трону.

Polonia. Нечаянно взлетела российская слава,
Взгласила, что Росска славна есть держава,
Виктории повсюду глашаше трубою,
Вскоре склонихся к сему моею ногою.
Чаях, что всегда буду дань от россов брати
И в российских квартирах преславно стояти,
Аж российский Марс выгнал мене, ох! жестоко,
Водрузил мне и раны зело преглубоко.
Оттоле до ныне вас признаю быть сильных,
Не слышу от россиян гласов быть умильных.
Тем покорна тебе, Россие, являюсь,
В крыле орла российска ныне укрываюсь.

---

[1] Во время персидского похода Петра I русские войска взяли Дербент (1722).

Svecia. Российский орел со львом билися довольно [1],
Свейскому птица зверю ранит ногу больно.
Чрез только лет Свеция с Россами трудилась,
В баталиях никогда я не поживилась:
Лучше в мире быть с тобою, Россие, желаю,
Свейского Марса в покой аз днесь отсылаю.

Rossia. Слышах ваши гласы
Между сими часы,
Рассудих быть добры,
И советы бодры,
Преславны уветы
Украсятся цветы,
Что так возгласисте,
Всем днесь возвестисте
Российску честь, корону
И ее же трону
Всегда быти верных
И другов безмерных,
Лучше жити в покое,
А оставить вои,
Сему согласую,
Всем днесь ответствую:
Короны наши
И скипетры ваши
Днесь соединятся,
Лявром украсятся.

Turcia. А я ниже думаю творить сего дела,
Буду недругом всегда Российска предела.
Хоть Россия сшибла моея луны рога,
Откуду и слава ей воссияла многа,
Будет с мене того, что богатств имею,
Земель, моря, безмерно тем аз богатею,
Нужды нет мне в мире быть с Россией нимало
И у вас в том, как вижу, разума не стало,
Тотчас пойду прочь, хочу быти днесь в раздоре:
Увидите Турцию в зельном жити споре.

Rossia. Ступай в раздор, не боюсь гордой твоей выи:
Иногда [2] и другой лунной рог будет у России.

Persia. Что много думать, требе мир с Россы имети.

Polonia. Будем в царственных тронех в покои сидети.

Svecia. Се убо первый скипетр Свеция дарует.

Persia. Перска держава тем же Россов венерует.

Polonia. Орлу Российскому скипетр Полония славна
Под крыле днесь вручает, Россия есть главна.

---

[1] Речь идет о Северной войне, начавшейся в 1700 г. и завершившейся Ништадским миром 1721 г. (в ней участвовала и Польша). Русский герб — орел — символизирует Россию, лев — Швецию, луна — Турцию.

[2] Некогда, когда-нибудь.

Mars. Перска, Польска и Свейска склопяется выя,
Российский Марс вещает: здрава будь, Россия!
Rossia. Се и Российский скипетр в компанию срящет,
Суть днесь едино, убо всяк покой обрящет,
Союзным лявром верх сих Россия венчает,
Яко гласисте, так быть скипетр мой желает.
Мужество. Fortitudo. Виват, Россия! гласит Мужество российско,
Персия, Полония, государство Свейско,
Что скипетры ваши вкупе днесь соединисте,
Цветущим мира лявром красне украсисте.
Слава. Fama. Из неславы Слава Российска сотворися перната,
Везде о сем гласящи пролетит крылата.
Вивант днесь государства, вивант Россияне,
В мире живуще ныне вивант поселяне.
Rossia. Славный Марсе военный, Марсе мой российский!
В мире суть скипетры Перский, Польский, так же Свейский.
Даждь покой мечу бранну, глашает Россия,
Да почиет убо днесь драга твоя выя:
Когда россам требе твой меч будет готовый,
Произнести успеет глас врагом суровый.
Mars. Аще тако есть, буду ныне жить в покои,
Отпочиньте убо, все российские вои.
Отпочинь убо, мечу, мечу мой любезный!
Тобою мне дается совет полезный.
Вы, нозе трудолюбны, ныне отдохните,
В покои быти Марса немедля скажите.

Cantus[1]

Виват, Россия, виват днесь преславна!
Виктория россам учинися явна.
Скипетры союзны в лявру ныне зрятся,
Миром красятся,
Орел Российский прилетел к нам спешно,
Мир россианом возвестил утешно!
Петр император виват всегда убо,
Всем сие любо.
Златое время россияном стало,
Охоты большей к мужеству додало:
Марс безоружен зрится днесь в покои,
Ликуйте, вои!
Rossia. Пребудьте днесь здравы,
Царственные главы!
Да мирно поживше,
Себе украсивше,
В вящую славу придем,
В домы днесь отыдем...

1724

[1] Кант, торжественная панегирическая песнь.

ФЕОФАН ПРОКОПОВИЧ

ИЗ ТРАКТАТА «О ПОЭТИЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ»

КНИГА I

В КОТОРОЙ ИЗЛАГАЮТСЯ ОБЩИЕ ПРАВИЛА, СПОСОБСТВУЮЩИЕ ОБРАЗОВАНИЮ ПОЭТА

ГЛАВА I

ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ПРЕВОСХОДСТВО И ПОЛЬЗА ПОЭТИЧЕСКОГО ИСКУССТВА

Что передают о начале Нила, славной египетской реки, почти то же можно сказать и о происхождении поэзии. Говорят, что Нил скрыл свою главу (как это мы читаем у Овидия; Метаморфозы, II), потому что неизвестно, откуда он начинается. Не менее сокрыты от человеческого знания и памяти людей и начатки поэзии, но не потому, что это искусство — самое славное из всех — неприметно, а потому, что оно уводит исследователей его происхождения в такую древность, что всякий предполагаемый творец, оказывается, жил позже него... Уже задолго до потопа и немного спустя после самого начала мира Юбал сын Ламехов назван в Писании зачинателем пения под кифару (Бытие, гл. IV). Но необходимо было сперва петь человеческим голосом, как инструментом более близким и естественным, чем кифара. Песни же без стиха, т. е. без известного числа звуков, связанного с напевом, не могло быть. Итак, начало поэзии было древнее, чем сам Юбал, и даже нет никакого сомнения, что она возникла у первого человека при самом сотворении мира. И я полагаю, что ...если рассматривать только Природу, то убедишься, что чувство человеческое, в образе любви, было первым творцом поэзии. Ведь любящие либо охвачены томлением по желанному предмету, либо радостью обладания. И тогда-то и возникает из-за страстного нетерпения стремление к каким-то нежным жалобам. После же достижения желаемого, сейчас же, бурно, не отдавая себе отчета, радуются, ликуют, пляшут и начинают петь, даже невольно. Отсюда, очевидно, и возникла песня; но в обоих случаях (как это ясно при внимательном рассмотрении) душу охватывает некое неистовство, которое и является зародышем поэтического замысла...

Таким образом, поэзия, возникнув в колыбели самой природы, в течение многих веков постепенно, как это бывает, набирала силы... Во-первых, сам предмет, которым обычно занимается поэзия, придает ей огромную важность и ценность. Поэты сочиняют хвалы великим людям и память о их славных подвигах передают

потомству... Затем многие поэты поведали о тайнах природы и о наблюдениях над движением небесных светил...

Столь великому значению поэзии не могут повредить и некоторые срамные стихотворения, сочиненные людьми с большим, но бесстыдным дарованием... При внимательном рассмотрении ты заметишь, что, как в наглом их стихоплетстве нет ничего трудного, так нет и ничего хорошего и даже никакого искусства. Ведь для человека, размягшего от любовного безумия, нет ничего легче как перебирать и в мыслях, и словесно все эти забавные садики, ручейки, цветочки, набеленные щеки, убранные золотом волосы и тому подобные изящные пустяки. Это и грубая чернь, возбужденная оводом похоти, дико распевает повсюду по деревням и на перекрестках. Но подобный вздор, хотя бы и сочиненный весьма даровитым человеком, следует назвать скорее песенками распутных бабенок или чем угодно другим, но не поэтическим произведением. И я не опасаюсь, что мне поставят здесь на вид некоторых древних писателей, по всеобщему мнению причисленных к поэтам, которые, однако, сочиняли весьма непристойные стихотворения, как например Плавт, Катулл, Овидий, Марциал и другие. Все они ради других своих благопристойных произведений удостоились называться поэтами. Впрочем, я решительно заявляю, что они во многом погрешили против искусства, которому они себя посвятили, поскольку в своих нечистых произведениях оскверняли поэзию и вредили нравственной стороне человеческой жизни. Ведь они поступали против назначения поэзии, а это назначение, согласно Горацию, заключается в том, чтобы или приносить пользу, или услаждать, или обоими этими способами оказывать людям помощь в жизни. И когда Гораций сказал «услаждать», то, если хочешь понять, что такое истинное услаждение, назови это услаждение здравым, а не заражающим...

Итак, даже по самому своему содержанию поэзия приобретает бо́льшую ценность. Добавь к этому и то, что великий светоч ума человеческого — философия — либо рождена, либо вскормлена поэзией. Ведь те, кто писал о различных философских школах и направлениях, утверждают, что первая и древнейшая философия была поэтической, т. е. что все те истины, которые людям издревле удавалось отыскивать путем философствования, они излагали другим под покровом песен и сказаний...

Все это вполне достаточно доказывает значение поэзии, а еще более значительной делает ее та великая польза, которая обильно проистекает от нее на благо людей. Из произведений поэтов мы познаем и гражданский, и военный образ жизни... При этом поэты прививают добродетели душе, искореняют пороки и делают людей, раз они избавлены от вожделений, достойными всякого почета и хвалы. И они делают это тем легче и успешнее, что стихи их в силу наслаждения, порождаемого размером и стройностью, охотнее слушаются, с бо́льшим удовольствием прочитываются, легче заучиваются, глубоко западая в души.

Еще более удивительно то, что даже сатиры их и нападки, т. е. более резкий и горький род лекарства, окутанные вымыслом и стихом, словно медом и нектаром, становятся приемлемыми. Цицерон полагал даже, что поэзия помогает самой риторике, и утверждал невозможность совершенного красноречия без знакомства с поэзией...

ГЛАВА II
НЕОБХОДИМОСТЬ ПОЭТИЧЕСКОГО ИСКУССТВА. ЗАМЕЧАНИЕ О НАЗВАНИИ. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРИРОДЫ, ПРЕДМЕТ И НАЗНАЧЕНИЕ ПОЭЗИИ

I. Необходимость поэтического искусства

Говоря о происхождении нашей способности, мы возвели ее к к первоначалам самой природы, которые древнее всякого искусства. По старинному взгляду, некое божественное и небесное вдохновение побуждает поэтов писать стихи, и обычно принято даже говорить, что поэтом надо родиться, оратором же можно стать. Тем не менее, и в этом искусстве весьма необходимы определенные правила и наставления. Мало того, даже следует сказать, что и этот пресловутый, как говорят, небесный порыв, который одни прозвали восторженностью, а другие энтузиазмом, без помощи наставников окажется, если верить Горацию, бесполезным (О поэтическом искусстве, 409):

Я не вижу, к чему бы
Наше учение было без дара и дар без науки?
Гений природный с наукой должны быть в согласьи
взаимном.

И то, что Гермоген[1] в своих книгах по риторике говорит об ораторе, я решительно утверждаю относительно поэта: именно, скорее может делать ошибки человек одаренный, но неискусный, чем менее одаренный, но проникшийся правилами искусства. Поэтому многие люди, по-видимому, слишком полагаются на дарование и, словно необъезженные кони, сбросив узду искусства, несутся, охваченные скорее безумием, чем этим пресловутым священным и ученым вдохновением. Мы учимся на их примере: искусство, утвержденное определенными правилами и наставлениями, не только полезно поэту, но прежде всего необходимо.

II. Замечание о названии

Далее, слово поэт, поэма и поэзия произведено от греческого слова ροιειη, что означает «творить» или «сочинять», отсюда и поэта, если бы это было в обычае, правильно можно было бы

[1] *Гермоген из Тарса* (II в. н. э.) — автор руководства по риторике.

называть «творцом», «сочинителем» или «подражателем». Ведь выдумывать или изображать — означает подражать той вещи, снимок или подобие которой изображается. Отсюда и образ именуется изображением. А то, что лишь одна эта область искусства называется поэзией, хотя по своему значению это название подходит и прочим искусствам, получилось путем антономасии, именно, по причине выдающейся способности творческого воображения у поэтов...

III. Определение природы поэзии

Природа поэзии соответствует ее имени. Ведь поэзия есть искусство изображать человеческие действия и художественно изъяснять их для назидания в жизни. Из этого определения видно, что поэзия совершенно отлична от истории и от диалогизмов[1] филологов (с которыми у нее есть нечто общее). История ведь просто повествует о подвигах и не воспроизводит их посредством изображения. Диалогисты же воспроизводят и изображают, но делают это не стихами, а в прозаической речи. Поэт же, имя которому «творец» и «сочинитель», должен слагать стихи, придумывать содержание, т. е. воспевать вымышленное.

IV. Предмет

Из этого объяснения природы поэзии можно легко узнать, в чем состоит предмет, которым она занимается. Хотя Цицерон (Об ораторе, I) отмечает, что к области поэзии принадлежит все то, о чем можно писать стихи, т. е. все то же самое, что служит предметом и ораторского искусства, тем не менее, точнее рассматривая природу поэзии, мы говорим, что ее основной предмет приспособлен собственно к изображению людских действий посредством стихотворной речи.

V. Назначение поэзии

Гораций в знаменитом стихе из книги «О поэтическом искусстве» приписывает поэзии двойное назначение — услаждение и пользу.

Или полезными быть, иль пленять желают поэты.

То и другое назначение, если их брать отдельно, несовершенны. Ведь стихотворение, которое услаждает, но не приносит пользы, является пустым и подобно ребячьей погремушке. То же, которое стремится быть полезным без услаждения, едва ли будет полезным. Ибо мы приступаем к чтению поэтов, увлеченные прелестью и изяществом стиля: в поисках удовольствия мы вместе с тем находим и пользу...

---

[1] *Диалогизм* — литературное произведение, изображающее характеры и нравы людей.

Поэтому и поэт возьмет для разработки то, что может принести пользу в человеческой жизни, и будет стараться таким способом вести изложение, чтобы доставить читателю наслаждение.

ГЛАВА III

ДВА НЕОБХОДИМЫХ УСЛОВИЯ, СОЗДАЮЩИЕ ПОЭТА (ЕСЛИ НЕТ ТОГО ИЛИ ДРУГОГО, ТО НАИБОЛЕЕ АВТОРИТЕТНЫЕ ПИСАТЕЛИ НИКОГО НЕ ДОПУСКАЮТ ПРИЧИСЛЯТЬ К ЧИСЛУ ПОЭТОВ): ПОЭТИЧЕСКИЙ ВЫМЫСЕЛ, ИЛИ ПОДРАЖАНИЕ, И РИТМ РЕЧИ, ОСНОВАННЫЙ НА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ПРАВИЛАХ, ИЛИ СТИХОТВОРНОЕ МАСТЕРСТВО

I. Поэтический вымысел

Первое, что преимущественно требуется во всяком поэтическом произведении, это — вымысел, или подражание, если его нет, то сколько бы ни сочинять стихов, все они останутся не чем иным, как только стихами, и именовать их поэзией будет, конечно, несправедливо. Или если захочешь назвать поэзией, то назовешь ее мертвой. Ведь подражание является душой поэзии, как это ясно из определения. На этом основании Аристотель, сравнивая Гомера (который с подходящим вымыслом описал битвы и скитания Улисса) с Эмпедоклом, который в стихах написал книги о природе, так высказался о них: у Гомера нет ничего общего с Эмпедоклом, кроме стихотворного размера, поэтому первого справедливо называть поэтом, последнего же — физиологом [1], а не поэтом. И далее Аристотель говорит: если сочинения Геродота переложить стихами, то получится как и прежде, история, а не поэма. Философ этими словами хотел опровергнуть заблуждение многих людей, которые полагают, что одной лишь способности слагать стихи достаточно для того, чтобы быть поэтом. Ведь история, подчиненная закону описывать подлинные события и то, как они совершались, лишена вольности измышлять правдоподобное. Поэтому, даже написанная стихами, она останется историей, а не поэмой. Под поэтическим же вымыслом, или подражанием, следует понимать не только сплетение фабул, но и все те приемы описания, которыми человеческие действия, хотя бы и подлинные, изображаются, однако, правдоподобно. По этой причине не следует исключать из числа поэтов Лукана (ведь, по свидетельству Скалигера [2], некоторые не считали Лукана поэтом за то, что он изображал действительные события)...

II. Искусство стихотворное

Второе, что обязательно должно содержать всякое поэтическое произведение,— это мастерство стихотворного размера, или ритм речи, по определенному правилу, без чего также нельзя называться

[1] Натурфилософом.
[2] *Скалигер, Юлий Цезарь* (1484—1558) — филолог, автор «Поэтики».

поэтом. Эзопу, Лукиану, Апулею, даже самому Цицерону в его диалогах и многим другим не хватает только одного, чтобы носить название поэтов, а именно — стихотворной формы. Ведь все, кто излагают свои чувствования в диалогизмах, явно пользуются поэтическим подражанием, так как они рисуют беседующих между собой лиц, изображая их разнообразные душевные и телесные движения, однако, раз они излагают все это в прозе, а не стихами, их не зовут поэтами... Ведь стихотворная форма есть как бы повозка или триумфальная колесница, на которой это многообразное изображение предметов — подражание, говорю я, или поэтический вымысел — несется ввысь и повсюду встречает все большее одобрение...

ИЗ ГЛАВЫ VI

II. Описание

Описание есть объяснительное изложение, которое посредством повествования делает предмет как бы наглядным (Афтоний, гл. II)[1]. Описывается же то, что охвачено в следующем стихе:

Лица, предметы, подвиги, звери, местности, времена, растения.

Для всех описаний общими и главнейшими являются два достоинства: ясность и краткость, причем та и другая способствуют наглядности предмета. Ведь каким образом покажется ясным,— а не пустым звуком — темное описание, ускользающее даже от напряженной мысли, а не то что от взгляда?..

Разумеется, эти достоинства с трудом соединимы: и часто бывает, что краткость вредит ясности, а ясность краткости. Надо одинаково заботиться и о том и о другом и писать хотя и кратко, но так, чтобы от этого не возникало неясности, и так ясно, чтобы в описании не распространяться далее, чем это требуется предметом. Следовательно, чтобы краткость была надлежащей и безвредной, не надо давать ничего излишнего и слишком часто повторять одно и то же, не надо излагать в слишком длинных периодах или бóльшим числом стихов; надо избегать частых и длинных вставок и не нагромождать понапрасну синонимов, но не допускать ни в чем нехватки, никаких сокращений и искажений: ведь от этого тот, кто стремится быть кратким, становится темным.

Наилучшее наставление о краткости, конечно, содержится в послании святого Григория Назианзина к Элладию[2]: соразмерять повествование или описание предметов с самими предметами, а не со словами или стихами. Но для ясности описания надо избегать двусмысленных слов и выражений, излишней изощренности, час-

---

[1] *Афтоний из Антиохии* (IV в. н. э.) — автор учебника по риторике «Прогимнасматы».

[2] *Григорий Назианзин* и *Элладий из Птолемаиды* — церковные писатели IV в.

тых острот и нагромождения лиц и предметов. Следует особенно заботиться о выборе слов общеупотребительных и собственных — собственными я называю те, которые соответствуют предмету и хорошо его выражают и объясняют, чем и достигается хорошая связь между предметами и сцепление слов. Равным образом, обрати внимание на своеобразие описания, требуемое каждым предметом...

ГЛАВА IX

Подражание

Под подражанием понимай здесь не то подражание, которое называется подражанием человеческим действиям путем вымысла и является тождественным с поэтическим вымыслом (о чем уже сказано кое-что в главе III этой книги и подробнее будет говориться в книге II), но прилежное занятие чтением авторов, с помощью чего мы стараемся уподобиться какому-либо выдающемуся поэту. Ведь следует знать, что недостаточно уменья и одного лишь упражнения — и даже того и другого — чтобы стать выдающимся поэтом, если у нас не будет руководителей, т. е. отличных и прославленных в поэтическом искусстве авторов, идя по стопам которых мы достигнем одинаковой с ними цели. Но чтобы ты с пользой подражал, я полагаю, тебе следует твердо помнить следующее:

а) Никто не может в совершенстве творить, не занимаясь в течение долгого времени чтением поэтов...

б) Не только полезно старательно прочитать всех более выдающихся поэтов, но в особенности необходимо читать соответственно роду поэтических произведений, каким ты хочешь заняться,— того автора, который всеми наиболее прославляется в этом роде поэзии. Тебе надо хорошо запомнить вот что: намереваясь что-либо писать, принимайся за писание не прежде, как изучив в течение долгого времени весьма основательно прославленного подобным предметом автора. Так, приступая к сочинению героической поэмы, сначала читай Виргилия; собираясь писать трагедию, посмотри Сенеку; в комедии подражай Плавту и Теренцию; в элегических стихах — Проперцию и Овидию; в сатирах — Персию, Ювеналу и Горацию; в лирическом жанре — одному только Горацию; в эпиграммах следуй только Марциалу...

г) Существуют настолько мелочные подражатели, что они стремятся подражать своим образцам даже в самых незначительных частностях. Мало того, они подражают даже некоторым недостаткам, которых иногда бывают не лишены и произведения даже великих мужей. Ведь:

И добрый наш старец Гомер иногда засыпает.

С полным правом Гораций в книге «О поэтическом искусстве» называет их «рабской скотиной», так как они исполнены чужого

вдохновения и полны робости, висят на чужих находках, словно на крюках...

ж) Кроме того, надо знать, что серьезное подражание состоит совсем не в том, чтобы развивать что-нибудь совершенно одинаковым способом с Виргилием или переносить его повествование, вымыслы, выражения или что-либо иное в наше произведение. Ведь поступать так — означает или писать пародию, или, при чрезмерном заимствовании, совершать плагиат. Такие приемы допустимы только для упражнения в подражании, чтобы таким путем мы были в состоянии усвоить стиль, которому подражаем. Подражание, следовательно, заключается в каком-то совпадении нашего мышления с мышлением какого-либо образцового автора, так что хотя бы мы и ничего не брали у него и не переносили в наше сочинение, однако оно казалось бы словно его произведением, а не нашим: до такой степени может быть похожим стиль!..

КНИГА II

ОБ ЭПИЧЕСКОЙ И ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

ГЛАВА IV

РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ ПОЭТИЧЕСКИМ И ИСТОРИЧЕСКИМ ПОВЕСТВОВАНИЕМ

У поэта с историком я не усматриваю ни в чем сходства, кроме того только, что тот и другой — повествователи. Ведь если историк иной раз употребит — не знаю как — поэтическое выражение, то это бывает редко, и этого еще мало, чтобы говорить о подлинном сродстве... Здесь я отмечу некоторые различия в обоих повествованиях.

1) Поэт отличается от историка самим родом речи, так как один пользуется стихотворной речью, а другой — прозаической, хотя и это различие, по мнению Аристотеля, не является слишком большим. Аристотель утверждает, что если передать стихами историю Геродота, то все же это будет история, а не поэма.

2) Поскольку у исторического повествования преимущественно три достоинства: краткость, ясность и правдоподобие — поэт должен соблюдать два последних, не заботясь о краткости. Мало того, он намеренно подробно распространяется там, где историк может говорить в немногих словах, за исключением более кратких повествований, которые составляют незначительную часть в поэме. Однако и здесь поэт пространнее и более подробен, чем историк.

3) Историк следует естественному порядку вещей и излагает сперва то, что совершалось раньше, а затем то, что случилось позже. Напротив, поэт располагает свое произведение в художественном порядке, и ему позволено начинать с конца и заканчивать началом или же ставить конец в середине, середину в начале, а начало в конце...

4) Стиль и украшения поэтического повествования делают его

совершенно отличным от истории. Ведь поэтам предоставлена величайшая свобода отыскивать всякого рода украшения, лишь бы только они не были напыщенными и не вредили красоте. А историческое и ораторское повествование хотя и должно быть гладким, но без всяких прикрас; причем ораторское повествование более нарядно, историческое же менее отделано. Так что историк должен быть чрезвычайно осмотрителен и скуп в выборе слов, оратор — смелее и пышнее, поэт вполне свободен и щедр. Чтобы нагляднее представить это, считай, что историческое повествование подобно какой-нибудь престарелой матроне, ораторское — царице, а поэтическое выступает, словно новобрачная, прикрашенная всякого рода изяществами. Поэтому историк сказал бы о человеке разгневанном: «он воспламенился гневом»; оратор мог бы сказать: «из-за неистовой ярости гнева, казалось, он пылал огнем». Но только поэту пристало выразиться так:

Гнев пламенеет и скорбь в костях разгорается твердых[1]...

5) Главная же разница между поэтом и историком, по наблюдению Аристотеля, заключается в том, что историк рассказывает о действительном событии, как оно произошло; у поэта же или все повествование вымышлено, или, если он даже описывает истинное событие, то рассказывает о нем не так, как оно происходило в действительности, но так, как оно могло или должно было произойти. Это все достигается благодаря вымыслу или воспроизведению, которые пора уже нам вкратце разобрать.

ГЛАВА V
О ПОЭТИЧЕСКОМ ВЫМЫСЛЕ

Вымысел бывает двояким: вымысел самого события и вымысел способа, которым это событие совершено.

Вымысел события имеет место, если поэт целиком выдумывает какое-либо событие, несуществующее и никогда не существовавшее.

Вымысел способа бывает, если поэт касается какого-либо реального события, оставляя без внимания, однако, тот способ, которым это событие осуществилось, и измышляет от себя правдоподобный способ (т. е. выдумывает, каким образом подобало или следовало этому событию совершиться). Добавим еще кое-что для объяснения того и другого.

Вымысел события равным образом бывает двояким: один подлинный, но не представляющийся вымыслом; другой — подлинный и представляющийся вымыслом.

Первый род вымысла — это когда случаи и происшествия с кем-либо, не происходившие в действительности, вымышлены по способу исторического повествования, причем к этому не присочинено

[1] Пример взят из «Энеиды» Вергилия.

ничего необычайного или выходящего за пределы вероятности...

Второй род вымысла, когда вымышляется что-либо сверхъестественное или необычайное для людей, как например совещания богов и богинь, их ссоры, чудеса и прочее в таком роде, что с легкостью обнаруживается как вымысел... Вымыслы первого рода придумываются для приятности и разнообразия длинного повествования, вымыслы же второго рода — для того, чтобы указать на некую тайну, божественную силу, помощь, гнев, кару, откровение о будущем.

Заметь здесь, что первым способом вымысла можно пользоваться без колебания как христианскому, так и языческому поэту; второй же способ христианский поэт будет применять на другом основании. Прежде всего, ему не следует вмешивать языческих богов и богинь в какие-либо дела нашего Бога или также обозначать именами богов доблести героев; пусть поэт не говорит «Паллада» вместо мудрости, «Диана» вместо целомудрия, «Нептун» вместо воды, вместо огня — «Вулкан»; их имена можно употреблять лишь метонимически... Примером для нас пусть будут два замечательных поэта из новых — Акций Синцер Санназарий[1] и Торквато Тассо...

Вымысел же способа бывает примерно так: выбрав событие, поэт не исследует, как оно совершалось, но, созерцая, изображает, как оно могло совершиться... В конце концов он должен, повествуя о вымышленных или подлинных предметах, поступать совершенно так же, как поступает живописец, рисуя картины. Как художник, услышав о каком-нибудь событии, сначала обдумывает, зрительно представляет себе местность и лица и долго соображает, каким образом — если дело идет о сражении — одни мечут издали стрелы, другие сражаются врукопашную мечами и копьями, как эти обратились в бегство или рассеялись, а те их неотступно преследуют, как поверженные и раненные, каждый по-разному, испускают дух,— все это художник сначала в отдельности как бы рисует в уме, наконец переносит на картину и искусно отделывает частности. Совершенно так же и поэт должен поглубже рассмотреть действительное событие умственным взором и по-своему измыслить правдоподобное. Как я, по крайней мере, считаю, замысел у поэта и живописца совершенно один и тот же; отличие между ними только в осуществлении, так как этот переносит свои замыслы красками на картину, а тот — словесными фигурами и стихами на страницу. Вследствие этого, думаю, родства поэзии с живописью и прославилось присловье, гласящее: поэзия есть говорящая живопись, а живопись — немая поэзия...

Однако вымышляет ли поэт все целиком событие или только способ его осуществления, он должен принять в соображение пре-

---

[1] *Акций Синцерий Санназарий*, или *Якопо Саннадзаро* (1458—1530) — итальянский поэт и прозаик эпохи Возрождения.

красное указание Аристотеля в его книгах «О поэтическом искусстве», а именно: в определенных отдельных лицах отмечать общие добродетели и пороки. Для лучшего уразумения знай, что человеческие действия можно рассматривать и разделить двояко. Одни действия совершаются так, что человеку, их творящему, исполнение их кажется произвольным, все равно, подобает ли их ему совершать или нет. Другие же действия, независимо от того, совершаются ли они или нет, рассматриваются как неизбежные вследствие природных свойств, рода, состояния, должности или звания какого-либо лица. Например, пьянство, шатание по городу, нападение на первых встречных и другие подобные действия может совершать и государь, но они не соответствуют его званию. Наоборот, государь может рисовать, петь, играть на кифаре, что не умаляет его достоинства, однако служит ему лишь как частному человеку, а не как государю. Но зато мудрое управление государством, законодательство, судебная деятельность, приговоры, распределение наград — это дело государя, и по нему-то и распознают государя, а на основании вышеперечисленных действий всего менее распознаешь — если только не прибавлено обозначение — царя, полководца, консула. Итак, эти последние действия я называю общими, так как они подобают всякому государю, поскольку он является таковым; первые же — частными или особыми, потому что они касаются государя не со стороны его общественных обязанностей, а его частных вкусов и не как государя, но как Ганнибала, Александра, Филиппа или Пирра. Итак, историк верно рассказывает и о том и о другом, как оно было в действительности... Поэт же, пренебрегая первыми упомянутыми чертами, рассматривает у какого-либо героя вторые, т. е. не пишет, что именно он совершил, но что могло или должно быть им совершено. Если поэт хочет воспеть храброго полководца, то не исследует пытливо, как он вел войны, но обдумывает, каким способом должен вести войну любой храбрый полководец, и этот способ приписывает своему герою. По этой причине Аристотель говорит, что поэзия есть нечто превосходящее историю и более философское. Ведь философия рассматривает вещи взятые вообще, а не каждую в отдельности, так как, по словам диалектиков, не бывает науки о частностях. Однако в этом отношении поэзия расходится и с философией, потому что философ разбирает общее вообще и не ограничивает его какими-либо особенностями. Поэт же, правда, рисует общие пороки либо добродетели, но как особые действия какого-либо лица. Политический философ учит, что такой-то должен быть храбрым. Поэт же воспевает, что таков был Улисс, таков был Эней. Итак, поэзия и отличается от философии и истории, и каким-то образом касается их словно обеими руками. Поэт описывает деяния определенных лиц, что делает и историк; но историк излагает, как они были совершены, поэт же — как должны были совершаться. Поэт, так же как и философ, наблюдает общие действия людей, но философ рассматривает их отвлеченно, без примеров, поэт же приписывает их

определенным лицам. Причина, почему поэт должен таким способом подходить к делу, заключается в том, что цель поэта не передавать потомству память о деяниях, как у историка, а учить людей, какими они должны быть при том или ином положении в жизни; это делают также и политические философы. Однако поэт выказывает свое гражданское учение, словно в некоем зеркале, в деяниях какого-либо героя и, восхваляя, ставит его в пример прочим...

1705

ВЛАДИМИР

всех славенороссийских стран князь и повелитель, от неверия тьмы во великий свет евангельский духом святим приведен в лето от рождества христова 988; нине же в преславной академии Могило-мазеповианской киевской, приветствующей ясневельможного его царского пресветлого величества войска запорожского обоих стран Днепра гетмана и славного чину святого Андрея апостола кавалиера Иоанна Мазепи, превеликого своего ктитора, на позор российскому роду от благородных российских сынов, доброе зде воспитуемых, действием, еже от поетов нарицается трагедокомедия, лета господня 1705, июля 3 дня, показанный

(Отрывок)

(Тень Ярополка рассказывает об убийстве Ярополка по наущению Владимира верховному жрецу и волхву Жериволу и открывает ему замысел Владимира принять христианство. Жеривол угрожает поднять на Владимира все волшебные силы.

При наступлении праздника Перуна жрец Куроянд призывает людей к принесению жертв богам. Другой жрец, Пиар, останавливает Курояда. Пришедший Жеривол сообщает жрецам об угрозе язычеству и вызывает духов; являются бесы и обещают жрецам помощь.

По повелению Владимира Жеривол ведет прение о вере с греческим послом-философом, причем обнаруживает полное невежество. Князь прогоняет жрецов, философ же склоняет его к принятию новой веры. Во сне и наяву Владимир терпит искушения: бес мира насылает на него горделивые помыслы, бес хулы — бранные, бес тела — плотские; князь побеждает искушения; столь же безуспешно его прельщают Прелесть и ее подруги.)

ДЕЙСТВИЕ 5

Явление первое

Курояд, Пиар

Курояд. Ясти мне хощется, о ясти! Горе! Ясти!
Ясти хочу. Горе мне! Приходит пропасти.
Пиар. Куроядe, где ти был? Где был еси ныне?
Курояд. Дабы тако не жив был князь наш (наедине
С тобою беседую), яко богом жертва
чрез него вся оскуде! О, аще бы мертва
Слышах его, слышах бы весть радостну, нову...

Пиар. Кая вина?

Кpropoяд. Уверив философа слову,
Запрети приносити жертву по всем градом.

Пиар. Мала се еще злоба.

Куроянд. Убивати гладом
Малу злобу зовеши? А еще пречестных
жрецов и молебников за весь мир нелестных!
Се аз ходих на село курей куповати.
И когда сие бяше!

Пиар. Горшее слышати,
Вижу, ти не случися? Что глаголют мнозы,
молю тя, кто болий ест — жерцы или бозы?

Куроянд. Вем, что вопрошаеши: аки бы скорб сию
о мне имел. Ни, друже! Мене не жалею,
Жалею богов. Ибо аще оскудеет
жертва, аз куплю мяса, но бог не имеет
Пенязей и не пойдет на село: глад убо
нам — ему смерть готова. И сие сугубо
Печалива мя творит.

Пиар. Еще ты не веси
злобы его горшия? Как его беси
На богов возъяриша? Повеле повсюду
крушити боги. Видех, како уд от уду
Отторжен валяшеся, многим носи, нозы
урезание видех. О благие бозы!
Болею за вас зело. Чи не скорб се, друже?
Ладо не может уже плясати, ему же
Сие дело от богов всех ест порученно,
Но токмо лакти движет всуе недейственно.
Мошко же отнюд кадил не возможет чути,
а Позвизд (О скорб моя! О жалю мой лютий!)
Пребиту голень имать и храмлет стеняя.
Но слиши множайшия и крайная злая.
Что видех, окаянний! Зри вещь неподобну:
Дети студнии, кумир рассекши подробну,
Во главу, аки в сосуд, испраздняют стомах [1].

Куроянд. Что главе творят?

Пиар. Стомах испраздняют.

Куроянд. Ах, ах!
Да како их не пожрет земля, се видяще!
Весть ли сие Жеривол?

Пиар. Курояде, аще
Увесть сия Жеривол, предасть духа богу.

Куроянд. Но где он ест? Не веси?

---

[1] Желудок, утробу.

Пиар. Впаде во премногу
Болезнь от скорбей многих и едва возможет
убежати от смерти. Зело бо не может
Ясти, ни вкуса чует; третий день минает,
отнель[1] он единого токмо пожирает
Бика на день.

Курояд. О люте! Все мы измрем гладом!
О княже беззаконный! Да бы ти над адом
Царствовал, не над намы, не над русским родом

Пиар. Молчи! Тешимся твоим, господи, приходом.

Явление второе

Мечислав, вожд Храбрий, Пиар, Курояд

Мечислав. Кое зде дело, жерцы! Воистинну дивний
упор сей! Вы едины имате противны
Быти воле княжеской? О столпи безумны!
Скоты бессловесные! Старцы детоумны!

Курояд. Что толиким, господи, движеши нас страхом?

Мечислав. Ни ли слишасте воли княжей?

Курояд. Не слышахом
Воистину. Кая ест?

Храбрий. Убо еста глуха?
Трубный глас извещаше.

Пиар. Но не дойде слуха
Нашего. Ми зде равно прийдохом от пути;
не бихом днесь в Киеве. Но воспомянути
Извольте, господие, кой указ есть княжий.
Мы творим волю его. Воистинну вражий
Дух бы был, аще бы кто противился воле
толикого владыки.

Мечислав. Убо вам дотоле
Несть вестно, яко всюду крушити кумиры
князь повеле, наставшей християнской вере?

Пиар. Се новое слишим мы.

Курояд. Ниже нам чаянно.

Мечислав. Како? Вся весть Россия, вам же неслыханно
Доселе ест. Лжете, псы!

Пиар. О господи, буди,
яко же глаголеши; обаче мы люди
Простии, не слышахом.

Курояд. Да не прогневится
власть твоя, ваша повесть отнюд быти мнится
Неудоб верительна: наш боголюбивый
князь есть.

[1] С тех пор, как.

Мечислав. О горе тебе! Ти ли мне, псе лживий,
Лгати велиши? Убо от твоего ж дела
явлю истину: круши идоли.

Курояд. Сечила
Не имам со собою.

Мечислав. Воины, дадете
оружие.

Курояд. Милости прошу, не мучете
Больного. Виждте, яко не могу подъяти.

Мечислав. Уд непослушный мечем достоит отъяти.

Курояд. Люте мне!

Мечислав. Воины, дадете
наступи. Ни ли и ти тогожде недуга
Вредом ослаблен еси?

Пиар. Послухай мя мало,
владико! Се Ладо ест бог, а се Купало,
А се Перун великий; с теми убо, яко
хощете вы творете, сего же никако
Не вредете, молю вас. Ах, с коликим страхом
поминаем, что о нем от древних прияхом.
Прорекоша древние жерцы, яко аще
вредит кто бога сего, тогда, то видяще,
Солнце лучи закриет, Днепр же воспятится,
Киев, трусом низвержен, во прах обратится.
Молю вас, не дерзайте.

Храбрий. Друзы, дерзнем сие
уведати: дело нам страх сей явственнее
Покажет. О великий! О боже преславний!
Не прогневайся на ны: что веле державний
Князь достоить творити. Аще погибаем,
яко же прещаеши, обаче дерзаем.

Пиар. Не дерзайте, молю вас. О люте! О горе!
Зрете: трясется земля, падет град воскоре.
Падет град! Что творите? Не могу стояти
на ногах.

Мечислав. Лживий лестче! Не досит ли лгати?

Пиар. Солнце изменяется.

Мечислав. О колико бяше
льщение! Колико же невежество наше!
Кая слепота! Камень и древо бездушно,
аки бога, лживого, усердно, вседушно
Умильно почитати и тих рабом быти,
их же раб мой, художник, обиче творити...

(В заключение трагедокомедии хор вкратце говорит об истории России и завершает пьесу прославлением Петра I и его дел.)

1705

ЕПИНИКИОН
СИЕСТ ПЕСНЬ ПОБЕДНАЯ О ТОЕЙЖДЕ ПРЕСЛАВНОЙ ПОБЕДЕ

(Отрывки)

Блисну огнем все поле; многия воскоре
Излетеша молния; не таков во море
Шум слышится, егда ветр на ветр ударяет,
Ниже тако гром з темных облаков рыкает,
Яко гремят армати [1], и гласом и страхом,
И уже день помрачи дым, смешен со прахом.
Страшное блистание, страшный и великий
Град падает железный; обаче толикий
Страх не может России сил храбрих сотерти:
Не боится, не радит о видимой смерти.
Но егда тя, о царю и воине сильный,
Узре посреди огня, объять ю страх зельный,
Вострепета и крайней убояся страсти,
Да бы в едином лицу всем не пришло пасти.
Но не попусти прийти бедству таковому
Бог сильный. Абие бо от горнего дому
Ниспосла щит (щит, им же во лютое время
Хранит грады, и царства, и людское племя)
И вся на главу твою и на твоя силы
Летущие сотвори бездельные стрелы.
Свей [2] же, во оружии своем уповая,
Гинет явственне, егда коей избивая
Смерти, огнем летущей; лиется кровь всюду;
Стелет землю трупие; мало уже люду
Зрится во полках его. И недолго бяше
Сумнительна победа. О блаженство наше!..

О сем преславном деле, в песнех неслыханном,
Пети будет весельник по морю пространном;
Пети будет на холме путник утружденный,
И оповесть иногда леты изнутренный
Старец внуком, и, яко своима очима
Виде то, внуци старца нарекут блажима.
Мало се: пройдет скоро глас сей торжественный,
На мир весь сугубому верху подложенный.
Всяк слышай сумненные мысли в сердце приймет,
И всех силы твоея страх велий обиймет;
Вси твоей начнут дружбы, вси мира желати
И не дерзнут русского Марса раздражати...

1709

---

[1] Пушки.
[2] Швед.

СЛОВО НА ПОГРЕБЕНИЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Что се есть? До чего мы дожили, о россиане? Что видим? Что делаем? Петра Великого погребаем! Не мечтание ли се? Не сонное ли нам привидение? О, как истинная печаль! О, как известное наше злоключение! Виновник бесчисленных благополучий наших и радостей, воскресивший аки от мертвых Россию и воздвигший в толикую силу и славу, или паче, рождший и воспитавший прямый сый отечествия своего отец, которому по его достоинству добрии российстии сынове бессмертну быть желали, по летам же и состава крепости многолетно еще жить имущего вси надеялися,— противно и желанию и чаянию скончал жизнь и — о лютой нам язвы! — тогда жизнь скончал, когда по трудах, беспокойствах, печалех, бедствиях, по многих и многообразных смертех жить нечто начинал. Довольно же видим, коль прогневали мы тебе, о боже наш! И коль раздражили долготерпение твое! О недостойных и бедных нас! О грехов наших безмерия! Не видяй сего слеп есть, видяй же и не исповедуяй в жестокосердии своем окаменен есть. Но что нам умножать жалобы и сердоболия, которые утолять елико возможно подобает. Как же то и возможно! Понеже если великие его таланты, действия и дела воспомянем, еще вяще утратою толикого добра нашего уязвимся и возрыдаем. Сей воистину толь печальной траты разве бы летаргом некиим, некиим смертообразным сном забыть нам возможно.

Кого бо мы, и каковаго, и коликого лишилися? Се оный твой, Россие, Сампсон, каковый да бы в тебе могл явитися никто в мире не надеялся, а о явльшемся весь мир удивился. Застал он в тебе силу слабую и сделал по имени своему каменную[1], адамантову; застал воинство в дому вредное, в поле не крепкое, от супостат ругаемое, и ввел отечеству полезное, врагом страшное, всюду громкое и славное. Когда отечество свое защищал, купно и возвращением отъятых земель дополнил и новых провинций приобретением умножил. Когда же востающыя на нас разрушал, купно и зломыслящих нам сломил и сокрушил духи и, заградив уста зависти, славная проповедати о себе всему миру повелел.

Се твой первый, о Россие, Иафет, неслыханное в тебе от века дело совершивший, строение и плавание корабельное, новый в свете флот, но и старым не уступающий, как над чаяние, так выше удивления всея селенныя, и отверзе тебе путь во вся концы земли и простре силу и славу твою до последних окиана, до предел пользы твоея, до предел, правдою полагаемых, власть же твоея державы, прежде и на земли зыблющуюся, ныне и на море крепкую и постоянную сотворил.

---

[1] Имя «Петр» происходит от греческого «камень».

Се Моисей твой, о Россие! Не суть ли законы его, яко крепкая забрала правды и яко нерешимые оковы злодеяния! Не суть ли уставы его ясныя, свет стезям твоим, высокоправительствующий сигклит[1] и под ним главные и частные правительства, от него учрежденные! Не светила ли суть тебе к поисканию пользы и ко отражению вреда, к безопасию миролюбных и ко обличению свирепых! Воистину оставил нам сумнение о себе, в чем он лучший и паче достохвальный, или яко от добрых и простосердечных любим и лобызаемь, или яко от нераскаянных лестцов и злодеев ненавидимь был.

Се твой, Россие, Соломон, приемший от господа смысл и мудрость многу зело. И не довольно ли о сем свидетельствуют многообразная философская искусства и его действием показанная и многим подданным влиянная и заведенная различная, прежде нам и неслыханная учения, хитрости и мастерства; еще же и чины, и степени, и порядки гражданские, и честные образы житейского обхождения, и благоприятных обычаев и нравов правила, но и внешний вид и наличие краснопретворенное, яко уже отечество наше, и отвнутрь и отвне, несравненно, от прежних лет лучшее и весьма иное видим и удивляемся.

Се же твой, о и церкве российская, и Давид и Константин. Его дело — правительство синодальное, его попечение — пишемая и глаголемая наставления. О, коликая произносило сердце сие воздыхания о невежестве пути спасенного! Коликие ревности на суеверия, и лестнические притворы, и раскол, гнездящийся в нас безумный, враждебный и пагубный! Коликое же в нем и желание было и искание вящего в чине пастырском искусства, прямейшего в народе богомудрия и изряднейшего во всем исправления!

Но о многоименитого мужа! Кратким ли словом обымем бесчисленные его славы, а простирать речи не допускает настоящая печаль и жалость, слезить токмо и стенать понуждающая. Негли со временем нечто притупится терн сей, сердца наша бодущий, и тогда пространнее о делах и добродетелех его побеседуем. Хотя и никогда довольно и по достоинству его возглаголати не можем; а и ныне, кратко воспоминающе и аки бы токмо воскрилий риз его касающесе, видим, слышателие, видим, беднии мы и несчастливии, кто нас оставил и кого мы лишилися.

Не весьма же, россиане, изнемогаем от печали и жалости, не весьма бо и оставил нас сей великий монарх и отец наш. Оставил нас, но не нищих и убогих: безмерное богатство силы и славы его, которое вышеименованными его делами означилося, при нас есть. Какову он Россию свою сделал, такова и будет: сделал добрым любимою, любима и будет; сделал врагом страшную, страшная и будет; сделал на весь мир славную, славная и быть не преста-

[1] Речь идет о правительствующем Сенате.

нет. Оставил нам духовная, гражданская и воинская исправления. Убо оставляя нас разрушением теле своего, дух свой оставил нам.

Наипаче же в своем в вечная отшествии не оставил нас сирых. Како бо весьма осиротелых нас наречем, когда державное его наследие видим, прямого по нем помощника в жизни его и подобонравного владетеля по смерти его, тебе, милостивейшая и самодержавнейшая государыня наша, великая героина, и монархиня, и матерь всероссийская! Мир весь свидетель есть, что женская плоть не мешает тебе быть подобной Петру Великому. Владетельское благоразумие и матернее благоутробие, и природою тебе от бога данное, кому не известно! А когда обое то утвердилося в тебе и совершилося, не просто сожитием толикого монарха, но и сообществом мудрости, и трудов, разноличных бедствий его, в которых чрез многая лета, аки злато в горниле искушенную, за малое судил он иметь ложа своего сообщницу, но и короны, и державы, и престола своего наследницу сотворил[1]. Как нам не надеяться, что сделанная от него утвердишь, недоделанная совершишь и все в добром состоянии удержишь! Токмо, о душе мужественная, потщися одолеть нестерпимую сию болезнь твою, аще и усугубилася она в тебе отъятием любезнейшей дщери[2] и, аки жестокая рана, новым уязвлением без меры разъярилася. И якова ты от всех видима была в присутствии подвизающегося Петра, во всех его трудех и бедствиях неотступная бывши сообщница, понудися такова же быти и в прегорьком сем лишении.

Вы же, благороднейшее сословие, всякого чина и сана сынове российстии, верностью и повиновением утешайте государыню и матерь вашу, утешайте и самих себе, несумненным познанием петрова духа в монархине вашей видяще, яко не весь Петр отшел от нас. Прочее припадаем вси господеви нашему, тако посетившему нас, да яко бог щедрот и отец всякия утехи ее величеству самодержавнейшей государыне нашей и ее дражайшей крови — дщерям, внукам, племянницам и всей высокой фамилии отрет сия неутолимые слезы и усладит сердечную горесть благостынным своим призрением и всех нас милостивне да утешит. Но, о Россие, видя кто и каковый тебе оставил, виждь и какову оставил тебе. Аминь.

1725

---

[1] Екатерина была коронована 7 мая 1724 г., «наследницей» она была объявлена по смерти Петра (умер 28 января 1725 г.).

[2] Цесаревна Наталья Петровна умерла в шестилетнем возрасте, 4 марта 1725 г. Петр и его дочь были погребены в один день, 8 марта.

ФЕОФАН АРХИЕПИСКОП НОВГОРОДСКИЙ К АВТОРУ САТИРЫ

1

Не знаю, кто ти, пророче рогатий [1],
знаю, коликой достоин ти славы.
Да почто ж было имя укривати?
Знать, тебе страшны сильных глупцов нравы.
Плюнь на их грозы! Ти блажен трикрати.
Благо, что дал бог ум тебе толь здравий.
Пусть весь мир будет на тебе гневливый,
ты и без счастья довольно счастливий.

2

Объемлет тебе Апполин великий,
любит всяк, иже таинств его зритель.
О тебе поют парнасские лики,
всем честным сладка твоя добродетель
И будет сладка в будущие веки,
а я и ныне сущий твой любитель.
Но сие за верх славы твоей буди,
что тебе злие ненавидят люди.

3

А ти, как начал, течи путь изрядний,
коим книжнии теклы исполины,
И пером смелим мещи порок явний
на нелюбящих ученой дружини
И разрушай всяк обичай злонравний,
желая в людех доброй перемени,
Кой плод учений не един искусит,
а злость дураков язик свой прикусит.

1730

---

[1] Стихотворение обращено к А. Д. Кантемиру. «Пророче рогатый» — поэт-сатирик. В поэме «Петрида» (1730) сам Кантемир писал о себе:

Я той, иже некогда забавными слоги,
Не зол, устремлял свои с охотою роги,
Бодя иль злонравия мерзкие преступки,
Иль обычьем ствердимы не в пользу поступки.

Аналогичное сравнение сатирика с быком поэт употребил в «Письме II. К стихам своим»: «Меня меж бодливыми причислят быками», сопроводив в примечании развернутыми пояснениями и указав на источник образа — четвертую сатиру первой книги сатир Горация.

ЛИТЕРАТУРА 1730-1750-х ГОДОВ

А. Д. КАНТЕМИР

ПРЕДИСЛОВИЕ К САТИРАМ

Сатиру назвать можно таким сочинением, которое, забавным слогом осмеивая злонравие, старается исправлять нравы человеческие. Потому она в намерении своем со всяким другим нравоучительным сочинением сходна; но слог ее, будучи прост и веселый, читается охотнее, а обличения ее тем удачливее, что мы посмеяния больше всякого другого наказания боимся.

Сатира начало свое приняла на позорищах [1], где между действами трагедии вводилися для увеселения смотрителей смешные явления, в которых действители, в образе сатир, грубыми и почти деревенскими шутками пятнали граждан злые нравы и обычаи. Такое изображение римляне, грекам последуя, на своих позорищах завели; а потом и кроме зрелища порядочными стихами сатирические творения составлять стали. Луциус некто в том дорогу показал Горацию, Персию и Ювеналу, а сии итальянским, французским и прочих народов сатирикам.

Я, в сочинении своих, наипаче Горацию и Боалу, французу, последовал, от которых много занял, к нашим обычаям присвоив. Читателям моим оставляю судить, сколько я в сем опыте нового на нашем языке сочинения преуспел. Новость предприятия, может быть, извинит погрешения слога; а осторожное обличение злонравия подлинно не осудят любители добродетели. От злонравных ничего не ожидаю, хуление и хвалу, гнев и любовь их равно презирая.

1743

НА ВТОРУЮ САТИРУ К ЧИТАТЕЛЮ ПРЕДИСЛОВИЕ

(Отрывки)

Надеюся, что между прочими читательми будут и такие, которые, лише прочтут титул сатиры, взбунтуются на бедного сатирика. «Что же! — скажут.— Уж враль сей мер своих не знает. Не довольно было того, что сначала хулил тех, которые до наук не охотники,— теперь еще без панциря против дворян наступает; напоследок он нам ничего не оставит, что б, по его мнению, можно бы правильно делать. Кто его поставил судьею над нами?» У таковых читателей покорно прошу, чтоб терпеливо выслушали короткие мои резоны, которые им представить имею: неправеден бо суд, где ответчику потакают, а челобитчика не слушают.

В первой моей сатире если я кого хулил, то подлинно таких, которые по всему хулы достойны, и нимало я не вышел из правды

[1] На сценах театров.

пределов; защищал науку от невежд и неприятелей ее, да не от таких невежд, которые ничего не знают, но которые ничего знать не хотят и для того всякое знание хулят, проповедуя, что не только оно не полезно, но и вредно народу. Согрешил ли я в том? чаю, нет. Если убо тогда, одну добродетель защищая, не согрешил, виноват ли я теперь, когда все вместе защищаю?..

...Для того я больше сожалею тех, которые на меня сердитовать станут, нежели плачу о себе, что в их гнев впасть имею. На последний же их вопрос, которым ведать желают, кто меня судьею поставил, ответствую, что все, что я пишу, пишу по должности гражданина, отбивая все то, что согражданам моим вредно быть может...

1731(?)

ПИСЬМО ХАРИТОНА МАКЕНТИНА К ПРИЯТЕЛЮ О СЛОЖЕНИИ СТИХОВ РУССКИХ

(Отрывки)

ГЛАВА I
О РОДАХ СТИХОВ

СТИХИ СТЕПЕННЫЕ[1]

Я стихи русские разделяю на *три рода*. *Первого* составлены, наподобие греческих и латинских, стопами без рифм, каков есть следующий:

Христе любви пламень един еси вышнего сыне.

Правда, что тот род стихов никто из наших стихотворцев не употреблял; но, однако ж, я не вижу, для чего б они не могли иметь места в русском стихотворстве. Различие русского языка с греческим в составе грамматическом не столь велико...[2]

СТИХИ СВОБОДНЫЕ

Второго рода стихи состоят из некоего определенного числа слогов, хранящих некую определенную же меру в ударении голоса, и которые я бы назвал, итальянцам последуя, *свободными*, каковы суть следующие:

Долго думай, что о ком и кому имеешь
Сказать. Любопытного беги: говорлив он;
Бесперечь отверстые уши не умеют
Вверенное сохранять; а слово, однажды
Выпущенное из уст, летит невозвратно.

---

[1] Принятое Кантемиром разделение на параграфы здесь опускается.

[2] Полемика с Тредиаковским, категорически отрицавшим возможность употребления в русском стихосложении стоп трехсложных (дактиль и др.) и смешанных (типа дактило-хореического гекзаметра). После смерти Кантемира Тредиаковский приписал себе честь его открытия.

Как я не чаю, что стихотворство русское *одно и тое же с французским*, так и не смогу согласиться, что *такие, без рифм, стихи некрасивы на русском языке* для того, что у французов не в обыкновении... Итальянцы, гишпанцы, англичане и, может быть, другие еще, коих язык мне незнаком, имея подобные нам способы, были много удачливы в *свободных стихах*. Для чего бы нам не предпочесть суд стольких народов? [1]

СТИХИ ОДНОКОНЧАТЕЛЬНЫЕ

Третьего рода стихи совсем предыдущим подобны, только что по меньшей мере всякие два должны кончаться рифмою...

ГЛАВА II
О ВЫБОРЕ РИФМ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ РИФМЫ

Рифма изрядно определена *подобным окончанием последних слогов двух речей*, но, чаю, нужно к тому примечать, что многосложные речи русские иные имеют *ударение голоса* на последнем слоге, как *рука, звезда, толокно,* иные — на предпоследнем, как *сажа, сочевица, окошко;* иные на предпредпоследнем, как *стенание, изряднее, любимица* (не упоминая о других, в которых ударение еще далее относится, как в слове *всяческая*, понеже к нашему делу не служат).

РИФМА СКОЛЬКИХ ВИДОВ

Потому рифмы могут быть *односложны, двухсложны* и *трехсложны*. Первые называются *тупыми,* вторые — *простыми,* третьи — *скользкими.*

ГЛАВА III
О ВОЛЬНОСТЯХ РИФМ

Совсем не хвалю преложение силы [2] с одного слога на другой, так, чтоб вместо *главá* писать *глáва,* вместо *закóн* писать *зáкон* и проч.

ГЛАВА IV
О МЕРЕ СТИХОВ

СКОЛЬКИХ ВИДОВ СТИХИ

Стихи русские могут составлены быть от тринадцати до четырех слогов.

---

[1] Спор с Тредиаковским, который настаивал на обязательности рифмы в русских стихах. Впрочем, впоследствии он также приписал введение нерифмованных (белых) стихов в русскую поэзию себе.

[2] Ударения.

СТОП РАССУЖДЕНИЕ НЕ НУЖНО

По моему мнению, рассуждение стоп в составлении всех оных излишно. Но нужно наблюдать, чтоб во всяком стихе на некоторых двух слогах лежало ударение голоса.

ЧТО СЛОГ ДОЛГИЙ И КОРОТКИЙ?

Такие слоги называю я *долгими*, а прочие все *короткими*. Например, в речи *изрядная* слог *ря* есть долгий, *из, дна, я* — короткие.

ПЕРЕНОС ПОЗВОЛЕН

Я не вижу, для чего б *перенос* речи из первого стиха в другой, следующий, когда одним целое разумение речи кончить не можно, был запрещен. Греки, латины, итальянцы, ишпанцы, англичане не только в порок то не ставят, но и украшение стихам почитают. Перенос не мешает чувствовать ударение рифмы доброму чтецу, а весьма он нужен в сатирах, в комедиях, в трагедиях и в баснях, чтоб речь могла приближаться к простому разговору. К тому же без такого переносу долгое сочинение на рифмах становится уху докучно частым рифмы повторением, от которого напоследок происходит не знаю какая неприятная монотония, как то французы своим стихотворцам сами обличают...

ПРАВИЛА ТРИНАДЦАТИСЛОЖНОГО СТИХА

Тринадцатисложный стих, который изрядно *эроическим* назван, для того что всех способнее соответствует эксаметру греческому и латинскому, должен состоять из двух полустиший...

Первое полустишие имеет семь слогов, второе — шесть...

Слоги первого полустишия по четвертый могут быть долгие и короткие, как ни случится; но неотменно нужно, чтоб или *седьмой* был долгий, или *пятый*. И в сем последнем случае — чтоб *шестой* и *седьмой* были короткие.

Второго полустишия *предпоследний* слог всегда должен быть долгий; так, что ежели рифмами пишется, то была бы она неотменно двухсложная, ибо мне мнится, что тупые рифмы в таких стихах весьма уху несносны...

Но буде кому угодно кончить сей стих тупою рифмою, то должен последнее полустишие таким образом учреждать, чтоб *третий* и *шестой* слог были долгие, а *четвертый* и *пятый* — короткие неотменно...

Остается о том одном напомянуть, что когда имеем сочинять какую песню по данному голосу[1], то уже совсем от вышепредписанных правил, сколько меры касается, увольняться можем, еже-

---

[1] Напеву, мотиву.

ли состоянию напева не согласуются, понеже в песнях нужно, чтоб ударение в речах соответствовало долготе или краткости голоса и число слогов стиха соглашалося числу нот, а сечения — падежам [1] песни...

1743

САТИРА I
НА ХУЛЯЩИХ УЧЕНИЯ
К УМУ СВОЕМУ

Уме недозрелый, плод недолгой науки!
Покойся, не понуждай к перу мои руки:
Не писав летящи дни века проводити
Можно и славу достать, хоть творцом не слыти.
Ведут к ней нетрудные в наш век пути многи,
На которых смелые не запнутся ноги;
Всех неприятнее тот, что босы проклали
Девять сестр [2]. Многи на нем силу потеряли,
Не дошед; нужно на нем потеть и томиться,
И в тех трудах всяк тебя, как мору, чужится,
Смеется, гнушается. Кто над столом гнется,
Пяля на книгу глаза, больших не добьется
Палат, не расцвеченна марморами саду;
Овцу не прибавит он к отцовскому стаду.
Правда, в нашем молодом монархе надежда
Всходит Музам немала; со стыдом невежда
Бежит его. Аполлин славы в нем защиту
Своей неслабу почул, чтяща свою свиту
Видел его самого, и во всем обильно
Тщится множить жителей парнасских он сильно.
Но та беда: многие в царе похваляют
За страх то, что в подданном дерзко осуждают.
«Расколы и ереси науки суть дети,
Больше врет, кому далось больше разумети.
Приходит в безбожие, кто над книгой тает,—
Критон с четками в руках ворчит и вздыхает
И просит, святая душа, с горькими слезами
Смотреть, сколь семя наук вредно между нами: —
Дети наши, что перед тем тихи и покорны
Праотческим шли следом к божией проворны
Службе, с страхом слушая, что сами не знали,
Теперь к церкви соблазну Библию честь [3] стали;
Толкуют, всему хотят знать повод, причину,

---

[1] Музыкальным тактам.
[2] Музы.
[3] Как католическая, так и православная церковь категорически запрещала читать («честь») Библию «мирянам», т. е. не монахам и не священникам.

Мало веры подая священному чину;
Потеряли добрый нрав, забыли пить квасу,
Не прибьешь их палкою к соленому мясу;
Уже свечек не кладут, постных дней не знают;
Мирскую в церковных власть руках лишну чают,
Шепча, что тем, что мирской жизни уж отстали,
Поместья и вотчины весьма не пристали».
Силван другую вину наукам находит:
«Учение,— говорит,— нам голод наводит;
Живали мы преж сего, не зная латыне,
Гораздо обильнее, чем мы живем ныне,
Гораздо в невежестве больше хлеба жали,
Переняв чужой язык, свой хлеб потеряли.
Буде речь моя слаба, буде нет в ней чину
Ни связи, должно ль о том тужить дворянину?
Довод, порядок в словах — подлых то есть дело,
Знатным полно подтверждать иль отрицать смело.
С ума сошел, кто души силу и пределы
Испытает; кто в поту томится дни целы,
Чтоб строй мира и вещей выведать премену
Иль причину,— глупо он лепит горох в стену.
Прирастет ли мне с того день к жизни, иль в ящик
Хотя грош? могу ль чрез то узнать, что приказчик,
Что дворецкий крадет в год? как прибавить воду
В мой пруд? как бочек число с винного заводу?
Не умнее, кто глаза, полон беспокойства,
Коптит, печась при огне, чтоб вызнать руд свойства;
Ведь не теперь мы твердим, что буки, что веди,—
Можно знать различие злата, серебра, меди.
Трав, болезней знание — голы все то враки;
Глава ль болит — тому врач ищет в руке знаки;
Всему в нас виновна кровь, буде ему веру
Дать хочешь. Слабеем ли — кровь тихо чрез меру
Течет; если спешно — жар в теле,— ответ смело
Дает, хотя внутрь никто видел живо тело.
А пока в баснях таких время он проводит,
Лучший сок из нашего мешка в его входит.
К чему звезд течение числить, и ни к делу,
Ни кстати за одним ночь пятном не спать целу?
За любопытством одним лишиться покою,
Ища, солнце ль движется, или мы с землею?
В часовнике можно честь на всякий день года
Число месяца и час солнечного всхода.
Землю в четверти делить без Евклида смыслим;
Сколько копеек в рубле — без алгебры счислим».
Силван одно знание слично людям хвалит,
Что учит множить доход и расходы малит;
Трудиться в том, с чего вдруг карман не толстеет,

Гражданству вредным весьма безумством звать смеет.
Румяный, трожды рыгнув, Лука подпевает:
«Наука содружество людей разрушает;
Люди мы к сообществу божия тварь стали,
Не в нашу пользу одну смысла дар прияли.
Что же пользы йному, когда я запруся
В чулан, для мертвых друзей — живущих лишуся?
Когда все содружество, вся моя ватага
Будет чернило, перо, песок да бумага?
В весельи, в пирах мы жизнь должны провождати:
И так она недолга,— на что коротати,
Крушиться над книгою и повреждать очи?
Не лучше ли с кубком дни прогулять и ночи?
Вино — дар божественный, много в нем провору:
Дружит людей, подает повод к разговору,
Веселит, все тяжкие мысли отымает,
Скудость знает облегчать, слабых ободряет,
Жестоких мягчит сердца, угрюмость отводит,
Любовник легче вином в цель свою доходит.
Когда по небу сохой бразды водить станут,
А с поверхности земли звезды уж проглянут,
Когда будут течь к ключам своим быстры реки
И возвратятся назад минувшие веки,
Когда в пост чернец одну есть станет вязигу,—
Тогда, оставя стакан, примуся за книгу».
Медор тужит, что чресчур бумаги исходит
На письмо, на печать книг, а ему приходит,
Что не в чем уж завертеть завитые кудри;
Не сменит на Сенеку он фунт доброй пудры.
Перед Егором [1] двух денег Виргилий не стоит,
Рексу [2], не Цицерону, похвала достоит.
Вот часть речей, что на всяк день звучат мне в уши;
Вот для чего я, уме, немее быть клуши [3]
Советую. Когда нет пользы, ободряет
К трудам хвала,— без того сердце унывает.
Сколько ж больше вместо хвал да хулы терпети!
Трудней то, неж пьянице вина не имети,
Нежли не славить попу святую неделю,
Нежли купцу пива пить не в три пуда хмелю.
Знаю, что можешь, уме, смело мне представить,
Что трудно злонравному добродетель славить,
Что щеголь, скупец, ханжа и таким подобны
Науку должны хулить,— да речи их злобны
Умным людям не устав, плюнуть на них можно;

[1] Известный московский портной.
[2] Модный московский сапожник.
[3] Курица-наседка.

Изряден, хвален твой суд; так бы то быть должно,
Да в наш век злобных слова умными владеют.
А к тому ж не только тех науки имеют
Недрузей, которых я, краткости радея,
Исчел иль, правду сказать, мог исчесть смелея.
Полно ль того? Райских врат ключари святые
И им же Фемис вески вверила златые
Мало любят, чуть не все, истинну украсу.
Епископом хочешь быть — уберися в рясу,
Сверх той тело с гордостью риза полосата
Пусть прикроет, повесь цепь на шею от злата,
Клобуком покрой главу, брюхо — бородою,
Клюку пышно повели везти пред тобою;
В карете раздувшися, когда сердце с гневу
Трещит, всех благословлять нудь праву и леву.
Должен архипастырем всяк тя в сих познати
Знаках, благоговейно отцом называти.
Что в науке? что с нее пользы церкви будет?
Иной, пиша проповедь, выпись позабудет,
Отчего доходам вред; а в них церкви права
Лучшие основаны и вся церкви слава.
Хочешь ли судьею стать — вздень перук с узлами[1],
Брани того, кто просит с пустыми руками,
Твердо сердце бедных пусть слезы презирает,
Спи на стуле, когда дьяк выписку читает.
Если ж кто вспомнит тебе граждански уставы,
Иль естественный закон, иль народны правы,—
Плюнь ему в рожу, скажи, что врет околесну,
Налагая на судей ту тягость несносну,
Что подьячим должно лезть на бумажны горы,
А судье довольно знать крепить приговоры.
К нам не дошло время то, в коем председала
Над всем мудрость и венцы одна разделяла,
Будучи способ одна к высшему восходу.
Златой век до нашего не дотянул роду;
Гордость, леность, богатство — мудрость одолело.
Науку невежество местом уж посело.
Под митрой гордится то, в шитом платье ходит,
Судит за красным сукном, смело полки водит.
Наука ободрана, в лоскутах обшита,
Изо всех почти домов с ругательством сбита;
Знаться с нею не хотят, бегут ее дружбы,
Как страдавши на́ море корабельной службы.
Все кричат: «Никакой плод не видим с науки,
Ученых хоть голова полна,— пусты руки».
Коли кто карты мешать, разных вин вкус знает,

[1] Парик с буклями.

Танцует, на дудочке песни три играет,
Смыслит искусно прибрать в своем платье цвéты,
Тому уж и в самые молодые леты
Всякая высша степень — мзда уж не велика;
Семи мудрецов себя достойным мнит лика.
«Нет правды в людях,— кричит безмозглый церковник,—
Еще не епископ я, а знаю часовник,
Псалтырь и послания бегло честь умею,
В Златоусте не запнусь, хоть не разумею».
Воин ропщет, что своим полком не владеет,
Когда уж имя свое подписать умеет.
Писец тужит, за сукном что не сидит красным,
Смысля дело набело списать письмом ясным.
Обидно себе быть, мнит, в незнати старети,
Кому в роде семь бояр случилось имети
И две тысячи дворов за собой считает,
Хотя, впрочем, ни читать, ни писать не знает.
Таковы слыша слова и примеры видя,
Молчи, уме, не скучай, в незнатности сидя.
Бесстрашно того житье, хоть и тяжко мнится,
Кто в тихом своем углу молчалив таится;
Коли что дала ти знать мудрость всеблагая,
Весели тайно себя, в себе рассуждая
Пользу наук; не ищи, изъясняя тую,
Вместо похвал, что ты ждешь, достать хулу злую.

1729, <1743>

САТИРА II

НА ЗАВИСТЬ И ГОРДОСТЬ ДВОРЯН ЗЛОНРАВНЫХ. ФИЛАРЕТ[1] И ЕВГЕНИЙ[2]

Филарет. Что так смутен, дружок мой? Щеки внутрь опали,
Бледен и глаза красны, как бы ночь не спали?
Задумчив, как тот, что, чин патриарш достати
Ища, конный свой завод раздарил некстати?
Цугом ли запрещено ездить, иль богато
Платье носить, иль твоих слуг нелепать в злато?
Карт ли не стало в рядах, вина ль дорогова?
Матерь, знаю, и родня твоя вся здорова;
Обильство сыплет тебе дары полным рогом;
Ничто тебе не претит жить в покое многом.
Что ж молчишь? Ужли твои уста косны стали?
Не знаешь ли, сколь нам друг полезен в печали?
Сколь много здравый совет полезен бывает,
Когда тому следовать страсть не запрещает?

---

[1] *Филарет* (греч.) — любитель добродетели.
[2] *Евгений* (греч.) — благородный, дворянин.

А, а! дознаюсь я сам, что тому причина:
Дамон на сих днях достал перемену чина,
Трифону лента дана, Туллий деревнями
Награжден,— ты с пышными презрен именами.
Забыта крови твоей и слава и древность,
Предков к общества добру многотрудна ревность
И преимуществ твоих толпа неоспорных,—
А зависти в тебе нет, как в попах соборных.

Евгений. Часть ты прямо отгадал. Хоть мне не завидно,
Чувствую, сколь знатным всем и стыд и обидно,
Что кто не все еще стер с грубых рук мозоли,
Кто недавно продавал в рядах мешок соли,
Кто глушил нас: «Сальные,— крича,— ясно свечи
Горят», кто с подовыми [1] горшком истер плечи,—
Тот, на высоку степень вспрыгнувши, блистает,
А благородство мое во мне унывает
И не сильно принести мне никакой польги [2].
Знатны уж предки мои были в царство Ольги
И с тех времен по сих пор в углу не сидели,—
Государства лучшими чинами владели.
Рассмотри гербовники, грамот виды разны,
Книгу родословную, записки приказны:
С прадедова прадеда, чтоб начать поближе,
Думного наместника никто не был ниже;
Искусны в миру, в войне рассудно и смело
Вершили ружьем, умом не одно те дело.
Взгляни на пространные стены нашей салы,
Увидишь, как рвали строй, как ломали валы.
В суде чисты руки их: помнит челобитчик
Милость их, и помнит злу остуду обидчик.
А батюшка уж всем верх; как его не стало,
Государства правое плечо с ним отпало.
Когда было выедет — всяк долой с дороги
И, шапочку сняв, ему головою — в ноги.
Всегда за ним выборна таскалася свита.
Что ни день — рано с утра крестова набита
Теми, которых теперь народ почитает
И от которых наш брат милость ожидает.
Сколько раз, не смея те приступать к нам сами,
Дворецкому кланялись с полными руками.
И когда батюшка к ним промолвит хоть слово —
Заторопев, онемев, слезы у иного
Потекли с глаз с радости; иной, не спокоен,
Всем наскучил, хвастая, что был он достоин
С временщиком говорить, и весь веселился

---

[1] Пироги.
[2] Пользы.

Дом его, как бы им клад богатый явился.
Сам уж суди, как легко должно мне казаться,
Столь славны предки имев, забытым остаться,
Последним видеть себя, куды глаз не вскину.

Филарет. Слышав я важну твоей печали причину,
Позволь уж мне мою мысль открыть и советы.
А ведай притом, что я лукавых приметы —
Лесть, похлебство — не люблю; но сердце согласно
С языком: что мыслит то, сей вымолвит ясно.

Благородство, будучи заслуг мзда, я знаю,
Сколь важно, и много в нем пользы признаваю.
Почесть та к добрым делам многих ободряет,
Когда награду в себе вершенных являет.
(Сыщешь в людях таковых, которым не дивны
Куча золота, ни дом огромный, ни льстивный
На пуху покой, ни жизнь, сколь бы ни прохладна,—
К титлам, к славе до одной всяка душа жадна.)
Но тщетно имя оно, ничего собою
Не значит в том, кто себе своею рукою
Не присвоит почесть ту, добыту трудами
Предков своих. Грамота, плеснью и червями
Изгрызена, знатных нас детьми есть свидетель,—
Благородными явит одна добродетель.

Презрев покой, снес ли ты сам труды военны?
Разогнал ли пред собой враги устрашенны?
К безопаству общества расширил ли власти
Нашей рубеж? Суд судя, забыл ли ты страсти?
Облегчил ли тяжкие подати народу?
Приложил ли к царскому что ни есть доходу?
Примером, словом твоим ободрены ль люди
Хоть мало очистить злых нравов темны груди?
Иль, буде случай, младость в то не допустила,
Есть ли показаться в том впредь воля и сила?
Знаешь ли чисты хранить и совесть и руки?
Бедных жалки ли тебе слезы и докуки?
Не завистлив, ласков, прав, не гневлив, беззлобен,
Веришь ли, что всяк тебе человек подобен?
Изрядно можешь сказать, что ты благороден,
Можешь счесться Ектору иль Ахиллу сроден;
Иулий и Александр, и все мужи славны
Могут быть предки твои, лишь бы тебе нравны.

Мало ж пользует тебя звать хоть сыном царским,
Буде в нравах с гнусным ты не разнишься псарским.
Спросись хоть у Нейбуша [1], таковы ли дрожжи
Любы, как пиво, ему,— отречется трожжи;
Знает он, что с пива те славные остатки,

[1] *Нейбуш* — генерал-майор, приятель Кантемира, большой «пиволюбец».

Да плюет на то, когда не как пиво сладки.
Разнится — потомком быть предком благородных
Или благородным быть. Та же и в свободных
И в холопях течет кровь, та же плоть, те же кости.
Буквы, к нашим именам приданные, злости
Наши не могут прикрыть; а худые нравы
Истребят вдруг древния в умных память славы;
И, чужих обнажена красных перьев, галка
Будет им, с стыдом своим, и смешна и жалка.
Знаю, что неправедно забыта бывает
Дедов служба, когда внук в нравах успевает,
Но бедно блудит наш ум, буде опираться
Станем мы на них одних. Столбы сокрушатся
Под лишним те бременем, если сами в силу
Нужную не приведем ту подпору хилу.
Светлой воды их труды ключ тебе открыли,
И черпать вольно тебе, но нужно, чтоб были
И чаши чисты твои, и нужно сгорбиться
К ключу: сама вода в рот твой не станет литься.
Ты сам, праотцев твоих исчисляя славу,
Признал, что пала она и делам и нраву:
Иной в войнах претерпел нужду, страх и раны,
Иным в море недруги и валы попраны,
Иной правду весил тих, бегая обиды,—
Всех были различные достоинства виды.
Если б ты им подражал, право б мог роптати,
Что за другими тебя и в пару [1] не знати.
Потрись на оселку, друг, покажи, в чем славу
Крови собой,— и твою жалобу быть праву.
Пел петух, встала заря, лучи осветили
Солнца верхи гор — тогда войско выводили
На поле предки твои, а ты под парчею
Углублен мягко в пуху телом и душою.
Грозно соплешь, пока дня пробегут две доли:
Зевнул, растворил глаза, выспался до воли,
Тянешься уж час-другой, нежишься, сжидая
Пойло, что шлет Индия [2] иль везут с Китая [3].
Из постели к зеркалу одним спрыгнешь скоком,
Там уж в попечении и труде глубоком
Женских достойную плеч завеску на спину
Вскинув, волос с волосом прибираешь к чину:
Часть над лоским лбом торчать будут сановиты,
По румяным часть щекам, в колечки завиты,
Свободно станет играть, часть уйдет за темя

[1] В поту.
[2] Кофе или шоколад (напиток из какао).
[3] Чай.

В мешок. Дивится тому строению племя
Тебе подобных; ты сам, новый Нарцисс, жадно
Глотаешь очьми себя. Нога жмется складно
В тесном башмаке твоя, пот с слуги валится,
В две мозоли и тебе краса становится;
Избит пол, и под башмак стерто много мелу.
Деревню вздеnешь потом на себя ты целу.
Не столько стало народ римлянов пристойно
Основать, как выбрать цвет и парчу и стройно
Сшить кафтан по правилам щегольства и моды:
Пора, место и твои рассмотрены годы.
Чтоб летам сходен был цвет, чтоб, тебе в образу [1],
Нежну зелен в городе не досажал глазу*,
Чтоб бархат не отягчал в летню пору тело,
Чтоб тафта не хвастала среди зимы смело,
Но знал бы всяк свой предел, право и законы,
Как искусные попы всякого дни звоны.
    Долголетнего пути в краях чужестранных,
Иждивений и трудов тяжких и пространных
Дивный плод ты произнес. Ущербя пожитки,
Понял, что фалды должны тверды быть, не жидки,
В пол-аршина глубоки и ситой подшиты,
Согнув кафтан, не были бы станом все покрыты;
Каков рукав должен быть, где клинья уставить,
Где карман, и сколько грудь окружа прибавить;
В лето или осенью, в зиму иль весною
Какую парчу подбить пристойно какою;
Что приличнее нашить: сребро или злато —
И Рексу лучше тебя знать уж трудновато.
    В обед и на ужине частенько двоится
Свеча в глазах, что пол под тобой верти́тся,
И обжирство тебе в рот куски управляет.
Гнусных тогда полк друзей тебя окружает,
И, глодая до костей самых, нрав веселый,
Тщиву душу и в тебе хвалит разум спелый.
Сладко щекотят тебе ухо красны речи,
Вздутым поднят пузырем, чаешь, что под плечи
Не дойдет тебе людей все прочее племя.
Оглянись, наместников царских чисто семя:
Тот же полк, лишь с глаз твоих,— тебе уж смеется;
Скоро станет и в глаза: притворство минется,
Как скоро сойдут твоих пожитков остатки.
(Боюсь я уст, что в лицо точат слова сладки.)

---

[1] *Образа* — обида, оскорбление.

* Щегольские правила требуют, чтобы красный цвет, а наипаче шипковый не употреблять тем, коим двадцать лет минули; чтоб не носить летом бархат или зимою тафту, или в городе зеленый кафтан, понеже зеленый цвет в поле только приличен (Прим. Кантемира).

Ты сам неотступно то время ускоряешь:
Из рук ты пестрых пучки бумаг не спускаешь[1],
И мечешь гордостью твоих мозольми и пóтом
Предков скопленно добро. Деревня со скóтом
Не первая уж пошла в бережную руку
Того, кто мало пред сем кормился от стуку
Молота по жаркому в кузнице железу.
Приложился сильный жар к поносному резу,
Часто любишь опирать щеки на грудь белу,
В том проводишь прочий день и ночь почти целу.
Но те, что стенах твоей на пространной салы
Видишь надписи, прочесть труд тебе немалый;
Чужой глаз нужен тебе и помощь чужая
Нужнее, чтоб знать назвать черту, что, копая,
Воин перед собой ведет, укрываясь, к валу;
Чтоб различить, где стены часть одна помалу
Частым быстропагубных пуль ударом пала,
Где, грозно расседшися, земля вдруг пожрала;
К чему тут войска одна часть в четверобочник
Строится; где более нужен уж спомочник
Редким полкам, и где уж отменены силы
Оплошного недруга надежду прельстили.
Много вышних требует свойств чин воеводы
И много разных искусств: и вход, и исходы,
И место, годно к бою, видит одним взглядом;
Лишной безопасности не опоен ядом,
Остр, проницает врагов тайные советы,
Временно предупреждать удобен наветы[2],
О обильности в своем таборе печется
Недремительно; любовь ему предпочтется
Войска, чем страшным им быть и вдруг ненавидим;
Отцом невинный народ зовет, не обидим
Его жадностью,— врагам одним лишь ужасен;
Тихим нравом и умом и храбростью красен,
Не спешит дело начать; начав, производит
Смело и скоро — не столь бегло Перун сходит,
Страшно гремя; в счастии умерен быть знает,
Терпелив в нужде, в бедстве тверд, не унывает.
Ты тех добродетелей, тех чуть имя знаний
Слыхал ли? Самых числу дивишься ты званий,
И в один все мозг вместить смертных столь мнишь трудно,
Сколь дворецкому не красть иль судье — жить скудно.
Как тебе вверить корабль? Ты лодкой не правил,
И, хотя в пруду твоем лишь берег оставил,

---

[1] Из рук карт не выпускаешь.
[2] Способен вовремя предупреждать козни врагов.

Тотчас к берегу спешишь: гладких испугался
Ты вод. Кто пространному морю первым вдался,
Медное сердце имел; смерть там обступает
Снизу, сверху и с боков; одна отделяет
От нее доска, толста пальца лишь в четыре,—
Твоя душа требует грань с нею пошире;
И писана смерть тебя дрожать заставляет,
Один холоп лишь твою храбрость искушает,
Что один он отвечать тебе не посмеет.
Нужно ж много и тому, кто рулем владеет,
Искусств и свойств, с самого укрепленных детства,
И столь нужней те ему, сколь вящи суть бедства
На море, чем на земле. Твари господь чудну
Мудрость свою оказал, во всех неоскудну
Меру поставя частях мира и меж ними
Взаимно согласие; лучами своими
Светила небесные, железце[1], немногу
От дивного камня взяв силу, нам дорогу
Надежную в бездне вод показать удобны;
Небес положение на земле способный
Бывает нам проводник и, когда страх мучит
Грубых пловцов, кормчего искусного учит
Скрытый камень миновать иль берег опасный,
И в пристань достичь, где час кончится ужасный.
Недруга догнать, над ним занять ветр способный
И победу исхитить, вступя в бой удобный,—
Труд немалый. На море, как на земле, те же
Прочи вождев должности: тебе еще реже
Снилась трубка и компа́с, чем строй и осада.
  За красным судить сукном Адамлевы чада
Иль править достоин тот, кому совесть чиста,
Сердце к сожалению склонно и речиста
Кого деньга одолеть, ни страх, ни надежда
Не сильны; пред кем всегда мудрец и невежда,
Богач и нищий с сумой, гнусна бабья рожа
И красного цвет лица, пахарь и вельможа
Равны в суде, и одна правда превосходна;
Кого не могут прельстить в хитростях всеплодна
Ябеда и ее друг — дьяк или подьячий,
Чтоб, чрез руки их прошед, слепым не стал зрячий,
Стречись должен, и сам знать и лист и страницу,
Что от нападения сильного вдовицу
Соперника может спасть и сирот покойну
Уставить жизнь, предписав плутам казнь достойну.
Наизусть он знает все естественны пра́ва,

---

[1] Компас.

Из нашего высосал весь он сок устава,
Мудры не спускает с рук указы Петровы,
Коими стали мы вдруг народ уже новый,
Не меньше стройный других, не меньше обильный,
Завидим врагу и в нем злобу унять сильный.
Можешь ли что обещать народу подобно?
Бедных слезы пред тобой льются, пока злобно
Ты смеешься нищете; каменный душою,
Бьешь холопа до́ крови, что махнул рукою
Вместо правой — левою (зверям лишь прилична
Жадность крови: плоть в слуге твоей однолична [1]).
Мало, правда, ты копишь денег, но к ним жаден:
Мот почти всегда живет сребролюбьем смраден,
И все законно он мнит, что уж истощенный
Может дополнить мешок; нужды совершенной
Стала ему золота куча, без которой
Прохладам должен своим видеть конец скорый.
Арапского языка — права и законы —
Мнятся тебе, дикие русску уху звоны [2].

Если в те чины не гож,— скажешь мне,— я, чаю,
Не хуже Клита носить ключ золотой знаю;
Какие свойства его, какая заслуга
Лучшим могли показать из нашего круга?
Клита в постели застать не может день новый,
Неотступен сохнет он, зевая в крестовой [3],
Спины своей не жалел, кланяясь и мухам,
Коим доступ дозволен к временщичьим ухам.
Клит осторожен — свои слова точно мерит,
Льстит всякому, никому почти он не верит,
С холопом новых людей дружбу весть не рдится [4],
Истинная мысль его прилежно таится
В делах его. О трудах своих он не тужит,
Идучи упрямо в цель: Клиту счастье служит,—
Иных свойств не требует, кому счастье дружно;
А у Клита без того нечто занять нужно
Тому, кто в царском прожить доме жизнь уставил,
Чтоб крылья, к солнцу подшед, мягки не расплавил:
Короткий язык, лицо и радость удобно
И печаль изображать — как больше способно
К пользе себе, по других лицу применяясь.
Честнее будет он друг, всем дружен являясь;
И многосмирение, и рассудность многу

---

[1] Одинаковая с твоей.

[2] Даже самые слова «права» и «законы» кажутся тебе звуками арапского языка, дикими для русского уха.

[3] В приемной у знатных людей.

[4] Не краснеет, не стыдится.

Советую при дворе. Лучшую дорогу
Избрал, кто правду всегда говорить принялся,
Но и кто правду молчит — виновен не стался,
Буде ложью утаить правду не посмеет:
Счастлив, кто средины той держаться умеет.
Ум светлый нужен к тому, разговор приятный,
Учтивость приличная, что дает род знатный;
Ползать не советую, хоть спеси гнушаюсь,—
Всего того я в тебе искать опасаюсь.
Словом, много о вещах тщетных беспокойство,
Ни одно не вижу я в тебе хвально свойство.
Исправь себя, и тогда жди, дружок, награду;
По тех пор забытым быть не считай в досаду:
Пороки, кои теперь прикрывают тени
Стен твоих, укрыть нельзя на высшей степéни,
Чист быть должен, кто туды не побледнев всходит,
Куды зоркие глаза весь народ наводит.
Но поставим, что твои заслуги и нравы
Достойным являют тя лучшей мзды и славы:
Те, кои оной тебя неправо лишают,
Жалки, что пользу свою в тебе презирают;
А ты не должен судить, судят ли те здраво,
Если сам многим себя предпочтешь неправо.
Над всем же тому, кто род с древнего начала
Ведет, зависть, как свинье узда, не пристала,
Еще б можно извинить, если знатный тужит,
Видя, что счастье во всем слепо тому служит,
Кого сколько темен род, столь нравы развратны,
Ни отечеству добры, ни в людях приятны.
Но когда противное видит в человеке,
Веселиться должен уж, что есть в его веке
Муж таков, кой добрыми род свой возвышает
Делами и полезен всем быть начинает.
Что ж в Дамоне, в Трифоне и Туллие гнусно?
Что, как награждают их, тебе насмерть грустно?
Благонравны те, умны, верность их немала;
Слава наша с трудов их нечто восприяла.
Правда, в царство Ольгино предков их не знали,
Думным и наместником деды не бывали,
И дворянства старостью считаться с тобою
Им нельзя; да что с того? Они ведь собою
Начинают знатный род, как твой род начали
Твои предки, когда Русь греки крестить стали.
И твой род не все таков был, как потом стался,
Но первый с предков твоих, что дворянин звался,
Имел отца, славою гораздо поуже,
Каков Трифон, Туллий был, или и похуже.
Адам дворян не родил, но одно с двух чадо

Его сад копал, другой пас блеюще стадо.
Ное в ковчеге с собой спас все себе равных
Простых земледетелей, нравами лишь славных;
От них мы все сплошь пошли, один поранée
Оставя дудку, соху; другой — попозднее.

Конец 1729— начало 1730, <1743>

САТИРА VII

О ВОСПИТАНИИ. К КНЯЗЮ НИКИТЕ ЮРЬЕВИЧУ ТРУБЕЦКОМУ

Если б я, видя кого, что с рук не спускает
Часовник и пятью в день в церковь побывает,
Постится, свечи кладет и не спит с женою,
Хоть отняв у бедного ту, что за душою
Одну рубашку имел, нагим ходить ну́дит,—
Если б я видя, сказал: «Дружок, ум твой блудит;
Тем путем не войдешь в рай, и, буде радеешь
Душу спасть, отдай назад, чем худо владеешь», —
Спылав, ревность наградит мою сим ответом:
«Напрасно, молокосос, суешься с советом».
И дело он говорит: еще я тридцатый
Не видел возврат зимы, еще черноватый
Ни один на голове волос не седеет;
Мне ли в таком возрасте поправлять довлеет
Седых, пожилых людей, кои чтут с очками
И чуть три зуба сберечь могли за губами;
Кои помнят мор в Москве и, как сего года,
Дела Чигиринского сказуют похода?
Напрасно охрип бы я, доводя дово́дом,
Что ум в людях не растет месяцем и годом;
Что хотя искус дает разуму подпору
И искус можно достать лише в поздню пору,
Однак как время того, кто не примечает
Причины дел, учинить искусным не знает,
Так прилежность сильна дать искус в малы лета
Презрены слова мои будут без ответа,
И свет, почти весь упрям, всегда верить станет,
Что старик трех молодых разумом потянет.
Не одно то мнение здравому разгласно
Видим смыслу втвержено; встречаем чточасно
Подобны и злейшие. Одни тех держаться
Любят, что полезны им и законны зрятся,—
Обман те свой чувствовать грубый не умеют;
Другие, и зная вред, бороться не смеют

С упрямою волею, котора их нудит
Предызбрать то, что им смысл здравый вредно судит.
Буде причину того спросишь у народа,
Скажет, что с зачатия нашего природа
Слабу душу нам дала, и к обману склонну,
И подчиненну страстям, и что ту законну
Над нами природы власть одолеть не можно.
Испытал ли истину он в том осторожно?
Не знаю, Никито, друг! то одно я знаю,
Что, если я добрую, ленив, запускаю
Землю свою,— обрастет худою травою;
Если прилежно вспашу, довольно покрою
Навозом песчаную — жирнее уж станет,
И довольный плод с нее трудок мой достанет.
Каково б с природы рук сердце нам ни пало,
Есть, есть время некое, в коем злу немало
Склонность уймем, буде всю истребить не можем,
И утвердиться в добре доброму поможем,—
Время то суть первые младенчества лета.
Чутко ухо, зорок глаз новый житель света
Пялит; всяка вещь ему приметна, все ново
Будучи, все с жадностью сердце в нем готово
Принять: что туды вскользнет, скоро вкоренится,
Буде руки приложить повадка потщится;
На веревке силою повадки танцуем.
Большу часть всего того, что в нас приписуем
Природе, если хотим исследовать зрело,
Найдем воспитания одного быть дело.
И знал то высшим умом монарх одаренный,
Петр, отец наш, никаким трудом утомленный,
Когда труды его нам в пользу были нужны.
Училища основал, где промысл услужный
В пути добродетелей имел бы наставить
Младенцев; осмелился и престол оставить
И покой; сам странствовал, чтоб подать собою
Пример в чужих брать краях то, что над Москвою
Сыскать нельзя: сличные человеку нравы
И искусства. Был тот труд корень нашей славы:
Мужи вышли годные к мирным и военным
Делам, внукам памятны нашим отдаленным.
Но скоро полезные презренны бывают
Дела, кои лакомым чувствам не ласкают.
Кучу к куче накоплять, дом построить пышный,
Развесть сад, завесть завод, расчистить лес лишний,
Детям уж богатое оставить наследство
Печемся, потеем в том; каково их детство
Проходит — редко на ум двум или трем всходит;
И у кого не одна в безделках исходит

Тысяча — малейшего расхода жалеет
К наставлению детей; когда же шалеет
Сын, в возраст пришед, отец тужит и стыдится,
Напрасно вину свалить с плеч своих он тщится:
Богатства сыну копил,— презрел в сердце нравы
Добры всадить. Богат сын будет, но без славы
Проживет, мало любим, и свету презренный,
Буде в петлю не вбежит плут уж совершенный.
Главно воспитания в том состоит дело,
Чтоб сердце, страсти изгнав, младенчее зрело
В добрых нравах утвердить, чтоб чрез то полезен
Сын твой был отечеству, меж людьми любезен
И всегда желателен,— к тому все науки
Концу и искусства все должны подать руки.
Суд трудный мудро решить, исчислить приходы
Пространна царства и им соравнить расходы
Одним почти почерком; в безднах вод надежный
Предызбирать всегда путь; любитель прилежный
Небес числить всякого удобно светила
Путь и беглость и того, сколь велика сила
Над другим; в твари всему знать исту причину —
Мудрым зваться даст тебе и, может быть, к чину
Высшему отворит вход; народ будет целый
Искусным вождем тя звать, зря царства пределы,
Тобою расширенны, и вражии рати
И городы, стерты в прах. Но буде упяти
Не знаешь ярость твою, буде неприятен
К тебе доступ и тебе плач бедных не внятен,
Ежли волю твою не правит смысл правый,
Ежли развратны, одним словом, твои нравы —
Дивиться станет тебе, но любить не станет;
Хвалы нужда из его уст твои потянет,
Пользу свою лишь в тебе искать он потщится,
Гнушаясь тебя, и той готов отщетиться,
Только б тебя свалить с плеч. Слава увядает
Твоя в мал час; позабыт человек бывает
Скоро ненавидимый, и мало жалеет
Кто об нем, когда ему черный день наспеет.
Добредетель лишь одна может нам доставить
Покойну совесть, предел прихотям уставить,
Повадить тихо смотреть счастья грудь и спину
И неизбежную ждать бесстрашно кончину.
Добродетель потому над всем неотменно
Нужно младенцам внушать, пока совершенно
Вкоренится; притом ум изощрять в пристойных
Им и других знаниях. Так в детях, достойных
К всем чинам, отечеству дашь дар многоценный.
Если б предписан был с двух выбор неотменный,

С чистою совестью ум избрал бы я прóстый,
И оставил бы я злым сердцем разум острый.
Вверил бы я все добро тому, кто с чужого
Стыдится жиреть добра, хотя он немного
Счету знает и рубить числа должен в палку;
А грош не дал бы беречь другому, что в свалку
Глотает одну свернув дом, и лес, и пашни,
Хоть числит он лучше всей Сухаревской башни [1].
Бесперечь детям твердя строгие уставы,
Наскучишь; истребишь в них всяку любовь славы,
Если часто пред людьми обличать их станешь;
Дай им время и играть; сам себя обманешь,
Буде станешь торопить, лишно спеша дело;
Наедине исправлять можешь ты их смело.
Ласковость больше в один час детей исправит,
Чем суровость в целый год; кто часто заставит
Дрожать сына пред собой, хвальну в нем загладит
Смелость и невременно торопеть повадит.
Счастлив, кто надеждою похвал взбудить знает
Младенца; много к тому пример способляет:
Относят к сердцу глаза весть уха скоряе.
Пример наставления всякого сильняе:
Он и скотов следовать родителям учит.
Орлий птенец быстр летит, щенок гончий мучит
Куриц в дворе, лоб со лбом козлята сшибают,
Утята, лишь из яйца выдут, плавать знают.
Не смысл учит, не совет: того не имеют,
Сего нельзя им подать,— подражать умеют.
С двух братьев, кои росли под теми ж глазами
И коих тот же крушил учитель лозами,
Один добродетелей хвальную дорогу
Топчет; ни надежда свесть с нее, ни страх ногу
Его не могли; в своей должности он верен
И прилежен, ласков, тих и в словах умерен,
В бедности смотреть кого сухими глазами
Не может, сердцем дает, что дает руками.
Другой гордостью надут, яростен, бесщаден,
Готов и отца предать, к большим мешкам жаден,
Казну крадет царскую и, тем сломя шею,
Весь уж сед, в петлю бежит, в казнь, должну злодею.
В том, по счастью, добрые примеры скрепили
Совет; в сем примеры злы оный истребили.
Если б я сыновнюю имел унять скупость,
Описав злонравия и гнусность, и глупость,

[1] В Сухаревской башне в Москве находилось математическое училище.

Смотри, сказал бы ему, сколь Игнатий беден
Над кучей золота; сух, печален и бледен,
Бесперечь мучит себя. Мнишь ли ты счастливу
Жизнь в обильстве такову? Если б чресчур тщиву
Руку его усмотрел, пальцем указал бы
Тюрьму, где сидит Клеарх, и всю рассказал бы
Потом жизнь Клеархову, чрез меру прохладну.
Если б к подлой похоти видел склонность жадну,
Привел бы его смотреть Мелита в постели,
И гнусны чирьи, что весь нос ему объели.
Кормилицу, дядьку, слуг, беседу, сколь можно
Лучшую, бы сыну я избрал осторожно.
Не одни те растят нас, коим наше детство
Вверено; со всех сторон находит посредство
Поскользнуться в сердце нрав: все, что окружает
Младенца, произвести в нем нрав помогает.
Так, не довольно одно изрядное семя
Дать изрядный цвет иль плод: нужно к тому время
Умеренно и красно, без мразу, без зною,
Без вихрев; нужна земля жирна, и водою
Нужно в пору поливать, и тихо и в меру;
Семя без всего того прельстит [1] твою веру.
Филин вырос пьяница? — пьяница был сродник,
Что вскормил. Миртил блядун? — дядька его сводник.
У Савки век на губах правда не садится
И врет, что на ум взойдет, что в ночь ни приспится? —
Лгуньи бабушки его помним бесконечны
Басни, коими надоел язык скоротечный.
Сильвия круглую грудь редко покрывает,
Смешком сладким всякому льстит, очком мигает,
Белится, румянится, мушек с двадцать носит;
Сильвия легко дает, что кто ни попросит,
Боясь досадного в отказе ответа? —
Такова и матушка была в ее лета.
Обычно цвет чистоты первый увядает
Отрока в объятиях рабыни; и знает,
Унесши младенец что, небом и землею
Отлыгаться пред отцом,— наставлен слугою.
Слуги язва суть детей. Родителей — злее
Всех пример. Часто дети были бы честнее,
Если б и мать и отец перед младенцем знали
Собой владеть и язык свой в узде держали.
Правдой и неправдою куча мне копится
Денег, и нужусь всю жизнь в высоку добиться
Степень; полвека во сне, в пирах провождаю;
В сластях всяких пó уши себя погружаю;

[1] Обманет.

Одних счастливыми я зову лишь обильных
И сотью то в час твержу; завидую сильных
Своевольству я людей и дружбу их тщуся
Всячески достать себе, убогим смеюся,—
А, однако ж, требую, чтоб сын мой доволен
Был малым, чтоб смирен был и, собою волен,
Знал обуздать похоти, и с одними знался
Благонравными, и тем подражать лишь тщался.
По воде тогда мои вотще пишут вилы.
Домашний, показанный часто пример силы
Будет важный, и идти станет сын тропою,
Котору протоптану видит пред собою.
И с каким лицом журить сына ты посмеешь,
Когда своим наставлять его не умеешь
Примером? Когда в тебе видит повсечасно,
Что винишь, и ищет он, что хвалишь, напрасно?
Если молодому мать раку обличает
Кривой ход: «Прямо сама пойди,— отвечает,—
Я за тобой поплыву и подражать стану».
Нельзя ль добрым быть? — будь зол, своим не к изъяну;
Изряднее всякого убегать порока
Нельзя ль? — укрой лишнего от младенча ока.
Гостя когда ждешь к себе, один очищает
Слуга твой двор и крыльцо, другой подметает
И убирает весь дом, третий трет посуду,
Ты сам над всем настоишь, обежишь повсюду,
Кричишь, беспокоишься, боясь, чтоб не встретил
Глаз гостев малейший сор, чтоб он не приметил
Малейшу нечистоту,— а ты же не тщишься
Поберечь младенцев глаз, ему не стыдишься
Открыть твою срамоту. Гостя ближе дети,
Бо́льшу бе́речь ты для них должен бы имети.
Не один острый судья, знаю, зубы скалить,
Злобно улыбаяся, станет и бровь пялить
И, качая головой, примолвит поважно:
«Смотри, наш молокосос какие отважно
Сказки нам рассказует и, времени цену
Не зная, скучает нам, лепя горох в стену.
Незнамо с чего зачав, нравов уж толкует
Вину, воспитанию склонность приписует
Нашу, уча, как растить детей; одним словом,
Продерзость та родилась в мозгу нездоровом».
Никито, друг! может быть, слово то рассудно
Явится тем, кои, жизнь чая время скудно,
Лучше любят осудить вдруг, что их несходно
Мысли, нежли выслушать доводы свободно.
Тех я людей уверять не ищу, негоден,
Да всяк открывать свое мнение свободен,

Если вредно никому и законов сила
Чтительна нужду молчать в том не наложила.
Пусть не чтет, кто мои мнит мнения неправы;
С досугу стишки пишу для твоей забавы.
Ты лишь меня извини, что, одно я дело
Начав, речью отскочил на другое смело.
Порядок скучен везде и немножко труден:
Блистает в сумятице умок в чину скуден,
И если б нам требовать, чтоб дело за делом
Рассуждать и, не скончав одно, в недозрелом
Разговоре не вернуть некстати другое,
В целой толпе говорить чуть станут ли двое...

1739

В. К. ТРЕДИАКОВСКИЙ

НОВЫЙ И КРАТКИЙ СПОСОБ К СЛОЖЕНИЮ РОССИЙСКИХ СТИХОВ С ОПРЕДЕЛЕНИЯМИ ДО СЕГО НАДЛЕЖАЩИХ ЗВАНИЙ

(Отрывки)

В поэзии вообще две вещи надлежит примечать. Первое: материю, или дело, каковое пиита предприемлет писать. Второе: версификацию, то есть способ сложения стихов. Материя всем языкам в свете общая есть вещь, так что никоторый оную за собственную токмо одному себе почитать не может, ибо правила поэмы эпическия не больше служат греческому языку в Гомеровой «Илиаде» и латинскому в Виргилиевой «Энеиде», как французскому в Вольтеровой «Ганриаде», итальянскому в «Избавленном Иеросалиме» у Тасса и аглинскому в Мильтоновой поэме о потерянии рая. Но способ сложения стихов весьма есть различен по различию языков...[1]

...Долгота и краткость слогов, в новом сем российском стихосложении, не такая разумеется, какова у греков и латин в сложении стихов употребляется; но токмо *тóническая,* то есть в едином ударении голоса состоящая...

Стих героический российский состоит в тринадцати слогах, а в шести стопах, в первой стопе приемлющий *спондея* — —, *пиррихия* ◡ ◡, *хорея,* или инако *трохея* — ◡, *иамба* ◡ —; во второй, третией (после которой слогу пресечения долгому надлежит быть), четвертой, пятой и шестой такожде. Однако тот стих всеми числами совершен и лучше, который состоит токмо из хореев или из большой части оных; а тот весьма худ, который весь иамбы составляют или большая часть оных. Состоящий из спондеев, пиррихиев или из большой части оных, есть средния доброты стих. Но что в тринадцати состоит слогах, тому причина: употребление, от всех наших старых стихотворцев принятое...

Следовательно, новый наш стих составляется токмо из стоп двусложных, для того что оный имеет в себе определенное некоторое еще число слогов; а трисложных дактилического рода (как то бывает в греческом и латинском стихе, потому что греческий и латинский стих, имея только определенное число стоп, не имеет определенных в себе слогов, так что иной их стих больше, а иной меньше слогов, в рассуждении одного стиха с другим, содержит) принять никак не может.

Стих героический долженствует разделен быть на два полстишия, из которых бы первое состояло из седми слогов, а другое из

---

[1] Опускаются многочисленные разделения на отделы и подотделы трактата («определения», «королларии», «правила», «прибавления» и т. п.).

шести. Причина тому: понеже стих имеет тринадцать слогов, то которому-нибудь полстишию надлежит иметь седмь слогов. Но самый разум сказывает, что первого из седми состоять пристойнее, для того что в начале у прочитающего дух бывает крепчайший и бо́льший, а к концу слабейший...

Стих героический должен иметь пресечение на седьмом слоге так, чтоб тот седьмой слог кончил речение, и он же бы был долгий...

Стих героический не долженствует не доконченный свой разум переносить в часть токмо следующего стиха: понеже тогда рифма, которая наибольшую красоту наших стихов делает, не столь ясно чувствуется, и стихи не равно падают...

Что говорено о героическом нашем стихе, то ж все разуметь надобно и о том нашем стихе, который одиннадцать имеет слогов, кроме того, что сей второй пресекает пятый слог, и, следовательно, второе полстишие из шести ж слогов состоящее имеет. Но для того, что он пятью стопа́ми мерится, то пентаметр или пятимерный назваться может. А что пресечения слог долгий же и вне числа стоп включает...

Стихи наши правильные из девяти, седми, пяти, также и неправильные из осьми, шести и четырех слогов состоящие, ничего в себе стиховного, кроме слогов и рифмы, не имеют...

Сии стихи не долженствуют падать стопами, но только слогами, для того что они не долженствуют в себе иметь пресечения: всему ж сему причиною есть краткость сих стихов, и наикратчайший дух человеческий не весь исполняющая...

Французская поэзия, также и некоторые эвропские, имея мужеского и женского рода стихи, сочетавают оные между собою...

Сие сочетание стихов, что не может введено быть в наше стихосложение, то *первое* для сего: эксаметр наш не может иметь ни больше, ни меньше тринадцати слогов. А ежели б сочетавать наш эксаметр, то или б мужескому у нас стиху надлежало иметь тринадцать, а женскому четырнадцать слогов, или б женскому должно было состоять из тринадцати, а мужескому из двенадцати слогов. Равным бы же образом принуждены мы поступать были и с пентаметром нашим по его пропорции. Что все древнему нашему, но весьма основательному, употреблению так противно, как огонь воде, а ябеда правде. *Второе* для сего: свойство наших стихов всегда требует ударения рифмы, то есть приводит лад с ладом, на предкончаемом слоге, в чем почти главная сладость наших состоит стихов, а крайняя рифм; хотя в мало важных или шуточных стихах иногда кладется та на кончаемом, но и то по нужде, да и весьма долженствует быть редко. А ежели бы сочетавать нам стихи, то бы женский стих у нас падал рифмою на предкончаемом необходимо слоге, а мужеский непременно бы на кончаемом. Таковое сочетание стихов так бы у нас мерзкое и гнусное было, как бы оное, когда бы кто наипоклоняемую, наинежную и самым цветом младости своей сияющую эвропскую красавицу вы-

дал за дряхлого, черного и девяносто лет имеющего арапа. Сие ясно будет совершенно к стихам нашим применившимся. Следовательно, сочетание стихов, каково французы имеют и всякое иное подобное, в наше стихосложение введено быть не может и не долженствует...

...Поистине, всю я силу взял сего нового стихотворения из самых внутренностей свойства нашему стиху приличного; и буде желается знать, но мне надлежит объявить, то поэзия нашего простого народа к сему меня довела. Даром, что слог ее весьма не красный, от неискусства слагающих; но сладчайшее, приятнейшее и правильнейшее разнообразных ее стоп, нежели иногда греческих и латинских, падение подало мне непогрешительное руководство к введению в новый мой эксаметр и пентаметр оных выше объявленных тонических стоп.

Подлинно, почти все звания, при стихе употребляемые, занял я у французской версификации; но самое дело у самой нашей природной, наидревнейшей оной простых людей поэзии. И так всякий рассудит, что не может, в сем случае, подобнее сказаться, как только, что я французской версификации должен мешком, а старинной русской поэзии всеми тысячью рублями. Однако Франции я должен и за слова; но искреннейше благодарю россиянин России за самую вещь...

В песнях иногда нельзя и у нас миновать сочетания стихов; но то только в тех, которые на французский или на немецкий голос сочиняются, для того что их голосы так от музыкантов кладутся, как идет версификация их у пиит. Предлагаю я здесь тому в пример из двух моих песен (которые сочинены на французские голосы и в которых по тону потреблено сочетание стихов) по одной первой строфе, которые у французов в песнях называются couplets[1].

ПЕРВОЙ ПЕСНИ СТРОФА:

Худо тому жити,
Кто хулит любовь:
Век ему тужити,
Утирая бровь.

ВТОРОЙ ПЕСНИ СТРОФА:

Сколь долго, Климена,
Тебе не любить?
Времен бо премена
Не знает годить.
Ныне что есть можно,
Драгая моя,
То ж утре есть ложно,
И власть не своя.

Но в других песнях и в других наших стихах, которые для чтения токмо предлагаются, сочетания сего употреблять не надлежит...

1735

---

[1] Куплеты *(франц.)*.

ПИСЬМО К ПРИЯТЕЛЮ О НЫНЕШНЕЙ ПОЛЬЗЕ ГРАЖДАНСТВУ ОТ ПОЭЗИИ

(В сокращении)

Государь мой!

Давно уже вам, уповаю, известно, что употребление стихов и стихотворения весьма отдаленныя и преглубокия есть древности; что важная их должность, в тогдашнем человеческом обществе, заслужила им у всех высокое почтение и что народам, кои наилучший успех пред прочими в них имели, приобрели они крайнее прославление. Подлинно, отменным сим родом красноречия древность описывала храбрые и славные дела великих людей, наставляла к добродетели и человеческие исправляла нравы, философические предлагала догматы, полагала уставы к получению от правосудия как истинного благополучия, так и спокойного сожития, записывала прошедшие бытия и достопамятные приключения, утверждала тайны, ныне смеха и мерзости достойные, тогда ж благовейного страха и крайния чести удостоившиеся, языческия мнимыя богословии,— а в еврейском народе и самому истинному богу молитвы приносила, благодарения воздавала, честь воссылала, славу и должные хвалы восписывала.

Сия многодельная должность стихов в древности и получаемая тогда от них несказанная польза была б и в наши времена равныя важности и толикого ж почтения, ежели б ныне не отняты у поэзии были все оные толь высокие преимущества: наши веки, довольствуясь другим родом краснословия, все то описывают, записывают, уставляют, утверждают, прославляют и украшают речию, данною нам с самого начала нашего выговора, именно ж прозою, а стихам отдали токмо оды, трагедии, комедии, сатиры, элегии, эклоги, басни, песенки, краткие эпиграммы и кратчайшие тех при эмблемах леммы. Ясно вам видеть можно, государь мой, что прежде стихи были нужное и полезное дело, а ныне утешная и веселая забава, да к тому ж плод богатого мечтания к заслужению не того вещественного награждения, которое есть нужно к препровождению жизни, но такого воздаяния, кое часто есть пустая и скоро забываемая похвала и слава.

Правда, и ныне еще в самых политичных народах знатные деяния прославившихся монархов и полководцев описывают стихами; а род сей стихотворения называется эпическим и героическим. Сие самое есть сильным побуждением к описанию жития, дел, глубокого и острого ума, добродетельных нравов и христианских добродетелей, несравненного в древности и ныне, преселенного от нас, по неиспытанным судьбам, но с несказанною нашею горестию, в небо, у блаженного нашего автократора[1] и императора Петра, словом, делом, сердцем и умом Великого, для бессмертныя его памяти; но понеже проза великую уже получила силу,

[1] Самодержца.

власть и честь, то чаятельно, что и сие толь важное дело возьмет на себя история.

И как вы, государь мой, изволите меня всеприятным вашим спрашивать, какая ж бы ныне была в поэзии и в стихах нужда, когда все-на-все исправляется прозою? То имею честь вам на сие донесть прямо, как обстоятельства времен советуют... что нет поистине ни самыя большия в них нужды, ни от них всемерно знаменитыя пользы. Однако и притом утверждаю, что они надобны, и надобны постольку между науками, украшающими разум и слово, поскольку между отгоняющими всякую воздушную обиду, или правее, между защищающими от оныя поселянскими хижинами — покойные, красные и великолепные знаменитых и преславутых городов палаты; или уже потолику между учениями словесными надобны стихи, поколику фрукты и конфекты на богатый стол по твердых кушаниях. Много есть наук и знания, правилами состоящих, доказательствами утверждаемых, из которых иные просвещают ум, иные исправляют сердце, иные всему телу здравие подают; а иные украшают разум, увеселяют око, утешают слух, вкус услаждают. Первые гражданству чрез познание спасительныя истины, чрез изобретение потребных вещей, чрез употребление оных благовременно, чрез действие добродетелей, чрез твердость искусства[1] крайнюю приносят пользу; но другие граждан, упразднившихся на время от дел и желающих несколько спокойствия к возобновлению изнуренных сил для плодоносящих трудов чрез борьбу остроумных вымыслов, чрез искусное совокупление и положение цветов и красок, чрез удивительное согласие струн, звуков и пения, чрез вкусное смешение растворением разных соков и плодов — к веселию, которое толь полезно есть здравию, возбуждают и на дела потом ободряют. Нет труда, чтоб предприемлем был не для какия пользы; но нет и краткия праздности, которая отвращалась бы от спокойствия и утехи. И так в какой бы вы класс из всех наук и знаний ни положили поэзию, везде найдете ее, что она не без потребности и ныне. Все, что ни есть доброе, большую или не весьма великую приносящее пользу и приводящее в славу, знать и уметь по всему есть похвально, а часто и прибыточно.

Я из глубины сердца желаю, чтоб хотя ныне сия не весьма и всеконечно надобная, но целые народы громко и прочно, да и больше, может быть, нежели все иное, и едва ль меньше, коль и пальма, полученная за доблественные деяния, воспеваемые ею в роды, прославляющая наука здесь процвела и эпическою доброгласною трубою, как цветет уже некоторых струн звоном; а с другой стороны, отнюдь не советую вам, как то знаю вашу склонность, чтоб стихам быть только и делом единственно вашим или б они приносили препону чему-нибудь важнейшему. При отдохновении вашем от порученных вам попечений о твердейшем и

[1] Здесь: мастерства.

плодоноснейшем да будут они токмо честною забавою: ни лучше, по моему мнению, ни похвальнее, еще и ни безвреднее время ваше препроводить вы не возможете. Сим образом и гуляние ваше будет иногда обществу полезно...

<1752>

ПРЕДЪИЗЪЯСНЕНИЕ ОБ ИРОИЧЕСКОЙ ПИИМЕ

(Отрывки)

Ироическая, инако эпическая пиима, и эпопи́а, есть крайний верх, венец и предел высоким произведениям разума человеческого...

История, служащая основанием эпической пииме, долженствует быть или истинная, или уже за истинную издревле преданная. Однако историческому сему бытию не сродно отнюдь быть взяту ни древних, ни средних, а толь меньше еще новых веков в истории, да и ниже́, всеконечно, в священной,— но единственно в оной преудаленной, коя есть времен баснословных, или ироических; почему пиима сия и называется *ироическая,* как воспевающая деяние ироев, бывших в басненные те времена, каковы все, например, аргонавты, каков Лаомедонт, Приам, Агамемнон, Ектор, Ахиллей, Троил, Одиссей, Ений, Тилемах и премножество других подобных...

И не знаю, не больше ль одноземцы автору «Ганриады» [1] имеют права негодовать на него, что он хотел всячески преподать сию «Ганриаду» свою за эпическую пииму, нежели чтоб ему жаловаться на них, не восхотевших оныя признать за такую,— а не восхотевших ее признать такою не токмо по самой сущей справедливости, но и по истинному и претвердому благоразумию... И как... Боало-Депрео называет *богопреступством* данный вид басен *Правде Священной* [2], так сей самый вид, данный *Правде Содеяний Предержавшего,* можно наименовать, по самой же сущей истине, *Оскорблением Величества...*[3]

<1766>

ПЕСЕНКА ЛЮБОВНА

Красот умильна!
Паче всех сильна!
Уже склонивши,
Уж победивши,
Изволь сотворить
Милость, мя любить.
  Люблю, драгая,
  Тя, сам весь тая.

Ну ж умилися,
Сердцем склонися;
Не будь жестока
Мне паче рока:
Сличью обидно
То твому стыдно.
  Люблю, драгая,
  Тя, сам весь тая.

Так в очах ясных!
Так в словах красных!
В устах саха́рных,
Так в краснозарных!
Милости нету,
Ниже привету?
  Люблю, драгая,
  Тя, сам весь тая.

---

[1] Поэма Вольтера «Генриада» посвящена деяниям Генриха IV.

[2] Т. е. преступлением против бога являются поэмы, основанные на сюжетах, взятых из Библии (Священного писания).

[3] Оскорбление величества — самое тяжкое политическое обвинение в России XVIII в. Через голову Вольтера Тредиаковский метит в Ломоносова, автора поэмы «Петр Великий».

Ах, я не знаю,
Так умираю.
Что за причина
Тебе едина
Любовь уносит?
А сердце просит:
  Люби, драгая,
  Мя поминая.

<1730>

ЭПИСТОЛА ОТ РОССИЙСКИЯ ПОЭЗИИ К АПОЛЛИНУ

(В сокращении)

Девяти парнасских сестр, купно Геликона,
О начальник, Аполлин, и пермесска звона!
О родитель сладких слов, сердце веселящих,
Прост слог и не украшéн всячески красящих!
Посылаю ти сию, росска Поэзúя,
Кланяяся до земли, должно что самы́я.
Нову вещь тебе хочу сею объявити,
И с Парнасса тя сюда самого просити,
Чтобы в помощь ты мою был всегда скорейший,
Чтобы слог мой при тебе начал быть острейший.
Уж довольно чрез тебя пела наученна
Греческа сестра моя в веки незабвенна;
Славил много хитр Гомер ею Ахилеса,
Чрез Улиссов же поход уж знатна Цирцеса.
Много ж и сестра тобой римска свету пела,
Жаром, что вложил ты ей, дивно та кипела:
Уж Эней описан там сердца добронравна
Чрез Виргилия, в стихах князя толь преславна;
И Горациева всем есть люба уж лира,
С Ювеналовой притом колюща сатира.
Где Овидий уж не чтен радостно пресладкий?
Галл, Проперций и Тибулл, в слоге своем гладкий?
И Теренций, комик Плавт в сокке [1] поиграли,
Плеск и похвалу себе в римлянах сыскали;
Трагик Сенека не столь ткал хоть стих изрядно,
Выходил в котурне он иногда ж нарядно;
Марциал кратк, узловат, многажды сатирик,
В эпиграмме умещал инде панегирик.
Всем моя сим к славе их там сестра служила
И тебя довольно в сих Аполлина чтила.
Не презренна и сестра от тебя та нежна,
С тевтом [1], ибером [2] живет что в средине смежна.
С мягким так же в юг близка что италиянцем,
С острым в север чрез моря купно и британцем;

---

[1] В комедии.
[1] С тевтоном.
[2] С испанцем.

Галлы ею в свет уже славны пронеслися,
Цесарем что, но давно, варвары звалися.
Два Корнелия, Рацин трагики искусны [1],
Реньние в них, Боало, сатирами вкусны;
С разумом и Молиер, вроде их глумливый,
Был Виргилия Скарон осмеять шутливый;
Молодой хоть в них Вольтер, но весьма чист в слоге;
Счастлив о! де ла Фонтен басен был в прилоге!
Одами летал Малгерб в них всегда достойно,
Эклогу поправил там Фонтенел пристойно;
Воатюр в ронде́ играл, весел и приятен,
Больше чрез псалмы Русо, хоть чрез все он знатен.
Про других упоминать, право, нет им счету:
Особливу всяк в стихе показал добро́ту.
Эпиграммы тот писал, ин же филиппи́ки,
Славны оперы другой сладкой для музы́ки;
В элегиях плакал ин жалостно, умильно,
Тот сонет, тот мадригал, тот балад клал сильно.
Песен их что может быть лучше и складняе?
Ей! ни Греция, ни в том мог быть Рим умняе.
Славны и еще они, но по правде славны,
Что жены, тот красный пол, были в том исправны:
Сапфо б греческа была в зависти великой,
Смысл девицы Скудери есть в стихе коликой;
Горько плачущей стихом нежной де ла Сюзы
Сладостнее никогда быть не может музы.
Токмо полно мне и сих имянно счисляти [2],
Лучше сам ты, Аполлин, можешь про них знати.
Галлия имеет в том ей толику славу,
Что за средню дочь твою можно чтить по праву.
В сытость напился воды так же касталийски,
Что писал разумно Тасс и по-италийски.
Ты вознес в Милтоне столь и сестру британску,
В Лопе, также и в других, разгласил гишпанску.
Правильно германска уж толь слух услаждает,
Что остр Юнкер славну мзду ею получает:
Юнкер, которого в честь я здесь называю,
Юнкер, которому, ей! всяких добр желаю.
Что же сладкий тот Орфей, Пиндар тот избранный,
В благородном роде сем Кенигом что званный?

---

[1] Здесь и далее имеются в виду французские (галльские) писатели Пьер и Тома Корнель, Расин, Матюрен Ренье, Буало, Мольер, Скаррон, Вольтер, Лафонтен, Малерб, Фонтенель, Вуатюр, Жан-Батист Руссо, Мадлен де Скюдери, Анриетта де ла Сюз; итальянский поэт Тассо, английский — Мильтон, испанский драматург Лопе де Вега. Далее речь идет о немецких писателях Юнкере, Кениге, Канице, Бессере, Неймайстере, Шмольке, Броксе, Триллере, Гюнтере, Нейкирхе, Опице.

[2] Довольно перечислять по именам.

В нем сестра моя всегда пела героично,
Амфионской петь бы так было с ним прилично.
Капица сердечный жар, Бессера любовна,
А Неймейстера, при нем Шмолка, толь духовна,—
Кто бы в ныне лучше мог на стихах играти?
Брокса, Триллера, кому б выше можно знати,
Что в вещах природных есть для стиха изрядно?
О стихом весь идет коль Гинтер лехк нарядно!
Счастливее в ком сестра там моя трубила,
Как в Нейкирхе, стих кому важный подарила?
У чужих брал мысли сей, но чрез переводы
Дивно полагал те в стих своея природы.
Нову в Опице мою все сестру признали;
Обновителем тоя называть все стали;
Опицу, придав стихов имя отца, перву,
Что в них строен тот и хитр вольну чрез Минерву.
Научивши ты сестру толь мою немецку,
Научить не позабыл также и турецку,
И персидску, и какой хвалится Индйя,
И в арапской что земле мудра поэзйя.
Чрез тебя гласит стихом польская спесиво,
Иногда ж весьма умнó и весьма учтиво.
Словом, нет уже нигде такова народа,
Чтоб честна там сестр моих не была порода.
Только ли одну меня так ты оставляешь?
За родную мя себя иль не признаваешь?
Но приди и нашу здесь посетить Россию,
Так же и распространи в ней мя, Поэзию.
Встретить должно я тебя всячески потщуся,
И в приличный мне убор светло наряжуся;
С приветственным пред тебя и стихом предстану,
Новых мер в стопах, не числ, поздравлять тем стану [1].
Новых! поистине так, хоть бы ты дивился,
И подобен такову, кто не верит, зрился:
Старый показался стих мне весьма не годен,
Для того что слуху тот весь был неугоден;
В сей падение, в сей звон стóпу чрез приятну,
И цезуру в сей внесла долготою знатну.
Старым токмо я числом стих определила.
Стопы двосложны затем в новый сей вложила;
Стопы, обегая в них трудность всю афинску,
И в количестве стихов такожде латинску;
Тоническу долготу токмо давши слогу,
Так до рифмы стих веду гладку чрез дорогу;
Выгнав мерзкий перенос и все, что порочно,

[1] В этом и следующих стихах Тредиаковский говорит о введении им нового, тóнического стихосложения.

То оставила стиху, что ему есть точно.
Таковым тебя стихом стану поздравляти,
Таковым тебя стихом буду умоляти,
Чтоб, оставивши Парнасс, все ты жил со мною,
Одарил бы всю меня слова красотою.
Поспешай к нам, Аполлин, поспешай как можно:
Будет любо самому жить у нас, не ложно.
Хотя нужден ты давно здесь в России славной,
Все в великих что делах счастится быть главной...

1735

ТИЛЕМАХИДА

(Отрывок)

Я спросил у него[1], состоит в чем царска державность?
Он отвещал: царь властен есть во всем над народом;
Но законы над ним во всем же властны, конечно.
Мощь его самодержна единственно доброе делать;
Связаны руки имеет он на всякое злое.
Их законы во власть ему народ поверяют,
Как предрагий залог из всех во свете залогов;
Так чтоб он был отец подчиненным всем и подручным.
Хощет Закон, да один человек, за мудрость и мерность,
Служит многих толь людей благоденствию паче,
Нежели многие люди толь, за бедность и рабство,
Подло гордость и негу льстят одного человека.
Царь не должен иметь ничего сверх в обществе прочих,
Разве что нужно его облегчить от труда многодельна
И впечатлеть во всех почтение благоговейно,
Как к блюстителю всех положённых мудро законов.
Впрочем, царю быть должно трéзвейшу, мене роскошну,
Более чужду пышности, нежели просту людину.
Больше богатства ему и веселий иметь не достоит.
Но премудрости, славы, к тому ж добродетели больше,
Нежели стяжут коль сих прочие все человеки.
Вне он должен быть защитник отечеству милу,
Воинствам всем предводитель, и сим верховный начальник,
Внутрь судия, чтоб подсудным быть добрым, разумным, счастливым,
Боги царем его не ему соделали в пользу;
Он есть царь, чтоб был человек всем людям взаимно:
Людям свое отдавать он должен целое время,
Все свои попечения, все и усердие людям;
Он потолику достоин царить, поколику не тщится
Памятен быть о себе, да предастся добру всенародну...

<1766>

---

[1] Телемак спросил у Ментора.

М. В. ЛОМОНОСОВ

ПИСЬМО О ПРАВИЛАХ РОССИЙСКОГО СТИХОТВОРСТВА

(В сокращении)

...Первое и главнейшее мне кажется быть сие: российские стихи надлежит сочинять по природному нашего языка свойству; а того, что ему весьма несвойственно, из других языков не вносить.

Второе: чем российский язык изобилен и что в нем к версификации угодно и способно, того, смотря на скудость другой какой-нибудь речи или на небрежение в оной находящихся стихотворцев, не отнимать; но как собственное и природное употреблять надлежит.

Третие: понеже наше стихотворство только лишь начинается, того ради, чтобы ничего неугодного не ввести, а хорошего не оставить, надобно смотреть, кому и в чем лучше последовать.

На сих трех основаниях утверждаю я следующие правила.

Первое: в российском языке те только слоги долги, над которыми стоит сила, а прочие все коротки. Сие самое природное произношение нам очень легко показывает. Того ради совсем худо и свойству славенского языка, который с нынешним нашим немного разнится, противно учинил Смотрицкий, когда он *е*, *о* за короткие, *а*, *і*, ѵ за общие, *и*, ѣ, ω с некоторыми двугласными и со всеми гласными, что пред двумя или многими согласными стоят, за долгие почел...

Сарматски новорастныя музы стопу перву,
Тщащуюся Парнас во обитель вечну заяти,
Христе царю, приими и, благоволив тебе с отцем, и проч.

Сии стихи коль славенского языка свойству противны, всяк видеть может, кто оный разумеет. Однако не могу я и оных сим предпочитать, в которых все односложные слова за долгие почитаются[1]. Причина сего всякому россиянину известна. Кто будет протягивать единосложные союзы и многие во многих случаях предлоги? Самые имена, местоимения и наречия, стоя при других словах, свою силу теряют. Например: за сто лет; под мост упал; ревет как лев; что ты знаешь? По оному королларию, в котором сие правило счастливо предложено, сочиненные стихи, хотя быть гексаметрами, в истые и изрядные, из анапестов и ямбов состоящие пентаметры попали, например:

◡ ◡ — ◡ — ◡ — ◡ ◡ — ◡ — ◡
Не возможно сердцу, ах! не иметь печали.

По моему мнению, наши единосложные слова иные всегда долги, как: *бог, храм, свят;* иные кратки, например союзы: *же, да, и;*

---

[1] Здесь и далее Ломоносов опровергает теории Тредиаковского.

а иные иногда кратки, иногда долги, например: *нá море, пó году, на вóлю, по горé*.

Второе правило: во всех российских правильных стихах, долгих и коротких, надлежит нашему языку свойственные стопы, определенным числом и порядком учрежденные, употреблять. Оные каковы быть должны, свойство в нашем языке находящихся слов оному учит. Доброхотная природа как во всем, так и в оных довольное России дала изобилие. В сокровище нашего языка имеем мы долгих и кратких речений неисчерпаемое богатство; так что в наши стихи без всякия нужды двоесложные и троесложные стопы внести, и в том грекам, римлянам, немцам и другим народам, в версификации правильно поступающим, последовать можем. Не знаю, чего бы ради иного наши гексаметры и все другие стихи, с одной стороны, так запереть, чтобы они ни больше, ни меньше определенного числа слогов не имели, а с другой, такую волю дать, чтобы вместо хорея свободно было положить ямба, пиррихия и спондея, а следовательно, и всякую прозу стихом называть, как только разве последуя на рифмы кончащимся польским и французским строчкам? Неосновательное оное употребление, которое в Московские школы из Польши принесено, никакого нашему стихосложению закона и правил дать не может. Как оным стихам последовать, о которых правильном порядке тех же творцы не радеют? Французы, которые во всем хотят натурально поступать, однако почти всегда противно своему намерению чинят, нам в том, что до стоп надлежит, примером быть не могут: понеже, надеясь на свою фантазию, а не на правила, толь криво и косо в своих стихах слова склеивают, что ни прозой, ни стихами назвать нельзя. И хотя они так же, как и немцы, могли бы стопы употреблять, что сама природа иногда им в рот кладет, как видно в первой строфе оды, которую Боало Депро на сдачу Намура сочинил:

Quelle docte et sainte ivresse
Aujourd' hui me fait la loi?
Chastes Nymphes du Permesse *etc* [1].—

однако нежные те господа, на то не смотря, почти однеми рифмами себя довольствуют. Пристойным весьма симболом французскую поэзию некто изобразил, представив оную на театре под видом некоторыя женщины, что, сугорбившись и раскорячившись, при музыке играющего на скрыпице сатира танцует. Я не могу довольно о том нарадоваться, что российский наш язык не токмо бодростию и героическим звоном греческому, латинскому и немецкому не уступает, но и подобную оным, а себе купно природную и свойственную версификацию иметь может. Сие толь долго пренебреженное счастие чтобы совсем в забвении не осталось, умыс-

[1] Какое ученое и священное пьянство дает мне днесь закон? Чистые пермесские музы и т. д.

лил я наши правильные стихи из некоторых определенных стоп составлять и от тех, как в вышеозначенных трех языках обыкновенно, оным имена дать.

Первый род стихов называю *ямбическим,* который из одних только ямбов состоит:

Белеет будто снег лицом.

Второй *анапестическим,* в котором только одни анапесты находятся:

Начертан многократно в бегущих волнах.

Третий из *ямбов* и *анапестов смешенным,* в котором, по нужде или произволению, поставлены быть могут, как случится:

Во пищу себе червей хватать.

Четвертый *хореическим,* что одни хореи составляют:

Свет мой, знаю, что пылает.
Мне моя не служит доля.

Пятый *дактилическим,* который из единых только дактилей состоит:

Вьется кругами змия по траве, обновившись в расселине.

Шестой из *хореев* и *дактилей смешенным,* где, по нужде или по изволению, ту и другую употреблять можно стóпу:

Ежель боится, кто не стал бы силен безмерно.

Сим образом расположив правильные наши стихи, нахожу шесть родов гексаметров, столько ж родов пентаметров, тетраметров, триметров и диметров, а следовательно, всех тридцать родов. Неправильными и вольными стихами те называю, в которых вместо ямба или хорея можно пиррихия положить. Оные стихи употребляю я только в песнях, где всегда определенное число слогов быть надлежит. Например, в сем стихе вместо ямба пиррихий положен:

Цветы, румянец умножайте.

А здесь вместо хорея:

Солнцева сестра забыла.

Хорея вместо ямба и ямба вместо хорея в вольных стихах употребляю я очень редко, да и то ради необходимыя нужды или великия скорости, понеже они совсем друг другу противны.

Что до цезуры надлежит, оную, как мне видится, в средине правильных наших стихов употреблять и оставлять можно. Долженствует ли она в нашем гексаметре для одного только отдыху

быть неотменно, то может рассудить всяк по своей силе. Тому в своих стихах оную всегда оставить позволено, кто одним духом тринадцати слогов прочитать не может. За наилучшие, велелепнейшие и к сочинению легчайшие, во всех случаях скорость и тихость действия и состояния всякого пристрастия изобразить наиспособнейшие оные стихи почитаю, которые из анапестов и ямбов состоят.

Чистые ямбические стихи хотя и трудновато сочинять, однако, поднимаяся тихо вверх, материи благородство, великолепие и высоту умножают. Оных нигде не можно лучше употреблять, как в торжественных одах, что я в моей нынешней и учинил. Очень также способны и падающие, или из хореев и дактилев составленные, стихи к изображению крепких и слабых аффектов, скорых и тихих действий быть видятся. Пример скорого и ярого действия:

Бре́вна катайте наверх, каменья и го́ры валите,
Лес бросайте, живучий выжав дух, задавите.

Прочие роды стихов, рассуждая состояние и важность материи, также очень пристойно употреблять можно, о чем подробну упоминать для краткости времени оставляю.

Третие: российские стихи красно и свойственно на мужеские, женские и три литеры гласные в себе имеющие рифмы, подобные италианским, могут кончиться. Хотя до сего времени только одне женские рифмы в российских стихах употребляемы были, а мужеские и от третьего слога начинающиеся заказаны, однако сей заказ толь праведен и нашей версификации так свойствен и природен, как ежели бы кто обеими ногами здоровому человеку всегда на одной скакать велел. Оное правило начало свое имеет, как видно, в Польше, откуду пришед в Москву, нарочито вкоренилось. Неосновательному оному обыкновению так мало можно последовать, как самим польским рифмам, которые не могут иными быть, как только женскими, понеже все польские слова, выключая некоторые односложные, силу на предкончаемом слоге имеют. В нашем языке столь же довольно на последнем и третием, коль на предкончаемом слоге силу имеющих слов находится, то для чего нам оное богатство пренебрегать, без всякия причины самовольную нищету терпеть и только однеми женскими побрякивать, а мужеских бодрость и силу, тригласных устремление и высоту оставлять? Причины тому никакой не вижу, для чего бы мужеские рифмы столь смешны и подлы были, чтобы их только в комическом и сатирическом стихе, да и то еще редко, употреблять можно было? и чем бы святее сии женские рифмы: *красовулях, ходулях* следующих мужеских: *восток, высок* были? По моему мнению, подлость рифмов не в том состоит, что они больше или меньше слогов имеют, но что оных слова подлое или простое что значат.

Четвертое: российские стихи так же кстати, красно и свойственно сочетаваться могут, как и немецкие. Понеже мы мужеские, женские и тригласные рифмы иметь можем, то услаждающая

всегда человеческие чувства перемена оные меж собою перемешивать пристойно велит, что я почти во всех моих стихах чинил. Подлинно, что всякому, кто одне женские рифмы употребляет, сочетание и перемешка стихов странны кажутся; однако ежели бы он к сему только применился, то скоро бы увидел, что оное толь же приятно и красно, коль в других европейских языках. Никогда бы мужеская рифма перед женскою не показалася, как дряхлый, черный и девяносто лет старый арап перед наипоклоняемою, наинежною и самым цветом младости сияющею европейскою красавицею...

1739

КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО К КРАСНОРЕЧИЮ

КНИГА ПЕРВАЯ, В КОТОРОЙ СОДЕРЖИТСЯ РИТОРИКА, ПОКАЗУЮЩАЯ ОБЩИЕ ПРАВИЛА ОБОЕГО КРАСНОРЕЧИЯ, ТО ЕСТЬ ОРАТОРИИ И ПОЭЗИИ, СОЧИНЕННАЯ В ПОЛЬЗУ ЛЮБЯЩИХ СЛОВЕСНЫЕ НАУКИ

(Отрывки)

(Посвящение)

...Блаженство рода человеческого коль много от слова зависит, всяк довольно усмотреть может. Собраться рассеянным народам в общежития, созидать грады, строить храмы и корабли, ополчаться против неприятеля и другие нужные, союзных сил требующие дела производить как бы возможно было, если бы они способа не имели сообщать свои мысли друг другу?.. В нынешние веки хотя нет толь великого употребления украшенного слова, а особливо в судебных делах, каково было у древних греков и римлян, однако в предложении божия слова, в исправлении нравов человеческих, в описании славных дел великих героев и во многих политических поведениях коль оное полезно, ясно показывает состояние тех народов, в которых словесные науки процветают. Язык, которым Российская держава великой части света повелевает, по ее могуществу имеет природное изобилие, красоту и силу, чем ни единому европейскому языку не уступает. И для того нет сумнения, чтобы российское слово не могло приведено быть в такое совершенство, каковому в других удивляемся. Сим обнадежен, предприял я сочинение сего руководства, но больше в таком намерении, чтобы другие, увидев возможность, по сей малой стезе в украшении российского слова дерзновенно простирались...

ВСТУПЛЕНИЕ

§ 1. Красноречие есть искусство о всякой данной материи красно говорить и тем преклонять других к своему об оной мнению. Предложенная по сему искусству материя называется речь или слово.

§ 2. К приобретению оного требуется пять следующих средствий: первое — природные дарования, второе — наука, третие — подражание авторов, четвертое — упражнение в сочинении, пятое — знание других наук.

§ 3. Природные дарования разделяются на душевные и телесные. Душевные дарования, а особливо остроумие и память к получению сего искусства толь необходимо нужны, как добрая земля к посеянию чистого семени, ибо как семя на неплодной земли, так и учение в худой голове тщетно есть и бесполезно... Телесные дарования, громкий и приятный голос, долгий дух и крепкая грудь в красноречии, а особливо в произношении общенародного слова упражняющимся очень надобны; также дородство и católico...

§ 8. Слово двояко изображено быть может — прозою или поэмою. Проза есть слово, которого части не имеют точно определенной меры и порядка складов[1], ни согласия, в произношении точно назначенного, но все речения располагаются в нем таким порядком, какого обыкновенный чистый разговор требует. Поэма состоит из частей, известной мерою определенных, и притом имеет точный порядок складов по их ударению или произношению. Первым образом сочиняются проповеди, истории, учебные книги, другим составляются имны, оды, комедии, сатиры и других родов стихи.

§ 9. Но хотя проза от поэмы для отменного сложения разнится, а потому и в штиле должна быть отлична, однако в рассуждении общества материи весьма с опою сходствует, ибо об одной вещи можно писать прозою и стихами. Итак, оба сии красноречия роды имеют в себе купно обоим общее и особливо каждому отменное.

§ 10. Мы предлагаем здесь вкратце руководство к обоему красноречию и для того, поступая по натуральному порядку, показываем, во-первых, учение о красноречии вообще, поколику оно до прозы и до стихов касается, и затем при правилах полагаются в нем примеры прозою и стихами...

ЧАСТЬ I
О ИЗОБРЕТЕНИИ

§ 23. Сочинитель слова тем обильнейшими изобретениями оное обогатить может, чем быстрейшую имеет силу совображения, которая есть душевное дарование с одною вещию, в уме представленною, купно воображать другие, как-нибудь с нею сопряженные, например: когда, представив в уме корабль, с ним воображаем купно и море, по которому он плавает, с морем — бурю, с бурею — волны, с волнами — шум в берегах, с берегами — камни и так далее. Сие все действуем силою совображения, которая, будучи соединена с рассуждением, называется остроумие.

---

[1] Слогов, слов.

§ 24. Отсюду видно, что чрез силу совображения из одной простой идеи расплодиться могут многие, а чем оных больше, тем и в сочинении слова больше будет изобилия. Сие душевное дарование хотя многие имеют от природы велико, однако оно не всегда и не во всяком случае надежно, для того в споможение оного должно здесь предложить некоторые правила...

§ 46. ...При сопряжении простых идей не должно себя излишно принуждать, чтобы они токмо по предложенным... правилам сопряжены были, но, последуя здравому рассуждению (которое одно только в сем случае действительно), надлежит стараться, чтобы из соединения оных происходили натуральные и с разумом согласные мысли, а не принужденные или ложные и вздорные. Сего убежать тот весьма не может, кто не имеет довольного природного рассуждения, логикою подкрепленного, которая после грамматики есть первая предводительница ко всем наукам. И для того предлагаемые в сей книге правила на ней основаны и употребляемых в ней здесь нужных терминов сила истолкована...

§ 94. Хотя доводы и довольны бывают к удостоверению о справедливости предлагаемыя материи, однако сочинитель слова должен сверх того слушателей учинить страстными к оной. Самые лучшие доказательства иногда столько силы не имеют, чтобы упрямого преклонить на свою сторону, когда другое мнение в уме его вкоренилось. Мало есть таких людей, которые могут поступать по рассуждению, преодолев свои склонности. Итак, что пособит ритору, хотя он свое мнение и основательно докажет, ежели не употребит способов к возбуждению страстей на свою сторону или не утолит противных?

§ 95. А чтобы сие с добрым успехом производить в дело, то надлежит обстоятельно знать нравы человеческие, должно самым искусством чрез рачительное наблюдение и философское остроумие высмотреть, от каких представлений и идей каждая страсть возбуждается, и изведать чрез нравоучение всю глубину сердец человеческих...

§ 96. Страстию называется сильная чувственная охота или неохота, соединенная с необыкновенным движением крови и жизненных духов, при чем всегда бывает услаждение или скука. В возбуждении и утолении страстей, во-первых, три вещи наблюдать должно: 1) состояние самого ритора, 2) состояние слушателей, 3) самое к возбуждению служащее действие и сила красноречия.

§ 97. Что до состояния самого ритора надлежит, то много способствует к возбуждению и утолению страстей: 1) когда слушатели знают, что он добросердечный и совестный человек, а не легкомысленный ласкатель и лукавец; 2) ежели его народ любит за его заслуги; 3) ежели он сам ту же страсть имеет, которую в слушателях возбудить хочет, а не притворно их страстными учинить намерен, ибо он тогда не токмо словом, но и видом и движением действовать будет; 4) ежели он знатен породою или чином;

5) с важностию знатного чина и породы купно немало помогает старость, которой честь и повелительство некоторым образом дает сама натура...

§ 98. Нравы человеческие коль различны и коль отменно людей состояние, того и сказать невозможно. Для того разумный ритор прилежно наблюдать должен хотя главные слушателей свойства, то есть 1) возраст, ибо малые дети на приятные и нежные вещи обращаются и склоннее к радости, милосердию, боязни и к стыду, взрослые способнее приведены быть могут на радость и на гнев, старые перед прочими страстьми склоннее к ненависти, к честолюбию и к зависти, страсти в них возбудить и утолить труднее, нежели в молодых; 2) пол, ибо мужеский пол к страстям удобнее склоняется и скорее оные оставляет, но женский пол, хотя на оные еще и скоряе побуждается, однако весьма долго в себе удерживает и с трудом оставляет; 3) воспитание, ибо кто к чему привык, от того отвратить трудно; напротив того, большую к тому же возбудить склонность весьма свободно... 4) наука, ибо у людей, обученных в политике и многим знанием и искусством важных, надлежит возбуждать страсти с умеренною живностию и с благочинною бодростию, предложениями важного учения исполненными; напротив того, у простаков и у грубых людей должно употреблять всю силу стремительных и огорчительных страстей, для того что нежные и плачевные столько у них действительны, сколько лютна у медведей. При всех сих надлежит наблюдать время, место и обстоятельства. Итак, разумный ритор при возбуждении страстей должен поступать, как искусный боец: умечать в то место, где не прикрыто, а особливо того наблюдать, чтобы тем приводить в страсти, кому что больше нужно, пристойно и полезно.

§ 99. Сим следует главное дело, то есть самая сила к возбуждению или утолению страстей и действие красноречия. Оно долженствует быть велико, стремительно, остро и крепко, не первым токмо стремлением ударяющее и потом упадающее, но беспрестанно возрастающее и укрепляющееся... И, таким образом, ежели кто хочет приятную или скучную страсть возбудить, то должен он своим слушателям представить все к предлагаемой вещи принадлежавшее добро или зло в великом множестве и скоро одно после другого. К сему требуется, чтобы ритор имел великое остроумие и рачение для изыскания идей...

§ 100. Больше всех служат к движению и возбуждению страстей живо представленные описания, которые очень в чувства ударяют, а особливо как бы действительно в зрении изображаются. Глубокомысленные рассуждения и доказательства не так чувствительны, и страсти не могут от них возгореться; и для того с высокого престола разум к чувствам свести должно и с ними соединить, чтобы он в страсти воспламенился...

§ 129. Витиеватые речи (которые могут еще назваться замысловатыми словами или острыми мыслями) суть предложения, в которых подлежащее и сказуемое сопрягаются некоторым стран-

ным, необыкновенным или чрезъестественным образом и тем составляют нечто важное или приятное...

§ 130. Таковыми предложениями нередко оживляют и возвышают слово славные авторы... Правда и то, что в самые древнейшие времена за острыми мыслями авторы, как видно, не так гонялись, как в последовавшие потом и в нынешние веки, ибо ныне не имеющее острых мыслей слово уже не так приятно кажется, как бы оно в прочем велико и сильно ни было. И для того, последуя вкусу нынешнего времени, предлагаем здесь несколько правил о изобретении витиеватых речей, о чем древние учители красноречия мало упоминают. Но сие показываем не с таким намерением, чтобы учащиеся меры не знали и последовали бы нынешним италианским авторам, которые, силясь писать всегда витиевато и не пропустить ни единой строки без острой мысли, нередко завираются...

§ 146. ...Ни в чем красноречие не утверждается на примерах и на чтении и подражании славных авторов, как в витиеватом роде слова, и нигде больше не служит остроумие, как в сем случае, ибо не токмо сие требуется, чтобы замыслы были нечаянны и приятны, но сверх того весьма остерегаться должно, чтобы, за ними излишно гоняючись, не завраться, которой погрешности часто себя подвергают нынешние писатели, для того что они меньше стараются о важных и зрелых предложениях, о увеличении слова чрез распространения или о движении сильных страстей, нежели о витийстве...

§ 148. Вымыслами называются предложения, которых действительно на свете не бывало или хотя и были, однако некоторым отменным образом. И посему разделяются вымыслы на чистые и смешанные. Чистые состоят из предложений дел или вещей, которых нет и не бывало, как писал Апулей о золотом осле и Петроний свой «Сатирикон». Смешанные вымыслы состоят из правдивых вещей или действий, однако таким образом, что чрез разные выдуманные прибавления и отмены с оными много разнятся. Таковы суть Гомерова «Илиада» и «Одиссея», Виргилиева «Энеида» и «Похождение Телемаково»[1]...

§ 150. Еще разделяются вымыслы на цельные и частные; цельными называем те, которые составляют целое слово, частными — которые в правдивое слово ораторы и стихотворцы для его возвышения вмещают... Такие частные, в правдивом слове употребленные вымыслы подобны военным хитростям, в сражениях бывающим, ибо как с довольным числом солдат и всякого военного снаряду, с искусством как употреблять оружие и с сильным и мужественным на врагов нападением военные хитрости употреблять весьма полезно, так и вымыслы при увеличенном чрез распространения слове, при основательных доказательствах и при движени-

---

[1] *«Приключения Телемака»* (1699) — философско-утопический роман французского писателя *Фенелона* (1651—1715), позднее переделанный В. К. Тредиаковским в героическую поэму «Тилемахида».

ях страстей весьма много способствуют. И как от военных хитростей приходят неприятели в замешательство и в непорядок и принуждены бывают переменить или и совсем позабыть свои намерения, так и слушатели слова вымыслами восхищаются и позабывают свои возражения на предлагаемую материю.

§ 151. Цельные вымыслы в стихах суть героические поэмы, трагедии, комедии, эклоги, басни и притчи; в прозе — повести и также басни и притчи... Повестью называем пространное вымышленное чистое или смешанное описание какого-нибудь деяния, которое содержит в себе примеры и учения о политике и о добрых нравах; такова есть Браклаева «Аргенида» и «Телемак» Фенелонов. Из сего числа выключаются сказки, которые никакого учения добрых нравов и политики не содержат и почти ничем не увеселяют, но только разве своим нескладным плетеньем на смех приводят, как сказка о Бове и великая часть французских романов, которые все составлены от людей неискусных и время свое тщетно препровождающих...

ЧАСТЬ II
О УКРАШЕНИИ

§ 164. Украшение есть изобретенных идей пристойными и избранными речениями изображение. Состоит в чистоте штиля, в течении слова, в великолепии и силе оного.

§ 165. Первое зависит от основательного знания языка, от частого чтения хороших книг и от обхождения с людьми, которые говорят чисто. В первом способствует прилежное изучение правил грамматических, во втором — выбирание из книг хороших речений, пословий и пословиц, в третьем — старание о чистом выговоре при людях, которые красоту языка знают и наблюдают. Что до чтения книг надлежит, то перед прочими советую держаться книг церковных (для изобилия речений, не для чистоты), от которых чувствую себе немалую пользу. Сие все каждому за необходимое дело почитать должно, ибо, кто хочет говорить красно, тому надлежит сперва говорить чисто и иметь довольно пристойных и избранных речений к изображению своих мыслей...

§ 170. В течении слова немало наблюдают риторы в рассуждении письмен: 1) чтобы обегать непристойного и слуху противного стечения согласных, например: *всех чувств взор есть благороднее,* ибо шесть согласных, рядом положенные,— *вств-вз* — язык весьма запинают; 2) чтобы удаляться от стечения письмен гласных, а особливо то же или подобное произношение имеющих, например: *плакать жалостно о отшествии искреннего своего друга,* ибо по втором речении трожды сряду поставленное *о* в слове делает некоторую полость, а тремя *и* слово некоторым образом изостряется; 3) чтобы остерегаться от частого повторения одного письмени: *тот путь тогда топтать трудно.*

§ 171. Сим правилам, а особливо последнему противное иногда

примечено у славных древних авторов, о чем не без причины многие думают, что они такое стечение письмен нарочно употребляли...

§ 172. В российском языке, как кажется, частое повторение письмени *а* способствовать может к изображению великолепия, великого пространства, глубины и вышины, также и внезапного страха; учащение письмен *е, и, ѣ, ю,* — к изображению нежности, ласкательства, плачевных или малых вещей; чрез *я* показать можно приятность, увеселение, нежность и склонность; через *о, у, ы* — страшные и сильные вещи: гнев, зависть, боязнь и печаль.

§ 173. Из согласных письмен твердые *к, п, т* и мягкие *б, г, д* имеют произношение тупое и нет в них ни сладости, ни силы, ежели другие согласные к ним не припряжены, потому могут только служить в том, чтобы изобразить живяе действия тупые, ленивые и глухой звук имеющие, каков есть стук строящихся городов и домов, от конского топоту и от крику некоторых животных. Твердые *с, ф, х, ц, ч, ш* и плавкое *р* имеют произношение звонкое и стремительное, для того могут спомоществовать к лучшему представлению вещей и действий сильных, великих, громких, страшных и великолепных. Мягкие *ж, з* и плавкие *в, л, м, н* имеют произношение нежное и потому пристойны к изображению нежных и мягких вещей и действий, равно как и безгласное письмя *ь* отончением согласных в средине и на конце речений. Чрез сопряжение согласных твердых, мягких и плавких рождаются склады, к изображению сильных, великолепных, тупых, страшных, нежных и приятных вещей и действий пристойные, однако все подробну разбирать как трудно, так и не весьма нужно. Всяк, кто слухом выговор разбирать умеет, может их употреблять по своему рассуждению, а особливо что сих правил строго держаться не должно, но лучше последовать самим идеям и стараться оные изображать ясно...

§ 190. Аллегория есть перенесение предложений от собственного знаменования к другому стечением многих метафор, между собою сродных и некоторую взаимную принадлежность имеющих...

§ 193. Аллегоричным штилем многие излишно услаждаются и чрез меру часто сей троп употребляют, а особливо те, которые не знают подлинной красоты слова, но прельщаются притворным его видом. Умеренно употребленная аллегория слово украшает и возвышает, а без меры часто в слово внесенная оное помрачает и обезображает. Однако иногда служит к возбуждению страха и в сем случае ночи подобна, ибо потаенное страшит больше, нежели явное. От вымыслов разнится аллегория тем, что в них сами идеи, а в аллегории только одне речи переносятся...

§ 236. Изображение есть явственное и живое представление действия с обстоятельствами, которыми оное в уме, как самое действие, воображается, например:

Так флот российский в Понт дерзает,
Так роет он поверх валов;

Надменна бездна уступает,
Стеня от тягости судов.
Вослед за скорыми кормами
Бежит кипяща пена рвами;
Весельный шум, гребущих крик
Наносит готам страх велик. ...

§ 239. Восхищение есть когда сочинитель представляет себя как изумленна в мечтании, происходящем от весьма великого, нечаянного или страшного и чрезъестественного дела. Сия фигура совокупляется почти всегда с вымыслом и больше употребительна у стихотворцев, например:

Мой дух течет к пределам света,
Любовью храбрых дел пленен,
В восторге зрит грядущи лета
И древних грозный вид времен!..

ЧАСТЬ III
О РАСПОЛОЖЕНИИ

§ 249. Расположение есть изобретенных идей соединение в пристойный порядок...

§ 250. Расположение разделяется на натуральное и художественное. Натуральное есть которое самой натуре последует, как она требует, что бывает по времени, месту или достоинству...

§ 251. Художественное расположение есть которое утверждается на правилах...

§ 314. Сии правила о украшении описаний и повествований предложены больше для того, чтобы всяк, читая исторические и другие описаниями и повествованиями богатые книги, примечал в них то, что их особливо украшает. Кто сие наблюдать будет, тот много найдет, чего ни в каких риторических правилах нет, и для того правила для себя по найденным примерам составить или одне примеры в свою пользу употреблять может...

1747, 1759

ПРЕДИСЛОВИЕ О ПОЛЬЗЕ КНИГ ЦЕРКОВНЫХ В РОССИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

(В сокращении)

В древние времена, когда славенский народ не знал употребления письменно изображать свои мысли, которые тогда были тесно ограничены для неведения многих вещей и действий, ученым народам известных, тогда и язык его не мог изобиловать таким множеством речений и выражений разума, как ныне читаем. Сие

богатство больше всего приобретено купно с греческим христианским законом, когда церковные книги переведены с греческого языка на славенский для славословия божия. Отменная красота, изобилие, важность и сила эллинского слова коль высоко почитаются, о том довольно свидетельствуют словесных наук любители. На нем, кроме древних Гомеров, Пиндаров, Демосфенов и других в эллинском языке героев, витийствовали великие христианския церкви учители и творцы, возвышая древнее красноречие высокими богословскими догматами и парением усердного пения к богу. Ясно сие видеть можно вникнувшим в книги церковные на славенском языке, коль много мы от переводу ветхого и нового завета, поучений отеческих, духовных песней Дамаскиновых и других творцов канонов видим в славенском языке греческого изобилия и оттуду умножаем довольство российского слова, которое и собственным своим достатком велико и к приятию греческих красот посредством славенского сродно. Правда, что многие места оных переводов недовольно вразумительны, однако польза наша весьма велика. При сем, хотя нельзя прекословить, что сначала переводившие с греческого языка книги на славенский не могли миновать и довольно остеречься, чтобы не принять в перевод свойств греческих, славенскому языку странных, однако оные чрез долготу времени слуху славенскому перестали быть противны, но вошли в обычай. Итак, что предкам нашим казалось невразумительно, то нам ныне стало приятно и полезно...

Как материи, которые словом человеческим изображаются, различествуют по мере разной своей важности, так и российский язык чрез употребление книг церковных по приличности имеет разные степени: высокий, посредственный и низкий. Сие происходит от трех родов речений российского языка.

К первому причитаются, которые у древних славян и ныне у россиян общеупотребительны, например: *бог, слава, рука, ныне, почитаю*.

Ко второму принадлежат, кои хотя обще употребляются мало, а особливо в разговорах, однако всем грамотным людям вразумительны, например: *отверзаю, господень, насажденный, взываю*. Неупотребительные и весьма обветшалые отсюда выключаются, как *обаваю* [1], *рясны* [2], *овогда* [3], *свене* [4] и сим подобные.

К третьему роду относятся, которых нет в остатках славенского языка, то есть в церковных книгах, например: *говорю, ручей, который, пока, лишь*. Выключаются отсюда презренные слова, которых ни в каком штиле употребить непристойно, как только в подлых комедиях.

---

[1] Очаровываю.
[2] Украшения из золота и драгоценных камней.
[3] Иногда.
[4] Кроме.

От рассудительного употребления и разбору сих трех родов речений рождаются три штиля: высокий, посредственный и низкий.

Первый составляется из речений славенороссийских, то есть употребительных в обоих наречиях, и из славенских, россиянам вразумительных и не весьма обветшалых. Сим штилем составляться должны героические поэмы, оды, прозаичные речи о важных материях, которым они от обыкновенной простоты к важному великолепию возвышаются. Сим штилем преимуществует российский язык перед многими нынешними европейскими, пользуясь языком славенским из книг церковных.

Средний штиль состоять должен из речений, больше в российском употребительных, куда можно принять некоторые речения славенские, в высоком штиле употребительные, однако с великою осторожностию, чтобы слог не казался надутым. Равным образом употребить в нем можно низкие слова, однако остерегаться, чтобы не опуститься в подлость. И, словом, в сем штиле должно наблюдать всевозможную равность, которая особливо тем теряется, когда речение славенское положено будет подле российского простонародного. Сим штилем писать все театральные сочинения, в которых требуется обыкновенное человеческое слово к живому представлению действия. Однако может и первого рода штиль иметь в них место, где потребно изобразить геройство и высокие мысли; в нежностях должно от того удаляться. Стихотворные дружеские письма, сатиры, эклоги и элегии сего штиля больше должны держаться. В прозе предлагать им пристойно описания дел достопамятных и учений благородных.

Низкий штиль принимает речения третьего рода, то есть которых нет в славенском диалекте, смешивая со средними, а от славенских обще не употребительных вовсе удаляться по пристойности материй, каковы суть комедии, увеселительные эпиграммы, песни, в прозе дружеские письма, описание обыкновенных дел. Простонародные низкие слова могут иметь в них место по рассмотрению...

...Таким старательным и осторожным употреблением сродного нам коренного славенского языка купно с российским отвратятся дикие и странные слова нелепости, входящие к нам из чужих языков, заимствующих себе красоту из греческого, и то еще чрез латинский... и российский язык в полной силе, красоте и богатстве переменам не подвержен утвердится...

Сие краткое напоминание довольно к движению ревности в тех, которые к прославлению отечества природным языком усердствуют, ведая, что с падением оного без искусных в нем писателей немало затмится слава всего народа...

1758

СЛОВО БЛАГОДАРСТВЕННОЕ ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ НА ОСВЯЩЕНИЕ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ, ИМЕНЕМ ЕЕ ГОВОРЕННОЕ

(Отрывки)

Радеть о благоденствии общества, защищать оное прозорливым мужеством, управлять милосердым правосудием, обогащать домостройством и купечеством, просвещать науками, украшать художествами есть великих монархов упражнение, каковаго довольные радостные примеры в двулетное еще только время благословенного царствования вашего императорского величества оказанные, ободряют благополучную Россию...

Лишь только посмотрим в пространные пределы обширного вашего владычества, везде богатые видим материи, которые из неупотребления в пользу, из грубости в приятность, из простоты в великолепие, из презрения в славу превратить может трудолюбие художеств, вашею монаршескою щедротою питаемых, вашею властию покрываемых и оживляемых люблением вашим.

Архитектурное искусство, напрягая сильные плечи и обращая великие дерева и тяжкие камни, воздвигнет здания, к обитанию удобные, для зрения прекрасные, для долговременности твердые.

Скульптурного художества удобообращательные мышцы, оживляя металл и камень, представят виды героев и героинь российских в благодарность заслуг их к отечеству, в пример и в поощрение потомкам к мужественной добродетели.

Живописныя хитрости зиждительные персты, отменою цвéтов света и тени возвышая равную плоскость похвальным обольщением зрения, пренесут в настоящее время минувшие российские деяния показать древнюю славу праотцев наших, счастливые и противные обращения и случаи и тем подать наставление в делах, простирающихся к общей пользе.

О, коль великое удивление и удовольствие произвести может Россия помощию художеств в любопытном свете, который едва уже не до отвращения духа чрез многие веки повторяет древние греческие и римские, по большей части баснотворные деяния. Украсятся домы вашего величества и другие здания не чужих, но домашних дел изображениями, не наемными, но собственными рабов ваших руками. Коль сладко вкушение плодов собственного насаждения! Коль приятно удовольствие, устроенное своими трудами!..

1764

РАЗГОВОР С АНАКРЕОНОМ

(В сокращении)

АНАКРЕОН

Ода 1

Мне петь было о Трое,
О Кадме мне бы петь,
Да гусли мне в покое
Любовь велят звенеть.
Я гусли со струна́ми
Вчера переменил
И славными делами
Алкида возносил;
Да гусли поневоле
Любовь мне петь велят.
О вас, герои, боле,
Прощайте, не хотят.

ЛОМОНОСОВ

Ответ

Мне петь было о нежной,
Анакреон, любви;
Я чувствовал жар прежней
В согревшейся крови.
Я бегать стал перстами
По тоненьким струнам
И сладкими словами
Последовать стопам.
Мне струны поневоле
Звучат геройский шум.
Не возмущайте боле,
Любовны мысли, ум;
Хоть нежности сердечной
В любви я не лишен,
Героев славой вечной
Я больше восхищен.

АНАКРЕОН

Ода XXVIII

Мастер в живописстве первый,
Первый в Родской стороне,
Мастер, научен Минервой,
Напиши любезну мне.
Напиши ей кудри черны,
Без искусных рук уборны,
С благовонием духов,
Буде способ есть таков.

Дай из роз в лице ей крови
И как снег представь белу,
Проведи дуга́ми брови
По высокому челу;
Не сведи одну с другою,
Не расставь их меж собою,—
Сделай хитростью своей,
Как у девушки моей.

Цвет в очах ее небесный,
Как Минервин, покажи

И Венерин взор прелестный
С тихим пламенем вложи;
Чтоб уста без слов вещали
И приятством привлекали,
И чтоб их безгласна речь
Показалась медом течь.

Всех приятностей затеи
В подбородок умести,
И кругом прекрасной шеи
Дай лилеям расцвести,
В коих нежности дыхают,
В коих прелести играют,
И по множеству отрад
Водят усумненный взгляд.

Надевай же платье ало,
И не тщись всю грудь закрыть,
Чтоб, ее увидев мало,
И о прочем рассудить.
Коль изображенье мочно!
Вижу здесь тебя заочно,
Вижу здесь тебя, мой свет:
Молви ж, дорогой портрет.

ЛОМОНОСОВ

Ответ

Ты ща́стлив сею красотою
И мастерством, Анакреон,—
Но ща́стливее ты собою
Через приятной лиры звон.
Тебе я ныне подражаю
И живописца избираю,
Дабы потщился написать
Мою возлюбленную Мать.

О мастер, в живописстве первый,
Ты первый в нашей стороне,
Достоин быть рожден Минервой,—
Изобрази Россию мне.
Изобрази мне возраст зрелый
И вид в довольствии веселый,
Отрады ясность по челу
И вознесенную главу.

Потщись представить члены здравы,
Как до́лжны у богини быть;
По пле́чам волосы кудрявы

Признáком бодрости завить;
Огонь вложи в небесны очи
Горящих звезд в средине ночи,
И брови выведи дугой,
Что кажет после туч покой.

Возвысь сосцы, млеком обильны,
И чтоб созревша красота
Являла мышцы, руки сильны;
И полны живости уста
В беседе важность обещали
И так бы слух наш ободряли,
Как чистый голос лебедей,
Коль можно хитростью твоей.

Одень, одень ее порфиру,
Дай скипетр, возложи венец,
Как должно ей законы миру
И распрям предписать конец.
О, коль изображенье сходно,
Красно, любезно, благородно!
Великая промолви мать
И повели войнáм престать[1].

Между 1758 и 1761(?)

ОДА БЛАЖЕННЫЯ ПАМЯТИ ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ АННЕ ИОАННОВНЕ НА ПОБЕДУ НАД ТУРКАМИ И ТАТАРАМИ И НА ВЗЯТИЕ ХОТИНА 1739 ГОДА

Восторг внезапный ум пленил,
Ведет на верх горы высокой,
Где ветр в лесах шуметь забыл;
В долине тишина глубокой.
Внимая нечто, ключ молчит,
Который завсегда журчит
И с шумом вниз с холма стремится.
Лавровы вьются там венцы,
Там слух спешит во все концы;
Далече дым в полях курится.

Не Пинд ли под ногами зрю?
Я слышу чистых сестр музыку!
Пермесским жаром я горю,
Теку поспешно к оных лику.

---

[1] По-видимому, намек на Семилетнюю войну (1756—1763).

Врачебной дали мне воды:
Испей и все забудь труды;
Умой росой кастальской очи,
Чрез степь и горы взор простри
И дух свой к тем стрáнам впери,
Где всходит день по темной ночи.

Корабль как ярых волн среди,
Которые хотят покрыти,
Бежит, срывая с них верхи,
Претит с пути себя склонити;
Седая пена вкруг шумит,
В пучине след его горит,—
К российской силе так стремятся,
Кругом объехав, тьмы татар;
Скрывает небо конский пар!
Что ж в том? стремглав без душ валятся.

Крепит отечества любовь
Сынов российских дух и руку;
Желает всяк пролить всю кровь,
От грозного бодрится звуку.
Как сильный лев стада волков,
Что кажут острых яд зубов,
Очей горящих гонит страхом?
От реву лес и брег дрожит,
И хвост песок и пыль мутит,
Разит, извившись сильным махом.

Не медь ли в чреве Этны ржет
И, с серою кипя, клокочет?
Не ад ли тяжки узы рвет
И челюсти разинуть хочет?
То род отверженной рабы[1],
В горах огнем наполнив рвы,
Металл и пламень в дол бросает,
Где в труд избрáнный наш народ
Среди врагов, среди болот
Чрез быстрый ток на огнь дерзает.

За хóлмы, где паляща хлябь
Дым, пепел, пламень, смерть рыгает,
За Тигр, Стамбул, своих заграбь,[2]
Что камни с берегов сдирает;
Но чтоб орлов сдержать полет,
Таких препон на свете нет.

---

[1] В XVIII в. турок считали потомками рабыни Агари, о которой рассказывается в Библии, поэтому турок иногда называли агарянами.
[2] Уведи, отведи.

Им воды, лес, бугры, стремнины,
Глухие степи — равен путь.
Где только ветры могут дуть,
Доступят там полки орлины.

Пускай земля, как понт, трясет,
Пускай везде громады стонут,
Премрачный дым покроет свет,
В крови Молдавски горы тонут,—
Но нам не может то вредить:
О россы, вас сам рок покрыть
Желает для счастливой Анны!
Уже ваш к ней усердный жар
Быстро́ проходит сквозь татар
И путь отворен вам пространный.

Скрывает луч свой в волны день,
Составив бой ночным пожарам;
Мурза упал на долгу тень;
Взят купно свет и дух татарам.
Из лыв[1] густых выходит волк
На бледный труп в турецкий полк.
Иной в последни видя зорю:
«Закрой,—кричит,—багряный вид
И купно с ним Магметов стыд;
Спустись поспешно с солнцем к морю».

Что так теснит боязнь мой дух?
Хладеют жилы, сердце ноет!
Что бьет за странный шум в мой слух?
Пустыня, лес и воздух воет!
В пещеру скрыл свирепство зверь,
Небесная отверзлась дверь,
Над войском облак вдруг развился,
Блеснул горящим вдруг лицем,
Умытым кровию мечем
Гоня врагов, герой открылся.

Не сей ли при донских струях
Рассыпал вредны россам стены?
И персы в жаждущих степях
Не сим ли пали пораженны?
Он так к своим взирал врагам,
Как к готским приплывал брегам,
Так сильну возносил десницу,
Так быстрый конь его скакал,
Когда он те поля топтал,
Где зрим всходящу к нам денницу.

---

[1] *Лыва* — заболоченный лес, заросли кустарника.

Кругом его из облаков
Гремящие перуны блещут,
И, чувствуя приход Петров,
Дубравы и поля трепещут.
Кто с ним толь грозно зрит на юг,
Одеян страшным громом вкруг?
Никак смиритель стран Казанских?
Каспийски воды, сей при вас
Селима гордого потряс,
Наполнил степь голов поганских.

Герою молвил тут герой:
«Не тщетно я с тобой трудился,
Не тщетен подвиг мой и твой,
Чтоб россов целый свет страшился.
Чрез нас предел наш стал широк
На север, запад и восток.
На юге Анна торжествует,
Покрыв своих победой сей».
Свилася мгла, герои в ней;
Не зрит их око, слух не чует.

Крути́т река татарску кровь,
Что протекала между ними;
Не смея в бой пуститься вновь,
Местами враг бежит пустыми,
Забыв и меч, и стан, и стыд,
И представляет страшный вид
В крови друго́в своих лежащих.
Уже, тряхнувшись, легкий лист
Страшит его, как ярый свист
Быстро́ сквозь воздух ядр летящих.

Шумит ручьями бор и дол:
«Победа, росская победа!»
Но враг, что от меча ушел,
Боится собственного следа.
Тогда, увидев бег своих,
Луна стыдилась сраму их
И в мрак лицо, зардевшись, скрыла.
Летает слава в тьме ночной,
Звучит во всех землях трубой,
Коль росская ужасна сила.

Вливаясь в Понт, Дунай ревет
И россов плеску отвещает;
Ярясь волнами, турка льет,
Что стыд свой за него скрывает.
Он рыщет, как пронзенный зверь,

И чает, что уже теперь
В последний раз заносит ногу
И что земля его носить
Не хочет, что не мог покрыть.
Смущает мрак и страх дорогу.

Где ныне похвальба твоя?
Где дерзость? где в бою упорство?
Где злость на северны края?
Стамбул, где наших войск презорство? [1]
Ты лишь своим велел ступить,
Нас тотчас чаял победить;
Яны́чар твой свирепо злился,
Как тигр на росский полк скакал.
Но что? — внезапно мертв упал,
В крови своей пронзен залился.

Целуйте ногу ту в слезах,
Что вас, агаряне, попрала,
Целуйте руку, что вам страх
Мечом кровавым показала.
Великой Анны грозной взор
Отраду дать просящим скор,
По страшной туче воссияет,
К себе повинность вашу зря.
К своим любовию горя,
Вам казнь и милость обещает.

Златой уже денницы перст
Завесу света вскрыл с звездами;
От встока скачет по сту верст,
Пуская искры конь ноздрями.
Лицом сияет Феб на том.
Он пламенным потряс верхом,—
Преславно дело зря, дивится:
«Я мало таковых видал
Побед, коль долго я блистал,
Коль долго круг веков катится».

Как в клуб змия себя крутит,
Шипит, под камень жало кроет,
Орел, когда шумя летит
И там парит, где ветр не воет;
Превыше молний, бурь, снегов,
Зверей он видит, рыб, гадо́в,—
Пред росской так дрожит орлицей,
Стесняет внутрь Хотин своих.
Но что? В стенах ли может спх
Пред сильной устоять царицей?

---

[1] Где презрение к нашим войскам?

Кто скоро толь тебя, Калчак[1],
Учит российской вдаться власти,
Ключи вручить в подданства знак
И большей избежать напасти?
Правдивый Аннин гнев велит,
Что падших перед ней щадит.
Ее взошли и там оливы,
Где Вислы ток, где славный Рен[2],
Мечом противник где смирен,
Извергли дух сердца кичливы.

О, как красуются места,
Что иго лютое сбросили
И что на турках тягота,
Которую от них носили;
И варварские руки те,
Что их держали в тесноте,
В полон уже несут оковы;
Что ноги узами звучат,
Которы для отгнанья стад
Чужи поля топтать готовы.

Не вся твоя тут, Порта, казнь,
Не так тебя смирять достойно,
Но большу нанести боязнь,
Что жить нам не дала спокойно.
Еще высоких мыслей страсть
Претит тебе пред Анной пасть?
Где можешь ты от ней укрыться?
Дамаск, Каир, Аллеп сгорит;
Обставят росским флотом Крит;
Ефрат в твоей крови смутится.

Чинит премену что во всем?
Что очи блеском проницает?
Чистейшим с неба что лучем
И дневну ясность превышает?
Героев слышу весел клик!
Одеян в славу Аннин лик
Над звездны вечность взносит круги;
И правда, взяв перо злато,
В нетленной книге пишет то,
Велики коль ее заслуги.

---

[1] *Калчак* — турецкий паша, комендант Хотина, вручивший при сдаче крепости ключи от нее русскому командованию.

[2] Взятие в 1734 г. Данцига и поход русских войск к Рейну способствовали заключению мира между Францией и Австрией, союзницей России.

Витийство, Пиндар, уст твоих
Тяжчае б Фивы обвинили,
Затем, что о победах сих
Они б громчае возгласили,
Как прежде о красе Афин;
Россия, как прекрасный крин,
Цветет под Анниной державой.
В китайских чтут ее стенах,
И свет во всех своих концах
Исполнен храбрых россов славой.

Россия, коль счастлива ты
Под сильным Анниным покровом!
Какие видишь красоты
При сем торжествованьи новом!
Военных не страшися бед:
Бежит оттуду бранный вред,
Народ где Анну прославляет.
Пусть злобна зависть яд свой льет,
Пусть свой язык, ярясь, грызет,—
То наша радость презирает.

Козацких поль заднестрский тать
Разбит, прогна́н, как прах развеян,
Не смеет больше уж топтать,
С пшеницей где покой насеян.
Безбедно едет в путь купец,
И видит край волнам пловец,
Нигде не знал, плывя, препятства.
Красуется велик и мал;
Жить хочет век, кто в гроб желал;
Влекут к тому торжеств изрядства.

Пастух стада гоняет в луг
И лесом без боязни ходит;
Пришед, овец пасет где друг,
С ним песню новую заводит.
Солдатску храбрость хвалит в ней
И жизни часть блажит [1] своей,
И вечно тишины желает
Местам, где толь спокойно спит,
И ту, что от врагов хранит,
Простым усердьем прославляет.

Любовь России, страх врагов,
Страны полночной героиня,
Седми пространных морь брегов

---

[1] Благословляет.

Надежда, радость и богиня,
Велика Анна, ты доброт
Сияешь светом и щедрот,—
Прости, что раб твой к громкой славе,
Звучит что крепость сил твоих,
Придать дерзнул некрасный стих
В подда́нства знак твоей державе.

1739, <1751>

ОДА НА ПРИБЫТИЕ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ВЕЛИКИЯ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ ИЗ МОСКВЫ В САНКТПЕТЕРБУРГ 1742 ГОДА ПО КОРОНАЦИИ

(Отрывки)

Какой приятный зе́фир веет
И нову силу в чувства льет?
Какая красота яснеет?
Что всех умы к себе влечет?
Мы славу дщери зрим Петровой,
Зарей торжеств светящу новой.
Чем ближе та сияет к нам,
Мрачнее ночь грозит врагам.
Брега Невы руками плещут,
Брега Ботнийских вод [1] трепещут.

Взлети превыше молний, муза,
Как Пиндар быстрый твой орел;
Гремящих арф ищи союза
И вверх пари скоряе стрел;
Сладчайший нектар лей с Назоном;
Превысь Парнас высоким тоном;
С Гомером как река шуми
И как Орфей с собой веди
В торжествен лик древа и воды
И всех зверей пустынных роды.

Дерзай ступить на сильны плечи
Атлантских к небу смежных гор;
Внушай свои вселенной речи;
Блюдись спустить свой в долы взор;
Над тучи оным простирайся
И выше облак возвышайся,

---

[1] *Брега Ботнийских вод* — берега Ботнического залива, т. е. Швеция; в 1741—1743 гг. Швеция вела крайне неудачную для себя войну против России.

Спеши звучащей славе вслед.
Но ею весь пространный свет
Наполненный страшась чудится:
Как в стих возможно ей вместиться?..

...Священный ужас мысль объемлет!
Отверз Олимп всесильный дверь.
Вся тварь со многим страхом внемлет,
Великих зря монархов дщерь,
От верных всех сердец избранну,
Рукою вышнего венчанну,
Стоящу пред его лицем,
Котору в свете он своем
Прославив, щедро к ней взирает,
Завет крепит [1] и утешает.

«Благословенна вечно буди,—
Вещает ветхий деньми [2] к ней,—
И все твои с тобою люди,
Что вверил власти я твоей.
Твои любезные добрóты
Влекут к себе мои щедроты.
Я в гневе россам был творец,
Но ныне паки им отец:
Души твоей кротчайшей силы
Мой гнев на кротость преложила...

...Мой образ чтят в тебе народы
И от меня влиянный дух;
В бесчисленны промчется роды
Доброт твоих неложный слух.
Тобой поставлю суд правдивый,
Тобой сотру сердца кичливы,
Тобой я буду злость казнить,
Тобой заслугам мзду дарить;
Господствуй утвержденна мною,
Я буду завсегда с тобою»...

...Но вышний зрак свой отвращает
От готфских ослепленных стран
И тем продерзость их смущает,
Трясет полки их, флот и стан;
Как сильный вихрь с полей прах гонит
И древ верхи высоки клонит.
Богине росской гром вручил,
Чем злость разить противных сил:
Прими разжженны к мести стрелы,
Рассыпь врагов своих пределы...

---
[1] Укрепляет религию.
[2] Бог.

Уже и морем и землею
Российско воинство течет
И сильной крепостью своею
За лес и реки готов жмет.
Огня ревущего удары
И свист от ядр летящих ярый
Сгущенный дымом воздух рвут
И тяжких гор сердца трясут,
Уже мрачится свет полдневный,
Повсюду вид и слух плачевный.

Там кони бурными ногами
Взвивают к небу прах густой,
Там смерть меж готфскими полками
Бежит, ярясь, из строя в строй,
И алчну челюсть отверзает,
И хладны руки простирает,
Их гордый исторгая дух,
Там тысящи валятся вдруг.
Но если хочешь видеть ясно,
Коль росско воинство ужасно,

Взойди на брег крутой высоко,
Где кончится землею понт;
Простри свое чрез воды око,
Коль много обнял горизонт;
Внимай, как юг пучину давит,
С песком мутит, зыбь на́ зыбь ставит,
Касается морскому дну,
На сушу гонит глубину
И с морем дождь и град мешает,—
Так росс противных низлагает...

...Всяк мнит, что равен он Алкиду
И что Немейским львом покрыт,
Или ужасную эгиду
Нося, врагов своих страшит:
Пронзает, рвет и рассекает;
Противных силу презирает.
Смесившись с прахом, кровь кипит;
Здесь шлем с главой, там труп лежит;
Там меч с рукой отбит валится.
Коль злоба жестоко́ казнится!..

...Целуй, Петрополь, ту десницу,
Которой долго ты желал:
Ты паки зришь императрицу,
Что в сердце завсегда держал.
Не так поля росы желают,
И в зной цветы от жажды тают,

Не так способных вётров ждет
Корабль, что в тихий порт плывет,—
Как сердце наше к ней пылало,
Чтоб к нам лицо ее сияло.

Красуйся, дух мой восхищенный,
И не завидуй тем творцам,
Что носят лавр похвал зеленый;
Доволен будь собою сам:
Твою усерднейшую ревность
Ни гнев стихий, ни мрачна древность
В забвении не могут скрыть,
Котору будут век хранить
Дела Петровой дщери громки,
Что станут поздны честь потомки.

Между 26 сентября и 20 декабря 1742, < 1751>

ОДА НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВИЯ НА ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ 1747 ГОДА

Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство сел, градов ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокруг тебя цветы пестреют
И класы на полях желтеют;
Сокровищ полны корабли
Дерзают в море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.

Великое светило миру,
Блистая с вечной высоты
На бисер, злато и порфиру,
На все земные красоты,
Во все страны своей взор возводит,
Но краше в свете не находит
Елисаветы и тебя.
Ты кроме той всего превыше;
Душа ее зефира тише,
И зрак прекраснее рая́.

Когда на трон она вступила,
Как вышний подал ей венец,
Тебя в Россию возвратила,
Войне поставила конец;

Тебя, прияв, облобызала:
«Мне полно тех побед,— сказала,—
Для коих крови льется ток.
Я россов счастьем услаждаюсь,
Я их спокойством не меняюсь
На целый запад и восток».

Божественным устам приличен,
Монархиня, сей кроткий глас.
О, коль достойно возвеличен
Сей день и тот блаженный час,
Когда от радостной премены
Петровы возвышали стены
До звезд плескание и клик,
Когда ты крест несла рукою
И на престол взвела с собою
Доброт твоих прекрасный лик!

Чтоб слову с оными сравняться,
Достаток силы нашей мал;
Но мы не можем удержаться
От пения твоих похвал.
Твои щедроты ободряют
Наш дух и к бегу устремляют,
Как в понт пловца способный ветр
Чрез яры волны порывает,—
Он брег с весельем оставляет,
Летит корма меж водных недр.

Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свет:
Здесь в мире расширять науки
Изволила Елисавет.
Вы, наглы вихри, не дерзайте
Реветь, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
В безмолвии внимай, вселенна:
Се хощет лира восхищенна
Гласить велики имена.

Ужасный чудными делами,
Зиждитель мира искони
Своими положил судьбами
Себя прославить в наши дни:
Послал в Россию Человека,
Каков не слыхан был от века.
Сквозь все препятства он вознес
Главу, победами венчанну,
Россию, грубостью попранну,
С собой возвысил до небес.

В полях кровавых Марс страшился,
Свой меч в Петровых зря руках,
И с трепетом Нептун чудился,
Взирая на российский флаг.
В стенах внезапно укрепленна
И зданиями окруженна
Сомненная Нева рекла:
«Или я ныне позабылась
И с оного пути склонилась,
Которым прежде я текла?»

Тогда божественны науки
Чрез горы, реки и моря
В Россию простирали руки
К сему монарху, говоря:
«Мы с крайним тщанием готовы
Подать в российском роде новы
Чистейшего ума плоды».
Монарх к себе их призывает,
Уже Россия ожидает
Полезны видеть их труды.

Но, ах, жестокая судьбина!
Бессмертия достойный муж,
Блаженства нашего причина,
К несносной скорби наших душ
Завистливым отторжен роком,
Нас в плаче погрузил глубоком!
Внушив [1] рыданий наших слух,
Верхи Парнасски восстенали,
И музы воплем провожали
В небесну дверь пресветлый дух.

В толикой праведной печали
Сомненный их смущался путь,
И токмо шествуя желали
На гроб и на дела взглянуть.
Но кроткая Екатерина,
Отрада по Петре едина,
Приемлет щедрой их рукой.
Ах если б жизнь ее продлилась,
Давно б Секвана [2] постыдилась
С своим искусством пред Невой!

Какая светлость окружает
В толикой горести Парнас?

---

[1] Услышав.
[2] Сена.

О, коль согласно там бряцает
Приятных струн сладчайший глас!
Все хо́лмы покрывают лики,
В долинах раздаются клики:
«Великая Петрова дщерь
Щедроты отчи превышает,
Довольство муз усугубляет
И к счастью отверзает дверь».

Великой похвалы достоин,
Когда число своих побед
Сравнить сраженьям может воин
И в поле весь свой век живет;
Но ратники, ему подвластны,
Всегда хвалы его причастны,
И шум в полках со всех сторон
Звучащу славу заглушает,
И грому труб ее мешает
Плачевный побежденных стон.

Сия тебе единой слава,
Монархиня, принадлежит,
Пространная твоя держава,
О как тебе благодарит!
Воззри на горы превысоки.
Воззри в поля свои широки,
Где Волга, Днепр, где Обь течет:
Богатство, в оных потаенно,
Наукой будет откровенно,
Что щедростью твоей цветет.

Толикое земель пространство
Когда всевышний поручил
Тебе в счастливое подданство,
Когда сокровища открыл,
Какими хвалится Инди́я,—
Но требует к тому Россия
Искусством утвержденных рук.
Сие злату́ очистит жилу;
Почувствуют и камни силу
Тобой восставленных наук.

Хотя всегдашними снегами
Покрыта северна страна,
Где мерзлыми борей крылами
Твои взвевает знамена,
Но бог меж льдистыми горами
Велик своими чудесами;
Там Лена чистой быстриной,

Как Нил, народы напояет
И бреги наконец теряет,
Сравнившись морю шириной.

Коль многи смертным неизвестны
Творит натура чудеса,
Где, густостью животным тесны,
Стоят глубокие леса,
Где в роскоши прохладных теней
На пастве скачущих еленей
Ловящих крик не разгонял;
Охотник где не метил луком,
Секирным земледелец стуком
Поющих птиц не устрашал.

Широкое открыто поле,
Где музам путь свой простирать!
Твоей великодушной воле
Что можем за сие воздать?
Мы дар твой до нёбес прославим
И знак щедрот твоих поставим,
Где солнца всход и где Амур
В зеленых берегах крутится,
Желая паки возвратиться
В твою державу от манжур [1].

Се мрачной вечности запону
Надежда отверзает нам!
Где нет ни правил, ни закону,
Премудрость тамо зиждет храм;
Невежество пред ней бледнеет.
Там влажный флота путь белеет
И море тщится уступить:
Колумб российский через воды
Спешит в неведомы народы [2]
Твои щедроты возвестить.

Там, тьмою островов посеян,
Реке подобен океан [3];
Небесной синевой одеян,
Павлина посрамляет вран.
Там тучи разных птиц летают,
Что пестротою превышают
Одежду нежныя весны;

---

[1] В 1689 г. бассейн Амура был временно захвачен маньчжурскими феодалами.

[2] Ломоносов говорит об экспедиции А. И. Чирикова, достигшей западных берегов Северной Америки.

[3] Речь идет о Курильских островах и курильском океанском течении.

Питаясь в рощах ароматных
И плавая в струях приятных,
Не знают строгия зимы.

И се Минерва ударяет
В верхи Рифейски[1] копием,
Сребро и злато истекает
Во всем наследии твоем.
Плутон в расселинах мятется,
Что россам в руки предается
Драгой его металл из гор,
Который там натура скрыла;
От блеску днéвного светила
Он мрачный отвращает взор.

О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих,—
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастный случай берегут;
В домашних трудностях утеха
И в дальних странствах не помеха.
Науки пользуют везде:
Среди народов и в пустыне,
В градском шуму и наедине,
В покое сладки и в труде.

Тебе, о милости источник,
О ангел мирных наших лет!
Всевышний на того помощник,
Кто гордостью своей дерзнет,
Завидя нашему покою,
Против тебя восстать войною;
Тебя зиждитель сохранит
Во всех путях беспреткновенну
И жизнь твою благословенну
С числом щедрот твоих сравнит.

1747

[1] Уральские горы.

ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ ПРИ СЛУЧАЕ ВЕЛИКОГО СЕВЕРНОГО СИЯНИЯ

Лице свое скрывает день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тень,
Лучи от нас склонились прочь.
Открылась бездна звезд полна;
Звездáм числа нет, бездне дна.

Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкий прах,
В свирепом как перо огне,—
Так я, в сей бездне углублен,
Теряюсь, мысльми утомлен!

Уста премудрых нам гласят:
«Там разных множество светов,
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков;
Для общей славы божества
Там равна сила естества».

Но где ж, натура, твой закон?
С полночных стран встает заря!
Не солнце ль ставит там свой трон?
Не льдисты ль мещут огнь моря?
Се хладный пламень нас покрыл!
Се в ночь на землю день вступил!

О вы, которых быстрый зрак
Пронзает в книгу вечных прав,
Которым малый вещи знак
Являет естества устав!
Вам путь известен всех планет,—
Скажите, что нас так мятет?

Что зыблет ясный ночью луч?
Что тонкий пламень в твердь разит?
Как молния без грозных туч
Стремится от земли в зенит?
Как может быть, чтоб мерзлый пар
Среди зимы рождал пожар?

Там спорит жирна мгла с водой;
Иль солнечны лучи блестят,
Склонясь сквозь воздух к нам густой;

Иль тучных гор верхи горят;
Иль в море дуть престал зефир,
И гладки волны бьют в эфир.

Сомнений полон ваш ответ
О том, что окрест ближних мест.
Скажите ж, коль пространен свет?
И что малейших дале звезд?
Несведом тварей вам конец?
Скажите ж, коль велик творец?

1743

УТРЕННЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ

Уже прекрасное светило
Простерло блеск свой по земли
И божия дела открыло:
Мой дух, с веселием внемли;
Чудяся ясным толь лучам,
Представь, каков зиждитель сам!

Когда бы смертным толь высоко
Возможно было возлететь,
Чтоб к солнцу бренно наше око
Могло, приближившись, воззреть,
Тогда б со всех открылся стран
Горящий вечно Океан.

Там огненны валы стремятся
И не находят берегов,
Там вихри пламенны крутятся,
Борющись множество веков;
Там камни, как вода кипят,
Горящи там дожди шумят.

Сия ужасная громада
Как искра пред тобой одна.
О, коль пресветлая лампада
Тобою, боже, возжена
Для наших повседневных дел,
Что ты творить нам повелел!

От мрачной ночи свободились
Поля, бугры, моря и лес
И взору нашему открылись,
Исполненны твоих чудес.
Там всякая взывает плоть:
Велик зиждитель наш господь!

Светило днёвное блистает
Лишь только на поверхность тел;
Но взор твой в бездну проницает,
Не зная никаких предел.
От светлости твоих очей
Лиется радость твари всей.

Творец! покрытому мне тьмою
Простри премудрости лучи
И что угодно пред тобою
Всегда творити научи,
И на твою взирая тварь,
Хвалить тебя, бессмертный царь.

Вторая половина 1740-х годов(?)

* *
*

Я знак бессмертия себе воздвигнул [1]
Превыше пирамид и крепче меди,
Что бурный Аквилон сотреть не может,
Ни множество веков, ни едка древность.
Не вовсе я умру, но смерть оставит
Велику часть мою, как жизнь скончаю.
Я буду возрастать повсюду славой,
Пока великий Рим владеет светом.
Где быстрыми шумит струями Авфид,
Где Давнус царствовал в простом народе [2],
Отечество мое молчать не будет,
Что мне беззнатный род препятством не был,
Чтоб внесть в Италию стихи эольски
И первому звенеть алцейской лирой [3].
Взгордися праведной заслугой, муза,
И увенчай главу дельфийским лавром [4].

<1747>

ГИМН БОРОДЕ

Не роскошной я Венере,
Не уродливой Химере

---

[1] Вольный перевод оды Горация «Exegi monumentum» («Оды», книга III, ода 30).

[2] *Давнус* — Давн, легендарный царь Апулии, области в юго-восточной Италии, где родился Гораций. *Авфид* — река в Апулии.

[3] *Алцей* — Алкей, древнегреческий поэт VII в. до н. э., писавший на эолийском диалекте. Гораций перенес в римскую поэзию «алкееву строфу», которая считалась образцовой в античной поэзии.

[4] *Лавр* — священное дерево Аполлона, главный храм которого находился в Дельфах.

В имнах жертву воздаю:
Я похвальну песнь пою
Волосам, от всех почтенным,
По груди распространенным,
Что под старость наших лет
Уважают наш совет.

Борода предорогая!
Жаль, что ты не крещена
И что тела часть срамная
Тем тебе предпочтена.

Попечительна природа
О блаженстве смертных рода
Несравненной красотой
Окружает бородой
Путь, которым в мир приходим
И наш первый взор возводим.
Не явится борода,
Не открыты ворота.

Борода предорогая... и т. д.

Борода в казне доходы
Умножает по вся годы:
Керженцам [1] любезный брат
С радостью двойной оклад
В сбор за оную приносит
И с поклоном низким просит
В вечный пропустить покой
Безголовым с бородой.

Борода предорогая... и т. д.

Не напрасно он дерзает,
Верно свой прибыток знает:
Лишь разгладит он усы,
Смертной не боясь грозы,
Скачут в пламень суеверы;
Сколько с Оби и Печеры
После них богатств домой
Достает он бородой.

Борода предорогая... и т. д.

О, коль в свете ты блаженна,
Борода, глазам замена!
Люди обще говорят
И по правде то твердят:

---

[1] Раскольникам, старообрядцам.

Дураки, врали, проказы
Были бы без ней безглазы,
Им в глаза плевал бы всяк;
Ею цел и здрав их зрак.

Борода предорогая... и т. д.

Если правда, что планеты
Нашему подобны свéты,
Конче[1] в оных мудрецы
И всех пуще там жрецы
Уверяют бородою,
Что нас нет здесь головою.
Скажет кто: мы вправды тут,
В струбе там того сожгут.

Борода предорогая... и т. д.

Если кто невзрачен телом
Или в разуме незрелом;
Если в скудости рожден
Либо чином не почтен,
Будет взрачен и рассуден,
Знатен чином и не скуден
Для великой бороды:
Таковы ее плоды!

Борода предорогая... и т. д.

Мать достатков и чинов,
Корень действий невозможных,
О завеса мнений ложных!
Чем могу тебя почтить,
Чем заслуги заплатить?

Борода предорогая... и т. д.

Через многие расчесы
Заплету тебя я в косы
И всю хитрость покажу,
По всем модам наряжу,
Через разные затеи
Завивать хочу тупеи:
Дайте ленты, кошельки
И крупичатой муки.

Борода предорогая... и т. д.

Ах, куда с добром деваться?
Все уборы не вместятся:
Для их многого числа
Борода не доросла.

---

[1] Конечно.

О прикраса золотая,
О прикраса даровая,
Мать дородства и умов,
Я крестьянам подражаю
И как пашню удобряю.
Борода, теперь прости,
В жирной влажности расти.

Борода предорогая!
Жаль, что ты не крещена
И что тела часть срамная
Тем тебе предпочтена.

Между концом 1756 и февралем 1757

* *
*

О страх! о ужас! гром! ты дернул за штаны,
Которы подо ртом висят у сатаны.
Ты видишь, он за то свирепствует и злится,
Дыравый красный нос, халдейска печь, дымится,
Огнем и жупелом [1] исполнены усы:
О, как бы хорошо коптить в них колбасы́!
Козлята малые родятся с бородами:
Коль много почтены они перед попами!
О польза, я одной из сих пустых бород
Недавно удобрял бесплодный огород.
Уже и прочие того ж себе желают
И принести плоды обильны обещают.
Чего не можно ждать от толь мохнатых лиц,
Где в тучной бороде премножество площиц [2]?
Сидят и меж собой, как люди, рассуждают,
Других с площицами бород не признавают [3].
И проклинают всех, кто молвит про козлов:
Возможно ль быть у них толь много волосов?

Весна 1757

ЗУБНИЦКОМУ

Безбожник и ханжа, подметных писем враль!
Твой мерзкий склад давно и смех нам и печаль:
Печаль, что ты язык российский развращаешь,
А смех, что ты тем злом затмить достойных чаешь.
Наплю́ем мы на страм твоих поганых врак:

[1] Горючей серой.
[2] Вшей.
[3] Т. е. священники православной церкви не признают раскольников.

Уже за двадцать лет ты записной дурак;
Давно изгага[1] всем читать твои синички,
Дорогу некошну[2], вонючие лисички;
Никто не поминай нам подлости ходуль
И к пьянству твоему потребных красоуль[3].
Хоть ложной святостью ты бородой скрывался,
Пробин[4], на злость твою взирая, улыбался:
Учения его и чести и труда
Не можешь повредить ни ты, ни борода.

Вторая половина 1757

* *
*

Случились вместе два Астрóнома в пиру
И спорили весьма между собой в жару.
Один твердил: «Земля, вертясь, круг Солнца ходит»;
Другой — что Солнце все с собой планеты водит.
Один Коперник был, другой слыл Птоломей.
Тут повар спор решил усмешкою своей.
Хозяин спрашивал: «Ты звезд теченье знаешь?
Скажи, как ты о сем сомненье рассуждаешь?»
Он дал такой ответ: «Что в том Коперник прав,
Я правду докажу, на Солнце не бывав.
Кто видел простака из поваров такова,
Который бы вертел очаг кругом жаркова?»

1761

ПЕТР ВЕЛИКИЙ

(Отрывки)

Его высокопревосходительству милостивому государю Ивану Ивановичу Шувалову, генералу поручику, генералу адъютанту, действительному камергеру, Московского университета куратору и орденов Белого Орла, святого Александра, святыя Анны кавалеру.

Начало моего великого труда
Прими, предстатель муз, как принимал всегда
Сложения мои, любя российско слово,
И тем стремление к стихам давал мне ново.
Тобою поощрен в сей путь пустился я:

---

[1] Изжога.
[2] Нелегкую.
[3] *Красоули (красовули)* — чаши для вина. Ломоносов имеет в виду следующие стихи из разных произведений Тредиаковского: «Поют птички со синички, Хвостом машут и лисички»; «Или тебе некошна вся была дорога»; «Нужды, будь вин жаль, нет мне в красовулях... Ин к тебе придти позволь на ходулях».
[4] *Пробин* (лат.) — честный; так Ломоносов именовал себя.

Ты будешь оного споспешник и судья.
И многи и сия дана тебе добрóта —
К словесным знаниям прехвальная охота.
Природный видит твой и просвещенный ум,
Где мысли важные и где пустых слов шум.
Мне нужен твоего рассудок тонкий слуха,
Чтоб слабость своего возмог признать я духа.
Когда под бременем поникну утомлен,
Вниманием твоим восстану ободрен.
Хотя вослед иду Виргилию, Гомеру,
Не нахожу и в них довольного примеру.
Не вымышленных петь намерен я богов,
Но истинны дела, великий труд Петров.
Достойную хвалу воздать сему Герою
Труднее, нежели как в десять лет взять Трою.
О, если б было то в возможности моей,
Беглец Виргилиев из отчества Эней
Едва б с Мазепою в стихах моих сравнился,
И басней бы своих Виргилий устыдился.
Уликсовых сирен и Ахиллесов гнев
Вовек бы заглушил попранный ревом лев.
За кем же я пойду? вслед подвигам Петровым,
И возвышением стихов геройских новым
Уверю целые вселенныя концы,
Что тем я заслужу парнасские венцы,
Что первый пел дела такого Человека,
Каков во всех странáх не слыхан был от века.
Хотя за знание служил мне в том талан,
Однако скажут все: я был судьбой избран.
Желая в ум вперить дела Петровы громки,
Описаны в моих стихах прочтут потомки.
Обильные луга, прекрасны бреги рек,
И только где живет российский человек
И почитающи Россию все языки,
У коих по трудам прославлен Петр Великий,
Достойну для него дадут сим честь стихам
И станут их гласить по рощам и лесам.
О, как я возношусь своим успехом мнимым,
Трудом желаемым, но непреодолимым.
Однако ж я отнюдь надежды не лишен:
Начатый будет труд прилежно совершен.
Твоими, меценат, бодрясь в труде словами,
Стремлюся на Парнас как легкими крилами.
В разборе убежден о правоте твоей,
Пренебрегаю злых роптание людей.
И если в поле сем прекрасном и широком
Преторжется мой век недоброхотным роком,
Цветущим младостью останется умам,

Что мной проложенным последуют стопам.
Довольно таковых сынов родит Россия,
Лишь были б завсегда защитники такие,
Каков ты промыслом в сей день произведен,
Для счастия наук в отечестве рожден.
Благополучная сияла к ним планета,
Предвозвещая плод в твои прекрасны лета.
В благодеяниях твои проходят дни,
О коль красно цветет Парнас в твоей тени!
Для музы моея твой век всего дороже,
Для многих счастия продли, продли, о боже.

Ноября 1 дня 1760 года

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Сокращение

Петр Великий, увидев, что шведские корабли идут к городу Архангельскому, дабы там учинить разорение и отвратить государев поход к Шлиссельбургу, отпустил войско приступать к оному. Сам с гвардиею предприемлет путь в Север и слухом своего приходу на Двинские устья обращает в бегство флот шведский. Оттуда простирая поход к осаде помянутой крепости, по Белому морю, претерпевает опасную бурю и от ней для отдохновения уклоняется в Унскую губу. Потом, пристав к Соловецкому острову для молитвы, при случае разговора о расколе, сказывает государь настоятелю тамошния обители о стрелецких бунтах, из которых второй был раскольничий.

Пою премудрого российского Героя,
Что, грады новые, полки и флоты строя,
От самых нежных лет со злобой вел войну,
Сквозь страхи проходя, вознес свою страну;
Смирил злодеев внутрь и вне попрал противных,
Рукой и разумом сверг дерзостных и льстивных;
Среди военных бурь науки нам открыл
И мир делами весь и зависть удивил.
К тебе я вопию, премудрость бесконечна,
Пролей свой луч ко мне, где искренность сердечна
И полон ревности спешит в восторге дух
Петра Великого гласить вселенной в слух
И показать, как он превыше человека
Понес труды для нас, неслыханны от века;
С каким усердием отечество любя,
Ужасным подвергал опасностям себя,
Да на его пример и на дела велики
Смотря весь смертных род, смотря земны владыки,
Познают, что монарх и что отец прямой,

Строитель, плаватель, в полях, в морях Герой.
Дабы российский род вовеки помнил твердо,
Коль, небо! ты ему явилось милосердо,
Ты мысль мне просвети; делами Петр снабдит,
Велика дщерь его щедротой оживит.
Богиня, коей власть владычеств всех превыше.
Державство кроткое весны прекрасной тише,
И к подданным любовь всех высший есть закон,
Ты внемлешь с кротостью мой слабый лирный звон:
Склони, склони свой слух, когда я пред тобою
Дерзаю возгласить военною трубою
Тебя родившее велико божество!
О море! о земля! о тварей естество!
Монархини моей вы нраву подражайте
И гласу моему со кротостью внимайте.
Уже освобожден от варвар был Азов;
До Меотисских Дон свободно тек валов,
Нося ужасный флот в струях к пучине Черной,
Что создан в скорости Петром неимоверной.
Уже́ великая покоилась Москва,
Избыв от лютого злодеев суровства;
Бунтующих стрельцов достойной после казни,
Простерла вне свой меч без внутренней боязни.
От дерзкой наглости разгневанным Петром
Воздвигся в западе войны ужасный гром.
От Нарвской обуяв сомнительной победы,
Шатались мыслями и войск походом шведы.
Монарх наш от Москвы простер свой быстрый ход
К любезным берегам полночных белых вод,
Где прежде меж валов душа в нем веселилась
И больше к плаванью в нем жажда воспалилась.
О коль ты счастлива, великая Двина,
Что славным шествием его освящена:
Ты тем всех выше рек, что, устьями своими
Сливаясь в сонм един со безднами морскими,
Открыла посреде играющих валов
Других всех прежде струй пучине зрак Петров.
О холмы красные и островы зелены,
Как радовались вы, сим счастьем восхищенны!
Что поздно я на вас, что поздно я рожден,
И тем толикого веселия лишен?
Не зрех, как он сиял величеством над вами
И шествовал по вам пред новыми полками;
Как новы крепости и новы корабли,
Ужасные врагам в волнах и на земли́,
Смотрел и утверждал, противу их набегу,
Грозящему бедой Архангельскому брегу:
Дабы российскую там силу разделить,

От Ингерских градо́в осады отвратить.
И вдруг пришествия Петрова в Север слухом
Смутясь, пустились вспять унылы, томны духом.
Уже белея Понт перед Петром кипит,
И влага уступить, шумя, ему спешит.
Там вместо чаянных бореи флагов шведских
Российские в зыбях взвевали соловецких.
Закрылись крайние пучиною леса;
Лишь с морем видны вкруг слиянны небеса.
Тут ветры сильные, имея флот во власти,
Со всех сторон сложась к погибельной напасти,
На запад и на юг, на север и восток
Стремятся и вертят мглу, влагу и песок;
Перуны мрак густой, сверкая, разделяют,
И громы с шумом вод свой треск соединяют;
Меж морем рушился и воздухом предел;
Дождю навстречу дождь с кипящих волн летел;
В сердцах великий страх сугубят скрыпом снасти.
Герой наш посреде великия напасти
И взором и речьми смутившихся крепит,
Сквозь грозный стон стихий к бледнеющим гласит:
«Мужайтесь: промысл нас небесный искушает;
К трудам и к крепости напредки ободряет;
Всяк делу своему со тщанием внимай:
Опасности сея бог скоро по́шлет край».
От гласа в грудь пловцам кровь теплая влиялась,
И буря в ярости кротчае показалась.
Я мышлю, что тогда сокрыта в море мочь,
Желая отвратить набег противных прочь,
Толь страшну бурю им на пагубу воздвигла,
Что в плаваньи Петра нечаянно постигла.
О вы, рачители и слушатели слов,
В которых подвиг вам приятен есть Петров,
Едина истина возлюбленна и сродна,
От вымыслов краса парнасских неугодна,
Позвольте между тем, чтоб слаба мысль моя
И голос опочил, труды его поя.
В Кастальски рощи я не с тем себя склоняю,
Что оным там сыскать красу и силу чаю;
Ключи, источники, долины и цветы
Не могут дел его умножить красоты;
Собой они красны, собой они велики.
Отважась в долгий путь, где трудности толики,
Ищу, чтоб иногда иметь себе покой;
В убежища сии склонитесь вы со мной,
Дабы яснее зреть с высоких мест и красных
Петра в волнах, во льдах, в огне, в бедах ужасных
И славы истинной в блистающих лучах.

Какое зрение мечтается в очах?
Я на земли стою, но страхом колебаюсь,
И чаю, что в водах свирепых погружаюсь!
Мне всякая волна быть кажется гора,
Что с ревом падает, обрушась на Петра.
Но промысл в глубину десницу простирает;
Оковы тяжкие вдруг буря ощущает,
Как в равных разбежась свирепый конь полях,
Ржет, пышет, от копыт восходит вихрем прах;
Однако, доскакав до высоты крутыя,
Вздохнув, кончает бег, льет токи потовые,
Так Север, укротясь, впоследни восстенал.
По усталы́м валам понт пену расстилал;
Исчезли облака; сквозь воздух, в юге чистый,
Открылись два холма и береги лесисты.
Меж ними кораблям в залив отверзся вход.
Убежище пловцам от беспокойных вод,
Где, в мокрых берегах крутясь, печальна Уна
Медлительно течет в объятия Нептуна.
В числе российских рек безвестна и мала,
Но предков роком злым Петровых прослыла,
Когда коварного свирепством Годунова
Кипела пролита невинных кровь багрова,
Как праотцев его он в север заточил,
Во влажном месте сем, о злоба! уморил.
Сошел на берег Петр и ободрил стопами
Места, обмоченны Романовых слезами.
Подвиглись бе́реги, зря в славе оных род.
Меж тем способный ветр в свой путь сзывает флот,
Он легким к западу дыханьем поспешает
И мелких волн вокруг себя не ощущает.
Тогда пловущим Петр на полночь указал,
В спокойном плаваньи сии слова вещал:
«Какая похвала российскому народу
Судьбой дана пройти покрыту льдами воду.
Хотя там кажется поставлен плыть предел,
Но бодрость подают примеры славных дел.
Полденный света край обшел отважный Гама
И солнцева достиг, что мнила древность, храма.
Герои на морях Колумб и Магеллан
Коль много обрели безвестных прежде стран,
Подвигнуты хвалой, исполнены надежды,
Которой лишены пугливые невежды,
Презрели робость их, роптанье и упор,
Что в них произвели болезни, голод, мор.
Иное небо там и новые светила,
Там полдень в севере, ина в магните сила.
Бездонный океан травой, как луг, покрыт;

Погибель в ночь и в день со всех сторон грозит.
Опасен вихрей бег, но тишина страшнее,
Что портит в жилах кровь, свирепых ядов злее.
Лишает долгий зной здоровья и ума,
А стужа в севере ничтожит вред сама.
Сам лед, что кажется толь грозен и ужасен,
От оных лютых бед даст ход нам безопасен.
Колумбы росские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на восток,
И наша досягнет в Америку держава;
Но ныне настоит в войнах иная слава».
Надежды полный взгляд слова его скончал,
И бодрый дух к трудам на всем лице сиял.
Достигло днéвное до полночи светило,
Но в глубине лица горящего не скрыло,
Как пламенна гора казалось меж валов
И простирало блеск багровый из-за льдов.
Среди пречудныя при ясном солнце ночи
Верхи златых зыбей пловцам сверкают в очи.
От севера стада морских приходят чуд
И воду вихрями крутят и кверху бьют,
Предшествуя царю пространныя пучины,
Что двинулся к Петру, ошибкою повинный,
Из глубины своей, где царствует на дне.
В недосягаемой от смертных стороне,
Между высокими камнистыми горами,
Что мы по зрению обыкли звать мелями,
Покрытый золотым песком простерся дол;
На том сего царя палаты и престол.
Столпы округ его огромные кристаллы,
По коим обвились прекрасные кораллы:
Главы́ их сложены из раковин витых,
Превосходящих цвет дуги меж туч густых,
Что кажет, укротясь, нам громовая буря;
Помóст из аспида и чистого лазуря;
Палаты из одной иссечены горы;
Верхи под чешуей великих рыб бугры;
Уборы внутренни покров черепокожных
Бесчисленных зверей, во глубине возможных.
Там трон — жемчу́гами усыпанный янтарь;
На нем сидит волнам седым подобен царь.
В заливы, в океан десницу простирает,
Сапфирным скипетром водам повелевает.
Одежда царская — порфира и виссон,
Что сильные моря несут ему пред трон.
Ни мразы, ни борей туда не досягают,
Лишь солнечны лучи сквозь влагу проницают.
От хлябей сих и бездн владетель вод возник;

Воздвигли радостный морские птицы клик.
Он вслед к пловущему Герою обратился
И новости судов Петровых удивился.
«Твои,— сказал,— моря, над ними царствуй век;
Тебе течение пространных тесно рек:
Построй великий флот, поставь в пучине стены».
Скончали пением сей глас его сирены.
То было, либо так быть надобно б сему,
Что должен Океан монарху своему...

1756—1761

Н. Н. ПОПОВСКИЙ

НАЧАЛО ЗИМЫ

Ярившийся Борей разверз свой буйный зев,
И дхнул он хладностью на те места прекрасны,
Где Флора, истощив свои труды ужасны,
Пустила по лугам гулять прелестных дев.

Угрюмы облака и тучи вознеслись,
Покрылися поля зеленые снегами
С растущими на них различными цветами
И белизною все с уныньем облеклись.

Пустился с встоком лед по невским быстринам,
Спиралися бугры, вода под ним кипела
И, с треском несшися в морской залив, шумела.
Крутя́тся все струи крестами по холмам.

Живущи по брегам не плещутся в струях,
Красотки по траве и в рощах не гуляют,
Они с рыданием свой жаль усугубляют,
Желая обитать в теплы́х всегда краях.

Расталися они с приятностью весны,
Оплакивая все веселие тогдашне,
С любовниками их собщение всегдашне,
Которо при струях было́ во дни красны.

В уныние пришли луга и древеса,
Места те злачные, где сборища бывали,
Не видя на себе народа, восстенали,
И уклонилися под снегом все леса.

Лишился Тирс пастух веселья своего,
С Кларисою своей прекрасною расстался
И внутренне в себе слезами обливался,
Сказав: «О время ты несчастья моего!

С поспешностью теки, весну ты возврати
И ту веселость с ней, которую имели,
Когда мы множество в садах красоток зрели,—
Ты тем любовников страданье прекрати».

Зима 1750—1751

А. П. СУМАРОКОВ

ЭПИСТОЛА О СТИХОТВОРСТВЕ

О вы, которые стремитесь на Парнас,
Нестройного гудка имея грубый глас,
Престаньте воспевать! Песнь ваша не прелестна,
Когда музы́ка вам прямая неизвестна.
Но в нашем ли одном народе только врут,
Когда искусства нет или рассудок худ?
Прадон и Шапелен [1] не тамо ли писали,
Где в их же времена стихи свои слагали
Корнелий и Расин, Депро и Молиер,
Де Лафонтен и где им следует Вольтер?
Нельзя, чтоб тот себя письмом своим прославил,
Кто грамматических не знает свойств, ни правил
И, правильно письма не смысля сочинить,
Захочет вдруг творцом и стихотворцем быть.
Он только лишь слова на рифму прибирает,
Но соплетенный вздор стихами называет.
И что он соплетет нескладно без труда,
Передо всеми то читает без стыда.
Преславного Депро прекрасная сатира
Подвигла в Севере разумна Кантемира
Последовать ему и страсти охуждать;
Он знал, как о страстях разумно рассуждать,
Пермесских голос нимф был ввек его утеха,
Стремился на Парнас, но не было успеха.
Хоть упражнялся в том, доколе был он жив,
Однако был Пегас всегда под ним ленив.
Разумный Феофан, которого природа
Произвела красой словенского народа,
Что в красноречии касалось до него,
Достойного в стихах не создал ничего.
Стихи слагать не так легко, как многим мнится.
Незнающий одной и рифмой утомится.
Не должно, чтоб она в плен нашу мысль брала,
Но чтобы нашею невольницей была.
Не надобно за ней без памяти гоняться:
Она должна сама нам в разуме встречаться
И, кстати приходив, ложиться, где велят.
Невольные стихи чтеца не веселят.
А оное не плод единыя охоты,
Но прилежания и тяжкия работы.

---

[1] *Прадон и Шапелен (Шаплен)* — бездарные французские писатели.

Однако тщетно все, когда искусства нет,
Хотя творец, трудясь, струя́ми пот прольет,
А паче если кто на Геликон дерзает
Противу сил своих и грамоте не знает.
Он мнит, что он, слепив стишок, себя вознес
Предивной хитростью до самых до небес.
Тот, кто не гуливал плодов приятных садом,
За вишни клюкву ест, рябину виноградом
И, вкус имея груб, бездельные труды
Пред общество кладет за сладкие плоды.
Взойдем на Геликон, взойдем, увидим тамо
Творцов, которые достойны славы прямо.
Там царствует Гомер, там Сафо, Феокрит,
Ешилл[1], Анакреон, Софокл и Еврипид,
Менандр, Аристофан и Пиндар восхищенный,
Овидий сладостный, Виргилий несравненный,
Терентий, Персий, Плавт, Гораций, Ювенал,
Лукреций и Лукан, Тибулл, Проперций, Галл,
Мальгерб, Руссо, Кино, французов хор реченный,
Мильтон и Шекеспир, хотя непросвещенный,
Там Тасс и Ариост, там Камоэнс и Лоп[2],
Там Фондель[3], Гинтер там, там остроумный Поп.
Последуем таким писателям великим.
А ты, несмысленный, вспеваешь гласом диким.
Все то, что дерзостно невежа сочинит,
Труды его ему преобращает в стыд.
Без пользы на Парнас слагатель смелый всходит,
Коль Аполлон его на верх горы не взводит.
Когда искусства нет иль ты не тем рожден,
Нестроен будет глас и слог твой принужден.
А если естество тебя тем одарило,
Старайся, чтоб сей дар искусство украси́ло.
Знай в стихотворстве ты различие родов
И, что начнешь, ищи к тому приличных слов,
Не раздражая муз худым своим успехом:
Слезами Талию, а Мельпомену смехом.
Пастушка за сребро и злато на лугах
Имеет весь убор в единых лишь трава́х.
Луг камней дорогих и перл ей не являет,—
Она главу и грудь цветами украшает.
Подобно каковой всегда на ней наряд,
Таков быть должен весь в стихах пастушьих склад.
В них гордые слова, сложения высоки
В лугах подымут вихрь и возмутят потоки.

---

[1] *Ешилл* — Эсхил.
[2] *Лоп* — Лопе де Вега.
[3] *Фондель* — голландский поэт XVII в.

Оставь свой пышный глас в идиллиях своих
И в паствах не глуши трубой свирелок их.
Пан скроется в леса от звучной сей погоды,
И нимфы у поток уйдут от страха в воды.
Любовну ль пишешь речь или пастуший спор,
Чтоб не был ни учтив, ни груб их разговор,
Чтоб не был твой пастух крестьянину примером
И не был бы, опять, придворным кавалером.
Вспевай в идиллии мне ясны небеса,
Зеленые луга, кустарники, леса,
Биющие ключи, источники и рощи,
Весну, приятный день и тихость темной нощи;
Дай чувствовати мне пастушью простоту
И позабыть, стихи читая, суету.
Плачевной музы глас быстряе проницает [1],
Когда она в любви власы свои терзает,
Но весь ее восторг свой нежный склад краси́т
Единым только тем, что сердце говорит:
Любовник в сих стихах стенанье возвещает,
Когда аврорин всход с любезной быть мешает.
Или он, воздохнув, часы свои клянет,
В которые в глазах его Ирисы нет,
Или жестокости Филисы вспоминает,
Или своей драгой свой пламень открывает,
Иль, с нею разлучась, представив те красы,
Со вздохами твердит прешедшие часы.
Но хладен будет стих и весь твой плач — притворство,
Когда то говорит едино стихотворство;
Но жалок будет склад, оставь и не трудись:
Коль хочешь то писать, так прежде ты влюбись!
Гремящий в оде звук, как вихорь, слух пронзает,
Хребет Рифейских гор далеко превышает,
В ней молния дели́т наполы горизонт,
То верх высоких гор скрывает бурный понт,
Эдип гаданьѐм град от Сфинкса избавляет,
И сильный Геркулес злу Гидру низлагает,
Скамандрины брега богов зовут на брань,
Великий Александр кладет на персов дань,
Великий Петр свой гром с брегов Балтийских мещет,
Российский меч во всех концах вселенной блещет.
Творец таких стихов вскидает всюду взгляд,
Взлетает к небесам, свергается во ад
И, мчася в быстроте во все края вселенны,
Врата и путь везде имеет отворенны.
Что в стихотворстве есть, всем лучшим стих крася
И глас эпический до неба вознося,

---

[1] Здесь и далее речь идет о жанре элегии.

Летай во облаках, как в быстром море судно,
Но, возвращаясь вниз, спускайся лишь рассудно,
Пекись, чтоб не смешать по правам лирным[1] дум;
В эпическом стихе порядочен есть шум.
Глас лирный так, как вихрь, порывами терзает,
А глас эпический педерзостно взбегает[2],
Колеблется не вдруг и ломит так, как ветр,
Бунтующ многи дни, восшед из зе́мных недр.
Сей стих есть полн претворств, в нем добродетель смело
Преходит в божество, приемлет дух и тело.
Минерва — мудрость в нем, Диана — чистота,
Любовь — то Купидон, Венера — красота.
Где гром и молния, там ярость возвещает
Разгневанный Зевес и землю устрашает.
Когда встает в морях волнение и рев,
Не ветер то шумит,— Нептун являет гнев.
И эхо есть не звук, что гласы повторяет,—
То нимфа во слезах Нарцисса вспоминает.
Эней перенесен на африканский брег,
В страну, в которую имели ветры бег,
Не приключением, но гневная Юнона
Стремится погубить остаток Илиона.
Эол в угодность ей Средьземный понт терзал
И грозные валы до облак воздымал.
Он мстил Парисов суд за выигрыш Венеры
И ветрам растворил глубокие пещеры.
Посем рассмотрим мы свойство́ и силу драм,
Как должен представлять творец пороки нам
И как должна цвести святая добродетель:
Посадский, дворянин, маркиз, граф, князь, владетель
Восходят на театр; творец находит путь
Смотрителей своих чрез действо ум трону́ть.
Когда захочешь слез, введи меня ты в жалость;
Для смеху предо мной представь мирскую шалость.
Не представляй двух действ к смешению мне дум:
Смотритель к одному свой устремляет ум.
Ругается, смотря, единого он страстью
И беспокойствует единого напастью:
Афины и Париж, зря красну царску дщерь,
Котору умерщвлял отец, как лютый зверь,
В стенании своем единогласны были
И только лишь о ней потоки слезны лили.
Не тщись глаза и слух различием прельстить
И бытие трех лет мне в три часа вместить:

---

[1] По одическим правилам.
[2] *Глас лирный* — одический стиль; *глас эпический* — стиль эпопеи, героической поэмы.

Старайся мне в игре часы часами мерить,
Чтоб я, забывшися, возмог тебе поверить,
Что будто не игра то действие твое,
Но самое тогда случившесь бытие.
И не бренчи в стихах пустыми мне словами,
Скажи мне только то, что скажут страсти сами.
Не сделай трудности и местом мне своим,
Чтоб мне, театр твой имеючи за Рим,
Не полететь в Москву, а из Москвы к Пекину:
Всмотряся в Рим, я Рим так скоро не покину.
Явлениями множь желание, творец,
Познать, как действию положишь ты конец.
Трагедия нам плач и горесть представляет,
Как люто, например, Венерин гнев терзает.
В прекрасной описи, в Расиновых стихах,
Трезенский князь забыл о рыцарских игра́х,
Воспламенение почувствовавши крови
И вечно быть престав противником любови,
Пред Ари́сиею, стыдяся, говорит,
Что он уже не стал сей гордый Ипполит,
Который иногда стрела́м любви ругался
И сим презрением дел нежных величался.
Страшатся греки, чтоб сын Андромахин им
По возрасте своем не стал отцом своим.
Трепещут имени Гекторова народы,
Которые он гнал от стен Троянских в воды,
Как он с победою по трупам их бежал
И в корабли их огнь из рук своих метал.
Страшася, плод его стремятся погубити
И в отрасли весь корнь Приамов истребити;
Пирр хочет спасть его (защита немала!),
Но чтоб сия вдова женой ему была.
Она в смятении, низверженна в две страсти,
Не знает, что сказать при выборе напасти.
Богинин сын против всех греков восстает
И Клитемнестрин плод под свой покров берет.
Нерон прекрасную Июнью похищает,
Возлюбленный ее от яда умирает;
Она, чтоб жизнь ему на жертву принести,
Девичество свое до гроба соблюсти,
Под защищение стату́и прибегает
И образ Августов слезами омывает
И, после таковых свирепых ей судьбин,
Лишася брачных дум, вестальский емлет чин.
Мониме за любовь приносится отрава.
«Аталья» Франции и Мельпомене слава.
«Меропа» без любви трону́ла всех сердца,
Умножив в славу плеск преславного творца:

Творец ее нашел богатство Геликона.
«Альзира», наконец,— Вольтерова корона.
Каков в трагедии Расин был и Вольтер,
Таков в комедиях искусный Молиер.
Как славят, например, тех «Федра» и «Меропа»,
Не меньше и творец прославлен «Мизантропа».
Мольеров «Лицемер», я чаю, не падет
В трех первых действиях, доколь пребудет свет.
«Женатый философ», «Тщеславный» воссияли
И честь Детушеву в бессмертие вписали.
Для знающих людей ты игрищ не пиши:
Смешить без разума — дар подлыя души.
Не представляй того, что мне на миг приятно,
Но чтоб то действие мне долго было внятно.
Свойство́ комедии — издевкой править нрав;
Смешить и пользовать — прямой ее устав.
Представь бездушного подьячего в приказе,
Судью, что не поймет, что писано в указе.
Представь мне щеголя, кто тем вздымает нос,
Что целый мыслит век о красоте волос,
Который родился, как мнит он, для амуру,
Чтоб где-нибудь к себе склонить такую ж дуру.
Представь латынщика на диспуте его,
Который не соврет без «ерго» [1] ничего.
Представь мне гордого, раздута, как лягушку,
Скупого, что готов в удавку за полушку.
Представь картежника, который, снявши крест,
Кричит из-за руки, с фигурой сидя: «Рест!» [2]
О та́инственник муз! уставов их податель!
Разборщик стихотворств и тщательный писатель,
Который Франции муз жертвенник открыл
И в чистом слоге сам примером ей служил!
Скажи мне, Боало, свои в сатирах правы,
Которыми в стихах ты чистил грубы нравы!
В сатирах до́лжны мы пороки охуждать,
Безумство пышное в смешное превращать,
Страстям и дуростям, играючи, ругаться,
Чтоб та игра могла на мысли оставаться
И чтобы в страстные сердца она втекла:
Сие нам зеркало сто раз нужняй стекла.
Тщеславный лицемер святым себя являет
И в мысли ближнему погибель соплетает.
Льстец кажется, что он всея вселенной друг,
И отрыгает яд во знак своих услуг.

---

[1] Следовательно, итак *(лат.)*.
[2] Карточный термин, соответствующий выражению «ва-банк» («играю на все»).

Набитый ябедой прехищный душевредник
Старается, чтоб был у всех людей наследник.
И, что противу прав, заграбив, получит,
С неправедным судьей на части то делит.
Богатый бедного невинно угнетает
И совесть из судей мешками выгоняет,
Которы, богатясь, страх божий позабыв,
Пекутся лишь о том, чтоб правый суд стал крив.
Богатый в их суде не зрит ни в чем препятства:
Наука, честность, ум, по их,— среди богатства.
Охотник до вестей, коль нечего сказать,
Бежит с двора на двор и мыслит, что солгать.
Трус, пьян напившися, возносится отвагой
И за робятами гоняется со шпагой.
Такое что-нибудь представь, сатирик, нам.
Рассмотрим свойство мы и силу эпиграмм:
Они тогда живут, красой своей богаты,
Когда сочинены остры и узловаты;
Быть дóлжны коротки, и сила их вся в том,
Чтоб нечто вымолвить с издевкою о ком.
Склад басен должен быть шутлив, но благороден,
И низкий в оном дух к простым словам пригоден,
Как то де Лафонтен разумно показал
И басенным стихом преславен в свете стал,
Наполнил с головы до ног все притчи шуткой
И, сказки пев, играл все тою же погудкой.
Быть кажется, что стих по воле он вертел,
И мнится, что, писав, ни разу не вспотел;
Парнасски девушки пером его водили
И в простоте речей искусство погрузили.
Еще есть склад смешных геройческих поэм,
И нечто помянуть хочу я и о нем:
Он в подлу женщину Дидону превращает
Или нам бурлака Энеем представляет,
Являя рыцарьми буянов, забияк.
Итак, таких поэм шутливых склад двояк:
В одном богатырей ведет отвага в драку,
Парис Фетидину дал сыну перебяку.
Гектóр не на войну идет — в кулачный бой,
Не воинов — бойцов ведет на брань с собой.
Зевес не молнию, не гром с небес бросает,
Он из кремня огонь железом высекает,
Не жителей земных им хочет устрашить,
На что-то хочет он лучинку засветить.
Стихи, владеющи высокими делами,
В сем складе пишутся пренизкими словами.
В другом таких поэм искусному творцу
Велит перо давать дух рыцарский борцу.

Поссорился буян,— не подлая то ссора,
Но гонит Ахиллес прехраброго Гектора.
Замаранный кузнец в сем складе есть Вулкан,
А лужа от дождя не лужа — океан.
Робенка баба бьет — то гневная Юнона.
Плетень вокруг гумна — то стены Илиона.
В сем складе надобно, чтоб муза подала
Высокие слова на низкие дела.
В эпистолы творцы те речи избирают,
Какие свойственны тому, что составляют,
И самая в стихах сих главна красота,
Чтоб был порядок в них и в слоге чистота.
Сонет, рондо, баллад — игранье стихотворно,
Но должно в них играть разумно и проворно.
В сонете требуют, чтоб очень чист был склад.
Рондо — безделица, таков же и баллад,
Но пусть их пишет тот, кому они угодны,
Хорóши вымыслы и тамо благородны,
Состав их хитрая в безделках суета:
Мне стихотворная приятна простота.
О песнях нечто мне осталося представить,
Хоть песнописцев тех никак нельзя исправить,
Которые, что стих, не знают и хотят
Нечаянно попасть на сладкий песен лад.
Нечаянно стихи из разума не льются,
И мысли ясные невежам не даются.
Коль строки с рифмами — стихами то зовут.
Стихи по правилам премудрых муз плывут.
Слог песен должен быть приятен, прост и ясен,
Витийств не надобно,— он сам собой прекрасен:
Чтоб ум в нем был сокрыт и говорила страсть;
Не он над ним большой — имеет сердце власть.
Не делай из богинь красавице примера
И в страсти не вспевай: «Прости, моя Венера,
Хоть всех собрать богинь, тебя прекрасней нет»,—
Скажи прощаяся: «Прости теперь, мой свет!
Не будет дня, чтоб я, не зря очей любезных,
Не источал из глаз своих потоков слезных.
Места, свидетели минувших сладких дней,
Их станут вображать на памяти моей.
Уж начали меня терзати мысли люты,
И окончалися приятные минуты.
Прости в последний раз и помни, как любил».
Кудряво в горести никто не говорил:
Когда с возлюбленной любовник расстается,
Тогда Венера в мысль ему не попадется.
Ни ударения прямого нет в словах,
Ни сопряжения малейшего в речах,

Ни рифм порядочных, ни меры стоп пристойной
Нет в песне скаредной при мысли недостойной.
Но что я говорю: при мысли? Да в такой
Изрядной песенке нет мысли никакой:
Пустая речь, конец не виден, ни начало;
Писцы в них бредят все, что в разум ни попало.
О чудные творцы, престаньте вздор сплетать!
Нет славы никакой несмысленно писать.
Во окончании еще напоминаю
О разности стихов и речи повторяю:
Коль хочешь петь стихи, помысли ты сперва,
К чему твоя, творец, способна голова.
Не то пой, что тебе противу сил угодно,
Оставь то для других: пой то, тебе что сродно.
Когда не льстит тебе всегдашний града шум
И ненавидит твой лукавства светска ум,
Приятна жизнь в местах, где к услажденью взора
И обоняния ликует красна Флора,
Где чистые струи по камышкам бегут
И птички сладостно Аврорин всход поют,
Одною щедрою довольствуясь природой,
И насыщаются дражайшею свободой,—
Пускай на верх горы взойдет твоя нога
И око кинет взор в зеленые луга,
На реки, озера́, в кустарники, в дубровы:
Вот мысли там тебе по склонности готовы.
Когда ты мягкосерд и жалостлив рожден
И ежели притом любовью побежден,
Пиши элегии, вспевай любовны узы
Плачевным голосом стенящей де ла Сюзы.
Когда ты рвешься, зря на свете тьму страстей,
Ступай за Боалом и исправляй людей.
Смеешься ль, страсти зря, представь мне их примером
И, представляя их, ступай за Молиером.
Когда имеешь ты дух гордый, ум летущ
И вдруг из мысли в мысль стремительно бегущ,
Оставь идиллию, элегию, сатиру
И драмы для других: возьми гремящу лиру
И с пышным Пи́ндаром взлетай до небеси
Иль с Ломоносовым глас громкий вознеси:
Он наших стран Мальгерб, он Пиндару подобен;
А ты, Штивелиус, лишь только врать способен [1].
Имея важну мысль, великолепный дух,
Пронзай воинскою трубой вселенной слух:
Пой Ахиллесов гнев иль, двигнут русской славой,
Воспой Великого Петра мне под Полтавой.

---

[1] Под Штивелиусом Сумароков разумеет Тредиаковского.

Чувствительней всего трагедия сердцам,
И таковым она вручается творцам,
Которых может мысль входить в чужие страсти
И сердце чувствовать других беды, напасти.
Виргилий брани пел, Овидий воздыхал,
Гораций громкий глас при лире испускал
Или, из высоты сходя, страстям ругался,
В которых римлянин безумно упражнялся,—
Хоть разный взяли путь, однако посмотри,
Что, сладко пев, они прославились все три.
Все хвально: драма ли, эклога или ода —
Слагай, к чему тебя влечет твоя природа;
Лишь просвещение, писатель, дай уму:
Прекрасный наш язык способен ко всему.

<1747>

О СТИХОТВОРСТВЕ КАМЧАДАЛОВ

(В сокращении)

Свобода, праздность и любовь суть источники стихотворства. Они — способы в изображении естества человеческому остроумию и в самой грубой природе. Чувствие человеческое равно, хотя и мысли непросвещенны. Мысли наши, единым чувствием провождаемы, лучшими словами изображаются, нежели искусством, хотя искусство природе и весьма потребно. Счастливы те, которых искусство не ослепляет и не отводит от природы, что с слабостию разума человеческого нередко делается. А говоря о стихотворстве, которое чистейшим изображением естества назваться может, — оно всего больше ослеплению искусства подвержено, что ясно доказали старающиеся превзойти Гомера, Софокла, Виргилия и Овидия. Останемся лучше в границах природы и разума и в мысли таковой, что человеку человечества превзойти неудобно. Природное чувствия изъяснение изо всех есть лучшее...

<1759>

О НЕЕСТЕСТВЕННОСТИ

(Отрывок)

...Стихотворцы, которые, следуя единым только правилам, а иногда и единому желанию ползти на Геликон, нимало не входя в страсть и ничего того, что им предлежит, не ощущая, пишут только то, что им скажет умствование или невежество, не спрашиваяся с сердцем или паче не имея удобства подражать естества простоте, что всего писателю трудняе, кто не имеет особливого дарования, хотя простота естества издали и легка кажется. Что более стихотворцы умствуют, то более притворствуют, а что более притворствуют, то более завираются...

<1759>

СЛОВО НА ОТКРЫТИЕ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ

(Отрывки)

...Полезна ты, архитектура, ибо ты даешь градам великолепие. Скажем по сем, кая польза народу от старших твоих сестер, обитающих в сей новосвященной императорской Академии. Не может ни история, ни поэзия изъяснити телесных качеств геройских: пиктура[1] и скульптура в сем им помоществуют. А телесные качества великих мужей, начертываяся в умах наших, оживляют изображения душевных их качеств и придают охоты к подражанию оных; ибо в телесных видах сокрываются тончайшие качества душевные. Желающу мне[2] изобразити Александра, поражающа Дария, мало мне единого исторического описания, мало помоществующей мне историческому описанию не только общенародной, но и стихотворческой мысли. Чувства наши сильняе мыслей наших. Страдающий человек, колико бы он ни описывал болезни и печали свои, не может их живо другому въяснити, колико бы тот ни старался восчувствовати их. Нет такой науки, которая бы могла довольно подражати естеству в изображении вкуса, обоняния и осязания, что бы, кажется, полезно было роду человеческому; но премудрое божество, ради многих обстоятельств, сокрыло сие от нас таинство или паче не исполнило противустоящего разуму дела; но слух и зрение наше всего естеству подражания ради общей пользы не лишилися. И тако кто, не ослепив понятия своего, скажет, что пиктура и скульптура маловажны? Видели Горациев, поражающих Куриясов, их современники; но мы так живо оного не видим, а ежели бы очам нашим оставлено было сие сражение, так бы то и мы видели. А таковые виды умножают героический огнь и любовь к отечеству.

Первая должность упражняющихся в сих хитростях — изображати истории своего отечества и лица великих в оном людей, монархов, победителей и прочих. Сие многое подаст потомству в истории просвещение, услугу потомству, силу заражения в подражании славных дел, утеху любопытным и пользу миру. Довольно бы почтения и сим только сии два художества заслужили, но польза от них изречена еще не вся. И вымыслы толико же почти возбуждают героические души к подражанию, колико история. Гомерова «Илияда» служила Александру ради подражания историею; тако и пикторские и скульптурские выдумки зрителям историею служить могут. Пиитические выражения и их изображения, хотя они и вымышлены, служат познанию естества, подражанию великих дел, отвращению от пороков и всему тому, чего человечество к исправлению требует,— и нередко больше имеют

---

[1] Живопись.
[2] Когда (если) я желаю.

они успеха, нежели проповедуемая мораль. Нередко глаза пасомых животных привлекаются более цветоносными, нежели тучными лугами. А ежели луга и цветоносны и тучны — не сугубую ли они привлечения имеют силу?..

Человеческая статуя подобный человеку вид имеет; довольно искусства ради человека, что он камень человеку уподобляет. Естество выше искусства, но искусство ближе к естеству, нежели человечество к божеству. И хотя бы и никакой иной пользы от свободных не было хитростей, так и сей довольно, что мы изощряем ими разум и перед прочими тварями являем свое преимущество, уподобляяся подражанием естества создателю, питая воображения свои, расширяя понятия и силу величества душ наших плаванием во тончайшем естества познании. Говорил бы я о украшении, творимом пиктурою и скульптурою, но сие слабо или паче бесполезно будет: ибо на что доказательство, что и без него ясно. Ни смерть, ни любовь, каковы они, доказательства не требуют. Той всякое животное и без него устрашается, а сей и без него всякое дыхание жертвует. Одна без доказательства страшна, другая без доказательства приятна. Чувства сильняе разума, а следственно, сильняе всякого доказательства. Отчего же непросвещенные люди, и глаза имея, не умеют отделять хорошего от худого, когда чувства наши сильняе разума? От того, что разум их, или паче безумие, рассеивает их мысли, чувством совокупленные... Тухнет огнь, когда нет способного к питанию его вещества; погибают науки и художества, когда способных нет людей к оным... Обманываются все, которые говорят то, что воспитание есть основание и начало премудрости: оно основание чистоты сердечныя. Ежели благовоспитанный человек просветится премудростию, премудрость будет чистому сердцу его подпора; ежели не просветится премудростию, привычка сердцу его подпора будет, ибо привычка вторая природа, а нередко бывает еще и сильнее природы. Одни прямые философы на рассудке основание имеют, а весь остаток рода человеческого — на привычке и на данных им, по большей части несвязных, сопротивляющихся понятию правилах. Основанные на понятии вещи во всех четырех частях мира одни, а основанные на предрассудках — везде разны; потребно хорошее воспитание, дабы люди, и не коснувшиеся премудрости, по единой привычке правильно рассуждали. Одни великие души великие качества имеют, а хорошее воспитание и малые души в распорядке жизни великим душам уподобляет...

...Испорченные во младенчестве и юношестве сердца наши едина премудрость исправляет; но вкоренившиеся страсти и оныя силу часто побеждают: так воспитание более власти над нами имеет, нежели сама премудрость. Вот колико воспитание роду человеческому потребно. Что ж касается до свободы, данныя сей Академии художникам, и колико она потребна и полезна наукам и художествам, о том я при другом могу напомянути, что она ис-

точник человеческия премудрости и что колико вредно своевольство общему блаженству, вредна наукам и художествам толико неволя.

1764

О СТОПОСЛОЖЕНИИ

(Отрывки)

Российское стопосложение основано единственно на естественной тонической долготе, а в тоническом ударении по естеству каждого языка стоп пять родов; хотя у греков и римлян была шестая стопа, называемая спондеем и превращаемая в тоническом естественном ударении или в хорей или ямб. Сия-то стопа есть помешательство стремящимся к поэзии и лишает их чистого стопосложения, без которого никакая поэма поэмою названа быть не может, а строки мерносложные, без чистого стопосложения и без хороших рифм, не будут ни стихи, ни проза,— что ж? Этого я не знаю...

А спондеи обезображивали и самые лучшие г. Ломоносова строфы, к великому мне о нем сожалению, ибо он только и г. Поповский нашему Парнасу истинную честь от начала России, что до стихов надлежит, и приносили. И если бы г. Ломоносов не расстроивался со мною, не в таком бы состоянии видели мы российское красноречие, увядающее день от дня и грозящее увянути надолго...

Г. Тредьяковский, колико много он от меня ни наслышался о спондеях, никак не мог поняти, что спондей у нас иногда хорей, иногда ямб, и полагал он по непонятию своему, что претворение спондеев в хореи и ямбы зависает от единого благоволения писателя; но сие благоволение будет ли читателю законом? А паче будет ли такое стопосложение слышно читателю, как мыслил автор? Читатель не нас, но наши сочинения разбирает и вкушает не то, что в моем было предприятии, но что на бумагу положено. Автор узаконяет, но и сам узаконению разумного читателя подвержен...

Стопы не на благоволении нашем основаны, но на самом естестве, и суть основание музыки и толкований целого чувства: вот причина, почему стопосложение почтенно и что без чистого стопосложения стихи скаредную представляют нам прозу...

Спондей, претворяемый не по произволению стопослагателя, но по правилу ...часто необходим и нашему и германскому стопосложению, как и пиррихий, имущий два слога, не составляющий стопы, кроме необходимости, где он так же, как и спондей, или в хорей или в ямб превращается...

...Писателю нет нужды узнавати, когда он (пиррихий) хорей и когда ямб; между хореических стоп он сам собою хореем будет, а между ямбическими — ямбом... Длина слов наших извиняет писателя во употреблении пиррихиев, ибо без сея вольности и стихов сочинять не можно; хотя попедантствовати для диковинки и

можно, но такие ненадобные тонкости презираются и отводят автора от доброго вкуса, ищущего славы тамо, где ее не бывало, и проливающего пот ради посмеяния себе...

Приступим поближе ко стопосложению и рассмотрим стопы...

Хорей есть нежная стопа сама собою и лучше всего к самым нежным и сочинениям принадлежит; но, не имуща той живности, какую имеет ямб, должна она, по моему размышлению, к таким и сочинениям больше употребляться, какова она сама...

Ямб есть гордая, живая и великолепная стопа; но я не знаю, дельно ли мы ее только почти одну в одах употребляем, хотя у меня есть и хореические оды; ибо ямб разговору посвящен и больше эпической поэме, трагедии, комедии и сатире принадлежит, нежели оде...

Дактиль есть та стопа, которая у греков и у римлян была больше всех в употреблении; но они ее всегда мешали со спондеями и с хореями, ради различности изображения, и сею смесью различные и чувствия изображали. Ибо сия стопа сама собою несколько унывна и от сея смеси была она иногда живяе, иногда нежняе, иногда великолепнее, важняе и проч., но у них она не тоническою долготою произносилася, как у нас, но по сопряжению литер и по правилу некоторыя способности и узаконения...

Амфиврахий — стопа, изображающая сама собою и живность и нежность...

Анапест — гордая и живая стопа, могущая употребляема быти в одах, ежели бы наши строфы не присвоили себе от г. Ломоносова по примеру немецких од ямба, чему и я во время моей молодости участником стал, последуя тем же немцам. Но ямб не извержется уже из наших од, хотя совершенное оного извержение и не надобно. Г. Ломоносов и хорея никогда не употреблял; но я, подражая и естеству и французам, хореические оды сочинял; хотя французское лирическое стопосложение и не имеет точной гармонии, но только хореическими тонами отзывается. Анапестические стихи сочетания почти не терпят и красивы только одними рифмами мужескими...

Хорей и дактиль по нем суть нежные стопы; ямб и анапест живностные, амфиврахий — нежности и живности смесь. И все российскому языку и свойственны и полезны. Но где нет правильного стопосложения, тамо нет и стихов; сколько же стихов останется стихотворцев, сочиняющих стихи по привычке и не знающих о правилах стопосложения!..

Первые примеры дурного стопосложения возьму я из г. Тредьяковского.

На что долго искать, возьмем первую его басенку, из сочиненных им для опытка, говоря его словом:

«Петух взбег на навоз, а рыть начав тот вскоре» —

Пе тух | взбег на | на воз

Вторая стопа вместо желаемого ямба есть хорей. *Хвзбе* — тут изобильное слияние негласных литер, и нежному слуху несносно.

«Взбег» есть глагол, а «на» предлог, от чего не та стопа и вылилась.

А рыть | на чав | тот вскоре

Союз «а» никак тут не вместен: потребен союз «и», ибо сопротивления здесь нет. Если бы так было: «Петух взбег на навоз, а рыть его не мог» — тогда бы брело, колико стих ни скареден.

Что до склада сего автора касается, так это и критики не достойно, ибо всех читателей слуху он противен толико, что подобного писателя никогда ни в каком народе от начала мира не бывало,— а он еще был и профессор красноречия! Все его и стихотворные сочинения, и прозаические, и переводы таковы; так оставим его, ибо нет моего терпения смотрети в его сочинения.

Посмотрим на г. Ломоносова, человека, имущего достоинство.

...Способности пиитичествовать, хотя и в одной только оде, имел он весьма много. А ныне и в то самое время, когда он меня восхищает, от себя и отвращает, хотя и есть при всех недостатках у него прекрасные строфы...

Но все сии прекрасные строфы или некоторой или многой поправки требуют.

Прейдем оды его, наполненные духом стихотворческим, красотою — и отвратительными пороками и грамматики, и стопосложения, и худшего с лучшим сопряженного вкуса. Воспомянем его с воздыханием, подобно как творца «Тилемахиды» со смехом, и утвердим тако: что г. Ломоносов толико отстоит от Тредьяковского, как небо от ада...

Вся слава стихотворения г. Ломоносова в одних его одах состоит, а прочие его стихотворные сочинения и посредственного в нем пиита не показывают.

Подражайте, авторы, красоте сего почтенного мужа во красоте его лиричества и, презирая прочие пиитические его сочинения, не повинуйтеся его грамматике, ища оныя во естестве языка, и помните, что стихи без чистого стопосложения есть труд легкий и самая скаредная проза.

Между 1771 и 1777

ОТВЕТ НА ОДУ ВАСИЛЬЮ ИВАНОВИЧУ МАЙКОВУ

Витийство лишнее — природе злейший враг;
Брегися сколько можно
Ты, Майков, оного; витийствуй осторожно.
Тебе на верх горы один остался шаг;
Ты будешь на верхах Парнаса неотложно;
Благоуханные рви там себе цветы
И украшай одними
Ими

Свои поэмы ты!
Труды без сих цветов — едины суеты;
Ум здравый завсегда гнушается мечты;
Коль нет во чьих стихах приличной простоты,
Ни ясности, ни чистоты,
Так те стихи лишенны красоты
И полны пустоты.
Когда булавочка в пузырь надутый ре́знет,
Вся пышность пузыря в единый миг исчезнет.
Весь воздух выйдет вон из пузыря до дна,
И только кожица останется одна.

1776

СИНАВ И ТРУВОР

ТРАГЕДИЯ

(В сокращении)

Действующие лица

Синав, князь Российский.
Трувор, брат его.
Гостомысл, знатнейший боярин Новогородский.
Ильмена, дочь его.
Вестник.
Паж.
Воины.

Действие есть в Новегороде в княжеском доме.

ДЕЙСТВИЕ I

Явление 1

Гостомысл и Ильмена

Гостомысл. Пришло желанное, Ильмена, мною время
Соединить тобой мое с цесарским [1] племя.
Весь град сего часа́ нетерпеливно ждет,
В который кровь моя в порфире процветет.
Уж к браку олтари цветами украше́нны,
И брачные свещи в светильники вонзенны:
Готовься, дщерь моя, готовься внити в храм.

Ильмена. Еще довольно дней осталося судьба́м,
Которы погубить хотят меня, несчастну,
И, бедную, ввести в супружество бесстрастну.
Смотри ты, отче мой, на мой печальный зрак
И, если я мила, отсрочь, отсрочь сей брак.

Гостомысл. Ты счастья своего поднесь не презирала
И князю никогда суровства не являла...

[1] С княжеским.

Ильмена. Но было из всего удобно рассудить,
Хочу ль с Синавом я в супружество вступить:
Желаю ль я сего, хотя уста молчали,
Глаза мои тебе довольно отвечали.
Почто ты мною, князь, толь тщетно страстен стал!
А ты почто рвать дух толь твердо предприял?
Я лестного являть приветства не умею,
А истинной любви к нему я не имею.
И ежели уже сему союзу быть,
Так, отче мой, хоть срок потщися преложить:
Прибавь мне времени еще на размышленье,
Чтоб я им как-нибудь умерила мученье
И чтоб могла поток слез горьких удержать,
Когда ты повелишь ко браку мне предстать.

Гостомысл. Несклонностию быть не можешь оправдáнна,—
Синаву ты женой во мзду обетованна.
Он в воздаяние подъятых им трудов
И скипетр и тебя имеет от богов,
Которы, утишив мятеж его рукою,
Нам подали опять дни сладкого покою.
Не будь несмысленна, упрямство истреби
И, сердце обуздав, принудься и люби.

Ильмена. Когда бы сердцем льзя повелевати было,
По воле бы твоей оно его любило;
Но слаб рассудок мой природу одолеть,
И не могу себе толь много повелеть.

Гостомысл. Представь его труды любви своей в посредство
И мужеством его скончавшееся бедство.
Вообрази себе те страшны времена,
Когда мутился град и вся сия страна,
Отечество твое, отечество геройско,—
И вооружалося бунтующеся войско,
Прибыток всех вельмож во граде разделил,
Граждан и воинство на злобу устремил.
Уставы древние в презрение ниспали,
Правленье и суды всю область [1] потеряли.
Един остался я при истине святой
И часть отечества вернейших чад со мной.
Коликое число смерть россов пожирала!
Их злоба на самих себя воспламеняла.
Друзья против друзей, родня против родни
Восстали разрушать благополучны дни.
Все домы были жен слезами окропленны,
И все поля мужей их кровью обагренны.

---

[1] Власть, силу.

Алкал из сильных всяк правительство принять,
И не хотел никто законы защищать.
Воспомни, как твой брат оплакан был друзьями —
Мой сын, любезный сын, под гра́дскими стенами.
Я сам изранен был и чаял умереть,—
Сию ли бы по мне ты стала часть иметь?
К нам щедры небеса к скончанию печали
С полками трех князей для помощи послали.
Не для владения пришли они сюды:
Но только окончать несчастливых беды,
Великодушием геройским восхищенны
И славою одной к Ильменю провожденны.
Синав и братьями и мной повелевал
И воинство свое с моим соединял.
Тотчас познался меч его в полках противных,
Предвозвещая мир со тьмой побед предивных.
Казалось, что тогда тряслась над ними твердь:
Непобедимое оружие и смерть
Вельможей гордость всю в покорство пременили
И, злобу низложив, сердца соединили.
Настала тишина,— и в воздаянье сил,
Которыми сей князь напасти прекратил,
Единогласно все на трон его желали
И, умолив его, венцом его венчали.
Но скипетр дух младой еще не веселил;
Синав мне в торжестве, вздыхая, говорил:
«Что мне, что я владеть народом удостоен?
Ваш князь не может быть во граде сем спокоен,
Доколе от тебя того не получи́т,
Чем он потерянну свободу возвратит».
Я мысль его познал, любовь явна мне стала,
Котора на него оковы налагала
В победах, под венцом, во славе, в торжестве.
Дивясь, зря власть любви в гордейшем естестве,—
Что было мне сказать? Безумно отрицати,
Чего бы я хотел и сам еще искати.
И если б я ему в сем даре отказал,
Народ бы, мя презрев, ему Ильмену дал.

Ильмена. Какие правы то? И сей устав отколе?
Народ бы дал меня! — иль я живу в неволе?

Гостомысл. Не только для него корону восприять —
Для общества и жизнь нам до́лжно потерять.

Ильмена. Супружество сие народу бесполезно,
А мне — ах! — бедственно, увы! — и смертно слезно.

Гостомысл. Полезно в крайности защитника ласкать,

И хвально милости заслугой воздавать:
Почтение в бедах защитникам не дико,
По бедствиях оно похвально и велико.

Ильмена. Но не довольно ли защитник наш почтен?
Он нами царствовать над нами возведен.
Я повинуюся достойнейшей сей власти
И быть хочу рабой, не ощущая страсти.
Похвальней мне ему рабою верной быть,
Как, став супругою, супруга не любить.
Он млад, красен, герой,— глаза мои то видят,—
Но в нем любовника при всем том ненавидят.
Вини безумие, что хочешь ты вини,
Но лишь намеренье, коль можешь, отмени.

Гостомысл. Я слово дал.

Ильмена. Меня не вопросив, ах! прежде,
Почто ты в таковой был суетной надежде,
Что будет с князем сим приятен мне союз!

Гостомысл. Мне отвращения от толь приятных уз
Нимало во уме тогда не представлялось,
Желание его мне счастием казалось.
Когда ж нечаянно я в том обманут стал —
Не обвиняй меня, что я то слово дал,
Не мучь вздыханием своим меня напрасно.

Ильмена. Супружество сие мне так, как смерть, ужасно.

Гостомысл. Когда тебя любовь со князем сим делит,
Привычка с ним тебя, Ильмена, съединит:
Последуй моему родительску совету
И не бесчесть меня пременою обету.
Привычка естества сильняе иногда.

Ильмена. Я буду воздыхать и сетовать всегда.

Гостомысл. Что ж князю я скажу, не пременяя слова?

Ильмена. Я для ради тебя прияти смерть готова.
Но, предприяв, уже обет не пременить,—
Хоть три дни дай еще мне, отче мой, прожить.

Гостомысл. Не представляй в уме такой суровой страсти,
Не воображай себе без бедствия напасти
И в трех желанных днях болезни утиши
Толь тяжко без причин скорбящия души.

Явление 2

Ильмена одна

Ильмена. Исполнится твое толь твердое хотенье,
И окончается по трех днях все мученье,
Которое ты мне, мой отче, приключил.
А ты, который мя несклонну полюбил,
Не будешь зреть меня в одре по песнях брачных:
Не в одр пойду — во гроб, и там в пещерах мрачных
Я сердце, коль его принудить не могу,
Любезну Трувору невинно собрегу.
Но что я говорю, когда еще не знаю,
Любовнику ль уже я сердце посвящаю!
Не суетою ли я льщусь, себя маня!
Не облыгают ли глаза мои меня
И представляют мне на скорби и мученье
Признáками любви единое почтенье!
Ах! нет: его мне взор вседневно говорит,
Что сердце и его так, как мое, горит.
Свирепый долг! за что ты с ним мя разлучаешь?
За что ты, Гостомысл, так злобно дочь терзаешь?
Как может человек такое бремя снесть?
И что, ах! в естестве сего тяжеле есть?
Когда ты, о любовь, с судьбой не согласилась,—
Несчастная любовь, почто ты в нас вселилась?
Сей лютой горести не может дух стерпеть —
Конечно надлежит Ильмене умереть.

(Синав соглашается отложить брак на три дня. Трувор упрекает Ильмену в измене. Она отвечает, что умрет сразу после бракосочетания, просит Трувора хранить тайну их любви и постараться превозмочь свои чувства.)

Явление 6

Гостомысл один

Гостомысл. По окончании народныя печали
Такой ли радости вы, мысли, ожидали?
Синав! о храбрый князь! я к току горьких слез
Любезной дочери тебя на трон вознес.
О злополучие! или ты мне природно?
Я зрю, что все мое старание бесплодно:
Беды́ родят беды́, не вижу им конца,
И сделали меня тираном из отца.

(Синава мучит совесть, он не в силах отказаться от Ильмены и в то же время сознает, что может стать мучителем, тираном. Гостомысл пытается его успокоить,— ведь Ильмена станет его женой, но Синав отвечает: «О, должность малое веселие в любви». Трувор открывает брату, что это он любит Ильмену и любим ею. Ильмена подтверждает его слова и заявляет Синаву, что кончит жизнь самоубийством в день брака. Отец уговаривает ее изменить свое решение и забыть Трувора. В душе Ильмены борются различные чувства.)

ДЕЙСТВИЕ III

Явление 1

Гостомысл и Ильмена

Ильмена. Желание свое — несчастного любить,
Колико я могу, стараюсь победить.
Стремительно от сей я мысли убегаю,
Но, убегающа, совсем изнемогаю.
Повсюду страсть моя гоняется за мной,
Повсюду множит жар и рушит мой покой.
Дражайшу зрака тень повсюду обретаю,
Что я ни думаю, все ею скончеваю.
Рассеян весь мой ум; немилосердый рок
Мятет лиющийся во мне кровавый ток.
Сама с собою брань имею непрестанно,
Разима, рвусь, стеню и стражду несказанно.
Не тако в варварских терзается руках
Невольник, мучимый в темнице и цепях,
Как я, живущая в стране своей природной,
В дни счастья твоего, в дни тихости народной.
Скончалася здесь жизнь, что толь была вредна,
И только мучусь здесь я с Трувором одна.

Гостомысл. Которы паче всех о граде сем трудились,
Подобно так, как ты, тобою поразились,—
Подобно огорчен отец твой и Синав:
Он, в брате зря своих препятствие забав,
Ту мзду, которой ждал, бедою получает,
А Гостомыслу дочь боль вящий приключает.

Ильмена. Конечно, всех грустняй Ильмене в сей стране —
Не тако горестно и Трувору, как мне:
Когда его совсем надежда прочь возьмется,
Кто не мила ему, он с той не сопряжется.
А я, лишась его, тому отдамся в власть,
Кем вся моя, увы! произошла напасть.

Гостомысл. Умолкни! Трувор здесь: сокройся ты отселе!

Ильмена. Сдержись, прискорбный дух в томящемся, ах! теле!

(Трувор сообщает, что разгневанный Синав отправляет его в ссылку и требует немедленного бракосочетания; он пытается убедить Ильмену отказаться от намерения убить себя и бежать с ним. Неожиданно входит Синав, братья в ярости обнажают мечи, но их останавливает Ильмена.

Перед отъездом Трувор снова пытается отговорить Ильмену от самоубийства. Ее зовут в храм; Трувору приходит мысль убить брата, однако его удерживает «глас природы».)

ДЕЙСТВИЕ V

Явление 1

Гостомысл один

Наполнен наш живот премножеством сует,—
Но что есть человек? одушевленный цвет:
Не много времени он в свете пребывает,
Когда рождается, тогда и умирает —
Пред всею вечностью лет осмьдесят иль сто —
Одна минута, миг или совсем ничто.
Доколе существо в нас живность ощущает,
К познанию себя прийти не успевает.
В невежестве своем иметь премудрость мним
И в самолюбии безумство ею чтим.
Недолог смертных век, печалей в нем премного:
Благополучие — мечта, несчастье строго.
То время, что прошло, не возвратится к нам;
Которо есть — то лишь единый миг очам.
Которого мы ждем — тем мы не обладаем
И, может быть, его напрасно ожидаем.
Кто знает, что оно с собою принесет?
Кто ведает и то, когда нас смерть ссечет?
Жизнь сожаления нималого не стоит:
Что делает она? Природу беспокоит.
Нет счастья на земли — на небесах оно:
Оставлено богам и смертным не дано.
Дано,— но мы его в несчастье превращаем:
Благополучие страстями разрушаем.
Где о едином всяк печется о себе,
Жилища тамо нет, о истина, тебе!
А ежели от нас ты, правда, отлученна,
Жилище без тебя есть горести вселенна!
Не так: я чувствую тебя в душе своей,—
Еще ты на земли, но странствуешь по ней.
Хоть от того, что толь тебя я почитаю,
Я сына потерял и дочь свою терзаю;
Но для ради тебя во всякую беду:
Хоть в огнь, хоть в бездну вод — не думая пойду.

Явление 2

Гостомысл и Ильмена

Ильмена. Последуя твоим родительским уставом,
В супружество уже вступила я с Синавом.
Исполнила ли я, что дочь отцу должна?
Рассталась с Трувором, Синаву я жена.

Он поздравление народно принимает,
А дочь твою тоска смертельная съедает;
Князь, зря, что тем мой дух и паче встрепетал,
Идущу от себя, меня не удержал.
А я теперь уже не знаю, что я стала.
Пора исполнить мне то, что я предприяла!

Гостомысл. Зловредным вижу я намеренье твое.

Ильмена. Грусть грудь мою грызет и сердце рвет мое.

Явление 3

Те ж и Вестник

Ильмена. Знать, Трувор здесь еще,— чего он ожидает?..
Но что печальный твой нам образ возвещает?

Вестник *(Ильмене).* Услышать весть тебе потребно много сил.

Ильмена. Вещай,— о бедная!..

Вестник. Кто толь тебе был мил...

Ильмена. Увы!

Гостомысл. Что сталось с ним?

Вестник. С мучением сердечным
Князь Трувор затворил глаза свои сном вечным.

Ильмена. Судьба! ты возвела на самый верх мя бед:
Свершилась часть моя, и Трувора уж нет!..

(Вестнику.)

Каким ударом мой любезный князь скончался?
И как дражайший сей дух с телом расставался?
Скажи.

Гостомысл. К чему о том ты хочешь вопрошать?

Ильмена. Жесточе, жертвуя ему, хочу страдать.

Гостомысл. Для имени богов...

Ильмена. Противна им измена.
Страдай, плати любовь, о верная Ильмена!

(Гостомыслу.)

Довольно принуждал ты сердце, ах! мое:
Дай волю мне.

(Вестнику.)

Вещай плачевно бытие.

Вестник. С плачевной мыслию он город сей оставил
И в путь по Волховским брегам стопы направил.
В молчании его один был слышен стон,
Который испускал бесперестанно он.
Как слезы удержать в очах он ни старался,
Но из очей его ток слезный проливался.
Не сей имел он зрак, что толь приятно цвел:
Переменялся вид, и зрак его бледнел.

Тяжелые в груди дыхания спирались,
Грудь воздымалася, и губы запекались.
Как с вéрсту мы пути отъехали за град,
Он, с колесницы сшед, возвел глаза назад
И, жалостно взглянув на отдаленно зданье,
Где суетно питал он страстное желанье:
«Уже по самый гроб расстался я с тобой,
О град,— он возгласил,— где дух остался мой,
Жилище, где моя любезная вздыхает
И о любовнике без пользы вспоминает;
В тебе я мужеству хотел сыскать успех:
Сыскал,— но что потом? Лишился всех утех,
Которые моей ты младости представил.
Ах! что в тебе я, что, любезный град, оставил!
А ты где, озеро, ни будешь глашено,
Что именем моей драгой наречено,
Повсюду возвещай мою несносну муку
И именем своим тверди мою разлуку;
Тверди и то, что я для той, кого любил,
Близ устья Волхова сей меч в себя вонзил».
Едва сии слова из уст лишь излетели,
Мечь был в груди его: мы ток кровавый зрели.
Он пал к нам в руки — мы железо извлекли:
Багряные струи́ стремительно текли
Я рану захватил платком, своей рукою.
Князь страже говорил: «Теперь иду к покою.
Коль то, что зрите вы, мне ставите в напасть,
Синавова ее мне приключила страсть:
Сие мне от него за дружество отплата.
Но если в нем еще увидите мне брата,
Скажите вы ему, что я вину простил,
Что верной он меня любовницы лишил;
Скажите, что ему я всяких благ желаю
И, мести не хотящ, без мести умираю».
По том, когда уже язык его немел,
Он очи на меня с прискорбностью возвел:
«А ты,— он говорил,— меня зря в части слезной,
Как возвратишься в град, скажи моей любезной,
Чтоб плакала о том умеренно она,
Что скрылась от меня последняя луна,
Что день, день Труворов в полудни преломился
И солнца для меня луч вечно погрузился.
Прости, Ильмена, я до смерти верен был
И, испуская дух...» — сим словом заключил,
Оставив суеты колеблемого света,
И речь он, и живот в свои младые лета.

Гостомысл. Невозвратимо то!

Ильмена. О князь мой дорогой!
Стократно, ах, мой князь, ты счастлив предо мной!
Как ты покинул свет, ты живу мя покинул,
А я покину свет, когда твой век уж минул.
Ты чаял при конце, что я на трон всхожу,
А я, кончаяся, на смерть твою гляжу...

Гостомысл. Кончаяся?.. На что ты смерть воображаешь?
Кончаяся?.. Или мне бедствия желаешь?

Ильмена. Не льстися больше тем, чтоб долго я жила:
Преходит время то, в которо я была.
Отверста вечность мне: иду... куды?.. не знаю...—
На что мне знать? Богам я душу поручаю:
Пускай разрушится мое днесь существо —
Мя в нову изведет природу божество.
Пусть преселюсь из мест, которых ненавижу,
Туда, где либо я и Трувора увижу.
Мне боги подадут иное бытие
И человечество возобновят мое.
Они всесильны, им, что восхотят, возможно,
И упование Ильменино не ложно:
Но чем уверюсь в том, что буду зреть того,
Кто здесь с родителем миляе мне всего!
Иль в смерти смертные друг друга не забудут,
И страсти волновать, как здесь, и тамо будут!
Того не может быть, как тот настанет век,
Чтоб был с собой во всем там сходен человек.
Там воля разуму престанет быть преслушна,
Сердца там твердые, и мысль великодушна.
А если более не будет там страстей,
Так я не буду, князь, любовницей твоей.
О тайна, скрытая от разума богами,
Ты в непостижности оставленна судьбами!

Гостомысл. К чему ты, дщерь моя, приводишь то на ум?
Освободи себя от тяжких оных дум:
Ты ими мучишься и растравляешь рану.

Ильмена. Я скоро, отче мой, от них свободна стану.
Но в горести сии все ты мне приключил:
Уже ли зришь, что ты послушну мя взростил?
Как страсть любовная меня ни колебала,
И быв любовницей, я дщерью пребывала.
Когда скончаюся, воспоминай меня
И памятуй о мне, те милости храня,
Которы от тебя я с малых лет имела,
И что, терзаема тобой, тебя жалела,
Что ты, отечества престольный спасши град,

Спасением его своих лишился чад.
Не знаешь, близко ль час с тобой моей разлуки
И не в последние ль твои целую руки.

Гостомысл *(обняв Ильмену)*. О дщерь моя, престань смущати
дух отцов!

Ильмена. Смущение легко бываемо от слов,—
Увидя действие, ты возмутишься боле.
Не будешь дочь свою ты зрети на престоле.
Возлюбленна душа драгого моего,
Коль свет присутствия лишился твоего,—
Он пуст в моих очах и взору неприятен!
О Трувор, если глас живущих мертвым внятен
И может грусть моя пронзить твой крепкий сон,—
Внемли, хотя в мечте, сей жалобный мой стон
И, утесняемой немилосердым роком,
Оставь мою вину, что в случае жестоком
Была принуждена тебе я изменить,
Изгнание нанесть и век твой прекратить!
Прежалостная тень! о тень окровавленна!
Познай, как днесь моя душа обремененна!
Познай, мой князь, тоску, в которой стражду я,
И жертву ту, что даст тебе любовь моя!
Кого ты отняла, о строга добродетель!
А ты, который был конца его свидетель
И как был верен он возлюбленной своей,
Теперь свидетелем будь смерти и моей!

(Закололась.)

Гостомысл. Возьми от глаз моих сие бездушно тело.
Чье сердце, как мое, толико бед терпело!

Явление 4

Гостомысл один

Хвалу, бессмертные, я воссылаю вам,
Что, к таковым меня произведя бедáм
И в жесточайшие низвергнув мя печали,
Великодушия вы мне довольно дали!

Явление последнее

Гостомысл, Синав и воины

Синав. Мой друг! известен ли о брате ты моем?

Гостомысл. Известен, государь! известен я о всем.

Синав. Я страсть любовную, но вредну мне и люту,
Конечно, получил в несчастнейшу минуту.
Я брата восхотел на время отдалить,

Чтоб мог он, отдален, Ильмену позабыть
И к удержанию дражайшего мне братства,
Чтоб радостям моим не сделал он препятства.
Но рок сей вымысл мой совсем переменил
И с Трувором меня на вечность разлучил!
Прогневал вас Синав, прогневал вас, о боги!
И преступления мои пред вами многи.
Когда б меня любовь не так смертельно жгла,
Я б избежати мог соделанного зла;
Да страсть моя меня толико покорила,
Что весь рассудок мой в безумство претворила,—
А то безумство мне приятно и теперь:
Люблю как душу я твою прекрасну дщерь,
И в сей тоске она в уме моем летает —
Ничто от разума ее не отвращает;
Но не тираном ли кажусь ее очам,
Став тяжким бременем любовничьим сердцам.
О, как несчастлив я!

Гостомысл. Хоть горько ты стонаешь,
Но всех своих еще несчастий ты не знаешь.

Синав. Что есть еще? Скажи, что сделалось со мной?

Гостомысл. Ильмена навсегда рассталася с тобой.

Синав. Рассталась навсегда?

Гостомысл. Взгляни на ток сей кровный
И сотвори конец днесь мысли ты любовной,—
Се кровь Ильменина.

Синав. Скончалась дочь твоя?

Гостомысл. Тут вышел предо мной из тела дух ея.
На месте сем она кинжалом грудь пронзила.

Синав. Уже ты все теперь, судьбина, совершила!
Ты все свирепости явил, о рок, на мне:
Представил ты меня тираном сей стране
Иль злейшей фурией, изверженной из ада,—
Я с братом вшел в вражду, изгнал его из града,
Смутил его весь ум, низверг его во гроб —
И к умножению творимых мною злоб,
Каких и дикие в лесах не знают звери,
Лишил при старости отца любезной дщери —
Героя, коим град сей целость удержал
И кто Синава здесь короною венчал.
Без пользы мучил дух красавицы дражайшей,
Горчайшу сделал жизнь из жизни ей сладчайшей
И от приятнейших Ильмениных очей

Навеки отлучил свет солнечных лучей...
Покоясь, учинив конец своей судьбине,
О, коль пресчастливы любовники вы ныне!
Вас весь жалеет град, оплакивая вас,
А я стал мерзостью народною в сей час;
Злодейски жалобы с раскаяньем бесплодным
Без жалости уже текут к сердцам народным.
О, жесточайша часть! о солнце! небеса!
Какого дождался́, о боги, я часа́!

Гостомысл. Тираном, государь, назвать тебя не можно.
А что несчастлив ты — несчастлив ты не ложно.
Но пользует ли уж стенание тебе?
Ищи ты крепости и мужества в себе:
То время протекло, в которо можно было
Несчастье удалить, что дух твой огорчило.

Синав. Я пролил кровь твою, не ты ее лила;
На что, увы! на что ты стала мне мила!
Не ты кинжалом грудь прекрасную пронзила —
Моя рука тебя, моя рука сразила!
Ильмена, отпусти ты мне мою вину —
Кляну злодействие,— но поздно уж кляну!
На что я принуждал тебя толико злобно!
Ко́ль страсти истребить мне было неудобно,
Не мог ли своего пресечь я живота!
Увяла молодость, увяла красота,
Закрылись очи те, что кровь мою вспалили.
Вы, боги, взяв ее, всего меня лишили!
Чего ж я жду! пойдем в тьму вечную за ней.

(Вынимает шпагу, но Гостомысл с воинами вырывает шпагу из рук его.)

О, продолжители злой горести моей!
Вы отняли мой меч — в нем вся моя отрада:
Жить больше не хочу, отстав любезна взгляда.

(Падет в креслы.)

Претемный облак свет от глаз моих закрыл.
Прекрасно солнце! чем тебя я прогневил,
Что пламень твой меня уже не освещает?
Или в сей страшный день вселенна погибает?
Пронзают темноту лучи — преходит мгла?
Прешла — и небесам цвет прежний отдала.
Но что вы, воины, на мя смятенно зрите?
Куды вы от меня, куды вы все бежите?
Печальный Новград, ты рассеян ныне весь.
Скажи, Ильмена, мне, что приключилось здесь?
Кому ни говорю, никто не отвечает.

Где скрылся Гостомысл? что Трувор там стонает?
Но что ты весь в крови, возлюбленный мой брат?..
Ильмена на меня прегневный мещет взгляд!
Где я? скажите мне.

Гостомысл. Познай сии чертоги
И город, что тебе вручили править боги,—
Познай — и просвети свой омраченный смысл.

Синав. На что ты возвратил мне память, Гостомысл!

(Востает.)

О день! несчастный день! я мучусь нестерпимо.
О солнце! для чего еще ты мною зримо!
Разлей свои валы, о Волхов, на брега,
Где Трувор поражен от брата и врага,
И шумным стоном вод вещай вину Синава,
Которой навсегда моя затмилась слава!
О дом, где пролила свою Ильмена кровь,
Пади на мя, отмсти злодейску мне любовь!
Карай мя, небо: я погибель в дар приемлю —
Рази, губи, греми, бросай огонь на землю!

1750

ДИМИТРИЙ САМОЗВАНЕЦ

ТРАГЕДИЯ

Представлена в первый раз в 1771 году февраля 1 дня
на императорском театре в Санктпетербурге

(В сокращении)

Действующие лица

Димитрий Самозванец.
Шуйский.
Георгий, князь Галицкий.
Ксения, дочь Шуйского.
Пармен, наперсник Димитрия.
Начальник стражи.

Бояря и прочие.

Действие в Кремле, в царском доме

ДЕЙСТВИЕ I

Явление 1

Димитрий и Пармен

Пармен. Разрушь монархова наперсника незнанье!
Дней тридцать лишь твое внимаю я стенанье
И зрю, что мучишься на троне завсегда.
Какая предстоит Димитрию беда?
Блаженству твоему какая грусть мешает?

Или уже тебя престол не утешает?
Хоть был несчастлив ты, но век твой ныне нов.
То небо отдало, что отнял Годунов.
Не мог тебе злодей дверей во гроб отперти,
Судьбиною ты взят из челюстей злой смерти.
А истина на трон отцов тебя взвела.
Какие ж горести судьба тебе дала?

Димитрий. Зла фурия во мне смятенно сердце гложет,
Злодейская душа спокойна быть не может.

Пармен. Ты много варварства и зверства сотворил,
Ты мучишь подданных, Россию разорил,
Тирански плаваешь во действиях бесчинных,
Ссылаешь и казнишь людей ни в чем не винных
Против отечества неутолим твой жар,
Прекрасный стал сей град темницею бояр.
Отечества сыны все счастьем одинаки,
И здравие твое брегут одни поляки.
Восточной церкви здесь закон совсем падет,
Под иго папское царь русский нас ведет.
И ежели ко злу влечет тебя природа,
Преодолей ее и будь отец народа!

Димитрий. В законе Климент мя присягой обязал,
А польский мне народ услуги показал.
Так милости моей Россия не причастна,
Коль папской святости не хочет быть подвластна.

Пармен. Мне мнится, человек — себе подобным брат,
И лжеучители рассеяли разврат,
Дабы лжесвятости их черни возвещались
И ко прибытку им их басни освещались.
Нам наши пастыри того не говорят
И, с ними развратясь, судьбу благодарят.
Сложила Англия, Голландия то бремя,
И пол-Германии. Наступит скоро время,
Что и Европа вся откинет прежний страх
И с трона свержется прегордый сей монах,
Который толь себя от смертных отличает
И чернь которого, как бога, величает.

Димитрий. Толь дерзостно, Пармен, о нем не говори.
Сие светило чтут и князи и цари!

Пармен. Не все к нему, не все усердным сердцем тают,
Но многие его притворно почитают,
И виден только в нем вселенский патриярх,
Не мира судия, не бог и не монарх.
А папа вить не всех людей скотами числит,
Разумный человек о боге здраво мыслит.

Димитрий. Во умствовании не трать напрасно слов.
Коль в небе хочешь быть, не буди философ!
Премудрость пагубна, хотя она и льстивна.

Пармен. Премудрость вышнему быть может ли противна?
Исполнён ею, он вселенну созидал
И мертву веществу живот и разум дал.
На что ни взглянем мы, его премудрость видим,
Или, что в боге чтим, в себе возненавидим?

Димитрий. Премудрость божия непостижима нам.

Пармен. Так Климент оныя не постигает сам.
К понятию ея ума пределы тесны,
Но действа божества в творении известны.
И если изострим нам данные умы,
Что папа ведает, узнаем то и мы.

Димитрий. За дерзость будешь там ты мучиться вовеки,
Где жажда, глад, тоска и огненные реки,
Где скорбь душевная и неисцельных ран.

Пармен. Димитрий будет там, когда он стал тиран.

Димитрий. Я ведаю, что я нежалостный зла зритель
И всех на свете сем бесстыдных дел творитель.

Пармен. Так должно от таких дел страшных убегать.

Димитрий. Нет сил и не могу себя превозмогать.
Затмится росска честь и действия геройски,
Почтут отцом отцов мои все папу войски,
Оружием ему я церковь покорю.
Коль хочет царь того, удобно то царю.

Пармен. Во треволненное вдаешься, царь, ты море,
А тщася учредить Москве и россам горе,
Готовишь ты себе несчастливый конец;
Колеблется твой трон, с главы падет венец.

Димитрий. Российский я народ с престола презираю
И власть тиранскую неволей простираю.
Возможно ли отцом мне быти в той стране,
Котора, мя гоня, всего противней мне?
Здесь царствуя, я тем себя увеселяю,
Что россам ссылку, казнь и смерть определяю.
Сыны отечества — поляки будут здесь;
Отдам под иго им народ российский весь.
Тогда почувствую, последуя успеху,
Я сан величества и царскую утеху,
Когда притом и то я в добычь получу,
Что я давно уже иметь себе хочу.

А ежели сие, мой друг, не совершится,
Димитрий множества спокойствия лишится.
Грызеньем совести я много мук терплю,
Но мука мне и то, что Ксению люблю.

Пармен. У Ксении жених, а у тебя супруга...

Димитрий. Я чту тебя, Пармен, как верного мне друга.
Так я не кроюся. Могу прервати брак,
И тайный яд мою жену пошлет во мрак.

Пармен. Объемлет трепет...

Димитрий. Ты пугаешься напрасно.

Пармен. О действии таком помыслити ужасно.

Димитрий. Я к ужасу привык, злодейством разъярен,
Наполнен варварством и кровью обагрен.

Пармен. Супруга пред тобой нимало не виновна.

Димитрий. Перед царем должна быть истина бессловна;
Не истина — царь, — я; закон — монарша власть,
А предписание закона — царска страсть.
Невольник тот монарх, кто презрит те забавы,
В которых вольности препятствуют уставы,
И если б был таков порфироносца век,
Так был тогда б и царь подвластный человек,
И суетно бы он для подданных трудился,
Когда б, как подданный, он истиной судился.

Пармен *(особливо)*. Потщусь от варварства супругу обрегать.
(Димитрию.) В геенну ты себя стараешься ввергать.

Димитрий. О Климент! Если я в небесном буду граде,
Кому ж мучение готовится во аде?!

Явление 2

Димитрий, Пармен и страженачальник

Начальник. Великий государь, смущается народ,
И все волнуются, как бурей токи вод.
Иной отважился и ясно то вещает,
Что он против царя и скиптра ощущает.

Димитрий. Какой на площади плетется ими вред?
Я скоро прекрачу сей мерзкой черни бред.

Начальник. Не смею, государь, то точно повторяти.

Димитрий. Вещай! А россов я умею усмиряти.

Начальник. Что ты не царский сын, которым ты явлен,
Что он во Угличе неложно умерщвлен.
Отрепьевым тебя в народе именуют,
Твою историю вот тако знаменуют:
Что ты из общества монашеска ушел
И в Польше ты себе убежище нашел
И, тамо обманув и тестя и невесту,
Дошел обманами к престола царска месту;
Что днесь колеблется поляками сей трон
И церкви западной ты вводиши закон;
Что ты безбожия и наглостей рачитель,
Москвы, России враг и подданных мучитель.

Димитрий. Надеждну стражу мне поляками умножь
И духа яростью еще не востревожь!
Внимать извéргов сих не станет больше мочи.
Представь мне Шуйского и с дочерью пред очи!

Явление 3

Димитрий и Пармен

Пармен. Когда тебя судьба на трон такой взвела,
Не род, но царские потребны нам дела.
Когда б не царствовал в России ты злонравно,
Димитрий ты иль нет, сие народу рáвно.

Димитрий. Мятеж — от Шуйского,— в лице его то зрю.
Когда во друга я врага не претворю,
В сей день пожрет его, пожрет земли утроба,
Отверзу и ему и Ксении дверь гроба.

Пармен. Остановляется моя сей речью кровь.
Неслыханную к ней имеешь ты любовь.

Димитрий. Любовь геройская во мщение преходит,
Когда взаимственной утехи не находит,
И ежели княжна пренебрежет сей страх,
Цветущу розу я преобращу во прах.
Когда противится монаршей нежной страсти,
Противится она законной царской власти.

Явление 4

Димитрий, Пармен, Шуйский и Ксения

Димитрий. Мне дерзкой площади известен наглый шум
И основание ее коварных дум.
Сие московские вельможи утверждают
И благоденствие престола повреждают.

Шуйский. Неважен черни шум, то только звук пустой;
Их лай разносит ветр, исчезнет он...

Димитрий. Постой!
Мне тайны твоея нельзя проникнуть боле,
Все ясно: на моем быть хочешь ты престоле.

Шуйский. Чтоб я монархом был преславной сей стране,
Не всходят и на ум такие мысли мне.
Ты — наш монарх и сын монарха Иоанна,
В соборной церкви нам глава твоя венчанна.
Тираном был у нас злонравный Годунов,
Ты грозен, праведен: отец твой был таков.
Роптанье на тебя злочестные сугубят:
Тати, пияницы, а прочие все любят.
По нужде днесь ты лют, но будешь милосерд:
Великий государь! в Москве престол твой тверд.

Димитрий. Безумцем ты меня, лаская мне, не числи:
Со взором, с речью сей твои не сходны мысли.
Будь истинный мне друг, то дружество храня.

Шуйский. Я — твой послушный раб.

Димитрий. Пармен, оставь меня!

Явление 5

Димитрий, Шуйский и Ксения

Димитрий. Что ты передо мной в речах не лицемерен,
В том быти я хочу действительно уверен.
Мой рок любовию всю кровь мою зажег,
Так дай ты Ксению мне дружества в залог.

Ксения. Меня?

Шуйский. Супругу ты имеешь.

Димитрий. Законом та римлянка;
Благочестивая потребна россиянка.

Ксения. Я сердцем со другим давно сопряжена.

Димитрий. Так ты не хочешь быть монархова жена?

Ксения. Не отвратит меня сияние короны,
Ниже всея земли и скипетры и троны
От нынешней моей к любовнику любви,
И не погаснет жар, горящий во крови,
Которым полон ум, которым чувство тает,
И вечно в сердце сем Георгий обитает.

Димитрий. Но смерть тебя и с ним удобна нискосить,
И жар с обеих стран любовный погасить.

Ксения. Тогда навеки мы друг друга позабудем,
А прежде никогда неверны мы не будем.

Димитрий. Никак забыла ты, кому даешь ответ?
Страшишься ль смерти ты, мучений, казней?

Ксения. Нет!

Димитрий. Так ты готовься к ним в отважности без страха,
Не будет твоего на свете сем и праха.
О небо! Истиной ко мщению бегу,
Тужа, что, жизнь отняв, терзати не могу.
Подвигнул бы теперь ад, море я и сушу
И вечно бы терзал я Ксениину душу.

Шуйский. Не буди, государь, так ею прогневлен,
Такой ея упор от младости явлен.
Коль толь очам твоим ея прекрасно тело,
Вручи родителю ее сие ты дело:
Я мысли дочери, конечно, пременю.

Ксения. Я честность верности до гроба сохраню.
Или ты должности родительской не внемлешь,
Что мя соделати неверной предприемлешь?
Все тщетно, как бы ты меня ни увещал.

Шуйский. Исполню то, что я исполнить обещал,
И образумится несмысленная дева.
Пожди и умеряй жар праведного гнева.

Димитрий. Увещевай ее, колико льзя тебе.

Ксения. Не воображай меня супругою себе.

Явление 6

Шуйский и Ксения

Шуйский. Возникни, истина, к народной обороне!
Недолго, враг Москвы, пребудеши в короне.

Ксения. Но ты ему теперь иное говорил.

Шуйский. Не мни, чтоб истину злодею я открыл:
Твоя несмысленность и неискусна младость
Посеяли в тебе одну любови сладость.
Стремишься к роскоши прямым путем идти;
Притворностью к ней путь стремися ты найти,
Когда имеем мы с тираном сильным дело,
Противоречити ему не можем смело.
Обман усилился на трон его венчать;
Так истина должна до времени молчать,
Доколь низвержется сие с России бремя.
О боже! Дай Москве и нам покойно время!

Ксения. Тиран отъемлет жизнь мою, меня разя.

Шуйский. Обманывай его, притворствуй, сколько льзя,
Надежду подавай, в нем сердце распаляя
И варварство его любовью утоляя,
Во воздыхание преобращая гнев.
Любви покорствует змея, и тигр, и лев,
И звери дикие свирепство оставляют,
Как нежной роскоши приветствия являют.

Ксения. Сей варвар аспида и василиска´зляй.

Шуйский. Отчаянную мысль, как можешь, удаляй,
Которою свой дух толико ужасаешь,
И помни, что отца, любовника спасаешь,
А к ним приобщено отечество твое:
Москва, Россия вся...

Ксения. Мне вестно все сие;
Но исполнение сего весьма мне трудно.
Избавь Россию мной, о небо правосудно!

ДЕЙСТВИЕ II

Явление 1

Георгий и Ксения

Георгий. Язык мой должен я притворству покорить,
Иное чувствовать, иное говорить
И быти мерзостным лукавцам я подобен.
Вот поступь, если царь неправеден и злобен.

Ксения. Блажен на свете тот порфироносный муж,
Который не теснит свободы наших душ,
Кто пользой общества себя превозвышает
И снисхождением сан царский украшает,
Даруя подданным благополучны дни,
Страшатся коего злодеи лишь одни...

(Георгий и Ксения сетуют о бедствиях России. Димитрий издевается над Георгием; тот не может смолчать, и стража арестует его. Ксения также нарушает обещание лицемерить, данное отцу. Подоспевший Шуйский уверяет Димитрия, что Ксения будет послушна. Пармен сообщает, что народ волнуется сильней, однако Шуйский обещает возвратить верность подданных монарху.)

ДЕЙСТВИЕ III

Явление 1

Шуйский и Пармен

Пармен. Я мысли мрачные злодею просветил
И новы ярости сколь можно укротил.
Георгия от уз тиран освобождает,

Довóд мой гнев его по нужде побеждает.
Наперсником его я был бы верен ввек,
Коль добродетельный он был бы человек,
Но сын отечества, член росского народа...

Шуйский. Димитрия на трон взвела его порода.

Пармен. Когда владети нет достоинства его,
Во случае таком порода ничего.
Пускай Отрепьев он, но и среди обмана,
Коль он достойный царь, достоин царска сана.
Но пользует ли нам высокий сан един?
Пускай Димитрий сей монарха росска сын,
Да если качества в нем оного не видим,
Так мы монаршу кровь достойно ненавидим,
Не находя в себе к отцу любови чад.
Коль нет от скипетра во обществе отрад,
Когда невинные в отчаянии стонут,
Вдовы и сироты во горьком плаче тонут;
Коль, вместо истины, вокруг престола лесть,
Когда в опасности именье, жизнь и честь,
Коль истину сребром и златом покупают,
Не с просьбой ко суду — с дарами приступают,
Коль добродетели отличной чести нет,
Грабитель и злодей без трепета живет
И человечество во всех делах теснится,—
Монарху слава вся мечтается и снится.
Пустая похвала возникнет и падет,—
Без пользы общества на троне славы нет.

Шуйский. Царю и обществу я всяких благ желаю.

Пармен. А я на небеса молитвы воссылаю.
Спасай отечество, Георгия, себя
И деву страждущу, рожденну от тебя!

(Шуйский убеждает Георгия и Ксению в необходимости скрывать чувства. Георгий оправдывается в своей вспышке и вновь вместе с Ксенией обещает притворяться перед Димитрием.)

Явление 5

Димитрий, Георгий и Ксения

Димитрий. Покорствуете ли предписанной судьбине?

Георгий. Все ясно рассмотрев, покорны оба ныне.

Димитрий. Во мзду сей жертвы мне, я все прощаю вам,
Но впредь не то явлю толь наглым я рабам.
О правосудия плоды, вы мщенью вкусны,
Как женской слабости вы кажетеся гнусны!

Быть пользою чему подлейша может тварь,
А мучить весь народ единый может царь,—
Благополучия се в мире совершенство!

Георгий. Но всенародное устроити блаженство
Удобно в свете сем ему же одному.
Ласкательно и то величью твоему.

Димитрий. Блаженство завсегда весьма народу вредно:
Богат быть должен царь, а государство бедно.
Ликуй монарх, и все под ним подданство стонь!
Всегда способнее к труду нежирный конь,
Смиряемый бичом и частою ездою
И управляемый крепчайшею уздою.

Георгий. Способствует трудам усердье и закон.

Димитрий. Самодержавию к чему потребен он?
Узаконения монарши — царска воля.

Георгий. Самодержавие — России лучша доля.
Мне думается, где самодержавства нет,
Что любочестие, теснимо, там падет;
Вельможи гордостью на подчиненных дуют,
А подчиненные на гордых негодуют.
Не сын отечества — отечества злодей,
На троне ищущий из подданных судей.
Правленья таковы совсем России новы,
Коль нет монарха в ней, власть — тяжкие оковы.
Несчастна та страна, где множество вельмож:
Молчит там истина, владычествует ложь.
Благополучна нам монаршеска держава,
Когда не бременна народу царска слава.
И если властвовать ты будешь так Москвой,
Благословен твой трон и век России твой.

Димитрий. Я слышу таковы нередко женски басни.
Сияй Москва или хотя навек угасни,
Пускай живут мои народы в ней стеня,
Не для народов — я, народы — для меня,
А ты мя к милости на то увещеваешь,
Что Ксению еще имети уповаешь.

Георгий. Но досаждаю ли предлогом сим царю,
Когда я истину и в страсти говорю?
Я знаю то, что я царю во всем подвластен.
Но жар моей любви короне непричастен.
Мое ль то, что закон естественный дает?

Димитрий. У вас имения и собственности нет.
Ты — князь, князь Галицкий и отрасль Констан-
тина,

Однако предо мной ты тень и паутина:
Все божье и мое.

Георгий. Себе я свой ли сам?

Димитрий. И ты принадлежишь царю и небесам!
А будучи моим, своим себя не числи.

Георгий. Моя ль во мне душа, кровь, сердце, ум и мысли?

Димитрий. То все не для тебя. В тебе сотворено,
Но богу то и мне совсем покорено.

Георгий. Но бог свободу дал своей последней твари,
Так могут ли то взять законно государи?
Властительны они законы пременить,
Но может ли их власть неправду извинить?

Димитрий. Не приключайте вы душе моей тревоги.
Пойди под стражу ты в назначенны чертоги,
Моя любезная, прекрасная княжна,
А взавтре будеши Димитрию жена.
Ты плачешь?

Ксения. Я тебе стараюсь быть подвластна,
Колико я, увы, Георгием ни страстна.
(Георгию.) Неожидаемой покорствуя судьбе,
Преодолей себя, колико льзя тебе!

Явление 6

Димитрий и Георгий

Димитрий. Ты худо следуешь, Георгий, повеленью.
Смущаешься.

Георгий. Стремлюсь любви ко одоленью.

Димитрий. Бледнеешь.

Георгий. Нет... креплюсь... колико станет сил...
Ты знаешь, государь, что Ксении я мил,
И без смятения нельзя ее оставить.

Димитрий. Но сердце наглое старайся ты исправить,
А беспрепятственно волнуй лишь тамо страсть,
Где выше смертных сан и полномочна власть.

Георгий. Цари и цесари колико ни преславны,
Но в нежности любви и раб и цесарь равны.
Людей боготворит едина только лесть;
Несходны должности — и различная честь,
Определенная достоинству награда.
Царь — подданных отец, а подданные — чада.

Мы все рождаемся и краткий век живем:
Вельможа, царь и раб, и все потом умрем.
Пещера малая, скрывающая сира,
И победителя равно сокроет мира.
Оставим хижину, отшед из света вон,
Оставит и монарх великолепный трон.
Во всех нас действует равенственно природа:
И в обладателе подвластного народа,
Как и в родившемся незапностью рабе,
И все подвержены естественной борьбе.
Премены чувствуешь ты в царском сердце гневном,
Их чувствую и я во сердце, днесь плачевном.
Услыши, боже мой, молитву ты мою,
Зри слезы, кои днесь перед тобою лью,
Прости от горних стран божественную руку
И злую отврати со Ксенией разлуку!
В тебе спасение, в тебе я льщусь найти,
Не дай несчастному в отчаянье прийти!

Димитрий. По увещании родительском и многом,
Терзайся, рвись, рыдай и сетуй перед богом,
А мне приятно то, когда страдаешь ты,
Зря в области моей [1] любезны красоты.

(Получив новое известие о готовящемся бунте, Димитрий вручает Пармену приказ умертвить всех московских бояр и священников, приговаривает Шуйского и Георгия к казни; стража уводит их в темницу.)

ДЕЙСТВИЕ V

Явление 1

Димитрий *(один). (Занавес подымается: Димитрий спящий сидит на креслах, возле него стол, на котором царские утвари, и, проснувся, говорит:)*

Довольно я терплю душевных огорчений.
Не умножайте вы, мечты, моих мучений!
Мне все приснилося, чем страшен мне сей град,
И весь перед меня предстал ужасный ад.

Слышен колокол.

В набат биют! Сему биенью что причина?!

(Востает.)

В сей час, в сей страшный час пришла моя кончина.
О ночь! О грозна ночь! О ты, противный звон!
Вещай мою беду, смятение и стон!

[1] В моей власти.

Трепещет дух во мне... Сего не знал я прежде...
Объят отчаяньем, и нет путей к надежде.
Дом царский зыблется, колеблется чертог...
О боже!.. Но меня оставил верно бог,
А люди моего гнушаются и виду...
Смотрю прибежища... Не зрю... В геенну сниду.
Во преисподнюю ступай, душа моя!
Правитель естества! и там рука твоя!
Исторгнешь мя на суд из адския утробы.
Суди и осуждай за все творимы злобы;
И человечества я враг, и божества;
Против я шел тебя, против и естества...
Весь воздух восшумел, враги вооруженны,
У стен моих палат ярятся приближенны,
А я бессильствую, их наглости внемля...
Все, все против меня: и небо и земля...
О град, которым я уж больше не владею,
Достанься ты по мне такому же злодею!

Явление 2

Димитрий, стражи и страженачальник

Начальник. Весь Кремль народом полн, дом царский окружен,
И гнев во всех сердцах против тебя зажжен.
Вся стража сорвана, остались мы едины.

Димитрий. Не может быть ничто жесточе сей судьбины!
Пойдем!.. Повержем!.. Стой!.. Ступай!..
Будь здесь!.. Беги
И мужеством число врагов превозмоги!
Бегите, тщитеся Димитрия избавить!..
Куда бежите вы?.. Хотите мя оставить?
Не отступайте прочь и защищайте дверь!..
Убегнем... Тщетно все, и поздно все теперь.
Введите Ксению.

Явление 3

Димитрий *(один)*. Не трона отлученье —
Важнейшее мое, тягчайшее мученье,
Но то, что в ярости лютейшей я горю
И услаждения в отмщении не зрю,
В крови изменничьей, в крови рабов виновных,
В крови бы плавал я и светских и духовных,
Явил бы, каковы разгневанны цари,
И кровью б обагрил и трон и олтари,
Наполнил бы я всю подсолнечную страхом,
Преобратил бы сей престольный град я прахом,
Зажег бы град я весь, и град бы воспылал

И огнь во пламени до облак воссылал.
Ах, суетно сии мя мысли утешают,
Когда меня судьбы́ отмщения лишают.

Явление 4

Димитрий, Ксения и стражи

Димитрий. Внимая бунта шум, ты в радости не мни,
Что нежности твоей не кончилися дни.
Как скоро ты меня узришь не на престоле,
Не будешь ты часа́ на этом свете боле;
Удар, который мя изменою разит,
Моею и в тебя рукой кинжал вонзит,
Ты узницей умрешь — не царскою супругой.

Ксения. Достойна смерти сей какою я преслугой?

Димитрий. Любовница и дочь предателей моих!
Когда они спаслись, так ты умри за них!
И сим уж ты винна, что тех народов дева,
Которы моего достойны царска гнева.

Ксения. Не страшен более несчастный мне конец,
Когда спасенны мой любовник и отец.
Единыя такой боялась я разлуки.
Омой невинною моею кровью руки,
Когда ни милости, ни сожаленья нет;
Кончай плачевну жизнь во дни цветущих лет!
Не удивится ли Россия и вселенна,
Услыша, что тобой девица умерщвленна,
Толико близко быв у сердца твоего,
Ко раздражению не сделав ничего?!
Не ждет родитель мой моей невинной казни,
Ни город наш ко мне такой твоей приязни.
Не думает никто, что я их долг плачу
И пол чертогов сих я кровью омочу.

Димитрий. Прельстившемуся мне, прекрасная, тобою
Одни уж мысли — зреть тя мертву пред собою.
Зрю сам, колико ты в сии часы бедна,
Но ты к отмщенью мне осталася одна.
Винна ли ты иль нет, будь винна града жертва.
Доколь не свергнуся с престола, буди мертва!..
В преддверии моем я слышу стук и треск,
Пришли минуты злы, короны тьмится блеск.
Готовься ощущать караемую злобу!

(Хватает ее за руку, вынимает кинжал и подымает на нее.)

Жди смерти и умри, предшествуй мне ко гробу!

Явление последнее

Димитрий, Ксения, Шуйский, Георгий и воины

Георгий Какое зрелище!

Шуйский. Свирепая душа!

Димитрий. Лишайтеся ее, престола мя лиша!

Георгий *(несколько приближася к нему).*
Когда ты чьей-нибудь погибели желаешь,
Смягчи суровство мной, в котором ты пылаешь!
Георгий — твой злодей.

Шуйский. Не он, не дочь моя
Виновны пред тобой. Начальник бунтов — я.

Димитрий. Когда содеяти хотите ей пощаду,
Ступайте вон отсель и объявите граду,
Что я им дарствую и милость и приязнь,
Или над сей княжной свершится града казнь.

Шуйский. За град отеческий вкушай, княжна, смерть люту!

Георгий. Стремится на меня зло все в сию минуту!..
Судьбина, ждал ли я толь страшного часа!..
Вельможи и народ!.. Димитрий!.. небеса!..
Оставь невинную, моей лей токи крови
И сотвори конец несчастнейшей любови!

Димитрий. Мне жертва та мала к отмщенью моему.

Георгий *(отступив и обратясь к народу).*
Спасения лишен, на смерть лечу к нему.

(Бросаяся на него.)

Прости, любезная!

Ксения. Прости!

Димитрий *(устремився Ксению заколоть).*
Увяньте розы!

Пармен *(с обнаженным мечом вырывая Ксению из рук его).*
Прошли уже твои жестокости и грозы!
Избавлен наш народ смертей, гонений, ран,
Не страшен никому в бессилии тиран.

Димитрий. Ступай, душа, во ад и буди вечно пленна!

(Ударяет себя во грудь кинжалом и, издыхая, падущий в руки стражей.)

Ах, если бы со мной погибла вся вселенна!

Конец трагедии

1770

ТРЕСОТИНИУС

КОМЕДИЯ

(В сокращении)

Действующие лица

Оронт.
Клариса, дочь его.
Дорант, любовник ее.
Тресотиниус, Бобембиус, Ксаксоксимениус — педанты.
Брамарбас, офицер самохвал.
Эраст, забияка.
Подьячий.
Кимар, слуга Оронтов.

Зачата 12 генваря 1750, окончена генваря 13 1750. С. Петербург

Явление 1

Оронт и Клариса

Клариса. Нет, батюшка, воля ваша, лучше мне век быть в девках, нежели за Тресотиниусом. С чего вы вздумали, что он учен? Никто этого об нем не говорит, кроме его самого, и хотя он и клянется, что он человек ученый, однако в этом никто ему не верит.

Оронт. Безумная, он знает по-арапски, по-сирски, по-халдейски,— да диво, не знает ли он еще и по-китайски,— и на всех этих языках стихи пишет, как на русском языке.

Клариса. Пускай он и по-халдейски и по-китайски знает; однако он мне со всею своею премудростью не нравится, а для любови и одного нашего языка довольно.

Оронт. Да, тебе кажется довольно; а он не так сказывает, он говорит, что кто не умеет по-сирски и по-халдейски, тот еще не прямой человек. Вот так-то он сказывает.

Клариса. Ему такая и жена надобна, а я ни сирскому, ни халдейскому языку не училась.

Оронт. Я тебе одним скажу словом, что я хочу, чтоб ты за ним была.

Клариса. А я вам, батюшка, одним ответствую словом, что я лучше умру или в монастырь пойду, нежели буду за ним.

Оронт. А я говорю, что я тебя за него отдам. Я пойду на часок к соседу, а ты дожидайся здесь жениха своего: он севодни к тебе быть хотел; да будь же с ним учтива, ежели ты хочешь, чтоб я тебя любил.

Явление 2

Клариса. Что этого тяжеле на свете! Выдают меня за того, за кого я не хочу, и разлучают меня с тем, кого я люблю лучше жизни своей. О возлюбленный Дорант, какую ты сердцу моему делаешь горесть! А ты, Тресотиниус, какое ты приключаешь мне

мучение. Погибни ты и с сирским и с халдейским языком, и со всею своею премудростью!

Явление 3

Клариса и Тресотиниус

[Тресотиниус]. Прекрасная красота, приятная приятность, попремногу кланяюсь вам.

Клариса. И я вам попремногу откланиваюсь, преученое учение.

Тресотиниус *(выняв песню из кармана)*. Эта бумажка ясняе вам скажет, какую язву в сердце моем приятство ваше, то есть красота ваша, мне учинило, то есть сделало.

Клариса. Я верю вам, сударь.

Тресотиниус. Однако ж не поскучите ль послушать, а песенка сочинена очюнь-очюнь, подлинно говорю, что очюнь хорошо; да еще и хореическими, сударыня, стопами.

Клариса. Очень, сударь, хорошо; я вам верю, что эта песня хороша.

Тресотиниус. Она сочинена на голос «О места, места драгие» [1],— изволите послушать; да послушайте ж, сударыня.

Клариса *(особливо)*. Боже милосердый!

Тресотиниус *(читает)*.

Красоту на вашу смотря, распалился я, ей-ей!
Изволь меня избавить ты от страсти тем моей!
Бровь твоя меня пронзила, голос кровь зажег,
Мучишь ты меня, Климена, и стрелою сшибла с ног.
Видеть мне тебя есть драго,
О богиня всей любви!
Только то мне есть не благо,
Что живешь в моей крови.

Иль ты меня, спесиха слатенька, любезный свет,
Завсегда так презираешь, о! увы! моих злых бед!
Хоть, Климена, из-под тиха покажи мне склонный вид!
И не делай больше сердцу преобидных ты обид.
Не теряй свою тем младость,
Приклони ко мне себя,
Мысль моя увидит сладость,
Буду жить, ся не губя.

Клариса. Очень песня хороша...

Тресотиниус. Изволь-ка подале послушать.

Клариса. Нет, я уже довольна.

Тресотиниус. Как вам это слово кажется: «И не делай больше сердцу преобидных ты обид»? Не сильно ли это сказано? Изволь-ка далее-то ты послушать...

---

[1] Т. е. на мотив популярной песни на слова А. П. Сумарокова.

Клариса. Пожалуй, не трудись для меня больше, я уже довольна.

Тресотиниус. Хоть один куплет еще прочесть мне позволь.

Клариса. Пожалуй мне, я сама после прочту.

Тресотиниус. Изволь, красота моя, да только изволь прочесть с рассуждением, это вить не «О места, места драгие»: эту песнь и содержание ее не всяк разуметь будет, тут такие есть тонкости, что они и от многих и ученых закрыты. Правда, многим покажется, что это безделка; однако позвольте, моя государыня, сказать, что в этой безделке много дела, что я аргументально доказать могу.

Клариса. Я доказательств ваших не требую, и до споров я не охотница.

(Приходит Бобембиус с «ученым делом» к Тресотиниусу.)

Явление 5

Те ж и Кимар

Тресотиниус. Что за дело имеете вы до меня, государь мой?

Бобембиус. Некакой невежа спорил со мною, а спор наш состоял о литере «твердо»: которое «твердо» правильнее — о трех ли ногах или об одной ноге [1].

Тресотиниус. Вы, государь мой, задали мне многотрудную задачу, на что прошу дать мне время, для того что это дело не малое, подлинно говорю, что не малое. Ежели я смею спросить, вы, государь мой, которого мнения?

Бобембиус. Как ваша высоко-ученость и велико-мудрость думаете?

Тресотиниус. Я содержу, что «твердо» об одной ноге правильнее, ибо у греков, от которых мы литеры получили, оно об одной ноге, а треножное «твердо» есть некакой урод, не имущий с греческим «твердом» нималого свойства.

Бобембиус *(Кимару)*. Ты, высоко-благородный и высокопочтенный господин, которого мнения?

Кимар. Я противного мнения и «твердо» треножное «тверду» одноножному предпочитаю. У этого, ежели нога подломится, так его и брось; а у того хотя и две ноги переломятся, так еще третья останется.

Бобембиус *(Кимару)*. Хотя ты и не тем доводишь [2], однако правильно рассуждаешь.

Тресотиниус. А я против вас обоих спорю, да хотя б вас

---

[1] Сумароков пародийно воспроизводит действительные споры в академических кругах (Тредиаковского, Кириака Кондратовича и др.) о том, какое начертание буквы «т» (в азбуке означалась словом «твердо») следует принять для типографских шрифтов: подобное современному печатному («об одной ноге») или рукописному («о трех ногах»).

[2] Доказываешь.

и еще было больше, что прямое[1] «твердо» есть «твердо» одноножное, а треножное «твердо» есть урод.

Бобембиус. Ты спорь, да не бранись, «тверда» моего не поноси, я за него вступиться должен.

Тресотиниус. А я до последней капли чернил свое «твердо» защищать буду.

Бобембиус. Эдакий защитник мал.

Тресотиниус. У меня эдакие ученики, каков ты учен.

Бобембиус. Я как философ за себя не рассержусь; но за «твердо» свое так, как ритор, кровь свою пролить готов.

Тресотиниус. Твое «твердо» есть подлое и попремногу подлое, а мое благородное, и не только славено-российское, но и греческое.

Бобембиус. Мое «твердо» о трех ногах и для того стоит твердо, ерго[2] оно «твердо»; а твое «твердо» не твердое, ерго оно не твердо. Твое «твердо» слабое, ненадежное и потому презрительное, гнусное, позорное, скаредное...

Тресотиниус. А твое «твердо» не русское, не арапское, не сирское, не халдейское...

(Приходит Брамарбас и выгоняет педантов.)

Явление 8

Брамарбас, сержант и Кимар

Брамарбас. Я удивляюся, как они смеют с таким говорить человеком, который победами с великим Александром сравнялся,— люди, которых оружие в пере и в шиле состоит. *(Сержанту.)* Ты меня довольно знаешь, однако я думаю, что ты со мною без ужаса ни одного слова выговорить не умеешь? Так ли?

Сержант. Так, ваше превосходительство, от вашего высокородия вся вселенная трепещет.

Кимар. Мне о славных ваших победах еще никогда слышать не случилось.

Брамарбас. Я тебе объявлю. Некогда пришло мне в лоб пушечное ядро, хотя и на излете, которое меня с места не сдвинуло, а я, его ухватив, бросил назад и им человек с десять побил; вдругоредь остановил я один целый полк. Третье мое дело: одним взмахом ссек я двадцать голов. Четвертое мое дело: кулаком проломил я городскую стену. Пятое мое дело... Сержант, что бишь пятое-то дело?

Сержант. А пятое ваше дело, помнится мне, то, что мы, бежав от пьяного солдата, в беспамятстве бросились в реку и чуть было не утонули.

---

[1] Правильное, настоящее.
[2] ерго, ergo (лат.) — следовательно.

Брамарбас. Он человек шутливый и часто эдакие слова говорит.

Сержант. Для того часто эдакие говорю слова, что часто эдакие с нами истории бывают...

Явление 9

Те ж и подьячий

Подьячий. Кто здесь имеется господин Оронт?

Брамарбас. Оронта здесь нет, а я брат его; ежели ты какое имеешь до него дело, то говори со мною.

Подьячий. Я его благородию вчера сочинил договор.

Брамарбас. Подай. *(Брамарбас отдал ему назад.)* Я эдаких вздоров не читаю.

Подьячий. Однакожде, господин офицер, я слышал, что у вашего благородия из вотчин приехали.

Брамарбас. А тебе что до того дела?

Подьячий. Я слышал, что и запасу к вашей милости понавезли.

Брамарбас. Я все то денщикам своим в провиянт роздал.

Подьячий. Не имеется ли и для нашего брата у вашего милосердия в остатках? А у меня жена родила, так также и нас посещают патроны.

Брамарбас. Когда вы рождаетесь, так радоваться нечему.

Подьячий. Я это заявлю, господин мой, и буду на вас бить челом, так ты мне заплатишь бесчестье.

Брамарбас. Сержант, арестуй.

Подьячий. Как? Арестовать? Приказного служителя? Нас и в приказах не арестуют, и весь нам штраф только в том, что нас на цепь сажают. А ты это в противность правам делаешь.

Брамарбас *(указывает на свою шпагу)*. Вот право офицерское.

Подьячий *(указав на свое перо)*. Это хоть и не так остро, однако иногда колет сильняе и шпаги. Я этому дому при времени заслужу. Чаю, что Оронт тебе скажет когда-нибудь спасибо.

Брамарбас *(сержанту особливо)*. Пускай его идет: как с эдаким человеком свяжешься, так нескоро можно развязаться...

(Брамарбас безуспешно сватается к Клариссе; его выгоняет из дома Оронта друг Тресотиниуса, забияка Эраст.)

Явление 15

Оронт и Кимар

[Оронт]. Ты знаешь, Кимар, что seводни быть сговору; сходи по подьячего, чтоб он свадебный договор принес, который я ему написать приказал. А вот наш и жених; а вот и подьячий.

Явление 16

Оронт, Тресотиниус, Бобембиус, Ксаксоксимениус, Кимар и подьячий

Тресотиниус *(подьячему)*. Покажи мне, как ты написал, не ошибся ль ты в чем.

Подьячий. Исправно, благодетель мой, исправно.

Тресотиниус. Покажи.

(Подьячий показывает.)

Тресотиниус. Вас уж не переучишь, вы таки и не стараетесь, чтоб вам знать орфографию, то есть правописание; однако пускай уж так будет, только в заглавии поправь. «Запись» — тут поставь «зело».

Подьячий. Благодетель мой, у нас «зела» в приказах не пишут; ныне «зела» и в письменных азбуках нет.

Тресотиниус. Я хочу, и действительно хочу, чтоб стояло «зело», а не «земля» [1].

Подьячий. Да я «зела» и написать не умею.

Тресотиниус. Поскреби, я тебе напишу. *(Подьячий скребет, а Тресотиниус говорит.)* Такие это люди, что ничего доброго перенять не могут.

(Подьячий подает ему запись.)

Тресотиниус *(написал «зело»)*. Вот, та ж «запись», да лучше стала. Что ты написал, ежели господин Оронт, паче чаяния, в слове не устоит?

Подьячий. Я написал: и ему будет стыдно.

Тресотиниус. Нет, я этим не доволен, мне надобна неустойка [2].

Оронт. Я и неустойку написать готов для того, что я намерения своего не переменю.

Тресотиниус. Мне еще и того мало: надобны свидетели, я для того господина Бобембиуса и господина Ксаксоксимениуса сюды просил, чтоб они нашу запись засвидетельствовали.

Подьячий. У меня другая запись заготовлена, в которой и неустойка написана; неустойка в ней имеется в такой силе, что ежели господин Оронт в слове своем не устоит, то все его движимое и недвижимое имение отдать вам бесповоротно. Да как знал я, что и «зело», и не «землю» в заглавии написал.

---

[1] В 1740-е годы в употреблении были две буквы для обозначения звука «з»: («зело»), через которую писались слова «зело», «зло», «змiй», «звезда», «зверь», и («земля»), употреблявшаяся в других случаях. Тредиаковский предлагал «выключить» из гражданского шрифта «землю» и сохранить только «зело», потому что эта буква «не токмо, сколько возможно, подобна латинской букве, но и совершенно та ж самая фигурою с их буквою «S», называемою «ес».

[2] Штраф, взимаемый с нарушителя договора в пользу другой стороны.

Т р е с о т и н и у с. Покажи. *(Подьячий показывает.)* Хорошо, вижу, вижу, хорошо, и смотреть нечего, и все написано по орфографии. Видно, что в тебе путь есть. Достоин ты секретарем быть.

О р о н т. Я тотчас подпишу.

Т р е с о т и н и у с. Господин Бобембиус.

Б о б е м б и у с. Я свидетельствовать прежде не буду, покамест ты не признаешься, что треножное «твердо» правильнее одноножного.

Т р е с о т и н и у с. Я лучше умру, нежели эдакое неправедное и поносительное против одноножного «тверда» выговорю слово.

О р о н т. Господин Бобембиус, пожалуй для меня, не требуй этого от него; вы спор в другое время иметь можете; пожалуй, для старости моей, одолжите тем меня.

Б о б е м б и у с. Помните ж вы такие мои к вам услуги; эдакого снисхождения, какое я к вам имею, я и в древности не нахожу: смертную для вас презираю обиду. *(Подписывает.)*

О р о н т *(Ксаксоксимениусу)*. А ваше высокомудрие?

К с а к с о к с и м е н и у с. Подаждь ми перо, и абие положу знамение преславного моего имени, его же не всяк язык изрещи может. *(Подписывает.)*

П о д ь я ч и й *(подписывает)*. Теперь надобно эту запись запумерить. *(Выходит.)*

Явление 17

Т е ж, к р о м е п о д ь я ч е г о

О р о н т. Слава богу! дела наша сделана.

Т р е с о т и н и у с. Теперь я тебе терпеть больше уже не буду, когда ты что скажешь против грамматики, теперь уж ты в моих руках; «дела наша сделана» — это неправильно; надобно говорить: «дело наше сделано»; «дело» есть роду среднего, а не женского, а ты изжил век свой, а еще говорить не научился.

О р о н т. Ах! согрешил я, что я это сделал, ничего не видя,— уж он мною ругаться стал.

Т р е с о т и н и у с. Еще и бит будешь, ежели правильно говорить не научишься.

О р о н т. Ах! Погиб я!

Явление последнее

Т е ж, Д о р а н т и К л а р и с а

К л а р и с а. Батюшка, отпустите мне винность мою, что вы меня обмануть себя принудили: вот мой жених, и его имя в записи написано, а не Тресотиниусово; не жалуйте мне никакого приданого и хотя и наследства лишите, только простите мне мою вину и не разлучайте меня с тем, кто женится на мне не для богатства, да только для того, что он мил мне, а я ему мила.

Дорант. Я только той милости желаю, чтоб за мною дочь ваша была, а хотя вы приданого за нею и не пожалуете, я вас всегда как отца своего почитать буду.

Оронт. Не во сне ли это я вижу?

Тресотиниус. Ах! приказная душа, погубила ты меня.

Оронт. Я тебе, Клариса, даю благословение и половину своего имения, а как умру, то и все твое будет; а тобою я, дорогой зять, доволен. Вот, Тресотиниус, напрасно ты мне до времени грозить стал.

Тресотиниус. Я против вас наделаю сатир полтораста; а ты, Бобембиус, хоть радуйся несчастью моему, только ведай, что я с тем умру, что одноножное «твердо» треножного правильнее.

1750

ОПЕКУН

КОМЕДИЯ

(В сокращении)

Действующие лица

Чужехват, дворянин.
Сострата, дворянская дочь.
Валерий, любовник Состратин.
Ниса, дворянка и служанка Чужехватова.
Пасквин, слуга Чужехватов.
Палемон, друг покойного отца Валериева.
Старуха.
Секретарь.
Солдаты.

Действие в Санктпетербурге.

ДЕЙСТВИЕ I

Явление 1

Пасквин (*один*). Нет, ради всех сокровищей света не останусь я больше в этом поганом доме. Подлинно это правда, что каков поп, таков и приход. И может ли это быти, чтобы господин был бездельник, а слуги бы у него были добрые люди? Всего меня обокрали, а напоследок украли с меня и крест. Конечно, это кто-нибудь по обещанию подтяпал. Прости, Сострата! прости, моя возлюбленная Ниса! пришло вас покидать, хотя и не хочется. Здешние воры так хитры, что опи и душу у человека украсть могут; надобно отселе выйти, доколе я жив, а после будет поздно; потому что у тела, в котором нет души, ноги более не ходят.

Явление 2

Сострата, Ниса и Пасквин

Сострата. Что ты здесь один поговариваешь?

Пасквин. А поговариваю я то, что я во здешнем доме больше служить не намерен.

Ниса. А для чего?

Пасквин. А для того, что здешние люди, обокрав меня всёго, украли нынешнею ночью с меня и крест.

Сострата. Какой он был и велик ли?

Пасквин. Маленький и золотой.

Сострата. Так я тебе дам золотой и большой.

Пасквин. На нем же было вырезано мое имя и год и день моего рождения.

Сострата. И я это велю вырезать, и Пасквиново имя.

Пасквин. Это не прямое мое имя.

Сострата. Как же?

Пасквин. Прямое мне имя Валериян, потому что так на кресте у меня вырезано.

Сострата. Слышишь ли, Ниса? Так это и очень походит на правду, а я этого и не рассмотрела.

Пасквин. Я сроду не лыгал, и что крест у меня украли,— это правда, как и то правда, что я Валериян, а не Пасквин. А тебе где было это видети? вить ты моего креста не видала.

Сострата. Как же тебе имя-то переменили?

Пасквин. Нрав переменити у человека трудно, а имя легко. Я знал людей, которых подьячими называли; после дали им имена регистраторов, после секретарями называти стали, а потом судьями; имена им даваны новые, а нравы у них осталися прежние. А что я и Валериан, и Пасквин, так это может быть ради того, что я двойнишник. Да пускай я от отца и не два имею имени, и дано мне другое имя после, однако я тот же, и нрав у меня тот же, и имев у матери в брюхе себе я собеседника,— без беседы и поныне быть не могу, по присловице: каков в колыбельку, таков и в могилку, или лучше так о себе я скажу: каков вышел я из брюха, таков пойду я и во гроб, только лишь без товарища. Нрав очень редко переменяется: слуги здешнего дома воры были, воры ныне, воры и впредь будут.

Сострата. Слышишь, Ниса? Он и Валериян, и двойнишник.

Пасквин. Да у него же и крест украли.

Сострата. Я тебе уже сказала, что я тебе вместо украденного креста другой дам.

Пасквин. От того креста зависало все мое благополучие, а от этого оно зависать не будет.

Ниса. Как это?

Пасквин. Мне сказал хиромантик то, что я по тому кресту счастлив быть могу.

Сострата *(Нисе)*. Вот и это правдою пахнет. *(Пасквину.)* Только это не хиромантик был.

Пасквин. Конечно, хиромантик, почему это знати другому? А ежели вы этому не верите, так я вам его укажу и еще засвидетельствую им самим: а я его иногда и во здешнем видаю доме. Он у батюшки твоего бывает, и он-то меня ему во услужение и препоручил, подговорив меня у хозяина, у которого я в доме вырос.

С о с т р а т а *(Нисе)*. Я думаю, что все это дело сегодня же развяжется.

П а с к в и н. Трудно развязаться; воры здешнего дому очень хитры и таковы же в этом хитры, как их господин; у других сыщут они и чужое все, а у них ничего не сыщешь и своего собственного. Это они у ябедников переняли. А я в здешнем доме жить больше не хочу.

С о с т р а т а. Я прошу тебя, чтобы ты еще здесь побыл.

Н и с а. И я тебя прошу.

П а с к в и н. Да ежели бы я ведал-то, что будешь ты за Валерием, а ты за мною, так бы я на это согласился.

С о с т р а т а. Погоди только.

Н и с а. Только погоди.

П а с к в и н. Как ни годи, только тебе не бывать за мною, а тебе за Валерием.

С о с т р а т а. Погоди только.

Н и с а. Только погоди.

П а с к в и н *(Сострате)*. Дай же мне во уверение поцеловать ручку. *(Сострата дает ему руку.) (Нисе.)* А ты во уверение поцелуй меня.

Н и с а. Погоди немного.

П а с к в и н. Что это у тебя за пословица: погоди да погоди, да и госпожу-то этому же научила; конечно, ты подьяческая дочь?

Н и с а. Вот тебе во уверение рука моя: ее поцелуй.

П а с к в и н *(целует руку, и потом)*. Ну, я погожу; а что будет, увидим.

Явление 3

С о с т р а т а и Н и с а

С о с т р а т а. Вот, Ниса, не выходит ли чаяние мое истиною?

Н и с а. Да, пожалуй, растолкуй мне все это подробно.

С о с т р а т а. Выслушай. Этот бездельник, у которого мы ныне имеем несчастие жити в доме, как был помоложе, казался добрым человеком и хитростию своею все свои плутни преобращал в добродетель и вкрался в сердца многих. Притворство у несовершенно проникающих людей и у тех, которые о всем по своим сердцам рассуждают, более нагой добродетели имеет успеха; потому что добродетель редко хитростию укрепляется, хотя нагая добродетель от того часто и вредна бывает, и следственно тогда и она несколько — а иногда и гораздо — порочна. Батюшка мой по смерти поручил меня этому злодею, а я и при всем моем достатке претерпеваю ныне нужду. Твой батюшка был хотя и скудный человек, однако дворянин, а ты поручена по смерти от него этому плуту ныне служанкою в доме. Таким же образом, как мы, поручены ему Валерий и брат его. Валерий отдан был по счастью на воспитание приятелю отца своего, человеку разумному и богатому, после которого получил он и наследство, а о Валерияне слух носится, что он украден: намнясь, как были мы в день Валериева рожде-

ния у него, так он рассказывал, что он двойнишник и что вырезано на кресте у него, когда он родился, в доказательство, сколько ему лет, и что такая верная записка старым женщинам, которые молодятся и кокетствуют, убавляя себе бесстыдным образом лет по десятку, закрывая морщины белилами и румянами, конечно, не была б угодна, и что такой же крест надет и на брата его, который с ним родился. А я ныне нечаянно увидала у Пасквина эдакий крест и нарочно отрезала его у него почью, отчасти подумав: не брат ли уже он его, потому что от Чужехвата всякого бездельства надеяться можно; а теперь это дело уже не на издевку походит. И хотя я и не посмотрела, что на его кресте вырезано, не важным еще почет это дело, да только малое сумнение имев. Однако сказал уже Пасквин то, что на кресте его вырезано; и ежели этот не ему крест надлежит, так, конечно, он получил его от того, кому он от Валерияна достался, будучи маленький; а от этого о смерти Валерияновой великое подается сомнение. Надобно это дело поразведать. Я об этом поговорю с Валерием, а между тем посмотрю, то ли вырезано на кресте, что и у Валерия, тот ли год и число, и не по наслышке ли о Валерияне Пасквин это наговорил.

Н и с а. Что же бы за прибыль была в этом нашему Чужехвату, чтобы брата Валериева не было?

С о с т р а т а. Та прибыль ему, чтобы, потеряв его, овладеть его наследством; а в завещании написано, что ежели кто из братьев у них умрет, так наследник он по них за воспитание и труды.

Н и с а. Для чего же к этому выбрал он одного Валерияна?

С о с т р а т а. Валерия, видно, оставил он ради того, что очень бы уже подозрительно было обоих потерять младенцев колыбельных, а из двух их пал, видно, жребий на меньшого.

Н и с а. К изрядному попалися мы душеприказчику!

Явление 4

Т е ж е и Ч у ж е х в а т

Ч у ж е х в а т. Мерзкие, негодные, плюгавые, скаредные! Долго ли мне вас учить? Я думаю, что мне от вас до гробовой доски покою не будет!

С о с т р а т а. Что такое сделалось?

Ч у ж е х в а т. У Пасквина крест украли, а он жалуется да из дому вон хочет.

С о с т р а т а. Кража та, сударь, обыкновенное здесь ремесло, и кажется, можно уже вам привыкнуть к этому здешних людей бездельству и поменьше гневаться.

Ч у ж е х в а т. Не о том дело, что они крадут; пускай бы крали, не касаяся господскому и не у своих, так бы в доме помаленьку прибавлялось; а у своего украсти, так это из кармана в карман перекладывать да шум делать, а мне беспокойство. Пускай бы

крали: кто без греха и кто бабе не внук. А хотя бы по слабости что и у своих товарищей тихонько взять, да надобно концы хоронити, чтобы и не подумали, что свой взял. Тому-то я их учу, да дурака хотя век учи, так не научишь. А об этом говорю ли я, чтобы не крали. Вить они не на каторге, для чего у них волю отнимать? Кража невеликая вина, потому что она страсть общая слабости человеческой. Мошна — дело первое на свете: пуста мошна — пуста и голова. Давать ради Христа спасительнее, нежели просить ради Христа. Честь да честь! какая честь, коли нечего есть? До чести ли тогда, когда брюхо пусто? Пуста мошна — пусто и брюхо.

Сострата. Изрядное нравоучение!

Чужехват. Конечно, изрядное. Так лучше по твоему поступать нравоучению? Намнясь видел я, как честный-то по-вашему и бесчестный, а по-моему разумный и безумный, принималися. Бесчестный-ат по-вашему приехал, так ему стул, да еще в хорошеньком доме: все ли в добром здоровьи? Какова твоя хозяюшка? Детки? Что так запал? Ни к нам не жалуешь, ни к себе не зовешь? А все ведают то, что он чужим и неправедным разжился. А честного-то человека детки пришли милостыни просить, которых отец ездил до Китайчетого царства и был во Камчатном государстве и об этом государстве написал повесть; однако сказку-то его читают, а детки-то его ходят по миру, а у дочек-то его крашенинные бостроки, да и те в заплатах; даром то, что отец их во Камчатном был государстве, и для того-то, что они в крашенинном таскаются платье, называют их крашенинкиными[1].

Сострата. А ежели бы это дошло до двора, так, может быти, чтоб таких людей дети по миру таскаться и перестали.

Чужехват. А когда у кого что свое есть, так ему нет нужды, знает ли о нем двор или нет. Щей горшок, да сам большой; а горшок-ат равно варит, хотя купленый, хотя краденый. *(Оборотясь к Нисе.)* Так-то, Нисанька! Да что ты задумалась?

Ниса. Я о тебе, сударь, думаю.

Чужехват. Что такое?

Ниса. Я, сударь, не смею этого выговорить.

Чужехват. Говори, нет ничего: брань на вороту не виснет.

Ниса. Мне думается, что ты разбойник и что тебе быть повешену.

Чужехват. Туда и дорога; а что пожито сладко, так то мое, по присловице: что взято, то свято; а эта присловица законная и в приказах наблюдалася ненарушимо, разве ныне по новому уложенью отставится.

Ниса. А душа-та куда? Во ад?

Чужехват. На что заранее мучить себя; и тогда спастися можно, когда петлю накидывати станут. Да в том я, полно, и ви-

[1] Намек на бедственное положение после смерти отца детей академика С. П. Крашенинникова, автора книги «Описание земли Камчатки».

нен ли, что плутую? Потому что без воли божией ничего не делается, и не спадет со главы человеческой волос без воли божией; так я плутую по воле божией, по пословице: что ежели бы не бог, так бы кто мне помог.

Сострата. Бог плутам не помогает и дал человеку волю избирати доброе и худое, за одно обещая воздаяние, а за другое грозя наказанием. А кто противу совести своей святой не повинуется истине, так тот суетно уповает на милость божескую.

Чужехват. Святая истина! что это у тебя за святая? Ее и во святцах нет, так мы ей не молимся. А покаяние все грехи очищает; покаюся часа за два до смерти, да в те же войду в царство небесное ворота, в которые и вы; а что пожито послаще и жито, как хотелося, так то в барышах.

Сострата. Что вам это сделалося, что вы так бесстыдны стали под старость? Уж и я знаю, что вы не таковы были: а прежде сего все вас почитали добрым человеком, как я слышала. Ради чего вы прежде притворялися и старалися добрым казаться человеком?

Чужехват. Слыхала ли ты повесть о некоем попе римском?

Сострата. Нет, сударь.

Чужехват. Ты, Нисанька, слыхала ли?

Ниса. Я, сударь, эдаких повестей не слушаю.

Чужехват. Будешь же ты в раю.

Ниса. А для чего же не быть? Разве мое спасение от того зависает?

Чужехват. Как же не от того: вить бог грешника без попа простить не может, а вить и ты не без греха-то таки. Ты же девушка молоденькая, так хотя не делом, ин мыслию согрешишь: един бог без греха, а мы все грешники.

Ниса. Все грешники, сударь, да не все бездельники.

Чужехват. Все бездельники, от них же первый есмь аз.

Ниса. Конечно, ради того, чтобы тебе это слово чистосердечнее выговаривать.

Чужехват. Так-таки, Нисанька. А повести о попах читай: они грехи прощают.

Сострата. Они прощают именем божиим, а не своим; а они только свидетели.

Чужехват. Так вот, Нисанька, не все ли мы бездельники? И сам бог нам без свидетелей не верит.

Ниса. Я, сударь, богословии не училась.

Чужехват. Однако священников-то не презирай.

Ниса. Я и так их не презираю.

Сострата. Из чего вы это заключаете? К духовным добрый человек должен имети почтение, потому что они научают нас добродетели и собою примеры показывают. А презренны из них только те, которые этого недостойны имени.

Чужехват. Что ты это говоришь? Духовные презренны?

Сострата. Да, сударь, и не только духовные, и государи те

презренны, которые этого титла недостойны. Одни заключают нам пути ко временному благополучию, а другие к вечному. Одни за малейшие слабости людей казнят, а другие проклинают и, разными образами отъемля свободу, отягощают естество человеческое. А это мое толкование ни правосудным государям, ни добронравным духовным не может быти противно.

Ч у ж е х в а т. Вот, коли бы я тебя не велел учить, так бы ты эдакой наглости не имела и эдакого бы вздору не молола. Не о том дело,— слыхала ли ты о попе-то римском?

С о с т р а т а. Я вам уже сказывала, что не слыхала.

Ч у ж е х в а т. В Римском царстве, у соборной церкви был поп, здоровый человек, а ходил завсегда скорчася, чтобы смиреннее казался и чтобы за такое смирение сделали его поскорее ключарем, потому что это место там доходно, а молодых людей туда не избирают, не ведаю ради чего; а как его только выбрали, так он тотчас и разогнулся и стал так бодр, как ты, говоря причетникам церковным, которые его спрашивали, что ему вдруг за причина дала здоровье: «Я ради того ходил нагнувшися, что искал тогда ключа к церкви, а теперь на что мне корчиться и в землю смотреть, ключ этот я уже сыскал».

С о с т р а т а. Это рассказывают о Сиксте пятом.

Ч у ж е х в а т. В том нет нужды — о пятом или о десятом.

С о с т р а т а. Да к чему вы эту историю привязываете?

Ч у ж е х в а т. К тому-то, что я ради того лицемерил прежде, чтобы мне верили и не мешали разживаться. А теперь я уже доволен, так на что мне честное имя?

Явление 5

Т е ж е и П а с к в и н

П а с к в и н. Валерий пришел, сударыня, к тебе.

Ч у ж е х в а т. Напрасно он суетится; не видать его ей мужем, как ушей своих.

С о с т р а т а. Я хотя в зеркале увижу их. *(Отходит.)*

Ч у ж е х в а т. А ты, Нисанька, куда?

Н и с а. Куда люди, туда и я.

Ч у ж е х в а т. Нет, останься; я с тобой о некоторой поговорю нужде.

Явление 6

Ч у ж е х в а т и Н и с а

Н и с а. Что это, сударь, за нужда?

Ч у ж е х в а т. Ты знаешь, Нисанька, с каким я тебя возрастил попечением?

Н и с а. Да, сударь, я в вашем выросла доме. Да к чему это предисловие?

Чужехват. А к тому-то оно, что я хочу жениться, а это счастие сделаю тебе и учиню тебя участницею моего имения и моего сердца.

Ниса. Эдакой женитьбе и куры смеяться станут: мне семнадцать лет, а вам семьдесят.

Чужехват. Да я так бодр, как лучше быть нельзя, — и молодого детину заткну за пояс.

Ниса. Ты, сударь, бел, как лунь: изволь посмотреться в зеркало.

Чужехват. То-то и хорошо: без пудры белоголов; а ежели тебе надобен муж черноголовый или русый, так можно купить парик.

Ниса. А французов, которые снаружи убирают головы, навезено много.

Чужехват. Много за грехи наши; а таких не вывозят, которые бы нам головы внутри убирали.

Ниса. Ныне, сударь, во всем только об одной поверхности стараются, а о важности мало думают; так вот отчего у нас пустоголовых людей много.

Чужехват. А у меня не только голова, да и мошна не пуста, даром то, что она снаружи не нарядна и только из посконной холстины. Снаружи она убрана не по-французски, да в ней хорошо, по присловице, что не красна изба углами, красна пирогами. А этот пирог начинен не кашею, да золотом и серебром, а медные деньги мне не по мысли: пускай ясно видят безумцы, что медные деньги не то, что золотые и серебряные, и, платя при размене по три процента, верят тому, что и медные деньги такие ж, как золотые и серебряные, и что по положенной цене всякие деньги равны, из какого бы они металла и какой бы величины ни были.

Ниса. Однако я за тебя, сударь, не пойду, хотя бы ты был богатее турецкого султана.

Чужехват. Хотя ты теперь ко мне и холодна, однако когда о моих червончиках поболее подумаешь, конечно, поразгорячишься...

Явление 10

Чужехват, Валерий и Сострата

Чужехват. С роду моего я себе не представлял этого, чтобы женщина могла сопротивляться любви такого человека, у которого много денег, и это мне совсем неестественно кажется; деньги всего преимущественнее в мире, и потому-то, что человек их иметь может, и создан он по образу и по подобию божию. Естество две имеет души: солнце и деньги; солнце сотворил бог, а деньги сотворил человек; и потому-то он уподобляется создателю подсолнечныя, для того, что во всей подсолнечной ничего нет полезнее солнца и денег.

Сострата. Что это, сударь, такое?

Чужехват. Надобно скорее послать за лекарем: Нисаньке надобно кровь пустить.

Сострата. Да она совсем здорова, я ее теперь видела.

Чужехват. Даром то, что ты ее теперь видела; однако она в жестокой горячке и бредит, и в уме совсем повредилася.

Сострата. Из чего вы это заключаете?

Чужехват. Из того, что я хочу на ней жениться, а она за меня нейдет.

Валерий *(особливо)*. Кровь-то пустить надобно ему, а не ей.

Сострата. Это, сударь, удивительно, что она за вас нейдет.

Чужехват. Чудно и непонятно.

Валерий. Это мне чудно и непонятно, что она за вас не выходит; однако и то мне чудно ж и непонятно, ради чего вы за меня Сострагы выдать не хотите.

Сострата. И предпочитаете ему многих безумцев, которых вы мне в женихи избираете.

Чужехват. Коли вы меня это сказать принуждаете, так я вам это на прямые выговорю денежки: те, которых я избираю, люди или совершенно староманерные или совершенно новоманерные; а ты, друг мой, ни то ни се, ни мясо ни рыба и не следуешь никакой моде, ни прародительской, ни нынешней.

Валерий. Я следую, сударь, только чистосердечию, здравому рассудку, простоте природы и благопристойности вкуса; а эта мода никогда не переменяется, хотя и не всеми, да только одними теми последуема, которые достойны имени человеческого.

Чужехват. Однако кафтан-ат на тебе не по простоте природы сделан; волосы-то у тебя не по простоте природы; а о маншетах-то природа и не думывала.

Валерий. Я, сударь, и в этом нескоропостижен; а в таких мелочах на что от людей отставать: выдумывать моды — мелочь, отставать от моды — такая ж мелочь. На что платье выдумывать, когда такая выдумка ни малейшия славы не приносит? а отставать от моды разве ради того, чтобы дураки имели причину пересмехать и досаждать.

Сострата. Не моды, сударь, у вас в уме, да для того вы меня хотите выдать за какого-нибудь дурака, чтобы вам можно было моего мужа обмануть и удержать мое имение, мне после моего отца принадлежащее.

Чужехват. Да меня и ты, государь мой, не перетягаешь, и не впрямь-то я так стар, что не могу ни жениться, ни кнута вытерпеть.

Валерий. Пойдем, сударыня, во твои комнаты, пускай он об этом другому говорит, а не мне; а я этого слышать не могу.

Чужехват. А, а! эдакий молодец! еще не дошло до того, а он уже испугался; а я, хотя и старик, однако ударов пятьдесят еще вытерплю.

Явление 11

Чужехват *(один)*. Кнута я не боюсь, да боюся я вечной муки, а мне ее, как видно, не миновать. О великий боже! хорошо бы жить было на свете, ежели бы тебя в нем не было; не давали бы мы ни в чем никому по сокровенным делам отчета; а ныне от тебя никаким образом не можно укрыться. На что такая в законе строгость: не бери чужого,— вить я, и овладев чужим, чужого из твоего мира не вынесу; так не все ли равно, что оно в того хозяина или в другого сундуках. Господня земля и все ее исполнение. *(Становится на колени.)* Великий боже! не вниди в суд со рабом твоим! каюся пред тобою от всего моего сердца и от искренности души моей. Отпусти мне мое согрешение, но не взыскивай от меня, чтобы я то, что я себе присвоил беззаконно, отдал назад; ибо сие выше человечества. Вем, господи, яко плут и бездушник есмь, и не имею ни к тебе, ни ко ближнему ни малейшия любви; однако, уповая на твое человеколюбие, вопию к тебе: помяни мя, господи, во царствии твоем. Спаси мя, боже, аще хощу или не хощу! Аще бо от дел спасеши, несть се благодать и дар, но долг паче. Аще бо праведника спасеши, ничто же велие, и аще чистого помилуеши, ничто же дивно: достойни бо суть милости твоея, но на мне, плуте, удиви милость твою!

Явление 12

Чужехват и Пасквин

Пасквин. Конечно, скоро, сударь, преставление света будет.

Чужехват. Почему?

Пасквин. А потому, что вы каетесь.

Чужехват. Как не каяться, Пасквинушка; ведь вечная-та мука не шутка.

Пасквин. А когда она не шутка, так и шутить ею не надобно.

Чужехват. Когда бы бог милосерд был, так бы никакой муки не надобно было.

Пасквин. Послушай-ка, сударь: ежели бы был такой милосердый пастух, у которого бы собаки всякий грызли день овец, а он бы своих собак только гладил, так овцы его сказали ль бы, что этот пастух — человек милосердый?

Чужехват. Ты все дела к наказанию пригибаешь.

Пасквин. Негодные дела сами к наказанию пригибаются. Что бы ты сделал, ежели бы я сто рублев украл?

Чужехват. У кого?

Пасквин. У кого ни есть, это все равно.

Чужехват. Кабы ты украл у меня, так бы я тебя отдал на виселицу, а ежели бы не у меня, так бы я тебе и слова не сказал: какое мне до других людей дело; а я не бога граблю, так на что ему в чужие мешаться дела? Есть ли тут хотя малое правосудие?

Пасквин. Видно, сударь, то, что вы изрядно покаялись,

Чужехват. И положил еще на себя эпитимию.

Пасквин. Какую?

Чужехват. Чтобы понедельничать [1].

Пасквин. Милостивый государь! позвольте мне на эту минуту сделаться рифмотворцем.

Чужехват. Да ты этому не учился.

Пасквин. На Руси такая мода, что те-то около этой науки и трутся, которые мало грамоте знают.

Чужехват. Ну, какая у тебя рифма?

Пасквин. Нежели понедельничать, лучше не бездельничать.

Чужехват. Ты меня побраниваешь?

Пасквин. Милостивый государь, стихотворцы говорят не то, что хотят, да то, что им велит рифма.

Чужехват. Дурацкая это наука, когда она заставляет говорити то, что велит рифма, а не то, что должно. А сверх этой моей эпитимии хочется мне и в Киеве побывать. О Киеве, Киеве, святый град Киеве, помилуй мя, недостойного раба твоего! От самого Петербурга пойду пешком туда, Пасквин.

Пасквин. Богу все это равно, пришел ли кто на молитву или приехал.

Чужехват. Однако идти-то потрудняе.

Пасквин. А ежели ты туда поползешь, так то еще и того трудняе.

Чужехват. Да отселе до Киева-то не доползешь и в три года.

Пасквин. Да зачем тебе туда?

Чужехват. Я человек самый грешный, и беззакония превзыдоша главу мою; так я, не уповая больше на милосердие божие, хотя и каюся, угодников божиих попрошу, чтобы они за меня слово замолвили.

Пасквин. Поверь, милостивый государь, тому, что ни один угодник божий за тебя не вступится, ради того, что они недобрых людей, следуя примеру божиему, не любят.

Чужехват. Я их умилостивлю: сожгу воску пуда три.

Пасквин. Поколь не очистится твое сердце, так ты не умилостивишь ничем бога, хотя ты сожжешь триста ульев воску с медом и со пчелами.

Чужехват. Ты это бредишь, как басурман, а я проповедую, как сын церкви.

Пасквин. Зачем вам, сударь, на старости ехать в Киев? Останьтеся здесь да молитеся: тот же бог и здесь, который в Киеве.

Чужехват. Там место освященное, а не такое, какое здесь; да здешнему же городу еще и немецкое имя. Скажи мне, Пасквин, ради чего этот город называется по-немецки?

Пасквин. Этого я, право, не знаю.

---

[1] Поститься в понедельник (обязательными постными днями считались среда и пятница).

Чужехват. Так-то-ста, Пасквин: идти в Киев хотя и трудновато, жаль ног, а души еще и больше.

Пасквин. Виновата душа, а наказаны будут ноги.

Явление 13

Пасквин *(один)*. Несчастливы у того человека ноги, у которого душа дурна.

(В явлении 14 Пасквин объясняется с Нисой; этот разговор насыщен антидворянскими и антиклерикальными выпадами. Затем Пасквин узнает, что он брат Валерия — Валериян. Друг их отца Палемон добился рассмотрения дела в Коллегии юстиции и сумел доказать, что опекун детей Чужехват похитил Валерияна из колыбели и отдал чужим людям. Ниса согласна выйти за Пасквина — Валерияна. Однако на ней хочет жениться Чужехват, еще не знающий, что его преступление раскрыто.)

Явление 18

Чужехват, Ниса и Пасквин

Чужехват. Что, Нисанька, одумалася ли ты?

Ниса. В чем, сударь?

Чужехват. А в том-то, сударыня, чтобы тебе выйти за меня замуж.

Ниса. Я, сударь, вам это уже сказала, что я за вас нейду.

Чужехват. Так ты червонцев-то себе не вображала: какой у них вид, какое сияние и какая в них притягательная сила?

Ниса. Нет, сударь.

Чужехват. Ни империялов?

Ниса. Я, сударь, и в бедности моей, этой подлости не имею, чтобы мне утешаться вображением денег.

Чужехват. О великий и всемогущий боже! как ты слышишь такие душепагубные речи и терпишь такое беззаконие? удивляюся твоему долготерпению.

Пасквин. И я, сударь, удивляюся, что бог ей такое великое терпит беззаконие.

Чужехват. Как ее гром не поразит или земля не пожрет! и иконы святые, прославленные многими чудесами, золота и серебра не уничтожают.

Ниса. Я, сударь, не икона и чудесами не прославлена, и хотя золота и серебра вашего мне не надобно, а кажется мне, что хотя и хорошо, кто от усердия святые и по справедливости почитаемые иконы золотом и серебром украшает, а особливо те, которые показывают божией премудрости знамения, сотворшего премудростию своею небо и землю, однако еще лучше пригвоздить сердце свое к богу, нежели кусок золота или серебра к иконе его.

Чужехват. Серебро-то и золото, Нисанька, к иконе приложить можно, хотя и не то на уме, а сердца-то к богу, когда не то

в мысли, не приложишь; а я за келью[1] между нами молвить, к богу-то никакого усердия не имею, и в этом вам, как добрый человек и православный христианин, чистосердечно признаваюсь. А тебя, рублевичек мой, червончик мой, империальчик мой, возьму я за себя и силою: лучше отнять волю у человека и спасти его, нежели оставить ему ее на его погибель; а молодым людям воли давать никогда не надобно, потому что они не знают еще, что им полезно и что вредно.

Ниса. Нет, сударь, силою вы на мне жениться не можете.

Пасквин. Этого, сударь, не водится.

Чужехват. А тебе, дружок, до этого дела нет, я уже давно приметил то, что ты за нею волочишься; так ступай со двора долой, ступай, ступай! и чтобы духа твоего здесь не было! вон, вон из двора, вон, негодный!

Явление 19

Чужехват, Валерий, Палемон, Ниса и Пасквин

Пасквин. Вот, Ниса, это тот хиромантик, который мне предсказывал то, что я по кресту счастлив буду, и который мне принятие службы в здешнем доме препоручил, а меня гонят вон за то только, что ты старика любить не хочешь. Без слуг бы были старики, ежели бы они людей своих из домов выгоняли за то, что их молодые не любят женщины.

Валерий. Это не хиромантик, да друг нашего с тобою, Валериян, отца, возвращающий мне моего брата, а тебе твою породу.

Чужехват. Что ты такое бредишь? Еще страшный суд не пришел и воскресения мертвых нет; а младенец этот, о котором ты мелешь, тому уже двадцать два года, как умер. А ежели бы он воскрес, так бы он воскрес так, как он умер,— двухлетним младенцем, а не эдаким пестом: ведь люди на том свете не вырастают.

Палемон. Тебе страшный суд, а ему воскресение мертвых уже пришли.

Чужехват. Помнишь ли ты, что Христос воскрес в день недельный?[2] Так и наше из мертвых восстание в такой же день будет, а сегодня пятница. Конечно, ты нажрался мяса, когда ты позабыл то, что сегодня пятница.

Палемон. Какой сегодня день, в этом нужды нет.

Чужехват. А ежели я сплутовал, так ты, то ведая, для чего так долго медлил и молчал? И коли я плут, так и ты такой же плут.

Палемон. Я в то же время объявлял об этом графу Откупщикову; однако ты помнишь это, что ты, сведав о том, отнес к господину графу из Валерияновых денег десять тысяч; так сказано

---

[1] Келейно, по секрету.

[2] Воскресенье.

мне было под рукою[1], что ежели я хотя намекну о том когда, так места я себе и в Камчатке не сыщу.

Чужехват. Так бы ты бил челом на него!

Палемон. Великий бы я получил успех, ежели бы я ему же и на него же бить челом начал. Ныне его нет на свете, и правосудие возобновилося, так я это дело в действо и произвел.

Чужехват. Хвали сон, когда сбудется.

Палемон. Этот сон уже сбылся.

Чужехват. Чем ты это дело доказать можешь?

Палемон. Многим. А первое доказательство вот, — войди сюда, старушка.

Явление 20

Те же и старуха

Палемон. Знаешь ли ты этого человека?

Старуха. Я худо, родимый, вижу: мне уж в исходе осьмой десяток. *(Надевает очки и смотрит на Чужехвата.)* Ах, цесной господин! как ты поседел, вить бы я тебя не узнала, хоша бы ты мне в глаза наплевал, когда б я тебя не в твоем увидела доме.

Чужехват. Я тебя, старуха, от роду не видывал и кто ты такова, я не ведаю.

Старуха. А помнишь ли ты, господин доброй, как ты мне детище-то отдал?

Чужехват. Ты выжила из ума, старуха; этого никогда не бывало.

Старуха. И, родимой! как не бывало! Еще об этом детище после сказывала мне молодка, будто она его грудью кормила и будто он господской сын, и подлинно походил он на господского сына — как наливное был яблоцко. Она об этом и тому, кому я его отдала, сказывала; да полно, откудова взяться господскому сыну? А своего сынка ты бы не отдал: и змея своих черев не поедает; и чтобы это господской сын был, мы этому не поверили, хоша она в том доме, куды я младенца-то отнесла, и все о нем подноготно рассказывала.

Чужехват. Рехнулась ты, старуха.

Старуха. Я худо слышу, боярин.

Чужехват *(кричит ей)*. С ума ты спятила!

Старуха. Отец мой, мне вить не два века жить; так надо смерть помнить, и говорю я самую сущую истинную правду; а вить и вы, бояря, так же, как и мы, умираете, так и вам надо смерть помнить.

Валерий. Довольно, старушка: поди с богом.

---

[1] По секрету.

Явление 21

Те же, кроме старухи.

Чужехват. Вы все трое плуты, и всех вас должно перевешать.

Валерий. Нет, сударь, плут-ат ты, а не мы, и повесить-то должно тебя, а не нас; добрых людей не вешают нигде, а воров, разбойников и грабителей, по всем законам и божеским и человеческим, во всех просвещенных и человеколюбивых народах вешают; а ежели бы это инако было, так бы не было добрым людям довольныя безопасности на свете: и чем меньше беззаконники погибают от правосудия, тем больше погибают невинные от беззаконников.

Явление последнее

Чужехват, Валерий, Валериян, Сострата, Ниса, Палемон, секретарь и два солдата

Секретарь. По решению Государственной Коллегии Правосудия, по утверждению правительствующего Сената и по высочайшему повелению, учреждено ваше имение описать и то, которое вам собственно принадлежит, отдать Валерияну, учинив расчет по опекунству, также и те деньги, которые вами подарены покойному графу Откупщикову, взыскати с его наследников со всеми по указам интересами, а вас отселе взяти под караул, ради учинения надлежащия вам по законам казни, для отомщения истине и для отвращения страхом от нетерпимого в честном и благоденственном обществе злодеяния.

Чужехват. Да это дело еще не совсем окончено.

Секретарь. Совсем окончено.

Чужехват. Я ни однажды не пытан, а надлежало меня трожды пытать и, ежели бы я трех пыток не вытерпел, тогда бы должно было обвинить меня.

Секретарь. Изволь идти.

Чужехват. Мороз меня по коже подирает: пришло преставление света: гибну! гибну! горю! тону! помогите! умираю! ввергаюся во ад! мучуся! стражду! стражду!

Секретарь *(солдатам)*. Возьмите его.

Чужехват. Будьте вы, злодеи мои, прокляты и в сем веце и в будущем!

(Секретарь отходит, и Чужехвата выводят.)

Валерий. Исчезни, беззаконие, и процветай, добродетель! А ты, любовь, дражайшая утеха в жизни человеческой, вкоренившаяся в сердца наши и увеселяющая нас прекрасными своими цветами, дай нам вкусити сладкие плоды свои!

1765

РОГОНОСЕЦ ПО ВООБРАЖЕНИЮ

КОМЕДИЯ

(В сокращении)

Действующие лица

Викул, дворянин.
Хавронья, жена его.
Флориза, бедная дворянка.
Касандр, граф.
Дворецкой.
Ниса, служанка Хавроньина.
Егерь графа Касандра.

•

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

(Граф Касандр, сосед Викула по имению, прислал через своего егеря приветствие Викулу и Хавронье и предупреждение о своем к ним визите.)

Явление 5

Викул (один). Не за тем ли уже граф ко мне хочет пожаловать, чтобы за женою моею поволочиться? Мне это не очень полезно, а ты, граф, на чужое добро напрасно зубы скалишь, за эту честь я, ваше сиятельство, покорно благодарствую.

Явление 6

Викул и Хавронья

Хавронья. Какого это енарала адъютант у нас был?

Викул. Не адъютант, егерь был: по-нашему слуга, который стреляет, ходя, птиц.

Хавронья. Какой слуга,— весь в прозументах!

Викул. Ныне у господ такой манер; это был егерь от графа Касандра: его сиятельство к нам заехать изволит.

Хавронья. Его сиятельство!

Викул. А что? Разве он тебе знаком?

Хавронья. Да, я его высокой милости, покуль душа в теле, не позабуду; и коли бы он такую мне, многогрешной, показал отеческую милость и велел бы маляру красками написать персону свою, я бы ее у себя поставила пред кроватью и не спустила бы с нее глаз.

Викул *(особливо)*. Как будто слышало это мое сердце! Да почему ты знаешь его, и какую сделал он тебе милость?

Хавронья. А вот, сердечушко, я тебе донесу: как я нынешнею зимою была без тебя в Москве, так расхвалили мне какую-то интермецию и уговорили меня туда съездить. Бывает и на старуху проруха: поехала, вошла я в залу, заиграли и на скрыпицах, и на габоях, и на клевикортах, вышли какие-то и почали всякую

всячину говорить и уж махали, махали руками, как самые куклы; потом вышел какой-то, а к нему какую-то на цепи привели женщину, у которой он просил не знаю какова письма; а она отвечала, что она его изодрала; вышла, ему подали золоченой кубок, а с каким напитком, етого я не знаю; этот кубок отослал он к ней, и все было хорошо; потом какой-то еще пришел, поговорили немного, и что-то на него нашло: как он, батька, закричит, шапка с него полетела, а он и почал метаться, как угорелая кошка, да, выняв нож, как прыснул себя, так я и обмерла[1]. А граф этот, сидя тогда со мною в одном чулане и разговорився прежде еще интермеции, что я его соседка, меня тогда мунгальской водкой, как я от страха обмерла, от смерти избавил.

Викул. А хорош граф-ат?

Хавронья. Такой пригожий, преузорочной и обходительной, что вось табе.

Викул. Жена! хотя бы ты его и поменьше хвалила.

Хавронья. Как не хвалить? Да эдакой молодец и старикам не в память.

Викул. Жена! Мне это не по нутру.

Хавронья. И! моя ласточка! уже не ревнуешь ли ты к нему? Да я тобя и на Бову королевича не променяю.

Викул. Жена! не знаю, что меня по коже подирает! Пойти да полежать.

Хавронья. А я о кушаньях да о закусках прикажу.

Явление 7

Хавронья *(одна)*. За милость ево высокорейсграфского сиятельства надобно его получше угостить: для милого дружка и сережка из ушка! Дворецкой!

Явление 8

Хавронья и дворецкой

Хавронья. Есть ли у нас свиные ноги?

Дворецкой. Имеются, сударыня.

Хавронья. Вели же ты сварить их со сметаной, да с хреном; да вели начинить желудок; да чтобы его зашили шелком, а не нитками, да вели кашу размазню сделать...

Дворецкой. В горшке прикажешь, барыня-государыня, или на блюде?

Хавронья. В горшочке, да в муравленом, и покройте его веницейскою тарелкой; с морковью пироги, пирожки с солеными груздями, левашники с сушеною малиной, фрукасе из свинины с

[1] Хавронья пародийно излагает содержание трагедии Сумарокова «Хорев».

черносливом, французской пирог из подрукавной муки, а начинка из брусничной пастилы; да есть ли у нас калужское тесто?

Дворецкой. Имеется.

Хавронья. А сверх того сам прикажи, что варить, жарить и печь, только бы всего было довольно; салат подай не с конопляным, да с ореховым маслом.

Дворецкой. Знатные господа больше к салату деревянное масло употребляют: так не прикажете ли лучше к салату лампадного положить масла?

Хавронья. Фу, батька! вить я не басурманка! А после кушанья поставьте стручков, бобов, моркови, репы да огурцов и свежих и свежепросольных, а кофий подавайте с сахаром, а не с патокою; исправь же все, как надобно, да пошли на базар купить золоченых пряников, да паутины вели обместь, а двери-то вели подмазать, чтобы не скрыпели, да людей вели накормить.

Дворецкой. Этого, барыня-государыня, не водится, это старая мода, прежде сего и лошадей гостиных кармливали, а ныне и людей не кормят.

Хавронья. Накорми и людей и лошадей его сиятельства, все бы так было, как тебе приказано.

Дворецкой. Наше дело, сударыня: все будет исправно.

Явление 9

Хавронья *(одна)*. На один-ат день станет нас! А тебе, графское сиятельство, нашей хлеба-соли можно не постыдно покушать, даром это, что хоромы наши не цветны: не красна изба углами, красна пирогами.

Явление 10

Хавронья и Ниса

Ниса. Дворецкой приказывает сорок ради стола вашего блюд заготовить, а Флориза, отменив то, только двенадцать блюд изготовити приказала: я-де лучше знаю это учредить, а вам известно, что она выросла и воспитана в Петербурге; так не прикажете ли быть по ее нашему пиру, чтобы не обесчеститься? А она на людях выросла.

Хавронья. Как этова лучше!..

Явление 13

Викул, Хавронья, Флориза и Ниса

Хавронья. Фу, батька! как ты бога не боишься? Какие тебе на старости пришли мысли, как это сказати людям, так они нахохочутся! Кстати ли ты это вздумал?

Викул. Как того не опасаться, что с другими бывает людьми?

Хавронья. Я уже баба не молодая, так чего тебе опасаться?

Викул. Да есть пословица, что гром-ат гремит не всегда из небесной тучи, да иногда и из навозной кучи.

Хавронья. Типун бы табе на язык, какая навозная у табя я куча?

Флориза. Что это, сударыня, такое?

Викул. Жена, держи это про себя.

Хавронья. Чаво про сабя? это стыд да сором.

Викул. Не болтай же, мое сокровище, алмазной мой камышек.

Хавронья. Да это нехорошо, вишневая моя ягодка.

Викул. Жена, перестань же.

Хавронья. Поцелуй же меня, сильный, могучий богатырь.

Викул. Поцелуемся, посолнечная моя звездочка.

Хавронья. Будь же повеселяе и так светел, как новый месяц, да не ревнуй же.

Викул. Жена, кто говорит о ревности?

Хавронья. Что это меня прорвало! Да полно, конь о четырех ногах, да и тот спотыкается, а я баба безграмотная, так как пе промолвиться.

Викул. Да ты не в слове, да в деле промолвилася.

Хавронья. Я, батька, деревенская и не знаю, что слово, что дело.

Викул. Дело больше, а слово меньше.

Хавронья. А я думала, что слово больше, а дело меньше: мне это подьячий сказывал, бывший лет пятьдесят во сыскном приказе.

Викул. Не то ты поешь и только бредишь.

Хавронья. Я впредь о твоей к сабе ревности ко графу Касандру не скажу ни полуслова.

Викул. Дурища, с ума ты сошла: кто тебе о графе Касандре говорит?

Хавронья. Ты баешь... ахти! вить я и вправду заболталась.

Викул. Теперь уже что хочешь, товри.

Флориза. Под лета ли уже, сударь, ей любиться с другими, а вам ревновати к ней.

Викул. Любовь лет не исчисляет.

Явление 14

Те же и дворецкой

Дворецкой. Его высокорейсграфское сиятельство, высокопочтеннейший и высокопревосходительнейший граф ехать изволит.

Хавронья. Выйдем мы к воротам.

Викул *(особливо)*. Довольно и с крыльца сойти: эдаков ей граф-ат!

. . . .

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление 1

Викул, Хавронья, граф и дворецкой

Хавронья. А я выпила за здоровье вашего высокосиятельства чашечку кофию, да што-та на животе ворчит, да полно, это ото вчерашнего вечера: я поела жареной платвы и подлещиков, да ботвиньи обожралася, а пуще всего от гороху это, а горох был самой легкой, и на тарелочке тертой мне подали, да и масло к нему было ореховое, а не какое другое.

Граф. Это масло в некоторых домах и с салатом кушают, хотя к салату обыкновенно деревяпное масло употребляется.

Хавронья. Ахти! Да это, кажется, и не спасенье.

Дворецкой. Смесишася со языцы и навыкоша делом их.

Хавронья. Не изволите ли, графское сиятельство, в карточки позабавиться?

Граф. Нет, сударыня.

Хавронья. Да вить мы не в деньги играть станем.

Граф. Благодарствую, сударыня.

Хавронья. Хотя в бонки или в посыльные короли.

Граф. Королем мне, сударыня, не бывать, а быть битым я не хочу.

Хавронья. Будто мы и осмелимся вашему сиятельству такую сделать неучливость: нас только бей, сиятельнейший граф.

Граф. Я вас бить не хочу, да и не за что.

Хавронья. Да как же нас, дураков, не учить? Мы пред вашим сиятельством и без вины виновати.

Викул. Не изволите ли отдохнуть, высокосиятельнейший?

Граф. Я не устал, сударь... да вы не хотите ль почивать?

Викул. Я привык к этому, милостивый государь, да не будет ли вам противно?

Граф. Нимало, сударь.

Викул. Жена, пойдем же да отдохнем... а вы, милосердый государь, чем-нибудь позабавьтеся здесь... Дворецкой, будь же ты неотлучно при его сиятельстве, а мы, чтобы вашему высокорейсграфскому сиятельству не скучно было, пришлем Флоризу, а она в разговорах учена, да и по-французски разговаривает.

Граф. Очень хорошо.

Явление 2

Граф и дворецкой

Граф. Ты здесь дворецкой, а приказчик кто у вас?

Дворецкой. Я, милостивой государь, и приказчик, я стряпчий и псаломщик, да я ж и цирюльник его благородия.

Граф. Заживны ли крестьяня ваши?

Дворецкой. Почти все по миру ходят, не здесь то и не вам то сказано.

Граф. Отчего это?

Дворецкой. Боярыня наша праздности не жалует и ежечасно крестьян ко труду понуждать изволит: щегольство и картежная игра умножилися, и ежели крестьяня меньше работать будут, так чем нашим помещикам и пробавляться; а мои господа, хотя ни щегольства, ни картежной игры и не жалуют, однако, собирая деньги, белую денежку на черной день берегут.

Граф. Хорошо, братец.

Дворецкой. Не прогневайся, сиятельный! Боярыня в это время изволит свиней кормить, так и мне там присутствовать подлежит...

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТИЕ

Явление последнее

Все

Граф. Уже ли вы оставите свое подозрение, когда я вам ясно покажу, что я вашей сожительнице и помышлением не коснулся?

Викул. Сиятельнейший граф! чем вы меня уверить можете?

Граф. Руку целовал я у нее за то, что она мне Нису уступила.

Викул. Я бы тебе, государь, десять Нис и даром челом бил, а Хавронья-то мне самому надобна.

Хавронья. Так поцелуй меня, мой красавец, когда я тебе надобна! Каков граф-ат ни преузорочен, да ты мне и его прекраснее.

Викул. Нет, Хавронья, не поцелуй теперь на уме моем.

Граф. Вот моя любовница: она моя невеста, и в сей же день она мне и жена будет,— кончилось ли ваше подозрение?

Викул. Всепресиятельнейший и превсемилосерднейший граф, подлинно ли это так?

Флориза. Подлинно так, сударь: ваша сожительница вам верна, а граф сегодня со мною обвенчается.

Викул. Хавронья! так ли это?

Хавронья. Что я тебе, красное мое солнушко, верна, это правда, а что граф берет ее за себя, это я и сама теперь только слышу. Дай бог ей счастие! А она этого достойна.

Дворецкой. Достойно и праведно.

Хавронья. Не забудь и нас, сиятельнейшая графиня!

Флориза. Я еще не графиня; а вашей дружбы никогда не забуду.

Викул. Высокосиятельнейшая графиня! Не оставь нас, ежели какая нужда...

Флориза. Я еще не графиня, а думаю, что граф вашим недостаткам...

Граф. Как во свой дом ко мне присылать извольте, всякое изобилие имейте от моего дома, как от дома вашего. Я все мои радости имею.

Викул. Поцелуй меня, Хавроньюшка, а кто старое помянет — тому глаз вон. *(Целуются.)*

Конец комедии

1772

ОДА ГОСУДАРЮ ЦЕСАРЕВИЧУ ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ В ДЕНЬ ЕГО ТЕЗОИМЕНИТСТВА ИЮНЯ 29 ЧИСЛА 1771 ГОДА

Взойди, багряная Аврора,
Спокойно в тихи небеса!
В лугах цветы рассыпли, Флора,
Цветами украсй леса!
Победоносных войск успехом
Раздайся по долинам эхом
Приятный, вожделенный глас:
«Войну судьбина окончала
И новым лавром увенчала
Монархиню и с нею нас!»

Ея оружья, музы, славу
Возмогут ли позабывать,
Хотя и кроткую державу
Всечасно будут воспевать?
Трофеем Бендер вечным будет,
Перикла росска не забудет,
Вспомянется российский флаг.
Дней наших слава не увянет,
Доколе сушею не станет
Попранный днесь Архипелаг.

Се, князь, войны преславны виды,
Ужасны Порте времена.
Герои наши, как Алькиды,
Светят российски племена.
Но я победу оставляю,
Не тем Россию прославляю,
Тебя воспети я хочу:
Петрополь буди мне свидетель.
Бессмертну в смертном добродетель
Я ныне свету возвещу.

Ко должности монарша сана
Внимает он о божестве
И, слыша нова Феофана [1],
Зрит бога он во естестве.
С законом басен не мешает
И разум правдой украшает,
Пренебрегая сказки жен,
Не внемля наглу лицемерству,
Не повинуясь суеверству,
Которым слабый дух возжжен.

Пряма в Эдем сия дорога,
Сии довольны чудеса.
«Люби ты ближнего, чти бога,
Бог создал землю, небеса.
В едином том ищи блаженства»,—
Достойный муж первосвященства
Ему на всяк вещает день,
Зимы не емля вместо лета,
И, вместо полудневна света,
Не внидет полуночна тень.

А Ментор [2] то же утверждает,
Что предписует нам закон.
Страстей волненье побеждает
Во Телемаке Фенелон.
Мужей толь мудрых и избранных
И Павлу к наставленью данных
С почтением Россия зрит.
Великая Екатерина!
Тебя за таковою сына
Россия вся благодарит.

Прешли младенчеству уроки
Для будущих геройству дел.
Не прикоснулися пороки,
И дух божественно созрел.
Сквозь тьму незнания князь ночи
В небесны круги взводит очи:
Премудрости не зрит конца.
Он видит малость человека
И в человеке краткость века,
А в боге мудрого творца.

Планеты, шар земной — пылинки,
Копышемся и мы, как прах,
Империи — кусочки глинки.

---

[1] Речь идет о придворном проповеднике (впоследствии митрополите) Платоне Левшине.
[2] Имеется в виду воспитатель Павла — граф Н. И. Панин.

Но как он мыслит о царях,
Вселенна коих величает?
Не сим царь сан свой отличает,
Что льзя разити и пленять,
Что все пред ним стоят со страхом,
Что властвует людьми, как прахом,
И что он может жизнь отнять.

Когда монарх насилью внемлет,
Он враг народа, а не царь.
И тигр и лев живот отъемлет,
И самая последня тварь.
Змея презренья не умалит,
Когда кого, ползя, ужалит,
Пребудет та ж она змея.
Вот так о венценосцах мыслит,
Которых даром божьим числит,
Великая душа сия.

И что на троны возведенны
Не для себя они одних.
Хотя и для себя рожденны,
Но для и подданных своих.
Нестройный царь есть идол гнусный
И в море кормщик неискусный;
Его надгробье: «Был он яд».
Окончится его держава,
Окончится его и слава,
Исчезнет лесть, душа — во ад.

Не сносят никогда во гробы
Цари сияния венца,
Сиянье царския особы
Есть имя подданных отца.
Прейдут шумящи вечно реки,
Дела останутся навеки
И честь до солнца вознесут.
Преходят лета скоротечны,
Но души в нас, конечно, вечны,
Как вечен правый божий суд.

Не пременяй сея ты мысли,
Так будешь нам покров и щит.
И дни свои щедротой числи,
Как числил оны щедрый Тит.
Прострешь по Северу зеницу
И на морях свою десницу,
Главу возвысишь, яко кедр,
Прекрасней будешь райска крина.

Таков, как нам Екатерина
Или каков Великий Петр.

Российская Фетида вскоре
Восколебала горы, лес.
Подвигла Средиземно море.
Ты будь российский Ахиллес,
Но только к нужной обороне.
В други дни будь Сократ на троне
Ко счастью полуночных стран.
Тогда явишься ты в порфире,
Как солнце среди лета в мире,
Таков велик, каков твой сан.

1771

ОДА ГОСУДАРЮ ЦЕСАРЕВИЧУ ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ НА ПЕРВЫЙ ДЕНЬ 1774 ГОДА

О сын великия жены!
Великого ты правнук мужа,
Наставника сея страны,
Ты, коему неправда чужа
И многой истина цены.
Рожден от крови ты преславной,
А участи твоей предел —
Во всей природе жребий главный.
Он дан тебе для славных дел.

Явилась нам душа твоя.
То зря, Россия веселится,
Уже надежда ты ея.
Драгой твой богом век продлится
Ко счастью области сея.
Тебя судьба на свет пустила
России счастье умножать,
Тебя Минерва возрастила
Екатерине подражать.

Превозвышéнный человек
Себя превозвышенным числит,
И, не гордясь ничем вовек,
Он больше о себе не мыслит,
Льстец мерзкий что б ему ни рек.
Великий муж не любит лести,
Противна, князь, она тебе,
А ты своей бессмертной чести
Не в лести ищешь, но в себе.

Велик твой дух, велик твой сан
Мы знаем то, и ты то знаешь,
Но что от бога нам ты дан,
Ты только то воспоминаешь,
И что ты счастье многих стран.
Своей породою ты знатен,
Но тщетно б было то для нас,
И не был бы довольно внятен
Единственный сей громкий глас.

Конечно, глас сей был бы сух,
Князей им слава не спасется.
Не сей один о Павле слух
По всей Европе днесь несется.
Гласим: «Велик во Павле дух!»
Гласим единодушно ныне,
Друг другу объявляя днесь:
«Подобен он Екатерине»,
И повторяет Север весь.

Пресчастлив обладатель тот,
Кто тверд во правде пребывает,
И крайне мерзостен народ,
Который правду забывает,
Храня прибытки, как живот.
Когда отечества мы члены,
А мудрые цари главы,
Для пользы должны без отмены
И члены быти таковы.

Без общей пользы никогда
Нам царь не может быти нравен.
Короны тьмится блеск тогда,
Не будет царь любим и славен,
И страждут подданны всегда.
Души великой имя лестно,
Но ей потребен ум и труд,
А без труда цари всеместно
Не скипетры, но сан несут.

Твоя, о князь, и наша мать
Своей во нашей ищет славы,
Россию тщится воздымать
И все свои велит уставы
Из уст от истины внимать.
Не тяготят они природы:
Щадит бог силы естества.
Благополучны те народы,
Царь коих образ божества.

<1773>

ЭЛЕГИЯ

Терпи, моя душа, терпи различны муки,
Болезни, горести, тоску, напасти, скуки,
На все противности отверзлось сердце днесь,
Хоть разум омрачен и огорчен дух весь!
Веселой мысли нет, все радости сокрылись.
Все злые случаи на мя вооружились,
Великодушие колеблется во мне.
К которой ни воззрю, тоскуя, стороне,
Я помощи себе не вижу ниотколе,
От всех сторон беды́, и нет надежды боле.
И сон, дражайший сон, страдающих покой,
От глаз моих бежит, гоним моей тоской.
Дни красные весны природу обновляют
И очи жителей земных увеселяют,—
Не веселятся тем мои глаза одни:
Мне всех времен равны мучительные дни.
Противная судьба повсюду мной владает,
И яд моей крови всю внутренну съедает.
На что ты кажешься, жизнь, в радостях кратка,
И долговременна кому не так сладка?
Когда велит судьба терзаться неотложно —
Сноси печали дух, сноси их сколько можно!
И если их уже ничто не отвратит —
Отваживайся! смерть их вечно прекратит.

<1759>

ПЕСНИ

* *
*

Мы друг друга любим,— что ж нам в том с тобою?
        Любим и страдаем всякий час,
Боремся напрасно мы с своей судьбою,
        Нет на свете радостей для нас.
С лестною надеждой наш покой сокрылся,
        Мысли безмятежные отняв:
От сердец разженных случай удалился,
        Удалилось время всех забав.

Зрю ль тебя, не зрю ли — равну грусть имею,
        Равное мучение терплю:
Уж казать и взором я тебе не смею,
        Ах! ни воздыханьем, как люблю.
Все любовны знаки в сердце заключённы,
        Должно хлад являти и гореть:
Мы с тобой, драгая! вечно разлученны;
        Мне тебя осталось только зреть.

Жизнь мою приятну пременил рок в злую,
Сладость обращённа в горесть мне:
Только ныне в мыслях я тебя целую,
Говорю с тобою лишь во сне.
Где любови нашей прежние успехи,
Где они девалися, мой свет!
О печально сердце! где твои утехи!
Все прошло, и уж надежды нет.

<1759>

* *
*

Тщетно я скрываю сердца скорби люты,
Тщетно я спокойною кажусь.
Не могу спокойна быть я ни минуты,
Не могу, как много я ни тщусь.
Сердце тяжким стоном, очи током слезным
Извлекают тайну муки сей;
Ты мое старанье сделал бесполезным,
Ты, о хищник вольности моей!

Ввергнута тобою я в сию злу долю,
Ты спокойный дух мой возмутил,
Ты мою свободу пременил в неволю,
Ты утехи в горесть обратил;
И, к лютейшей муке, ты, того не зная,
Может быть, вздыхаешь о иной,
Может быть, бесплодным пламенем сгорая,
Страждешь ею так, как я тобой.

Зреть тебя желаю, а узрев, мятуся
И боюсь, чтоб взор не изменил;
При тебе смущаюсь, без тебя крушуся,
Что не знаешь, сколько ты мне мил.
Стыд из сердца выгнать страсть мою стремится,
А любовь стремится выгнать стыд.
В сей жестокой брани мой рассудок тьмится,
Сердце рвется, страждет и горит.

Так из муки в муку я себя ввергаю,
И хочу открыться, и стыжусь,
И не знаю прямо, я чего желаю,
Только знаю то, что я крушусь;
Знаю, что всеместно пленна мысль тобою
Воображает мне твой милый зрак;
Знаю, что, вспаленной страстию презлою,
Мне забыть тебя нельзя никак.

<1759>

ПЕСЕНКА

Савушка грешен,
Сава повешен.
Савушка, Сава!
Где твоя слава?

Больше не падки
Мысли на взятки.
Савушка, Сава!
Где твоя слава?

Где делись цуки,
Деньги и крюки?
Савушка, Сава!
Где твоя слава?

Пруд в вертограде,
Сава во аде.
Савушка, Сава!
Где твоя слава?

<1760>

* * *

Не грусти, мой свет! Мне грустно и самой,
Что давно я не видалася с тобой,—
    Муж ревнивый не пускает никуда;
    Отвернусь лишь, так и он идет туда.

Принуждает, чтоб я с ним всегда была;
Говорит он: «Отчего невесела?»
    Я вздыхаю по тебе, мой свет, всегда,
    Ты из мыслей не выходишь никогда.

Ах, несчастье, ах, несносная беда,
Что досталась я такому, молода;
    Мне в совете с ним вовеки не живать,
    Никакого мне веселья не видать.

Сокрушил злодей всю молодость мою;
Но поверь, что в мыслях крепко я стою;
    Хоть бы он меня и пуще стал губить,
    Я тебя, мой свет, вовек буду любить.

<1770>

* * *

Не гордитесь, красны девки,
Ваши взоры нам издевки,
        Не беда,
Коль одна из вас гордится,
Можно сто сыскать влюбиться
        Завсегда.
Сколько на небе звезд ясных,
Столько девок есть прекрасных.
Вить не впрямь об вас вздыхают,
        Все один обман.

Неизв. годы

СОНЕТ

О существа состав, без образа смешенный,
Младенчик, что мою утробу бременил,
И, не родясь еще, смерть жалостно вкусил
К закрытию стыда девичества лишенной!

О ты, несчастный плод, любовью сотворенный!
Тебя посеял грех, и грех и погубил.
Вещь бедная, что жар любви производил!
Дар чести, горестно на жертву принесенный!

Я вижу в жалобах тебя и во слезах.
Не воображайся ты толь живо мне в глазах,
Чтоб меньше беспокойств я, плачуща, имела.

То два мучителя старались учинить:
Любовь, сразивши честь, тебе дать жизнь велела,
А честь, сразив любовь, велела умертвить.

<1755>

ОДА АНАКРЕОНТИЧЕСКАЯ

Пляскою своей, любезна,
Разжигай мое ты сердце,
Пением своим приятным
Умножай мою горячность.
Моему, мой свет, ты взору,
Что ни делаешь, прелестна.
Все любовь мою питает
И мое веселье множит.
Обольщай мои ты очи,
Пой, пляши, играй со мною.
Бей в ладони и, вертяся,
Ты руками подпирайся.
Руки я твои прекрасны
Целовал неоднократно:
Мной бесчисленно целован
Всякий рук твоих и палец.

<1755>

ОДА САФИЧЕСКАЯ

Долго ль мучить будешь ты, грудь терзая?
Рань ты сердце сильно, его пронзая.
Рань меня ты, только не рань к несчастью,
Пленного страстью.

Зрак твой в мысли, властвуя, обитает,
Непрестанно сердце тобою тает;
Весь наполнен ум мой тобой единой,
Муки причиной.

Будь причиной, вместо того, утехи,
Воздыханья ты преврати мне в смехи,
Люты преврати мне печали в радость,
Горести — в сладость!

Дай надежды сердцу, драгая, боле,
Облегченье тяжкой моей неволе.
Иль надежды тщетно себе желаю,
Тщетно пылаю.

Отгони ты прочь беспокойно время,
Сбрось с меня тобой возложенно бремя,
Премени, сложив, сей тяжелый камень,
Хлад свой ты в пламень!

Будь хоть мало жару сему причастна,
Будь хоть меньше мной, как тобой я, страстна,
Тай, моей ты нежности отвечая,
Взоры встречая.

Нет терпети больше страданья мочи;
Обрати ко мне дорогие очи
И введи меня ты из жизни слезной
В мысли любезной!

<1758>

ПРОТИВУ ЗЛОДЕЕВ

На морских берегах я сижу,
Не в пространное море гляжу,
Но на небо глаза возвожу.
На врагов, кои мучат нахально,
Стон пуская в селение дально,
Сердце жалобы взносит печально.
Милосердие мне сотвори,
Правосудное небо, воззри
И все действа мои разбери!
Во всей жизни минуту я кажду
Утесняюсь, гонимый, и стражду,
Многократно я алчу и жажду.
Иль на свет я рожден для того,
Чтоб гоним был, не знав для чего,
И не трогал мой стон никого?
Мной тоска день и ночь обладает;
Как змея, мое сердце съедает,
Томно сердце всечасно рыдает.
Иль не будет напастям конца?
Вопию ко престолу творца:
Умягчи, боже, злые сердца!
<1759>

ПРОТИВУ ЗЛОДЕЕВ

Ты я́мбический стих во цвете
Жестоких к изъясненью дел
Явил, о Архилох, на свете

И первый слогом сим воспел!
Я, зляся, воспою с тобою,
Не в томной нежности стеня;
Суровой возглашу трубою:
Трохей [1], сокройся от меня!
О нравы грубые! О веки!
Доколе будут человеки
Друг друга мучить и губить,
И станут ли когда любить,
Не внемля праву мыслей злобных,
Свой род и всем себе подобных,
Без лести почитая в них
Свой образ и себя самих?
В пустынях диких обитая,
Нравоучений не читая,
Имея меньшие умы,
Свирепы звери, нежель мы,
Друг друга больше почитая,
Хотя не мудро говорят,
Все нас разумнее творят.
Ни страшный суд, ни мрачность вечна,
Ни срам, ни мука бесконечна,
Ни совести горящей глас
Не могут воздержати нас.
Злодеи, бойтесь, бойтесь бога
И всемогущего творца!
Страшитеся судьи в нем строга,
Когда забыли в нем отца.

<1760>

ОДА НА СУЕТУ МИРА

Среди игры, среди забавы,
Среди благополучных дней,
Среди богатства, чести, славы
И в полной радости своей,
Что все сие, как дым, преходит,
Природа к смерти нас приводит,
Воспоминай, о человек!
Умрешь, хоть смерти ненавидишь,
И все, что ты теперь ни видишь,
Исчезнет от тебя навек.

Покинешь матерню утробу —
Твой первый глас есть горький стон,
И, исходя отсель ко гробу,
Исходишь ты, стеня, и вон;

---

[1] Хорей.

Предписано то смертных части,
Чтоб ты прошел беды, напасти
И разны мира суеты,
Вкусил бы горесть ты и сладость,
Печаль, утеху, грусть и радость
И все бы то окончил ты.

Во всем на свете сем премена,
И все непостоянно в нем,
И все составлено из тлена:
Не зрим мы твердости ни в чем;
Пременой естество играет,
Оно дарует, отбирает;
Свет — только образ колеса.
Не грянет гром, и ветр не дохнет,
Земля падет, вода иссохнет,
И разруша́тся небеса.

Зри, как животных гибнут роды,
На собственный свой род воззри,
Воззри на красоты природы
И коловратность разбери:
Зимой луга покрыты снегом,
Река спрягается со брегом,
Творя из струй крепчайший мост:
Прекрасны, благовонны розы
Едины оставляют лозы
И обнаженный только грозд.

Почтем мы жизнь и свет мечтою;
Что мы ни делаем, то сон,
Живем, родимся с суетою,
Из света с ней выходим вон,
Достигнем роскоши, забавы,
Великолепия и славы,
Пройдем печаль, досаду, страх,
Достигнем крайнего богатства,
Преодолеем все препятства
И после превратимся в прах.

Умерим мы страстей пыланье;
О чем излишне нам тужить?
Оставим лишнее желанье;
Не вечно нам на свете жить.
От смерти убежать не можно,
Умрети смертным неотложно
И свет покинуть навсегда.
На свете жизни нет миляе.
И нет на свете смерти зляе, —
Но смерть — последняя беда.

<1763>

ЖАЛОБА

Во Франции сперва стихи писал мошейник,
И заслужил себе он плутнями ошейник;
Однако королем прощенье получил
И от дурных стихов французов отучил[1].
А я мошейником в России не слыву
И в честности живу;
Но если я Парнас российский украшаю
И тщетно в жалобе к фортуне возглашаю,
Не лучше ль, коль себя всегда в мученьи зреть,
Скоряе умереть?
Слаба отрада мне, что слава не увянет,
Которой никогда тень чувствовать не станет,
Какая нужда мне в уме,
Коль только сухари таскаю я в суме?
На что писателя отличного мне честь,
Коль нечего ни пить, ни есть?

Начало 1770-х годов

САТИРЫ

О БЛАГОРОДСТВЕ

Сию сатиру вам, дворяня, приношу!
Ко членам первым я отечества пишу.
Дворяне без меня свой долг довольно знают,
Но многие одно дворянство вспоминают,
Не помня, что от баб рожденным и от дам
Без исключения всем праотец Адам.
На то ль дворяне мы, чтоб люди работáли,
А мы бы их труды по знатности глотали?
Какое барина различье с мужиком?
И тот и тот — земли одушевленный ком.
А если не ясняй ум барский мужикова,
Так я различия не вижу никакого.
Мужик и пьет и ест, родился и умрет,
Господский также сын, хотя и слаще жрет
И благородие свое нередко славит,
Что целый полк людей на карту он поставит.
Ах, должно ли людьми скотине обладать?
Не жалко ль? Может бык людей быку продать?
А во учении имеем мы дороги,
По коим посклизнуть не могут наши ноги:

[1] Речь идет о выдающемся французском поэте *Франсуа Вийоне* (1431/1432 — после 1462), приговоренном к повешению и помилованном королем.

Единой шествуя, вдали увидя дым,
Я твердо заключу, что там огонь под ним.
Я знаю опытом, пера тяжеле камень,
И льда не вспламенит и жесточайший пламень;
По счету ведаю, что десять — пять да пять;
Но это не верста, едина только пядь:
Шагнуть и без наук искусно мы умеем,
А всей премудрости цель дальнюю имеем,
Хотя и вечно к ней не можем мы дойти,
Но можем на пути сокровищи найти.
Перикл, Алькивияд наукой не гнушались,
Начальники их войск наукой украшались;
Великий Александр и ею был велик,
Науку храбрый чтит венчанный Фридерик;
Петром она у нас Петрополь услаждает,
Екатерина вновь науку насаждает.
Не можно никогда науки презирать,
И трудно без нее нам правду разбирать.
Мне мнится, на слепца такой судья походит,
Младенец коего, куда похочет, водит.
На то ль кому судьба высокий чин дала,
Чтоб он подписывал, подьячий вел дела?
Такою слабостью умножатся нам нищи,
Лишенны им навек своей дневныя пищи.
Подьячий согрешит или простой солдат:
Один из мужиков, другой из черни взят,
А во дворянстве всяк, с каким бы ни был чином,
Не в титле — в действии быть должен дворянином,
И непростителен большой дворянский грех.
Начальник, сохраняй уставы больше всех!
Дворянско титло нам из крови в кровь лиется;
Но скажем: для чего дворянство так дается?
Коль пользой общества мой дед на свете жил,
Себе он плату, мне задаток заслужил,
А я задаток сей, заслугой взяв чужею,
Не должен класть его достоинства межею.
И трудно ли сию задачу разрешить,
Когда не тщимся мы работы довершить,
Для ободрения пристойный взяв задаток,
По праву ль без труда имею я достаток?
Судьба монархине велела побеждать
И сей империей предмудро обладать,
А нам осталося во дни ея державы
Ко пользе общества в трудах искати славы.
Похвален человек, не ищущий труда,
В котором он успеть не может никогда.
К чему способен он, он точно разбирает:
Пиитом не рожден, бумаги не марает,

А если у тебя безмозгла голова,
Пойди и землю рой или руби дрова,
От низких более людей не отличайся
И предков титлами уже не величайся.
Сей Павла воспитал, достойного корон [1],
Дабы подобен был Екатерине он;
С Спиридовым валы Орловы пребегают
И купно на водах с ним пламень возжигают;
Голицын гонит рать, Румянцев — наш Тюренн,
А Панин — Мальборуг у неприступных стен [2];
Подобно Еропкин в час бдения не дремлет,
И силу дерзкия Мегеры он отъемлет [3].
А ты, в ком нет ума, безмозглый дворянин,
Хотя ты княжеский, хотя господский сын,
Как будто женщина дурная, не жеманься
И, что тебе к стыду, пред нами тем не чванься!
От Августа пускай влечен твой знатный род, —
Когда прекрасна мать, а дочь ее урод;
Полюбишь ли ты дочь, узришь ли в ней заразы,
Хотя ты по уши зарой ее в алмазы?
Коль только для себя ты в обществе живешь,
И в поте не своем ты с маслом кашу ешь,
И не собой еще ты сверх того гордишься,—
Не дивно ли, что ты, дружочек мой, не рдишься?
Без крылья хочешь ты летети к небесам.
Достоин я, коль я сыскал почтенье сам,
А если ни к какой я должности не годен,—
Мой предок дворянин, а я не благороден.

<1771>

ПИИТ И ДРУГ ЕГО

Д. Во упражнении расхаживая здесь,
Вперил, конечно, ты в трагедию ум весь;
В очах, во всем лице теперь твоем премена.
И ясно, что в сей час с тобою Мельпомена.

П. Обманываяся, любезный друг, внемли!
Я так далек от ней, как небо от земли.

Д. Эклогу...
П. Пастухи, луга, цветы, зефиры
Толико ж далеки; хочу писать сатиры;

---

[1] Н. И. Панин, воспитатель великого князя Павла Петровича, глава Иностранной коллегии.

[2] П. И. Панин, генерал-аншеф, находившийся, как и его брат, в оппозиции к Екатерине II.

[3] Имеются в виду меры против эпидемии чумы, предпринятые в 1771 г. московским главнокомандующим П. Д. Еропкиным.

Мой разум весь туда стремительно течет.

Д. Но что ж от жалостных тебя днесь драм влечет?

П. В Петрополе они всему народу вкусны,
А здесь и городу и мне подобно гнусны:
Там съедутся для них внимати и молчать,
А здесь орехи грызть, шумети и кричать,
Благопристойности не допуская в моду,
Во своевольствие приобретя свободу:
За что ж бы, думают, и деньги с нас сбирать,
Коль было бы нельзя срамиться и орать.
Возможно ль автору смотреть на то спокойно:
Для зрителей таких трудиться недостойно.

Д. Не всех мы зрителей сим дóлжны обвинить,
Безумцев надобно одних за то бранить;
Не должно критики употребляти строго.

П. Но зрителей в Москве таких гораздо много,—
Крикун, как колокол, единый оглушит
И автора всего терпения лишит;
А если закричат пять дюжин велегласно,
Разумных зрителей внимание напрасно.

Д. Сатиры пишучи, ты можешь досадить
И сею сам себя досадой повредить.
На что мне льстить тебе? Я в дружбе не таюся.

П. А я невежества и плутней не боюся,
Против прямых людей почтение храня;
Невежи, как хотят, пускай бранят меня,
Их тесто никогда в сатиру не закиснет,
А брань ни у кого на вороте не виснет.

Д. Не брань одна вредит: побольше брани есть,
Чем можно учинить своей сатире месть:
Лжец вымыслом тебя в народе обесславит,
Судья соперника неправедно оправит,
Озлобясь, межевщик полполя отрядит,
А лавочник не даст товару на кредит,
Со съезжей поберут людей на мостовую,
Кащей тебе с родней испортит мировую.

П. Когда я истину народу возвещу
И несколько людей сатирой просвещу,
Так люди честные, мою зря миру службу,
Против бездельников ко мне умножат дружбу.
Невежество меня ничем не возмутит,
И росская меня Паллада защитит;
Немалая статья ее бессмертной славы,
Чтоб были чищены ее народа нравы.

Д. Но скажет ли судья, винил неправо оп?
Он будет говорить: «Винил тебя закон».

П. Пускай винит меня, и что мне он ни скажет,
Из дела выписки он разве не покажет?

Д. Из дела выписки, во четверти земли,
Подьячий нагрузи́т врак целы корабли,
И разум в деле том он весь переломает;
Поймешь ли ты, чего он сам не понимает?
Удобней проплясать, коль песенка не в такт,
Как мыслям вобразить подьяческий экстракт.
Экстракт тебя одной замучит долготою,
И спросят: «Выпиской доволен ли ты тою?»
Ты будешь отвечать: «Я дела не пойму».
Так скажут: «Дай вину ты слабому уму,
Которым ты с толпой вралей стихи кропаешь
И деловых людей в бесчестии купаешь».
А я даю совет: ты то предупреди
Или, сатирствуя, ты по миру ходи.

П. Где я ни буду жить — в Москве, в лесу иль поле,
Богат или убог, терпеть не буду боле
Без обличения презрительных вещей.
Пускай злодействует бессмертный мне Кащей,
Пускай Кащеиха совсем меня ограбит,
Мое имение и здравие ослабит,
И крючкотворцы все и мыши из архив
Стремятся на меня, доколе буду жив,
Пускай плуты́ попрут и правду и законы,—
Мне сыщет истина на помощь обороны;
А если и умру от погубных сетей,
Монархиня по мне покров моих детей.

Д. Безделъство на тебя отраву усугубит:
Изморщенный Кащей вить зеркала не любит.
Старухе, мнящейся блистати, как луна,
Скажи когда-нибудь: изморщилась она
И что ее краса выходит уж из моды;
Скажи слагателю нестройной самой оды,
Чтоб бросил он ее, не напечатав, в печь, —
Скоряе самого тебя он станет жечь.
Неправедным судья́м сказать имей отвагу,
Что рушат дерзостно и честность и присягу.
Скажи откупщику жаднейшему: он плут,
И дастся орденом ему ременный жгут.
Скажи картежнику: он обществу отрава,—
Не плутня-де игра, он скажет, но забава.
Спроси, за что душа приказная дерет,—
Он скажет: то за труд из чести он берет.

За что ханжа на всех проклятие бросает, —
Он скажет: души их проклятием спасает.
Противу логики кто станет отвечать,
Такого никогда нельзя изобличать.
А логики у нас и имя редким вестно;
Так трудно доказать, бесчестно что иль честно.

П. Еще трудняй того безделъство зря терпеть
И, видя ясно все, молчати и кипеть.
Доколе дряхлостью иль смертью не увяну,
Против пороков я писать не перестану.

<1774>

ПРИТЧИ

ЖУКИ И ПЧЕЛЫ

Прибаску
Сложу
И сказку
Скажу.
Невежи Жуки
Вползли в науки
И стали патоку Пчел делать обучать.
Пчелам не век молчать,
Что их дурачат;
Великий шум во улье начат.
Спустился к ним с Парнаса Аполлон
И Жуков он
Всех выгнал вон,
Сказал: «Друзья мои, в навоз отсель подите;
Они работают, а вы их труд ядите,
Да вы же скаредством и патоку вредите!»

1750-е годы

БОЛВАН

Был выбран некто в боги:
Имел он голову, имел он руки, ноги
И стан;
Лишь не было ума на полполушку,
И деревянную имел он душку.
Был — идол, попросту: Болван.
И зачали Болвану все молиться,
Слезами пред Болваном литься
И в перси бить.
Кричит: «Потщися нам, потщися пособить!»
Всяк помощи великой чает.

Болван того
Не примечает
И ничего
Не отвечает:
Не слушает Болван речей ни от кого,
Не смотрит, как жрецы мошны искусно слабят
Перед его пришедших олтари
И деньги грабят
Таким подобием, каким секретари
В приказе
Под несмотрением немысленных судей
Сбирают подати в карман себе с людей,
Не помня, что о том написано в указе.
Потратя множество и злата и сребра
И не видав себе молебщики добра,
Престали кланяться уроду
И бросили Болвана в воду,
Сказав: «Не отвращал от нас ты зла:
Не мог ко счастию ты нам пути отверзти!
Не будет от тебя, как будто от козла,
Ни молока, ни шерсти».

<1760>

КОЛОВРАТНОСТЬ

Собака Кошку съела,
Собаку съел Медведь,
Медведя — зевом — Лев принудил умереть,
Сразити Льва рука Охотничья умела,
Охотника ужалила Змея,
Змею загрызла Кошка.
Сия
Вкруг около дорожка,
А мысль моя,
И видно нам неоднократно,
Что все на свете коловратно.

<1762>

ОСЬ И БЫК

В лесу воспитанная с негой,
Под тяжкой трется Ось телегой
И, неподмазанна, кричит.
А Бык, который то везет, везя молчит.
Изображает Ось господчика мне нежна,
Который держит худо счет,
По-русски — мот,
А бык — крестьянина прилежна.

Страдает от долгов обремененный мот,
А этого не воспомянет,
Что пахарь, изливая пот,
Трудится и тягло ему на карты тянет.
<1769>

ШАЛУНЬЯ

Шалунья[1] некая в беседе,
В торжественном обеде,
Не бредила без слов французских ничего.
Хотя она из языка сего
Не знала ничего,
Ни слова одного,
Однако знанием хотела поблистати
И ставила слова французские некстати;
Сказала между тем: «Я еду делать кур»[2].
Сказали дурище, внимая то, соседки:
«Какой плетешь ты вздор! кур делают наседки».

ПОСОЛ ОСЕЛ

В Венеции послом шалун[3] какой-то был,
Был горд, и многим он довольно нагрубил.
Досадой на него венециане дышут,
И ко двору о том, отколь посол был, пишут.
Там ведают уже о тьме посольских врак.
Ответствуют: «Его простите, он дурак.
Не будет со ослом у человека драк».
Они на то: «И мы не скудны здесь ослами,
Однако мы ослов не делаем послами».

ЭПИГРАММЫ

* *
*

Брат был игрок; нельзя сестрице не крушиться,
И льзя ли унимать его ей укрепиться,
Когда он день и ночь без милости мотал?
«Уж пол-имения ты, братец, проиграл,—
Журила игрока сестра и вопрошала: —
Дождусь ли, чтоб тебе игра противна стала?»
Брат ей ответствовал: «Как станешь отставать,

---

[1] Дура.
[2] Лечиться (от франц. faire une cure).
[3] Дурак.

Сестрица, от любви, закаюся играть,
И в постоянстве жить потом мы будем оба».
Сестра ему на то: «Мотать тебе до гроба!»

<1755>

* *
*

«Я обесчещена»,— пришла просить вдова.
Однако знал судья, кто просит такова.
«Чем?» — спрашивал ее.— «Сегодня у соседа,—
Ответствовала та,— случилася беседа.
Тут гостья на меня так грубо солгала:
Уж ты-де во вдовстве четы́рех родила».
Судья ей говорил: «Плюнь на́ эту кручину;
Стал свет таков, всегда приложат половину».

<1756>

* *
*

Танцовщик! Ты богат. Профессор! Ты убог.
Конечно, голова в почтеньи меньше ног.

<1759>

* *
*

Грабители кричат: «Бранит он нас!»
Грабители! Не трогаю я вас,
Не в злобе — в ревности к отечеству дух стонет;
А вас и Ювенал сатирою не тронет.
Тому, кто вор,
Какой стихи укор?
Ворам сатира то: веревка и топор.

ДРУГОЙ ХОР КО ПРЕВРАТНОМУ СВЕТУ

Прилетела на берег синица
Из-за полночного моря,
Из-за холодна океяна.
Спрашивали гостейку приезжу,
За морем какие обряды.
Гостья приезжа отвечала:
«Все там превратно на свете.
За морем Сократы добронравны,
Каковых мы здесь <не> видаем,
Никогда не суеверят,
Не ханжат, не лицемерят,
Воеводы за морем правдивы;
Дьяк там цуками не ездит,

Дьячихи алмазов не носят,
Дьячата гостинцев не просят,
За нос там судей писцы не водят.
Сахар подьячий покупает.
За морем подьячие честны,
За морем писать они умеют.
За морем в подрядах не крадут;
Откупы за морем не в моде,
Чтобы не стонало государство.
«Завтрем» там истца не питают.
За морем почетные люди
Шеи назад не загибают,
Люди от них не погибают.
В землю денег за морем не прячут,
Со крестьян там кожи не сдирают,
Деревень на карты там не ставят,
За морем людьми не торгуют.
За морем старухи не брюзгливы,
Четок они хотя не носят,
Добрых людей не злословят.
За морем противно указу
Росту заказного не емлют.
За морем пошлины не крадут.
В церкви за морем кокетки
Бредить, колобродить не ездят.
За морем бездельник не входит
В домы, где добрые люди.
За морем людей не смучают,
Сору из избы не выносят.
За морем ума не пропивают;
Сильные бессильных там не давят;
Пред больших бояр лампад не ставят,
Все дворянски дети там во школах,
Их отцы и сами учились;
Учатся за морем и девки;
За морем того не болтают:
Девушке-де разума не надо,
Надобно ей личико да юбка,
Надобны румяна да белилы.
Там язык отцовский не в презреньи;
Только в презреньи те невежи,
Кои свой язык уничтожают,
Кои, долго странствуя по свету,
Чужестранным воздухом некстати
Головы пустые набивая,
Пузыри надутые вывозят.
Вздору там ораторы не мелют;
Стихотворцы вирши не кропают;

Мысли у писателей там ясны,
Речи у слагателей согласны:
За морем невежа не пишет,
Критика злобой не дышит;
Ябеды за морем не знают,
Лучше там достоинство — наука,
Лучше приказного крюка.
Хитрости свободны там почтенней,
Нежели дьячьи закрепы,
Нежели выписки и справки,
Нежели невнятные экстракты.
Там купец — купец, а не обманщик.
Гордости за морем не терпят,
Лести за морем не слышно,
Подлости за морем не видно.
Ложь там — велико беззаконье.
За морем нет тунеядцев,
Все люди за морем трудятся,
Все там отечеству служат;
Лучше работящий там крестьянин,
Нежель господин тунеядец;
Лучше нерасчесаны кудри,
Нежели парик на болване.
За морем почтеннее свиньи,
Нежели бесстыдны сребролюбцы.
За морем не любятся за деньги:
Там воеводская метресса
Равна своею степенью
С жирною гадкою крысой.
Пьяные по улицам не ходят,
И людей на улицах не режут».

Конец 1762 — январь 1763

ПАРОДИИ

ПЕСНЯ

О приятное приятство!
  Ти даюсь сама я в власть,
Все в тебе я зрю изрядство,
  Тщусь сама ся дать, ах! в страсть.
Я таилася не ложно,
  Но, однак, открылась ти.
Весь мой дух за невозможно
  Ставит пламени уйти.

О восхить его, восхити
  Больш еще, любви божок.

Станем друг друга любити,
    О мой слатенький дружок!
Прочь от мя ушла свобода,
    Мой сбег с ней прочь, о! и нрав.
Прочь любовная невзгода,
    О, любезный будь мой здрав.
Как синицы-птички нежно
    Между любятся собой,
Их любовь как с счастьем смежна
    В драгости живет самой;
В летах так с тобой мы красных,
    И седин мы до своих,
И в сединах желтоясных,
    В мыслях станем жить одних.

Мне зело ты преприятен
    И зело, ах! мя зажег.
Твой ли жар уж весь понятен,
    В том ти сердце вот в залог.
Ты ж не страждь уж больш так ныне,
    Утирая милу бровь,
Будь всегда все в благостыне,
    Бречь, о, станем, ах, любовь!

Начало 1750-х годов (?)

ОДА ВЗДОРНАЯ II

Гром, молнии и вечны льдины,
Моря и озера шумят,
Везувий мещет из средины
В подсолнечну горящий ад.
С востока вечна дым восходит,
Ужасны облака возводит
И тьмою кроет горизонт.
Эфес горит, Дамаск пылает,
Тремя Цербер гортаньми лает,
Средьземный возжигает понт.

Стремглав Персеполь упадает,
Подобно яко Фаэтон,
Нептун державу покидает
И в бездне повергает трон;
Гиганты руки возвышают,
Богов жилище разрушают,
Разят горами в твердь небес,
Борей, озлясь, ревет и стонет,
Япония в пучине тонет,
Дерется с Гидрой Геркулес.

Претяжкою ступил погою
На Пико яростный Титан
И, поскользнувшися, другою —
Во грозный льдистый океан.
Ногами он лишь только в мире,
Главу скрывает он в эфире,
Касаясь ею небесам.
Весь рот я, музы, разеваю
И столько хитро воспеваю,
Что песни не пойму и сам.

<1759>

ОДА ВЗДОРНАЯ III

(В сокращении)

Среди зимы, в часы мороза,
Когда во мне вся стынет кровь,
Хочу твою воспети, Роза,
С Зефиром сладкую любовь.
В верхах Парнасских, быстры реки,
Цветов царицу вы навеки
Взнесите шумно в небеса!
Стремитесь, мысленные взоры,
На многие Парнасски горы!
Моря, внимайте, и леса!

Стесненна грудь моя трепещет,
Вселенная дрожит теперь;
Гигант на небо горы мещет,—
К Юпитеру отверзти дверь;
Кавказ на Этну становится,
В сей час со громом гром сразится,
От ада помрачится свет:
Крылатый конь перед богами
Своими бурными ногами
В сей час ударит в вечный лед...

...Род смертных, Пиндара высока
Стремится подражать мой дух.
От запада и от востока
Лечу на север и на юг
И громогласно восклицаю,
Луну и солнце проницаю,
Взлетаю до предальних звезд;
В одну минуту восхищаюсь,
В одну минуту возвращаюсь
До самых преисподних мест.

Там вижу грозного Плутона,
Во мраке мрачный вижу взор.
Узрев меня, бежит он с трона,
А я тогда вспеваю вздор.
Из ада вижу Италию,
Кастальски воды, Остиндию,
Амур-реку и вечный лед,—
Прощай, Плутонова держава:
О вечный лед, моя ты слава!
Ты мне всего миляй, мой свет!

Трава зеленою рукою
Покрыла многие места,
Заря багряною ногою
Выводит новые лета.
Вы, тучи, с тучами спирайтесь,
Во громы, громы, ударяйтесь,
Борей, на воздухе шуми.
Пройду нутр горный и вершину,
В морскую свергнуся пучину:
Возникни, муза, и греми!..

<1759>

ПИСЬМО О НЕКОТОРОЙ ЗАРАЗИТЕЛЬНОЙ БОЛЕЗНИ

Была ли сия заразительная болезнь, о которой я писать хочу, известна во времена Иппократовы, о том я не могу сказать, а по многому видно, что она в его время не весьма сильна была, ибо ей и греческого названия нет. Во время Галеново, может быть, она была уже, что я заключаю из латинского ее названия, а может быть, она и после времен Галеновых проявилася. Сие, латинское название и у нас ныне, когда начали возрастать науки, к украшению нашего языка восприято. У дедов наших было имя сей болезни взятки, а мы, просветившиеся учением, даем ей имя латинское Акциденция. Некоторые называют скорбь сию естественною, а некоторые преестественною, доказывая, что Иуда взял уже тогда тридцать сребреников, когда в него вселился диавол. А я сие двоякое мнение в едино совокупляю и вероятно утверждаю, что тело сею скорбию естественно заражается, и что диавол берет душу такового человека по заражении естественном, и что ежели бы сребролюбивый Иуда не заразился сею язвою, так бы в него диавол не вселился. В здешних областях началася скорбь сия подьячими. Когда была столица в Новеграде, в Киеве и во Владимире, скорбь сия уже была, однако была весьма слаба. Усилилася она тогда, как на Каменном мосту в Москве зачалася винная продажа. Вышел некогда черт из-под Каменного моста, и, спознавшися с подьячим корчемной конторы, прохаживаяся по городу, шел мимо Петровского кружала, и услышал огромную

музыку и пение: известно, что черти до музыки охотники, а особливо до гудков, и зашел туда по зову подьячего, который ему объявлял, что в том доме продают разные напитки, а притом на всякий день представляют оперу, в которой самая лучшая инструментальная музыка, гудки, волынки, рыле, балалайки и прочее, и что самые тут лучшие певцы и танцовщики, а иногда и баталии представляются: черти до пляски великие охотники, а до драки еще и больше; зашли на кружало и, забавляяся до полуночи оперою, нахлюсталися, а сверх того и на дорогу скляницу водки и чарку взяли, с совершенным пошед удовольствием, повторяя те арии, которые они слышали, крича по улицам, как и ныне, ходя по улицам, пьяницы, не страшася полиции, распевают. Шед по Пречистенке и позабыв поворотить налево к мосту, куда им дорога лежала, прошли прямо, и к самым Пречистенским воротам, а рассмотрев, что Каменного моста тут нет, и вспомня, что влеве, поворотилися от ворот налево и вместо Каменного моста попали на Алексеевскую башню. «Куда меня занес черт»,— говорил подьячий. «Куда меня завел подьячий»,— говорил черт. Что они пьяные вскарабкалися на башню, это им чудно казалось, а как оттоле сойти, это им было непонятно. «Черт ведает, как отселе сойти»,— говорил подьячий, а черт говорил ему, что он этого не ведает. «Выпьем мы, друг мой сердечный, с грусти хотя по чарке водки», — говорил черту подьячий. Черт, налив чарку, говорил: «За здоровье вашей инклинации»,— и выпил. Подьячий, тоже налив себе водки, молвить хотел, да, не зная по-французски, этого не умел выговорить и сказал только: «Преждереченному последствую»,— и, позабывшися, перед чаркою перекрестился. Черт исчез, а подьячий повис на зубцах и закричал: «Караул, возьми его и меня!» Что подьячий, пив водку повис на зубцах Алексеевской башни, сия история в Москве не только старым бабам, но и малым ребятам известна. Сняли и взяли чертова наперсника под караул, отвели на съезжую, отослали в приказ и посадили на цепь. Проспавшися, хватился подьячий шапки, которую сняв он на башне при чарке водки черту кланялся, и как скоро он сорвался с цепи, пошел за шапкою. О, ежели бы он позабыл там свою подьяческую голову или бы на зубцах повешен остался! Но рок того не учинил. Пошел подьячий за шапкою и, нашед шапку, нашел чертовы крючки, которые он, провалившися, схватить не успел. Подьячий сей болезни, которая ныне под именем Акциденции распростерлася, имел уже некоторые припадки, а скорбь сия слыла еще тогда шильничеством. Шильничество так мало перед Акциденциею, как мошенничество перед грабительством. Как скоро подьячий крючок этот получил, тотчас шильничество стало жестокою заразительною болезнью, которая ныне Акциденциею называется, а бредни в болезни сей по происхождению своему названы крючками. Теми крючками вытаскивают черти у худых людей души, а сими вытаскивают подьячие у добрых людей деньги. По происхождению крючков сих из-под Каменного моста, в намять того, называются

выведывальщики винной продажи крючками. По сей же причине подьячие литер никогда равно не ставят, но всегда крючками. От сего литера *Р* с большим ставится крюком и в подьяческих названиях так употребляется; да и названия их без сия литеры не бывает; ибо это их герб. Подьячие одним пишут почерком литеры, связывая для того, чтобы и в том больше крючков было, и для умножения оных крючков часто литеры вверх кидают. Точек и запятых не ставят они для того, чтобы слог их темнее был, ибо в мутной воде удобнее рыбу ловить. Язва Акциденции день от дня преужасно размножается, и число больных неописанно велико, а ежели не употребятся к тому способы, чтоб оную болезнь истребить, так последует неизлечимое разоренье.

<1759>

СОН. СЧАСТЛИВОЕ ОБЩЕСТВО

Заснув некогда, увидел я в успокоении моем мечтание благополучия общества, приведенного в такое состояние, какового несовершенство естества достигнуть может. Был я в Мечтательной стране и рассмотрел подробно мечтательное оныя благосостояние. Страна сия обладаема великим человеком, которого неусыпное попечение, с помощию избранных его помощников, подало подвластному ему народу благоденствие. Желая объявить о порядке его владения, начну я собственно его особою. Сей государь во многоделии своем смешенных мыслей и, следственно, мрачного вида не имеет. Он имеет обыкновение не всегда в делах, но иногда и в забавах упражняться, однако и в них не погубляет он драгоценного времени; обои они на всенародной основаны пользе. Всех подданных своих приемлет он ласково и все дела выслушивает терпеливо. Достоинство не остается без воздаяния, беззаконие без наказания, а преступление без исправления. Сим имеет он народную любовь, страх и почтение. Получить его милость нет иной дороги, кроме достоинства. Раздражить его, кроме беззакония и нерадения, ничем невозможно. Слабости прощает он милосердо, беззакония наказует строго. Начальниками делает он людей честных, разумных и во звании своем искусных. Отроки по склонности в обучение отдаются, люди совершенного возраста по способности распределяются, а в начальники производятся по достоинству, и оттого им подчиненные исполняют их повеления с великим усердием, а они о их благополучии стараются. Сей государь ничего служащего пользе общества не забывает, а о собственной своей пользе, кроме истинной своей славы, никогда не думает. Благочестие, не допускающее примеситься себе суеверию в сей стране, есть основание всего народного благополучия. Духовные содержатся в великом почтении, которого они и достойны. Они во многом подобны стоическим философам, ибо страсти самую малую искру области над ними имеют, а они равны и во благополучии и во злополучии. К пище привыкли они необходимой. Кроме

необходимости, ни в чем ничего не требуют и довольствуются содержанием без малейшего излишества, не имея притом и ни малейшего вредного человеческому естеству недостатка. Все они люди великого учения и беспорочныя жизни. Первое служит ко наставлению добродетели, а второе к показанию образца проповедуемой ими добродетельной жизни. Светские почитают их безмерно; но сие не приключает им высокомерия, но увеличивает их человеколюбие. В светские дела они ни под каким видом не вмешиваются, а науки благочестия просвещением почитают. О домостроительстве они не пекутся; ибо содержит их общество, и получают они определенное, а больше того им никто участно дать не дерзает; ибо то наказанию подвержено, да они и сами в сие преступление не впадают, сие нарушает правила их и опровергает почтение, заслуженное ими по справедливости. Они к светским, а светские к ним имеют любовь, и оттого между духовными и светскими согласие, что на свете бывает редко. Суеверия и лицемерия они неприятели, первое язвою благочестия почитая, а второе лукавством, затмевающим сияние благочестия под ложным видом умножения лучей его и маскою злодеяния; ибо-де истинное благочестие притворства не требует. Главное светское правление называется там Государственный совет. В него никаких участных дел не вносится. Там распорядки, исправления, узаконения и прочие государственные основания или по повелению монарха, или по предложению оному. Узаконения в области сей делаются очень редко, а отменяются еще реже. Книга узаконений их не больше нашего календаря и у всех выучена наизусть, а грамоте тамо все знают. Сия книга начинается тако: *чего себе не хочешь, того и другому не желай*. А оканчевается: *за добродетель воздаяние, а за беззаконие казнь*. Права их оттого в такую малую вмещены книгу, что все они на одном естественном законе основаны. Преступить закон тамо народ весьма опасается, ибо, заслужив приличное вине своей наказание, уменьшения оного иметь не уповает, а живучи честно, ничего не опасается. Дражайшая безопасность, упование на невинность и неизбежное наказание твердо содержат людей сего народа в границах честности; в Государственном совете и во всех судебных местах больше судей, нежели писцов, и бумаги исходит очень мало. Писцы их пишут очень коротко и ясно. Дела во всех приказах вершатся не по числу голосов, но по книге узаконений, отчего ни споров, ни неправды не бывает. Те, которые неправильно бьют челом, сверх потеряния тяжбы и убытка, у всех в презрение приходят, а те, которые не по книге узаконений дела вершат, за неправду лишаются должностей своих; и для того узаконения, ясно изображенные, свято и ненарушимо наблюдаются. Дела окончевают очень скоро, для того что очень мало спорят, а еще меньше пишут и ни челобитчиков, ни ответчиков лишнего говорить не допускают, а главная причина скорости их — беспристрастие. За малейшие взятки лишается судья и чина своего и всего имения; однако дети

винных людей ничего не теряют, ибо все им возвращается. Дети тамо за отеческие прослуги не наказываются, а за услуги не награждаются. Не имеют тамо люди ни благородства, ни подлородства и преимуществуют по чинам, данным им по их достоинствам, и столько же права крестьянский имеет сын быть великим господином, сколько сын первого вельможи. А сие подает охоту ко снисканию достоинства, ревность ко услугам отечеству и отвращение от тунеядства. Всякая наука, всякое полезное упражнение, всякое художество и всякое ремесло, по размеру своея доброты и по размеру успеха труждающегося, тамо в почтении, а тунеядство в превеличайшем презрении, и слово тунеядец жестокая тамо брань, которыя гнушаяся, к работе люди с самого младенчества привыкают. Пьянство, мгла благоразумия и источник наглых и вредительных поведений, также в великом тамо презрении, и благоразумным обыкновением вкореняется от него в людях отвращение при воспитании. Денежные игры, приличные тунеядцам, и добывателям бесполезного обществу труда денег, и погубителям времени, могущего употребленным быть на что-нибудь надобное, у них, почитая вольность, хотя и не заказаны, подобно как и пьянство, однако часто упражняющиеся в них люди презираются. Больше месяца в судебных тамо местах никакое дело не продолжается, а по месяцу времени берут только самые завязчивые дела. Что не требует раздумчивости, на то в самую минуту предложения делается и решение. Всякое челобитье у них законною нуждою почитается, ради которой челобитчики и ответчики от своих должностей увольняются, а ежели должность просящих суда или оправдающихся по важности увольнения не терпит, тогда определенные на то стряпчие, все собрав доказательства и оправдания, с принадлежащими справками, подписанными судейскими руками, о деле стараются под смотрением начальника стряпчих, что у них чин великий. Дела из города в город и из приказа в приказ не переносятся, а ежели судящие неправильно осудят, тогда оное дело рассматривается в Государственном совете, что бывает очень редко, а по сему рассмотрению следует судьям наказание; а когда проситель судей обнесет неправильно, он еще большему наказанию подвергается, что еще реже бывает. Судьи для подозрения от дел не отрешаются; ибо никто против узаконений голоса подать не дерзает, подобно как законодавцы не должны дерзать делать узаконений против истины, и тако не судьи тамо страшны, но суд, который основан на узаконениях, а узаконения на истине. Войски их состоят под воинственным советом, а сей совет под Государственным. Главные люди в воинской службе называются военачальниками, а под ними полководцы и так ниже. Всякий военачальник и все воинские начальники прежде быть рядовыми, все нижние степени пройти и все оных исполнения познать и в них совершенно углубиться одолженны. Но не только едина привычка, ниже́ притом и мужество еще не довольно тамо для военачальника. Остроумие и вели-

кое знание сверх того ему необходимы: первое для скорого проницания, а второе для благоразумного расположения его предприятий. Воины по степеням исполняют повеления своих начальников с превеликим наблюдением и делают им великое почтение, а начальники ни малейшего к подчиненным не имеют уничтожения. В мирное время войски их непрестанно воинским обрядам обучаются и снабденны всем, во всякое время ко бранному походу готовы. К суровой жизни военные люди всеми мерами стараются привыкнуть и как защитники отечества народом почитаемы и любимы. Они имеют похвалу, что коль велико во время сражения их мужество, толики после победы их человеколюбие и великодушие. Сим приносят они сугубую славу своему отечеству и сугубое почтение от самих неприятелей. Подчиненные так обыкли повиноваться своим начальникам, что во время жесточайшего распаления единым словом обуздываются. Добычь воинская им неизвестна; то у них заказано, а что получится, то после порядочно и рассмотрительно разделяется, отчего воины думают о победе, а не о добыче. Побежденных и непротивящихся убивать запрещено, под лишением жизни. Больше бы мне еще грезилося; но я живу под самою колокольнею: стали звонить, и меня разбудили, и лишили меня сего приятнейшего привидения. Дай боже, чтобы сны, подобные сну сему, многим виделися, а особливо наперсникам фортуны.

<1759>

О ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВЕ

Домостроительство состоит в приумножении изобилия. Многие превозносятся похвальным именем Домостроителя и заслужили себе похвалу; но рассмотрим, похвалы ли они достойны или чего иного, и в чем состоит домостроительство, а паче какая от него истинная польза. На первое услышу я сей ответ: дабы умножены были тщанием хозяина прибытки; на второе: дабы тем обогащалося государство. Чьи прибытки? ежели только единого хозяина, так это только ему единому разрешение вина и елея, а крестьянам его сухоядение; а польза государственная, или паче общественная,— умножение изобилия всем, а не единому; почему ж называют тех жадных помещиков экономами, которые или на свое великолепие, или на заточение злата и сребра в сундуки сдирают со крестьян своих кожи и коих мануфактуры и прочие вымыслы крестьян отягощают и все время у них на себя отъемлют, учиняя их невинными каторжниками, кормя и поя, как водовозных лошадей, противу права и морального и политического, единственно ради своего излишнего изобилия, раздражая и божество и человечество. Блаженство состоит во спокойствии духов. Что приятнее богу и государю: то ли, когда господин обитатель великой деревни ест привезенных из Кизляра фазанов и пьет столетнее токайское вино, а крестьяне его едят сухари и пьют одну во-

ду; или когда помещик ест кашу и пьет квас, а крестьянин то же? Вкус помещика потоне,— так пускай щи его будут погуще, погуще и квас, когда ему угодно. Когда солнце равно освещает и помещика и крестьянина, так можно и крестьянину такие же есть яйца, какие высокородный его помещик кушать изволит. Должно жити мещанину пышняе поселянина, дворянину мещанина, государю дворянина; но можно и крестьянину такую же есть курицу, какую вельможе, ибо от вельможи больше рассудка требуется, а не прожорливости. Никак не вообразительно мне, чтобы вельможа от маленького человека, а малочинный от крестьянина весьма отличен был. Каждый человек есть человек, и все преимущества только в различии наших качеств состоят, а чины суть утверждения наших отличных качеств: сожаления достойно, что то не всегда бывает. Но как то ни есть, уступим политическому расположению, когда моральное мало свойственно роду человеческому, и утвердим поместничество, или паче власть нашу, свойственную единому человеколюбию. Власть быти должна: не деревня будет, но гнездо разбойническое, где нет у поселян ни приказчика, ни старосты. Тело без головы быти не может, однако и мизинец ноги есть член тела.

Помещик, обогащающийся непомерными трудами своих подданных, суетно возносится почтенным именем Домостроителя, и должен он назван быть доморазорителем. Такой изверг природы невежа и во естественной истории и во всех науках: тварь безграмотная, не почитающая ни божества, ни человечества, каявшийся по привычке и по той же привычке возвращавшийся на свои злодеяния, заставляющий поститься крестьян своих ради наполнения сундуков своих, разрушающий блаженство вверенных ему людей, стократно вредняе разбойника отечеству. Увеселяюся ли я тогда, имея доброе сердце и чистую совесть, когда мне такой изверг показывает сады свои, оранжереи, лошадей, скотину, птиц, рыбные ловли, рукоделия и прочее? Но я с такими Домостроителями не схожуся и пищи, орошенныя слезами, не вкушаю. Много оставит он детям своим; но и у крестьян его есть дети. В таком обеде пища — мясо человеческое, а питие слезы и кровь их. Пускай он то сам со своими чадами кушает.

В моде ныне суконные заводы; но полезны ли они земледелию? Не только суконные дворянские заводы, но и сами лионские шелковые ткания, по мнению отличных рассмотрителей Франции, меньше земледелия обогащения приносят. А Россия паче всего на земледелие уповати должна, имея пространные поля, а по пространству земли не весьма довольно поселян, хотя в некоторых местах и со излишеством многонародна. Тамо полезны заводы, где мало земли и много крестьян. Но чтобы заводы и крестьянам, а не одному помещику доходны были и были бы крестьяне работники, а не каторжники. Крестьяне не работы, но каторги гнушаются. А блаженство деревни не во едином изобилии помещика состоит, но в общем. Ежели помещик почитает себя головою сво-

их подданных, так, сохраняя голову, сохранит и мизинец; ибо голова тела и мизинцу сострадет. Но таковые гнусные Домостроители не почитают себя головою своей деревни и не отличают крестьян от лошадей: на лошади такой человек ездя питает ее ради того только, чтобы она его возила; людей он содержит на корме единственно только ради работы, не памятуя того, что и крестьянин не ради единого помещика от бога создан.

Наша премудрая обладательница печется о домостроительстве, но домостроительство помещичье есть яд империи, когда оно только единого помещика обогащает. Но я похвалу, экономам соплетаемую, слышу только о таковых помещиках, которые свои собственные доходы умножают,— так кажется мне, что люди гнусные, похвалою ободряемы, ободряются к разорению своих подданных и ко вреду своего отечества.

Сколько мало имею я времени писать о домостроительстве, упражняяся и соликовствуя с музами, толико много я имею о сем веществе ясным рассмотрением готовых ко рассуждению мыслей. О, если бы мнимые Домостроители такое попечение о своих крестьянах имели, какое они о себе имеют. Но что делаю я в рассуждении моих крестьян по домостроительству? Что я против беззаконного домостроительства пишу, то я и делаю.

<*1759*>

ЛИТЕРАТУРА 1760-ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 70-х ГОДОВ

В. И. ЛУКИН

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К КОМЕДИИ «ПУСТОМЕЛЯ»

...Комедия сия взята из театра господина Боасси[1], где она под именем «Babillard»[2] напечатана, и я, не присвоивая себе чужих трудов, признаваюсь, что она не моя, а переделанная мною на наши нравы и обыкновении...

...Заимствовать необходимо надлежит: мы на то рожденны; но надлежит в том и признаваться; а чужое присвоивать есть дело весьма непохвальное...

1765

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К КОМЕДИИ «НАГРАЖДЕННОЕ ПОСТОЯНСТВО»

...По моему мнению, всякий человек, увидя другого в ослеплении, должен всевозможно стараться подать оному просвещение и чрез то его исправить и привесть на путь истины. Сие называется и вечно называться будет долгом истинного гражданина и честного человека, желающего пользы как своему отечеству, так и всей ему подобной твари. Чрез неосновательную хулу и язвительные слова познается зависть и злосердие, ужасные чудовищи, не терпящие ничьего благополучия; а чрез порядочное погрешностей осуждение и чрез подание советов к исправлению оных открывается добронравие и искренность, драгоценные качествы, род смертных украшающие...[3]

...Сия комедия переведена мною из театральных сочинений господина Кампистрона[4]. Там именуется она «L'Amante Amant», и у меня в переводе «Любовницею любовник» сперва названа была... Любя угождать всем честным людям, а особливо знакомым... за один прием переименовал я и комедию, назвав ее «Награжденным постоянством», потому что «Любовница любовник» — название весьма не изобразительное. Поступив на сие, пустился я и на прочее, то есть склонил оное сочинение на свои нравы и переменил имена французские, которые на нашем языке в переведенных комедиях, когда они представляемы бывают, странно отзываются, а иногда слушателей и от внимания удаляют...

...Зрители имели бы довольную причину негодовать на меня, если бы Тимандр, у меня Евграфом названный ... говоря сатиру на необузданный партер, стал вплетать чужие имена и речения, которые бы не наших жителей осмеивали. Сие бы для всякого

---

[1] *Луи де Буасси* (1694—1758) — французский драматург.
[2] «Болтун» *(франц.)*.
[3] Лукин нападает на сатиру (прежде всего на сатирические комедии Сумарокова).
[4] *Жан Гальбер де Кампистрон* (1656—1723) — французский драматург.

было неприятно, а прямых бы знатоков на меня жестоко огорчило, и хотя оных у нас мало, однако я их большому числу предпочитаю. Итак, если бы Тимандр следующее при них выговорил: «Едва успел я из Фландрии приехать, так уже и просили меня старые знакомцы испортить новую, из Лиона присланную комедию, которая к представлению на Королевском Театре назначена»,— ежели бы он сие при них сказал, то бы на тот раз преселил их из Петербурга в Париж, а может быть, и столько бы им досадил, что и из театра бы выгнал; а я того-то и не желаю... [1]

С самого того времени, как началось преложение комедии, некоторые люди без всякой причины стали жестоко негодовать и поныне негодуют на сие не только невинное, но и доброжелательное намерение и оное вовсе отвергают. Три в прошлом году представленные комедии: «Француз русской» *, «Корион» ** и «Награжденная добродетель» *** — вытерпели жестокое нападение, и хотя оное совсем неосновательно было, однако многих поборников по себе имело. Словом, ничто не могло удержать ядовитой зависти, на них вооружавшейся: не только удовольствие многих зрителей, ниже́ благоволение, от двора оказанное...[2]

...Они лишь следующими словами всегда мнение свое утверждают: «Переделывать комедии стыдно для прелагателя, а потому бесчестно и для его одноземцев. Лучше-де свои подлинные делать или над чем-нибудь полезным трудиться». Вот все их доказательства! Но надлежит ко всякому речению прибавить по нескольку бранных слов, на лицо трудившегося произносимых. Читатели не должны сему дивиться, ибо брань есть обыкновенное сущих невежд оружие. Мне же кажется, что не комедии переделывать стыдно, но стыдно браниться; а в том, что лучше подлин-

---

[1] Процитированная Лукиным реплика в тексте его переделки звучит так: «Лишь только я с старыми знакомцами увиделся, то просили меня, чтобы я пособил им испортить какую-то новосочиненную, молоденького писца, комедию, которую в первый раз представлять будут».

* Из театра барона Гольберга преложена статским действительным советником и кавалером господином Елагиным.

Людвиг Гольберг (Хольберг) (1684—1754) — датский драматург и теоретик театра; из его «Рассуждения о комедии» целиком заимствована теория «преложения на наши нравы», развиваемая Лукиным (впрочем, без указания источника).

** Из дел господина Грессета, где она под именем «Сиднея» всему ученому свету известна, переделана и переименована господином Фонвизиным.

Жан Батист Луи Грессе (1709—1777) — французский поэт и драматург.

*** Подлинное сочинение англичанина господина Гюма, именуемое «Вольный дом, или Шотландка»; на французский язык преложено господином Вольтером; а с оного уже на российский господином Ельчаниновым; и сия драма, преобразившись в нашу одежду, обогащена еще многими изящными мыслями.

Гум (Гюм) — один из псевдонимов великого французского писателя-просветителя Вольтера.

[2] Произведения членов «елагинского кружка» и теория самого Лукина вызывали благосклонное отношение двора и императрицы постольку, поскольку реализовали литературную политику самой Екатерины II.

ные делать, все, существо драм знающие, без малейшего противуречия согласны с ними будут. Желал бы и я сочинять наши подлинные комедии, но не только что сил, да и времени довольно на то не имею. Удобнее делать таким людям, которые ничем не заняты...[1]

...Подражать и переделывать — великая разница. Подражать — значит брать или характер, или некоторую часть содержания, или нечто весьма малое и отделенное и так несколько заимствовать; а переделывать — значит нечто включить или исключить, а прочее, то есть главное, оставить и склонять на свои нравы...

...Нет у нас никакого сочинения, которое хотя бы малое сведение о театральных сочинениях подавало и руководствовало начинающим, кроме нескольких стихов в «Эпистоле» господина Сумарокова; но и оные почти мимоходом сказаны... А написать речь о театре для вразумления наших одноземцев не великого труда стоит. Ее не самому изобретать должно, а только черпать из чужих писателей...

1765

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К КОМЕДИИ «МОТ, ЛЮБОВИЮ ИСПРАВЛЕННЫЙ»

...Большая часть комических и сатирических писателей принимается ныне за перо по единой из трех нижеследующих причин. *По первой,* чтобы из самолюбия прославить имя свое, показав как единоземцам, так и единовременным, труд, на некоторое время внимания их достойный, и чрез него привлечь читателей к оказанию себе почтения... *По второй,* чтобы получить прибыток, не смотря на то, полезно ли обществу сочинение его, и забыв о том, что писателю должно приобретать корысть, всем людям свойственную, если не полезным, так уже всеконечно безвредным средством для сограждан своих. *По третьей,* чтобы удовольствовать зависть, злобу и мщение, коими они участно против некоторых людей заражены бывают, или чтобы по врожденной ко всем ближним ненависти, не терпящей чуждого благополучия, вредить невинную добродетель и словами и писанием. Но как все таковыми причинами производимые сочинения мне столь отвратительны, что я за самый грех поставляю когда-нибудь дать им место в своем сердце, то и принялся я за перо, следуя единому только сердечному побуждению, которое заставляет меня искать осмеянием пороков и своего собственного в добродетели удовольствования, и пользы моим согражданам, доставляя им невинное и забавное времени провождение...

Наименовал я мою комедию «Мотом, любовию исправленным» для того, чтобы, показав в предосторожность молодым людям опасности и позор, от мотовства случающиеся, иметь способы угодить всем зрителям, по различию их склонностей. Одна и весьма

---

[1] Снова выпад против Сумарокова — первого (и единственного в это время) профессионального писателя России.

малая часть партера любит характерные, жалостные и благородными мыслями наполненные, а другая, и главная,— веселые комедии. Вкус первых с того времени утвердился, как они увидели Детушевы и Шоссеевы[1] лучшие комедии. Для сего надлежало мне стараться ввесть явления жалостные, чего бы, не назвав комедию мою «Мотом, любовию исправленным», сделать не столь способно было... Герой мой Добросердов, как мне кажется, вподлинну имеет доброе сердце и с ним соединенное легковерие, что и погибель его составило... Я показал в нем большую часть молодых людей и желаю, чтобы большая часть ежели не лучшими, так, по крайней мере, хотя бы такими же средствами исправлялись, то есть наставлением добродетельных любовниц... Слуга сделан у меня весьма добродетельный, и некоторые осуждатели, на меня вооружавшиеся, мне говорили, что у нас таких слуг еще и не бывало.— Станется,— сказал я им,— но Василий для того мною и сделан, чтобы произвесть ему подобных, и он должен служить образцом. Мне совестно бывало, милостивцы мои,— продолжал я,— и на то смотреть, что во всех переведенных комедиях слуги превеликие бездельники и что они при развязке почти все за плутни без наказания остаются, а иные еще и награждение получают.— Услышав сие, с ругательною улыбкою один из них сказал мне: но к чему ж вдруг столь избранное и плодовитое нравоучение для подлого сего рода? На сие мною ответствовано: чтобы очистить оный от подлости и научить усердию к господам своим и поступкам, всякому честному человеку приличным...

...Слуга Детушева Мота вольный, а Василий крепостной. Тот, будучи вольный, дает деньги господину своему в самой крайности; признаваюсь, что добродетель от толь низкого человека великая, но Васильева больше. Он отпускается на волю и получает награждение, но того и другого не приемлет. Положим, что деньги для него безделица; но вольность, сия драгоценная вещь, о которой они паче всего пекутся и для которой добрые из них молодые свои леты усердно нам прослуживают, дабы в старости из кабалы освободиться,— однако Василий презирает вольность и остается при господине своем. Вот примерная добродетель, и такая, которая и в боярах общею назваться не может...

Теперь остается мне, оканчивая сие предисловие, еще всех читателей уверить, что написал я «Мота» отнюдь не для того, дабы сатирически язвить единоземцев моих, но единственно для их пользы и для доставления им невинного удовольствия...

...Я сам ведаю, что комедия моя не обогащена превосходными и отборными мыслями, а писана как можно ближе к образцам, оную составляющим. Главное мое желание, которое весьма легко и исполниться может, состоит в том, чтобы увидеть себя преуспетым в оном роде сочинений...

1765

---

[1] *Филипп Нерико Детуш* (1680—1754) и *Пьер Клод Нивель де Ла Шоссе* (1692—1754) — французские драматурги, авторы «серьезных» комедий.

МОТ, ЛЮБОВИЮ ИСПРАВЛЕННЫЙ

КОМЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

(Отрывок)

Действующие лица

Добросердов большой } родные братья.
Добросердов меньшой }
Княгиня, вдова, влюбленная в большого Добросердова.
Клеопатра, племянница княгинина, любовница большого Добросердова.
Злорадов.
Степанида, служанка княгинина.
Василий, дядька большого Добросердова.
Панфил, слуга меньшого Добросердова.
Пролазин, стряпчий.
Правдолюбов.
Докукин.
Безотвязный.
Вдова, каретница.
Дочь каретницына *(без речей).*
Слуга большого Добросердова.
Магистратский канцелярист.
Рассыльщики *(без речей).*
Несколько купцов и извозчик, заимодавцы большого Добросердова *(без речей).*

Действие в Москве, в княгинином доме.

(Легковерный молодой человек Добросердов-большой (т. е. старший) увлекся карточной игрой и в два года промотал отцовское имение, наделал долгов, чему немало способствовали советы его мнимого друга, коварного Злорадова, с дурным влиянием которого пытался тщетно бороться слуга Добросердова, его дядька Василий. К счастью для себя, Добросердов влюбился в добродетельную Клеопатру, отвечающую ему взаимностью, и, чтобы чаще видеться с ней, поселился в доме княгини, в которую он вынужден притвориться влюбленным. Предложение Добросердова бежать из Москвы в деревню к его младшему брату Клеопатра отвергает, но в момент объяснения входит княгиня; разгневанная, она отправляет Клеопатру якобы в монастырь, Злорадов же подстрекает кредиторов Добросердова, чтобы они посадили героя, как несостоятельного должника, в тюрьму. Добросердов собирается бежать из Москвы.)

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Явление VI

Василий *(вошедши).* Чего изволите?

Добросердов. Все ли готово? И проведал ли ты о Клеопатре?

Василий. Все, сударь, готово, и я выспросил у Мавры, что княгиня любовницы вашей постричь не хочет, только на время скрыть ее намерена.

Добросердов. Я ее везде сыщу! Но ты теперь искренностию своею грызение совести моей усугубляешь... И я за все твои услуги достойного награждения воздать не в силах; но сколько

имею, разделю с тобою. Вот половина моего богатства! И вот тебе отпускная! С этой минуты ты волен. Поди и ищи в другом месте счастия, а меня оставь одного злополучную жизнь мою оканчивать. Она не долго продолжится. Прийми и не отрицайся!

Василий. Не возьму, сударь, ни того, ни другого. И когда уже я в то время не отставал от вас, когда сносил всякую нужду и видел вашу к себе немилость, то могу ли вас покинуть тогда, когда вы добродетельны стали и в моих услугах пуще прежнего нужды имеете? Я не для того прошедшее напоминаю, чтобы вас больше опечалить, но чтоб уверить в моем усердии. Я вечно не расстанусь с вами.

Добросердов. О редкая в человеке такого состояния добродетель! Ты своею честностию меня удивляешь. И я за то, что в тебе сомневался, довольно уже наказан.

Василий. Не вы одни во мне сомневались, и я уже узнал, каково трудно нажить имя доброго человека. Ежели бы я был бездельник, то бы вместе с Злорадовым вас обворовывал и...

Добросердов. Не напоминай об нем. Ты уже довольно доказал мне доброе свое сердце.

Василий. Но я должен признаться, что этим честным поступкам научил меня покойный ваш родитель. Он всегда наблюдал истину, а пороки и из слуг своих выводить старался. Но для кого? Все для детей своих, чтобы утвердить их в добродетели.

Добросердов. Не напоминай мне о достоинствах моего родителя. Они меня больше смущают. Сколько он был добродетелен, столько я порочен. Не поеду теперь к дяде и брату, а пущусь, куда судьба мне путь покажет. Прийми это и простись со мною вечно.

Василий *(упавши на колени)*. Ежели вы мои услуги и верность во что-нибудь почитаете, так...

Добросердов *(поднимая Василья)*. Встань!

Василий *(вставая, речь свою продолжает)*. Так хотя для них при себе оставьте. Послушайте моего совету и к дядюшке...

Добросердов. Не принуждай меня.

Василий. Жалея о себе, исполните мою просьбу. Сам бог за ваше обращение дядюшку к жалости склонит, а ежели вы к нему и не поедете, так я от вас не отстану ж.

Добросердов. Не убеждай меня более. Я стыжуся им показаться. Еще раз прошу тебя! Прийми в награждение за всю свою верность.

Василий. А я еще осмеливаюсь просить вас, чтобы вы уже хотя не для слуги своего, а ради собственной пользы и ради спасения жалости достойной Клеопатры сде...

Добросердов. Произнесши ее имя, ты меня ко всему принудить можешь. Притом и благодарность велит мне не только слушать твои советы, но им и повиноваться. Поедем к дяде. Спасем любезную Клеопатру, а потом я тебе докажу мою благодарность. *(Хотят идти, но в то время входит вдова с дочерью.)*

Явление VII

Добросердов, Василий и вдова с дочерью

Добросердов. О боже! Ты и эту бедную послал к пущему мне мучению, но она обманута не будет.

Вдова. Не прогневайтесь, сударь, что я пришла вас беспокоить. Самая крайность меня к тому принудила. Вам известно, что покойный мой муж ждал на вас долгу своего год, а я полтора жду. Помилуйте бедную вдову с сиротами! Вот из них старшая, а дома еще четверо остались.

Добросердов. Я знаю, сударыня, что виноват перед вами, но не могу вам заплатить всех денег и божусь, что больше трехсот рублей не имею. Возьмите их, а достальные полтораста вы чрез три дня или меньше, конечно, получите. Хотя вы и услышите, что меня в городе не будет, однако тем не беспокойтесь. Этот человек вам их вручит; поверьте мне и оставьте меня в покое.

Вдова. Я и тем довольна *(уходит)*.

Явление VIII

Добросердов и Василий

Добросердов. Теперь же поеду я из города, а ты останься здесь. Уже не приказываю, но прошу, послушай меня! Продай все мои вещи и бедную эту вдову удовольствуй. Я уповаю, что столько за мое платье и белье получить можно.

Василий. Я от вас не...

Добросердов. Не ослушайся моей просьбы, и когда я уже на твою соглашаюсь, так и ты мою исполни. В твою угодность я прямо к дяде поеду, и ты, исправивши положенное, меня у него сыщешь. Прости!

(Купцы-кредиторы приводят, по наущению Злорадова, магистратского канцеляриста и рассыльщиков, чтобы вести Добросердова-большого в тюрьму. Однако неожиданно появившийся меньшой Добросердов объявляет, что скончавшийся дядя оставил все свое состояние братьям, и долги большого Добросердова, который стал очень богат, могут быть выплачены. Дабы «магистратская команда» оказалась вызванной не напрасно, купцы решают отправить в тюрьму Злорадова, который также является их должником.)

Явление XII

Княгиня, Б. Добросердов, М. Добросердов, Василий и Злорадов *(который разные делает телодвижения и изъявляет крайнее свое смятение и расстройку)*

Б. Добросердов *(брату)*. Ты хотя избавил меня от бесчестия, но совершенного благополучия моего сделать не в силах. Мне возлюбленной моей не видать уже...

М. Добросердов. Сей же час ее увидишь. Василий, поди и попроси сюда госпожу Клеопатру. Она у ворот сидит в карете.

Василий. Тотчас, сударь.

Б. Добросердов. Что? Она... она здесь...

М. Добросердов. Тотчас ее увидишь.

Злорадов. О превратная судьба!

Княгиня. Что я слышу!

Явление XIII

Княгиня, Б. Добросердов, М. Добросердов и Злорадов

Б. Добросердов. Но не льстишь ли ты меня? Я сам побегу к ней. *(Бежит, а меньшой брат, достигши, останавливает.)*

Княгиня *(в сторону)*. Как мне увидеться с нею? С стыда умру. *(Злорадову.)* Отойди от меня, беспутный.

М. Добросердов *(брату)*. Не ходи, а побудь здесь. Я расскажу, каким незапным счастием удалось мне привезть твою любовницу. Подъезжая к Переславской ямской, встретился я с каретою и услышал, что меня сидящие в ней просили остановиться. Вышедши, увидел я Клеопатру и Степаниду, и честная эта служанка о всем твоем злополучии меня уведомила и сказывала, что вместо монастыря везла Клеопатру, не сказавши ей, прямо в деревню покойного нашего дяди, и с дороги хотела тебя о том уведомить. Напротив того, объявил я им премену твоего счастия, и мы с Степанидой насилу уговорили твою любовницу сюда возвратиться.

Б. Добросердов. А! Любезный брат, ты мне жизнь даруешь!

Злорадов *(в сторону)*. Сносно ли это? Глупая девка всю мою хитрость в ничто обратила!

Явление XIV

Те же, Клеопатра, Степанида и Василий

Княгиня. Не смею глядеть на ее, и ноги мои держать меня не могут. *(Облокачивается о кресла и закрывается платком.)*

Б. Добросердов *(бросаясь к Клеопатре, целует ее руки)*. Дражайшая Клеопатра! Позволь мне облобызать твои руки, и прежде всего выслушай мою просьбу. Забудь минувшее! Прости свою тетку! Она ни в чем не виновата *(глядя на Злорадова)*, а он всему причиною. Скажи, что не только ничего с нее взыскивать не будешь, но дашь ей на прожиток хорошую деревню. Я теперь уже столько богат, что мне в твоем приданом нет нужды. Я прошу этого у тебя в знак твоей ко мне любви. Сделай!..

Клеопатра *(Добросердову)*. Я и более того сделаю. *(Оставя его, бежит к княгине, хочет упасть к ногам ее, но та ее не допускает; однако она берет у ней руку и целует.)* Не мне, сударыня,

прощать вас должно, а вы мне вину мою отпустите, что я против воли вашей дерзнула возвратиться. Живучи здесь, никакой досады я себе не видала и должна была по приказанию моего родителя во всем вам повиноваться. Простите меня! Я слова его *(указывая на Добросердова)* подтверждаю и прошу со слезами...

Княгиня *(плачучи)*. Перестань в пущий стыд меня приводить! Перестань, любезная племянница! Ты покорностию своею раскаяние мое умножаешь... Я так перед тобою виновата, что такого великодушия недостойна. *(Указывая на Злорадова.)* Этот злочестивец ко всему подбил меня! Но я будущею жизнию постараюсь вину мою загладить... С этой минуты оставляю прежние мои поступки и по смерть неотлучно буду с вами... *(Обнимаются.)*

Злорадов *(во время княгининой речи два раза покушался уйти, но, вдруг собравшись с силами, возвратился и, приближась к Добросердову, с унижением ему говорит)*. Когда вы все здесь столь великодушны, так и я надеюсь получить прощение.

Б. Добросердов. Что до меня...

М. Добросердов. Нет, братец! Не должно его прощать. Мы чрез то честным людям много вреда наделаем. Пусть он за свое злодейство получит достойное возмездие, а ежели исправится, то я помогать ему первый не отрекуся.

Злорадов *(М. Добросердову)*. Когда ты теперь меня столько презираешь, то я тебе зло прежде всех потщуся сделать. Время впереди, а я его на то и употреблю, чтобы всем вам погибели строить. *(Уходит, и как скоро отворяет дверь, так скоро Докукин с товарищи, ждущие его, берут.)*

Василий *(вслед Злорадову)*. Ты теперь нам не страшен, и тебя у ворот ожидают. *(Как скоро купцы его подхватят, говорит.)* Да вот ты уже и попался в ту яму, которую другу своему готовил.

Явление последнее

Княгиня, Клеопатра, Б. Добросердов,
М. Добросердов, Степанида и Василий

М. Добросердов. Видишь ли ты, каков он?

Б. Добросердов. Я ему все прощаю.

Княгиня. Отпусти же и мне вину мою по примеру своей любовницы, и когда она еще меня почтением и дружбою удостоивает, то я данную мне над нею власть употреблю в вашу пользу. *(Берет Добросердова и Клеопатру за руки.)* Я вечно на ваше благополучие согласуюсь и прошу, чтобы не лишить меня вашей дружбы.

Клеопатра. Я навсегда покорною племянницею буду.

Б. Добросердов. Мое к вам почтение по смерть не переменится, и вы всякий опыт от меня потребовать можете. Я же, надеяся на вас, беру смелость теперь просить о такой милости, которая очень нужна нам.

Княгиня. Все, что я в силах, радостию исполню.

Б. Добросердов. Простите, сударыня, Степаниду и дайте ей волю, так как я моего Василия вечно освобождаю. Они друг друга любят.

Княгиня. Она в твоей власти, освобождай ее!

Степанида *(целует руку у княгини)*. Ваших милостей, сударыня, по гроб не забуду.

Б. Добросердов *(взявши Василия и Степаниду)*. Теперь вы вольные люди. Вот отпускная, которой ты давича взять не хотел, и я даю тебе на свадьбу две тысячи рублев, и хочу, чтобы ты ни одним словом не отрицался.

Василий *(принявши, кланяется)*. Милости ваши теперь я принимаю, и хотя вы на волю меня отпускаете, однако я вечно в знак моей благодарности служить вам буду. И когда вы уже благополучны стали, то нам еще того лишь пожелать должно, чтобы все девицы вашей любовнице уподоблялись, а устарелые кокетки, которые во гроб с жеманством сходят, следуя ее сиятельству, от того отвращение получили. Все бы моты по вашему примеру на истинный путь обращались, а слуги и служанки, как я и Степанида, верно господам служили. Наконец, чтобы неблагодарные и лукавцы, страшась гнусных своих пороков, от них отставали и помнили бы, что бог злодейства без наказания не оставляет.

1764

Я. Б. КНЯЖНИН

БОЙ СТИХОТВОРЦЕВ

ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭМА

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Пою сражение героев я бумажных,
Книгопродавцев брань, наборщиков отважных,
Которые за честь им авторов драгих
Не пощадили зуб, ушей, носов своих!
Сокройтесь все теперь Гектóры, Ахиллесы,
Помпеи, Цезари, военные повесы!
Се муза возгласит в концы вселенной всей
От Невских берегов до Старой Руссы сей,
Где Волховь грязная среди болот крутится
И где нечистоте ее Нептун дивится.
Снимайте шапки вы, мохнаты мужики,
Внемли мне, молодость, внимайте, старики:
Уж Ломоносов здесь, меж облаков летая
И яры молнии с росой упоевая [1],
Нас чрезъестественной мог высотой дивить,
Но сей великий муж казался боле быть,
Когда, огромными он не шумя словами,
Украшен простоты естественной дарами,
Сердца в нас восхитя счастливейшим стихом,
К местам тем возносил он быстрым нас умом,
Велики души где, умы, его подобны,
Короны лавровы себе сплетать удобны,—
На геликонский верх, где он пред нами стал,
Героев прославлял, тлен смертности попрал.
И Сумароков здесь, в любовной млея неге,
Довольно показал, что здешни хлады, снеги
Не могут воспретить нам страстию пылать:
Здесь можно жарку быть, в Париже замерзать.
Но сей любови друг в позорищах, плачевных
От смертной горести, от вздохов повседневных,
Среди нежнейших чувств, прекраснейших стихов,
Которых похвалить недостает мне слов,
В нередких «ах», увы, покоился дремотой
И зрителей своих отягощал зевотой [2].
Прости мне, Аполлон, что я могу дерзать

---

[1] Стих Ломоносова «Упейся, молния, росою» вызывал насмешки современников и поэтов последующих поколений.

[2] *Позорища* — трагедии. Княжнин указывает на то, что чувства в сумароковских трагедиях иной раз выражены однообразно.

То, что все думают, в стихах своих вмещать.
Что двух твоих детей, возлюбленных тобою,
Пороки зреть могу, прельщенный их красою.
Ты должен их виной всему тому считать[1]:
Я, знав, что хорошо, могу, что худо, знать.
Они, мя осветив своих стихов лучами,
Открыли светом мне глаза над теми тьмами,
Которы их красы не могут помрачить:
Во темной ночи свет прекраснее блестит.
Уж громкий лирик наш и Сумароков нежный,
Взошедший на Парнас, от злобы, неизбежной
Великим людям всем, не зрят себе препон.
Уж там их имена, где славы вечной трон.
И лавки книжные, умы их в свет пущая,
Сердца всех человек под власть их съединяя,
Внушали зависть тем, что, славу полюбя,
Искали большу честь, честь малую губя!
Подобны Псу тому, о чем Езоп вещает,
Который мяса часть из жадна рта пущает,
Чтоб бо́льшую достать, в воде котору зрит,—
Алкают сочинять, и кровь в них вся кипит.
О муза! Нареки их, гордых, именами,
Что, не стыдившися быть названы срамцами,
Для славы вечныя пошли вослед скотин:
Учитель Лукина[2], фон Визин, сам Лукин,
Козловский разноглаз, Елчанин — сей друг верный
И в дружбе человек и в враках беспримерный,
Котора наконец Лукин письмом почтил.
Но чести сей еще он недостоин был,
Когда учитель благ[3], собравши их всех вместе,
Вещал к ним так: «На сем умрем, о други, месте!»
Тут мудрая глава, сраженная бедой,
Не могши продолжать, толкала в грудь брадой,
И зависть бледная, усилившись, синела,
Которая в устах его всегда сидела;
Огнь ярости в глазах, как молния, блистал.
Пред жаром Визин сим зрак быстрый потерял,—
С тех пор он помощи себе лорнета просит,
С тех пор всегда Лукин власы как уголь носит,
Увы! — и пудрить их не хочет никогда,
Чтоб память грусти той оставить навсегда.
Кто первый изо всех осмелился желати

---

[1] Т. е. достоинства сочинений Ломоносова и Сумарокова позволили современникам увидеть отдельные недостатки их произведений.
[2] Организатор и глава кружка статс-секретарь императрицы И. П. Елагин.
[3] «Благий учитель мой» — выражение самого Елагина; своим «учителем» печатно именовал Елагина Лукин.

Причину горести учителя познати?
Ты, хвальный юноша...[1]

. . . .

...В затылке почесал, чтоб вызвать мысль свою,
Разинул прежде рот и начал речь сию:
«Учителя глаза вы видите днесь слезны,
Соотчичи * мои, друзья мои любезны.
Фон Визин, острый дух, российский Боало,
И ты, которого Шоссеем назвало
Сообщество сие, меж нами учрежденно,
Елчанин, коего зрю чувство сокровенно,
И ты, которому я имя после дам,
Козловский, по твоим, мой друг, смотря трудам...[2]

. . . .

. . . . что может сокрушати
Великий дух его, наполненный доброт».
Сим тронуты кричат: «Несносен нам живот!
Спроси учителя, что грудь его терзает?»
Тогда он щепетко * к владыке подступает,
Подобен конику, что, сделавши, столяр
Выносит продавать ребяткам на базар.
Уже к учителю свои простер он персты,
Уже готовые уста были отверсты,—
Но взор наставника потуплен и смущен,
Сим видом дорогим не мог быть возбужден.
Три раза Лукина язык в губах толкался
И столько ж раз к его гортани прилеплялся.
Молчанье страшное с ужасной тишиной
Равняли те места с дремучей той страной,
Где тени человек умерших обитают.
Как мухи вдруг туда журчащи прилетают!
О твари малые! вы хрáбрей Лукина.
Учителю на нос из них летит одна
И прочи по щекам ослабшим в ряд садятся
И щекотить лице дебело не страшатся.
Их жало ощутив, преславный се́й мудрец
Изгнал весь страх своим движеньем из сердец:
Собрался с мыслями, повсюду оглянулся,
Поднявши руки вверх, вздохнул и потянулся.
«Вы, без сумнения,— к собранью он вещал,—

---

[1] В следующих 11 стихах (сохранившихся неполностью) иронически характеризуется «хвальный юноша» Лукин, которому «дар свыше дан» сочинять длинные предисловия и портить чужие комедии. «Учителя зря гнев», Лукин долго собирается с духом, чтобы обратиться к «сообществу» с речью.

* Слово г(оспо)д(и)на Лукина из Предисловия.

[2] Здесь содержится часть речи Лукина, который обращает внимание сотоварищей на «склоненную на плечи» «в сей прелютейший час» голову «учителя» и хочет «вопрошати» его о причинах горести.

* Слово г(оспо)д(и)на Лукина.

Дивитесь, что я слов начатых не скончал,
Но коль познали б вы вину моей печали,
Смятенью моему дивиться б вы престали...
Но не страшитеся, любезные друзья,
Не подлости какой алчба разит меня,
Мой дух известен вам... Я славы лишь желаю!
О слава! для тебя я в трудный путь ступаю,
Чрез множество стремнин и бед хочу прейти...
Не устрашитесь ли за мной вы вслед идти?
Все Сумарокова с восторгом похваляют,
Чтят Ломоносова... Вот чем меня терзают.
Но к славе не один есть твердым смертным путь,
И может быть, и нас венцы лавровы ждут.
Дерзнем насмешников на свист и хохотанье,
Угрюмых строгих мы судей презрев ворчанье,
Благопристойности завесу разорвем,
В природе гнусно что, то на театр взведем».
Сказав сие, тряхнул главой он с важным взором
В знак неминуема писанья всем собором.
Единогласно все собрание кричит:
«Мы станем сочинять, хоть гром нас поразит!»
От звука гласа их бумаг трепещут дести,
Чернил река течет, в путь и́дут перья, чести.

Конец первой песни

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Внизу парнасских гор, высоких и прекрасных,
Жилище для писцов соделано несчастных,
Которых быстр Пегас своим копытом бьет,
Из дерзких в глупости рук у́дило он рвет
И, сбросивши с себя, в болоты низвергает,
Где в вечной грязи сбор лягушек обитает,
Там слышен только лишь сих гадин скверный крик,
На что ответствует писцов гнуснейший рык.
Там Тредьяковский, сей поэзии любитель,
Для рифмы разума, рассудка истребитель,
На куче книг лежа́, есть просит, пить в стихах,
Пред ним чудовище о многих головах,
Которы Аполлон сатирами считает [1],
Но тщетно погубить урода он желает:
Где была голова, там сто голов растет,
Не кровь — чернил поток в груди его течет.
Оно, сто толстых книг держа сухой рукою,
Жмет Тредьяковского нос колкою ногою
И нудит преложить во рифмы горы книг

[1] Т. е. считает сатирами на подлинное искусство.

И всю вселенную вместить в единый стих.
Чудовище сие есть та писать Охота[1],
Коей рождается в читателях зевота,
Отличная от той, что Аполлон дает,
Которая на верх Парнаса нас ведет,
Котора, в душу вшед, луч ясный возжигает
И человеков ум во мраке просвещает.
Прекрасна сколь сия, толико та гнусна:
Одна Мольерова, другая Лукина.
Богиня Лукина читала «Аргениду»
И вымышляла, как отмстить за ту обиду,
Что презирает всяк любезну книгу ей;
Тогда чудовище с поспешностью пред ней,
Составленно из глаз, очей и уст, явилось:
Оно вещает все, что в свете приключилось.
Чудовище сие мы называем Весть,
Что проповедует страм смертных или честь.
Лишь черную она Алчбу писать узрела,
Во все свои уста тотчас и зашумела:
«Доколь, Алчба писать, ты будешь не радеть
И большего себе во жертву не хотеть?
Иль только в свете есть один лишь Тредьяковский?
Фон Визин есть, Лукин, Елчанинов, Козловский».
Сие сказавши, вдруг отправилася в путь,
Как вихрь, который мог лишь прах с земли тронуть,—
И тотчас к небесам, крутя, песок возвился.
В Охоте сочинять дух радостью взмутился,
И чище протекать чернилы стали в ней.
Единым махом лишь она руки своей
Все Тредьяковского стихи к себе сбирает,
«Кто хочет мне из вас служити?» — вопрошает.
Готовы все были, все ревностью горят
До последней стопы ей в жертву потерять.
Тогда, твердейшего избравши гексамедра,
Что вырыла она из «Аргениды» недра,
Наместо шишака спондей ему дала
И панцирь из трохей и ямбов соплела,
В десницу не копье — перо свое вложила,
Которо влагою в устах своих мочила,
И, препоясавши чернилицу к бедра́м,
Сказала: «Ты готов за мой отмстити страм.
Взлезь на осла, ступай на разум ополчися,
Сразившись с ним, сюда с победой возвратися.
Есть новые писцы, готовы мне служить;
Не хочет разума никто из них почтить,
Но, видючи, что все еще его днесь любят,

[1] Охота писать, Алчба писать, Охота сочинять — богиня Графомания.

Во праздности драги часы от страха губят.
Пером, которое в руке твоей теперь,
Стыд отжени от них и наглость их уверь.
Скажи, что вслед тебе теку к их ободренью,
Конец соделаю я нашему терпенью».
Из Геликонских блат геройский стих ползет,
Ленивого осла пером он жалит, жмет,
О чудеса чудес! Скот зев свой разевает
И не стихами хоть, но прозою болтает,
Подобно как кони́, о Ахиллес, твои,
Чтоб бедство возвестить, отверзли рты свои.
Но не печаль осел — успехи предвещает,
По имени творцов он новых называет[1]:
«Тем будет «Жан де Франс», изданный в свет, смешить,
Тот «Корионом» честь «Сиднея» уменьшит,
«Шотландку» в русскую тот облачив одежду,
Велику о себе он всем подаст надежду.
Козловский в малыя комедии даст знать,
Что он друзей своих не меньше может врать.
Но всех сих превзойдет один Лукин блаженный:
Сей скорописный муж, на свет черкать рожденный,
Толико то́мов вдруг на свет произведет,
Что не осел, но слон под игом тем падет.
Уверен о своем великом дарованьи,
Не станет мыслить он, не будет он в мараньи
Своих негодностей златые дни губить:
Что выдаст он на свет, коль гнусное чернить?»
Во время мудрых слов прорцающей скотины
Все вкруг живущие вблизи там животины,
С благоговением бараны и козлы,
И куры, петухи почтение несли.
Продолжение будет впредь[2].

Весна 1765 (?)

---

[1] Далее перечисляются переводы-переделки членов кружка — Елагина, Фонвизина, Ельчанинова, Козловского и чрезвычайно плодовитого Лукина.

[2] Продолжение, по-видимому, написано не было, ибо «елагинский кружок» вскоре распался.

С. Г. ДОМАШНЕВ

ИЗ СТАТЬИ «О СТИХОТВОРСТВЕ»

Если доходить до самого начала стихотворства, то, кажется мне, не можно в том сумневаться, что оно родилось вместе с *словом,* следственно, так древно, как и мир. Рассмотря подробно его происхождение, ясно видеть можно, что оно основано на естестве человеческом. Прежде одно только восклицание было изображение человеческого сердца, приведенного в восхищение и объятого радостию и удивлением. Человек, взирая на представляющийся очам его вид, един достойный всей нашей любви и един могущий сделать нас совершенно счастливыми, и беспрестанно упражняяся тем, что было для него источником веселия, славы и удовольствия, был побужден природою прославлять благодействующее величество и, не возмогши заключить в себе сии чувствования, употребил помощь голоса. Но и голос, мнилось ему, не мог довольно изобразить оных,— он подкреплял и награждал слабость оного звуком музыкальных орудий, как-то: кимвалов, свирелей и проч., которые чрез осязание рук и различным напряжением духа производили шум,— и старался, чтоб оные как можно ближе соответствовали волнующим его восхищениям.

Когда сии темные и беспорядочные звуки сделались ясны и друг от друга отличны, то люди старались тогда различать нежное с грубым, печальное с веселым, ужасное с приятным, высокое с низким — и тем произвели чистые понятия о чувствованиях, которыми душа была поражена. Тогда она презрела простой и народный язык. Обыкновенный и дружественный слог казался ей низким. Она стремилась к великому и важному, чтоб тем несколько достигнуть величества и красоты пленяющего ее вида. Она изыскивала благороднейшие изречения и мысли. Она собирала чувствительнейшие уподобления, умножала сравнения и употребляла живейшие изображения. Она проницала во всю природу, исчерпала из оной все сокровища, чтоб изъяснить то, что она чувствует, и подать о том великое мнение. Всякий рассудить может, не свойственно ли человеку угождать сердцу? не чувствительно ли увеселять разум, увеселяя в самое то время свои чувства? не приятно ли пребывать в толь сладком восхищении, которое представляет нам зрелище всея природы и, поражая слух, отвлекает к нему все наши чувства? Сколь прелестно, когда все изображения представляются нашим глазам так, как бы описываемые вещи были действительно перед нами!

Остроумный писатель владеет умом и сердцем читателей, изображая колеблющееся море, ревущие волны, бурные ветры, сокрушение кораблей, страх плавателей, неприступные горы, непроходимые стремнины, поля, багреющие кровию, треск ору-

жия, радостные восклицания, жалостный вопль, плеск и рыдание, разрушение городов, крик победителей, стон побежденных, свирепство и наглость воинов, робость и уныние пленных, отчаяние жителей и проч. или в описании красоты естества представляя стремящиеся с гор источники, зеленеющие луга, приятные рощи, прохладную тень, пение птиц, положение холмов и долин, благоухание цветов, шум ручьев, голос свирели и проч. Искусное перо одним описанием делает нас зрителями ужасных и приятных, плачевных и веселых, жалостных и увеселительных позорищ и возбуждает в нас самые те страсти, кои бы мы могли чувствовать тогда, если б видели их в самой вещи.

Стихотворство, располагая слова по согласию и приятной стройности уха, говорит больше воображению, нежели чувствам, и жаром, движением и живостию, которое оно употребляет в изображении предметов, составляющих вселенную, кажется, больше их одушевляет, нежели описывает. Стихотворец же тем нежнее и приятнее бывает, чем ближе к натуре подходит.

Вот на чем стихотворство имеет первое свое основание! Восхищение, изобильность изобретения, благородность чувств и мыслей, быстрота воображения, великолепие и пышность слов, красота, приятность, чистота, ясность, живость и нежность изображений издревле были качества хороших стихотворцев.

Правда, что есть хорошие и худые стихотворцы и что бывают так же и в прекрасном сочинении слабые стороны. Посему необходимо надлежит делать справедливое рассуждение и рассматривать по правилам истины и просвещенного вкуса сочинения самых славных людей. Гомер сколь ни был велик в своем роде, но может ли кто-нибудь о нем сказать, чтоб совсем не имел он погрешностей? Правила, утвержденные на естестве, могут нравиться всем народам и во все времена; однако надобно для расположения мыслей в стихотворстве привесть в порядок природу и рассуждение...

Прекрасное искусство стихотворства, хотя в своем начале не было столь приятно, чисто и стройно, как сделалося напоследок, однако, по согласному свидетельству всех историков, столь свято почиталось, что смертные посредством оного, как я прежде о том объявил, приносили похвалы божеству и употребляли его к тому только, что касалось до закона...[1]

...Язычество, обожая[2] все, что могло только иметь свойство власти, довольно могущей принесть пользу, которая бы несколько превосходила обыкновенную человеческую силу и имела в себе нечто чрезвычайное, почло за справедливое дать в похвале богов участие тем, которые разделяли с ними славу оказывать человеческому роду самое величайшее благо, кое он знал, и самое совершеннейшее благополучие, которое он чувствовал...

---

[1] Религии.
[2] Обожествляя.

Но как люди, не стараясь совсем о просвещении своего разума, погрузили себя в страстях и, ища в них своего благополучия, вдались без меры ненасытству и заразам любви, и, почитая богов совершенно счастливыми, приписывали им блаженство, о котором понятие и опыт имели,— то воображали они их препровождающих жизнь в роскошах, к коим присоединили обыкновенные следствия и пороки, как-то: пьянство Бахуса и Силена, шутки Мома, должности Гебы, нектар, амвросию, брани, ревности, ссоры, несогласия и прочие беззакония, которые они почли от того неразлучными...

...Как можно было стихотворству не следовать заблуждениям язычества, когда само язычество следовало заблуждениям своего сердца? Ему необходимо должно было превращаться[1] по мере того, сколько сии два источника, от которых оно зависело, превращались. Оно не могло избежать, чтоб не принять на себя обоих их пороки. Если здраво о всем рассуждать, то не стихотворство было первою причиною языческого нечестия и развращения нравов, но развращение се́рдца, заразив закон, заразило и стихотворство, потому что последнее изъясняет только то, что чувствует сердце...

Сие есть основание нареканий, которые делали языческие философы стихотворцам. И сие-то есть причиною Цицеронова неудовольствия против Гомера, что он приписал богам человеческие несовершенства, а человекам божеские свойства. Сие самое есть причиною, что Платон хотел изгнать из своей республики стихотворцев, не выключая и самого Гомера, которому никто столько не удивлялся и столь много не подражал, как он...

Но ныне, когда мрак невежества рассыпался и завеса суеверия, содержащая во тьме человеческие умы, истлела, то беспристрастно можно рассудить: было ли стихотворство хотя малою причиною языческого заблуждения? Однако, несмотря на все, есть и в нынешние времена церберы сего прекрасного искусства. Но мне хотелось бы спросить сих людей: знают ли они то, что порицают? Стихотворство есть не что иное, как стройная речь. Стихи произносят теми ж органами, коими и прозу. Но такова есть судьбина всех наук и художеств! Чем они полезнее, тем более в презрении у невежд, которых, к великому несчастию человеческого рода, в тысячу раз больше просвещенных. Впрочем, в стихотворстве более удивляются важности мыслей и живости выражения, нежели приятному слоготечению и богатым рифмам. Сверх того, оно имеет такое свойство, коего в прозе ни чрез что изобразить не можно. А хотя в нем и есть сочинения, не заключающие в себе ничего, кроме приятности,— но разве не позволено человеку искать себе оных, а особливо если то без всякого предосуждения добродетели сделаться может? Мы имеем живопись, архитектуру, музыку и прочие прекрасные художества,

[1] Развращаться.

которые, выключая увеселения наших чувств, не приносят другой пользы; но в рассуждении сего никто их не презирает.

Стихотворство приятностию и живостию изображений умягчает строгость наставлений, которые без сих украшений были бы многим несносны и отвратительны.

Главнейшее старание стихотворства было всегда исправление нравов, и для достоверности в том надлежит только рассудить особливое намерение всякого стихотворного сочинения. *Эпическая поэма* стремится дать нам полезные наставления, скрытые под аллегориею важного и геройского действия. *Ода* прославляет дела великих людей и побуждает других им последовать. *Трагедия* внушает в нас омерзение к беззаконию в рассуждении плачевных следствий, кои оно влечет за собою, и почтение к добродетели в рассуждении справедливых похвал и награждений, ей последующих. *Комедия* и *сатира* исправляют нас увеселяя и ведут непримиримую войну с пороками и смешными обыкновениями. *Элегия* проливает слезы над гробом человека, который достоин сожаления. *Эклога* воспевает непорочность и утехи полевой жизни. Если ж после употребляемы были сии различные роды сочинений к чему ни есть другому, то в сем случае отвращены они от естественного их пути. А с начала все они стремились к одному концу, который был — *сделать людей лучшими.*

Если ж хулить стихотворство в рассуждении злоупотреблений,— то оно ли в том виновно? Есть ли такая наука, в которую б оные не вкрались?.. Но кто тому причиною? Злость, развращение и ослепление человеческое (обыкновенное следствие невежества). Если смотреть на все действия смертных с слабой их стороны, то гордый, завистливый, высокомерный, а наипаче непросвещенный ум во всем злости своей найдет пищу. И если рассуждать о всех безосновательных возражениях, то, истинно, очень скоро скучится. А разумный человек почтет их столь маловажными, что и ответствовать на них не рассудит; а если то и сделает, то единственно для того, чтоб другим доказать их заблуждение. Когда ж во всем полагаться на их толкования, то надобно истребить по причине злоупотребления все науки, так же и *письмо* потому, что посредством его многие злость свою распространили. Я чаю, что сии люди по отменному своему человеколюбию присоветуют нам и языки у себя отрезать в рассуждении того, что люди много зла им делали. Но такой совет не совсем бы был для них самих бесполезен...[1]

<1762>

---

[1] Эти выпады Домашнева, по-видимому, направлены против Ж.-Ж. Руссо, который в рассуждении 1750 г. на тему «Способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов?» ответил на поставленный вопрос отрицательно.

М. М. ХЕРАСКОВ

РАССУЖДЕНИЕ О РОССИЙСКОМ СТИХОТВОРСТВЕ

В происхождении своем стихотворство российское имеет начала, всем народам общие. Славяне, предки наши, провождавшие жизнь свою в предприятиях воинских, покорявшие врагов своих, имея мужей отважных предводителями и соратниками, всего первее прославляли подвиги их в песнях, кои от поколения поколению предавали памятные приключения победоносных рыцарей наших. Доселе сохранились остатки сих творений пиитических, кои повествуют нам о событиях древности. Таковы суть песни об Илье Муромце, о пирах Владимировых и им подобные. Вкус века их ясно в сих поэмах отражается, и ежели бы сии времена произвели певцов, имени сего достойных, стихотворство наше было бы подлинно во вкусе восточном, в рассуждении повторений, бывших тогда в обычае, мыслей кратко выраженных, наконец, оборота, который придавался им.

Но оружия бряцание, отвсюда раздававшееся и почти никогда не прекращавшееся, глас Муз заглушало. Посреди невежества, кое весь Север и всю почти Европу тогда помрачало, дух сих певцов-воителей ниоткуда не мог почерпать просвещения; и их творения свидетельствуют лишь о попытках предков наших прославить достопамятные подвиги героев своих.

Сии древние песни полагать позволяют, что воители смиренные, вождям своим преданные, деяния их прелагали в песни, кои пели они для оных увеселения либо, быть может, для воодушевления других. Таковы были стези грубые, коими следовали Музы во времена сии отдаленные, дабы водрузиться в нашем отечестве.

Но вскоре, просвещенные верою христианскою, предки наши умягчили грубость сердец своих и предпочли славе побед блистательных житие покойное и мирное. Тогда песнопения священные повсюду раздаваться стали; книги, святым стихотворством наполненные, были прелагаемы на язык российский; и во время, когда Европы бо́льшая часть славословила бога и обеты ему на языке чужестранном возносила, россияне уже пели песнопения церковные на своем языке и услаждали сердца свои и дух свой чтением книг священных. Псалмы Давидовы, в коих блещет стихотворство божественное, и все священное писание были вскоре весьма изрядно преложены на древний язык славенский. После сего предки наши всех учителей церкви и певцов священных читать начали.

Здесь отдалился я от истории нашего стихотворства, единственно дабы дать понять, что язык наш к переводу книг важных и глубокомысленных удобен. Есть у нас таковые, которые преложены многие веки назад и коим поднесь еще удивляются в рассуждении точности их, силы и красоты выражения. Быть может,

с того времени могло бы наречие российское более высокой степени совершенства достичь и сим способом нам более легкий путь открыть к сочинению наших творений; однако слога изящество вдруг в расцвете своем поблекло и от нас сокрылось.

Внезапное татар вторжение удручило мужество россиян миролюбивых и порядок в стране их привело в замешательство. Сладость песнопений священных на время была прервана, разрушены были училища, и дарования предков наших померкнули. Киев, древняя России столица, источник святыя истины, долгие годы пребывал в разрушении, и хотя в северных пределах империи службы церковные безвозбранно отправлялись, со всем тем, уж не ищут более украшать слог, но с сердцами, бедствиями угнетенными, прибегая к богу, единственно помышляют мольбами своими гнев его укротить.

В таковом положении Россия почти три века стенала под игом иноплеменников, и тьма изнеможения ее облекла, доколе мужество россиян не воспрянуло вновь. Великие мужи пробудились ото сна и покорили своих поработителей, но сие не было еще временем удобным для просвещения россиян и для отворения им стези дарований. Империя, от варваров освобожденная, нуждалась в необходимых заботах для ведения дел, которые безопасность ее и благоденствие обеспечить могли. Итак, почти до начала сего века Музы не дерзали вступить в отечество наше, и науки, которые воцарения Петра Великого ожидали, света своего представить нам не могли.

Однако ж, был род пиитов до вступления сего великого монарха на престол и во время его царствования; но творения их сочинителей только что по имени были стихи. В правление царя Алексея Михайловича все псалмы были преложены стихами, ни меры, ни падения, ни приятности не имевшими, и лишь, по обыкновению древних пиитов польских, оканчивались рифмою. Монах Симеон Полоцкий, преложивший псалмы стихами, был, быть может, изобретатель сих безобразных[1] стихов. Он сочинил «Плач» на смерть царя Алексея Михайловича и другие творения в таком же вкусе; многие были подражатели в сем роде стихотворства, где правила пиитические ни в каковой мере не соблюдались. Хотя кн. Кантемир и г. Тредиаковский исправили в некотором роде свое стихосложение, но в нем не наблюдается ни сменение стихов мужских и женских, ни полустишия, ни истинная гармония, а в иных случаях им недостает надобного числа стоп. Сии два пиита писали стихами хореическими, но род сей не был еще приведен в совершенство; впоследствии г. Тредиаковский писал подлинными хореями и ямбами и дактилями. Наконец, явился Ломоносов; сей великий муж, столь превосходными дарованиями наделенный, после того как в чужих краях приобрел знания наук важных, чувствуя природную свою склонность к стихотворству, сочинил еще

[1] Бесформенных.

в бытность свою студентом в Галле[1] оду на взятие Хотина в 1739 г. Сие творение, того же года в Россию посланное, оказало великое сего сочинителя дарование и обучило россиян правилам истинного стихотворения. Оно написано ямбическими стихами в четыре стопы; сменение стихов и мера лирических строф тут точно соблюдены, и к чести сего славного пиита признать должно, что сие первое творение есть из числа лучших его од. Перевод, который г. Ломоносов из стихов Г. Ф. В. Юнкера на коронование императрицы Елисаветы в 1742 г. учиния, научил нас сочинению подлинных ямбических стихов александринских. Засим разные его труды, величайшей похвалы достойные, и первее всего оды его, исполненные огня божественного и высоких мыслей, его надписи, его героическая поэма «Петр Великий», которую смерть помешала ему завершить, к сожалению его единоземцев, обогатили язык наш, представили нам высокие образцы и имя Ломоносова соделали бессмертным.

В то время как сей великий муж начертывал путь, к обиталищу Муз ведущий, и закладывал камень краеугольный нашего Парнаса, начал процветать г. Сумароков. Сей показал сперва приятность языка нашего в творениях нежных и страстью исполненных; засим, не имея иного руководителя, как природные дарования, он заставил Мельпомену явиться на Севере и был первый, кто своими трагическими драмами тронул сердца и исторг у нас слезы. Трагедии его являют мощь, сладость, изобилие и величественность наречия нашего: они писаны ямбическими александринскими стихами и составляют честь Парнаса Российского и славу своего сочинителя. Оставляя иногда кинжал Мельпомены, сей славный сочинитель наигрывал на нежной свирели и показывал чистоту нашего языка в своих эклогах. Иногда, без иных каких украшений, нежели простота приятного слога, забавный и острый, сочинял басни, равные Лафонтеновым. Иногда пленял он сердца чарами Анакреонтовыми и во всех родах являл свойственную ему способность и гибкость языка нашего. Словом, творения г. Сумарокова снискали ему похвалы и признательность его единоземцев.

С тех пор, как были заложены основы вкуса изящного в российской словесности, любимцы Муз развернули свои различные дарования, которые Парнас наш обогатили. Г. Ржевский отличился жалобливыми элегиями, трогал чувствительные сердца, чистым слогом движения страстей рисовал и оплакивал страдания любви несчастливой.

Когда лира покойного г. Ломоносова возносилась в небеса, восхищая души наши; когда г. Сумароков заставлял на сцене российской стенать Мельпомену и с неподражаемой приятностью пел полевых нимф, покойный г. Поповский слогом чистым и высоким переводил в стихах оды Горация и «Опыт о человеке» Попе. Сей последний труд наипаче заслужил ему истинное титло

[1] Ошибка Хераскова: ода сочинена Ломоносовым в Фрейберге.

и славу изрядного пиита, и ежели бы оный аглицкий философ мог видеть сей перевод, он не не признал бы его. В то же время г. Майков сочинил забавную поэму под титлом «Игрока ломбера» и показал, что язык наш и к творениям шуточным применяется. Засим дал поэму «Раздраженный Вакх» и явил нам Скаррона своими чертами находчивыми, живыми, занимательными и своими забавными выдумками.

Итак, сказать можно, что язык наш равно удобен для слога важного, возвышенного, нежного, печального, забавного и шутливого. Покойный г. Барков наипаче в сем последнем роде отличался. Наши ямбические стихи разнятся, быть может, от ямба, изобретенного Архилохом; но в них есть сила, падение и мера, музами германскими в их песнопениях соблюдаемые. Наш хорей и дактиль таковы же суть, как у древних поэтов латинских.

Что же принадлежит до комедий, то г. Сумароков, во всех почти родах стихотворства упражнявшийся, первый в России открыл училище Талии. Сочинил много комедий прозою, а за ним г. Фонвизин сделал таковую же весьма изрядную, в коей собственно нравы российские изобразил. Многие из сочинителей наших упражнялись в сем роде, и наипаче г. Александр Волков и г. Лукин.

Не так давно безымянный сочинитель по заслугам снискал похвалы общества за комедии свои, из коих первая, названная «О время!», уже играна и напечатана; драмы сего сочинителя суть числом пять, писаны прозою [1]. Театр наш давно уже ожидал комедий в стихах, дабы убедиться, свойственно ли языку нашему стихосложение комическое. Сие ожидание удовлетворено, и комедия в стихах под титлом «Ненавистника» вскоре представлена будет на нашем театре [2].

Язык российский удобен также и для оперы героической и комической, чему довольные доказательства уже давно имеются.

Кроме писателей, только что мною исчисленных, имеется довольно молодых сочинителей и дам, в стихотворстве упражняющихся, коих творения достойны быть переведены на языки чужестранные, дабы изъявить яснее природное дарование и красоты нашего стихотворства.

1772

ВЕНЕЦИАНСКАЯ МОНАХИНЯ

ТРАГЕДИЯ В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

(В сокращении)

Действующие лица

Мирози, сенатор и начальник стражи города Венеции.
Коранс, сын его.

[1] Речь идет о пьесах Екатерины II.
[2] Комедия в стихах самого Хераскова «Ненавистник», сочиненная в 1770 г., была поставлена на придворном театре только в июле 1779 г.

Жером, наперсник Мирозия.
Занета, венецианская монахиня.
Офицер караульный.
Стражи.

Действие в Венеции. Театр представляет часть монастыря святой Иустины и часть дому послов европейских.

ИЗЪЯСНЕНИЕ

Строгие венецианские законы всему свету известны; сия республика, наблюдая свою вольность, в такую неволю себя заключила, что часто печальнейшие приключения от того происходят. Между прочими древними установлениями, которые целость республики укрепляют, наблюдается и то, чтоб ни один венецианин ни с каким чужестранцем в городе сообщения не имел; тайные посещения и разговоры с чужестранными у них подозрительны, и многих до крайнего несчастия приводили. Важнее всего, ежели кто из венециан, какого бы знатного рода ни был он, в запрещенное время или без особливого на то дозволения в дом посланничий придет: такой без всякого рассмотрения смертью казнится. Сие самое потеряния жизни одному знатному молодому человеку стоило и мысль к сочинению сей трагедии подало. Здесь переменил я для некоторых обстоятельств имена тех лиц, с которыми сие приключение случилось, притом простительно будет, что, пользуясь обыкновенною стихотворческою вольностью и наблюдая театральную экономию, несколько отступал я от подлинности. Для любопытных читателей (каким образом все сие происходило, также и для показания, что перемена та, которую я употребил в моей трагедии, не весьма велика) подлинную историю вкратце приобщаю. Коранс, который под другим именем известен в Венеции, влюблен будучи в одну молодую девицу, посещал ее иногда в монастыре, в котором она в то время воспитываема была. Отцы молодых сих любовников ничего о том сперва не знали. Сии посещения продолжались до тех пор, пока Коранс не получил повеления от отца своего, первого сенатора в республике, для некоторых дел оставить Венецию.

По возвращении своем молодой Коранс нашел любовницу свою в том же монастыре, где она и прежде была, уже постриженну; пылая к ней страстию, предприял одолевать все к свиданию препятства, пройти к жилищу своей любезной и свиданьем утешить свое опечаленное сердце. Дабы достичь к сему намерению, надлежало ему проходить чрез дом некоторого посла европейского; уничтожа опасность, непременно от сего предприятия произойти могущую, следовал он одним своим жарким чувствам, и ночным временем тайно к монастырю отправился. Имел ли он свидание с любезной или нет, о том неизвестно, только при самом выходе из посольского дому, как человек по их законам подозрительный, захвачен караульными помянутого города и отведен в темницу. Коранс, будучи от природы скромен, не хотел объявить истины

и утвердился в тех мыслях, что лучше казнь принять, нежели, признавшись в своем намерении, обесчестить имя своей любезной. Сенат, невзирая на заслуги и знатность отца его, который и сам судьею сыну своему был, осудил отсечь Корансу голову. Прежде, нежели приготовиться к казни, Коранс уведомил о том свою любезную; но сия несчастная напрасно спешила предупредить невинную смерть своего любовника: уже казнь совершилась, и Корансово тело так, как обличенного злодея, обезглавлено увидела; она прибежала пред судей, объявила им тайность Корансова намерения и показала письмо его, в котором точно написано было, что он лучше сам бесчестно умереть хочет, нежели, открыв о любви своей, любезную обесславить; но тогда уже помочь сему несчастию поздно было. История далее не говорит, как только то, что в оправдание сего молодого человека и в утешение сродников его правление повелело вылить из золота голову с лицом Корансовым и, в знак чести и неповинности его, в знатном публичном месте поставить. Вот подлинное приключение, которое основанием своей трагедии я избрал! Читатели не могут меня упрекать в том, ежели что невозможным им покажется; я описывал то, что конечно было; а что и от себя прибавил, то в драме позволено быть может. Однако, как сами читатели теперь усмотреть могут, все мое старание в том состояло, чтоб в продолжении сей трагедии не отступать далеко от подлинности; и сие самое в трех действиях сочинить оную меня принудило.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление первое

Коранс. Вот стены, где моя любезная живет!
Но ныне не моей, но ангелом слывет.
Над бедным, стены, вы Корансом умилитесь!
Отверзитеся мне, на время расступитесь,
Дабы, расставшись с ней, на ту воззреть я мог,
Котору, мне вручив, теперь отъемлет бог;
С Занетой съединен и сердцем и душею,
Хочу и на земле и в небе быть я с нею.
Три года я моей Занеты не видал,
Три года мучился, крушился и страдал;
Теперь, мученьями смягча судьбину люту,
Тремя годами чту одну сию минуту,
И мнится, что вовек уже не встречусь с ней;
Но, может быть, уже я стал противен ей.
Откройте мне скорей, о стены! к ней дорогу,
Да к ней я приступлю иль паче с нею к богу.
Друг друга на земли любить мы родились,
Дабы и в небесах сердца у нас спряглись;
Но чей я слышу глас? что свет вдали блистает?
Не ангела ль ко мне всевышний посылает?

Ах! рано льщуся тем! о сердце! не греши;
Не божий ангел то, душа моей души!

Явление второе

Занета и Коранс

Коранс. Тебя ли вижу я? Занету ли любезну?
Могу ль предать теперь забвенью жизнь я слезну:
Любим ли я тобой?..

Занета. Зачем пришел, зачем?
Молиться ли со мной пред здешним алтарем,
Или сияющей на небе благодати
Путями святости, оставя мир, искати?
Отрекся ль навсегда и ты мирских сует?
Раскаянье тебя иль страсть сюда зовет?
Оплакать ли свои грехи пришел со мною?
Иль мне сказать, что ты пленился уж иною?
То счастье для другой; и мне не есть напасть.

Коранс. К твоим ногам, моя любезная, упасть,
Пролить потоки слез, места наполнить стоном,
Которы признаю священным божьим троном;
Принять последнее прощенье от тебя
И кончить томну жизнь, к мученью полюбя.

Занета. Ах! должен ли еще о мне, Коранс, ты мыслить?
И можешь ли меня между живыми числить?
Прияв небесный чин, я света отреклась,
В забвение навек от мира погреблась.
Люби меня, Коранс, но так люби, как мертву,
И чти не за свою, но за господню жертву:
Я смерть монашеску за жизнь души беру.
А ты спокоен будь...

Коранс. Умру, и я умру!
Умру, чтоб после жить мне тех в числе с тобою,
Которых бог ведет на небеса к покою;
Когда нам здесь нельзя соединить сердец,
По смерти в небесах получим мы венец.

Занета. В которых не совсем истреблены пороки,
Для тех суть небеса закрыты и высоки.
Ты хочешь божески законы преступить
И вечну жизнь себе злодействами купить;
Отъемлешь жизнь твою, в которой ты не властен.
Когда ты человек, терпи, хотя несчастен.

Коранс. Несча́стливая жизнь есть близкий к смерти путь;
Сказать: она сносна — то мир весь обмануть.
Что есть несчастнее: коль кто сердечно любит
И то, что любит он, еще при жизни губит?
Я чувствую теперь, что вечно трачу ту,
Которую любя дороже жизни чту.

Занета. Которы от пути отводят благодати
Желающих спастись, те славы божьей тати.
Принять священный чин, оставить вечно свет —
Мне был родительский при смерти их завет;
Здесь мой отец лежит, здесь мать в земной утробе,
Здесь мой любезный брат покоится во гробе,
Здесь я спасенье их душа́м подать тружусь,
И солнцу и луне в молитвах я кажусь.
Чтоб чувствовать могли мою горячность сами,
Молюсь о их грехах, смочив их прах слезами.
Слышна ль, родители, сия вам речь моя?
Утешила ль твой прах, мой брат, сестра твоя?
Исполнила ли то, что вы мне повелели?
Я света отреклась, того ли вы хотели?
Я плачу, бегая от всех людей, об вас,
Молюсь, чтоб съединил господь на небе нас.
Когда монашеству себя я посвятила,
Тогда забыла мир, тогда в любви простыла,
Тогда уже и ты прельщать меня не мог.
В то сердце, где ты жил, ко мне вселился бог.

Коранс. Ту жертву с щедростью всевышний не приемлет,
Котора ближнего покой и жизнь отъемлет;
Мольбы твои пред ним, Занета, пропадут,
Не даст утех тебе господний правый суд.
Напомни ты, кого свидетелем имела,
Когда взаимну страсть со мной запечатлела?
Чьим именем клялась, что будешь ты моя?
Где ныне оный бог и клятва где твоя?
Не думай, что господь те души услаждает,
Кто имя божие напрасно призывает;
Не мни, чтоб гибели хотел он чьих сердец:
Мы все его рабы, он общий нам отец.
Пускай ты суетность теперь забудешь света,
Но только не забудь священного обета;
Край света за тобой пойду спасаться вслед,
Где искушения и где лукавства нет;
Там в рубищах одних, в лесах, в пустой пещере,
Спасемся, как и здесь, по нашей чистой вере.

Занета. Какой тогда пример обители подам,
Когда я для любви всевышнего предам,
Когда родительско прошение забуду
И за тобой одна скитаться в свете буду?
Их прах почувствует, что нет уж здесь меня,
И станет вопиять, ко господу стеня,
Дабы на нас его отмщенье возгремело
И скрывшейся отсель не погребалось тело:
Да пренебрегшия смешать свой с ними прах,
Он ветрами носим был в поле и в волнах.

Коранс. Когда они тебя спасеньем завещали,
Про нашу страсть тогда родители не знали,
Не знали, что тебя я искренно любил,
Что нашей верности господь свидетель был.
Когда же чувствовать теперь они то станут,
Что бог, и крест его, и я тобой обманут,
Когда мой жалобный, как твой, их тронет стон,
Поднимется их прах, стеня, из гроба вон,
Умножится болезнь душевного мученья,
И за меня они потребуют отмщенья:
За них и за меня бог мстить тебе начнет,
Что скажешь ты тогда, Занета, им в ответ?
Бог двуязычников и льстивых ненавидит.
Занета. Что я люблю тебя, господь, конечно, видит.
Коранс. Престань, престань: греха сей лестию не множь.
Занета. Из уст моих теперь не может выйти ложь.
Язык мой у творца спасенья только просит
И кроме имени его не произносит;
О нем печется дух, и сердце полно им,
Свидетель он теперь с тобой словам моим,
Хоть с нашими речьми различен сей свидетель,
Но требует того священна добродетель:
Что мною ты любим, еще в том признаюсь,
И в том пред господом и пред тобой винюсь.
Люблю: но ты не мни, когда скажу то слово,
Что сердце уж мое отдаться в плен готово.
Коранс. Кто любит подлинно, тот так не говорит.
Занета. Кто служит господу, на слабости не зрит.
Коранс. Такие слабости не ставит он пороком.
Занета. На грешные сердца он зрит свирепым оком.
Коранс. Когда ты подлинно страстна ко мне была,
Так для чего, любя, ты чин сей приняла?
Занета. Внимай мою вину иль грозный случай паче:
Как ты оставил нас, осталась я во плаче;
В слезах застигнет ночь, в слезах меня заря;
И мысли за тобой летели чрез моря.
С родителями я беседовать скучала,
На все вопросы их смятенно отвечала;
Раздумаюсь — хочу забыть свою любовь,
Ты вобразишься мне — ослабеваю вновь;
Все стало скучно мне, прискорбно, горько, мрачно;
Любила жарко я, но слезно, неудачно.
Чрез по́лгода, к моей печали, наконец,
Скончалась мать моя, оставил свет отец;
Потом лишилася, к несносной скорби, брата,
Для твердых самых душ сия велика трата!
Лишилася троих... прости слезам моим,
Я горести свои смягчаю только сим.

Но прежде, нежели им всем меня покинуть,
С тобой несчастье нас решилося не минуть:
Разнесся слух, что ты близ здешних берегов
Погиб в сражении на битве от врагов.
В те смутны времена то время наступило,
Что вдруг меня тремя ударами сразило:
Родители, взглянув на сиротство мое,
Мне завещание оставили сие:
Чтоб я, несчастная, их следуя совету,
Навеки отреклась от брака и от свету;
Чтоб я молилася оставшу жизнь о них
В том месте, где теперь сокрыты гробы их.
К моим родителям всегдашне послушанье
Способствовало мне и братнино желанье;
Я, видя их конец, не стала им скучать
И заклялась свой век в монашестве скончать.
Тебя уже не чла я больше в мире жива,
Спасением одним хотела быть счастлива,
По бедствах таковых вступя в небесный путь,
Винна ль против тебя, скажи, я в чем-нибудь?

Коранс. Хотя передо мной быть чаешь невиновна,
Но честь тебя винит и страсть моя любовна:
Честь клятвы прежние напомнить мне велит,
Любовь о нежностях минувших говорит,
Прошедшее мои стенанья извлекает,
А настоящее в отчаянье ввергает.
Когда в тебе еще хоть искра страсти есть,
Когда обязанну ты помнишь клятвой честь,
Представь ты нашего свиданья дни минувши
И жалость ощущай, на скорбь мою взглянувши;
Представь, в каком со мной ты дружестве была,
Когда моею ты невестою слыла;
Искала ли тогда к убежищу ты места,
Чтоб скрыться от меня?..

Занета. Я богу днесь невеста!
Его единого должна теперь любить.

Коранс. Но льзя ль сей лествицей на небеса взойтить?
Не можно получить в грехах нам отпущенья,
Доколь от ближних мы не обретем прощенья:
Когда душа твоя на небеса взойдет,
За нею и моя тогда повеет вслед.
Создателя никто словами не обманет,
Твой дух просить венца, а мой сужденья станет.
О вечном житии кого начнешь просить,
Пред тем же жалобы начну произносить,
Что ты клялася им и не сдержала слова.

Занета. На все ему ответ я принести готова.
В случáях таковых моя вина мала,

Что смертному в любви я бога предпочла.
Коранс. Святые клятвы нам велит всевышний помнить;
Кто ими раз клялся, тот должен их исполнить:
Не требует господь вдруг многих клятв от нас,
Исполня первую, другой клянися раз;
Ты раз его своим свидетелем имела,
Как, в том не устояв, призвать вторично смела?
Господь каратель сам обид, измены, льсти.
Занета. Меня прощает бог, и ты меня прости;
Противен тот ему, кто мстителен и злобен;
Он щедрый судия, ты будь ему подобен,
Души своей пустым желаньем не слепи,
Оставь меня, оставь, и богу уступи.
Коранс. Не можно вобразить, Коранс колико беден!
Я вреден и тебе, и сам себе я вреден:
Тебе — что склонностью твоею душу льщу,
Себе — что той, кто мир оставила, дышу.
На что тебе, на что, последуя закону,
Противу нежностей брать бога в оборону?
Как должно свой закон нам свято наблюдать,
И клятвы должно нам за свято почитать.
Занета. Возьми со мной, возьми, Коранс, одну дорогу:
Остави суеты и обратися к богу;
Единое сие осталось средство нам —
Взнестись на небеса и съединиться там.
Коранс. Не можно мне принять намеренья такого,
Доколе на земли не совершу земного.
Не с тем произведен на свете человек,
Чтоб он безвременно отселе в вечность тек;
Упорным чувствиям души своей казаться,
То благодатию господнею гнушаться;
Не можно меньше жизнь иль доле нам иметь,
Бог час назначил нам родиться и умреть;
Он должность нашу нам на свете предоставил,
А склонность наших душ на волю нам оставил;
Но только он того не требует от всех,
Чтоб жить между людьми мы ставили за грех.
На что ж? иль нет людей порочней нас во свете?
Нам света убегать в цветущем жизни лете?
Довольно в свете средств возможно обрести,
Не покидая мир, себя грехов спасти.
Занета. Тех прелести уже земные не пленяют,
Которы чистоту небес пресветлых знают;
Кто видит райские сияющи врата,
Тому противна вся земная суета;
Всходящим святости отселе на степени
Не внятны грешников ни слабости, ни пени.
Коранс. Что ты о святости, Занета, говоришь,

Ты, оным льстя себя, сугубее грешишь;
Кто упованием излишним дух прельщает,
То грех, который нам всевышний не прощает.

Занета. Кто сердцем и душой очищен перед ним,
То грех отчаяться тому быть вместе с ним.

Коранс. Нередко и порок мы чтим за добродетель,
Но таинству сердец всевышний сам свидетель.

Занета. Все тайны господу и дух мой посвящен.

Коранс. Один лишь я тобой был в те часы забвен,
Когда себя пред ним хотела ты оправить;
То ль средство избрала любовника оставить?

Занета. Я вижу, что в своих ты заблужденьях тверд.

Коранс. Я вижу, что твой дух жесток, немилосерд.
Постой, не уходи, останься ты со мною!

Занета. Беседовать с тобой мне бог почтет виною.
Стыжусь, здесь мешкая, начавшегося дня,
Чтоб солнце не нашло с Корансом и меня;
Прости, прости, Коранс! тебя я не забуду,
Молиться о тебе беспрестанно буду,
В церквах, в позорищах, в трудах, наедине.

Коранс. Недолго будешь ты молиться обо мне;
В позор любви твоей начну искать случа́ю,
Мучения свои и жизнь свою скончаю.
Когда лишаются Занетиной красы,
В плачевны пременя сладчайшие часы,
Уж не осталося ничем мне в жизни льститься;
С тобой и с жизнию решусь навек проститься.

Занета. Такое мнение есть действо суеты,
Прости, и уповай на бога больше ты!

(Уходит.)

Явление третье

Коранс *(один)*

Неверная бежит, речей моих не внемлет
И веселится тем, что жизнь мою отъемлет.
Стыдись ты слабости своей, Коранс, стыдись!
И к прежней славе ты от страсти возвратись.
Возьми оружием своим ее свирепость
И победи любовь, прияв душевну крепость!
Но сыщешь ли, Коранс, толико сил в крови?
Ах! нет, я чувствую, что слаб против любви!
Любовь! когда в тебе сердцам мала удача,
Ты есть источница мучения и плача:
В успехах ты своих сердцам есть благодать,
Житейских плод утех и всех веселий мать,—
Нет в свете сем тебя приятней и горчае;

Я в первом и в другом познал тебя случае,
Любил, любимым был, и должен не любить.

(Появившаяся стража арестует Коранса, заподозрив его в намерении проникнуть в иностранное посольство.

Желая умереть, Коранс заявляет отцу, что ходил в посольский дом, и в то же время утверждает, что он невиновен. Мирози решает предать сына суду как злоумышленника против Венеции. Занета уговаривает Коранса бежать, но он отказывается, ибо не хочет жить без любимой. Занета в отчаянии, ее душу раздирают противоречия: «Страсть с верой борется, а вера с нежной страстью».

К охваченному противоречивыми чувствами Мирози является Занета и приносит письмо Коранса, в котором он признается, что оклеветал себя и идет на казнь, храня честь возлюбленной. Занета умоляет Мирози предотвратить казнь, но он с ужасом отвечает, что уже поздно — Коранс казнен. Занета в отчаянье уходит в храм. Жером приносит известие, что в уважение заслуг Мирози город и сенат приговорили Коранса не к смерти, а к временному изгнанию. Мирози посылает Жерома за Занетой. Однако освобожденный Коранс продолжает настаивать на своей виновности, пока Мирози не открывает ему, что Занета призналась в любви. В ответ на сомнения Коранса отец обещает, что поможет соединению влюбленных. Внезапно появившийся Жером сообщает, что в припадке раскаяния и религиозного фанатизма Занета выколола себе глаза.)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Явление седьмое

Те же, Занета *(покровенна и провождаема двумя воинами)*

Мирози. Льзя ль жалость снесть сию!
Занета. Пришли ли мы туда? Пред вами ль я стою?
Мирози. Ты с нами, дщерь моя!..
Коранс. Что вижу я? Занета!
Какое зрелище!..
Занета. Уже не вижу света!
Но мнится мне, что я Корансов слышу глас;
Скажи мне, здесь ли ты, нашла ль с отцом я вас?
Мирози. Познай ты нас, познай по тяжкому стенанью!
Коранс. По вздохам, по слезам, по смертному страданью!
Я весь окаменен, моя хладеет грудь.
Занета! прогляни, на смерть мою взглянуть!
Занета. Постойте и ко мне теперь не приближайтесь,
Воззрите на меня и бога ужасайтесь!
Не с тем намерилась Занета к вам вступить,
Чтоб нежность нежностью в Коранса возвратить;
Но с тем, чтоб он своей любви сопротивлялся,
Меня бы позабыл, но духом не смущался.
За то, что был мой взор тобой, Коранс! прельщен,
За то в нем ныне свет навеки потушен;
Огнь сердца моего во мрак преобратился,
И грех в душе моей погас, простыл, затмился.
Коранс. Когда тебя твой грех к сей крайности привел,

Почто я вижу свет? Я тот же грех имел;
Почто наказаны с тобой не вместе оба?
От видимого мной почто я спасся гроба?
Проси ты господа, коль можешь ты просить,
Чтоб смертию твои мне скорби заменить.
Но мне во прелестях ты зришься совершенна,
Ты в сердце у меня, хотя очей лишенна.
Занета и теперь в душе моей живет,
Все чувства радует и в мысли вносит свет;
Забвенью предаю мученья и напасти,
Которы претерпел от злополучной страсти;
Лишь только будь и ты, как прежде, такова.

Занета. Уж поздно слушать мне толь нежные слова!
Все прежни слабости теперь я ненавижу,
Хотя не вижу вас, однако бога вижу;
Я с ним беседую, он в сердце у меня:
Оно очищено от вредного огня.
Полезно кажется мое мне наказанье.
Прости, и истребляй развратное желанье!
Я скроюся навек...

(Хочет уйти.)

Коранс. Постой, постой! лишаюсь сил...
Почто жестокую, почто я возлюбил?
Родитель мой, вступись, вступись хоть ты за сына!
Отрада в жизни сей Занета мне едина;
Склони ее, склони оставить сан и чин.
Я рвусь...

(Падает в объятия к воинам.)

Мирози. Что сделалось с тобой, о мой любезный сын!
Ни рассуждения, ни чувства не имеешь.
Занета! ежели о страждущих жалеешь,
Проси ты господа, чтобы, сжалясь надо мной,
Он мне единому причел ваш грех виной:
Страданием своим хочу ваш грех отерти,
За вас и за себя принять готов три смерти.

Занета. Престань, престань и ты, о старче! не греши:
Забудь обоих нас, не погубляй души!
Со временем его тоска, конечно, минет,
Он, господа сыскав, любовь свою покинет.
Мне так, как и тебе, его сердечно жаль,
Но дщерям божиим несвойственна печаль.
Уж я наказана за то, что с ним любилась,
И должно, чтоб теперь я к богу обратилась.
Пойду и припаду к священным алтарям.
Чтоб всем троим господь послал прощенье нам!
Покаясь и приняв за слабость люты казни,

Иду теперь во храм, иду я без боязни!
В сей чистой совести готова умереть...
Но бог еще мне раз велел на свет воззреть:
Я вижу бедного Коранса пред собою!
Коранс, спасись! Напасть простерлась над тобою!
Увы! из света путь отверзт обоим нам...
Что двигаться моим препятствует устам?
Блеснувший свет в глазах как молния сокрылся...
Уж близко смерти час душе моей явился;
Корансовой тоски не в силах пренести,
Спокойно умирать иду... прости!..

Мирози *(обняв ее).* Прости!

(Занету выводят.)

Явление последнее

Мирози, Коранс, Жером и воины

Мирози. Таким подвержены несчастьям люди в свете!
Страдают две души сей жизни в самом цвете;
Конечно, их отцы прогневали творца.
Опомнися, мой сын, и пожалей отца!

Коранс. Увы! родитель мой, куда Занета скрылась?

Жером. Она сейчас в свою обитель удалилась.

Коранс. На что ж мне в свете жить и горести терпеть?
Противен мир, коль в нем возлюбленной не зреть.

Мирози. Опомнися, мой сын!..

Коранс. На что сии советы?
Могу ль их чувствовать, когда лишен Занеты?
Отчаян, возмущен, могу ли в свете жить
И так, как верный сын, отечеству служить?
На что тебе моя плачевна жизнь полезна?..

Один воин *(вошед).* Уже скончалася Корансова любезна!

Коранс. Какой ударил гром! увы! Занеты нет,—
Хладеет кровь моя, в глазах темнеет свет!
Не свет, увы! не свет, Коранс оставлен ею!

(К воину)

Скажи, как смерти злой удар свершился с нею?

Мирози. И так довольно ты, о сын мой! возмущен.
Что спрашивать о том, чего уже лишен!

Коранс. Хотя последнее дай сердцу утешенье,
Последнее прими от сына ты прошенье:

(Воину)

Скажи, о всем скажи!.. О! коль несчастен я!

Вестник. Скончалась подлинно любезная твоя.
Когда вступили мы во храм ее отселе,

Томиться начала душа во слабом теле.
Занетина глава склонилась ко плечам,
Она прерывисто тогда вещала нам:
«Ко гробу праотцев скорей меня ведите,
Я вижу смерть свою! Корансу вы скажите,
Что я у смертного о нем вздохнула рва,
Что мной он был любим; но бог...» Сии слова
Последние в ее устах нам слышны были;
Мы тело мертвое во гробе положили,
Но смерть затмить ее пригожства не могла,
Она приятностью, лишенна чувств, цвела.
Велели мы погребсть несчастну с должной честью
И возвратились к вам с такой печальной вестью.

Коранс. О ты, достойная небесных мест краса!
Ты в светлые теперь восходишь небеса!
А день в глазах моих еще не исчезает;
Но душу у меня свет мучит, ад терзает.

Мирози. О боже! нет его отчаянью конца.
Опомнися, мой сын, не раздражай творца!

Коранс. Уж больше нечего к моим бедам прибавить;
Могу ль любовь питать и мира не оставить?
Я должен учинить, чем клялся прежде ей,
Иль в ад, иль в небеса последую за ней!
Двух верных толь сердец в земле не разлучите,
В единой их тела гробнице положите;
Жить больше мне нельзя! родитель мой, прости!

(Закололся.)

Мирози. О боже! льзя ли зло такое пренести?
Ударь, всевышний царь, ударь еще громами!
В крови Коранс! в крови Занета пред очами!
Коль горько зреть на них! О боже! дух мой вынь!
Иль бедного отца щедротой не покинь!

Жером. Присутствуй, господи, своей щедротой с нами!

Коранс. Угас, уже угас свет скучный пред очами!
Введите в храм меня, чтобы в последний мог
Вздохнуть... и умереть возлюбленной у ног.
Нет жалостней моей и нет счастливей части.

Мирози. Вот действие любви! Вот плод безмерной страсти!

1757, 1798

К СВОЕЙ ЛИРЕ

Готовься ныне, лира,
В простом своем уборе
Предстать перед очами
Разумной россиянки.
Что в новом ты уборе,
Того не устыдися;
Ты пой и веселися.
Своею простотою
Ее утешишь боле,
Чем громкими струпа́ми
И пышными словами;
Твои простые чувства,

Бесхитростное пенье
Ее подобно сердцу,
Ее подобно духу:
Она мирскую пышность
Великолепной жизни
Конечно ненавидит.
Когда тебя увидит,
Тобой довольна будет.
А ты, которой ныне
Стихи я посвящаю!
Нестройность их услыша,
За то не рассердися.
И сами в песнях музы
Нередко погрешают.
Без рифм стихи слагаю,
Но то их не лишает
Приятности и силы.
Коль есть в них справедливость,
Других нет правил в свете
Стихи и лиры строить,
Как только чтоб с забавой
Мешая общу пользу,
Петь внятно и согласно.
Творцом быть славным в свете
Трудов великих стоит
А пользы в том немного.
Не силюся к вершинам
Парнасским я подняться
И там с Гомером строить
Божественную лиру,
Иль пить сладчайший нектар
С Овидием Назоном.
Анакреонта песни
И простота и сладость
В восторг меня приводят.
Однако я не льщуся
С ним пением сравняться;
Доволен тем единым,
Когда простым я слогом
Могу воспеть на лире;
Когда могу назваться
Его свирелок эхом;
Доволен паче буду,
Когда тебе приятно
Мое игранье будет,
Часов работа праздных,
Часов, часов немногих;
Не тщательно старанье
Награду всю получит,
Венец себе и славу,
Когда сии ты песни
Прочтешь, прочтешь и скажешь,
Что ими ты довольна.

<1762>

О ВАЖНОСТИ СТИХОТВОРСТВА

Когда ни начинаю
Любезну лиру строить,
И девять сестр парнасских
Когда ни вобразятся
В уме, к стихам возженном,
И в сердце, ими пленном,—
Мне слышится всечасно,
Что мне они вещают:
«Не трать, не трать напрасно
Часов младого века
И, духа не имея,
В стихах не упражняйся;
Других путей довольно,
Которые приносят
И сладость, и утехи
На свете человекам.
Оставя Аполлона,
Ступай за Марсом в поле:
Военна бога лавры
Похвальнее, чем наши.
Когда не ощущаешь
К оружию охоты
И звук мечей противен,
Противно ратно поле,—
Взойди, взойди в чертоги,
Где Фемис обитает
И где весы златые
С закрытыми очами
Она в руках имеет;
Внемли ее законам
И с нею собеседуй;
Ты обществу полезен,
Себе и миру будешь.
Когда и то немило —

Проникнути старайся
Во таинства природы;
Будь нужным гражданином
Изобретеньем в поле
Обильнейшия жатвы,
Садов и скотоводства;
Искателем в натуре
Вещей, доныне скрытых.
Достичь горы Парнасской
И лавра стихотворна
Охоты не довольно
И прилежанья мало;
К тому потребен разум,
Который чист и светел,
Как ток воды прозрачной
Или стекло прозрачно,
Чтоб всем вещам природы
Изображаться ясно,
Порядочно, согласно;
Потребны остры мысли,
Чтоб связи всей натуры
Проникнуть сильны были;
Потребны дух и сердце,
Которы ощущают
Людские страсти точно
И ясно сообщают
Их силу и движенье,
Болезнь, изнеможенье.
Способности толики
Писателю потребны,
Что разумы велики
Сей путь переменяли,
Когда они узнали
Его велику важность,
И труд, и попеченье.
Но в ком слепая дерзость
Брала отважно силу
И тщетная охота
Которых воспаляла,—
Те стыд плодом имели
И, не дошед Парнаса,
С стихами исчезали».
О музы, горды музы!
Я внемлю ваше слово,
И сердце уж готово
К вам жар мой погасити,
Но жар мой к стихотворству
Моя охота множит;
А больше оной множит
Прекрасная Ириса.
Сердечно иль притворно
Она и стих мой хвалит,
Она того желает,
Чтоб с музами я знался.
Коль вам противно это,
То мне Ириса будет
И Аполлон и музы.

<1762>

* * *

Иные строят лиру
Прославиться на свете
И сладкою игрою
Достичь венца парнасска;
Другому стихотворство
К прогнанью скуки служит;
Иной стихи слагает
Пороками ругаться;
А я стихи слагаю
И часто лиру строю,
Чтоб мог моей игрою
Понравиться любезной.

<1762>

ЗЛАТО

Кто хочет, собирай богатства
И сердце златом услаждай;
Я в злате мало зрю приятства,
Корысть другого повреждай.

Куплю ли славу я тобою?
Спокойно ли я стану жить,
Хотя назначено судьбою
С тобой и без тебя тужить?

Не делает мне злато друга,
Не даст ни чести, ни ума;
Оно земного язва круга,
В нем скрыта смерть и злость сама.

Имущий злато ввек робеет,
Боится ближних и всего;
Но тот, кто злата не имеет,
Еще несчастнее того.

Во злате ищем мы спокойства;
Имев его, страдаем ввек;
Коль чудного на свете свойства,
Коль странных мыслей человек!

<1769>

ЗНАТНАЯ ПОРОДА

Не славь высокую породу,
Коль нет рассудка, ни наук;
Какая польза в том народу,
Что ты мужей великих внук?

От Рюрика и Ярослава
Ты можешь род свой произвесть;
Однако то чужая слава,
Чужие имена и честь.

Их прах теперь в земной утробе,
Бесчувствен тамо прах лежит,
И слава их при темном гробе,
Их слава дремлюща сидит.

Раскличь, раскличь вздремавшу славу,
Свои достоинства трубя;
Когда же то невместно нраву,
То все равно, что нет тебя.

Коль с ними ты себя равняешь
Невежества в своей ночи,
Ты их сиянье заслоняешь,
Как облак солнечны лучи.

Не титла славу нам сплетают,
Не предков наших имена —
Одни достоинства венчают,
И честь венчает нас одна.

Безумный с мудрым не равняйся
И славных предков позабудь;
Коль разум есть, не величайся,
Заслугой им подобен будь.

Среди огня, в часы кровавы,
Скажи мне: «Так служил мой дед;
Не собственной искал он славы,
Искал отечеству побед».

Будь мужествен ты в ратном поле,
В дни мирны добрый гражданин;
Не чином украшайся боле,
Собою украшай свой чин.

В суде разумным будь судьею,
Храни во нравах простоту,—
Пленюся славою твоею
И знатным я тебя почту.

<1769>

НИЧТОЖНОСТЬ

Я некогда в зеленом поле
Под тению древес лежал
И мира суетность по воле
Во смутных мыслях воображал;
О жизни я помыслил тленной,
И что мы значим во вселенной.

Представил всю огромность света,
Миров представил в мыслях тьмы,
Мне точкой здешняя планета,
Мне прахом показались мы;
Что мне в уме ни воображалось,
Мгновенно все уничтожалось.

Как капля в океане вечном,
Как бренный лист в густых лесах,
Такою в мире бесконечном
Являлась мне земля в очах;
В кругах непостижима века
Терял совсем я человека.

Когда сей шар, где мы родимся,
Пылинкой зрится в мире сем,
Так чем же мы на нем гордимся,
Не будучи почти ничем?
О чем себя мы беспокоим,
Когда мы ничего не стоим?

Колико сам себя ни славит
И как ни пышен человек,
Когда он то себе представит,
Что миг один его весь век,
Что в мире сем его не видно,—
Ему гордиться будет стыдно.

На что же все мы сотворенны,
Когда не значим ничего?
Такие тайны сокровенны
От рассужденья моего;
Но то я знаю, что содетель
Велит любити добродетель.

<1769>

ВРЕМЯ

Ты, время! быстрыми крылами
По всей подсолнечной паришь;
Пуская стрелы за стрела́ми,
Все рушишь, портишь и разишь.

Непроницаема завеса
Тебя от наших кроет глаз;
Ты движешь вечности колеса —
И в вечность с ними движешь нас.

Часы крылатые вращаешь —
В них жизненный песок падет —
И жизнь мгновенно прекращаешь,
Песчинка чья на дно падет.

Противу время обороны,
Ни силы, ни защиты нет:
Слагает лавры и короны,
Венцы и брачны узы рвет.

К чему серпом своим коснется,
Где время только пробежит —
Все гибнет, ржа́веет и рвется,
Покрыто мхом седым лежит.

Ни юных лет не уважает,
Веселостей, ни красоты:
На что ни взглянет — пожинает,
Как сельные коса цветы.

Коль многи зданиев громады
Изглажены его рукой!
Колики веси, царства, грады
Исчезли под его пятой!

Не может мужество геройско
Противу время устоять,—
Твердыни гор, ни храбро войско
Его теченья препинать.

Представить в мыслях не умею
Следов, ты коими текло;
Лишь время вобразить успею —
Оно сокрылося, прошло.

О ты, который блеском мира
И суета́ми ослеплен!
Представь, что злато и порфира
Есть жертва времени и тлен.

А ты, кого злосчастий бремя
Терзает, давит и теснит!
Не плачь: промчит печали время,
С богатым нищего сравнит.

Но стой, о время! на минуту
И гласу лирному внемли:
Ты сеешь плач и горесть люту,
Текуще по лицу земли,—

Твоя безмерна скоротечность
За нас тебе отмстить спешит:
Тебя, тебя поглотит вечность,
Движения и крыл лишит.

<1800>

ЧЕСМЕССКИЙ БОЙ

(Отрывок)

ПЕСНЬ ТРЕТИЯ

Как пламенна гора всходяще солнце блещет,
Кровавые лучи в Средземны волны мещет
И понту бурному как будто говорит,
Что вскоре в воду кровь сраженье претворит.
Кипящие валы при устье брань подъемлют,
Они стремление обоих флотов внемлют;
Белеют паруса турецкие вдали,
Уже встречаются им наши корабли.
Уже геройский дух горит в орлах российских,
Слетаются они с Луной в струях Хиисских.
Как страшный некий змий, простершись по валам,
Главой примкнул их флот к Чесмесским берегам;
Другую часть простер до каменистой мели,
Где робкие струи́, тесняся, зашумели.

О россы, россы! вам казалося в сей час,
Что в море двигнулась вся Азия на вас,
Что паки вышел Ксеркс на древние Афины;
Но прежней у брегов дождется он судьбины.
В трикраты * извившись флот гордый на волнах,
Умел бы ввергнуть мир в отчаянье и в страх;
Обратный в море путь без брани бы трубили,
Когда б другие то, не вы, о россы! были,—
Опасность зримая и множество врагов,
И наших малое количество судов
Ни бодрости сердец, ни славы не лишили;
Геройский жар в сердцах зажгли, не потушили.
Уж солнце к западу кругом земли текло
И тучи мрачные над понтом навлекло,
Дабы сокрыть от глаз волнующеся море,
Которо в страшный ад преобразится вскоре.
Россияне текут к оружиям своим,
Противна медленность, а не сраженье им;
Борей, летая вкруг, в пучине ужас сеет,
Крылами движет он, в российски флаги веет
И, предвещание победы сделав им,
К срацинам страх понес, понес огонь и дым.
Се знак, громовый знак к осаде раздается,
Трикраты раздался́, в турецкий флот несется.
Тогда от их судов унылый вопль восстал,
И флот их, разделясь, в пучине застонал,
Он пену за собой оставил в ней кроваву,
Предвозвещая им погибель, россам славу.
Как тучи бурные, стремясь друг друга стерть,
Из мрачных недр своих с перуном мещут смерть,
Так флоты, молнией и громом воруженны,
Стеклися, равною отважностью разженны,
Далеко по волнам взыванье раздалось,
Простерла крылья брань, сраженье началось.
Фортуна в облака оттоле улетает,
Там дела для себя она не обретает;
Не требуют ее россияне венца,
Не нужно счастье им — но храбрые сердца,
От них россияне прямого ждут геройства;
Фортуна быть должна богинею спокойства!
Блеснула молния, гром страшный возгремел.
И понт, внимая звук оружий, заревел;
В дыму и в пламени слетелись флоты оба,
Отверзла хладна смерть меж ними двери гроба;
Но смерть ужасная россиян не страшит

* Турецкий флот, состоящий из множества судов, в три ряда был расположен.

И, кажется, от них к врагам с мечом спешит.
Сверкающи огни в водах воспламенились,
И будто в воздухе они остановились,
Толь часто огнь вослед другому успевал,
Из медных челюстей который воздух рвал!
Явилась в облаках Беллона с звучной славой;
Исторг свой меч, летит к сраженью Марс кровавый;
Багреют вкруг судов кипящие струи.
О брань! погибельны везде следы твои.
Преобразилося пространно море адом,
Покрылись корабли свистящих пулей градом,
Несущи ядра смерть по воздуху гремят,
И гаснет тамо жизнь, куда они летят.
Смерть зрится на судах, и смерть в морской пучине;
Ближайший тамо шаг — поспешный шаг к кончине;
Повсюду вопль и стон, не слышно там речей,
Единый слышен треск, гром пушек, звук мечей.
Текут против врагов полночны Марсы смело,
Едина в них душа, едино зрится тело.
Колико вижу там в сражении людей,
Толико видимо различных мне смертей.
Иный, кончая жизнь, не ропщет на судьбину;
Хоть видит сам себя едину половину,
Лишен обеих ног, еще он восстает,
К его спасению текущим вопиет:
«В покое умирать, друзья, меня оставьте*;
Не мне служите вы, отечество прославьте».
Иный, имеючи пронзенну пулей грудь,
Со смертью борется, дерзая славы в путь.
Иный, уже покрыт завесой смертной тени,
С оружием в руках повергся на колени,
И ужас вкруг его свирепствует вотще,
Он, силы истощив, сражается еще.
Иные смертный сон, сомкнув глаза, вкушают,
Но лиц спокойствием живущих утешают.
Иные, на своих оружьях онемев,
Остаточный в лице изображают гнев.
Тот, рану захватя единою рукою,
Разит своих врагов и мещет гром другою.
Иный на корабле чрез край безгласен пал
Явить, что смерти он шага́ не уступал.
Там руки плавают с кровавыми мечами,
Катятся там главы с потусклыми очами,
Как будто с тем они желали умереть,
Чтоб им на брань еще сквозь смертный мрак воззреть.

---

* Сии были подлинные слова одного канонера, у которого ядром обе ноги оторвало.

Повсюду шум и стон, и понт и небо тмится,
И смерть от кораблей к другим, как вихрь, стремится.
Куда ни обратись, увидишь ад везде;
Отвсюду молний блеск, спасенья нет нигде,
Сгустился воздух весь, земля вдали трепещет,
И в черном вихре смерть, вращая косу, блещет;
И время на крылах коль быстро ни течет,
Еще скорее Марс мечом людей сечет.
Меж страхов таковых, меж молниями плыли
Которы корабли со «Иерархом» [1] были:
Там «Три святителя», там дерзкий «Ростислав»;
Со Долгоруким Грейг, в пример Орловых взяв [2],
Венцы приобрели геройскими делами;
Казалось, тени там сразилися с телами,
Которых грозна смерть, ни ужас не страшит.
Тот место захватить убитого спешит;
Другой опасности войны пренебрегает,
Где больше страх разит, туда он прибегает.
Дискордия [3], в таких ликующа местах,
В груди имея злость, свирепость во устах,
Склокоченны власы и взоры раскаленны,
Дыханье огненно, уста окровавленны,
С улыбкой злобною на брань свирепу зрит;
Но мало для нее пучину кровь багрит:
Не сыта вкруг нее лежащими телами,
С мечом и пламенем летит меж кораблями;
Там груды зрит она поверженных людей,
Но жертва такова мала еще для ней.
Она свой пламенник трясет и возжигает
И грудью на корабль российский налегает;
Отъемля якорь прочь, к турецким кораблям
Рукой «Евстафия» [4] толкнула по валам.
Воспламеняется Гассан * свирепством новым,
Встречает наш корабль, как вепрь, с лицом суровым.
Постой! к тебе летят Спиридов и Орлов;
Младый герой на все отважности готов.
Едва Гассаново движение приметил,
Подобно как Борей, врага в пучине встретил.

---

[1] На корабле «Три иерарха», которым командовал адмирал С. К. Грейг, находился главнокомандующий русским флотом А. Г. Орлов.

[2] *Ю. В. Долгоруков (Долгорукий)* — командир «Ростислава»; в походе русского флота и Чесменском бою участвовал брат Алексея Орлова — Федор.

[3] *Дискордия* — олицетворение раздора, распри.

[4] Корабль «Святой Евстафий Плакида» под командованием адмирала Г. А. Спиридова, на котором сражался Ф. Г. Орлов, взял на абордаж и почти захватил флагманский корабль турок; однако упавшая с горевшего турецкого корабля мачта подожгла русский корабль, и «Евстафий» взорвался вместе с турецким флагманом.

* Гассан-бей-паша, предводитель турецкого флота.

Феодор, брани зря решительны часы,
Имея по челу растрепанны власы,
Текущий пот с лица, трудов изображенье,
Стремится, как на пир, на страшное сраженье,
Сообщников своих объемля, говорит:
«Друзья! теперь на нас три части света зрит[1].
Себя мы зрелищу вселенныя представим,
Умрем или свое отечество прославим!»
С сим словом на корабль турецкий полетел,
Он бросил молнии, сразился, возгремел.
Не действуют уже ни ружья, ни картечи;
Переменяется порядок ратной сечи;
Летящи по волнам друг к другу корабли
Как будто две горы столкнулись на земли;
Движеньем свергнуты с обоих бортов в море,
Теряют воины и жизнь, и вид свой вскоре.
Их сдавленны тела, несомы по струям,
Явили зрелище ужасное очам.
Срацины кроются, срацины вопль пускают!
Но россы их суда баграми привлекают,
От смертных стрел уйти враги вовнутрь бегут,
Герои северны за смертью вслед текут;
Недвижимы в волнах стоят, как будто в поле,
И расстояния уже не видно боле.
Иные, будто бы под ними есть земля,
С высокого в валы низверглись корабля;
Сей новый брани род, в средине волн плывущих,
Конечно, устрашил чудовищ, там живущих!
Рукой за край схватясь, иной разит врага;
Другому жизнь его не столько дорога,
Как честь отечества или монарша слава;
Таких рождаешь ты, Российская держава!
Тогда над турками победу возвестить
Хотел россиянин с кормы их флаг схватить;
Не отнял вдруг его, колико ни старался,
Меж волн и меж небес на воздухе остался.
Он, руки потеряв, его не отпустил,
Всех способов лишен, зубами флаг схватил;
Срацин его мечом во чрево прободает,—
Трепещет, держится, Лупу не покидает.
С такою твердостью он храбро воевал,
Доколь на свой корабль со флагом мертв упал.
Тут ратник ратника увидел пред очами;
Сразились копьями, ударились мечами,
Уставили они противу груди грудь,
Разят и грудой тел ко славе стелют путь.

---

[1] Европа, Азия и Африка, окружающие Средиземное море.

Не успевает ад преисполняться жертвой,
Кто пал там, пал уже не раненый, но мертвый.
Тот в ярости пронзить мечом врага хотел,
Но сам стрелой убит, на месте онемел.
Иной не ведает о ранах попеченья
И только чувствует, что он среди сраженья,
Там вплоть отрубленна с мечом рука падет,
Но сим мечом врагу еще удар дает.
На саблю налетел там воин, штык имея,
И движется по ней достигнуть до злодея.
Как вихрь подъемлется мгновенно от земли,
Так быстро воины на мачты потекли;
Там стрелы их грудей и копья досягают,
Они зажженные орудия свергают.
Горящий пламенем и смертоносный град
Поспешно обращал Гассанов флот назад;
Но тщетно он из рук российских вырывался,
То к берегу спешил, то выше подавался;
Как зверь, запутанный в раставленных сетях,
Иль голубь, у орла биющийся в когтях,
Не может Бей-Гассан от россов отцепиться.
Ах! для чего он в понт сей час не погрузится!
Сберитесь, облака, вкруг дерзких кораблей;
Воздвигни понт, Нептун; Юпитер, дождь пролей!
    Ни понт не движется, ни шумный дождь не льется.
Уже спасения нигде не остается.
Внимая между тем отважной брани сей,
Бесстрашно на нее взирает Алексей.
Безвредны россы с ним; не чающим спасаться,
Не смеет смерть до них, не смеет прикасаться;
Нет места для него, летит по всем местам,
Где он — и слава тут; где он — и счастье там;
Минерва сей корабль эгидом покрывает *,
Громам и молниям не жечь повелевает,
Кидаясь, грозна смерть противников разит,
Но храбрых россиян и смерть сама щадит;
Стенал от ран корабль, но россы невредимы;
Бессмертны войски в нем или непобедимы:
Не устрашает их военная гроза.
    Тогда простер Орлов к «Евстафию» глаза,
Турецкий зрит корабль в дыму, в огне, в напасти,
У храбрых россиян почти уже во власти;
На помощь думает к Феодору лететь,
С ним вместе победить иль вместе умереть,
Но важные к тому препятства предлежали

* На корабле «Трех иерархов» в самом деле ни один человек во время его сражения не убит, не ранен, хотя корабль в сильном огне был.

И дружества его стремленье удержали;
Отважность братнину он внутренне винит,
А храбрость юноши в нем сердце веселит;
Он смотрит... пламень вдруг «Евстафия» объемлет;
Вздрогнуло сердце в нем, он вопль и громы внемлет;
Поколебалося и море и земля.
Взглянул на сей корабль — но нет уж корабля!
И брата больше нет! Удары раздаются.
Там части корабля волной морской несутся,
Покрылся облаком кровавым горизонт,
Казалось, падают из тучи люди в понт,—
Какое зрелище герою, другу, брату!
Он вдруг восчувствовал невозвратиму трату!
«Погиб, любезный брат! погиб ты!» — вопиет;
И те слова твердя, беспамятен падет.
Не знаю лучшего печали сей примера,
Сей грусти, жалоб сих, как в песнях у Гомера;
В таком отчаяньи был храбрый Ахиллес,
Как Антилох к нему плачевну весть принес,
Что рок, плачевный рок с Патроклом совершился;
Несчастный друг его всех чувств тогда лишился,
И только сам себя лишь начал познавать,
Коль можно чувствами отчаянье назвать,
Повергся, возрыдав, герой на землю хладну
И грудь к ней приложил, грудь томну, безотрадну,
Со прахом белые власы свои смешал,
Зеленую траву слезами орошал;
Искал оружия, просил у предстоящих,
Для пресечения мучений, дух томящих.
Великою душой и мужеством таков,
Но тверже во своем отчаяньи Орлов;
Познав, что брата слез поток не воскрешает,
Отмщать за братню смерть срацинам поспешает;
Он видит вкруг себя стоящи дружбу, честь,
Родство, отечество, на праведную месть
Геройский дух его ко подвигу зовущих,
«Проснись, Орлов! и мсти за брата!» — вопиющих.
Как страшный, отходя от человека, сон
Еще крутит его и извлекает стон,—
Так, скорбию своей Орлов обремененный,
Подвигся храбростью и местью распаленный;
На власть небесную устами он роптал,
Но сердцем божеский он промысл почитал;
«Пойдем, друзья мои! — вещает предстоящим,—
Ударим вслед врагам, от нас уйти хотящим,
Злодеев истребить — геройский подвиг есть!
Исполнить то велят Россия нам и честь;
Нам кровь, текущая с кипящими струями,

Феодорова тень, виясь над кораблями,
Друзья вещают нам, которых мы не зрим,
Что страждут души их, коль мы не отомстим!
За флотом сих убийц мы свой корабль направим,
Умрем или отмстим, отечество прославим!»
    Уже на парусах корабль его бежал,
Уже он мыслями злодеев поражал.
Таков был Александр, когда он через степу
Один перескочил к индейцам в Малиену,
Один с мечом напал на множество врагов [1];
Тогда-то прямо был герой в числе богов.
Подобен храбростью герою таковому,
Орлов летел вослед с перуном бею злому.
Хотя б против него всех вызвал Зевс богов,
Пошел бы против них без робости Орлов;
Он камни страшные и мели презирает
И флоту росскому дверь славы отворяет.
    В то время легкие турецки корабли
В залив, как в нору змей, поспешно потекли;
Оставили во власть нам кровь свою и море.
Постойте, варвары, мы вас достигнем вскоре!
Постой и ты в волнах, постой, о храбрый муж!
Не должно тяготить тоске великих душ;
Дни брата твоего не скоро пресекутся:
Любовь сама о нем и грозный Марс пекутся.
Беллона пламенник не скоро потушит,
Но скоро у тебя ток слезный осушит [2].
Ты мщением теперь против срацин пылаешь,
Но будешь сожалеть о том, чего желаешь;
Не жаждешь крови ты злодея своего,
Спокойства жаждешь ты отечества всего;
Через победы нам драгого ищешь мира.
Дождись его и пой, моя усердна лира!

1771

---

[1] Во время штурма в 326 г. до н. э. индийского города Малиены Александр Македонский первым преодолел стену крепости.

[2] В следующей песне поэмы повествуется о том, как Алексей Орлов получил известие о спасении Федора, и рассказывается о радостном свидании братьев.

А. А. РЖЕВСКИЙ

ПРИТЧА О САТИРЕ

Как истину изгнали
Из града люди вон,
Пороку власть отдали,
Ему восставя трон,—
Насильство и обманы
Власть стали разделять.
Когда сии тираны
Всех начали терзать,
То истина святая
В изгнании от них,
На хищну власть взирая
Губителей своих,
Пришла просить у музы,
Защитницы своей,
Чтоб разрешила узы
Несча́стливых людей.
Тогда еще имели
Власть музы во сердцах,
Когда Гомеры пели
Героев на полях.
Как греков прославляли
Они в стихах своих,
И жар тем зажигали
Во юношах младых.
Та склонность показала
Любимице своей,
Сатиру ниспослала
Она в защиту ей.
Порок стал в утесненье
От справедливых муз,
Нашел и он спасенье
От сих тяжелых уз.
Он сам родил сатиру,
На зависти женясь,
И стал вторично миру
Владетель он и князь.
Так неотменно должно
То всем нам наблюдать,
Писать чтоб осторожно
И первой подражать.
Пороки утесняти
Сатира чтоб была,
Чтоб правду защищати
Без зависти и зла.

<1761>

ИДИЛЛИЯ

На брегах текущих рек
Пастушок мне тако рек:
«Не видал прелестнее твоего я стану,
Глаз твоих, лица и век.
Знай, доколь продлится век,
Верно я, мой свет, тебя, верь, любити стану».

Вздохи взор его мой зрел;
Разум был еще не зрел.
Согласилась мысль моя с лестной мыслью с тою;
Я сказала: «Будешь мой,
Ты лица́ в слезах не мой;
Только будь лишь верен мне, коль того я стóю».

Страсть на лесть днесь променя,
И не мыслишь про меня.
О неверный! ныне стал плéнен ты иною;
Мне сказал: «Поди ты прочь
И себе другого прочь».
Как несносно стражду днесь, рвуся я и ною.

<1762>

ЭЛЕГИЯ

Престрогою судьбою
Я стражду огорчен,
И ею я с тобою
Навеки разлучен.
Чем боле я прельщаюсь,
Тем боле я грущу
И боле тем лишаюсь
Того, чего ищу;
Но боле чем лишаюсь
Надежды я судьбой,
Тем боле я прельщаюсь,
Любезная, тобой.
Тебе моей не быти,
Я знаю, никогда,
Тебя мне не забыти,
Я знаю, навсегда.
Лицо твое прекрасно
Из мысли вон нейдет,
Мечтаяся всечастно,
Покою не дает.
Когда тебя не вижу,
Смущаюсь и грущу,
Я все возненавижу,
Везде тебя ищу;
Но ежели с тобою
Когда увижусь я,
Представлю, что судьбою
Плачевна жизнь моя:
Весь ум мой возмутится,
И сердце обомрет,
Все чувствие затмится,
В глазах померкнет свет.
Я от тебя скрываюсь;
Но, скрывшися, грущу,
И мыслей порываюсь,
Опять тебя ищу.
Опять тебя увижу,
Опять грущу, узря,
Опять возненавижу
Я жизнь, тобой горя.
Нигде мне нет покою,
Я всем его гублю,
Но, мучася тоскою,
Еще сильняй люблю.
Я знаю, что не буду
Утешен я, любя;
Но вечно не забуду,
Любезная, тебя.
Мне то сужденно частью,
Чтобы, любя, страдать
И чтоб, терзаясь страстью,
Отрады не видать.

<1763>

ОДА АНАКРЕОНТИЧЕСКАЯ

Других стихи приятно
Писати научают
Красавицы парнасски;
Меня стихи приятно
Писати научает
Красавица московска.
Мне токи Иппокрены
Искусства не вливают;
Мне токи рек московских
Писать дают охоту.
Приятны взгляды сердцу
К стихам дают способность;
А сердце научает
Уста мои воспети.
Твоим приятным взглядом
Растет мое искусство:
Приди ж ко мне, драгая,
Учить меня писати,—
Но нет, как я увижу
Стихов моих источник,
Я брошу тут бумагу,
И, выбежав навстречу,
Я руку поцелую:
Мне руки целовати
Сто раз стихов приятняй.

<1763>

СБЫТИЕ СНОВИДЕНИЯ

(Отрывки)

О, чудес исполненное сновидение! о, удивления достойное мечтание! которое некогда водило меня в больницу прокаженных и заразило мою кровь острыми соками [1]. Я думал тогда, что вместе со сном исчезла моя зараза; но вижу, что сон прошел, а зараза осталася в моей крови. Верю теперь, верю вам, толкователи снов, верю, что вы справедливы, хотя прежде и смеивался, слыша, что незадолго перед лихорадкою пригреживается сия болезнь женщиной и целует во свои объятия приготовленного человека. Мне приснилося, что будто бы я заразился острыми кровяными соками, ныне и чувствую действие заразы сея. Острые соки приходят ко мне во правую руку и делают некоторый род судороги в трех пальцах и до тех пор меня нестерпимо мучат, покуда я не возьму пера, омоченного в чернило, и не начну чего-нибудь писать; а пред сим пришли они прежнего остряе и мучили нестерпимо пальцы мои три дни; наконец, я вонзил в них уже вам, читатели, известное мое лекарство, то есть перо, омоченное в чернило. Да поможет мне сие врачество!

Постой! рука моя! что хочешь ты писать? Прими наперед наставление от рассудка. Писать элегии? Уже и так меня слабосердым называют. Писать эклоги? Признак нежного же сердца. Писать трагедии? Какую пользу они мне удобны принести! Писать правоучения? О, тщетные труды! никто не слушает и учителей моих, а мои советы, может быть, и читать никто не будет. Писать сатиры? Сохрани господи и друзей моих от этого! Они не удобны более ни к чему, как только привесть в ненависть обществу сочинителя своего. Хотя читаны и будут, но пороки не истребятся. Подражатели у нас того сатирика есть, от ядовитых которого насмешек братья его в раскаянии о худых своих делах удавились; а подражателей стыду и совести его братьев уже нигде нет [2]. Итак, любезные музы, если я достоин ваших даров, обогатите меня мыслями соплести достойную похвалу некоторым сего достойным мужам. Напитайте дух мой источниками Парнаса, дабы я мог вознести хвалою искусного судью, судью, которого ненавистники чужой славы клевещут грабительством. Вознести хвалою того петиметра, которого сатирики осмеивают несправедливо. Вознести хвалою того вестоносца, который поссорил меня с моей любезной. Вознести хвалою того славного оратора [3], кото-

---

[1] Имеется в виду открывающее этот прозаический цикл Ржевского «Письмо к Г... Х...» (т. е. господину Хераскову), в котором содержится описание упоминаемого сновидения.

[2] По-видимому, имеется в виду предание о греческом сатирике *Гиппонаксе* (VI в. до н. э.); двум скульпторам, изваявшим его карикатурный бюст, Гиппонакс ответил такой злой сатирой, что они повесились.

[3] В образе оратора Ржевский соединяет черты Ломоносова и Тредиаковского.

рый порочит одного из первых российских сочинителей[1] — и порочит единственно за то, что он ясно пишет, и к тому же чистым московским языком. И еще вознести хвалою мужа, достойного пирамид и обелисков, и мужа, достойного вечныя славы,— того подьячего, который не справедливостью своею, но быстротою разума и вдохновением бесовским о знании ябеднических крючков увез у меня с покосу сено и отнял у моего земледельца двух быков; но еще, допрашивая другого моего селянина, проломил палкою голову за то, что он в допросе говорил правду, а ему хотелось противного сему. Это сочинение больше общей пользы принесет, нежели другое: хвалимые с приятностью будут его читать, а меня почтут благосклонностью своею...

О музы! вдохните мне пермесский жар и напитайте меня кастальскими водами, умножьте скудный мой талан да прославлю имена великих исполинов в концы земные, да возмутит глас мой моря и реки, да подвигнутся от внимания кремнистые горы, да возгорятся леса и дымом восколеблют небо, да возыграют рыбы во бездне морской, возрадуются звери во глубине дубрав и удивится просвирня моего прихода, которой я труд сей посвящаю.

Прими, о треблаженная! о честная! о сединами украшенная жена! прими сии тебя достойные труды. Кому приличнее посвятить во покровительство прославление сих великих героев? Прославляются великие имена, посвящается и труд великой жене. Равна ты тем героям, равны и герои сии тебе; но если ты не удостоишь своим приятием труда моего, да посвящаю его моему козлу, который живет у меня в конюшне.

Но что чувствую в себе? Очищается кровь моя от заразы, отходят острые соки от пальцев, и больше не чувствую болезни. Слух мой внемлет, что уже часовой колокол бьет два раза по прошествии полуночи, и приходит чувствам моим приятное утомление, предшествующее сну. Оставляю мое перо, когда оставила меня болезнь мне подобных сочинителей — сочинителей, которые не от остроты разума и не от игры мыслей пишут, но от суетной охоты.

...Уже два часа за полночь, и мне очень спать хочется; однако подождите, мои герои, авось-либо для вашего удовольствия придет опять моя ко мне болезнь.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДСТВИЯ МОЕГО СНОВИДЕНИЯ. ПИСЬМО К НАБОРЩИКАМ ВТОРОЕ

(Отрывки)

...Уже вам известно, г. наборщики, каким образом просвирня со мною поступила и то, что она удовольствована была по своей просьбе, и кем была удовольствована, и чрез что была удовольст-

[1] Сумарокова.

вована,— все вам известно[1]. О, боже мой! самое сие, что я сведал и сообщил вам о ее просьбе и суде, причиною стало ее несчастия. Судья, увидя мое письмо, писанное к вам, подумал, что я сведал это от ней самой; а я не только от нее не слыхал — и не видал ее года три; но судейский приворотник, который страж двора и тайностей судейских, рассказал блиннику, блинник — моему водовозу, водовоз — тому пьяному старику, который сказывает мне сказки по ночам. Старик сказал мне, а я сообщил вам, и сие дошло до меня тако, как все вести ходят по городам; но судья, привыкнув все дела по своему произволению решить, определил, что просвирня сама о всем рассказала, и никаких оправданий просвирниных не приемлет. Научил любимца своего подьячего, который был наставником ему в решении дела по просьбе просвирниной и который, как вам известно, гонитель моих земледельцев, чтобы он оклеветал просвирню, будто она печет изо пшеничной муки пироги, а продает их за крупичатые[2], в чем свидетельствуется подьячим, и другим подьячим, и еще подьячим. Три свидетеля — не сумнителен донос. Взята просвирня на полицейскую съезжую[3]. Допрашивана — запирается. Не вероятны ее оправдания, оставлена на съезжей до другого допроса; а как офицер уехал, то подьячий съезжего двора, будто сжаляся на просвирнину старость, из человеколюбия, давал ей наставление тако: «Ты, как видно, человек смирный и дел не знаешь, так я тебя научу. Хотя и не справедливо донесено на тебя, однако лучше повиниться, чтоб упрямством не рассердить его благородия. Этот офицер весьма не спокоен для тех, которые запираются; а когда повинишься ты, то больше тебе ничего не будет, как только возьмут с тебя подписку, чтобы впредь того не чинить». Однако противу чаяния моего просвирня его не послушалась. Другое утро пришло, приехал офицер, повели жалости достойную старуху допрашивать в другой раз. Она от страха больше дрожала, нежели больной человек от лихорадки. Предстала оклеветанная лицу офицерскому. Офицер едва возвел правосудное око свое — видит пред собою дрожащую ответчицу и говорит первое слово: «Га! га! плутовка, самая дрожь доказывает твою винность». Просвирня, будучи непричастна сему, не винится. Приходит доносчик и сверх свидетельства утверждает клятвою донос; а клянется совестью и честию подьяческою. «О великая

[1] В предыдущем «письме» говорилось о том, что просвирня, желая, чтобы труд автора был посвящен ей одной (а не ей и козлу), обратилась к судье, предварительно поднеся «подарок» его жене. Судья вынес решение об удовлетворении ее прошения, а подьячий сочинил «сентенцию», из которой следовало, что, «в силу крепостного устава», посвящение принадлежит одной просвирне; если же и козел желает быть адресатом посвящения, то ему надлежит с автором «ведаться судом, где повелено».

[2] Т. е. изготовленные из пшеничной муки высшего сорта особо тонкого помола.

[3] Полицейский участок и помещение для арестованных при участке.

клятва!» — восклицает офицер, ибо батюшка его блаженной памяти до смерти был подьячим: так и в нем совесть и честь подьяческая, для того что произошел от крови подьяческой; а свидетельствует точность сего то, что матушка его лицом была дурна: так льзя ли не поверить клятве доносчиковой? «Винись, плутовка,— говорит офицер,— праведен донос; да ты и сверх того виновата, что при допросе не вежливо стоишь: должно стоять прямо, а ты сугорбясь стоишь». Просвирня извинялась с великою покорностию тем, что она горбата от природы; но офицер, не поверя, велел десятскому[1] толкнуть ее в горб. Она, ослабея от голоду, ибо вчерашний день есть ей не давали, упала от толчка. Офицер, видя это, закричал: «Винится! Однако тебя поклоны не избавят от наказания». Просвирня, слыша то и испужавшись, ободрилась и, встав, говорила, что она не винится, а упала от толчка. «Так ты двоеречить стала и от слов своих отпираться? И сверх того поносить честь мою офицерскую: якобы я на тебя солгал? Однако скажешь правду»,— и примолвил преподлую подьяческую пословицу, которую он перенял у покойного батюшки своего: «Кнут не дьявол, а правду сыщет». Положа, бедную просвирню кошками[2] до тех пор секли, что она кричать перестала, и после посадили ее опять в тюрьму, и опять хочет сечь ее, и опять в тюрьму посадить, если она не повинится; а если повинится, то сошлет ее в розыскной приказ[3]. Вот в каких обстоятельствах находится просвирня, и вот пример жизни несчастного человека...

Судья весьма недоволен, что я вынес его таинство, что он сам дела решить не умел, а научил его городской подьячий... Любимец его подьячий, будучи на меня сам сердит, поощрял моего неприятеля ко отмщению. Долго они советовали, каким образом отомстить мне, и наконец положили ехать подьячему в город опять и делать нападки и утеснения моим крестьянам. О беззаконие! зляся на меня, утеснять людей невинных; я теперь должен спешить ко защищению моих земледельцев и расстаться с любезною мне Москвою; к тому ж и петиметр с красавицею гонит меня отсюда...

1761—1763

---

[1] Служитель при полиции, выбранный от жителей.

[2] Многохвостыми плетьми.

[3] *Розыскной,* или *Сыскной приказ* — созданное в Москве в 1730 г. учреждение, в ведении которого были все уголовные преступления против жизни и собственности; в 1763 г. преобразован в Розыскную экспедицию при Московской губернской канцелярии.

В. И. МАЙКОВ

ОДА О ВКУСЕ

АЛЕКСАНДРУ ПЕТРОВИЧУ СУМАРОКОВУ

О ты, при токах Иппокрены
Парнасский сладостный певец,
Друг Талии и Мельпомены,
Театра русского отец,
Изобличитель злых пороков,
Расин полночный, Сумароков!

Твоей прелестной глас свирели,
Твоей приятной лиры глас
Моею мыслью овладели,
Пути являя на Парнас:
Твоим согласием пленяясь,
Пою и я, воспламеняясь.

И се, твоим приятным тоном
И жаром собственным влеком,
Спознался я со Аполлоном
И музам сделался знаком;
К Парнасу путь уже мне сведом,
Твоим к нему иду я следом.

И так, как тихому зефиру,
Тебе вослед всегда лечу,
Тобой настроенную лиру
Я худо строить не хочу;
Всегда мне вкус один приятен,
Который важен, чист и внятен.

Но вкусы всех воспеть не можно,
Они различны у людей:
Прадон предпочитаем ложно
Расину «Федрой» был своей;
Но что? Прадонов вкус скончался,
Расин победой увенчался [1].

Не пышность — во стихах приятство;
Приятство в оных — чистота,

[1] Узнав, что Расин работает над трагедией «Федра», соперничавший с ним драматург Прадон написал по наущению группы придворных трагедию на тот же сюжет. Театральная клака освистала трагедию Расина во время первых представлений и поддержала Прадона, но вскоре стала ясной бездарность Прадона в сравнении с Расином.

Не гром, но разума богатство
И важны речи — красота.
Слог должен быть и чист и ясен:
Сей вкус с природою согласен.

Я стану слог распоряжати
Всегда по вкусу одному
И тем природе подражати,
Тебе и здравому уму.
Случайны[1] вкусы все суть ломки
И не дойдут они в потомки.

<1776>

ЕЛИСЕЙ, ИЛИ РАЗДРАЖЕННЫЙ ВАКХ

К ЧИТАТЕЛЮ

Благосклонный читатель! я хотел было написать к сей поэме преогромное предисловие, в котором намерен был подробно изъяснить побуждающую меня к сочинению ее причину; но рассудил, что как бы ни важна была причина даже до того, что хотя бы я наконец и поклепал* какого-нибудь почтенного мужа, что он меня принудил к сему сочинению, сказав мне: «Не смотри-де ты на всех критиков и пиши-де то, что тебе на ум взбредет, ты-де пишешь хорошо». Однако ж все сие нимало не украсило бы моего сочинения, буде бы оно само по себе не заслужило от благосклонного читателя похвалы. Я ж знаю и то, что не только по совету какого-либо почтенного мужа, но ниже по самому строжайшему приказу скаредный писец ничего хорошего во век свой не напишет, так как и лягушка, сколько ни станет надуваться, равна с быком не будет[2].

СОДЕРЖАНИЕ ПОЭМЫ[3]

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Вакх, раздражен будучи гордостию откупщиков, гневается на них, что по причине дороговизны вина, пива и меду стало

[1] Т. е. попавшие в «случай», в фавор при дворе, модные (очевидно, намек на В. П. Петрова, пользовавшегося поддержкой двора.)

* Клепать всякого смело можно, знавши, что в таком поклепе никого на очную ставку не позовут.

[2] Обращение «К читателю» высмеивает В. И. Лукина и В. П. Петрова, предпосылавших своим сочинениям и переводам пространные предисловия с объяснением причин, которые побудили их к сочинительству. Оборот «Благосклонный читатель» взят у Лукина, ссылка на некое важное лицо — у Петрова. Сравнение лягушки с быком имеет в виду соперничество Лукина с Сумароковым, Петрова — с Ломоносовым. В тексте поэмы пародируется перевод «Энеиды», выполненный Петровым.

[3] В изложении автора.

число пьяных менее; приезжает в питейный дом, где, увидя ямщика, именем Елисея, радуется, что он нашел такого человека, который по виду кажется ему, что может служить орудием ко отмщению его. Между тем Елисей просит у чумака[1] вина в пивную чашу и выпивает ее одним духом, чрез то Вакх и более в надежде своей утверждается. А Елисей, выпив вино, ударил чумака в лоб чашею и сделал в кабаке драку, которую услышав, объездной капрал зашел и Елисея, взяв под караул, повел в полицию, а Вакх поехал к Зевесу просить, чтоб он освободил Елисея из-под караула. Зевес ему сказывает, что на самого его дошла к нему просьба от Цереры, будто бы оттого, что все крестьяне спилися, земледелие упадает, и повелевает Ермию собрать всех богов на Олимп для разобрания ссоры между Вакхом и Церерою, и после идти в полицию и оттоль освободить Елисея из-под караула.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Ермий приходит в полицейскую тюрьму и там Елисея, перерядя в женское платье, переносит в Калинкинский дом, где тогда сидели под караулом распутные женщины. Елисей пробуждается, дивится, как он там очутился, и думает, что он в монастыре. Между тем начальница того дома, вставши, будит всех женщин и раздает им дело. Но, увидя Елисея, скоро его узнала, что он не женщина, ведет его в особый покой, где он ей о себе открывает, что он есть ямщик, а потом рассказывает ей о побоище, бывшем у зимогорцев с валдайцами за сенокос.

ПЕСНЬ ТРЕТИЯ

Окончание повествования Елисеева. Любовь начальницы с Елисеем. Собрание богов на Олимп по повелению Зевесову. Суд у Вакха с Церерою и решение Зевесово. Между тем, когда Елисей готовился с начальницею ночевать, начальник стражи пошел дозором, увидел у начальницы Елисея в женском платье и, думая, что есть девка, но пришлая, спрашивает, откуда она и для чего ее у него нет в реестре. Хотя начальница и оправдается, но сей строгий начальник, не приемля оправдания, велит взять мнимую девку под караул, откуда его паки освобождает Ермий и дает ему шапку-невидимку, в которой Елисей опять забрался к начальнице и пробыл несколько месяцев. Но, наскуча ее любовию, уходит вон из дома. Начальница тоскует о его уходе. Командир в самое то время входит и видит оставшие после Елисея вещи, гневается на нее, хочет ее сечь; но скоро, провором ее быв улещен, с нею помирился.

---

[1] Продавец в кабаке, питейном доме.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Елисей, вышедши из Калинкинского дома, пошел в город и, утомясь, лег в лесу спать. Но вдруг проснулся от крика одной женщины, которую два вора хотели ограбить. Он ее от них избавляет и находит в ней жену свою. Она ему рассказывает свое похождение после того, как с ним рассталась. Он ее отпускает в город, а сам остается в лесу, где ему явясь, Силен ведет его в дом одного богатого откупщика, чтоб он тут пил сколько хочет, а сам отходит на небо к Вакху. Елисей, искав погреба, зашел нечаянно в баню, где тогда откупщик с женою своею парился. Он их оттуда выгоняет, а сам, выпарясь, оделся в откупщиково платье, приходит в своей шапке-невидимке в палаты откупщиковы, и, забившись под его кровать, лежал до тех пор, как откупщик, бывши встревожен случившеюся тогда грозою, встал с постели, а он, вышед из-под опыя, лёг с его женою спать. По окончании грозы откупщик, приметя странное движение жены своей, думает, что ее давит домовой, хочет наутро посылать по ворожею, которая бы выгнала вон из его дома сего домового черта. Ямщик, услыша то, убоялся прихода ворожеи, выходит вон из палат и ищет погреба, где думает утолить вином свою жажду.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Елисей, забравшись в откупщиков погреб, обретает в нем много напитков и радуется. Тут к нему явился Вакх с своею свитою, и, сделав погребу разгром, уходят и Вакх и Елисей пустошить погреба у других откупщиков. Поутру же, когда откупщик проснулся, посылает по ворожею. Она приходит, а в самое то время прибегает его ключник, сказывает о опустошении погреба. Откупщик с печали обмирает, просит ворожею, чтоб она чертей из дома его выгнала. Та обещается сие сделать; но по многим разговорам откупщик с нею поссорился и выгнал самое ворожею от себя вон. Между тем Зевес видит, что Елисей многих откупщиков разоряет, призывает паки богов и делает над ним суд. Наконец определяет ему быть отдану в солдаты, что с ним и последовало.

ИЗ ПЕСНИ ТРЕТЬЕЙ

...Но наконец уж он наскучил сим житьем,
Хотя доволен был он пищею и всем;
Но Вакх вселил в него уйтить оттоль охоту
И делать на него взложенную работу,
Дабы откупщиков немного пощунять;
А Елисей сие был мастер исполнять.

Во время сна сея несчастныя старушки
Оставил Елисей постелю и подушки,

Оставил он свои и по́рты и камзол,
Оставил и ее во сне, а сам ушел.

Лишь только поутру начальница проснулась,
Зевнула и на ту сторонку обернулась,
На коей Елисей возлюбленный лежал,
Ан след уже простыл, любовник убежал.
Подушку хвать рукой, нашла подушку хладну;
Подобно так Тезей оставил Ариадну
И так же изменил любовнице Эней,
Как сделал со своей старушкой Елисей.

Собрав остаток сил, собрав всю крепость духа,
Сначала думала несчастная старуха,
Что с нею Елисей нарочно пошутил
И что из комнаты он вон не выходил;
Встает и по углам как бешеная рыщет,
По стульям, по столам его руками ищет;
Но, как ни су́ется, Елеси не найдет,
Упала на кровать, вскричала: «Ах, мой свет!
Куда, Елесенька, куда ты отлучился?
И где обманывать людей ты научился,
Что ты и самое меня тем превзошел,
Куда, Елесенька, куда, мой свет, ушел?
Где скрылся от меня и где ты пребываешь?
Или ты у какой негодной обитаешь,
Которая, собой плени́в твой нежный взор...»
Старухе между тем хотелося на двор;
Она трепещущей рукою таз достала
И только исполнять свою лишь ну́жду стала,
Узрела на полу и порты и камзол.
«Теперь я чувствую,— вскричала,— сколь ты зол!
Ты пуще мне тоски и бедствия прибавил,
Начто ты порты здесь, начто камзол оставил,
Или на то, чтоб я была обличена?
Не сам ли в том тебя наставил сатана!
Ну, если командир зайдет сюда дозором,
Не скроешь этыя ты рухляди пред взором,
Который ежели захочет примечать!
И что пред ним тогда я буду отвечать?
Не ясная ли мне последует улика?
Хоть как ни рассуждай, напасть моя велика!»
Когда она сие в печали вопиет,
Ан глядь, уж командир к ней в комнату идет;
Она тут затряслась и вдруг оторопела,
Портков схватить с собой с камзолом не успела,
Вскочила на кровать, а тот уже вошел,
Мерещатся ему и порты и камзол;
Приближился потом как бешеный к постеле,

Увидел на полу камзол он в самом деле,
И также видит он лежащие портки.
«О небо! — закричал,— здесь в доме мужики!»
Приспичивает он ее в сем деле тесно,
Кричит: «Живут ли так, моя голубка, честно?
Какой я у тебя увидел здесь мундир,
На то ль над вами здесь поставлен командир,
Чтоб только вы его словами лишь ласкали?
А ночью спать с собой сторонних допускали?
Позору я себе такого не хочу,
Я первую тебя батожьем укрочу».
Она туда-сюда хвостишком помотала,
Подъехала к нему и тотчас уласкала;
Уже мой командир пред бабою погас,
Утихнул и закис, как будто ячный квас;
Хотя ей постегать он спину и ярился,
Однако ж наконец с старушкой помирился;
Тут не было меж их Гимена и любви
И также пламени в застылой их крови,
Но им и не было большия нужды в этом,
Затем что не зимой сие уж было, летом,
Они между собой спокойствия делят,
Без жару старички друг друга веселят.
Уж стала заживать ее любовна рана,
Когда ей командир стал другом из тирана.
Хотя прошло еще тому не много дней,
Как отбыл от сея Дидоны прочь Эней,
Но оная не так, как прежняя, стенала
И с меньшей жалостью Елесю вспоминала;
Она уже о нем и слышать не могла,
Портки его, камзол в печи своей сожгла,
Когда для пирогов она у ней топилась,
И тем подобною Дидоне учинилась.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

О муза! умились теперь ты надо мною,
Расстанься хоть на час с превыспренней страною;
Накинь мантилию, насунь ты башмаки,
Восстани и ко мне на помощь притеки.
Не школьник у тебя об этом просит спасский [1],
Но требует ее себе певец парнасский,
Который завсегда с тобой в союзе жил
И со усердием сестра́м твоим служил.
И се я слышу глас с ее высока трона:
«Послала я к тебе давно уже Скаррона;

[1] Имеется в виду В. П. Петров.

Итак, не льстись теперь на помощь ты мою.
Я битву Чесмскую с Херасковым пою:
Он, мною восприняв настроенную лиру,
Гласит преславную сию победу миру;
Я ныне действую сама его пером,
И из-под рук его исходит важный гром [1];
Но ежели и ты сим жаром воспылаешь
И петь оружие России пожелаешь,
Тогда сама к тебе на помощь притеку
И всех подвижников деянья изреку».
О муза! лишь всели ты жар в меня сердечный,
Прейдет через меня то в роды бесконечны.
Приди и ободри охоту ты мою,
Тогда на лире я песнь нову воспою.

А ныне паки я гудочек мой приемлю,
И паки голосу певца Скаррона внемлю;
Уже он мысль мою вослед себе влечет,
Уже и слог его здесь паки потечет.

Лишь только Елисей до погреба доскребся,
Уже он заживо в могиле сей погребся;
Хотя и заперт был он павловским замком,
Но он его сразил с пробоев кулаком
И смелою рукой решетку отворяет,
Нисходит в хлябь сию, и тамо озирает
Расставлены везде бочонки по стенам,
Там склянки видит он, бутылки видит там,
Он видит бочки там с вином сороковые,
Любуется, узря предметы таковые,
Летает, как сокóл над стадом робких птиц,
Он видит лебедей, и галок, и синиц.
Лишь к первой он тогда бутылке прилетает,
Уж первую ее в объятия хватает,
Как глазом мгнуть, так он затычку ототкнул
И в три глотка сию он пташку проглонул;
Потом придвинулся к большой он самой бочке,
Откупорил и рот приставил к средней точке,
Из коея вино текло ему в гортань.
Елесенька, уймись, опомнись, перестань:
Ведь бочка не мала, тебя с нее раздует.
Но он сосет, речей как будто и не чует.
Он после сказывал, и если он не лгал,
Что будто бы ему сам Вакх в том помогал,
Который со своей тут свитою явился
И обще с ним над сей работою трудился;
Что будто сам Силен бутылки оттыкал

---

[1] В 1771 г. вышла из печати поэма М. М. Хераскова «Чесмесский бой».

И будто сам из них вино в себя глотал;
Что духи Вакховы мертвецки были пьяны,
Кормилица и все вино тянули няни.
Какой тогда всему был погребу разгром,
Клокочут скляницы, бутылки все вверх дном,
Трещат все обручи, вино из бочек льется,
И в них ни капельки его не остается.
Уже окончен был преславный этот труд,
Ушли из погреба, оставя винный пруд.
А откупщик, сего не ведая разгрома,
Покоится среди разграбленного дома;
Но только лишь с своей постели он восстал,
Работника, как пса, к себе он присвистал
И тотчас оного к старухе посылает,
С которой гнать чертей вон и́з дома желает;
Такая-то ему пришла на мысли пыль!

Уже сия идет, оперлись на костыль,
Имея при себе бобы, коренья, травы
И многие при том волшебные приправы.
Громовы стрелки тут, иссохлы пауки,
Тут пальцы чертовы, святóшны угольки,
Которых у нее в мешке с собой немало;
И в сем-то знанье сей Медеи состояло.

Лишь только в дом она ступила чрез порог,
Повергла на скамье чиненой свой пирог,
В котором были все волшебные приборы,
Бобы и прочие тому подобны вздоры.

Уже мой откупщик навстречу к ней течет,
И с благочинием он бабушке речет:
«Помилуй, бабушка! на нынешней неделе
Всем домом у меня здесь черти овладели;
Вчера меня один из бани выгнал вон,
Другой нанес жене ужасный самый сон,
Сие случилося прошедшей самой ночи,
Помилуй ты меня, а мне не стало мочи!»
Лишь он сие изрек, ан ключник прибежал,
Который был в слезах и с ужаса дрожал:
О бывшей в погребе беде ему доносит.
Купец, рехнувшися, попа в безумстве просит,
Дабы ему в своих грехах не умереть
И вечно во огне геенском не гореть.
О подлая душа! к чему ты приступаешь?
И сею ли ценой ты небо покупаешь?
Когда обиженны тобою сироты́
На оное гласят, чтоб был во аде ты,
Такое ли тебе довлеет покаянье?

Да будет ад твой дом и мука воздаянье.
Сперва обиженным ты щедро заплати
И после прямо в рай на крыльях тех лети,
Которые туда честны́х людей возносят,
А на тебя тобой обиженные просят.

Но наконец его оставил смертный страх,
Опомнился купец у бабушки в руках
И просит, чтоб она ему поворожила,
Откуда истекла сих бед ужасна жила.
Старушка говорит на то ему в ответ:
«О дитятко мое! лихих людей не нет;
Я знаю, что тебе злодеи то помстили
И это на тебя по ветру напустили:
Я все тебе сие на деле покажу,
Бобами разведу, и это отхожу;
Не станут больше здесь водиться в доме черти;
Я выгоню их вон иль всех побью до смерти.
Третьёва дни меня просил один рифмач,
Дабы я испекла такой ему калач,
Который бы отшиб к стихам ему охоту;
И я с успехом ту исполнила работу:
Лишь только он рожок в желудок пропустил,
С рожком свою к стихам охоту проглотил,
И ныне больше сим дурачеством не дышит,
Хотя не щегольски ж, да прозою он пишет.
О, если бы сему подобны рифмачи
Почаще кушали такие калачи,
Конечно б петь стихи охоту потеряли
И слуха нежного других не оскорбляли.
Другой меня просил, чтоб был он стиходей,—
Он съел лишь корешок по милости моей,
С тех пор спознался он и с небом вдруг, и с адом
И пишет множество стихов, дурным лишь складом,
Однако ж кажется хорошим для него;
Мне это сотворить не стоит ничего.
Пропажа ли в дому какая где случится,
Иль старый вздумает за девкой волочиться,—
Не празден никогда бывал еще мой труд.
Купцы, подьячие со всех сторон бредут:
Одни, что будут ли на их товары падки,
Другие — выйдет ли указ, чтоб брать им взятки;
Я всем с охотою бобами развожу
И никому из них неправду не скажу.
Вчерась лишь одному врачу я отгадала,
Что скоро свет его почтет за коновала;
То предвещание немедленно сбылось,
Сегодня в городе повсюду разнеслось,

Что от лечбы его большая людям трата,—
И так он сделался палач из Иппократа.
А если пьяница, хотя бы он какой,
Я страсть с него сию снимаю как рукой!»
Тут всю свою болезнь купец позабывает
И речь старушкину своею прерывает:
«Помилуй, бабушка, не делай ты сего,
Чрез это есть ущерб дохода моего,
И эдак откупы мне будет брать несходно;
А вот бы для меня что было лишь угодно:
Чтоб пьяницами весь соделался народ,
Чрез что ты сделаешь великий мне доход».
Тут бабушка ему: «Я это разумею,
Но делать, дитятко, я худо не умею».
На то ей откупщик: «Так слушай же, мой свет,
Не надобен такой мне вредный твой совет,
Когда пияниц ты от пьянства отвращаешь,
Так сим против меня ты чернь всю возмущаешь.
А мне лишь надобно, чтоб больше шло вина,
Так мне твоя теперь и помощь не нужна,
Не верю, как тебе, я бахарю такому;
Возьми свои бобы и ну скоряй из дому,
Доколе я тебя бато́жьем не взварил».
Се тако откупщик во гневе говорил,
А та, как ласточка, из дому полетела
И множество чертей наслать к нему хотела,
Которые к нему, как галки, налетят
И весь его припас и выпьют и съедят,
За что купец велел нагреть старухе уши.
Се так поссорились тогда две подлы ду́ши!

Когда уже ямщик сей дом вина лишил,
Ушел и погреба другие пустошил,
Тогда Зевес другим богам сие вещает:
«Вы зрите, как ямщик купцов опустошает,
И если я теперь им помощи не дам,
Так сильного руке бессильных я предам;
Вещайте вы: что мне творить бы с ним довлело?»
Тут все собрание, как море восшумело,
И шум сей был меж их поболее часа́,
Потом ударились все в разны голоса;
Однако ж все они хоть разно рассуждали,
Но все его за то согласно осуждали.
Тогда отец богов сию предпринял речь:
«По-вашему, его, я вижу, должно сжечь;
Но я не соглашусь казнить его столь строго,
Понеже шалуно́в таких на свете много,
И если мне теперь их жизни всех лишить,

Так должен я почти весь свет опустошить.
Когда б и я, как вы, был мыслей столь нестройных,
Побил бы множество я тварей недостойных,
Которые собой лишь землю тяготят;
И первых бы с нее льстецов я свергнул в ад,
Жестокосердых всех и всех неблагодарных,
Неправедных судей, воров, друзей коварных;
Потом не миновал и тех бы мой указ,
Которые ползут без спросу на Парнас.
Помыслите же вы, чему я свет подвергну,
Когда я тварей сих в дно адово низвергну?
Послушайте меня: оставим месть сию,
Я время каждому исправиться даю.
Не столько виноват ямщик, как вам он зрится,
Так ныне и́нако он мною усмирится;
Чрез два дни у «Руки» [1] кулачный будет бой,
Где будет воевать сей новый наш герой;
Он многих там бойцов ужасно завоюет,
За братскую любовь носки им всем рассует.
И се какой ему предел я положил:
Хочу, чтоб он один за нескольких служил;
Вы у́зрите, чего сей будет муж достоин.
Он был худой ямщик, а будет добрый воин».
Сие Зевес богам со важностью сказал
И всем разъехаться им в домы приказал.
Когда бы смертные все тако помышляли,
Дабы по склонности к делам определяли,
Тогда бы, может быть, негодный самый врач
Престал людей лечить и добрый был палач;
Судья, который дел совсем не понимает
И только за сукном лишь место занимает,
Он мог бы лучше быть, когда б он был кузнец.
Приемлют за сребро ошибкой и свинец.
Бывает добрый муж — худой единоборец,
Порядочный дьячок — прескверный стихотворец.
Итак, когда бы всяк в степе́нь свою попал,
Давно б в невежестве уж свет не утопал.

Уже настал тот день, стал слышен рев медвежий.
На рев сей собралось премножество невежей,
Стекается к «Руке» со всех сторон народ,
Там множество крестьян, приказных и господ:
Одни между собой идут туда сражаться,
Другие травлею медвежьей забавляться.
О утешение! от скуки позевать,
Как псы невинного там зверя будут рвать;

---

[1] Кабак на Московской дороге.

Иль над подобными глумиться дураками,
Как рыцарствуют, бьясь взаимно кулаками.
Там несогласие стоит уже давно,
И злоба там бойцам разносит всем вино,
Невежество над всем там власть свою имеет,
И мудрость в сих местах явиться не посмеет.

Уже к сражению стояли две стены,
И славные бойцы вином напоены,
Которые сию забаву составляли,
Вытягивалися и руки поправляли;
Один снимал с себя и шапку, и кушак,
Другой навастривал на ближнего кулак,
Иной, до пояса спустя свою рубашку,
Примеривался, как идти ему вразмашку
И как сопернику за братскую любовь
Спустити из носу его излишню кровь
Или на личике фонарь кому поставить,
Чем мог бы всех на то смотрящих позабавить.

Меж тем Зевес окно в зените отворил
И тако всем тогда бессмертным говорил:
«Да будет, боги, вам сие известно ныне:
Выглядывать отсель льзя богу и богине,
Как некогда со мной вы зрели с сих же стран
На битвы страшные меж греков и троян;
Но вы меня тогда нередко облыгали,
Украдкой обоим народам помогали.
А ныне, ежели кто по́мочь дать дерзнет,
Тот гнева моего никак не ускользнет.
Помощник целый год, как гладный пес, порыщет,
Ни в банях, ни в тюрьма́х убежища не сыщет;
Хотя бы посреде он скрылся кабака,
И там велю ему натыкать я бока,
Доколе не пройдет сие урочно время.
Как хочете, а вы не суйтесь в это стремя».
Тогда они свои потупили глаза
И ждали, как сия минует их гроза,
Смирнехонько вокруг Зевеса все сидели
И только как сычи в окошечко глядели.
И се настал уже жестокой битвы час:
Сначала стал меж их ребячий слышен глас,
И в воздух раздались нестройные их крики,
А это было тут в подобие музыки.
Как туча, помрачив чистейший оризонт,
Облегшись тягостью своей на тихий понт,
Ужасной бурею на влагу лишь подует,
Престанет тишина и море возбунтует,

Потом ударит гром из темных облаков,-
Подобный оному стал стук от кулаков,
И с пыли облака густые вверх виются,
Удары громкие по рожам раздаются,
Лиется из носов кровавая река,
Побои чувствуют и спины и бока,
И от ударов сих исходят разны звоны;
Разносятся везде пощечин миллионы.
Один соперника там ре́знул под живот,
И после сам лежит, повержен, яко скот;
Другой сперва пошел на чистую размашку,
Нацелил прямо в нос; но, сделавши промашку,
Отверз свободный путь другого кулакам,
А тот, как по торгу́, гуляет по щекам.
Иной тут под глаза очки другому ставит,
Иной соперника, схватя за горло, давит,
Иному сделали лепешку из лица,
А он пошел в кабак и, выпив там винца,
Со прежней бодростью на битву устремился
И лучше прежнего сквозь стену проломился.

Се тако билися безмозглы мужики:
С одной страны купцы, с другия ямщики,
Как вдруг с купеческой страны герой выходит
И спорника себе меж всеми не находит.
Подобно яко лев, расторгнув свой запор,
Рыка́ет и бежит, бросая жадный взор,
Ко стаду робкому пасущейся скотины
В средине мягких трав прохладныя долины,
Где бедненький его увидя пастушок,
Из рук трепещущих повергнув посошок,
Единым бегствием живот свой избавляет,
А стадо хищнику на добычь оставляет.
Так новый сей Аякс, иль паче Диомид,
Имея на челе своем геройский вид,
Вломился и дели́т кулачные удары:
Побегли ямщики, как робкие татары,
Когда на их полях блеснул российский меч,—
Так до́лжны ямщики тогда все были бечь...
Но слог сей кудреват и здесь не очень кстати,
Не попросту ль сказать, они должны бежати,
А грозный тот герой, как коршун, в них летит
И кулаками их, бегущих, тяготит.
Смутились все, как прах пред тучи грозной зраком:
Один падет стремглав, другой ползет там раком,
А третий, как медведь пораненный, рычит,
Четвертый, яко бык ударенный, мычит.
О бой, ужасный бой! без всякия корысти,

Ни силы конские, ни мужеские лысти
Не могут быстроты геройския сдержать...
Все хочется словам высоким подражать.
Уймися, мой гудок, ведь ты гудишь лишь вздоры,
Так надобно ль тебе высоких слов наборы?
Посредственная речь тебе теперь нужна,
И чтобы не была надута, ни нежна;
Ступай своим путем, последуя Скаррону,
Скорее, может быть, достанешь ту корону,
Которую певцам парнасский бог дает.

Герой купеческий ямских героев бьет
И нумерит им всем на задницах пашпóрты,
Трещат на ямщиках рубашки там и порты.
Все думали, что он в руках несет перун
И что он даст бойцам последний карачун;
Но вдруг лишился бой сего ужасна вида,
Когда пришел герой под сению Эгида,
Сокрытый им от всех смотрителей очей,—
То был под шапкою своею Елисей;
Не видим никому, он бой переменяет,
Смутил в единый час купцов и прогоняет,
Трясется от него их твердая стена,
А он на них кладет кровавы знамена.
От кулаков его все нáрозно [1] деля́тся,
Не сотни перед ним, по тысящи валятся!
Победа к ямщикам прешла в единый миг,
И Елисей уже бойца того достиг,
Который воевал как черт меж ямщиками:
Уже разит его Елеська кулаками,
И множество ему тычков в глаза влепил,
Которыми его разбил и заслепил;
Свалился, яко дуб, секирою подсечен,
Лежит, Елесею разбит и изувечен;
Трикраты он себя с песку приподымал,
Трикраты на него он паки упадал,
И наконец на нем лежит и чуть-чуть дышит
И Елисееву победу тамо пишет,
А попросту песок он задницей чертил,
Но встать с него в себе он сил не находил.
Движенья таковы всех к жалости подвигли,
Товарищи его тотчас к нему достигли,
Полмертвого бойца в кабак перенесли
И там ему вина на гривну поднесли,
Которым дух его ослабший ободрили
И паки тем ему дыханье возвратили.

---

[1] Порознь, в разные стороны.

Исправился купец, идет из кабака,
Вторично он в бою попал на ямщика;
Тут паки на него насунулся Елеся,
И паки, раз ему десятка два отвеся,
Сильнее прежнего он дал ему толчок,
Он паки задницей повергся на песок;
Но так уже ямщик купца туда запрятал,
Что весь седалища в нем образ напечатал,
И сказывают все, кто ходит в тот кабак,
Что будто и поднесь в песке тот виден знак.
Ямщик, сразя его, разить всех начал встречных,
Умножа за собой подбитых и увечных,
Загнал в трущобу всех купеческих повес,
И словом, он тогда был храбр, как Ахиллес.

Но можно ли кому с свирепым спорить роком!
Не знаю, кто с него сшиб шапку ненароком,
А он с открытою главою стал, как рак.
Хотел было бежать с побоища в кабак,
Но тут его свои, бегущего, схватили,
Свели во свой приказ и на цепь посадили.
Сбылася истина Зевесовых речей —
Елесеньке весь лоб подбрили до ушей;
Какой бы это знак, куда Елесю рядят,
Неужели его и впрямь во службу ладят?
Увы, то истина! был сделан приговор:
«Елеська как беглец, а может быть и вор,
Который никакой не нес мирския платы,
Сведен в военную и отдан там в солдаты».

<1769>, 1771

РОЗА И ЗМЕЯ

Как некогда Змея так Розе говорила:
«Натура нас с тобой подобных сотворила:
Ты жалишься, как я».
Тогда в ответе речь была Змее сия:
«Злохитрая Змея,
Напрасно ты себя ко мне приткнула боком
И хочешь замарать меня своим пороком:
Я жалю только тех,
Которые меня с невежеством ломают,
А ты, хотя тебя и вечно не замают,
Ты жалишь всех».

Читатель мой, внемли, что пела лира:
Змея — преподлая, а Роза — умная сатира.

<1766>

ВОР И ПОДЬЯЧИЙ

Поиман Вор в разбое,
Имел поличное, колечко золотое,
Которое пред тем с Подьячего склевал
В ту ночь, как Вор сего воришка разбивал;
Хотя Подьячего так звать неосторожно,
Однако ж взятки их почесть разбоем можно,—
Затем я на́звал так.
Подьячий не дурак,
Да только что бездельник;
Он Вора обличал,
Что точно у него кольцо свое узнал,
И с тем еще других пожитков он искал.
На то в ответ сказал Подьячему мошенник:
«Когда меня за то достоит бить кнутом,
Так до́лжно и тебя пытать, Подьячий, в том:
Когда родитель твой жил очень небогато,
Откуда ж у тебя сие взялося злато?
Разбойник я ночной,
А ты дневной;
Скажу я и без пытки,
Что я пожитки
У вора крал,
Который всех людей безвинных обирал.
С тобою мы равны, хоть на весах нас взвесить,
И если должно нас, так обои́х повесить».

<1766>

И. Ф. БОГДАНОВИЧ

ДУШЕНЬКА

ДРЕВНЯЯ ПОВЕСТЬ В ВОЛЬНЫХ СТИХАХ

(В сокращении)

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ СОЧИНИТЕЛЯ

Собственная забава в праздные часы была единственным моим побуждением, когда я начал писать «Душеньку»; а потом общее единоземцев благосклонное о вкусе забав моих мнение заставило меня отдать сочинение сие в печать, сколь можно исправленное. Потом имел я время исправить его еще более, будучи побужден к тому печатными и письменными похвалами, какие сочинению моему сделаны. Приемля их с должною благодарностию, не питаюсь самолюбием столь много, чтоб не мог восчувствовать моего недостаточества при выражениях одного неизвестного, которому в вежливых стихах его угодно было сочинение, «Душеньку», назвать творением самой Душеньки. Предки мои, служив верою и правдою государю и отечеству, с простым в дворянстве добрым имепем, не оставили мне примера вознести себя выше обыкновенной тленности человеческой. Я же, не будучи из числа учрежденных писателей, чувствую, сколько обязан многих людей благодушию, которым они заменяют могущие встретиться в сочинениях моих погрешности.

СТИХИ НА ДОБРОДЕТЕЛЬ ХЛОИ

Красота и добродетель
Из веков имели спор;
Свет нередко был свидетель
Их соперничеств и ссор.
Хлоя! ты в себе являешь
Новый двух вещей союз:
Не манишь, не уловляешь
В плен твоих приятных уз;
Кто же хочет быть свидетель
Покорения сердец,
Хлоиных красот видец
Сам узнает наконец,
Сколь любезна добродетель!

КНИГА ПЕРВАЯ

Не Ахиллесов гнев и не осаду Трои,
Где в шуме вечных ссор кончали дни герои,

Но Душеньку пою.
Тебя, о Душенька! на помощь призываю
Украсить песнь мою,
Котору в простоте и вольности слагаю.
Не лиры громкий звук — услышишь ты свирель.
Сойди ко мне, сойди от мест, тебе приятных,
Вдохни в меня твой жар и разум мой осмель
Коснуться счастия селений благодатных,
Где вечно ты без бед проводишь сладки дни,
Где царствуют без скук веселости одни.
У хладных берегов обильной льдом Славены,
Где Феб туманится и кроется от глаз,
Яви потоки мне чудесной Иппокрены.
Покрытый снежными бутрами здесь Парнас
От взора твоего растаявал не раз.
С тобою нежные присутствуют зефиры,
Бегут от мест, где ты, докучные сатиры,
Хулы и критики, и грусти и беды;
Забавы без тебя приносят лишь труды:
Веселья морщатся, амуры плачут сиры.

О ты, певец богов,
Гомер, отец стихов
Двойчатых [1], равных, стройных
И к пению пристойных!
Прости вину мою,
Когда я формой строк себя не беспокою
И мерных песней здесь порядочно не строю.
Черты, без равных стоп, по вольному покрою,
На разный образец крою,
И малой меры и большия,
И часто рифмы холостые,
Без сочетания законного в стихах,
Свободно ставлю на концах.
А если от того устану,
Беструдно и отважно стану,
Забыв чернил и перьев страх,
Забыв сатир и критик грóзу,
Писать без рифм иль просто в прозу.
Любя свободу я мою,
Не для похвал себе пою;
Но чтоб в часы прохлад, веселья и покоя
Приятно рассмеялась Хлоя.

Издревле Апулей, потом де ла Фонтен,
На вечну память их имен,
Воспели Душеньку и в прозе и стихами,

[1] Т. е. имеющих цезуру, разделяющую стих на две части.

Другим язы́ком с нами.
В сей повести они
Острейших разумов приятности явили;
Пером их, кажется, что грации водили
Иль сами грации писали то одни.
Но если подражать их слогу невозможно,
Потщусь за ними вслед, хотя в чертах простых,
Тому подобну тень представить осторожно
И в повесть иногда вместить забавный стих.

В старинной Греции, в Юпитерово время,
Когда размножилось властительное племя,
Как в каждом городке бывал особый царь,
И, если пожелал, был бог, имел олтарь,
Меж многими царями
Один отличен был
Числом военных сил,
Умом, лицом, кудрями,
Избытком животов,
И хлеба, и скотов...

...Особо же он был отличен из царей
За то, что трех имел прекрасных дочерей.
Но солнце в красоте своей,
Когда вселенну освещает,
Луну и звезды помрачает,—
Подобно так была меньшая всех видней,
И старших сестр своих достоинства мрачила,
И розы красоту, и белизну лилей,
И, словом, ничего в подобном виде ей
Природа никогда на свете не явила.

Искать приличных слов
К тому, что в множестве веков
Блистало толь отменно,
Напрасно было бы, и было б дерзновенно.
Короче я скажу: меньшая царска дочь,
От коей многие вздыхали день и ночь,
У греков потому Психея называлась,
В язы́ках же других, при переводе слов,
Звалась она Душа, по толку мудрецов,
А после в повестях старинных знатоков
У русских Душенька она именовалась;
И пишут, что тогда
Изыскано не без труда
К ее названию приличнейшее слово,
Какое было ново.
Во славу Душеньке у нас от тех времен
Поставлено оно народом в лексиконе

Между приятнейших имен,
И утвердила то любовь в своем законе.

Но часто похвалы
Бывают меж людей опаснее хулы.
Презорна спесь не любит,
Когда повсюду трубит
Прямую правду вслух
Болтливая богиня Слава.
Чужая честь, чужие пра́ва
Завистливых терзают дух.
Такая, Душенька, была твоя прослуга,
Как весь цитерский мир и вся его округа
Тебя особо обожали
И все к тебе бежали
Твое умножить торжество.
Соперницы своей не знала ты — печали!..
...Не в долгом времени, по слухам самым верным,
Узнала, наконец, богиня красоты,
Со гневом пребезмерным,
Причину вкруг себя и скук и пустоты.
Хоть Душенька гневить не мыслила Венеру,
К достоинствам богинь имела должну веру
И в поступи своей всегда хранила меру,
Но вскоре всем хулам подвержена была.
Притом злоречивые духи,
О ней худые сея слухи,
Кривой давали толк на все ее дела;
И кои милостей иль ждали, иль просили,
Во угождение богине доносили,
Что будто Душенька, в досаду ей и в зло,
Присвоила себе цитерских слуг число;
И что кому угодно
В то время мог солгать на Душеньку свободно.
Но чтобы делом месть
Над нею произвесть,
Собрав Венера ложь и всяку небылицу,
Велела наскоро в дорожну колесницу
Шестнадцать почтовы́х зефиров заложить,
И наскоро летит Амура навестить.
Читатель сам себе представит то удобно,
Просила ли его иль так, или подобно,
Пришед на Душеньку просить и доносить:

«Амур, Амур! вступись за честь мою и славу,
Яви свой суд, яви управу.
Ты знаешь Душеньку, иль мог о ней слыхать:
Простая смертная, ругаяся богами,
Не ставит ни во что твою бессмертну мать;

Уже и нашими слуга́ми
Осмелилась повелевать
И в областях моих над мной торжествовать;
Могу ли я сносить и видеть равнодушно,
Что Душеньке одной везде и все послушно!
За ней гоняяся, от нас отходят прочь
Поклонники, друзья, амуры и зефиры,
И скоро Душеньке послушны будут ми́ры.
Юпитер сам по ней вздыхает день и ночь,
И слышно, что берет себе ее в супруги,
Гречанку наглую, едва ли царску дочь,
Забыв Юнонины и верность и услуги!
Каков ты будешь бог и где твой будет трон,
Когда от них другой родится Купидон,
Который у тебя отымет лук и стрелы
И нагло покорит подвластны нам пределы?
Ты знаешь, сколь сыны Юпитеровы смелы:
По воле ходят в небеса
И всякие творят на свете чудеса.
И можно ли терпеть, что Душенька собою,
Без помощи твоей, во всех вселяет страсть,
Какую возжигать один имел ты власть?
Она давно уже смеется над тобою
И ставит в торжество себе мою напасть.
За честь свою, за честь Венеры
Яви ты строгости примеры;
Соделай Душеньку постылою навек,
И столь худою,
И столь дурною,
Чтоб каждый от нее чуждался человек;
Иль дай ты ей в мужья, кто б всех сыскался хуже,
Чтобы нашла она себе тирана в муже
И мучила б себя,
Жестокого любя;
Чтоб тем краса ее увяла,
И чтобы я покойна стала».
Амур желал тогда пресечь
Сию просительную речь.
Хотя богинь он ведал свойство
Всегда соперниц клеветать,
Но должен был привесть в спокойство
Свою прогневанную мать
И ей впоследок обещать
За дерзость Душеньку порядком постращать.
Услышав те слова, амуры ужаснулись,
Весельи ахнули, и смехи содрогнулись.
Одна Венера лишь довольна тем была,
Что гнев на Душеньку неправдой навлекла...

...Не в долгом времени пришла к богине весть,
Которую Зефир спешил скорей принесть,
Что бедство Душеньки преходит всяку веру,
Что Душенька уже оставлена от всех
И что вздыхатели, как будто ей в посмех,
От всякой встречи с ней повсюду удалялись,
Или к отцу ее во двор хотя являлись,
Однако в Душеньку уж боле не влюблялись
И к ней не подходили вблизь,
А только издали ей низко поклонялись.
Такой чудес престранный род
Смутил во Греции народ.
Бывали там потопы, моры,
Пожары, хлеба недород,
Войны и внутренни раздоры,
Но случай сей для всех был нов.
Сказатели различных снов
И вопрошатели богов
О том имели разны споры.
Иной предвидел добрый знак,
Другой сулил напасти скоры.
Иной, напутав много врак,
Не сказывал ни так, ни сяк;
Но все согласно утверждали,
Что чуд подобных не видали
Во Греции с начала век.
Простой народ тогда в печали
К Венере вопиять притек:
«За что судьбы к народу гневны?
За что вздыхатели бежали от царевны?»
Известно, что ее отменная краса
Противные тому являла чудеса.
Венера наконец решила всех судьбину:
Явила Греции сокрытую причину,
За что царева дочь теряет прежню честь,
За что против себя воздвигла вышню месть,
И с видом грозным и суровым,
Царевым сродникам велела быть готовым
Еще к несчастьям новым,
Предвозвещая им на будущие дни
Бе́ды и страшны муки,
Пока ее они
Не приведут к ней в руки.

Но царь и вся родня
Любили Душеньку без меры,
Без ней приятного не проводили дня,—
Могли ль предать ее на мщение Венеры?

И все в единый глас
Богине на отказ
Возопияли смело,
Что то несбыточное дело.
Иные подняли на смех ее олтарь,
Другие стали горько плакать;
Другие ж, не дослушав, такать,
Когда лишь слово скажет царь.
Иные Душеньке в утеху говорили,
Что толь особая вина
Для ней похвальна и славна,
Когда, во стыд богинь, ее боготворили;
И что Венеры к ней и ненависть и месть
Ее умножат честь.
Царевне ж те слова хотя и лестны были,
Но были бы милей,
Когда бы их сказал какой любовник ей.
От гордости она скрывала
Печаль свою при всех глазах,
Но втайне часто унывала,
Себя несчастной называла
И часто, в горестных слезах,
К Амуру вопияла:
«Амур, Амур, веселий бог!
За что ко мне суров и строг?
Давно ли все меня искали?
Давно ли все меня ласкали?
В победах я вела часы,
Могла пленять, любить по воле;
За что теперь в несчастной доле?
К чему полезны мне красы?
Беднейшая в полях пастушка
Себе имеет пастуха:
Одна лишь я ни с кем не дружка,
Не быв дурна, не быв лиха!
Одной ли мне любить зазорно?
Но если счастье толь упорно
И так судили небеса,
То лучше мне идти в леса,
Оставить всех людей отныне
И кончить слезну жизнь в пустыне!»
Меж тем как Душенька, тая свою печаль
От всех своих родных, уйти сбиралась вдаль,
Они ее бедой не менее крушились
И сами ей везде искали женихов;
Но всюду женихи страшились
Гневить Венеру и богов,
Которы, видимо, противу согласились.

Никто на Душеньке жениться не хотел,
Или никто не смел.
Впоследок сродники советовать решились
Спросить Оракула о будущих судьбах.
Оракул дал ответ в порядочных стихах,
И к ним жрецы-пророки
Прибавили еще свои для толку строки;
Но тем ответ сей был не мене бестолков,
И слово в слово был таков:
«Супруг для Душеньки, назначенный судьбами,
Есть то чудовище, которо всех язвит,
Смущает области и часто их крушит,
И часто рвет сердца, питаяся слезами,
И страшных стрел колчан имеет на плечах:
Стреляет, ранит, жжет, оковы налагает,
Коль хочет — на земли, коль хочет — в небесах,
И самый Стикс ему путей не преграждает.
Судьбы́ и боги все, определяя так,
Сыскать его дают особо верный знак:
Царевну пусть везут на самую вершину
Неведомой горы за тридесять земель,
Куда еще никто не хаживал досель,
И там ее одну оставят на судьбину,
На радость и на скорбь, на жизнь и на кончину».

Такой ответ весь двор в боязнь и скорбь привел,
Во всех сомнение и ужас произвел.
«О праведные боги!
Возможно ль, чтобы вы толико были строги?
И есть ли в том какая стать,
Чтоб Душеньку навек чудовищу отдать,
К которому никто не ведает дороги?» —
Родные тако все гласили во слезах;
И кои знали всяки сказки
Представили себе чудовищ злых привязки,
И лютой смерти страх,
Иль в лапах, иль в зубах,
Где жить ей будет тесно...

...Царевна наконец умом
Решила неизвестность в том,
Как все дела своим судом
Она решила обычайно,
Сказала всей родне своей,
Чтоб только в путь ее прилично снарядили
И в колесницу посадили,
Пустя по воле лошадей,
Без кучера и без вожжей:
«Судьба,— сказала,— будет править,

Судьба покажет верный след
К жилищу радостей иль бед,
Где должно вам меня оставить».
По таковым ее словам
Не долго были сборы там.
Готова колесница,
Готова царска дочь, и вместе с ней царица,
Котора Душеньку, не могши удержать,
Желает провожать.
Тронýлись лошади, не ждав себе уряда:
Везут ее без поводов,
Везут с двора, везут из града
И, наконец, везут из крайних городов.
В сей путь, короткий или дальный,
Устроен был царем порядок погребальный
Шестнадцать человек несли вокруг свечи́
При самом свете дня, подобно как в ночи;
Шестнадцать человек, с печальною музыкой,
Унывный пели стих в протяжности великой;
Шестнадцать человек, немного тех позадь,
Несли хрустальную кровать,
В которой Душенька любила почивать;
Шестнадцать человек, поклавши на подушки,
Несли царевнины тамбуры и коклюшки,
Которы клала там сама царица-мать,
Дорожный туалет, гребенки и булавки
И всякие к тому потребные прибавки.
Потом в параде шел жрецов усатых полк,
Стихи Оракула неся перед собою.
Тут всяк из них давал стихам различный толк,
И всяк желал притом скорей дойти к покою...

(После долгого пути Душеньку привезли к ужасной горе, где оставили ее одну.)

КНИГА ВТОРАЯ

(Невидимый Зефир возносит Душеньку в великолепные чертоги; здесь ей прислуживают нимфы, а незримая сила исполняет ее малейшее желание. По ночам, впотьмах, к ней является «в невидимом лице неведомый супруг». Коварные сестры Душеньки, доставленные к ней, завидуя счастью царевны, заявили, что супруг потому не показывается Душеньке при свете, что он — чудовище, от которого у нее родятся дети — «нелепые уроды иль чуды». Душенька замыслила выяснить тайну своего супруга.)

...Светило днéвное уже склонилось к лесу,
Над домом черную простерла ночь завесу,
И купно с темнотой
Ввела царевнина супруга к ней в покой,
В котором крылося несчастно непокорство.
И если повести не лгут,

Прекрасна Душенька употребила тут
И разум, и проворство,
И хитрость, и притворство,
Какие свойственны жена́м,
Когда они, дела имея по ночам,
Скорее как-нибудь покой дают мужьям.
Но хитрости ль ее в то время успевали,
Иль сам клонился к сну грызением печали,—
Он мало говорил, вздохнул,
Зевнул,
Заснул.
Тогда царевна осторожно
Встает толь тихо, как возможно,
И низу, по тропе златой,
Едва касаяся пятой,
Выходит в некакий покой,
Где многие от глаз преграды
Скрывали меч и свет лампады.
Потом с лампадою в руках
Идет назад, на всякий страх,
И с вображением печальным
Скрывает меч под платьем спальным;
Идет и медлит на пути,
И ускоряет вдруг ступени,
И собственной боится тени,
Бояся змея там найти.
Меж тем в чертог супружний входит.
Но кто представился ей там?
Кого она в одре находит?
То был... но кто?.. Амур был сам;
Сей бог, властитель всей натуры,
Кому покорны все амуры.
Он в крепком сне, почти нагой,
Лежал, раскинувшись в постеле,
Покрыт тончайшей пеленой,
Котора сдвинулась долой
И частью лишь была на теле.
Склонив лицо ко стороне,
Простерши руки обоюду,
Казалось, будто бы во сне
Он Душеньку искал повсюду.
Румянец розы на щеках,
Рассыпанный поверх лилеи,
И белы кудри в трех рядах,
Вьючись вокруг белейшей шеи,
И склад, и нежность всех частей,
В виду, во всей красе своей,
Иль кои крылися от вида,

Могли унизить Адонида,
За коим некогда, влюблясь,
Сама Венера, в дождь и в грязь,
Бежала в дикие пустыни,
Сложив величество богини.
Таков открылся бог Амур,
Таков, иль был тому подобен,
Прекрасен, бел и белокур,
Хорош, пригож, к любви способен.
Но в мыслях вольных без препятств,
За сими краткими чертами,
Читатели представят сами,
Каков явился бог приятств
И царь над всеми красотами.

Увидя Душенька прекрасно божество
Наместо аспида, которого боялась,
Видение сие почла за колдовство,
Иль сон, или призра́к, и долго изумлялась;
И видя, наконец, что каждый видеть мог,
Что был супруг ее прекрасный самый бог,
Едва не кинула лампады и кинжала,
И, позабыв тогда свою приличну стать,
Едва не бросилась супруга обнимать,
Как будто б никогда его не обнимала.
Но с удовольствием жадающих очей
Остановлялась тут стремительность любовна;
И Душенька тогда, недвижна и бессловна,
Считала ночь сию приятней всех ночей.
Она не раз себя в сем диве обвиняла,
Смотря со всех сторон, что только зреть могла,
Почто к нему давно с лампадой не пришла,
Почто его красот заране не видала;
Почто о боге сем в незнании была
И дерзостно его за змея почитала.
Впоследок царска дочь,
В сию прятну ночь
Дая свободу взгляду,
Приближилась, потом приближила лампаду,
Потом, нечаянной бедой,
При сем движении, и робком и несмелом,
Держа огонь над самым телом,
Трепещущей рукой
Небрежно над бедром лампаду наклонила
И, масла часть пролив оттоль,
Ожогою бедра Амура разбудила.
Почувствуя жестоку боль,
Он вдруг вздрогну́л, вскричал, проснулся

И, боль свою забыв, от света ужаснулся;
Увидел Душеньку, увидел также меч,
Который из-под плеч
К ногам тогда скользнулся;
Увидел все вины́
Или призна́ки вин зломышленной жены;
И тщетно тут она желала
Сказать несчастья все с начала,
Какие в выправку сказать ему могла.
Слова в устах остановлялись;
И свет и меч в вина́х уликою являлись,
И Душенька тогда, упадши, обмерла.

КНИГА ТРЕТИЯ

(Разгневанный Амур изгоняет Душеньку. Она безуспешно пытается покончить жизнь самоубийством и после многих невзгод и испытаний, умилосердив гнев Венеры, соединяется с возлюбленным.)

Сама богиня красоты
Из жалости тогда иль некакой тщеты,
Как то случается обычно,
Нашла за должно и прилично,
Чтобы ее сноха,
Терпением своим очистясь от греха,
Наружну красоту обратно получила, —
Небесною она росой ее умыла,
И стала Душенька полна, цветна, бела,
Как преж сего была.
Амур и Душенька друг другу равны стали,
И боги все тогда их вечно сочетали.
От них родилась дочь, прекрасна так, как мать;
Но как ее назвать,
В российском языке писатели не знают.
Иные дочь сию Утехой называют,
Другие — Радостью, и Жизнью, наконец;
И пусть, как хочет, всяк мудрец
На свой зовет ее особый образец.
Не применяется названием натура:
Читатель знает то, и знает весь народ,
Каков родиться должен плод
От Душеньки и от Амура.

1783, 1799

В. П. ПЕТРОВ

ОДА НА ПОБЕДЫ В МОРЕЕ[1]

Возникла вновь краса всещедрыя природы,
Одушевлен весной эфир, земля и воды,
Летит из недр ее в моря, в луга зефир, —
Но варвар в бешенстве еще своем крепится,
Свирепствует и злится,
Еще смущает мир.

Ярясь бурливого жесточе Аквилона,
Не слышит под собой трясущегося трона,
Не зрит воздвигнутых в свою погибель волн;
Евфрат, и Нил, и Тигр на помощь призывает
И брани умышляет,
Студа и срама полн!

«Пускай, — вещает, — мы на суше пострадали,
Пусть Днестр окровавлен и силы наши пали[2], —
Другой против врагов поставлю я оплот:
Пловущим с робостью на море незнакомом,
Вооруженный громом,
Пущу навстречу флот».

Пустил, — не действуют дыхания воздушны;
Он ну́дит в море флот, — но ветры непослушны:
Не хочет быть ему споспешницей весна,
С Екатериной все животворить согласна,
Лишь варварам опасна,
Лишь им одним грозна.

И се с брегов Невы, из Севера[3] средины
Летят крылатые по бездне исполины,
Спешащи досягнуть полуденных концов!
Средьземный понт, стеня, под ними устрашился:
В нем вдруг изобразился
Российских лик пловцов[4]!

---

[1] *Морея* — старинное славянское название полуострова Пелопоннес в Греции.

[2] Имеются в виду успешные действия русских войск под командованием А. М. Голицына, а затем П. А. Румянцева и П. И. Панина против турок в 1769 — начале 1770 г.

[3] *Север* — здесь: Россия.

[4] Речь идет об Архипелажской экспедиции русского флота. В 1769 г. из Балтийского моря в Греческий архипелаг вышла первая эскадра адмирала Спиридова, затем вторая — Эльфинстона (всего — пять). Целью экспедиций была поддержка греков и славянских народов в борьбе против турок, блокада Дарданелл и т. д.

Младый герой едва на брег ступил Мореи,
Уж в сердце той воздвиг российские трофеи!
Питомец муз и друг в плен варваров влечет [1]!
Другой свой нудит флот меж волн, шумящих грозно [2],
И сетует, что поздно
За братом вслед течет.

«Уж взят, — он мнит, — Модон, Коринф предастся вскоре,
Аркадию пленят, а я еще на море».
Герой! не негодуй: твой жребий не приспел;
Тебе осталися Фессальские долины *,
Вход черныя пучины
И ужас Дарданелл.

Но ты, свершив сию, ты вновь начни осаду,
Орлов! от одного лети к другому граду;
Скрывай несчастливых простертых крил в тени,
Спасай и побеждай: с тобою щит Минервы [3];
На брег ступил ты первый,
Ты остров весь плени.

О, коль нечаянна, коль дивна там премена!
Спартане, распустив российские знамена,
Разносят по всему Пелопонису страх!
В участие войны окрестных созывают
И слезы проливают
С оружием в руках.

«Колико, — вопиют, — о небо, мы счастли́вы!
Герои наши днесь в прибывших россах живы!
Коль кроток оных нам, коль грозен туркам вид!
Аргольцы, навпляне, к сражению устройтесь,
Коринфяне, не бойтесь:
Во Спарте Леонид!»

Все стали в строй, текут, предводит их победа:
Бежит из града в град поклонник Магомеда.
Уж стонет в их руках окованный ага,—
Вскипели вдруг сердца, от давних лет унылы,
Сугубит ярость силы:
На части рвут врага [4].

---

[1] В начале 1770 г. русские десантные отряды под общим командованием Ф. Г. Орлова (1741—1796) при поддержке восставших греков овладели в Морее городами Модон, Мистра (Мизитра, в древности Спарта), Аркадия и т. д.

[2] Имеется в виду А. Г. Орлов (1737—1808), главнокомандующий Архипелажской экспедицией.

* Греция, за Исфмом лежащая *(прим. Петрова),* т. е. северная часть Греции, находящаяся за Коринфским перешейком (Истмом).

[3] *Минерва* — здесь: Екатерина II.

[4] После взятия Мистры сдавшиеся турки были перебиты греческими повстанцами — майнотами (они считали себя потомками спартанцев).

Жестокосердым быть претит нам долг природы,
Но вам простительно, несчастные народы,
Стенавши всякий час под игом лютых бед.
И может быть, вас та ж природа воружает,
Что кротость в нас вдыхает,—
Таков издáвна свет.

Но, о отцы наук, порабощенны греки!
Утешьтесь, паки вам златы начнутся веки.
Достигла и до вас счастливая чреда.
Алфейски * зрелища, умолкнувши поныне,
Вы в честь Екатерине
Восставьте навсегда.

По ним свои лета ** опять считать начните
И имени ее начало посвятите, —
Она за подвиги вам будет мзду дарить.
Во храме вольности, покоя и отрады
Вы образ сей Паллады
Век дóлжны жертвой чтить.

А ты, смиряюща неистовство тирана,
Законодавица, победами венчанна,
Прими скрижаль и суд полудню возвести:
Во область, где цвели Ликурги и Солоны,
Пошли свои законы,—
Их будут век чести [1].

Красуйся, славою Россия вознесенна!
Изумеваясь, зрит на мощь твою вселенна.
Не Бельт един тебе и Каспий платит дань,—
Тебе Средьземный понт колена преклоняет;
Тя рáвно возвышает
Под солнцем мир и брань.

1770

---

* *Алфей* — река, на берегу которой находилась Олимпия, где проходили Олимпийские игры.

** Греки счисляли лета свои по Олимпиадам.

[1] Почитать.

Ф. А. ЭМИН

СОН, ВИДЕННЫЙ В 1765 ГОДУ ГЕНВАРЯ 1-го

Во сне видел я сухощавую старуху, сидящую на снопе соломы. Колесница ее была во многих местах разломана, которую везли тощие кони. Правая ее рука была привязана к большому камню, а левая поднята к верху; крыльями своими хотела она вознестись на верх; но совы, нетопыри, мышеловы и прочие днем чувства зрения лишенные птицы препятствовали ей в том намерении. Тогда она направила своих бегунов ко мне, сидящему на зеленой дуброве, и велела садиться на свою колесницу. Голос ее сколь был тих, однако столь суров и проницателен, что я не осмелился сделаться ей ослушным и исполнил ее повеление. Она завезла меня на некоторый остров, которого состоянию я теперь, проснувшись, довольно почудиться не могу. Там разного рода животные и скоты разумом одаренными тварями назывались. Там разные собрания и сообщества находятся,— и старуха моя повела меня в ученое собрание, которого главный член был ужасный медведь, ничего не знающий и только в том упражняющийся, чтобы вытаскивать мед из чужих ульев и присвоивать чужие пасеки к своей норе; он же слово «науки» разумел разно: то почитал оное за звание города, то за звание села [1]. Советник сего собрания был прожорливый волк и ненавидел тамошних зверей, ибо он был не того лесу зверь и потому называли его чужелесным [2]. Он, почитая себя за животное весьма разумное, представлял себя везде великим скотом, да и в самом деле он мог назваться разумною скотиной, потому что все вещи умел только понимать, а никогда не разумел основательно. В оном собрании был третий член, который совсем не походил на тамошних зверей и имел вид и душу человеческую, он был весьма разумен и всякого почтения достоин, но всем собранием ненавидим за то, что родился в тамошнем лесу [3], а прочие оного собрания ученые скоты, ищучи своей паствы, зашли на оный остров по случаю. Тогда старуха моя, устремив на меня свой умный взор, так говорила: «Посмотри, дитя мое, что делается на острове, находящемся под царством первой богини. Она изобильно истощает свои сокровища для распространения наук, так, как делали славнейшие ее предки, которые из чужих лесов разных зверей призывали, чтоб просветить общество; но те проклятые звери стараются только о своей, а не общественной пользе: еще они ни одного животного ничему не

---

[1] Речь идет о президенте Академии наук графе К. Г. Разумовском; до ноября 1764 г. он был гетманом Малороссии.

[2] Имеется в виду советник канцелярии Академии наук И. К. Тауберт, немец по происхождению.

[3] Речь идет о М. В. Ломоносове, к которому весьма неприязненно относились Тауберт и поддерживавшие его акедемики-немцы.

обучили, и все здешнего лесу животные выучили то, что знают, в других лесах, а не в здешних. Этот славный ученого собрания член, которого нет ученее во всем нашем лесу и который один только человек между множеством ученых животных, учился в чужих лесах. В математике два искусные животные тоже в чужих лесах получили великую пользу [1], а в астрономии упражняющийся здесь зверь учился в чужих же лесах и выучился считать — два и два сколько сделает; и, подняв свое жирное горло, смотрит на небо, а больше сего знает ли он что-нибудь и теперь? [2] Итак, не думай,— окончила старуха свою речь,— чтобы из чужих лесов прибывшие звери могли нашему обществу принести пользу: они нарочно не хотят обучать наших животных тому, что сами знают, опасаясь, что ежели они нескольких наших животных знанию своему обучат, то и наши животные могут быть учителями и в них мы со временем никакой нужды иметь не будем...»

(Далее старуха везет рассказчика в «новозаведенное собрание, где разным художествам разных животных обучали», т. е. в Академию художеств. Резко высмеивается галломания президента Академии художеств И. И. Бецкого. Затем Эмин осмеивает «главных управителей» общества молодых «соболей» (дворян), т. е. руководство Сухопутного шляхетного кадетского корпуса.)

После сего отвезла меня оная старуха в свое жилище, в котором я нашел множество разного великолепия. Учтивство мое столько ей понравилось, что она сделала меня наследником всего своего имения. Тогда мне представилось, как с бедным человеком обыкновенно случается, будто я был очень богат: множество служителей меня окружали; многие прекрасные девицы сидели возле моей постели; иные из них играли на разных инструментах и приятным своим пением мои услаждали чувства. На одну из них я бросил платок и сделал ее предметом моего удовольствия; сундук, империалами [3] наполненный, будто стоял у моих ног; наконец, велел себе подать хивинской работы златом тканый шлафор и надел на себя. Тут проснулся. Горница у меня была не истоплена; я, согнувшись вдвое, обкутался вместо китайского шлафорка [4] набойчатым одеялом и, дрожа весь, приткнул рыло свое к грудям моей кухарки, которая в моем недостатке и служанки, и жены должность отправляла. Тогда пришел мне на ум сундук, империалами наполненный; я бросился с постели. Вместо оного увидел сосуд, который стоял в ногах моих для того, что я принимал слабительное лекарство.

1765

---

[1] С. К. Котельников и С. Я. Румовский, ученики знаменитого математика Л. Эйлера.

[2] Н. И. Попов, вопреки Эмину, учился астрономии не за границей, а в Петербурге, под руководством сначала Делиля, а затем фон Винцгейма. В 1764 г. Румовский выступил с докладом, в котором подверг сомнению наблюдения Попова в Иркутске над Венерой и Солнцем.

[3] *Империал* — золотая монета достоинством в 10 рублей, чеканившаяся в России с 1755 г.

[4] *Шлафор, шлафорк* (точнее — шлафрок) — халат.

ПИСЬМА ЭРНЕСТА И ДОРАВРЫ

(Отрывки)

(Бедный дворянин Эрнест полюбил Доравру; он пишет ей письма, в которых признается в своем чувстве; она сначала отвечает шутливо, а затем пишет о взаимной любви. Однако брак между ними невозможен: мешает различное положение героев в обществе — Эрнест беден и нечиновен, Доравра — дочь знатного и богатого дворянина. Эрнест получает должность секретаря посла во Франции, перед ним открывается возможность карьеры. Казалось бы, основное препятствие устранено, но неожиданно Эрнест получает от Доравры гневное письмо, в котором она упрекает его в обмане: оказывается, в город, где живет Доравра, приехала жена Эрнеста. Однако Эрнест — не обманщик; дело в том, что он считал свою жену мертвой. Эрнест предлагает Доравре бежать с ним, она согласна, но план влюбленных разрушает отец Доравры, узнавший от жены Эрнеста о любви дочери; он принуждает Доравру выйти замуж. Разлученный с возлюбленной и потерявший надежду Эрнест рассказывает о своих переживаниях и мыслях о разных явлениях общественной жизни друзьям — Ипполиту и Пульхерии. Спустя несколько лет в город, где живет Эрнест, приезжает Доравра, чтобы стать любовницей Эрнеста, но он не желает падения возлюбленной; они вновь расстаются. Эрнест становится писателем, претерпевает гонения за свои сочинения, но мужественно отстаивает право на сатиру «на лица». Доравра овдовела, но соединиться влюбленным не суждено: Доравра разлюбила Эрнеста и вышла замуж вторично за какого-то молодого человека. В последнем письме к Ипполиту Эрнест восклицает: «Но чего со смертными не делает судьбина!» — и горестно замечает: «Горячая моя любовь весьма холодными кончилась рассуждениями».)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не мало будет таких, кои, посмотря на заглавие сей книжки, скажут, что она их чтения недостойна. ... Для ученых людей сия книжка — безделица; строгие добронравия наблюдатели назовут ее развращенною; очень вольно рассуждающие подумают, что в толь великой любви очень много невозможных добродетелей; замужние женщины, узнав, что Эрнест, будучи женат, любил другую, найдут в ней очень много противного своей политике, а особливо те, которые думают, что быть мужем — значит любить свою жену вечно, хотя она его и ненавидит. Девицам любовных книг, говорят, читать не надлежит,— а, по моему мнению, приличнее читать любовные книги девицам, нежели замужним женщинам: ибо девицы должны учиться любить добродетельно, распознавать верность любителей и знать их сложения, дабы после, с ними соединясь, жили благополучно; но, вышед замуж, поздно учиться любви и познавать сложения. Однако я знаю, что и девицам сия книжка причинит досаду по той причине, что описуемая мною любовница не за того вышла замуж, которого любила. Кому ж такое сочинение понравиться может?.. Тому, кто, любя верно, такие в любви своей, как и Эрнест, имел успехи.

Некоторые, в романах и в любовных писаниях хороший вкус познавающие, будут иметь причину сказать, что в некоторых моих начальных письмах есть много излишних нравоучений; но если они рассудят, что врожденное самолюбие каждого любителя побуждает

обожаемой особе показать свое знание, то увидят, что гораздо меньше должно винить тех, кои, имея переписку с любовницами, весьма разумными и, по причине строгого воспитания, добродетель выше всех прав природы поставляющими, — философствуют и о разных околичностях тонко рассуждают, чтоб, тем способом пленив прежде строгой особы разум, можно было удобнее и к ее приближиться сердцу.

Можно будет некоторым опорочить мой вкус по причине той, что последние части не соответствуют первым, ибо в первых постоянство в любви почти на высочайшую степень вознесено, а в последней оно вдруг разрушилось. Я и сам то скажу, что такая сильная, добродетельная и разумная любовь не должна бы переменяться. Поверь, благосклонный читатель, что нетрудно бы мне было романическое постоянство еще выше вознести и окончить книгу мою в удовольствие всех, соединя Эрнеста с Доравроюю; но такой конец судьбе не понравился, и я принужден написать книгу по ее вкусу...

ЧАСТЬ I

ПИСЬМО 1

ОТ ЭРНЕСТА К ДОРАВРЕ

Большую часть цветущих моих лет препровед в беспрестанных злоключениях, наконец, прибыл я в сей град, надеясь в оном желанное сыскать спокойствие. Но когда несчастных надежда совершается? Без сродственников, без друзей и без благодетелей бедному человеку везде жить горестно и едва сносно до тех пор, доколе его способность не отворит ему пути к началу какого-либо благополучия. Признаюсь искренно, что временем я роптал противу лютости моего рока; иногда безрассудно порочил и ту землю, в которой не мог получить того, чего желал; а иногда, извиняя землю, гнушался народом, чужих несчастий не чувствующим. Такое безумие свойственно почти всем изрядно воспитанным, просвещенным и после того несчастливым людям. Они, находя в себе некоторые достоинства и в горчайшем бедстве погруженны, к высочайшей благополучия степени мысли свои воздвигают; а когда их намерения вожделенных не имеют успехов, тогда ропщут противу своей участи, противу земли, в которой пребывают, и противу народа, с которым обращаются. Какие странные и противные разуму и в просвещенном человеке нетерпеливость производит рассуждения! За что виня ненавидеть народ, о нашей честности, достоинствах, намерениях и способности ничего не знающий? Мало ли было таких нечестивых и по всему свету скитающихся обманщиков, кои, чрез дерзость свою получа великие благодеяния, наконец неблагодарностию, а чаще того бездельством привели в раскаяние благодетелей, им, недостойным, всевозможное вспоможение оказавших? Виноват ли тому народ, ежели и праведным теперь не скоро верить начинает, будучи толикократно лжецами обманут, а особливо

в такое время, когда и истина часто ей неприличную на святое свое лицо ухищренного притворства надевает маску?

Такие рассуждения, притом привычка к злополучию, способствовали мне терпеливо сносить бедность, от недостатка происходящую. Тогда я начал позабывать мое рождение, мое воспитание и счастие, к которому, мне казалось, что рождение меня назначило; рассуждал беспрестанно, что хотя природа нас почитает за законных своего настоящего благополучия наследников, однако всею природою властвующая судьба часто ее опровергает право, делает то, что ей угодно, препоручая чужое счастие бедному, а чужую бедность счастливому. Все сии рассуждения укрощали лютость бедствия моего, и я по нужде начал философствовать; принял намерение включить себя во общество нижайшей степени, думая, что, чем меньшим буду во обществе человеком, тем больше нужного к пропитанию моему сыскать могу и буду жить спокойно. Такое мое намерение весьма было скоропостижное, и весьма скоро я оное исполнил, сделавшись слугою некоторого господина; но еще скорее оно начало меня делать несчастным в той жизни, которую я прежде почел за спокойную. Не трогало меня то, что я отправлял самую грубую работу; но не мог я без внутреннего страстей волнения слушать частой брани, ни природе, ниже тогдашнему моему состоянию приличной потому, что я ни в чем пред моим господином не был виноват, — разве в том, что я был слуга, а он господин.

Тогда я узнал, что благородно воспитанный человек не скоро позабудет о том, чем он был прежде, и что никогда меж подлостию, сколько бы беден ни был, спокойно жить не может. Надобно родиться земледельцем, чтоб оную всем философам завидную жизнь препровождать спокойно; но знатного к оной жизни несчастием приведенного человека не веселят журчащие чрез чистые камни и из прозрачных родников проистекающие воды. Зеленые луга, разными цветами распещренные поля, густые и тихие дубравы, где поселянина ни зной солнечный, ни жестокость ветров беспокоить не может, не могут ему быть уютным местом, блеяние невинных овец слуху его противно, и чистое млеко, нежнейшая всех пастухов и пастушек пища, лишь возмутит желудок его. Куда ни обратится, везде находит уныние. Мысли его к прежнему счастливому состоянию стремятся, и то, что другие называют приятностию сельскою, он почитает за горчайшее в своей жизни злополучие. Причиною тому наше самолюбие, которое когда вкоренилось в нашу породу, то его весьма из оной истребить нелегко. Оставя моего сердитого господина, нанял я угол в слободе за городом, при реке построенной. Купил уду, ловливал рыбу и тем образом кормился несколько дней.

Наступил месяц апрель. От жестокости морозов свобожденные древеса процветать начали; ветви раскинули свои листочки, и мое восцвело благополучие, жестокою судьбою прежде сего замороженное. Я принят в царскую службу с благопристойным чином и с соответственным оному жалованьем; имел случай узнать вашего

родителя и увидеть вас. Но как скоро глаза мои с вашими встретились взорами, в ту самую минуту стали видеть прозрачнее; ибо прежде того никого они так ясно, как вас, не видели. Вы, просветя мой зрак, просветили и разум, и он узнал, что нашел в вас такую важность, которая всех его прежних примечаний была достойнее. Разум, согласясь с глазами, сообщил нечто такое и сердцу, которое вдруг востревожилось, вострепетало, запыло, несколько испустило вздохов и в сем горестном и поныне находится состоянии. Не знаете ли, государыня, какая то болезнь, которую взоры ваши мне причинили? Очей ваших собственность вам должна быть известна. И если имя вами мне причиненной болезни вам известно, то не знаете ли и средства к излечению оной?

ПИСЬМО 5
ОТ ЭРНЕСТА К ДОРАВРЕ

Смертию я бы загладил мою дерзость, если бы любил другую, а не Доравру. Но кто полюбит сию всеми святыми добродетелями наполненную особу, того сердце подлым никогда сделаться не может; ибо слабому то свойственно духу, чтоб отчаянием прекращать свое мучение; но сердце, отважившееся обожать Доравру, должно иметь в себе больше крепости и постоянства. Внимай, внимай, святилище добродетели, храм вежливости, любезная Доравра, несчастного любовника намерение, которого долговременное ваше молчание и холодное со мной обхождение причиною. Когда вы одним только меня за мою любовь наградили письмом, то сделали для того, чтоб несчастие мое учинить бесконечным. Пойду отселе в отдаленные страны; зароюсь в дикую пещеру, и письмо ваше, которое никогда не отнесу от моих глаз, будет мне книгою всех уставов. В оной будет написана моя судьба. В оной начертано прошедшее, настоящее и будущее мое злополучие, и с нею я, несчастный, войду во врата вечности.

Я ощущаю тягость вашего негодования больше, нежели силы мои оного снести могут. Но поверь, прекрасная Доравра, естество чистое, что я не ропщу против назначенного мне вами наказания. Свою ошибку узнав, на смерть правосудием осужденный виновник унижается пред определением, у него жизнь отнимающим; с почтением наклоняет свою шею под смертоносный меч и без роптания встречает ту смерть, которая навеки с дражайшею его разлучает жизнию. Толикая освященной справедливости есть сила, что и жизнь от оной теряющие правосудие благоговейно почитают. Подобным образом и я почтенно, униженно и благоговейно твое за мою дерзость почитаю истязание. Иду из сего града, куда мне покажет дорогу лютость моего рока. Пролив обильные слезы, оставлю сии места, в которых жизнь души моей остается. Прости, обладательница моей природы, дерзость мою, в коей я признался и за которую уже строжайше, но справедливо наказан. Не негодуй на меня, беспримерная красота, пример вежливости и добродетели.

Забудь вину мою и знай, что пожирающая меня любовь наказания, но не презрения достойна. На осужденного на смерть никто не гневается; все о нем сожалеют; и ты, небесная красота, последуя светскому правосудию, сожалей о несчастном, от которого последнее сие получаешь письмо, который тебя больше ничем огорчить не может и который идет на вечное заточение, неся с собою лютейшую о твоих приятностях память, коя бесконечно все его мысли, все чувства и всю природу мучить не перестанет. Уже корабль, с которым отселе удаляюсь, к пути приготовляется. Возрадовался кормчий, что путь, от которого он своей корысти надеется, уже перед носом его корабля. Все мореплаватели охотно в своей упражняются работе; один я, на брегу стоя, всеми моими страстьми мятуся; дрожу от страха, чтоб сегодни от сего не удалиться града. Куда ни брошу мысль свою, везде встречает она горесть. Предо мною вечная и ужасная с душою души моей разлука, за мною презрение чистейшей склонности, которая ничего иного мне не обещает, кроме беспрестанного томления. О ты, жестокая судьба! Влеки меня отселе поскорее в неизвестные страны! Ты, неудачливая любовь, товарищ моего несчастия, повсюду за мной следуй и соверши то зло, которое я теперь при отъезде моем ощущать начинаю!

ЧАСТЬ II

ПИСЬМО 3

ОТ ЭРНЕСТА К ДОРАВРЕ

Теперь я начинаю познавать народ сего государства, но не знаю, успею ли в моем желании. Ежели французов можно назвать людьми, то я совсем не знаю: что есть человек? Но должно признаться, что они больше, нежели люди. Каждый человек имеет почти особливый нрав. Сколько земель, столько обыкновений; но во Франции не только всех народов нравы и обыкновения найти можно, но сыщется там и то, чего во всем свете нет и о чем и сама природа не знает. Итак, по справедливости должно их назвать больше, нежели людьми. И подлинно, французу стыдно человеком назваться.

Какое было мое удивление, когда я пришел в первый раз в такое место, где разные юноши для своего увеселения собирались! Я там больше нашел искренних друзей, нежели в нашем городе имею знакомых. Каждый из них посвящал себя самого на мои услуги; иной приказывал мне повелевать своим имением; другие говорили, что и в их государстве буду счастлив; были и такие, которые хвалили мою красоту и сановитость возраста [1]. Некоторые утверждали, что нельзя тому статься, чтобы я в первый раз, и то недавно, приехал во Францию; а те, которые важнейший показы-

---

[1] Фигуры, роста.

вали вид и которых я почитал за французских философов, потому что ходили с тростьми длинными, в черном коротком платье, с голубыми подшейниками и были ветренее прочих, утверждали, что я с ними шучу и что я, конечно, родился во Франции. Если бы я верил философам, о преселении души утверждавшим, то, конечно бы, подумал, что родился во Франции и что после переродился в другой земле; потом опять достался в прежнее отечество и там нашел всех своих друзей и сограждан, которые толь ласково меня принимают. Я всем моим товарищам, которые приехали с нашим послом, выхвалял сей народ, говоря им, что мы попались в райскую землю, в которой все, что ни есть, общественное. «О Франция! — вскричал я, — здесь все друзья, и все человеколюбием наполнены. В нашей земле,— продолжал я,— двадцать лет живучи с приятелем, нельзя так верно содружиться, как я в один день со многими здешними знатными познакомился юношами так, что каждый из них хочет со мною пополам делить своим имением». Признаюсь тебе, любезная Доравра, в моей легковерности; я надеялся скоро быть богатее вашего родителя, думая, что если только часть мне ими обещанного от них получу имения, то всех буду богатее в свете. Но из моего заблуждения вывел меня наш дворянин посольства, который несколько раз был во Франции, сказав, что еще много я таких сыщу друзей, которые, в первый день со мною видясь, всем своим добром делиться захотят. Но если с ними буду знаться несколько лет, то после меня и в лицо не узнают. И подлинно так: чем чаще я с моими мнимыми друзьями виделся, тем больше они меня позабывать начали. Тогда я начал исследовать такие их странные поступки и сложения и узнал, что они то делают не ради обманывания людей для своей собственной пользы, как то прочим ласкателям свойственно, но единственно от врожденной ветрености и охоты к частным переменам. Они говорят и делают случайно, редко повинуясь рассуждению. У нас обыкновения зависят от разума, а там разум зависит от обыкновений; что сделано по моде и по-французски, то сделано весьма разумно и общих достойно похвал.

Опорочивание есть вкус, властвующий французами так, как рассудок без заключения есть свойственное оному народу преимущество. Их книги опорочивают нравы, а часто и правления всех прочих народов, и их разговоры по большей части состоят в том, чтоб порочить чужие недостатки. Сею страстию почти их весь воздух заражен; ибо я видел в шальных [1] домах их сумасшедших, порядочно рассуждающих о сумасшедстве своего товарища в то время, когда сами о себе ничего не помнят и не знают. Я говаривал со многими их вельможами, в государстве знатные чины имеющими. Что же ты о них, любезная Доравра, заключить можешь? Конечно, скажешь, что ежели французские конюха и их повара, в нашу приезжающие землю, люди весьма разумные и учат детей наших

[1] Сумасшедших.

знатных господ всем почти наукам, то все их министры должны быть ученее Сократа. Но нет, те, которые у нас учат всему, сами ничего не знают; они подобны лживым нашим пророкам, которые предвозвещают будущее, сами того не зная, что в день их пророчества пойдут в полицию под пытку. И здесь есть таких много обманщиков, которых шарлатанами называют; из которых каждый во Франции графинчиком воды, чем-нибудь заправленной, лечит все болезни и обещает, что сие его лекарство и худые нравы в наилучшие обыкновения переменить может. Сие бесценное лекарство они продают за гривну. Свет теперь таков, что дерзкие и беспутные люди и разумных обманывают. Но шарлатаны и возницы, в наше государство приезжающие, весьма дорого продают свое невежество и за обучение тому, чего сами не знают, получают от наших господ такую плату, которой и достойные люди, во всю жизнь о пользе отечества стараясь, дослужиться случая не имеют.

Знатные и ученые их люди здраво о обращениях светских рассуждать не умеют. Что принадлежит к благополучию общества, того они не знают и не умеют распознавать тех самых людей, с которыми живут. Но все их искусство состоит в том, чтобы ложь остротою разума и разными хитрыми доказательствами сделать правдою; они под видом философии стараются затмевать начало добродетели; страсти свои учатся прикрывать притворством ласкового виду; тщатся своим порокам дать имя добродетели и согласуют свой разум с обыкновением времени, того не рассуждая, что разумный человек во всякое время должен стараться, чтобы им управляла добродетель, и что одно только наше тело должно согласоваться со временем. Ежели на дворе дождь, то должно надеть епанчу, а когда сухо и тепло, то оную скинуть. Но дух наш всегда равные должен иметь правила и управлять временем, а не оному повиноваться. Добродетельному сердцу должно быть праведну, хотя бы весь город утопал в пороках. Но во Франции, ежели кто не согласуется с обыкновением времени, того никто за добродетельного не почтет, и многие из них скажут, что таковый развращает народ. Но, по несчастию, сия французская добродетель и во многие иные вкоренилась места.

Здесь никто не имеет попечения, чтобы знать склонность и сложение[1] своих сограждан, а стараются только о том, чтоб узнать, кому что надобно, чтоб наперед искусно его уведомить, что знают о том, о чем он им говорить хочет, и чрез такую хитрость представляют себя весьма разумными людьми. Ничего тайного у них нет; о чем говорят тайно в парламенте по утру, о том камердинеры и лакеи после обеда будут разговаривать в трактире, узнав тайну от своих господ в то время, когда им чесали волосы и когда об оной сии вельможи с своими приятелями советовали, как им лучше подкреплять надлежало свои намерения. Башмачники и портные, собравшись в вольный дом, решают министерские дела. Один из

[1] Склад характера.

них рассуждает, что с Англией война надобна; другой перемирие делает. Иной говорит о науках и бредит наизусть выученные дурные стихи; а прочие духовенскую власть или порочат, либо похваляют, из чего заключить можно, что никто из них ничего не думает, а говорят все о том, о чем в городе слух носится, и делают то, что им случаи предлагают.

Что мне всего чуднее — что там почти никто своей должности отправлять или не умеет, или оной стыдится. Шуты, которых там очень много, идучи по улице, показывают кавалерский вид. Придворные знатные юноши стараются философствовать. Попы выдумывают моды и изрядные бывают танцмейстеры; они учат по домам по большей части девушек писать, хорошо обращаться в свете, а часто и танцевать. Великие господа живут у них умеренно, без больших экипажей; а монахи и архиереи великолепствуют и множественными окружены служителями. Авторы иное пишут, иное думают. Чернецы, в пустынях[1] живущие, сочиняют любовные романы; а иные делают планы и учат, как строить крепости и города. Словом сказать, нет здесь почти такого художника[2], который бы не представлял себя своим товарищам не тем, что он есть. Я весьма удивляюсь, как многие стараются перенимать нрав у такого народа, который в один час несколько раз переменяет свои мысли, ни о чем не думает основательно и имеет один только вид блистательный, который многие обманывает глаза. Я их по справедливости уподобить могу яблокам в Египте, на земле растущим, которые весьма приятный имеют вид; но когда оные раздавить, то в середине бывает дурная гниль. С кем мне знаться, истинно не знаю. До сих пор я еще все вижу французов; но когда сыщу человека, то о том тебя, любезная Доравра, уведомить не премину.

К Ипполиту я писал письмо и поздравил его с благополучною любовию; но когда себя поздравлю с счастливым к тебе, любезная моя, прибытием!

ПИСЬМО 11
ОТ ЭРНЕСТА К ДОРАВРЕ

Писанием о правлении сего государства[3] тебя, любезная Доравра, беспокоить не хочу для того, что оное на вольности основавано. Мы привыкли повиноваться самодержавству; и ты, сердцем моим владея самовластно, не захочешь, чтобы я рассуждал о вольности. Не опасайся, Доравра, я воли теперь не люблю и хочу сердцу твоему всегда быть подвластен. Итак, приемлю намерение уведомить тебя вкратце о некоторых здешних порядках и обыкновениях.

Если меня спросишь, какая у агличан вера, то я тебе на то не

[1] Монастырях.
[2] Здесь: искусник (в любом деле).
[3] Англии.

скоро отвечать могу. У французов знатных и ученых нет никакой, а у агличан с излишком их много. И как они люди вольные, то каждый из них такою в царство небесное идет дорогою, которую захочет. Мне здесь приметнее всего купечество, для того что в нашей земле я всех их почитал за мужиков и стыдился почти с ними говорить без нужды; но в Англии я принужден совсем поступать инако и не знал, как с аглинскими купцами обходиться; ибо иной купец имеет брата канцлером, другого отец первым членом в парламенте, третьего близкий сродственник повелевает армией или флотом. Знатные господа у них купечествуют, и много есть в Англии купцов, из знатнейших происходящих фамилий. Чрез купечество Англия сделалась вольною землею; купечество взаимно увеличило славу их государей. Если бы у них толь знатного и вольного не было купечества, то Англия не могла бы содержать такого великого флоту, которого ни одно государство не имеет. Потомки наши, может статься, тому дивиться будут, что небольшой остров, ничего кроме олова, свинцу и нечистой шерсти не производящий и в котором земля не весьма плодовита, сделается страшным многим государствам. В Париже хотя купечество гораздо в лучшем, нежели у нас, почтении, однако и там знатные господа купцов презирают. Придворный кавалер стыдится без нужды с купцом говорить, но я не знаю, кого из них предпочесть: того ли, который, одевшись великолепно, распудривши свои волосы, прохаживается во дворце, знает, в которое время король встал, в который час обедает и в который ложится; или того, который, разумом своим и искусством торгуя, обогащает свое отечество, из конторы своей посылает приказы в Англию, в Константинополь и во многие государства и всему свету полезным становится.

Здешний народ кажется весьма строг, для того что не делает толиких излишних учтивостей, которые больше для обману, нежели для сыскания дружества способны. Агличане низких поклонов делать не умеют. Есть такие, что никогда шляпы не снимают, встретясь с своим знакомым, какого бы он чина и звания ни был. Но если кто придет чрез несчастие в бедность, ежели в них кто какую-нибудь имеет нужду, то скорее сыщешь желанное вспоможение, нежели во всех прочих народах.

Многие думали, что агличане от природы не человеколюбивы, для того что бедным, по улицам скитающимся, не подают милостыни. Это правда. Но такая их поступка не от жестокосердия происходит; у них для бедных людей, которые служить и ничего делать не могут, построены многие гошпитали, для сирот сиротские домы, а для больных лазареты. Кто безо всякой нужды по улицам шатается, могучи служить, тот никакого сожаления не достоин. Если агличане таковым не подают милостыни, то делают для того, чтобы они, наскучив голодом, записались либо в солдаты, либо в матросы, в которых оное государство вечную имеет нужду.

Французы порочат их театр, для того что на оном представляются смертоубийства и разные зрению ужасные явления, того не

рассуждая, что народ вольный не худо страшными примерами держать в удовольствии. Мне кажется, что полезнее для их общества, что их народ на театре видит разное смертельное орудие, отчего вкореняется в сердца их отвращение к злу и боязнь наказания за оное, нежели что французы влюбляются на своем театре и представляют такие явления, которые в человеке возбуждают страсти к любви и порокам. Может статься, что я дурного вкусу, но для меня лучше видеть виселицу на театре аглинском, быть приведенну в ужас и чувствовать внутреннее омерзение к пороку, нежели зреть на французском театре убивающегося щеголя, который, вонзя кинжал в свою грудь, по смерти еще наблюдает благопристойность, старается пасть и умереть с учтивостию и, собрав прежде под себя ноги или наперед оные выставив, по моде умирать.

Здешние женщины весьма геройский имеют дух; печалей они не знают. Муж жену, жена мужа озлобить не может, обе стороны будучи в своих обхождениях и поступках совершенно вольны. Девицы аглинские к чрезмерной любви весьма склонны. Здесь часто случается, что девица, влюбясь в мореходца, переодевается в мужское платье, записывается в матросы на тот самый корабль, на котором служит ее любитель, отправляет тяжкую работу и часто с ним вместе на войне умирает. Может статься, любезная Доравра, за то мне сей народ больше всех нравится, что толь хорошо любить умеет.

ЧАСТЬ IV

ПИСЬМО 17

ОТ ЭРНЕСТА К ИППОЛИТУ

В первый раз, любезный друг, такие читаю твои правоучения [1]. Но, вспомня сию пословицу: «Кто на чьем возке сидит, того должен петь песню»,— не удивляюсь перемене твоих мыслей, ибо и ты, служа свету, его песнь петь должен. Но что касается до меня, то принужден тебе сказать, что надобно бы и мне жить в свете и любить его притворство, чтоб такие о добродетели иметь мысли. Я всегда презирал и буду презирать такого человека, который старается быть другом чрез ласкательства и делается рабом тому, кому угодить желает...

...Но я уверен, любезный друг, что ты писал не так, как думаешь. Известно мне, как строго ты наблюдаешь добродетель и ненавидишь пороки. Излишняя твоя ко мне любовь тебя ослепила, и ты, опасаясь, чтобы я паки не был подвержен за правду злоключениям, такие мне даешь советы, которым, будь уверен, что я ни-

[1] В предыдущем письме Ипполит советовал другу, которого преследуют за язвительные сатиры, чтобы он соблюдал умеренность; обличая пороки, показывал бы свету, что его сердце «человеколюбием наполнено»; изображал бы добродетель и помнил, что «кротость пред строгостию великое всегда имеет почтение»; а высмеивая пороки, не задевал бы порочных, т. е. избегал бы сатиры «на лица».

когда не последую. Тот, который хочет быть верным последователем добродетели и истины, никогда не должен опасаться злых следствий, которые ненависть оной приуготовляет. Кто на один только шаг от оной удалится, тот будет близок к пороку. Должно ее последователям всеми силами защищать ее границы, и лучше пасть под ударами ее неприятелей, нежели малейшую часть ее владения уступить оным...

О Ипполит! видно, что ныне добродетель толь редка, что ее люди ужасаются, так что должно оную в другом представлять виде... Меня добродетель, коль бы жестоки другим ее права ни казались, прельщает, а приводят в ужас пороки, которым я иного имени дать умети не буду, как только такое, которое с их действиями сходно. Но ты мне скажешь, что надобно критиковать пороки, а не людей в лица, ибо то благопристойности противно. Так, любезный друг, ты научился оным речам, может статься, от людей испорченной совести; ибо они, о себе подозревая, не терпят того, чтобы осуждать порочных, опасаясь, чтобы наконец и их злоба наружу выведена не была... Притом такое неправедных людей рассуждение весьма несправедливо, ибо в самом деле надо описывать и осуждать порочных людей, а не пороки. Порок в себе есть ничто, если кто оного не сделает. Например, если критиковать вино, то оно никакому опорочиванию не подлежит; оно же составляет великую часть государственных доходов, следовательно, его хулить не можно; а надобно порочить тех людей, которые с излишеством оное употребляют, теряют свое здоровье, разоряют свой дом и делают смертоубийства. Подобным образом и прочие пороки в себе суть ничто, и не оные, но порочных людей осуждать должно. Я довольно надивиться не могу, от чего в ученых людях такое кривое явилось мнение, что должно писать противу пороков, а не противу людей; они, видно, не взяли себе в пример правосудия, которое вешает вора, а не воровство; наказывает мздоимцев, а не взятки, ибо оные в себе не только не виноваты, но, состоя из золота и серебра, суть полезные вещи обществу; а виновен тот, кто беззаконно оными пользуется; и ежели можно наказать воровство, а простить вора, то льзя критиковать пороки и ласкать людей, преступления делающих.

...Вот каким образом ласкатели получают благодеяния: они продают за серебро все имена добродетели и преимущества тем, в которых имеют нужду; но равно оба умны, как тот, кто дает, так сей, который принимает.

Если обращаю мои мысли в великолепные жилища, то какие странные я там и противные нраву моему я вижу действия. Там обман с ласкательством хотя родные братья, однако всегда спорят; сумнение и боязнь ходят от них недалече, и для того намерения прежних не так видны и не так успешны. Там разных родов каждый своему идолу приносит жертвы, и честь часто от оных не исключая; там каждый похваляет своего защитника и приписывает ему такие действия, о которых оба и понятия не имеют. Сей

ед, которым оное место заражено, часто доходит до высочайшей особы, и тьма толиких паров, из разных жертвенников и жертв происходящая, затмевает часто истину. А ты хочешь, Ипполит, чтобы и я знатным господам подобные же делал жертвоприношения и был подобен египтянам, которые жертвы приносят крокодилам и называют их богами, опасаясь, чтобы их не съели.

...Ты тщетно думаешь, что я с ненависти к злым пишу против них. Пишешь, что добродетель должна иметь за основание общественную любовь, и заключаешь, что по той причине строгость ей не прилична. Но сие самое твое мнение доказывает, что ежели строгие добродетели последователи порочат людей злобных, то делают то от любви к обществу. Если я злодея описываю, чрез то значит, что остерегаю общество, чтоб с ним не имело дела; ибо многие, его не зная, могли бы быть им обмануты и равному злодеянию подвержены; притом и злодеево переломится орудие, которым нельзя ему будет действовать, когда оно уже будет всем известно. Поэтому тот не любит свое тело, который антоновым огнем[1] зараженный палец от оного отрезывает? А мне кажется, что он то делает от любви...

1766

АДСКАЯ ПОЧТА, ИЛИ ПЕРЕПИСКИ ХРОМОНОГОГО БЕСА С КРИВЫМ

(Отрывки)

(Из июльского номера)

К ЧИТАТЕЛЮ

Имея голову, отягощенную жестокою печалию, остался я ночевать в трактире, как вдруг увидел пред собою двух господ, одного Хромоногого, а другого Кривого. Я в замешательстве спросил их, что они мне прикажут и в чем я им могу служить? Кривой господин, подошед ко мне, сказал, что я им весьма нужен; что они, верно служа долгое время республике адской, наконец отправлены в посольство в свет; что каждый из них будет жить в особливом месте и будут уведомлять друг друга о всем ими виденном и что они оба очень честные бесы. «Мы знаем,— продолжал г. Кривой,— что ты с типографиями довольное имеешь знакомство; почему просим тебя, чтобы ты наши письма, напечатав, издал в свет. Теперь пошла мода на сочинителей: все пишут; так для чего ж и нашему брату не стараться о приобретении почтенного имени авторства?» Я, будучи весьма набожен и несколько суевер, не смел вступить в договор с такими господами; что приметя, г. Кривой, улыбнувшись, сказал: «Конечно, и ты так, как многие иные неблагородных мыслей люди, думаешь о бе-

[1] Гангреной.

сах не весьма почтенно?» — «Так, милостивый государь,— отвечал я ему.— В нашем городе о господах чертях не очень хорошо говорят».— «Черт и бес,— сказал мой гость,— не все одно: это такие разные вещи, как человек и господин». Сии последние слова г. Кривого привели меня в ужас, ибо до тех пор в моем доме ни господ, ни чертей не бывало, и я вельмож обоих сих родов боялся; однако, зная из наслышки, как опасны господа тем, кои дерзнут сделаться им ослушными, и из уравнения г. Кривого то же думая и о бесах, согласился на их требование и обещал все их переписки, которых копии мне пришлют, напечатав, сообщить публике. Но как они мне денег на типографию не оставили, сказав, что свет, которому они много благодеяний делают, за них заплатит, то экземпляр ежемесячного издания, кто полюбопытствует читать оное, будет продаваться за двадцать копеек у переплетчика Веге, живущего в Малой Миллионной. Я думаю, что не будет то публике удивительно, что при мне в трактире сошлися два адские господа. Гора с горою не сходится, а бес с бесом легко везде сойтися и содружиться может.

ПИСЬМО 2
ОТ КРИВОГО К ХРОМОНОГОМУ

Ну, брат! познакомился я с таким человеком, которому желаю прожить на свете множество лет; ибо ежели он скоро умрет, то, пришед к нам, всем адом ворочать станет. Подлинно лукавец! Ежели человека бесом назвать можно, то он генерал бес. В бытность мою в доме его пришел к нему какой-то старичок, отставной офицер, с просьбою — не может ли ему написать крепость на мужика, которого он купил и коего хочет отдать в рекруты. Секретарь по-подьячески половиною рта отвечал: «Ваше благородие! прошу не погневаться, что вам не в состоянии нахожусь быть услужным, понеже-де имеется указ, чтобы до окончания рекрутского набора никаких крепостей не писать, не чинить и не давать» [1].— «Как же мне быть, батюшка,— сказал старичок,— я уже дал и задаток, а сторговал мужичка за сто рублей; крестьяне же мои заплатили мне триста рублев, чтоб из деревни не брать рекрута. Помилуйте, ежели можно, я вам пятью десятками рублевиков за труды служить буду». — «Премногомилосердый госу-

[1] Продажа крепостных для отдачи в рекруты была необычайно доходна для помещиков, и при объявлении каждого набора широко развертывалась торговля людьми. Для предотвращения «злоупотреблений» само правительство вынуждено было 29 сентября 1766 г. издать указ, запрещавший заключать сделки на куплю-продажу крепостных в течение трех месяцев после объявления об очередном наборе. Но поскольку помещики не обращали внимания на запрещение, 13 января 1769 г. появился новый указ, грозивший строгими карами за нарушение закона. Эмин описывает один из способов, при помощи которых грозные распоряжения правительства нарушались весьма легко. Другой способ описан Радищевым в главе «Городня» «Путешествия из Петербурга в Москву».

дарь,— отвечал хозяин,— разве посмотреть в указную книгу». Выговорив сие, думал несколько минут, потом сказал: «Согласны ли ваши благородия оба, то есть один на покупку, а другой на продажу человека?» — «Как не быть согласным, батюшка»,— отвечал старичок.— «Ну, так дело вершено. Продавец может будто отпустить на волю продаваемого крестьянина и дать ему письмо[1], потом от мужичка написать челобитную, что он, по причине дороговизны не могши себя пропитать, желает к вам вступить в подданство, на что по указам дастся вам и крепость, тогда вы вольны с ним делать, что хотите».— «А ежели,— сказал офицер,— мужик донесет на нас, что он никогда не был уволен, не будет ли каких хлопот?» — «Не велено, ваше благородие,— отвечал хозяин,— принимать доносов от крестьян на своих помещиков[2]; да мужичок ничего не может и ведать, только бы продавцовой руки было у нас вольное письмо, а я крепость велю написать и вам в руки отдам, тогда к вам приведут мужичка, и вы его отдадите в рекруты». Совет хитрый сего подьячего в скором времени был произведен в действие, и я весьма тому удивился, что многие приказные в свою пользу так умеют подбирать указы, как игроки карты.

ПИСЬМО 6
ОТ ХРОМОНОГОГО К КРИВОМУ

Сегодня я пировал целый день с здешним настоятелем. Куда он добрый человек. Если правду говорят, что тот больше работает, кто больше ест, то не скоро у нас сыщешь такого, как он, трудолюбивого беса. Он всякой всячины съел с пуд, выпил не знаю сколько, а только я мог приметить, что губы у него во весь день не осыхали; наконец, никакой ествы брюхо его больше не принимало, да и ноги были ему не в пользу: он принужден был лечь на постелю. Но сие мое повествование тебе не в диковинку будет, ибо ты много видал в свете монахов, о брюхе своем, равно как и душе, попечение имеющих. Вот что странно: что он сколько был пьян, столько и набожен. Не могши владеть ни руками, ни ногами, сказал своему слуге: «Перекрести ж меня, хлопче». Не успел хлопец его перекрестить, то он, дремля, приказал ему, чтоб у его постели прочел вместо его вечерние молитвы; что было и сделано.

Многие скажут, что я, будучи бес, нехорошо говорю о монахах. Ведь и они же нам надоели, однако я сказал истину. И в сем

---

[1] Т. е. вольную — документ об освобождении от крепостной зависимости.

[2] Указом 22 августа 1767 г. крестьянам строжайше было запрещено подавать жалобы на своих помещиков под страхом наказания кнутом и бессрочной ссылки на каторжные работы в Нерчинск.

сане много есть разных людей. По крайней мере, ныне экономия[1] и разумное правление нынешних многих их начальников, может статься, спасут их от излишней жирности и роскоши, так что без помощи хлопцев они будут в состоянии креститься и отправлять свою должность.

(Из августовского номера)

г. «Всякая всячина»!

Нравоучение на вашей стран. 213, в разделении 81, г. Тихоном Добросоветовым всем критическим сочинителям данное, не много имеет в себе справедливости. Пишет г. Добросоветов, «что добросердечный сочинитель изредка касается порокам, чтобы тем не оскорбити человечества; что таковый должен поставлять в пример твердого блюстителя веры, верного сына отечества, миролюбивого гражданина, искреннего друга, хранителя тайны и проч. Такой пример,— продолжает г. Тихон,— исправит пороки; а кто иным образом к оным коснется, тот злоправен и к злобе присовокупляет злобу». Г. Добросоветов! разбери сам, соответствует ли дело твоему прозванию и может ли быть твой совет добрым. Или того не знаешь, что и нравоучительная философия не одинажды объявила себя гонительницею пороков и порочных? Великие нравоучители Луциан[2] и Сенека многократно любимцев Нероновых письменно упрекали; однако не за злобные, но за достойные вечного почтения просвещенный свет их писания почитает. Что касается до критики, то перемены времен, слабости, поправления требующие, и согласующееся с переменами рассуждение больше ей дозволили вольности, нежели нравоучению, которому разными в роде сей философии сочинителями вечная и беспременная жизнь определена. Но благопристойная сатира почти всем просвещенным светом в осмеивании пороков и порочных уполномочена. А ты, о сей истине позабыв, справедливости принадлежащие вещи называешь злонравием. Желаешь, чтобы каждого порока выводить только историю, или еще, чтоб из оного сочинить баснословие так, чтоб порок и порочный от человеческого ока и рассудка были закрыты. Но рассуди сам, к чему служат такие вымыслы. Какая будет прибыль из твоих граненых нравоучений? Конечно, не иная, как только что уподобишься гранильщику, стекло с драгоценным

---

[1] В 1764 г. была произведена так называемая секуляризация церковных и монастырских владений: все церковные вотчины отобраны государством и переданы в ведение Коллегии экономии. На содержание церковных учреждений Коллегия экономии отпускала 404 000 руб., тогда как размер одного только оброка, получаемого с бывших монастырских (теперь они назывались «экономическими») крестьян, равнялся почти 1 370 000 руб. Иначе говоря, доходы монастырей сократились более чем в 3 раза.

[2] *Луциан — Марк Анней Лукан* (39—65 г. н. э.), римский поэт; в его поэме «Фарсалия», проникнутой республиканскими идеями, содержатся нападки на Нерона.

камнем сравнять желающему и никогда к желанному концу не достигающему. Ибо сколько он ни будет стараться стекло сделать блистательным, однако оно никогда бриллиантом быть не может.

Ты, господин Добросоветов, учишь г. Трутня, чтоб описывал древнюю только историю каждого злоупотребления. Такой твой совет приличен тем сочинителям, кои обыкновенно о деле, иногда и маловажном, пишут несколько томов в лист; но сатиры свойство в том состоит, чтоб вкратце описывать многие пороки, а часто и порочных. Прочти Ювенала и сыщешь у него в двух стихах больше приятности и нравоучения, нежели во всех того рода сочинениях твоего Аристотеля, из которого ты почерпнул основание вышеозначенных твоих мыслей. Скажешь, последовав многим рассуждающим по моде, что сатира достойна презрения и что от злобы писателевой рождается. Но прочти письмо Цицероново к тогдашнему консулу, его приятелю писанное; посоветуй мысленно с Овидием, Виргилием, Сенекою, Сократом, Платоном и Ксенофонтом; если ты когда-нибудь их читал, то должен будешь свою мысль предать скорому забвению, которого она достойна; но таких мыслей люди обыкновенно бывают упрямы; почему, может статься, помыслить отважишься, что Ювенал был злонравен, а Гораций злобен потому, что писали сатиры. Думай, что хочешь. Назови беспокойным человеком и Цицерона, укоряющего в преступлении Катилину в глаза наисуровейшим образом; скажи, что Бургус[1], пером Нероновы дела критикующий, а делом из лона постыднейшего бесчестия его исторгнувший, есть человек дерзкий и самого себя не знающий; давай, какие хочешь, имена сим вечного нашего почтения достойным мужам: я, сожалея о твоей слабости, то только скажу, что ты рассуждаешь криво. Прочти «Телемака» Фенелонова — и ужаснешься своих мыслей, нашед в нем, что от подобных твоему советов не однажды целые погибли народы, рушились общества, переменились разумные узаконения и многие монархи лютейшим были подвержены несчастиям потому что советники их представляли им дела баснословным образом, утаивая и закрывая от них истинное свойство вещей, от которых не раз рождалось злополучие их народов. Когда же все славнейшие и великие люди дозволяют и государям прямо говорить истину, то для чего ж оную в собственном своем виде не представить нашим согражданам? Вижу, Добросоветов, что ты таким своим нравоучением всем нравиться хочешь; но поверь мне, что придет время, в которое будешь подобен безобразному лицу, белилами и румянами не кстати украшивающемуся. Знай, что от всеснедающего времени ничто укрыться не может. Оно когда-нибудь пожрет и твою слабую политику. Когда твои политические белила и румяна сойдут, тогда настоящее бытие твоих мыслей всем видным сделается.

---

[1] По-видимому, речь идет о Сексте Афрании Бурре (ум. 63), префекте преторианцев; Бурр и Сенека были воспитателями Нерона.

Мне больше всего удивительно, что вы, госпожа «Всякая всячина», такие приемлете советы. Вы объявили себя гонительницею пороков, сказав, что делаете войну с оными; продолжайте, прошу, похвальное свое намерение, и будьте уверены, что в чужих советах вы нужды не имеете. Не думайте, чтоб таких мыслей советники в самом деле были ваши доброжелатели. Собственная польза часто понуждает людей в своих сочинениях разнежиться так, чтоб думали о них, что они люди весьма человеколюбивые и нежные, так что и слова худого про своего ближнего вымолвить не могут. Но ежели вы войдете в их дела и критическим оком рассмотрите их сочинения, то увидите, что змея часто под прекрасною скрывается травою. Разберите все слова г. Добросоветова, которыми он как будто к человеколюбию пресмыкается, написав, что добродетельный сочинитель не прикасается к порокам и никого не критикует,— но наущает добрыми примерами; однако ж, скоро позабыв о таком важном своем изъяснении, всех наших критических писателей называет злонравными за то, что пишут критики, написав: «Злонравного человека есть дело уязвлять пороки». Рассудите теперь, праведно ли он называется человеколюбивым, когда бранит и злонравными называет безвинных критиков, которых дела ему неизвестны, а потакает порочным.

Многие говорят, что и бесы мои целят на многих; но так думающие стыдиться будут, когда при конце сего года доказана будет несправедливость их мыслей. Бесы, сколько мне понятно, описывают вообще пороки и разные злоупотребления; если же кто себя во оных сыщет, то виноват порочный, а не бесы; и ежели он на них негодует, то сам себя выводит наружу, а не издатель.

...Теперь пришло мне на мысль описание Плиниево; он утверждает, «что медведица при рождении кривоногих своих медведят исправляет естественные их недостатки языком, а наконец и лапами крепко их придавливая; когда же естество,— продолжает Плиний,— толь тщательно в исправлении того, что в нем несвойственное, кольми паче человекам должно иметь попечение о исправлении пороков своего ближнего, каким бы то ни было способом». Повествование Плиниево о медведице, может быть, и выдуманное, но, нравоучение его я почитая за весьма справедливое, всегда буду описывать пороки в собственном их виде.

Я уверен, что беспристрастные читатели увидят мое намерение и никогда того не подумают, что мое издание от злобы произошло. Злоба всегда рождается от зависти, а зависть от лучшего чужого, нежели наше, какого ни будь состояния; но в моем издании изображаются разные звания и достоинства, нимало мне не приличные. Неужели я, будучи воспален злобою и материею ее завистию, захотел вдруг быть подьячим, стряпчим, купцом, министром, французским королем и папою, когда их всех недостатки описываю? Впрочем, каждому о моем намерении думать отдается на произволение, и я скажу только то, что неправедная

критика меня никогда не тронет и что не буду во всю мою жизнь почитать тех проповедников, кои тому учат, чего сами не делают.

Слуга ваш
Издатель Бесовских переписок

(Из октябрьского номера)

ПИСЬМО 71

ОТ КРИВОГО К ХРОМОНОГОМУ

...Теперь стану тебе писать аллегорически, хочу попытаться, выучился ли я сей риторической фигуре, столько живучи в свете, а дело без оной тебе описать сегодня мне не хочется... Некоторый с горы счастия чрез свои плутовства упадший человек, позабыв о том, что за свои худые дела справедливостию был наказан, паки в прежнем своем упражняется промысле. Теперь он начал грабить своих крестьян, которые за ним, по несчастию своему, остались. Недавно, узнав, что в мызе его живет мужичок достаточный [1], послал за ним и спрашивал его, сколько у него денег. Знаешь, что ни один крестьянин помещику своему в сем случае правды не скажет, зная, что у него, по странному обыкновению, помещику все отнять вольно. Итак, сей бедняк сказал, что за душою своею ни на полушку не знает денежного греха. Тогда были принесены плети, и мужичка до тех пор оными мучили, пока не показал мучителю своему горшка, закопанного под печкою с рублевиками, в котором было с 500 рублев. После у него не осталось денег ни полушки, однако, полакомясь помещик прежними рублями, велел сечь маймиста [2], чтоб ему родил деньги, и били его до тех пор, пока он умирать не начал. После лежал сей бедняк месяца с два, а на конец барин продал его другому. Все у них учат младолетных своих детей десяти заповедям, а редко кто и последнюю наблюдает [3]. Одних только ослов, которых здесь нет, не берут, а жену чужую и имение отнимать можно.

ПИСЬМО 72

ОТ ХРОМОНОГОГО К КРИВОМУ

Ну, подлинно! ты бесовскую написал аллегорию. Ибо наш брат и то считает за обиняк, когда, кому в глаза явную сказав правду, его не выкривит или не переломит. Но люди такую риторику не очень жалуют...

1769

---

[1] С достатком, зажиточный.

[2] Так в Петербурге называли прибалтийских финнов («чухонцев»); повидимому, Эмин повествует о действительном событии, происшедшем где-то в Петербургской губернии (конкретизирует место действия и употреблявшееся в петербургском говоре наименование отдельного селения, хутора — «мыза»).

[3] Здесь — соблюдает, выполняет. Последняя, десятая библейская заповедь гласит: «Не желай дома ближнего твоего, не желай жены ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его (ни всякого скота его), ничего, что у ближнего твоего».

«ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА»

Сим листом бью челом; а следующие впредь изволь покупать.

ПОЗДРАВЛЕНИЕ С НОВЫМ ГОДОМ

Тысяча седмьсот шестьдесят девятый год отменно счастливо начинаем (если бы не предстояла война[1], но даром: на начинающего вить бог). Всякая всячина всегда с нами пребывала, но ни который год не мог похвалиться иметь оную напечатанную. До сих пор она была в действиях, во словах, в мыслях, и везде оказывалась; но ныне она положена на бумагу и увидит свет. О, коль сей год отличен от прошедших! Происхождения были во свете все те же; нового ничего нет; но ныне оные можно будет читать. День, гонимый днем, уже с собою в вечное забытие не вовлечет здесь записанных достопамятных происшествий. Достойны быть поздравлены все те, кои дожили до сего отличного дня, в который они, может статься, увидят себя не только снаружи в зеркале, но еще и внутренние свои достоинства, начертанные пером. О, коль счастливо самолюбие ваше в сей день, когда ему новый способ приискался смеяться над пороками других и любоваться собою.

О год, которому прешедшие и будущие будут завидовать, если чувства имеют! Каждая неделя увидит лист; каждый день приготовит оный. Но что я говорю? мой дух восхищен до третьего неба: я вижу будущее. Я вижу бесконечное племя «Всякия всячины». Я вижу, что за нею последуют законные и незаконные дети; будут и уроды ее место со временем заступать. Но вижу сквозь облака добрый вкус и здравое рассуждение, кои одною рукою прогоняют дурачество и вздоры, а другою доброе поколение «Всякия всячины» за руку ведут. Но пора мне проснуться. Я сам себя поздравляю, что мне судьбина определила говорить с вами, любезные мои сограждане, целый год. Но как всякая вещь должна быть взаимна и я свою работу не почитаю вам быть эпитимьею или наказанием, то и вас поздравляю, что вы со мною будете иметь дело; а для чего? Вы увидите из моего сочинения. Я давно читал, что весьма прилично писателям, не все прописывая, оставлять кое-что на острую догадку читателям,— и для того прощайте на сей случай.

---

[1] Речь идет о русско-турецкой войне 1768—1774 гг. Турция объявила войну России осенью 1768 г.; начало действий русской армии планировалось на весну 1769 г., однако в связи с нападением крымских татар военные действия открылись в январе.

КО ЧИТАТЕЛЮ

Любезный читатель, предприял я сообщить вам все то, что мне за благо рассудится, безо всякого порядка. Иногда дам вам полезные наставления; иногда будете смеяться. Будут и такие времена, в которые ожидаю от вас удивления, также и попреканий; но на сии последние воистину не буду глядеть. И подобно как редкая плотина может остановить быстрое течение большия реки, так-то никакая препона не может меня отвратить от великого сего моего предприятия. Мне сказали мама[1] и няня, как я был шести лет, что я умен; у меня есть ласкатели, кои то же ныне подтверждают,— ибо не у одних князей и бар, да у двора найти сих животных можно. Сверх ума моего я заподлинно из опытов уверен, что у меня сердце доброе. Итак, надейтеся, господин читатель, что, купя мой труд, вы не вовсе потеряете свои деньги. Не вздумайте же впрямь, что мне нужда в ваших деньгах: я, право, дважды в день сыт, и еще остается столько, что и вас накормить можно. Я знаю, что все сие отправляется на чужий счет, ибо доход мой есть дань, мною наложенная на людей, кои более меня работают в поте лица своего; а я то проживаю без толикого труда и часто без благодарности к ним, в чем уже друзья мои часто мне попрекали, говоря, что стыдно в том быть не признательну и что я равных себе мало уважаю, хотя во мне спесь и не велика. Я сей свой порок приписываю дурному воспитанию и хулительному тех людей, с коими обращаются, примеру, а отнюдь не своей гордости.

Прощай, господин читатель; чрез сии строки мы довольно спознались. Каково жить будем вместе, время окажет; все сие зависит ото нрава так, как и в женитьбе.

53

Государь мой!

Я весьма веселого нрава и много смеюсь; признаться должно, что часто смеюсь и пустому; насмешником же никогда не бывал. Я почитаю, что насмешки суть степень дурносердечия; я, напротив того, думаю, что имею сердце доброе и люблю род человеческий. Итак, не извольте ошибиться в моем нраве, когда говорю, что я смешлив; но выслушайте, чему я намнясь[2] смеялся так, что и теперь еще бока болят. Был я в беседе, где нашел человека, который для того, что он более думал о своих качествах, нежели прочие люди, возмечтал, что свет не так стоит[3]; люди все не так

[1] Кормилица.

[2] Намедни, недавно.

[3] Это программное письмо «Всякой всячины», направленное против сатиры вообще, имеет и конкретного адресата: в нем высмеиваются взгляды, сочинения и манера поведения крупнейшего сатирика эпохи А. П. Сумарокова.

делают; его не чтут, как ему хочется; он бы все делать мог, но его не так определяют, как бы он желал: сего он хотя и не выговаривает, но из его речей легко то понять можно. Везде он видел тут пороки, где другие, не имев таких, как он, побудительных причин, насилу приглядеть могли слабости, и слабости, весьма обыкновенные человечеству. Ибо все разумные люди признавать должны, что один бог только совершен; люди же смертные без слабостей никогда не были, не суть и не будут. Но ворчаливое самолюбие сего человека изливало желчь на все то, что его окружало. Для чего же? Для того, что он стыдился выговорить свои собственные огорчения,— и так клал все на счет превратного будто света, которого, он сказывал, что ненавидит; да сие и приметить можно было из его речей. Один тут случившийся молодец удалый, долго слушая, терпеливо и молча, поношения смертных, наконец потерял терпение и сказал ему: «Государь мой, вы весьма ненавидите ближнего своего; тиран Калигула во своем сумасбродстве говаривал, что ему жаль, что весь род человеческий не имеет одной головы, дабы ее отрубить разом; не того ли и вы мнения?» Наш рассказчик сим вопросом был приведен во превеликий стыд и, чувствуя, что он страстьми своими был проведен к показанию толикой ненависти к людям, что подал причину вспомнить Калигулу, вскочил со стула, покраснел, потом пальцы грыз, бегая по комнате, напоследок выбежал и уехал, знатно[1], от угрызения совести. А мы во весь вечер смеялись людской слабости. Но после, размышляя о сем происшествии с большим примечанием, расстались, обещав друг другу: 1) Никогда не называть слабости пороком. 2) Хранить во всех случаях человеколюбие. 3) Не думать, чтоб людей совершенных найти можно было, и для того 4) Просить бога, чтоб нам дал дух кротости и снисхождения. Я нашел сие положение столь хорошо, что принужденным себя нахожу вас просить дать ему место во «Всякой всячине». Я же есмь

ваш покорный слуга
Афиноген Перочинов.

P. S. Я хочу завтра предложить пятое правило, а именно, чтобы впредь о том никому не рассуждать, чего кто не смыслит; и шестое, чтоб никому не думать, что он один весь свет может исправить.

60

Господин сочинитель!

Думаю, что у такого автора, как вы в сочинении «Всякия всячины» ежедневно упражнятесь, надлежит быть великой вивлиотеке, из которой вы толь пространные и разные материи на листах ваших изображаете.

[1] Очевидно, вероятно.

Прошу потрудиться и выписать для меня из оной, буде найдется, такий эксперимент, коим бы можно перевести подьячих, которые до третьего градуса привели меня во изнеможение.

Я старался и тем от них избавиться способом, которым переводят клопов, блох и всех кровососных насекомых, однако ничем не мог оборониться; но, истоща весь свой дом на то, и ныне стражду от сих кровососов.

Вычитал было я у Поливия[1] таковую махину, которая по тысяче и больше в день неприятелей побивала, но недостаток мой оную построить не дозволил; и для того ища легчайшего способа, к вам с прошением о том прибегаю и, прося вашей помощи и ответа, с почтением пребываю

ваш усердный слуга
Занапрасно Ободранный.

Ежели ж вашей помощи не получу, то больше не останется способа, как петь только по-книжному:

«Ты господи, сохраниши ны и соблюдеши ны от рода сего и во век»[2].

Подьячих не можно и не должно перевести. Не подьячие и их должности суть вредны; но статься может, что тот или другий из них бессовестен. Они менее других исключены из пословицы, которая говорит, что нет рода без урода, для того, что они более многих подвержены искушению. Подлежит еще и то вопросу: если бы менее было около них искушателей, не умалилася ли бы тогда и на них жалоба. Но чтоб удовольствовать писателя вышепоставленныя грамоты в его требовании, как перевести обычай, чтоб подьячие не приводили никого в изнеможение, в ответ ему скажу, что сие весьма легко. Не обижайте никого; кто же вас обижает, с тем полюбовно миритеся без подьячих, сдерживайте слово и избегайте всякого рода хлопот.

62

Все сказки, кои мне сказывали с ребячества, начинаются: «Жил да был царь». Мне сие начало наскучило, и для того начну свою сказку так:

Жил да был мужичок. С молоду он казался слаб; ибо как он имел весьма великую живность, коя разделяла его мысли, то он сам с собою никогда не был согласен. Сия разделенная его мысль так много действовала над его сложением, что он весьма ослабел. Врачи, кои его лечили, замучили его пуще еще лекарствами и не позволяли ему долго вставати с постели. Но с летами выросло его рассуждение. Он единожды осмелился, вскоча с кровати,

---

[1] *Полибий* — древнегреческий историк II в. до н. э.
[2] Цитата из псалтыри.

выгнати врачей из дома. Сделав такое сильное движение, почувствовал он великую охоту есть. Он ел; и хотя он от того не окрепчал, но, однако ж, толще становился час от часа. Кафтан ему стал узок, а достаток не дозволял часто делать новый. Пошел ко приказчику, стал просить: «Господин приказчик, прикажи кафтан сшить. Видишь, каков я толст! Сам не смогу сшить: недостаток не дозволяет». Приказчик был человек свирепый; сказав: «Тотчас»,—приказал принести плетей, да ну сечь мужика. Мужик оттерпелся; пошел домой, говоря: «Бог милостив! авось-либо хозяин, увидя, что приказчик все себе собирает да нас бьет, умилосердится, определит другого». Погодя сменили приказчика, послали нового. Сей, осматривая село, увидел на улице мужика претолстого, на коем кафтан, у которого все швы треснули; кликнул его и приказал для него шить кафтан, но от скорости не молвил, кому и из чего шить мужику кафтан. Приказчик между тем уехал. Погодя сделался хлеба недород и скотский падеж, и уже никому шитье кафтана и в мысль не приходит. А мужик что более работает, то более ест; и чем более кушает, время от времени все становится толще, а кафтан его старее и негоднее; нагишом же ходить нельзя, и не велят. Заплатами зачал зашивать. Что более зашивает, то более дерется. По смене разных приказчиков сыскался один добрый человек, велел шить мужику новый кафтан. Шили до зимы. Как пришло надеть кафтан — не лезет: позабыли мерку снять. На тот случай приехал дворецкий заготовити все к хозяйскому приезду; увидел мужика почти нагишом, осведомлялся, что тому причиною; услыша, послал сыскать сукна. Привезли сукно, собрали портных. Портные зачали спорить о покрое, а мужик между тем на дворе дрожит, ибо тогда случилися крещенские морозы. Принесли образцовый кафтан, положили на стол. Иный говорит: «Хозяин наш желает видеть на своих мужиках кафтаны немецкие». Другий: «Нам велено шить кафтан,— а о рукавах мы приказания не имеем». Третий сказал, что, не видав, какие будут пуговицы, нельзя кроить. Четвертый молвил, что такому толстому мужику половинки сукна мало, надобно две. Наконец, кое-как зачали кроити в запас, пока дворецкий разрешит спор. Вошли четыре мальчика, коих хозяин недавно взял с улицы, где они с голода и с холода помирали. Дворецкий приказал им тут же помогать портным. Сии мальчики умели грамоте, но были весьма дерзки и нахальны: зачали кричать и шуметь. Один из них говорит: «Шить не хочу, я призван глядеть». Другий: «Вить я не дурак: мы знаем, что вы хотите шить не кафтан, но мешок, в который нас посадя кинете в воду». Третий стоял у порога и, не вразумясь, говорил: «Нас в воду кинуть хотят? Сем-ка мы остережемся; я первый ни с места не пойду». Четвертый не хотел говорить, но три первых толкнули его в бок, и тот зачал; а что говорил, никто не понял, ибо он сам не знал, что говорил; но на конец раскрыл нагольную шубу и окончил сими словами: «Пускай мужик нагишом ходит; мы сами наги, ибо шубы мы носим

на голом теле: износили кафтаны; просим нам отдать те, кои у нас были, как мы были пяти лет,— мы в них очень нарядны будем; нам теперь пятнадцать лет». Портные сего мальчика сочли за безумного, но, услыша такий необычайный крик и видя сих неугомонных мальчиков дерзость, поостановили свой спор и зачали их унимать, говоря им, что дурно им быть так непризнательным; что они пришли в изодранной рубашонке, а ныне уже у них шуба есть; что пятилетние кафтаны на пятнадцатилетних не лезут, да и черт знает, где те ветошечки, ибо мальчики недавно к хозяину пришли; что они должны слушаться дворецкого; что они лгут, будто их топить хотят и для того заставляют шить мешок, а не кафтан; что сами видят, что мужик без кафтана на улице почти замерз; что, шив мужику кафтан, и они могут надеяться на милость хозяина, что одеты будут; только им наперед ту милость заслужить должно, а не по-пустому упорствовать[1].

Продолжение впредь сообщу[2].

66

На ругательства, напечатанные в «Трутне» под пятым отделением, мы ответствовать не хотим, уничтожая[3] оные; а только наскоро дадим приметить, что господин Правдулюбов нас называет криводушниками и потатчиками пороков для того, что мы сказали, что имеем человеколюбие и снисхождение к человеческим слабостям и что есть разница между пороками и слабостьми. Господин Правдулюбов не догадался, что, исключая снисхождение, он истребляет милосердие. Но добросердечие его не понимает, чтобы где ни на есть быть могло снисхождение; а может статься, что и ум его не достизает до подобного нравоучения. Думать надобно,

[1] «Сказка» в иносказательной форме объясняет с правительственных позиций причины созыва и неудачного хода работы Комиссии по составлению нового Уложения (свода законов). Смысл иносказаний: мужичок — русский народ, хозяин — Российская империя; износившийся кафтан — устаревшее Уложение Алексея Михайловича 1649 г.; свирепый приказчик — по-видимому, намек на правление царевны Софьи; новый приказчик — Петр I, при котором было сделано три безрезультатных попытки составить новый свод законов; добрый человек — Елизавета Петровна, при которой была создана новая комиссия, составившая часть свода законов (результат работы не утвержден императрицей); дворецкий — Екатерина II; портные — депутаты Комиссии для сочинения нового Уложения, созванной в 1767 г.; образцовый кафтан — «Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения», сочиненный Екатериной; споры портных — дебаты в Комиссии между представителями разных сословий и различных группировок; четыре мальчика — представители четырех областей, вошедших в состав России в конце XVII — начале XVIII вв.: Лифляндии, Эстляндии, Малороссии (Правобережной и Слободской Украины), Смоленщины, которые требовали сохранения их старинного местного самоуправления («пятилетних кафтанов»).

[2] 18 декабря 1768 г. было объявлено, что в связи с началом войны с Турцией Комиссия распускается впредь до созыва вновь.

[3] Уничижая, презирая. Автор ответного письма в «Трутне» сделал вид, что слово употреблено в значении «превращая в ничто».

что ему бы хотелось за все да про все кнутом сечь. Как бы то ни было, отдавая его публике на суд, мы советуем ему лечиться, дабы черные пары и желчь не оказывалися даже и на бумаге, до коей он дотрогивается. Нам его меланхолия не досадна; но ему несносно и то, что мы лучше любим смеяться, нежели плакать. Если б он писал трагедии, то бы ему нужно было в людях слезливое расположение; но когда его трагедии еще света не узрели, то какая ему нужда заставляти плакать людей или гневаться на зубоскалов.

81

Из письма, писанного к господину сочинителю «Трутня» от Тихона Добросоветова, а к нам по несыскании его присланного для напечатания чрез его приятеля, не подписавшего имени, мы здесь только издаем во свет правило, в оном предписанное всем сочинителям, которое гласит тако: «Добросердечный сочинитель, во всех намерениях, поступках и делах которого блистает красота души добродетельного и непорочного человека, изредка касается к порокам, чтобы тем под примером каким не оскорбити человечества; но, располагая свои другим наставления, поставляет пример в лице человека, украшенного различными совершенствами, то есть добронравием и справедливостию, описывает твердого блюстителя веры и закона, хвалит сына отечества, пылающего любовию и верностию к государю и обществу, изображает миролюбивого гражданина, искреннего друга, верного хранителя тайны и данного слова; присовокупляет к тому пользы, из того проистекающие, и сладкое сие удовольствие, какое чувствует хранящий добродетель в том, что ни раскаяние, ни угрызение совести в сердце такового человека места не имеют. Вот славный способ исправляти слабости человеческие! При чтении такового сочинения каждый чувствует внутреннее восхищение, прилепляется к добродетели, не имея ни к себе, ни к сочинителю отвращения; сам без обличителя охуждает пороки, которым следовал от безрассудности. Злонравного же человека есть предмет из всего составляти ближним поношение, к порокам их присовокупляти свои собственные, бранити всех и услаждаться, других уязвляя».

Мы и сами сему правилу будем стараться последовать, и других к тому, почитая оное весьма справедливым, приглашаем. Что же касается до остального содержания того письма, то или писатель оного, или приятель его могут к господину сочинителю «Трутня» идти, который, думаем, укажет, где его найти можно, и поступит с оным по своему произволению.

1769

САТИРИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ Н. И. НОВИКОВА

ТРУТЕНЬ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ НА 1769 ГОД

Они работают, а вы их труд ядите.
Г. Сумар. в XLIII притче 1 книги.

Из листа II. Мая 5 дня

2

Любезный племянничек,...
здравствовать тебе на веки нерушимо желаю!

Уведомился я, что ты и по сие время ни в какую еще не определился службу. Отпиши ко мне, правда ли это; ежели правда, так скажи, пожалуй, что ты с собою задумал делать? Я тебя не приневоливаю ийти ни в придворную, ни в военную службы для сказанных мне тобою причин; пусть это будет по-твоему, а при том и службы сии никакой не приносят прибыли, а только разоренье. Но скажи, пожалуй, для чего ты не хочешь ийти в приказную? Почему она тебе противна? Ежели ты думаешь, что она по нынешним указам ненаживна, так ты в этом, друг мой, ошибаешься. Правда, в нынешние времена против прежнего не придет и десятой доли, но со всем тем годов в десяток можно нажить хорошую деревеньку. Каково ж нажиточно бывало прежде, сам рассуди, нынешние указы много у нас отняли хлеба!

Тебе известно, что по приезде моем на воеводство не имел я за собою больше шестидесяти душ дворовых людей и крестьян, а ныне, благодаря подателя нам всяких благ, трудами моими и неусыпным попечением, нажил около трех сот душ, не считая денег, серебра и прочей домашней рухляди, да нажил бы еще и не то, ежели бы прокурор со мною был посогласнее, но за грехи мои наказал меня господь таким несговорчивым, что как его ни уговаривай, только он, как козьи рога в мех, не лезет, и ежели бы старанием моим не склонил я на свою сторону товарища[1], секретаря и прочих, так бы у меня в мошне не было ни пула. Прокурор наш человек молодой и сказывают, что ученый, только я этого не приметил. Разве по тому, что он в бытность его в Петербурге накупил себе премножество книг, а пути нет ни в одной. Я однажды перебирал их все, только ни в одной не нашел, которого святого в тот день празднуется память, так куда они годятся. Я на все его книги святцев своих не променяю. Научился делать вирши, которыми думал нас оплетать, только сам он чаще попадается в наши верши. Мы его частехонько за нос поваживаем. Он думает, что все дела надлежит вершить по наукам, а у нас

[1] Заместителя, помощника.

в приказных делах какие науки? кто прав, так тот и без наук прав, лишь бы только была у него догадка, как приняться за дело, а судейская наука вся в том состоит, чтобы уметь искусненько пригибать указы по своему желанию, в чем и секретари много нам помогают. Правда, что это для молодого человека трудно и непонятно, но ты этого не опасайся, я тебя столько научу, сколько сам знаю. Пожалуйста, Иванушка, послушайся меня, просись к нам в город в прокуроры. Я слышал, что тебя многие знатные господа жалуют, так это тебе тотчас сделают. Наживи себе там хороших защитников, да и приезжай сюда, тогда весь город и уезд по нашей дудке плясать будет. Рассуди сам, как этого места лучше желать и покойнее. Во всех делах положися на меня, а ты со стороны ни дай ни вынеси будешь брать жалованье, а коли будет ум, так и еще жалованьев под десяток в год получишь. Мы так искусно будем делать, что на нас и просить нельзя будет. А тогда, как мы наживемся, хотя и попросят, так беда будет не велика, отрешат от дел и велят жить в своих деревнях. Вот те на, какая беда! для чего не жить, коли нажито чем жить; то худо, как прожито чем жить, а как нажито, этого никто и не спросит. Пожалуйста, послушайся меня, добивайся этого места. Ты ведь уже не маленькой робенок, можно о себе подумать, чем век жить. Отцовское-то у тебя имение стрень-брень с горошком, так надобно самому наживать, а на мое и не надейся, ежели меня не послушаешься, хотя ты у меня и один наследник, но я лучше отдам чужому, да только такому, который себе добра хочет. Ежели ж послушаешься, то при жизни моей укреплю все тебе. Смотри ж, я говорю наобум, а ты бери себе на ум. Прощай, Иванушка, пожалуй, подумай о сем хорошенько и меня уведомь. Остаюсь дядя твой...

Из листа III. Мая 12 дня

3

Господин издатель!

Тридцатилетняя девушка гораздо меньше радуется замужеству, нежели как я, ваше сочинение напечатанное увидев, обрадовался, а ради чего, это вам скажу.

Я превеликий охотник до всяких новостей, выходящих из типографии: всякое сочинение или перевод, пока еще не покажется в свет, успеет у меня раза два, три побывать, а я, пользуясь тем, стану хорошие или худые о нем разносити вести, смотря по времени и обстоятельствам и по лицу сочинителя. Который умеет отъедаться, того оставляю в покое и ничего при нем и его приятелях не говорю, а разве по слабости человеческой вымолвлю что-нибудь за глаза: «Кто без греха! и кто бабе не внук!» Все люди слабостям подвержены, а я еще больше всех, и притом я человек миролюбивый, что некоторые из моих неприятелей называют трусостию, да полно, им никто не верит. И ради того убегаю всег-

да от таких разговоров, в которые вмешиваются руки; буде же по счастию моему попадется сочинитель безответный, тогда я ради исправления ближнего недели две по всему городу о нем рассказываю истории, а все это происходит от маленькой слабости, что я ничьих не люблю хвалити сочинений. Мне и славные русские трагедии кажутся ничего значущими[1]. Я как человек весьма знающий и судья словесных наук,— это достопочтенное наименование подарено мне от самых искренних моих приятелей,— тысячи в них нахожу погрешностей *, словом, как бы кто хорошо ни написал, только не добьется от меня, чтобы я, вместо худо, сказал хорошо, и кто что ни говори, а я все-таки стану продолжати свое искусство, то есть шептать на ухо, что то-то и то-то худо, а таких людей на Руси много, которые, сами ничего не зная, мне верят и слова мои ко прославлению моего имени и своего невежества проповедывают, несмотря, что их за то называют невежами. Из чего следует, что нужно только сперва прослыть разумным, а после что ни болтай, так всему удивляться будут.

Я несколько позаговорился и отошел от того, о чем намерен был к вам писать, да полно, это со мною не в первый случается раз. И как ли я не помню, что «во многом глаголании несть спасения», только не могу никак от того удержаться. И когда завистники мои говорят, что я пишу очень пространно, на то им отвечаю так: «Лучше мне написати что излишнее, нежели пропустить нужное». Но полно, глухие проповеди слышать не могут! а чтобы и вы, г. издатель, не подосадовали, что письмо мое несколько будет длинновато, ради того хотел было все это написать в предисловии, также и причины, побудившие меня к вам писать сие письмо; словом, о всем подробно вас уведомить, но один мой приятель уверял меня, будто к письмам предисловий не пишут, и хотя его в этом я и послушался, однако ж и теперь думаю, что он ошибся. Мне кажется так: ежели предисловия могут приносити пользу, так их и при письмах надлежит писати; ежели ж оии бесполезны, так и нигде не надлежит их писать. Как бы то ни было, только предисловия кажутся мне за весьма необходимый придаток. Вот конец первой части моего письма или вступления, а теперь приступлю ко другой части.

Позволение имети с вами переписку меня обрадывало, ибо вы,

---

[1] «Ничего значущими» вместо правильного «ничего не значущими» — пародирование особенностей стиля В. И. Лукина, от имени которого будто бы написано письмо. Упоминающиеся далее комедии «Тесть и зять», «Мот вразумившийся» (т. е. «Мот, любовию исправленный») — переводы-переделки Лукина, который писал к своим произведениям длинные предисловия. Далее высмеивается употребление им «а» вместо «ах», «как ли ни» вместо «как ни» и т. п., прямо говорится о его пресмыкательстве перед правительством, в угоду которому Лукин и нападал на комедии и «славные русские трагедии» Сумарокова.

* В противности мнения общего, скорее соглашуся назвати хорошо переведенною комедиею «Зятя и Тестя» и подобных оной, нежели похвалити такие трагедии, кои похваляются одними только невежами.

по издании первого листа вашего журнала, мне весьма полюбилися, а притом трутней я всегда любил. Итак, возномерился не только что имети с вами переписку, но и познакомиться, ради чего я вам себя опишу, а вас, по описанию вашему, я довольно знаю.

Несколько тому миновало месяцев, как вступил я на двадцать осьмой год от моего рождения и в такое короткое время успел всех перекритиковать, перебранить, себя прославить, у других убавити славы; многим женщинам вскружить головы, молодых господчиков от ревности свести с ума и вырость без мала в два аршина с половиною. Лицо имел я очень смуглое, но с того времени, так начал притираться китайским порошком, стал гораздо белее, а станом похож на астронома. По сему описанию хотя и не похож я на красавца, однако ж есть люди, кои говорят, будто я очень не дурен, и как это мне не неприятно, то я и отдаю справедливость их вкусу. Некоторые называют их льстецами, но я этому не верю *.

Как ли я телесными дарованиями ни беден, но, напротив того, душевными обогащен со излишеством. Разум мой от многих знатоков почитается не только что острым, но пылким, здравым, твердым и основательным, и без самохвальства могу сказати, я его имею столько, что, оставя про себя сколько надобно, могу излишним наделити человек около десятка **. Я опричь русской грамоты почти ничему не учился, но все знаю, выключая русской азбуки, которую тогда я не доучил, а после не имел времени, ибо начал упражняться в письменах. А ради того и поныне не знаю, где ставятся «ѣ» и «е», «i» и «и», где «а!» и «ах!» и тому подобное, и где какие препинания, для чего, вместо запятой часто ставлю удивительную и вопросительную, а двоеточие при всяком слове, ибо мне кажется, что всякое слово от другого отделяется и тем разрезывает мысль, но это безделица! Что же касается до душевных добродетелей, то, не польстя себе, могу назватися оных прибежищем, из чего следует, что науку знать самого себя я лучше всех знаю.

Наконец, сообщаю вам, г. издатель, что я автор, да и такой автор, который уже слишком шесть лет марает бумагу. И как ли я своих сочинений и переводов в печать издал еще ни мало, но однако ж имею очень много готовых ко печатанию, и которые, сказать по правде, все книги полезные. Я некоторые из них наименую, чтобы вы имели лучшее понятие о сочинителе по сочинениям, а о сочинениях по сочинителе.

Окончание сего письма в следующем листе.

---

* Надлежит приметить, что я в описании своих телесных достоинств весьма чистосердечен.

** Благопристойность удерживает, а самолюбие, свойственное нам, разумным людям, заставляет меня сказати, что человека два, три не мелких моим живут разумом; однако ж я этого в разгласку не пущаю, чтобы они за то на меня не осердилися. Лучше оставить их в заблуждении, а мое все-таки останется при мне; умный всегда умен, хотя молчит, хотя говорит.

Лист IV. Мая 19 Дня

Окончание письма

I. «Наука быти льстецом», или правила, по которым очень скоро можно приходити в милость у больших бояр, зараженных самолюбием, с предисловием в 12 частях. II. «Способ, как сделаться автором», на двух страницах без предисловия. III. «Способ, как содержать беседу в беспрерывном веселии», или собрание моих разумных разговоров, острых слов и замысловатых шуток, в 4 частях *, и еще много неоконченных, из которых одна комедия, может быть, скоро и в свет покажется, она называется «Мот вразумившийся». Пиеса предорогая, сделана детушевым вкусом. Да ежели сказать истину, так она и великого мне труда стоила, ибо я непременно должен был в предисловии написать исторический и критический розыск о первоначальных театрах, о всех упадках оных и возвышениях, также и причины, побудившие меня сие писать и какого от того ожидаю успеха; словом, о всем читателей уведомить, не исключая и того, что будут говорить о моей комедии, когда ее на театре представят, ибо я многое узнаю наперед затем, что верное делаю исчисление. Она с предисловием и с наставлением, как оную должны актеры представляти, в двух частях. Вот какой я автор!

Г. издатель! вы имеете полное описание моих качеств и достоинств, посему надеюсь, что я, конечно, годен в число ваших корреспондентов. А! если вы прямо меня узнаете, так вы, конечно, прямо меня и полюбите, ибо многие того искали, но я во всем разборчив, почему и друзей имею очень немного. Я ожидаю вашего ответа; если он будет по моему желанию, то сообщу к вам столько писем и сочинений, что вы и в три года их не перепечатаете. Итак, перо мое прославит и меня и вас и заставит умолкнуть всех нынешних писцов. Я наперед восхищаюсь, как мы прославимся! А! мы уже, конечно, прославимся! Прости, г. издатель, и верь, что я вас прямо полюбил. А! верьте моему слову, оно достойно того. Во ожидании же вашего ответа пребуду вам

неизвестным ***.

Неизвестного мне господина в корреспонденты к себе не принимаю и прошу, чтобы он впредь своих сочинений не присылал. Не напечатал бы я и сего письма, если бы не был уверен, что такой характер достоин осмеяния и презрения. Кто хулит всех и все, тот вреден обществу, а кто хулит известные славные русские трагедии, тот почитаться должен невежею во словесных науках. Наконец сообщаю присланную ко мне эпиграмму.

---

* Сия книга ежедневно увеличивается, ибо я всякий вечер записываю то, что днем говорил. И как я такие острые слова говорить великий мастер, то уповаю умножити сие издание до 12 частей.

ЭПИГРАММА

Осьмым тебя, мой друг, все чудом почитают;
Пречудные в тебе два свойства обретают.
Тогда как ты молчишь,
Премножество ума найти в тебе все чают;
Но лишь раскроешь рот и только заворчишь,
То круглым все тебя невеждой величают.

Из листа V. Мая 26 дня

5

Господин Трутень!

Второй ваш листок написан не по правилам вашей прабабки[1]. Я сам того мнения, что слабости человеческие сожаления достойны, однако ж не похвал, и никогда того не подумаю, чтоб на сей раз не покривила своею мыслию и душею госпожа ваша прабабка, дав знать на своей стр. 140, в разделении 52, что похвальнее снисходить порокам, нежели исправлять оные. Многие слабой совести люди никогда не упоминают имя порока, не прибавив к оному человеколюбия. Они говорят, что слабости человекам обыкновенны и что должно оные прикрывать человеколюбием; следовательно, они порокам сшили из человеколюбия кафтан, но таких людей человеколюбие приличнее назвать пороколюбием. По моему мнению, больше человеколюбив тот, кто исправляет пороки, нежели тот, который оным снисходит или (сказать по-русски) потакает, и ежели смели написать, что учитель, любви к слабостям не имеющий, оных исправить не может, то и я с лучшим основанием сказать могу, что любовь к порокам имеющий никогда не исправится. Еще не понравилось мне первое правило упомянутой госпожи, то есть чтоб отнюдь не называть слабости пороком, будто Иоан и Иван не все одно. О слабости тела человеческого мы рассуждать не станем, ибо я не лекарь, а она не повивальная бабушка, но душа слабая и гибкая в каждую сторону покривиться может. Да я и не знаю, что по мнению сей госпожи значит слабость. Ныне обыкновенно слабостию называется в кого-нибудь по уши влюбиться, то есть чужую жену или дочь, а из сей мнимой слабости выходит: обесчестить дом, в который мы ходим, и поссорить мужа с женой или отца с детьми; и это будто не порок? Как построжее меня о том при досуге рассуждают, назовут по справедливости оный беззаконием. Любить деньги есть та же слабость; почему слабому человеку простительно брать взятки и набогащаться грабежами. Пьянствовать также слабость или еще привычка, однако пьяному можно жену и детей прибить до полусмерти и подраться с верным своим другом. Словом сказать, я как в слабости, так в пороке не вижу ни добра, ни различия.

---

[1] *Прабабка* — «Всякая всячина».

На копце своего листка ваша госпожа прабабка похваляет тех писателей, кои только угождать всем стараются, а вы, сему правилу не повинуясь, криводушным приказным и некстати умствующему прокурору не великое сделали угождение. Не хочу я вас побуждать, как делают прочие, к продолжению сего труда, ниже вас хвалить; зверок по кохтям виден. То только скажу, что из всего поколения вашей прабабки вы первый, к которому я пишу письмо. Может статься, скажут г. критики, что мне как Трутню с Трутнем иметь дело весьма сходно, но для меня разумнее и гораздо похвальнее быть Трутнем, чужие дурные работы повреждающим, нежели такою пчелою, которая по всем местам летает и ничего разобрать и найти не умеет. Я хотел было сие письмо послать к госпоже вашей прабабке, но она меланхолических писем читать не любит, а в сем письме, я думаю, она ничего такого не найдет, от чего бы у нее от смеха три дни бока болеть могли.

Покорный ваш слуга
Правдулюбов[1].

9 мая 1769 года

6

СТАТЬИ ИЗ РУССКОГО СЛОВАРЯ*

Украсить голову по-французски. О приведении в совершенство сея науки Франция несколько лет прилагает попечение. И хотя в Париже заведена Академия *Волосоподвивательной науки*, изданы в народ печатные о том книги, но однако ж и по сие время так же, как и философия, в совершенство не пришла, из чего следует, что быть совершенным волосоподвивателем так же трудно, как и философом, да и науки сии одинакие, одна украшает голову снаружи, а другая внутри, а что к первой ныне больше прилепляются, тому причиною мода. Да сие и весьма справедливо: украшенная снаружи голова гораздо почтеннее украшенной внутри, потому что мы всегда хвалим, почитаем и удивляемся тому, что прежде другого лучшим нам покажется. А в том и никакого нет сомнения, что хорошо завитые волосы скорее ума приметить можно: волосы снаружи, а ум внутри...

Как ли ни: новопроявившееся слово, которого ни во всем священном писании, ни во всех светских сочинениях славных наших авторов нет. Из чего следует, что пишущий ныне «как ли ни», вместо «как ни», гораздо разумнее тех писателей, которые до сего времени по-русски писали, несмотря на то, что остроумные сочинения с «как ни» устроевают наше сердце и питают ра-

---

[1] *Правдулюбов* — по-видимому, псевдоним Н. И. Новикова, на что указывает и дата письма 9 мая (день именин Новикова).

* Сии статьи продолжаться будут не по азбучному порядку, но как они ко мне сообщаются.

зум, а издания с «как ли ни» смеяться заставляют. По моему мнению, изобретатель «как ли ни» достоин такого же почтения, как изобретатели пороха, печати и арифметики, ибо сие слово весьма много спомоществует к приобретению богатства, а именно тем, что если его почаще употребить в каком сочинении, то книга вдвое толще будет, следовательно, вдвое и дороже продана быть может.

Из листа VI. Июня 2 дня

8

ВЕДОМОСТИ
В САНКТПЕТЕРБУРГЕ

Из мещанской

Есть женщина лет пятидесяти. Она уже двух имела мужей и ни одного из них не любила, последуя моде. Достоинствы ее следующие: дурна, глупа, упряма, расточительна, драчлива, играет в карты, пьет без просыпу, белится в день раза по два, а румянится по пяти. Она хочет замуж, а приданого ничего нет. Кто хочет на ней жениться, тот может явиться у свах здешнего города...

Из Кронштата

На сих днях прибыли в здешний порт корабли: 1. Trompeur[1] из Руана в 18 дней; 2. Vetilles[2] из Марсельи в 23 дни. На них следующие нужные нам привезены товары: шпаги французские разных сортов, табакерки черепаховые, бумажные, сургучные, кружевы, блонды, бахромки, манжеты, ленты, чулки, пряжки, шляпы, запонки и всякие так называемые галантерейные вещи; перья голландские в пучках чиненые и нечиненые, булавки разных сортов и прочие модные мелочные товары, а из петербургского порта на те корабли грузить будут разные домашние наши безделицы, как-то: пеньку, железо, юфть, сало, свечи, полотны и проч. Многие наши молодые дворяне смеются глупости господ французов, что они ездят так далеко и меняют модные свои товары на наши безделицы.

Молодого российского поросенка, который ездил по чужим землям для просвещения своего разума и который, объездив с пользою, возвратился уже совершенно свиньею, желающие смотреть могут его видеть безденежно по многим улицам сего города.

---

[1] «Обманщик» *(франц.)*.
[2] «Безделушки» *(франц.)*

Молодой дворянин, идучи по Материальной улице, против некоторого дома засмотрелся на окошко, в которое смотрели три прекрасные девушки, и выронил свое сердце; кто объявит о поднявшем оное, тому дастся награждение, соответствующее щедрости молодого дворянина, сына судейского и недавно приехавшего из своего поместья для поминовения своего родителя и проживать нажитое покойным судьею имение.

ПОДРЯДЫ

Для наполнения порожних мест по положенному у одной престарелой кокетки о любовниках штату, потребно поставить молодых, пригожих и достаточных дворян и мещан до 12 человек, кто пожелает в поставке оных подрядиться, или и сами желающие заступать те убылые места могут явиться у помянутой кокетки, где и кондиции им показаны будут.

В некоторое судебное место потребно правосудия до 10 пуд; желающие в поставке оного подрядиться могут явиться в оном месте.

Молодому рифмотворцу потребно здравого рассуждения, знания и искусства столько, чтобы достало на все те сочинения, которые он расположился писать; желающие поставить и взять ниже просимых цен, а у него купить прилежания и охоты к стихотворству могут явиться в его квартире.

ПРОДАЖА

За вексельный иск, описанное и оцененное в 14 р. 57¾ к. оставшее после покойного судьи Правдолюбова стяжание, состоящее в верности к отечеству, нелицеприятии, правосудии, истинном понятии законов, милосердии о бедных и здравом рассуждении, имеет быть продано с публичного торгу, ибо наследников ко оному стяжанию из всей его родни не явилось; желающие покупать могут явиться у акциониста, который продавать будет.

Недавно пожалованный воевода отъезжает в порученное ему место и для облегчения в пути продает свою совесть; желающие купить могут его сыскать в здешнем городе.

Из листа VIII. Июня 16 дня

Издатель «Трутня», во утешение «Всякой всячине», своей современнице, не хотел напечатать сего письма, но по справедливости не мог он в том отказать г. Правдулюбову, тем паче что он от «Всякия всячины» отдан на суд публике; итак, благоразумные

и беспристрастные читатели сей суд по форме или и без формы, как им угодно, окончать могут. Оправдание г. Правдулюбова здесь следует.

12

Господин издатель!

Госпожа «Всякая всячина» на нас прогневалась и наши нравоучительные рассуждения называет ругательствами. Но теперь вижу, что она меньше виновата, нежели я думал. Вся ее вина состоит в том, что на русском языке изъясняться не умеет и русских писаний обстоятельно разуметь не может, а сия вина многим нашим писателям свойственна.

Из слов, в разделении 52 ею означенных, русский человек ничего иного заключить не может, как только, что господин А. прав и что госпожа «Всякая всячина» его критиковала криво.

В пятом листе «Трутня» ничего не писано, как думает госпожа «Всякая всячина», ни противу милосердия, ни противу снисхождения, и публика, на которую я ссылаюсь, то разобрать может. Ежели я написал, что больше человеколюбив тот, кто исправляет пороки, нежели тот, кто оным потакает, то не знаю, как таким изъяснением я мог тронуть милосердие? Видно, что госпожа «Всякая всячина» так похвалами избалована, что теперь и то почитает за преступление, если кто ее не похвалит.

Не знаю, почему она мое письмо называет ругательством? Ругательство есть брань, гнусными словами выраженная, но в моем прежнем письме, которое заскребло по сердцу сей пожилой дамы, нет ни кнутов, ни виселиц, ни прочих слуху противных речей, которые в издании ее находятся.

Госпожа «Всякая всячина» написала, что пятый лист «Трутня» уничтожает. И это как-то сказано не по-русски; уничтожить, то есть в ничто превратить, есть слово, самовластию свойственное, а таким безделицам, как ее листки, никакая власть не прилична; уничтожает верхняя власть какое-нибудь право другим. Но с госпожи «Всякой всячины» довольно бы было написать, что презирает, а не уничтожает мою критику. Сих же листков множество носится по рукам; итак, их всех ей уничтожить не можно.

Она утверждает, что я имею дурное сердце потому, что, по ее мнению, исключаю моими рассуждениями снисхождение и милосердие. Кажется, я ясно написал, что слабости человеческие сожаления достойны, но что требуют исправления, а не потачки, и так думаю, что сие мое изъяснение знающему российский язык и правду не покажется противным ни справедливости, ни милосердию. Совет ее, чтобы мне лечиться, не знаю, мне ли больше приличен или сей госпоже. Она, сказав, что на пятый лист «Трутня» ответствовать не хочет, отвечала на оный всем своим сердцем и умом, и вся ее желчь в оном письме сделалась видна. Когда ж она забывается и так мокротлива, что часто не туда плюет, куда

падлежит, то кажется, для очищения ее мыслей и внутренности не бесполезно ей и полечиться.

Сия госпожа назвала мой ум тупым потому, что не понял ее нравоучений. На то отвечаю, что и глаза мои того не видят, чего нет. Я тем весьма доволен, что госпожа «Всякая всячина» отдала меня на суд публике. Увидит публика из будущих наших писем, кто из нас прав.

Покорный ваш слуга
Правдулюбов.

6 июня 1769 году

Из листа XIII. Июля 21 дня

19

Господин издатель!

Ты охотник до ведомостей, для того сообщаю тебе истинную быль: вот она. У некоторого судьи пропали золотые часы. Легко можно догадаться, что они были не купленные. Судьи редко покупают; история гласит, что часы по форме приказной с надлежащим судейским насилием вымучены были у одной вдовы, требующей в приказе, где судья заседал, правосудия, коего бы она, конечно, не получила, если бы не вознамерилась расстаться против воли своей с часами.

В комнату, где лежали часы, входили только двое: подрядчик и племянник судейский, человек приказный и чиновный. Подрядчик ставил полные два года в судейский дом съестные припасы, за которые три года заплаты денег дожидался. Правда, имел он на судью вексель, но помогает ли крестьянину вексель на судью приказного, судью, может быть, еще знатного? Редко вексель действие имеет, где судьи судью покрывают; где рука руку моет, для того что обе были замараны. Подрядчик, хотя невеликий грамотей, однако про это знает, и для того пришел просить судью о заплате долгу со всякою покорностию, и в то-то самое время часы пропали. Племянник судейский, хотя мальчишка молодой, но имеет все достоинства пожилого беспорядочного человека, играет в карты, посещает домы, где и кошелек опустошается и здоровье увядает. Не было собрания мотов вне и внутри города, где бы он первый между прочими бездельствами пьян не напивался. Правосудию он учился у дяди, которого, пришедши поздравить с добрым утром, украл и часы, о коих дело идет.

Худой тот судья, который чрез побои правду изыскивает, а еще хуже тот, который всякие преступления низкой только породе по предубеждению приписует, как будто бы между благорожденными не было ни воров, ни разбойников, ни душегубцев. Случающиеся примеры противное доказывают, и один прощелыга, обращающийся довольно в свете, утверждает, что больше без-

дельства и беззакония между дворянами водится, нежели между простым народом, называемым по несправедливости подлостью. Подлый человек, по мнению его, есть тот, который подлые дела делает, хотя б он был барон, князь или граф, а не тот, который, рожден будучи от низкостепенных людей, добродетелью, может быть, многих титлоносных людей превосходит.

Кто добродетелью превысит тьму людей,
Не знает сла́внее породы тот своей.

Судья, хватившись часов и не находя их, по пристрастию рассуждает про себя так: «Я хотя и грабитель в противность совести и государских указов, однако сам у себя красть не стану; племянник мой так же не украдет: он человек благородный, чиновный, а пуще всего мой племянник. Других людей здесь не было; конечно, часы украл подрядчик, он подлый человек, мне противен, я ему должен». Заключил, утвердился и определил истязывать подрядчика, хотя сего делать никакого права не имел, кроме насильственного права сильнейшего.

Г. издатель! Видно, что сей судья никогда не читывал книги «О преступлениях и наказаниях» («Des delits et des peines»)[1], которую бы всем судьям наизусть знать надлежало. Видно, что он никогда не заглядывал в те указы, кои беспристрастным быть повелевают. Рассуждая по сему и по многим другим подобным судьям, кажется, что они такие люди, кои уреченные[2] только часы в приказах просиживают, а о прямых своих должностях, как о сирском и о халдейском языках, не знают. О просвещение, дар небесный, расторгни скорее завесу незнания и жестокости для защищения человечества!

Уже страдает подрядчик под побоями судейскими, и плети, отрывая кожу кусками, адское причиняют ему мучение. Чем больше невинный старается оправдать себя клятвами и призыванием бога во свидетели, тем сильнее виноватый повелевает его тиранить; чем больше подрядчик просит, плачет и стонет, тем безжалостнее судья усугубляет его мучение. Бедный подрядчик, чувствуя свою душу, приближившуюся к гортани и скоро из уст выйти хотящую, не имея силы больше переносить мучения, принужден был, наконец, признаться в похищении часов судейских и чрез то прекратил чинимую над собою пытку.

Не столько любуется щеголиха новомодным и в долг сделанным платьем, в коем она в первый раз на гульбище под Девичий монастырь для пленения сердец поехала, не столько радуется господчик Стозмей, когда ему удастся сделать вред кому-нибудь из тех, коих он для глупой своей любовницы по пристрастию ненавидит, не столько восхищался Злорад при представлении гадко переведенной своей комедии, не столько веселится монах, когда

[1] Трактат итальянского юриста-просветителя Беккариа.
[2] Указанные, положенные.

случится ему светское что-нибудь сделать, как порадовался наш судья подрядчикову мнимому воровству, ибо он уповал не только не заплатить того, чем он подрядчику был должен, но еще подрядчика сделать себе должным. В самом деле, в ту ж минуту со всем судейским бесстыдством наблюдатель правосудия сделал следующее предложение подрядчику: «Если ты не согласишься тотчас изодрать моего векселя и не дашь мне на себя другого в двух тысячах рублях, то ты будешь за воровство свое в трех застенках и сослан на вечную работу в Балтийский порт. Все сие с тобою исполнится непременно, я тебя в том честным, благородным и судейским словом уверяю. Но если сделаешь то, чего от тебя между четырех глаз требую, то будешь сей же час свободен и твое воровство не пойдет в огласку, а для заплаты двух тысяч рублей даю тебе сроку целый год; видишь, как с тобой человеколюбиво и христиански поступаю; иной бы принудил тебя заплатить и пять тысяч рублев за твое бездельство, да еще и в самое короткое время».

Истерзанный подрядчик, обливаяся слезами и произнося все на свете клятвы, старается сколько можно доказать свою невинность, и признание в краже, говорит он, учинил для того, чтоб избавиться, хотя на минуту, несносного мучения; уверяет, что не только не может он заплатить в год двух тысяч рублей, требуемых неправедно, но что все имение почти в том и состоит, чем его превосходительство ему должен, что, получивши сей долг, располагал он заплатить положенный на него государев и боярский оброк, а потом себе, жене и малолетным своим детям нужное доставить. От сих слов пылает наш судья гневом и яростью и невинного подрядчика в свой приказ, яко пойманного вора и признание учинившего, при сообщении отсылает. Весьма скоро отправляются дела в тех приказах, в коих судьи сами истцами бывают, и редко случается от прочих судей противоречие в том, что одному из них надобно, хотя бы то было совсем несправедливо. Собака собаку лижет, и ворон ворону глаз не выклевывает. В тот же самый день определение подписано было всеми присутствующими, чтоб допрашивать подрядчика под плетьми вторично, и в тот же самый день сие бы исполнено было, если бы к счастию подрядчика не захотелось судьям обедать, ибо был второй пополудни час, и если б на другой день не было вербного воскресения и по нем страстной и святой недель, в коих не бывает присутствия.

Подрядчик, заклепанный в кандалы и цепь, брошенный со злодеями в темный погреб, плачет неутешно, а с ним купно рыдают жена его и дети; слезы его тем обильнее текут, чем больше уверен он во своей невинности, а вор, племянник судейский, в то самое время рыская по городу, присовокупляет без наказания к прежним злодействам еще новые бездельства. Украденные часы проиграл он некоторому картошному мудрецу, который со всеми своими в картах хитростями бедняе еще русских комедиантов. Картошный мудрец заложил их на два дни одному титулярному

советнику, который по титулярной своей чести и совести только по гривне за рубль на каждый месяц процентов берет. Советник продал их в долг за двойную цену одному придворному господчику, который имеет в год доходу три тысячи рублей, а проживает по шести, надеясь, что двор заплатит все его долги за верную и ревностную службу, которая состоит в том, что, будучи дневальным, раздаст иногда кушанье, да и то непроворно и неопрятно. Придворный господчик подарил их своей любовнице, всеми чувствами его ненавидевшей, которая в неделю святой пасхи отдала оные, вместо красного яйца, прокурору того приказа, где содержался подрядчик, чтоб г. прокурор постарался утеснить ее отца, от которого она убежала.

По прошествии праздников заседания в приказах началися, и день для подрядчикова истязания и освобождения, наконец, настал. Судьи съехались, подрядчик к мучению был уже приведен, как прокурор, приехавши после судей и удивившись раннему их съезду, вынул часы для проведания времени. Судья-истец и другие присутствующие тотчас узнали украденные часы и без всех справок положили, что подрядчик оные продал той особе, от которой их прокурор получил, а чтоб подрядчика доказательнее в воровстве обличить, то отправили секретаря у оной госпожи взять расписку в покупке часов у подрядчика, коего между тем начали под побоями допрашивать о следующем: «Не был ли кто из богатых купцов с ним в умысле? Не крадывал ли он и прежде сего? Кому продавал краденные им вещи?» и пр. Расспросы сии делались, как сказывают, для того, чтоб из безделицы сделать великое дело, которое бы, может быть, никогда не вершилось, и чтоб к оному припутать зажиточных людей, от коих можно бы было наживаться.

Покамест секретарь о путешествии часов осведомлялся, подрядчик мучимый насказал то, чего никогда не делал, и допросы, в трех тетрадях едва умещенные, показали ясно, сколь много лишнего в приказах пишут, что не всегда нужны побои ко изысканию злодеяния и что один золотник здравого судейского рассудка больше истины открывает, нежели плети, кошки и застенки.

Удивились судьи, когда секретарь донес и доказал, что часы у дяди своего украл племянник, а читатель беспристрастный удивится еще больше тому, что приказный секретарь не покривил душою и поступил совестно, но паче всего должно дивиться решению судейскому с тем мотом, который украл часы, и с невинным подрядчиком, дважды мучимым. ПРИКАЗАЛИ: вора племянника, яко благородного человека, наказать дяде келейно, а подрядчику при выпуске объявить, что побои ему впредь зачтены будут.

Повесть сия доказывает, г. издатель, что ничего нет для общества вреднее глупых, корыстолюбивых и пристрастных судей, на которых прошу тебя написать такую колкую сатиру, чтобы

они все, устыдившись своего невежества, старались быть таковыми, какими им быть повелевают честь, совесть и государские законы.

Покорный твой слуга
N. N.

Москва 1769 года

Из листа XIV. Июля 28 дня

22.

Господин издатель!

Пламя войны и между сочинителями возгорелось. Вооружились колкими своими перьями г. писатели, вашему «Трутню» в прошедший вторник немалое было бомбардирование. «Всякая всячина» добрый вытерпела залп, «Адскую почту» атаковала какая-то неизвестная партия[1]. Что касается до моих бесов, то я на оных наступающего уверить могу, что ему их бояться никакой причины нет, когда он человек честный, ибо добродетельного человека не только мои бесы, но и весь настоящий ад добродетели лишить не может. Я бы сему их неприятелю советовал истребить из мыслей то суеверие, которое, как он сам пишет, от младолетства при нем обитает, и когда он о делах по свойству их, а не по названию рассуждать захочет, то, может статься, имя бесов не столько ему будет противно.

Что касается до пасквиля[2], который был прислан некоторым писателем для напечатания, который ему назад отослан и который носится по многим рукам, то я оный, если когда-нибудь явится в свет, с прочими сего рода сочинениями, предаю на суд публике, которую я, считая за судью справедливого, потому что читатель обыкновенно меньше бывает пристрастен, нежели писец, уверен, что клевета от истины весьма справедливо будет отделена и останется при своем хозяине. Известно всем, что и между сочинителями бывают люди разных свойств: есть писатели благородные, достаточные и нищие; последние, будучи разумом весьма скудны, всего алкают и злятся на тех, кои рассудком достаточнее их. Я не только имена сих известных мне моих клеветников здесь умалчиваю, но и ниже какими-либо околичностями публике их лица означивать буду, ибо я намерен только доказать мою справедливость, а не бранить публично других.

Ни одно почти разумное сочинение не было без критики. Юве-

---

[1] Письмо и «Задача» принадлежат издателю «Адской почты» Ф. А. Эмину (инициалы «Б. К.» означают «Бесовский корректор» или «Бес кривой»). Речь идет о помещенной в 28-м номере журнала «И то и се» статье, которая содержит резкие нападки на «Трутень», «Всякую всячину» и «Адскую почту». За инициалами «Д. П.» укрылся сам издатель М. Д. Чулков.

[2] В том же номере «И того и сего» помещено направленное против Эмина стихотворение «Аз не без глаз». Эмин отвечает Чулкову сатирической «Задачей» в «Трутне», пародируя стихи своего противника.

нала критиковал Повзаний ткач, Горация Витрувиев архитектор, сочинителя «Телемака» [1] разбранил Фаидит, который был у Собиса лакеем, однако «Телемак» на веки будет «Телемаком», а Фаидит писателем презренным, как о нем написал славный Рамзей, которого нижеозначенные о Фаидите слова * весьма приличны и моим злобным критикам.

Я с моей стороны уверяю публику, что не буду впредь оную беспокоить ответами на ругательства, злобою на меня устремляемые, зная, что сего рода писателям чем-нибудь надобно наполнить свои листки, я же с людьми сей шерсти не только перебраниваться, но и какое-нибудь иметь с ними дело почитаю за стыд.

Покорный слуга Б. К.

Господин Б. К. Бомбардирование, сделанное в прошедший вторник моему «Трутню», мне не страшно, да уповаю, что и г. «Всякой всячине» сделанный залп никакого вреда не причинит, ибо в сию против нас войну ополчилося невежество. В письме господина Д. П., напечатанном в «И то и се», написано, что госпожа «Всякая всячина» выжила из ума. Хотя бы это было и подлинно, то я бы и тогда сказал, что гораздо славняе дожившему с пользою и с рассудком до глубокой старости лишиться ума, нежели родиться без ума. Но сей глубокой древности во «Всякой всячине» никто еще не приметил. Что ж касается до моего «Трутня», в котором, по мнению господина Д. П., ничего нет, кроме язвительных браней, ругательства, и что во оном в наивысочайшей степени блистает невежество, на то скажу: пусть «И то и се» похваляется господином Д. П. и подобными ему; меня это не прельщает потому, что мое желание стремится заслужить внимание беспристрастных и разумных читателей.

23

ЗАДАЧА

Читатели! прошу решить сию задачу:
Кто, дара не имев, а пишет наудачу,—
　　　　Умен или дурак?
За прародительски страдая кто грехи,
Марает без стыда прегнусные стихи,—
　　　　Умен или дурак?

---

[1] Фенелон.

* Рамзей, известный в учености муж, о Фаидитовой критике написал следующее:

...В сем сочинении ничего найти не можно, кроме лжи, величайшего невежества авторова, несправедливых критик, грубых обид, подлых насмешек и ребяческих привязок, так что можно о сем писателе сказать то, что написал славный Руссо о некотором писателе ж сего рода:

...Ты новый Еространт.
Бесчестием своим быть хочешь всем известным.

Кто в полустишии речь целую ломает [1],
И пишет то, чего и сам не понимает,—
Умен или дурак?
Кто, отроду не быв со музами знаком,
Дерзает воспевать качели с семиком [2],—
Умен или дурак?
Кто ползает весь век, а мнит, что он летает,
И вздорные стихи без разума сплетает,—
Умен или дурак?
Кто в прозе и в стихах наставил столько слов,
Которых не свезут и тысяча ослов,—
Умен или дурак?
Кто прозу различить с стихами не умеет,
Пред светом хвалится, что все он разумеет,—
Умен или дурак?
Кто в сказках написал сорок нам, да ворон
И вздумал о себе, что будто он Скаррон,—
Умен или дурак?
Кто хвалит сам себя, а прочих всех ругает
И в сем одном свое искусство полагает,—
Умен или дурак?

РЕШЕНИЕ

Возможно ли, чтоб тот разумно написал,
Кто вместе с молоком невежество сосал,
И кто в поэзии аза в глаза не знает,
Уже поэмы вдруг писати начинает.
По мненью моему, писатель сей таков,
Как вздел бы кто кафтан, не вздев сперва чулков [3],
И если это так,
Конечно, он дурак.

Из листа XVII. Августа 18 дня

26

Господин издатель!

Сообщая вам несколько портретов, прошу оные поместить в вашем журнале, а что они сего достойны, в том уверяет вас та, которой все мужчины говорят: ужесть, как мила [4].

---

[1] Т. е. разделяет цезурой в шестистопном ямбе одну синтагму (например: «И лучше, как они || умеют, нарядясь»).

[2] Имеются в виду сатирические произведения Чулкова «Стихи на качели» и «Стихи на семик», а в последних строках «Задачи» — поэма «Плачевное падение стихотворцев».

[3] Прямое указание на фамилию объекта осмеяния — Чулкова.

[4] *Ужесть, как мила* — псевдоним писательницы М. В. Храповицкой-Сушковой.

27

ПОРТРЕТЫ

I

Я, всем мила.

II

Семил, пригожий молодец, весьма разумен и довольно учен, жаль, что он во всех влюбляется, в прочем его можно назвать человеком.

III

Стозмей, лицом нехорош, станом нескладен, умом небогат, а богат злостию сердца ко вреду ближних.

IV

Сей лицо имеет не противное, складный стан, одевается нехудо. Сей был бы изрядный человек, если бы не соглашался на все чужие мнения и тем самым себе иногда не противоречил.

V

Жидомор желает иметь у себя деньги всего государства и не держать [1] из них ни полушки...

Из листа XXIV. Октября 6 дня

РЕЦЕПТЫ

50

Простосерд недомогает болезнию, именуемою слепая доверенность. По причине сей болезни судит он о всех по себе, всем верит и думает, что люди не могут быть злыми затем, что добрыми сотворены. Сие мнение часто ему плачено было худо, но он и тогда говаривал, что сие делалося по слабости человеческой, а не по злому намерению вредить ближним. От такой его опасной для него болезни прописан следующий

РЕЦЕПТ

На всех людей смотреть в волшебный лорнет, показывающий сердца с ним говорящих людей. Сие от той болезни его, конечно, излечит, но притом должен он употреблять свое добросердечие, отчего и сделается честным здоровым человеком.

53

Для г. Безрассуда

Безрассуд болен мнением, что крестьяне не суть человеки, но крестьяне, а что такое крестьяне, о том он знает только по

[1] Не издержать, не истратить.

тому, что они крепостные его рабы. Он с ними точно так и поступает, собирая с них тяжкую дань, называемую оброк. Никогда с ними не только что не говорит ни слова, но и не удостоивает их наклонением своей головы, когда они по восточному обыкновению пред ним по земле распростираются. Он тогда думает: «Я — господин, они — мои рабы; они для того и сотворены, чтобы, претерпевая всякие нужды, и день и ночь работать и исполнять мою волю исправным платежом оброка; они, памятуя мое и свое состояние, должны трепетать моего взора». В дополнение к сему прибавляет он, что точно о крестьянах сказано: «В поте лица твоего снеси хлеб твой». Бедные крестьяне любить его, как отца, не смеют, но, почитая в нем своего тирана, его трепещут. Они работают день и ночь, но со всем тем едва-едва имеют дневное пропитание, затем что насилу могут платить господские поборы. Они говорят: «Это не мое, но божие и господское». Всевышний благословляет их труды и награждает, а Безрассуд их обирает. Безрассудный! разве забыл то, что ты сотворен человеком, неужели ты гнушаешься самим собою, во образе крестьян, рабов твоих? разве не знаешь ты, что между твоими рабами и человеками больше сходства, нежели между тобою и человеком? Вообрази рабов твоих состояние, оно и без отягощения тягостно; когда ж ты гнушаешься теми, которые для удовольствования страстей твоих трудятся почти без отдохновения, они не смеют и мыслить, что они человеки, но почитают себя осужденниками за грехи отец своих, видя, что прочие их братия у помещиков-отцов наслаждаются вожделенным спокойствием, не завидуя никакому на свете счастию, ради того, что они в своем звании благополучны, то подумай, как должны гнушаться тобою истинные человеки, человеки-господа, господа — отцы своих детей, а не тираны своих, как ты, рабов. Они гнушаются тобою, яко извергом человечества, преобращающего нужное подчинение в несносное иго рабства. Но Безрассуд всегда твердит: «Я господин, они — мои рабы, я — человек, они — крестьяне». От сей вредной болезни

РЕЦЕПТ

Безрассуд должен всякий день по два раза рассматривать кости господские и крестьянские до тех пор, покуда найдет он различие между господином и крестьянином.

Из листа XXV. Октября 13 дня

55

Г. издатель!

Я уверен, что вы ненавистник пороков и порочных и что вы не следуете мнению утверждающих, что порочного на лицо критиковать не надлежит, но вообще порок, да и то издалека и слег-

ка. Я не ведаю, какой опи от таких дальных околичностей ожидают пользы. Известно, что признание во своих слабостях и пороках самому себе делают весьма немногие; кто сам себе признается во своих проступках, тот ежели не совсем исправляется, так, по малой мере, борется со своими страстями, и тому, по мнению моему, потребны наставления, а не критика. Другие, кои больше самолюбивы и ослеплены страстями, критику, на общий порок писанную слегка, от его действий весьма удаленную, тотчас совращают на лицо другого; такой тогда еще более ищет причин удалить оную от себя, нежели как критик, его пороки критикующий, искал от его лица удалиться. В таком случае обыкновенно много помогают ласкатели, ибо, ежели бы кто стал критиковать поступки знатного господина, тогда ласкатели, бесстыдно предупреждая его признание, тотчас сыщут невинное лицо, на которое совратят критику. Невинный тогда страждет, а порочный насмехается своим пороком в лице другого. Вот все, чего от таких критик ожидать надлежит. Правда, что и ваше правило, в рассуждении критики, от ласкателей мало помогает. Но тут страждет критик, если увидят, что критикованное лицо точно те имеет пороки; тогда хотя и признаются, но утверждая, что критик весьма злобный человек. Впрочем, мое мнение весьма с вашим согласно, что критика на лицо больше подействует, нежели как бы она писана на общий порок. Например, я много раз видал, что когда представляют на театре «Скупого» [1], тогда почти всякий скупой в театр смотреть ездит. Для чего же? для того, что он думает тогда о каком ни на есть другом скупяге, а себя, наверное, тогда не вспомнит. Когда представляют «Лихоимца», тогда кажется, что не все скупые на Кащея смотреть будут. Меня никто не уверит и в том, чтобы Мольеров Гарпагон писан был на общий порок. Всякая критика, писанная на лицо, по прошествии многих лет обращается в критику на общий порок; осмеянный по справедливости Кащей со временем будет общий подлинник всех лихоимцев. Я утверждаю, что критика, писанная на лицо, но так, чтобы не всем была открыта, больше может исправить порочного. В противном же случае, если лицо так будет означено, что все читатели его узнают, тогда порочный не исправится, но к прежним порокам прибавит и еще новый, то есть злобу. Критика на лицо без имени, удаленная поелику возможно и потребно, производит в порочном раскаяние; он тогда увидит свой порок и, думая, что о том все уже известны, непременно будет терзаем стыдом и начнет исправляться. Я вам скажу на это пример. Один молоденький писец читал много книг и, следовательно, видел, что худых писцов не хвалят. Но, однако ж, ему пришла охота к писанию, он сочинил пиесу, ее начали хвалить, хотя и видели его недостатки, но

---

[1] *«Скупой»* — комедия Мольера, *«Лихоимец»* — Сумарокова. Прототипом главного персонажа этой пьесы Кащея Сумарокову послужил его шурин А. И. Бутурлин.

на первый случай хотели его теми похвалами ободрить, надеяся, что ежели он хорошенько вникнет, тогда и сам свои недостатки увидит. Другие поступили с ним искреннее. Они объявили ему его погрешности и недостатки, но он похвалы почитал от истины происходящими, а критику от злобы и зависти. Ободренный писец и поощренный ко продолжению своих трудов скоро начал себя равнять со славными писателями, а потом и вечной похвалы достойных авторов начал ругать. Друзья его остерегали многократно, но он утверждал, что они ошибаются. После начали его критиковать на общее лицо. Говорили ему, что ежели в сочинении случатся эдакие погрешности, так это порок; он на то соглашался, но в своих сочинениях тех погрешностей не видал и не исправился. Он не переставал себя хвалить, а других ругать до того времени, как показалися на него другие критики; не мог уже он ошибиться, что те на него были писаны. Он спрашивал у друзей своих, правильны ли критики, на него писанные, и так ли он худо пишет, как те утверждают. Они призналися, что весьма правильно. Его это тронуло. Он перестал писать и ежели не совсем исправился, так, по крайней мере, исправляется. Ибо он начал признаваться, что он и сам ведал, что пишет он худо, но, надеяся когда-нибудь исправиться, в том упражнялся; но как скоро приметил, что он не успевает, так скоро и перестал писать; что он писал по одной только охоте и что он никогда не думал, что это его metier*. Вот вам пример; ежели станут утверждать, что сей писец от тех критиков не исправится, о том я спорить не буду, но и не поверю, чтобы он исправился общею критикою. Наконец, сообщаю вам, г. издатель, описание бессовестного поступка одного чиновного человека с купцом. Пусть увидят, достоин ли он критики, и пусть скажут, что он бы общею критикою на бездельников исправился.

Пролаз, человек чиновный и не последний мот, был должен одному честному купцу по векселю. Срок пришел. Купец требовал денег, а Пролаз не отдавал, надеяся, что купец, по знакомству с его приятелями, просить[1] на него не будет. Купец, по многократном хождении, наконец, вознамерился вексель отдать в протест и по нем взыскивать. Но Пролаз нашел способ с ним разделаться без платы денег. Случилося им быть вместе в гостях, купец подпил, и Пролаз не упустил его поразгорячить, что он ему денег не отдаст и что ежели он будет просить на него, так ничего ему не сыщет. Купец после сего Пролаза выбранил, а Пролаз, ничего ему не отвечая, сказал: «Милости прошу прислушать»,— и на другой день подал челобитную. Наконец, вместо бесчестия[2], взял обрат-

* *Metier,* по-русски ремесло, и тут вымолвлено тем писцом ошибкою, но такую ошибку, кажется, можно простить; ибо не весьма легко человеку, равнявшемуся со славными авторами и весьма самолюбивому, признаться, что он пишет худо.

[1] Взыскивать через суд.

[2] *Бесчестие* — нанесение оскорбления, за которое обидчик подвергался по суду наказанию (обычно денежному штрафу).

но свой вексель с надписью, что по оному деньги получены, да для наступившей зимы супруге своей не худой на шубу мех. Пролаз долгом поквитался, а купец за то, что плута назвал бездельником, потерял свои деньги.

Пожалуйте, г. издатель, поместите мое письмо в ваших листах. Вы одолжите тем вашего слугу

Правдулюбова.

Из листа XXVI. Октября 20 дня

58

Г. издатель!

Из ваших сочинений приметил я, что вы к состоянию крестьян чувствительны. Вы о них сожалеете вообще: похвально, но коликого ж достойны сожаления те, кои во владении у худых помещиков! Я к вам сообщаю отписки одного старосты к его помещику и помещиков указ к крестьянам; вы из того усмотреть можете, как худые помещики над крестьянами данную власть употребляют во зло и что такие господа едва ли достойны быть рабами у рабов своих, а не господами.

Слуга ваш Правдин [1].

59

КОПИЯ С ОТПИСКИ

Государю Григорью Сидоровичу!

Бьют челом *** отчины твоей староста Андрюшка со всем миром.

Указ твой господский мы получили и денег оброчных со крестьян на нынешнюю треть собрали: с сельских ста душ сто двадцать три рубли двадцать алтын; с деревенских с пятидесяти душ шестьдесят один рубль семнадцать алтын, а в недоимке за нынешнюю треть осталось на сельских двадцать шесть рублев четыре гривны, на деревенских тринадцать рублев сорок девять копеек; да послано к тебе, государь, прошлой трети недоборных денег с сельских и деревенских сорок три рубли двадцать копеек, а больше собрать не могли: крестьяне скудны, взять негде, нынешним годом хлеб не родился, насилу могли семена в гумны собрать. Да бог посетил нас скотским падежом, скотина почти вся повалилась, а которая и осталась, так и ту кормить нечем, сена были худые, да и соломы мало, и крестьяне твои, государь, многие пошли по

---

[1] *Правдин* — по всей вероятности, псевдоним Д. И. Фонвизина; следующие далее «Копия с отписки», «Копия с другой отписки» и «Копия с помещичьего указа» написаны им. Некоторые исследователи считают автором этих произведений самого Новикова.

миру. Неплательщиков, по указу твоему господскому, на сходе сек нещадно, только они оброку не заплатили; говорят, что негде взять. С Филаткою, государь, как праволишь? денег не плотит, говорит, что взять негде: он сам все лето прохворал, а сын большой помер, остались маленькие робятишки, и он нынешним летом хлеба не сеял, некому было землю пахать, во всем дворе одна была сноха, а старуха его и с печи не сходит. Подушные деньги за него заплатил мир, видя его скудость, а за твою, государь, недоимку, по указу твоему, продано его две клети за три рубля за десять алтын, корова за полтора рубли, а лошади у него все пали; другая коровенка оставлена для робятишек, кормить их нечем: миром сказали, буде ты его в том не простишь, то они за ту корову деньги отдадут, а робятишек поморить и его в конец разорить не хотят. При сем послана к милости твоей Филаткина челобитная; как с ним сам поволишь, то и делай; а он уже не плательщик, покуда не подрастут робятишки: без скотины да без детей наш брат твоему здоровью не слуга. Миром, государь, тебе бьют челом о завладенной у нас Нахрапцовым земле; прикажи ходить за делом, он нас здесь разоряет и землю отрезал по самые наши гумна, некуда и курицы выпустить; а на дело, по указу твоему господскому, собрано тридцать рублев и к тебе посланы без доимки; за неплательщиков положили тяглые; только прикажи, государь, добиваться по делу. Нахрапцов на нас в городе подал явочную челобитную, будто мы у него гусями хлеб потравили, и по тому его челобитью была за мною из города посылка. Меня в отчине тогда не было, посыльные забрали в город шесть человек крестьян в самую работную пору, и я, государь, в город ездил, просил секретаря и воеводу, и крестьян ваших выпустили, только по тому делу стало миру денег шесть рублев, воз хлеба, да пять возов сена. Нахрапцов попался нам на дороге и грозился нас опять засадить в тюрьму, секретарь ему родня, и он нас очень обижает, отпиши, государь, к прокурору, он боярин добрый, ничего не берет, когда к нему на поклон придешь, и он твою милость знает, авось-либо он за нас вступится и секретаря уймет, а воевода никаких дел не делает, ездит с собаками, а дела все знает секретарь. Вступись, государь, за нас, своих сирот: коли ты за нас не вступишься, так нас совсем разорят, и Нахрапцов всех нас пустит в мир. Да еще твоему здоровью всем миром бьют челом о сбавке оброчных денег; нам уже стало невмоготу: после переписи у нас в селе и в деревне померло больше тридцати душ, а мы оброк платим все тот же: покуда смогли, так мы-таки твоей милости тянулись, а нынче стало уже не в мочь. Буде не помилуешь, государь, то мы все в конец разоримся; неплательщики все прибавляются, и я, по указу твоему, сбор делал всякое воскресенье и неплательщиков секу на сходе, только им взять негде, как ты с ними ни поволишь. Еще твоей милости доношу, ягоды и грибы нынешним летом не родились, бабы просят, чтобы изволил ты взять деньгами, по чему укажешь за фунт; да еще просят, чтобы за пряжу и за холстину изволил ты

взять деньгами. Лесу твоего господского продано крестьянам на дрова на семь рублев с полтиною, да на две избы по пяти рублев за избу. И деньги, государь, все с Антошкою посланы. При сем еще послано штрафных денег с Ипатки за то, что он в челобитье своем, тебя, государь, оболгал и на племянника сказал, будто он его не слушался и за тем с ним разошелся, взято по указу твоему тридцать рублев. С Антошки за то, что он тебя в челобитной назвал отцом, а не господином, взято пять рублев. И он на сходе высечен. Он сказал: «Я-де это сказал с глупости»,— и напредки он тебя, государя, отцом называть не будет. Дьячку при всем мире приказ твой объявлен, чтобы он впредь так не писал. Остаемся раби твои староста Андрюшка со всем миром, земно кланяемся.

Другая отписка и господский указ помещены будут в последующих листах.

Лист XXX. Ноября 17 дня

73

КОПИЯ С ДРУГОЙ ОТПИСКИ

Государю Григорью Сидоровичу!
Бьет челом и плачется сирота твой Филатка.

По указу твоему господскому, я, сирота твой, на сходе высечен, и клети мои проданы за бесценок, также и корова, а деньги взяты в оброк, и с меня староста правит остальных; только мне взять нигде, остался с четверыми робятишками мал мала меньше, и мне, государь, ни их, ни себя кормить нечем. Над робятишками и надо мною сжалился мир, видя нашу бедность, и дал корову, а за меня заплатили подушные деньги, а то бы пришло последнюю шубенку с плеч продать. Нынешним летом хлеба не сеял, да и на будущий земли не пахал, нечем подняться. Робята мои большие и лошади померли, и мне хлеба достать не на чем и не с кем, пришло пойти по миру, буде ты, государь, не сжалишься над моим сиротством. Прикажи, государь, в недоимке меня простить и дать вашу господскую лошадь, хотя бы мне мало-помалу исправиться и быть опять твоей милости тяглым крастьянином. За мною, покуда на меня бог и ты, государь, не прогневались, недоимки никогда не бывало, я всегда первый клал в оброк. Нынче пришло на меня невзгодье, и я поневоле сделался твоей милости неплательщиком. Буде твоя милость до меня будет и ты оботрешь мои сиротские и бедных моих робятишек слезы и дашь исправиться, так я и опять твоей милости буду крестьянин, а как подрастут робятишки, так я и добрый буду тебе слуга. Буде же ты, государь, надо мною не сжалишься, то я, сирота твой, и с малыми моими сиротишками поневоле пойду питаться христовым именем. Помилуй, государь наш, Григорей Сидорович, кому ж нам плакаться, как не тебе? Ты у нас вместо отца, и мы тебе всей душой ради служить. Да как

пришло не в мочь, так ты над нами смилуйся; наше дело крестьянское, у кого нам просить милости, как не у тебя. У нас в крестьянстве есть пословица: «До бога высоко, а до царя далеко» — так мы-таки все твоей милости кланяемся. Неужто у твоей милости каменное сердце, что ты над моим сиротством не сжалишься? Помилуй, государь, прикажи мне дать клячонку и от оброка на год уволить, мне без того никак подняться невозможно, ты сам, родимый, человек умный, и ты сам ведаешь, что как твоя милость без нашей братьи крестьян, так и мы без детей да без лошадей никуда не годимся. Умилосердися, государь, над бедными твоими сиротами. О сем просит со слезами крестьянин твой Филатка и земно и с робятишками кланяется.

74

КОПИЯ С ПОМЕЩИЧЬЕГО УКАЗА

Человеку нашему Семену Григорьеву!

Ехать тебе в *** наши деревни и по приезде исправить следующее:

1

Проезд отсюда до деревень наших и оттуда обратно иметь на счет старосты Андрея Лазарева.

2

Приехав туда, старосту при собрании всех крестьян высечь нещадно за то, что он за крестьянами имел худое смотрение и запускал оброк в недоимку, и после из старост его сменить, а сверх того взыскать с него штрафу сто рублей.

3

Сыскать в самую истинную правду, как староста и за какие взятки оболгал нас ложным своим докладом? За то прежде всего его высечь, а потом начинать следствием порученное тебе дело.

4

Старосты Андрюшки и крестьянина Панфила Данилова, по коем староста учинил ложной донос, обеих им домы опечатать и определить караул, а их самих отдать под караул в другой дом.

5

Если ж в чем-либо будут они чинить запирательство, то объяви им, что они будут отданы в город для наказания по указам.

6

И как нет сумнения, что староста донос учинил ложный, то за оное перевесть его к нам на житье в село ***; буде же он за даль-

ным расстоянием перевозиться и разорять себя не похочет, то взыскать с него еще пятьдесят рублев.

7

Сколько пожитков всякого звания осталося после крестьянина Анисима Иванова и получено крестьянином Панфилом Даниловым, то с него, Данилова, взыскать и взять в господский двор, учиня всему тому опись.

8

Крестьян в разделе земли по просьбе их поровнять по твоему благорассуждению, но притом, однако ж, объявить им, что сбавки с них оброку не будет и чтобы они, не делая никаких отговорок, оный платили бездоимочно; неплательщиков же при собрании всех крестьян сечь нещадно.

9

Объявить всем крестьянам, что к будущему размежеванию земель потребно взять выпись, и для того на оное собрать тебе со крестьян, сколько потребно будет на взятье выписи.

10

В начавшийся рекрутский набор с наших деревень рекрута не ставить, ибо здесь за них поставлен в рекруты Гришка Федоров за чиненные им неоднократно пьянствы и воровствы вместо наказания, а со крестьян за поставку того рекрута собрать по два рубли с души.

11

За ложное показание Панфила Данилова и утайку свойства других взять с него, вменяя в штраф, сто рублев и его перевесть к нам в село *** на житье, а когда он просить будет, чтобы полученные им неправильно пожитки оставить у него и его оставить на прежнем жилище, то за оное взыскать с него, опричь штрафных, двести рублев.

12

По просьбе крестьян у Филатки корову оставить, а взыскать за нее деньги с них, а чтобы они и впредь таким ленивцам потачки не делали, то купить Филатке лошадь на мирские деньги, а Филатке объявить, чтобы он впредь пустыми своими челобитными не утруждал и платил бы оброк без всяких отговорок и бездоимочно.

13

Старосту выбрать миром и подтвердить ему, чтобы он о сборе оброчных денег имел неусыпное попечение и неплательщиков бы

сек нещадно; буде же какие впредь явятся недоимки, то оное взыскано будет все со старосты.

14

За грибы, ягоды и проч. взять с крестьян деньгами.

15

Выбрать шесть человек из молодых крестьян и привесть с собою для обучения разным мастерствам.

16

По исправлении всего вышеписанного ехать тебе обратно, а старосте накрепко приказать неусыпное иметь попечение о сборе оброчных денег.

N. B. ***

ТРУТЕНЬ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ НА 1770 ГОД

Опасно наставленье строго,
Где зверства и безумства много.
Прит. г. Сумар.

Из листа XII. Марта 23 дня

36

КАРТИНЫ

I

Сия картина изображает мужчину низкого происхождения, который нашел случай приплестись в родню знатной фамилии. На правой стороне видны все нажиточные места, вокруг которых он, по милости своих родственников, терся. На левой его кладовая, заваленная почти вся сундуками, шкапами и мешками с деньгами: он наполнил ее всякими непозволенными средствами, а именно грабил и захватывал насильно чужое добро, брал на сохранение и не отдавал назад, а паче всего нажил он то лихоимством. Тут еще изображается несколько вдов, сирот и беспомощных, они его просят с заплаканными глазами и с распростертыми руками, и кажется, что они все хотят вымолвить: «Помилуй, покажи правосудие!» Но он со спокойным видом всегда говорит им: «Завтре». Над кладовою его надпись: «Сие добро, посредством моего умишка, мне бог дал». Живописец, писавший сию картину, не позабыл вдали изъяснить брошенные на пол изломанные весы, означающие правосудие, и так же истину поверженную.

КАРТИНА

II

Представляется вдовушка лет двадцати — ужесть, как недурна! — наряд ее показывает довольно знающую свет, подле нее в пребогатом уборе сидит согнувшийся старик, в виде любовника: он изображен отягченным подагрою, хирагрою, коликою, удушьем и, словом, всеми припадками, какие чувствуют старички при последнем издыхании. Спальна и кабинет сей вдовушки скрывают двух молодых ее любовников, которых она содержит на иждивении седого старика в должности помощников. Она делает это для облегчения старости своего возлюбленного.

«ЖИВОПИСЕЦ»
1772

Лист 5

II

ОТРЫВОК ПУТЕШЕСТВИЯ В*** И*** Т*** [1]

ГЛАВА XIV

. . . . По выезде моем из сего города я останавливался во всяком почти селе и деревне, ибо все они равно любопытство мое к себе привлекали, но в три дни сего путешествия ничего не нашел я, похвалы достойного. **Бедность и рабство** повсюду встречалися со мною во образе крестьян. Непаханные поля, худой урожай хлеба возвещали мне, какое помещики тех мест о земледелии прилагали рачение. Маленькие покрытые соломою хижины из тонкого заборника, дворы, огороженные плетнями, небольшие адоньи хлеба, весьма малое число лошадей и рогатого скота подтверждали, сколь велики недостатки тех бедных тварей, которые богатство и величество целого государства составлять должны.

Не пропускал я ни одного селения, чтобы не расспрашивать о причинах бедности крестьянской. И слушая их ответы, к великому огорчению, всегда находил, что помещики их сами тому были виною. О человечество! тебя не знают в сих поселениях. О господство! ты тиранствуешь над подобными себе человеками. О блаженная добродетель, любовь ко ближнему, ты употребляешься во зло: глупые помещики сих бедных рабов изъявляют тебя более к лошадям и собакам, а не к человекам! С великим содроганием чув-

---

[1] По мнению большинства исследователей, автором «Отрывка» был А. Н. Радищев. Некоторые исследователи расшифровывают «И. Т.» как «Издатель «Трутня» (т. е. Н. И. Новиков), «Иван Тургенев», «Иван Тревогин» и т. д.

ствительного сердца начинаю я описывать некоторые села, деревни и помещиков их. Удалитесь от меня, ласкательство и пристрастие, низкие свойства подлых душ: истина пером моим руководствует!

Деревня Разоренная поселена на самом низком и болотном месте. Дворов около двадцати, стесненных один подле другого, огорожены иссохшими плетнями и покрыты от одного конца до другого сплошь соломою. Какая несчастная жертва, жестокости пламени посвященная нерадивостию их господина! Избы, или, лучше сказать, бедные развалившиеся хижины, представляют взору путешественника оставленное человеками селение. Улица покрыта грязью, тиною и всякою нечистотою, просыхающая только зимним временем. При въезде моем в сие обиталище плача я не видал ни одного человека. День тогда был жаркий, я ехал в открытой коляске, пыль и жар столько обеспокоивали меня дорогою, что я спешил войти в одну из сих развалившихся хижин, дабы несколько успокоиться. Извозчик мой остановился у ворот одного бедного дворишка, сказывая, что это был лучший во всей деревне и что хозяин оного зажиточнее был всех прочих, потому что имел он корову. Мы стучалися у ворот очень долго, но нам их не отпирали. Собака, на дворе привязанная, тихим и осиплым лаянием, казалось, давала знать, что ей оберегать было нечего. Извозчик вышел из терпения, перелез через ворота и отпер их. Коляска моя взвезена была на грязный двор, намощенный соломою, ежели оною намостить можно грязное и болотное место, а я вошел в избу растворенными настежь дверями. Заразительный дух от всякой нечистоты, чрезвычайный жар и жужжание бесчисленного множества мух оттуда меня выгоняли, а вопль трех оставленных младенцев удерживал во оной. Я спешил подать помощь сим несчастным тварям. Пришед к лукошкам, прицепленным веревками к шестам, в которых лежали без всякого призрения оставленные младенцы, увидел я, что у одного упал сосок с молоком; я его поправил, и он успокоился. Другого нашел обернувшегося лицом к подушонке из толстой холстины, набитой соломою; я тотчас его оборотил и увидел, что без скорой помощи лишился бы он жизни, ибо он не только что посинел, но и, почернев, был уже в руках смерти; скоро и этот успокоился. Подошед к третьему, увидел, что он был распеленан, множество мух покрывали лицо его и тело и немилосердно мучили сего робенка; солома, на которой он лежал, также его колола, и он произносил пронзающий крик. Я оказал и этому услугу, согнал всех мух, спеленал его другими, хотя нечистыми, но однако ж сухими пеленками, которые в избе тогда развешаны были, поправил солому, которую он, борохтаясь, ногами взбил; замолчал и этот. Смотря на сих младенцев и входя в бедность состояния сих людей, вскричал я: жестокосердый тиран, отъемлющий у крестьян насущный хлеб и последнее спокойство! посмотри, чего требуют сии младенцы! У одного связаны руки и ноги, приносит ли он о том жалобы? — Нет, он спокойно взирает на свои оковы.

Чего же требует он? — Необходимо нужного только пропитания. Другой произносил вопль о том, чтобы только не отнимали у него жизнь. Третий вопиял к человечеству, чтобы его не мучили. Кричите, бедные твари, сказал я, проливая слезы, произносите жалобы свои, наслаждайтесь последним сим удовольствием во младенчестве; когда возмужаете, тогда и сего утешения лишитесь. О солнце, лучами щедрот своих ***[1] озаряющее, призри на сих несчастных!

Оказав услугу человечеству, я спешил подать помощь себе: тяжкий запах в избе столь для меня был вреден, что я насилу мог выйти из оной. Пришед к своей коляске, упал я без чувства во оную. Приключившийся мне обморок был непродолжителен, я опомнился, спрашивал холодной воды, извозчик мой принес ее из колодезя, но я не мог пить ее по причине худого запаха. Я требовал чистой, но во ответ услышал, что во всей деревне лучше этой воды нет и что все крестьяне довольствуются сею пакостною водою. Помещики, сказал я, вы никакого не имеете попечения о сохранении здоровья своих кормильцев!

Я спрашивал, где хозяева того дома; извозчик ответствовал, что все крестьяне и крестьянки в поле, прибавя к тому, что когда был я в избе, то выходил он в то время за задние ворота посмотреть, не найдет ли там кого-нибудь из крестьян, что нашел он там одного спрятавшегося мальчика, который ему сказал, что, увидев издалека пыль от моей коляски, подумали они, что это едет их барин, и для того от страха разбежались. Они скоро придут, сказал извозчик, я их уверил, что мы проезжие, что ты боярин добрый, что ты не дерешься и что ты пожалуешь им на лапти. Вскоре после того пришли два мальчика и две девочки от пяти до семи лет. Они все были босиками, с раскрытыми грудями и в одних рубашках и столь были дики и застращены именем барина, что боялись подойти к моей коляске. Извозчик их подвел, приговаривая: «Не бойтесь, он вас не убьет, он боярин добрый, он пожалует вам на лапти». Робятишки, подведены будучи были близко к моей коляске, вдруг все побежали назад, крича: «Ай! ай! ай! берите все, что есть, только не бейте нас!» Извозчик, схватя одного из них, спрашивал, чего они испужались. Мальчишка, трясучись от страха, говорил: «Да! чего испужались... ты нас обманул... на этом барине красный кафтан... это никак наш барин... он нас засечет». Вот плоды жестокости и страха, о вы, худые и жестокосердые господа! вы дожили до того несчастия, что подобные вам человеки боятся вас, как диких зверей. «Не бойся, друг мой,— сказал я испуженному красным кафтаном мальчику,— я не ваш барин; подойди ко мне, я тебе дам денег». Мальчик оставил страх, подошел ко мне, взял денег, поклонился в ноги и, оборотясь, кричал другим: «Ступайте сюда, робята, это не наш барин, этот барин добрый, он дает деньги и не дерется!» Робятишки тотчас все ко мне прибежали; я

---

[1] *** — возможно, Россию.

дал каждому по нескольку денег и по пирожку, которые со мною были. Они все кричали: «У меня деньги! у меня пирог!»

Продолжение будет впредь.

Сие сатирическое сочинение, под названием путешествия в***, получил я от г. И. Т. с прошением, чтобы оно помещено было в моих листах. Если бы это было в то время, когда умы наши и сердца заражены были французскою нациею, то не осмелился бы я читателя моего попотчивать с этого блюда, потому что оно приготовлено очень солоно и для нежных вкусов благородных невежд горьковато. Но ныне премудрость, седящая на престоле, истину покровительствует во всех деяниях. Итак, я надеюсь, что сие сочиненьице заслужит внимание людей, истину любящих. Впрочем, я уверяю моего читателя, что продолжение сего путешествия удовольствует его любопытство.

Из листа 6

III

ВЕДОМОСТИ

В САНКТПЕТЕРБУРГЕ

Из Милионной

Здесь примечена великая перемена в продаже книг. Прежде жаловались, что на российском языке не было почти никаких полезных и ко украшению разума служащих книг, а печатались одни только романы и сказки, но однако ж их покупали очень много. Ныне многие наилучшие книги переведены с разных иностранных языков и напечатаны на российском, но их и в десятую долю против романов не покупают. Прежнему великому на романы и сказки расходу причиною было, как некоторые сказывают, невежество, а нынешнему малому наилучшим книгам расходу полагают причиною великое наше просвещение. И подлинно, благодаря бога мы ныне так стали разумны, что не только ничему уже не хотим учиться, но и за стыд почитаем упражняться в науках, а еще и паче во словесных. Что ж касается до подлинных наших книг, то они никогда не были в моде и совсем не расходятся, да и кому их покупать? просвещенным нашим господчикам они не нужны, а невежам и совсем не годятся. Кто бы во Франции поверил, ежели бы сказали, что «Волшебных сказок» разошлося больше сочинений Расиновых? А у нас это сбывается, «Тысячи одной ночи» продано гораздо больше сочинений г. Сумарокова. И какой бы лондонский книгопродавец не ужаснулся, услышав, что у нас двести экземпляров напечатанной книги иногда в десять лет насилу раскупятся? О времена! о нравы! Ободряйтесь, российские писатели! сочинения ваши скоро и совсем покупать перестанут.

ИЗВЕСТИЯ

Будущего июня 10 числа, в доме г. Наркиса, состоящем в Вертопрашной улице, будут разыгрываться лотерейным порядком сердца разных особ, в разные времена г. Наркисом плененные и за ветхостию к собственному его употреблению неспособные. При каждом сердце отданы будут и крепости[1] на оные, состоящие в любовных письмах и портрете. Билеты можно получать в собственном его доме, где и цена оным будет объявлена.

Недавно приехавший француз учредил для молодых благородных и мещанских детей школу, в которой преподавать будет все в карточных играх употребляемые хитрости и обманы, в каждый день от 10 пополудни до 5 часов пополуночи. Сей честный и некорыстолюбивый француз обязуется как сему, так и другим разным ко обогащению себя средствам обучать учеников своих без всякой платы. Но чтобы ученики его больше уважали его наставления и более бы имели прилежания к скорейшему обучению, то требует он только сей безделки, чтобы они играли с ним на чистые деньги. Впрочем, он клянется французскою своею совестию, что в скорое время учеников своих приведет в такое состояние, что они других обучать будут. Сей учитель живет в улице Раззорение в доме г. Бесстыднова.

Прибавление к сим ведомостям будет впредь.

Из листа 10

X

ОПЫТ МОДНОГО СЛОВАРЯ ЩЕГОЛЬСКОГО НАРЕЧИЯ

А

«Ах!» в щегольском наречии совсем противное от прежнего приняло знаменование. Прежде сие словцо изъявляло знаки удивления, сожаления и ужаса: первое его знаменование было всем полезно; старики показывали им свою досаду и удивление, любовники свою страсть, а стихотворцы более всех употребляли его во свою пользу, наполняя почасту одними ахами целое полустишие. Но щеголихи всех их лишили сего междометия, переменив его употребление. В их наречии «Ах» большею частию преследуется смехом, а иногда говорится в ироническом смысле; итак, удивительный и ужасный «Ах» переменился в шуточное восклицание, да это и давно пора было сделать: непросвещенные наши предки охотники были плакать, а мы больше любим смеяться; старинные

---

[1] *Крепости (купчие крепости)* — документы на право владения.

наши девушки, и под венцом стоя, плакали, а нынешние смеются, да притом же старый «Ах» поплакал довольно, так пора ему и посмеяться.

Примеры употребления старого и нового «Ах»

Ах, какой он негодный человек, он не любит свою жену, несмотря на то, что она разумна, добронравна, домоводна, хороша и сама его любит. Ах, как жалка его бедная жена!

Ах, как я сожалею об этом мальчишке, покойный его отец был мне друг и честный человек, он воспитывал его по долгу родительскому очень хорошо, научил его всему, вкоренял в него благонравие, честность и учтивость, да труды его были и не напрасны, покуда находился он под его присмотром. Я и теперь еще помню, как бывало плакивал этот старичок от радости, что имел столь завидного сына. Но нынешнее обхождение совсем его испортило и сделало наглым и дерзким повесою. Я и сам прежде радовался, когда бывал он у меня, а ныне и в дом его к себе не пускаю. Ах, как портит молодых людей худое сообщество, если они, по несчастию, в него попадают. Ну, ежели б бедный мой друг воскрес и увидел ныне своего сына. Ах, сколько бы он пролил слез, но не от радости, а с печали.

Ах, я погиб! моя жена изменяет мне... она меня больше не любит! Ах, в каком я мучительном нахожусь состоянии. Каким опытам, каким доказательствам и каким клятвам поверить можно, когда ее были ложны. Любовь ее ко мне была беспредельна, ежечасно видел я умножающуюся ко мне ее горячность, поминутно видел новые ласки, и я вкушал наисладчайшее удовольствие быть любиму страстно,— но Ах! все это миновалось, и осталось мучительное только одно напоминание моего блаженства. О, проклятое вольное обхождение, ты одно могло отнять у меня жену! Ах, как я несчастлив, что не могу позабыть сию неверную!.. О женщины, женщины, вы меня больше не обманете!

Мужчина, притащи себя ко мне, я до тебя охотница.— Ах, как ты славен! Ужесть, ужесть, я от тебя падаю!.. Ах... Ха, ха, ха.

Ах, мужчина, как ты не важен!

Ах, мужчина, как ты забавен! ужесть, ужесть, твои гнилые взгляды и томные вздохи и мертвого рассмешить могут. Ах, как ты славен, бесподобный болванчик! — Ну, если б сказала я тебе: люблю, так ведь бы я пропала с тобою.— По чести, ты бы до смерти меня залюбил,— не правда ли? Перестань, радость, шутить, это ничуть не славно.

Ха, ха, ха: ах, монкьор [1], ты уморил меня: он живет три года с женою

---

[1] Мое сердце *(франц.)*.

и по сю пору ее любит! Перестань, душенька, это никак не может быть: три года иметь в голове своей вздор.— Ах, как это славно! ха, ха, ха, необретаемые болванчики! — Ах, как он славен, с чужою женою и помахаться не смеет — еще и за грех ставит! Прекрасно, перестань шутить, по чести, у меня от этого сделается теснота в голове.— Ах, как это славно! ха, ха, ха.— Они до смерти друг друга залюбят.— Ах, мужчина, ты уморил меня.

Из листа 13

XVIII

АНГЛИЙСКАЯ ПРОГУЛКА

Прогуливаясь третьего дни по берегу, встретился я с одним из тех почтенных человеков, которые превосходительство поставляют не в пышности названия, но в доброте сердца. Сей господин со обыкновенною своею учтивостию и ласкою, свойственною только добродетельным людям, подошед, поздравлял меня с хорошим успехом живописцевых листов, уверяя притом, что они заслужили благоволение многих почтенных особ. Я начал было благодарить его за сие для меня приятное известие, но он, перервав мои слова, спрашивал, для чего я не издаю продолжения путешествия И *** Т ***.— Без сомнения дошли до вас, говорил он, толки, сим листочком произведенные, но вы не должны о том беспокоиться. Правда, что многие наша братья дворяне пятым вашим листом не довольны, однако ж ведайте и то, что многие за оный же лист и похваляют вас. На всех никто угодить не может, так старайтесь, по крайней мере, угождать тем, которые во своих требованиях справедливее других. Впрочем, я совсем не понимаю, продолжал он, почему некоторые думают, что будто сей листок огорчает целый дворянский корпус. Тут описан помещик, не имеющий ни здравого рассуждения, ни любви к человечеству, ни сожаления к подобным себе, и, следовательно, описан дворянин, власть свою и преимущество дворянское во зло употребляющий... * Кто не согласится, что есть дворяне, подобные описанному вами? Кто посмеет утверждать, что сие злоупотребление не достойно осмеяния? И кто скажет, что худое рачение помещиков о крестьянах не наносит вреда всему государству? Пусть вникнут в сие здравым рассуждением, тогда увидят, отчего остановляются и приходят в недоимку государственные поборы. Отчего происходит то, что крестьяне наши бывают бедны, отчего у худых помещиков и у крестьян их частые бывают неурожаи хлеба?..** . . . . . .
. . . .

Не все ли сие проистекает от употребления во зло преимущества дворянского? Когда ж неустроению сему причиною худые

* Тут следовали многие другие упрекания, относящиеся к худым помещикам, но я их исключил, опасаясь навлечь на себя сугубое негодование.

** Я и тут многое выключил для сказанных мною причин в первом примечании.

дворяне, то не достойны ли они справедливого порицания? Пусть скажут господа критики, кто больше оскорбляет почтенный дворянский корпус, я еще важнее скажу, кто делает стыд человечеству: дворяне ли, преимущество свое во зло употребляющие, или ваша на них сатира? Итак, верьте, примолвил он, что такие ваши сатиры не только что не огорчают дворян, украшенных добродетелию и знающих человечество, но паче еще и превозносят их. Правда, что в числе ваших критиков были и такие, которые порицали вас, будучи побуждаемы слепым пристрастием ко преимуществу дворянскому, но коль чудно и странно сие пристрастие! Как, защищать упорное такое преимущество, которым сами они и все честные и добросердечные дворяне никогда не пользуются?.. Я знаю еще недовольных вашим листком, но неудовольствие сих людей достойно того, чтобы вы имели к ним почтение, ибо они, не ведая вашей цели, никакого не могли поначалу сделать правильного заключения и потому из любви ко ближнему более сожалели, нежели осуждали, что вы не с той стороны принялися за сию сатиру. Напротив того, бранили вас надменные дворянством люди, которые думают, что дворяне ничего не делают неблагородного, что подлости одной свойственно утопать в пороках и что, наконец, хотя некоторые дворяне и имеют слабость забывать честь и человечество, однако ж, будто они, яко благорожденные люди, от порицания всегда должны быть свободны. Сии гордые люди утверждают, что будто точно сказано о крестьянах: «Накажу их жезлом беззакония», и, подлинно, они часто наказываются беззаконием. Что, по их мнению . . . .

. . . .

Мы привыкли, продолжал он, перенимать с жадностию все от иностранных, но, по несчастию нашему, почасту перенимаем только пороки их; например, когда были у нас в моде французы, то от обхождения с ними остались у нас легковерность, непостоянство, вертопрашество, вольность в обхождении, превосходящая границы, благоразумием учрежденные, и многие другие пороки. Французов сменили англичане: ныне женщины и мужчины взапуски стараются перенимать что-нибудь от англичан, все английское кажется нам теперь хорошо, прелестно, и все нас восхищает. И мы, по несчастию, столь пристрастны к чужестранному, что и самые пороки их нередко почитаем добродетелию. Французскую наглость называли мы благородною вольностию, а ныне английскую грубость именуем благородною великостию духа. Я говорю это, продолжал он, не в поношение обоих сих народов, ибо всяк ведает, что французы и англичане весьма много имеют доброго, но говорю единственно в доказательство пристрастного нашего к иностранным порокам прилепления. Кто захочет в истине сего мнения удостовериться, тот пусть пооглядится; я уверен, что он много найдет сему подобного . . . .

. . . .

Некоторые из нас удивлялися шатавшимся провинциальным анг-

лийским актерам, а своих имеем, которые равняются с наилучшими английскими актерами и актрисами, но, однако ж, они нам не удивительны, потому что они русские.

Когда ж все английское в такой у нас превеликой моде, то для чего любители иностранных вкусов не почитают пятый ваш листок в английском вкусе написанным: там дворяне критикуются так же, как и простолюдимы. Я сожалею, что вы в заглавии сего сочинения не написали: «Путешествие, в английском вкусе написанное»,— может быть, что это название, вместо порицания, привело бы его в моду. О времена! О нравы! сказал сей господин, вздохнувши. После сего усильно просил он меня, чтобы продолжение путешествия и сие его рассуждение напечатал я в моих листах под названием «Английская прогулка». Сколько ни отговаривался я от сей просьбы, но, однако ж, убежден был уверениями его, что сие рассуждение не будет противно дворянам истинно благородным. Итак, в удовольствие его я сообщаю и то и другое, прося притом извинения, что выключил нечто из его рассуждений: это показалося мне необходимо нужным.

Из листа 14

XX

ПРОДОЛЖЕНИЕ ОТРЫВКА ПУТЕШЕСТВИЯ В*** И*** Т***

ГЛАВА XIV

Между тем солнце, совершив свое течение, погружалось в бездну вод, дневный жар переменялся в прохладность, птицы согласным своим пением начали воспевать приятность ночи, и сама природа призывала всех от трудов к покою. Между тем богачи, любимцы Плутовы[1], препроводя весь день в веселии и пированиях, к новым приготовлялися увеселениям. Люди праздные, скучающие драгоценностию времени, потеряв сей день бесполезно, возвращались на ложе свое спокойными и радовались, что один день убавился из их века. Худый судья и негодный подьячий веселились, что в минувший день сделали прибыток своему карману и пролили новые источники невинных слез. Волокиты и щеголихи, препроводя весь день в нарядах, скакали на берег* для свиданья. Ревнивые супруги и любовники затерялись во своих покоях и проклинали вольное обхождение. Устарелые щеголихи воспаляли великое число восковых свеч и, устроя лице свое различными хитростьми, торжествовали восхождение престарелыя луны, своея благотворительницы, которая бледным своим светом

[1] Богачи.

* Надобно думать, что это путешествие писано в то время, когда прогуливание по берегу было в моде.

оживляла увядшие их прелести. Игроки собирались ко всеночному бдению за карточными столами и там, теряя честь, совесть и любовь ко ближнему, приготовлялись обманывать и разорять богатых простачков всякими непозволенными способами. Другие игроки везли с собою в кармане труды и пот своих крестьян целого года и готовились поставить на карту. Купец веселился, считая прибыток того дня, полученный им на совесть, и радовался, что на дешевый товар много получил барыша. Врач благодарил бога, что в этот день много было больных, и радовался, что отправленный им на тот свет покойник был весьма молчаливый человек. Стряпчий доволен был, что в минувший день умел разорить зажиточного человека и придумать новые плутовства для разорения других по законам. А крестьяне, мои хозяева, возвращались с поля в пыли, в поте, измучены и радовались, что для прихотей одного человека все они в прошедший день много сработали.

Вошед на двор и увидев меня в коляске, все они поклонились в землю, а старший из них говорил: «Не прогневайся, господин доброй, что нас никого не прилучилося дома. Мы все, родимой, были в поле: царь небесной дал нам ведро, и мы торопимся убрать живо, покуда дожжи не захватили. По сёсь день господень все-таки у нас, родимой, погода стоит добрая, и мы почти со всем господским хлебом управились, авось-таки милосливой Спас подержит над нами свою руку и даст нам еще хорошую погоду, так мы и со своим хлебишком управимся. У нашего боярина такое, родимой, поверье, что как поспеет хлеб, так сперва всегда его боярской убираем, а с своим-то, де, изволит баять, вы поскорее уберетесь. Ну, а ты рассуди, кормилец, ведь мы себе не лиходеи: мы бы и рады убрать, да как захватят дожжи, так хлеб-от наш и пропадет. Дай ему бог здоровья! Мы на бога надеемся: бог и государь до нас милосливы, а кабы да Григорей Терентьевич также нас миловал, так бы мы жили, как в раю».— «Подите, друзья мои,— сказал я им,— отдыхайте: взавтра воскресенье, и вы, конечно, на работу не пойдете, так мы поговорим побольше».— «И, родимой! — сказал крестьянин,— как не работать в воскресенье! Помолясь богу, не што же делать нам, как не за роботу приниматься, кабы да по всем праздникам нашему брату гулять, так некогда бы и роботать было? Ведь мы, родимой, не господа, чтобы и нам гулять, полно того, что и они гуляют». После чего крестьяне пошли, а я остался во своей коляске и, рассуждая о их состоянии, столь углубился в размышления, что не мог заснуть прежде двух часов пополуночи.

На другой день, поговоря с хозяином *, я отправился во свой

* Я не включил в сей листок разговор путешественника со крестьянином по некоторым причинам: благоразумный читатель и сам их отгадать может. Впрочем, я уверяю моего читателя, что сей разговор, конечно бы, заслужил его любопытство и показал бы ясно, что путешественник имел справедливые причины обвинять помещика Разоренной деревни и подобных ему.

путь, горя нетерпеливостию увидеть жителей **Благополучныя деревни**: хозяин мой столько насказал мне доброго о помещике тоя деревни, что я наперед уже возымел к нему почтение и чувствовал удовольствие, что увижу крестьян благополучных.

Лист 15

XXIII

Господин Живописец, поместите, пожалуйте, следующее письмо в ваши листы, буде возможно; содержание его, кажется, заслуживает это, чтобы вы исполнили просьбу

Вашего покорного слуги П. Р.[1]

XXIV

ПИСЬМО УЕЗДНОГО ДВОРЯНИНА ЕГО СЫНУ

Сыну нашему, Фалалею Трифоновичу, от отца твоего Трифона Панкратьевича, и от матери твоей Акулины Сидоровны, и от сестры твоей Варюшки низкий поклон и великое челобитье.

Пиши к нам про твое здоровье: таки так ли ты поживаешь, ходишь ли в церковь, молишься ли богу и не потерял ли ты святцов, которыми я тебя благословил. Береги их, ведь это не шутка: меня ими благословил покойник дедушка, а его отец духовный ильинский батька. Он был болен черною немочью и по обещанью ездил в Киев: его бог помиловал, и киевские чудотворцы помогли, и он оттуда привез этот канунник и благословил дедушку, а он его возом муки, двумя тушами свиными, да стягом говяжьим. Не тем-то покойник свет будь помянут; он ничего своего даром не давал: дедушкины-та, свет, грехи дорогоньки становились. Кабы он, покойник, поменьше с попами возился, так бы и нам побольше оставил. Дом его был, как полная чаша, да и тут процедили. Ведь и наш батько Иван, кабы да не я таков был, так он бы готов хоть кожу содрать: то-то поповские завидливые глаза, прости господи мое согрешение! А ты, Фалалеюшка, с попами знайся, да берегись: их молитва до бога доходна, да убыточна... Как отпоешь молебен, так можно ему поднести чарку вина, да дать ему шесть денег, так он и доволен. Чего ж ему, прости господи, ведь не рожна? Да полно, нынче и винцо-та в сапогах ходит, экое времячко, вот до чего дожили, что и вина своего нельзя привезть в город, пей-де вино государево с кружала, да делай прибыль откупщикам. Вот какое рассуждение! А говорят, что всё хорошо делают; поэтому скоро и из своей муки нельзя будет

[1] Кто был автором цикла, условно называемого «Письма к Фалалею», окончательно не установлено. Большинство имеющихся данных свидетельствует, что автором мог быть Д. И. Фонвизин. Некоторые исследователи приписывают авторство Новикову.

испечь пирога. Да что уж и говорить, житье-то наше, дворянское, нынече стало очень худенько. Сказывают, что дворянам дана вольность, да черт ли это слыхал, прости господи, какая вольность? Дали вольность, а ничего не можно своею волею сделать, нельзя у соседа и земли отнять, в старину-то было нам больше вольности; бывало, отхватишь у соседа земли целое поле, так ходи же он да проси, так еще десять полей потеряет, а вина, бывало, кури сколько хочешь, про себя сколько надобно, да и продашь на сотню места. Коли воевода приятель, так кури смело в его голову: то-то была воля-та! Нынче и денег отдавать в проценты нельзя, больше шести рублей брать не велят, а бывало так бирали на сто и по двадцати по пяти рублей. Нет-ста, кто что ни говори, а старая воля лучше новой. Нынче только и воли, что можно вытить из службы да поехать за море, а не слыхать, что там делать: хлеб-ат мы и здесь едим, да таково ж живем. А из службы тогда, хоть и не вольно было вытить, так были на это лекари: отнесешь ему барашка в бумажке, да судье другого, так и отставят за болезнями. Да уж, бывало, как приедешь в деревню-та, так это наверстаешь: был бы только ум, да знал бы приказные дела, так соседи и не куркай. То-то было житье; ты, Фалалеюшка, не запомнишь этого. Сестра твоя, Варя, посажена за грамоту, батько Иван сам ей начал азбуку в ее именины; ей минуло пятнадцать лет: пора, друг мой, и об этом подумать, ведь уж скоро и женихи станут свататься, а без грамоты замуж ее выдать не годится: и указа самой прочесть нельзя. Отпиши, Фалалеюшка, что у вас в Питере делается: сказывают, что великие затеи. Колокольню строют и хотят сделать выше Ивана Великого, статошное ли это дело; то делалось по благословению патриаршему, а им как это сделать. Вера-та тогда была покрепче, во всем, друг мой, надеялись на бога, а нынче она пошатнулась, по постам едят мясо и хотят сами все сделать, а все это проклятая некресть делает: от немцев житья нет! Как поводимся с ними еще, так и нам с ними быть во аде. Пожаласта, Фалалеюшка, не погуби себя, не заводи с ними знакомства, провались, они, проклятые! Нынче и за море ездить не запрещается, а в «Кормчей книге» положено за это проклятие. Нынче все ничего, и коляски пошли с дышлами, а и за это также положено проклятие; нельзя только взятки брать, да проценты выше указных: это им пуще пересола; а об этом в «Кормчей книге» ничего и не написано; на моей душе проклятия не будет: я и по сю пору езжу в зеленой своей коляске с оглоблями. Меня отрешили от дел за взятки; процентов больших не бери, так от чего же и разбогатеть. Ведь не всякому бог даст клад: а с мужиков ты хоть кожу сдери, так не много прибыли. Я, кажется-таки, и так не плошаю, да что ты изволишь сделать: пять дней ходят они на мою работу, да много ли в пять дней сделают; секу их нещадно, а все прибыли нет, год от году все больше мужики нищают, господь на нас прогневался, право, Фалалеюшка, и ума не приложу, что с ними делать. Приехал к нам сосед Брюжжалов

и привез с собою какие-то печатные листочки и, будучи у меня, читал их. Что это у вас, Фалалеюшка, делается, никак с ума сошли все дворяне, чего они смотрят, да я бы ему, проклятому, и ребра живого не оставил. Что за живописец такой у вас проявился, какой-нибудь немец, а православный этого не написал бы. Говорит, что помещики мучат крестьян, и называет их тиранами, а того, проклятой, и не знает, что в старину тираны бывали не крещеные и мучили святых: посмотри сам в Чети Минеи, а наши мужики ведь не святые, как же нам быть тиранами? Нынче же это и ремесло не в моде, скорее в воеводы добьешься, нежели во [1].— Да полно, это не наше дело. Изволит умничать, что мужики бедны, эдакая беда, неужто хочет он, чтобы мужики богатели, а мы бы, дворяне, скудели, да этого и господь не приказал, кому-нибудь одному богатому быть надобно, либо помещику, либо крестьянину: ведь не всем старцам в игумнах быть. И во святом писании сказано: «Друг другу тяготы носите и тако исполните закон Христов», они на нас работают, а мы их сечем, ежели станут лениться, так мы и равны — да на что они и крестьяне: его такое и дело, что работай без отдыху. Дай-ка им волю, так они и не ведь что затеют. Вот-те на, до чего дожили, только я на это смотреть не буду, ври себе он, что хочет, а я знаю, что с мужиками делать * . . . .

. . . .

О, коли бы он здесь был, то-то бы потешил свой живот, все кости у него сделал, как в мешке. Что и говорить, дали волю, тут небось не видят, и знатные господа молчат; кабы я был большим боярином, так управил бы его в Сибирь. Эдакие люди за себя не вступятся! Ведь и бояра с мужиками-та своими поступают не по-немецки, а все-таки так же по-русски, и их крестьяне не богатее наших. Да что уж и говорить, и они свихнулись. Недалеко от меня деревня Григорья Григорьевича Орлова, так знаешь ли, по чему он с них берет: стыдно и сказать, по полтора рубли с души, а угодьев-та сколько, и мужики какие богатые, живут себе, да и гадки не мают [2], богатее иного дворянина, ну, а ты рассуди сам, что от этого прибыли, что мужики богати, кабы перетаскал в свой карман, так бы это получше было, здакий ум, то-то, Фалалеюшка, не к рукам эдакое добро досталось. Кабы эта деревня была моя, так бы я по тридцати рублей с них брал, да и тут бы их в мир еще не пустил; только что мужиков балуют. Эх! перевелись-ста старые наши большие бояра: то-та были люди, не только что со своих, да и с чужих кожи драли. То-то пожили да поцарствовали, как сыр в масле катались, и царское, и дворянское, и купецкое, все было их, у всех, кроме бога, отнимали, да и у того чуть тако

---

[1] Пропуск, следует читать «во святые».

* Я нечто выключил из сего письма: такие мнения оскорбляют человечество.

[2] Ни о чем не думают *(укр.)*.

не отни.— А нынешние господа, что за люди, и себе добра не хотят. Что уж и говорить: все пошло на немецкий манер. Нутка, Фалалеюшка, вздумай да взгадай да поди в отставку, полно, друг мой, ведь ты уже послужил, лбом стену не проломишь, а коли не то, так хоть в отпуск приезжай. Скосырь твой жив и Налетка, мать твоя бережет их пуще своего глаза; намнясь Налетку укусила было бешеная собака, да спасибо скоро захватили, ворожея заговорила. Ну, да полно, и было за это людям. Сидоровна твоя всем кожу спустила, то-то проказница, я за то ее и люблю, что уж коли примется сечь, так отделает, перемен двенадцать подадут: попросит небось воды со льдом, да это, нет ничего, лучше смотрят. За сим, писавый, кланяюсь. Отец твой, Трифон, благословение тебе посылаю.

Из листа 21

XXXVII

Возлюбленному о Христе брату радоватися!

Аще и не вем тя, кто еси, господине честный, обаче егда узрех во обители нашей у единого от старец твои ежеседмищные листы, абие уразумех, яко ты печешися очистити злонравие грешников, ово явными, ово сокровенными обличеньми. Дерзай ревнительно истины и не премолчи, ведяще, яко все, еже начертал еси, угодно показася и всей зде сущей братии. Возрадовася о труде твоем и пречестный отец игумен наш. Обаче нецыи окрест нас живущии повелеша написати к тебе сице: ты, кто еси судяй чуждему рабу, им же бо судом судиши, себе осуждаеши, таяжде бо твориши судяй. Мы же ничесоже противу тебе дерзаем рещи, яко и сам ты являешися чтити священный чин духовный и весь причет церковный. Аще же что возмниши написати во обличение иноческого жития, блюди себе, да не како... Но кое благодарение воздати можем православным праотцем нашим, иже умудришася положити жилище наше во оградех! При сем молим тя, господине честный, ополчитися противу кощунствующих, от них же некоего видех аз толико бесчинна, яко вземшу ему сткляницу вина церковным гласом дерзновенно воспети о ней сицевое блядословие: «возвеселитеся пьяница о сткляшице и уповает на вино»[1]. Виждь како изменити дерзнуша сынове церкве душеспасительная словеса ея! Но больша сих узриши, аще отверзеши очи твои на дела законопреступников. Мнози бо от нечестивых юношей. . . . . Прочее, господине честный, не престаем моляще твое благоутробие, да нечто превозвестиши и в нашу пользу, сиречь еже умножитися подаянию во обитель нашу. Сего ради благоговейне целуют тя во первых отец игумен с братиею, та же особо бывшие иногда отец келарь, отец казначей,

[1] Слова из церковной сатиры XVII в. «Служба кабаку».

отец эконом, отец ризничий, отец уставщик, отец гробовый, отец конюшенный, отец крепостный, отец трапезенный, отец рухлядный, отец чашник, отец площадный, отец будильник, отец подкеларник, отец смиренный и прочии их же не веси, вси целуют тя лобзанием святым. Аз же есмь

недостойный богомолец твой
Тарасий.

XXXVIII

Пречестный отец Тарасий!

Послание твое, еже угодно тебе показася начертати ко мне, аще и недостойному толикия благости и грешнику сущу, аз получих и егда прочтох его, абие положих е на скрыжали сердца моего, да вразумлюся и поучуся словесем твоим по внегда ходити ми по стопам заповедей твоих. Но оле безумия нашего, поучати бо токмо навыкохом, а не поучатися. Всяк аще и юн сый, дерзновенно укоряет брата своего и затыкает ушеса своя, егда рекут ему: ты кто еси судяй. Возведи, премудрый старец, очи твои окрест тебе и виждь братию твою. Семо поучают, а идеже поучаются? Онде исправляют, и где исправляются? Не исправятся убо поучаемые, дондеже не исправятся поучающии. Но блюду себе, по словеси твоему, да некако... Прочее не престаю моля твое преподобие, да устроиши вся на пользу души моея, можеши бо вся, елико же восхощеши. Исповедую бо пред всеми, яко грешник есмь, и не имам иное, что принести тебе, токмо сердце чисто и дух сокрушен. Та же со смирением реку тебе словеса священная: удобее есть вельбуду проити сквозе иглины уши, неже богату внити в царствие небесное. Но да не возмнят нецыи, яко кощунства единого ради начертах словеса сия: ей, измлада не навычен есмь сему и не явлюся николи же греху сему причастен. Воистину николи же до кончины дней моих, аминь. Целует тя

недостойный Живописец.

Из листа 23

XLIV

Господин Живописец!

Признаюсь, что я на вас весьма роптал, когда увидел в ваших листочках и то письмо, которое ко мне отец мой писал. Я тогда стыдился за порог выйти: мне казалось, будто всякий думает то же самое и обо мне, что об отце моем, и я боялся, чтобы не стали указывать на меня пальцами. Но теперь я очень сердит на моего отца, и потому досада моя на вас окончалась, и заступила благодарность ее место. Я сообщаю к вам письма, одно от отца моего,

другое от матери, а третье от дяди и четвертое мною в ответ на их письма написанное. Пускай разум их откроется свету, пусть в мое отмщение посмеются им люди и пусть свет узнает, каких свойств

Ваш усердный слуга
Фалалей ***.

XLV

Сыну моему Фалалею

Так-то ты почитаешь отца твоего, заслуженного и почтенного драгунского ротмистра, тому ли я тебя, проклятого, учил и того ли от тебя надеялся, чтобы ты на старости лет отдал меня на посмешище целому городу? Я писал к тебе, окаянному, в наставление, а ты это письмо отдай напечатать. Погубил ты, супостат, мою головушку, пришло с ума сойти! Слыханное ли это дело, чтобы дети над отцами своими так ругались! Да знаешь ли ты это, что я тебя за непочтение к родителям, в силу указов, велю высечь кнутом, меня бог и государь тем пожаловали, я волен и над животом твоим, видно, что ты это позабыл! Кажется, я тебе много раз толковал, что ежели отец или мать сына своего и до смерти убьют, так за это положено только церковное покаяние. Эй, сынок, спохватись! не сыграй над собою шутки, ведь недалеко великий пост, попоститься мне не мудрено, Петербург не за горами, я и сам могу к тебе приехать. Ну, сын, я теперь тебя в последний раз прощаю, по просьбе твоей матери, а ежели бы не она, так уж бы я дал тебе знать себя. Я бы и ее не послушался, ежели бы она не была больна при смерти. Только смотри, впредь берегись, ведь ежели ты окажешь еще какое ко мне непочтение, так уж не жди никакой пощады, я не Сидоровне чета, у меня не один месяц проохаешь, лишь бы только мне до тебя дорваться. Слушай же, сынок, коли ты хочешь опять прийти ко мне в милость, так просись в отставку, да приезжай ко мне в деревню. Есть кому и без тебя служить, пускай кабы не было войны, так бы хоть и послужить можно было, это бы свое дело, а то ведь ты знаешь, что нынча время военное, неровно как пошлют в армию, так пропадешь ни за копейку. Есть пословица: богу молись, а сам не плошись, уберись-ка в сторонку, так это здоровее будет. Поди в отставку да приезжай домой, ешь досыта, спи сколько хочешь, а дела за тобой никакого не будет. Чего тебе лучше этого? За честью, свет, не угоняешься; честь! честь! худая честь, коли нечего будет есть. Пусть у тебя не будет Егорья, да будешь ты за то поздоровее всех егорьевских кавалеров. С Егорьем-то и молодые люди частехонько поохивают, а которые постарее, так те чуть дышут: у кого руки перестреляны, у кого ноги, у иного голова, так радостно ли отцам смотреть на детей изуродованных, и невеста ни одна не пойдет. А я тебе уже и приискал было невесту. Девушка не убогая, грамоте

и писать умеет, а пуще всего, великая экономка: у нее ни синий порох даром не пропадет, такую-то, сынок, я тебе невесту сыскал. Дай только бог вам совет да любовь, да чтобы тебя отпустили в отставку. Приезжай, друг мой, тебе будет чем жить: опричь невестина приданого, я накопил довольно. Я и позабыл было тебе сказать, что нареченная твоя невеста — двоюродная племянница нашему воеводе, ведь это, друг мой, не шутка: все наши спорные дела будут решены в нашу пользу, и мы с тобою у иных соседей землю обрежем по самые гумна: то-то любо, и курицы некуда будет выпустить. Со всем будем ездить в город, то-то, Фалалеюшка, будет нам житье, никто не куркай. Да полно, что тебя учить, ты ведь уже не малой робенок, пора своим умком жить. Ты видишь, что я тебе не лиходей, учу всегда доброму, как бы тебе жить было поприготнее. Да и дядя твой, Ермолай, чуть тако не то же ли тебе советует, он хотел писать к тебе с тем же ездоком. Мы с ним об этом поговорили довольно, сидя под любимым твоим дубом, где бывало ты в молодых летах забавлялся: вешал собак на сучьях, которые худо гоняли за зайцами, и секал охотников за то, когда собаки их перегоняли твоих. Куда какой ты был проказник смолоду! Как, бывало, примешься пороть людей, так пойдет крик такой и хлопанье, как будто за уголовье в застенке секут, таки бывало животики надорвем от смеха. Молись, друг мой, богу, ума у тебя довольно, можно век прожить. Не испугайся, Фалалеюшка, у нас не здорово, мать твоя, Акулина Сидоровна, лежит при смерти. Батько Иван исповедал ее и маслом особоровал. А занемогла она, друг мой, от твоей охоты: Налетку твою кто-то съездил поленом и перешиб крестец, так она, голубушка моя, как услышала, так и свету божьего не взвидела, так и повалилась! А после, как опомнилась, то пошла это дело разыскивать и так надсадила себя, что чуть жива пришла и повалилась на постелю, да к тому ж выпила студеной воды целый жбан, так и присунулась к ней огневица. Худа, друг мой, мать твоя, очень худа, на ладон дышет, я того и жду, как сошлет бог по душу. Знать что, Фалалеюшка, расставаться мне с женою, а тебе и с матерью и с Налеткою, и она не лучше матери. Тебе, друг мой, все-таки легче моего: налеткины щенята, слава богу, живы! авось-таки который-нибудь удастся по матери, а мне уж эдакой жены не нажить. Охти мне, пропала моя головушка, где мне за всем одному усмотреть! Не сокруши ты меня, приезжай да женись, так хоть бы тем я порадовался, что у меня была бы невестка. Тошно, Фалалеюшко, с женою расставаться, я, было, уж к ней привык, тридцать лет жили вместе, как у печки погрелся! Виноват я перед нею: много побита она от меня на своем веку, ну, да как без этого, живучи столько вместе и горшок с горшком столкнется; как без того! я крут больно, а она не уступчива, так, бывало, хоть маленько, так тотчас и дойдет до драки. Спасибо хоть за то, что она отходчива была. Учись, сынок, как жить с женою, мы хоть и дирались с нею, да все-таки живем вместе, и мне ее теперь, право, жаль. Худо, друг мой, и ворожеи

не помогают твоей матери, много их приводили, да пути нет, лишь только деньги пропали. Засим писавый кланяюсь, отец твой Трифон, благословение тебе посылаю.

Прочие письма и ответ к г. Фалалею помещены будут в следующих листах.

Из листа 24

XLVII

Свет мой, Фалалей Трифонович!

Что ты это, друг мой сердечный, накудесил, пропала бы твоя головушка, ведь ты уже таперь знаешь Панкратьевича, как ты себя не бережешь, ну кабы ты, бедненький, попался ему в руки, так ведь бы он тебя изуродовал пуще божьего милосердия. Нечего, Фалалеюшка, норовок-ат у него, прости господи, чертовский, уж я ли ему не угождаю, да и тут никогда не попаду в лад. Как закуралесит, так и святых вон понеси. А ты, батька мой, что это сделал, отдай письмо его напечатать, ведь ему все соседи смеются: экий-де у тебя сынок, что и над отцом ругается. Да полно ведь, Фалалеюшка, всех речей не переслушаешь, мало ли что лихие люди говорят, бог с ними, у них свои детки есть, бог им заплатит. Чужое-то робя всегда худо, наши лучше всех, а кабы оглянулись на своих деток, так бы и не то еще увидели. Побереги ты, мой батько, сам себя, не рассерди отца-то еще, с ним и черт тогда уже не совладеет. Отпиши к нему поласковее, да хоть солги что-нибудь, ведь это не какой грех, не чужого будешь обманывать, своего родного, и все дети не праведники, как перед отцом не солгать. Отцам да матерям на детей не насердиться: свой своему поневоле друг. Дай бог тебе, друг мой сердечный, здоровье, а я лежу на смертной постеле, не умори ты меня безвременно, приезжай к нам поскорее, хоть бы мне на тебя насмотреться в последний раз. Худо, друг мой, мне приходит, нечего, очень худо, обрадуй, свет мой, меня, ты ведь у меня один одинехонек, как синий порох в глазе, как мне тебя не любить, кабы у меня было детей много, то бы свое дело. Заставай, батька мой, меня живую, я тебя благословлю твоим ангелом, да отдам тебе все мои денжонки, которые украдкою от Панкратьевича накопила, ведь для тебя же, мой свет, отец-ат тебе несколько дает денег, а твое еще дело детское, как не полакомиться, как не повеселиться, твои, друг мой, такие еще лета, чтобы забавляться: мы и сами смолоду таковы же бывали. Веселись, мой батюшка, веселись, придет такая пора, что и веселье на ум не пойдет. Послала я к тебе, Фалалеюшка, сто рублей денег, только ты об них к отцу ничего не пиши, я это сделала украдкою, кабы он сведал про это, так бы меня, свет мой, забранил. Отцы-та всегда таковы, только что брюжжат на детей, а никогда

не потешат. Мое, друг мой, не отцовское сердце, материнское, последнюю копейку из-за души отдам, лишь бы ты был весел и здоров. Батька ты мой, Фалалей Трифонович, дитя ты мое умное, дитя разумное, дитя любезное, свет мой умник, худо мне приходит, как мне с тобою расставаться будет, на кого я тебя покину? Погубит он, супостат, мою головушку, этот старый хрыч когданибудь тебя изуродует. Береги, мой свет, себя, как можно береги: плетью обуха не перебьешь, что ты с эдаким чертом, прости господи, сделаешь. Приезжай, мой батька, к нам в деревню, как таки можно, приезжай, дай мне на себя насмотреться, сердце мое послышало, что приходит мой конец. Прости, мой батюшка, прости, свет мой, благословение тебе посылаю, мать твоя Акулина Сидоровна, и нижайший, мой свет, поклон приношу. Прости, голубчик мой, не позабудь меня.

XLVIII

Любезному племяннику моему Фалалею Трифоновичу от дяди твоего Ермолая Терентьевича низкий поклон и великое челобитье и при сем желаю тебе многолетнего здравия и всякого благополучия на множество лет, от Адама и до сего дне.

Было бы тебе вестно, что мы по отпуске сего письма все, слава богу, живы и здоровы, тако ж и отец твой, Трифон Панкратьевич, здравствует же, только Сидоровна, хозяйка его, а твоя мать, больно трудна: что подымешь, то и есть, а сама ни на волос не поворохнется. Вчерась отнялись у нее и руки и ноги, а теперь, чай, уж и не говорит, и при мне-та уж через мочь только намекала. Она заочно благословила тебя твоим ангелом, да Фарсульской богородицей, а меня Неопалимой[1]. Ну, брат племянник, мать-то твоя и перед смертью не тароватее стала! Оставила на помин душе такой образ, что и на полтора рубля окладу не наберется. Невидальщина какая! У меня образов-та и своих есть сотня места, да не эдаких, как жар, вызолочены, а эта, брат, Неопалима, подлинно что не опалит, и окладишко весь почернел, бог с нею! Спасибо хоть за то, что она в полном уме исповедалась и маслом особоровалась, хоть и умрет, так уж по-христиански. Дай бог всякому такую кончину! Да и тут, Фалалеюшка, кабы не я, так бы разве глухою исповедью[2] исповедывать. Уж я ей говорил: эй, Сидоровна, исповедайся, веть уже ты в гроб глядишь, так нет-ста, насилу прибили. А как приспичило, так давай попа, да уж за то в один день трижды исповедалась. Знать, что у нее многонько грешков-то скопилось. Приводили и ворожей, ничего, спасибо твоему отцу, не поскупился, да ничего не помогли. А после испо-

---

[1] *Фарсульская богородица, Неопалимая купина* — копии с чудотворных икон.

[2] *Глухая исповедь* — отпущение грехов человеку без сознания.

веди привели было еще одного, да уж и Сидоровна сама не захотела напрасно тратить деньги. Кому жить, Фалалеюшка, так будет притоманно[1] жив, а кому умереть, тому и ворожеи не пособят. Животом и смертью бог владеет. Аще ежели ему угодно будет прекратить дни ея, то приезжай погребсти грешное тело ея. Да и кроме того нам до тебя есть дело. Ну, Фалалеюшка! ведь матушка твоя скончалась, поминай, как звали. Я только теперь получил об этом известие, отец твой, сказывают, воет, как корова. У нас всегда бывает так: которая корова умерла, так та и к удою была добра. Как Сидоровна была жива, так отец твой бивал ее, как свинью, а как умерла, так плачет, как будто по любимой лошади. Приезжай, друг мой, Фалалеюшка, приезжай, бога ради, поскорее, хоть ненадолго, а буде можно, так и вовсе. Ты сам увидишь, что тебе дома жить будет веселее петербургского. А буде не угодно, то хоша туда просись, куда я тебе присоветую, сиречь к приказным делам, да только где похлебнее, наприклад, в экономические казначеи или в управители дворцовых волостей или куда-нибудь к подрядным либо таможенным делам. В таких местах кому ни удалось побыть, так все, бог с ними, сытехоньки стали. Иной уже теперь и в каменных палатах живет, а которые ни одной души за собою не имели, те уже нажили сотни и по две-три. Не в пронос сказать о нашем Авдуле Еремеевиче: хотя он не долго пожил при монастырских крестьянах, да уж всех дочек выдал замуж. За одной, я слышал, чистыми денежками десять тысяч дал да деревню тысяч в пять. А не совсем-таки разорился, бог с ним, про себя еще осталось. А кабы да его не сменили, так бы он и гораздо понагрел руки около нынешних рекрутских наборов. Знать, что тех молитва дошла до бога, которые в эту пору определились. Не житье им, масляница. Я бы-ста и сам не побрезгывал пойти в эдакие управители. Перепало бы кое-что и мне в карман: кресты да перстни все те же деньги, только умей концы хоронить. Я и поныне еще все стареньким живу. Кто перед богом не грешен, кто перед царем не виноват? не нами свет начался, не нами и окончается. Что в людях ведется, то и нас не минется. Лишь только поделись, Фалалеюшка, так и концы в воду. Неужто всех станут вешать? в чем кто попадется, тот тем и спасется. Грех да беда на кого не живет? Я и сам попался было одиножды под суд, однако дело-то пошло иною дорогою, и я очистился, как будто ни в чем не бывал. Но кабы ты сам сюда приехал, так бы мы обо всем поговорили лучше на словах, а писать-то страховато, неровно кому попадется в руки, так напляшесся досыта. При сем в ожидании тебя остаюсь дядя твой

Ермолай ***.

---

[1] Без всяких условий, по-настоящему, истинно.

ЖИВОПИСЕЦ
1773

Лист 5

VIII

На прошедшей неделе получил я с почтового двора письмо следующего содержания.

Слушай-ка, брат Живописец! на шутку, что ли, я тебе достался? Не на такого ты наскочил. Разве ты еще не знаешь приказных, так отведай, потягайся. Ведомо тебе буди, что я перед Владимирской поклялся и снял ее, матушку, со стены, в том, что как скоро приеду я в Петербург, то подам на тебя челобитье в бесчестье. Знаешь ли ты, молокосос, что я имею патент, которым повелевается признавать меня и почитать за доброго, верного и честного титулярного советника, ведаешь ли ты, что и в подлости* есть присловица: «Не поиман не вор, не поднята не...». А ты, забыв законы духовные, воинские и гражданские, осмелился назвать меня якобы вором. Чем ты это докажешь? Я хотя и отрешен от дел, однако ж не за воровство, а за взятки, а взятки не что иное, как акциденция. Вор тот, который грабит на проезжей дороге, а я бирал взятки у себя в доме, а дела вершил в судебном месте; кто себе добра не захочет? А к тому же я никого до смерти не убил, правда, согрешил перед богом и перед государем: многих пустил по миру, да это дело постороннее, и тебе до него нужды нет. Как перед богом не согрешить, как царя не обмануть, как у него не украсть? грешно украсть из кармана у своего брата, а это-то дело особое, у кого же и украсть, как не у царя, благодаря бога, дом у него как полная чаша, так хоть и украдешь, так не убудет. Глупой человек, да это и указами за воровство не почитается, а называется похищением казенного интереса. А похищение и воровство не одно: первое не что иное, как только утайка, а другое преступление против законов и достойно кнута и виселицы. Правда, бывали и такие примеры, что и за утайку секли кнутом, блаженной памяти при ***[1] это случалось, но ныне благодаря бога люди стали рассудительнее, и за реченную утайку кнутом секут только тех, которые малое число утаят, да это и дельно, не заводи дела из безделицы. А прочих, которые приличаются в утайке больших сумм, отпущают жить в свои деревни. Видишь ли ты, глупой человек, что ты умничаешь по-пустому. Кто тебя послушается? Я помню, как один господин, в бытность мою у него, рассуждал о тебе так: он-де

---

* Подлыми людьми, по справедливости, называться должны те, которые худые делают дела, но у нас, не ведаю по какому предрассуждению, вкралось мнение почитать подлыми людьми тех, кои находятся в низком состоянии.

[1] Возможно, при Петре I, но скорее при Елизавете, издавшей грозный указ против взяточничества.

делает бесчестье всем дворянам, пиша эдакие письма, что-де подумают иностранные об нас, когда увидят, что у нас есть дураки, плуты . . . .

. . . .

Понимаешь ли ты, что и верить этому не хотят, что есть бессовестные судьи, бесчеловечные помещики, безрассудные отцы, бесчестные соседи и грабители управители. Что ж ты из пустого в порожнее пересыпаешь? Мне кажется, брат, что ты похож на постельную жены моей собачку, которая брешет на всех и никого не кусает. А это называется брехать на ветер, по-нашему, коли брехнуть, так уж и укусить, да и так укусить, чтобы больно да и больно было. Да на это есть другие собаки, а постельным хотя и дана воля брехать на всех, только никто их не боится. Так-то и ты пишешь все пустое, кто тебя послушается или кто испугается, когда не слушаются и не боятся законов, определяющих казнь за преступление. Слыхал я от одного моего соседа историю, как один греческий мудрец сказал, увидя что — да полно, ведь не все надобно говорить, об ином полно, что и подумаешь. Ну, брат маляр, образумился ли ты? Послушай, хотя ты меня и обидел, однако ж я суда с тобою заводить не хочу, ежели ты разделаешься со мною добрым порядком и так, как водится между честными людьми. Сделаем мировую, заплати только мне да жене моей бесчестье, что надлежит по законам, а буде не так, то по суду взыщу с тебя все до копейки. Мне заплатишь бесчестье по моему чину, жене моей вдвое, трем сыновьям недорослям в полы против моего жалованья, четырем дочерям моим, девицам, вчетверо каждой, а к тому времени, авось-либо бог опростает мою жену и родит дочь, так еще и пятой заплатишь. Видишь ли, что я с тобою поступаю по-христиански, как довлеет честному и доброму человеку. Смотри не испорть этого сам и не разори себя. К эдаким тяжбам мне уже не привыкать, я многих молодчиков отделал так, что одним моим, жены моей и дочерей бесчестьем накопил трем дочерям довольное приданое. Что же делать, живучи в деревне, отставному человеку? Чем-нибудь надобно промышлять. Многие изволят умничать, что, живучи в деревне, можно-де разбогатеть одним домостроительством и хорошим смотрением за хлебопашеством, да я эдаким вракам не верю. Хлеб таки хлебом, скотина скотиною, а бесчестье в головах. Да полно, что об этом и говорить, на такие глупые рассуждения нечего смотреть: которая десятина земли принесет мне столько прибыли, как мое бесчестье? нет-ста, кто что ни говори, а я-таки свое утверждаю, что бесчестьем скорее всего разбогатеть можно. Есть и такие умники, которые проповедывают, что бесчестье брать бесчестно, но пусть они скажут мне, что почтеннее, честь или деньги, что прибыльнее, честь или деньги, что нужнее, честь или деньги? Коли есть деньги, так честь нажить не трудно, а с честью, право, не много наживешь денег. Так-то, брат, я рассуждаю, да я думаю, что и многие, хотя и не согласятся на сие словами, но в самом деле моим же правилам следуют. Итак, рассудя хорошенько, по-

жалуй, послушайся меня и не заводи тяжбы, так мы и останемся приятелями, а это нет ничего, что ты меня выбранил: брань на вороту не виснет, лишь бы деньги у меня были в кармане. А притом постарайся уговорить племянника моего Фалалея ***, чтобы он пошел в отставку и приезжал в деревню. Видно, что ты с ним приятель, потому что он отдает тебе все отцовские и материнские и мои письма для напечатания. Засим остаюсь

доброжелатель Ермолай.

Октября 22 дня
1772 года,
из сельца Краденова

IX

КАРТИНА ИЗ САМОЙ ДАЛЕЧАЙШЕЙ ДРЕВНОСТИ

Аппеллес, или правильнее сказать, Аппелл, ведая беду, в какую он впал чрез оклеветание, написал следующую картину: с правой стороны сидит человек с предлинными ушами, почти подобными Мидовым, и простирает руку ко Клевете, идущей издали. Подле него стоят две жены, Незнание, или Невежество, и Подозрение, с другой стороны идет Клевета, прекрасная женщина, но весьма гневна и разгоряченна, гнев на челе ее весьма ясно приметить можно. В левой руке держит большую горящую свечу, правою влечет за волосы юношу, подымающего руки на небо и богов в невинности своей свидетелями призывающего. Впереди идет бледный, безобразный с острыми глазами человек, подобный истощенному от долговременной болезни, зависть на лице его живыми красками изображена, за нею следуют другие две женщины, как приборщицы Клеветы, из них одна Ловитву, другая Обман представляет. После следует печально облеченная жена, которую Раскаянием называют: она со слезами и со стыдом оглядывается на последующую ей Истину.

М. Д. ЧУЛКОВ

ИЗ СБОРНИКА «ПЕРЕСМЕШНИК, ИЛИ СЛАВЕНСКИЕ СКАЗКИ»

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Господин читатель! Кто ты таков ни есть, для меня все равно, лишь только будь человек добродетельный, это больше всего: ты не можешь отгадать, с каким намерением выдаю я сие собрание слов и речей, ежели я не скажу тебе сам; только не подумай, что я намерен солгать и, впервые свидевшись с тобою, тебя обмануть. При первом свидании с кем бы то ни было я никогда не лгу; а разве уже довольно спознавшись, то дело сбытное.

Ежели можно мне поверить, как человеку, умеющему очень хорошо лгать и в случае нужды говорить поневоле правду *, то я скажу, что выпускаю сию книгу на волю не с тем, чтобы ею прославиться, потому что нечем, в сером кафтане с знатною госпожою амуриться не пристало, равномерно и с сею безделицею целому свету показаться невозможно; а единственно для того, чтоб научиться. Я прежде представляю, сколько будут о ней переговаривать, пересужать и исчислять все погрешности, тогда я, как человек посторонний, буду слушать их разговоры и впредь воздерживаться от моих слабостей; другое, что ежели бы я не выдал ее и покусился бы сочинить что-нибудь важное, то, не знав моих ошибок, положил бы их равно и в хорошем сочинении.

В сей книге важности и нравоучения очень мало или совсем нет. Она неудобна, как мне кажется, исправить грубые нравы; опять же нет в ней и того, чем оные умножить; и так, оставив сие обое, будет она полезным препровождением скучного времени, ежели примут труд ее прочитать.

Мнение древних писателей: если кто презирает малые вещи, тот никогда много разуметь не может. Я стараюсь быть писателем, если только когда-нибудь мне это удастся, и все мое желание основано на этом; и как сие еще первый мой труд, то не осмелился я приняться за важную материю, потому что вдруг не можно мне быть обо всем сведущу, а со временем, может быть, и получу сие счастье, что назовут меня сочинителем; и когда я снищу сие имя, то надобно, чтоб разум мой уже просветился и сделался я побольше сведущ: чего желаю сердечно и прошу моих знакомцев, чтоб и они также мне оного желали, ежели не позавидуют; а в доказательство своей дружбы, прочитав сию книгу, открывали бы приятельски мои в ней погрешности, что будет служить к моему поправлению.

Должен я извиниться в том, что в таком простом слоге моего сочинения есть несколько чужих слов. Оные клал я иногда для

* А это можно почти счесть обыкновением нынешнего света.

лучшего приятства слуху *, иногда для того, что мне они надобны были, или для того, чтоб над другими посмеяться, или для той причины, чтоб посмеялися надо мною. Человек, как сказывают, животное смешное и смеющееся, пересмехающее и пересмехающееся: ибо все мы подвержены смеху и все смеемся над другими.

Сверх же всего, есть такие у нас сочинители, которые русскими буквами изображают французские слова; а малознающие люди, которые учатся только одной грамоте, да и то на медные деньги, увидев их напечатанными, думают, что это красота нашему языку; и так вписывают их в записные книжки и после затверживают; и я слыхал часто сам, как они говорят: вместо «пора мне итти домой» — «время мне интересоваться ** на квартиру»; вместо «он, будучи так молод, упражняется в волокитстве» — «он, будучи так мал, упражняется в амурных капитуляциях»; и весь почитай гостиный двор говорит устами недавно проявившегося сочинителя. Я желал бы, чтоб господа, мало знающие язык, не следовали такому наставнику, для того что чужестранные слова совсем им не годятся и не всякий русский человек поймет их знаменование, да и зачем без нужды употреблять ненужное, и ежели сказать правду, то они служат больше нам вредом, нежели щеголеватым наречием.

Господин читатель! Прошу, чтобы вы не старалися узнать меня, потому что я не из тех людей, которые стучат по городу четырьмя колесами и подымают летом большую пыль на улицах; следовательно, тебе во мне нужды нет. Сколько мало я имею понятия, столько низко мое достоинство, и почти совсем не видать меня между великолепными гражданами; а если ты меня узнаешь, то непременно должен будешь по просьбе моей помогать моему состоянию, что будет для тебя, может быть, лишний труд; а есть много таких людей, которые совсем не охотники делать вспомоществования; так если ты из сего числа, то не старайся, пожалуй, и тогда смотреть на меня, когда будешь находить во мне некоторые признаки. Я бываю одет так, как все люди, и ношу кафтан с французскими борами; а что еще больше служит к примечанию, то от роду мне двадцать один год, и я человек совсем без всякого недостатка. Что касается до человечества, то есть во всем его образе, только крайне беден, что всем почти мелкотравчатым, таким, как я, сочинителям общая участь.

Мое мнение такое, но не знаю, как примет его общество: лучше писать худо, нежели совсем ничего не делать. Когда кто может что-нибудь, хотя не важное, расположить порядочно, то тот, мне кажется, легче приняться может и за хорошее, а когда же кто не располагал безделиц, тот важного никогда расположить не может.

---

* Многие уже наши граждане привыкли к щеголеватому французскому наречию и тем произвели во многих и неряхах к тому привычку.

** Вместо ретироваться; однако и это нехорошо, да нужда не в том, чтобы был смысл, а нужда только во французском слове.

Кто плавал по реке, тот смелее пускается в море. Привычка и частое упражнение в делах, слыхал я, приводят в совершенство. Когда желаем мы чему-нибудь научиться, то приступаем к нему весьма тупо, и от этого-то произошла пословица: «первую песенку зардевшись спеть».

Итак, великодушный и добродетельный человек извинит меня и пожелает, чтобы я научился; а если вооружатся на меня насмешники, которые из зависти больше стараются испортить человека, нежели исправить, потому что они не умеют и вместо разума имеют этот дар от природы, чтоб и худое и доброе пересмехать, не зная в обоих толку, то я скажу им сон, который я в прошедшую ночь видел.

Снилося мне, будто бы я гулял на Венериной горе и, поймав двух ее нимф, целовал столько, сколько мне заблагорассудилось, потому что целоваться с девушками превеликий я охотник. Вдруг услышал я голос умирающего ребенка: я и наяву жалостлив, а не только во сне; итак, бросился на избавление оному. Прибежавши на голос, увидел я сидящую злобную Ату, которая давила в своих коленях молодого сатира. Он уже почитай умирал, я вырвал его с превеликим трудом из ее рук и старанием моим спас его жизнь, которую уже было он готовился потерять. Вдруг предстал перед меня Меркурий и объявил, что прислан он от собрания богов, которые требуют меня к себе. Потом в один миг перенес меня на Олимп. Тут увидел я премного заседающих богов. Пан, подошед к Юпитеру, просил его, чтобы он за избавление мною его сына, которого хотела умертвить Ата, сделал мне награждение. Юпитер приказал подавать всем свои советы, чем бы наградить такого смертного, который возвратил жизнь Панову сыну. Момово мнение принято было лучше всех; он с позволения Зевесова подарил мне перо и сказал, что до скончания моей жизни могу я им писать, никогда не очиняя, и чем больше стану его употреблять, тем больше будет оно искуснее черкать. И так писал я им сию книгу, и как в первый раз его употребил, то можно видеть, что оно еще не описалось, а по обещанию Момову, может быть, оно придет со временем в совершенство и будет порядочнее чертить по бумаге.

Итак, выдавая сию книгу, припомнил я слова некоторого говоруна: кто желает отдаться морю, тот не должен на реке страшиться слабого волнения.

И под именем реки разумею я насмешников, против которых и мой рот также свободно раствориться может, только думаю, что им мало будет выигрыша шутить с таким маловажным человеком, который бывает иногда легче бездушного пуху и который в случае нужды также отшучиваться умеет.

Нижайший и учтивый слуга общества и читателя

Россиянин.

ПОВЕСТЬ «В ЧУЖОМ ПИРУ ПОХМЕЛЬЕ»

Попал и Милозор — неубогие нашей империи дворяне, великие между собою друзья и довольно по городу знатные люди. Милозор был холост, а друг его женат; хотя и сомнительно, чтоб между такими людьми могло быть сохраняемо дружество, однако они довольно старались умножать его и почитали за удовольствие быть верными друзьями. Ревность к жене Попала не запрещала Милозору быть всякий день в его доме и обходиться свободно с его супругою, которая называлась Прекраса. Попал, положась на дружество своего приятеля, нимало не сомневался в его честности. Напротив того, и Милозор хранил ее столько, сколько добродетельный и разумный человек сохранить ее может. Он не только сделать, но и подумать не хотел, чтоб опорочить брачное ложе своего друга и приставить ему рога, хотя и имел в себе довольно достоинства, чтоб поколебать верность его супруги, для того что в нынешние времена всякой постоянной жены добродетель и верность и без ветра шатаются. Однако Милозор не хотел этого и слышать.

А как известно, что в древние времена черти были великие смельчаки и непосредственные нахалы, то некто из оных для разгулки замешался в сие дело, начал дурно и кончил нехорошо, что покажет и последование.

У Попала в доме жила крепостная его девка, она была весьма знакома Ладе, которая дарила ее всякий день новыми прелестями для влюбившегося Милозора, которого сердце раздроблено было стрелами сея красавицы. Впрочем, не обижая Прекрасу, имела она с ней равную красоту. Милозор всякий день старался подцепить сию красотку, склонял ее деньгами, обещал выпросить ей свободу и, словом, поднимался на всякие мудрости; однако ничто ему не удавалось. Наконец, когда увидел он, что все его поиски и хитрости напрасны, тогда предприял объявить об этом Попалу, которого дружество, надеялся он, учинит ему помощь. В этом он и не обманулся. Попал обещал ему сделать сию услугу; а что она порочна, то они оба знали, да, думаю, и сочинитель об этом ведает, только не знает, как примет ее читатель; ежели он великодушен, то, конечно, простит слабость сию двум молодым друзьям. Начали они советовать таким образом. Попал говорил своему другу:

— Слушай, Милозор! Я притворюсь в нее влюбленным и начну склонять ее ласкою; а ежели она не склонится, то употреблю в сем случае господскую власть и принужу ее силою. Сегодня ночью в двенадцатом часу прикажу ей прийти в сад, в ту темную беседку, в которой, как ты знаешь, и днем никого почти не видать, не только ночью, и так ты вместо меня можешь пользоваться этим случаем.

Выдумка была похвалена с обеих сторон, и Милозор высыпал благодарности своему приятелю с излишком.

— Я столько обрадован, — говорил он ему, будучи в восхищении,— как будто бы уже все действительно получил.

— Поезжай домой, — отвечал ему Попал, — чтоб лучше избежать подозрения, и в назначенное время явись к одержанию победы.

Потом они расстались. Попал, нимало не мешкая, начал предприятие свое производить в действо; в чем ему очень легко и удалось. Устрашенная прелестница обещала ему все по его воле исполнить.

Когда начала приближаться ночь к нашему Зениту, тогда расплаканная девушка пришла к госпоже Прекрасе и объявила ей происхождение свое подробно. Сколько ни велик был страх, однако сожаление было в ней больше, чтоб потерять свою честь. А правда или нет, что она так много сожалела о своем целомудрии, того я и сам не знаю. Кажется мне, что всякая взрослая девушка охотно согласится поамурится в темной беседке, где никакого стыда на лице приметить не можно; впрочем, я того не утверждаю и оставляю толковать тем людям, которые меня гораздо попостояннее. Прекраса, услышав сие, пришла в превеликое огорчение: бешенство овладело ее сердцем и наполнило ее ненавистью к мужу, вот ему поверить должно без всяких отговорок, потому что ревность все в состоянии сделать из женщины. Пришед опять в прежнее чувство, благодарила она свою девку от искреннего сердца и обещала ей награждение, а мужу вознамерилась мстить за его неверность. И так приказала она мнимой своей совместнице куда-нибудь на время спрятаться, а сама пошла на назначенное свидание, нимало не сомневаясь, чтоб кто-нибудь другой туда пришел, выключая ее мужа. И таким образом, будучи в сих мыслях, пришла туда и, подождав малое время, услышала, что подходит к ней человек, который не хотел ей сказать ни одного слова, затем чтобы его не узнали, а Прекраса также. И таким побытом Милозор, не мешкая нимало, исполнил то, за чем пришел. После, взявшись оба за руки, пошли вон из их сборища, в которое завел их сонный Купидон. В превеликой шли оба радости: один думал открыть свою страсть своей красавице, а другая хотела укорять своего мужа неверностью. Ночь была довольно светла, и без всякой остановки можно было им себя разглядеть. Как скоро они вышли на свет, то, взглянув друг на друга, ахнули и остолбенели; стыд замешался между ними и сделал их неподвижными. Потом Прекраса вскоре увидела своего мужа, а Милозор своего друга, который, проведав все от девки, бежал предупредить нечаянное свое несчастье. Как скоро он к ним подбежал, то оба они стали перед ним на колени и как возможно лучше извинялись в своем погрешении. Выслушав их, бедный рогоносец бросился и сам перед ними на колени и просил у жены своей прощения. Все были правы и все виноваты: Прекраса и Милозор остались в выигрыше, а Попал, желая услужить

другу, проиграл свое собственное и сказал: «Быть так, грех да беда на кого не живет». Впрочем, дружество их сею свалкою не кончилось; хотя они сделались свояками, однако друзьями умерли.

СТАВЛЕННИК

У некоторого дворянина в селе отошел священник к братии зде лежащим и повсюду православным, а простее умер, остался господин, крестьяне и, словом, все словесные овцы без пастыря. В будни могли они обойтися без попа, а в воскресные дни никоим образом было невозможно, потому что они не знали, в которые дни долженствовали быть праздники. Господин имел у себя дьячка, который очень скуден был разумом, однако ж он умел читать и писать по-деревенски, так думали, что для сельского попа таланта этого и довольно. Помещик написал письмо к близкоживущему от них архиерею, чтоб он, проэкзаменовав его дьячка, посвятил бы в попы; и так отправил с письмом дьячка к оному.

Архиерей, прочитав письмо, хотел исполнить просьбу господина и так желал узнать разум дьячка, к нему присланного.

— Должно, — говорил ему, — увериться мне в том, довольно ли ты читал духовных и светских книг и сколько ты об оных имеешь понятия; выпиши мне вкратце, что говорят в своих сочинениях Лукиян, Федр и Плутарх, — и так отпустил его от себя.

Спустя целые три дня пришел дьячок к архиерею, который спросил его о задаче, приказал читать при всех, кто тут ни был. Дьячок перекрестился и начал:

— Лукьян говорил, чтоб чужие мужики монастырского лесу не рубили, а коли не так, то высекут их плетьми; Федор говорит, что он мясом больше торговать не хочет; а плут кричит громче всех: «Не шуми, мати зеленая дубрава».

Архиерей, услышав это, ужаснулся и не знал, что и говорить такому великому проповеднику; однако, собравшись с силами, спросил его, откуда он это выписал?

— Это я от них от самих слышал, ваше преосвященство, — отвечал дьячок. — Третьего дня, как я от вас пошел, увидел мужика, сидящего на дереве, который кричал, чтоб не рубили монастырского лесу. Я спросил его имя, и он мне сказал, что зовут его Лукьяном. Прошед еще несколько, встретились со мною два прохожих, из которых один говорил, что он мясом торговать больше не хочет; также спросил я и этого об имени, и он мне сказал, что называют его Федором. Подходя к нашей деревне, увидел я нашего охотника, который, сидя под деревом, пел песню «Не шуми, мати зеленая дубрава»; этого я об имени не спрашивал, для того что я знаю, он изо всей нашей деревни первый плут; и так, пришедши домой, записал я все их слова, которые и читал теперь перед вашим преподобием.

Архиерей тотчас отгадал весь его разум и сведение и, желая еще уведомиться о его премудрости, говорил ему:

— Слушай! У Ноя было три сына, Сим, Хам и Афет, кто им отец?

— Пожалуйте на три дни сроку, — отвечал ставленник, — для того что эта задача весьма трудная.

Архиерей позволил ему три дни о том подумать.

Дьячок, пришедши домой, выгнал жену свою и детей всех воп из избы и, запершись кругом, начал ходить взад и вперед и твердить:

— У Ноя было три сына, Сим, Хам и Афет, кто им отец, у Ноя было три сына, Сим, Хам и Афет, кто им отец.

Препроводил в сем упражнении день, и на другой твердит все то же. Жена, пришедши к дверям, послушала и узнала еще в первый раз, что муж ее глуп через край, и так начала стучаться. Дьячок, занятый важными мнениями, рассердился на свою жену больше, нежели Юпитер на гигантов; тот побил их всех громом, а этот хотел пришибить жену свою обухом.

— Куда ты идешь, — говорил он, — безмозглая тварь, и мешаешь мне думать о таком важном деле?

— Не то ли велико, — спрашивала жена, — что ты твердишь целые уже два дни?

— Да, двуножная скотина, — отвечал муж, — на что ты мешаешься в такую премудрость, к которой природа произвела меня и мне подобных мужей?

— Да, я вижу, — отвечала жена, — что ты со всею своею премудростью не можешь растолковать безделицы.

— Что ж ты называешь безделицею, говори, — закричал дьячок, рассердившись.

— Ты твердишь, что у Ноя было три сына: Сим, Хам и Афет, и не знаешь, кто им отец?

— Да, — отвечал дьячок.

— Глупый! глупый! — говорила жена, — да у нашего кузнеца Василья три сына, Николай, Иван, Алексей; ну, так Василий кузнец им и отец.

Разумный муж усмехнулся и благодарил ее от всего дьячковского сердца, что она растолковала ему столь трудную задачу; и так поутру, не успело еще рассветать, то он и отправился к архиерею в превеликой радости.

Архиерей как скоро его увидел, то и спросил:

— Ну, решил ли ты свою задачу?

— С превеликим успехом, ваше преосвященство, — отвечал он архиерею. — Вы изволили спрашивать, у Ноя было три сына, Сим, Хам и Афет, кто им отец?

— Да,— отвечал ему архиерей.

Дьячок ему говорил:

— Ну, так я вам сказываю, нашего села Василий кузнец.

Преострая эта голова сделала то, что архиерей захохотал изо всей силы, и все, кто тут ни был, не могли удержаться от смеха.

Пересмеявшись, спросили у него, в каком он летописце сыскал такую правильную родословную.

— Жена моя мне сказывала,— отвечал он,— а она действительно знает этого кузнеца и всех его домашних.

Потом спрашивал архиерей у стоящего тут священника, как должно поступить в таком случае, ежели упадает в дары муха?

Священник говорил:

— Сложив два перста, изъяти ее, вложить во уста, обсосать и выплюнуть в укромное место; а если совесть не зазрит, то и проглотить.

— Ну, а у тебя ежели случится, что упадет бык в святую воду, — спрашивал архиерей у ставленника, — как ты с ним поступишь?

— Сложив два перста, — отвечал дьячок, — изъяти его, вложить во уста, обсосать и выплюнуть в укромное место; а ежели совесть не зазрит, то и проглотить.

Архиерей сказал ему на это, что он опасен будет для общества, ежели станет глотать по целому быку в один раз.

— Нет, друг мой,— примолвил он, — ты имеешь весьма высокое понятие, и так советую тебе лучше быть астрономом, нежели попом, паши ты лучше землю днем, а ночью примечай движение планет, авось-либо какой-нибудь басенный бог вместит тебя в небо и сделает новое созвездие под именем дурака.

И так не велел ему быть и дьячком, не только попом.

<1766>

ЧАСТЬ V
ДРАГОЦЕННАЯ ЩУКА

По древнему названию посул, по-нынешнему взятки, а по-иностранному акциденция когда начало свое восприяла, в том все ученые между собой несогласны, да и в гражданской истории эпоху сию не скоро сыскать возможно; а потому и нельзя достоверно утвердить, какой народ преимущество в том изобретении взять должен.

Не заимствуя в истории других государств, удоволимся мы бытием дел и случаев своего отечества. В древние времена позволены были у нас взятки, что доказывается челобитными, подаванными от тех людей, которые желали определиться в город воеводою, в них писали обыкновенно: «Надежа-государь, отпусти в город покормиться». А потом и от дел акциденция была дозволена; но как государственные доходы приведены в совершенную известность и меру, а потому учинены штаты и определено всем находящимся у дел жалованье, то взятки, или, учтивее, акциденция, вовсе отменены и строго запрещены.

Великая сия перемена учинилась причиною великих изобретений, и заботливые умы к накоплению имения дробными правилами не давали себе покоя и составили из себя целые академии про-

ектов, каким образом подкопаться под храмину, сооруженную на твердом и глубоком каменном фундаменте. Многим было предприятие сие неудачно, а другие, пооснователыюе их в изобретениях, получили довольные успехи. Явно брать взятки не дерзнули, но направили их течение потайным каналом, прикрыв его таким покрывалом, что иногда и самые прозорливые люди увидеть и дойти до того никак не могут. Исчисление коих хитростей, ежели оные описывать, составит пять частей «Пересмешника», а нам недостает здесь только двадцатой главы; следовательно, описание их должны мы оставить до другого случая, а теперь удоволимся одною только из них хитростию, а именно похождением драгоценной щуки.

Около того времени некто основательный человек, с расчетом эконом, приказен, прозорлив, искателен и заботлив, отставной надворный советник, определен был воеводою в город, стоящий подле реки, из знатных в России, из которого обыватели отправляли торговлю к портам и были нарочито зажиточны, не токмо собственно для себя, но могли служить и начальникам, что вновь определенному воеводе небезызвестно было. Он прибыл в город со своею свитою в половине дня и поместился в доме, нарочно для него заготовленном, убранном и всею домашнею утварью снабженном. Магистрат, испросив дозволение, пришли к нему на поклон с хлебом и солью. Хлеб лежал на серебряном блюде и соль в золотой солонке. Воевода, приняв хлеб и высыпав на оный соль, блюдо и солонку отдавал им назад. Купцы, не принимая, кланялись и говорили, что хлеб от посудины не отлучается и они кланяются всем его высокоблагородию; который, приняв на себя суровый вид, говорил им гневно, чтобы они и впредь так поступать не отваживались, и когда до него приучены к таким неблагопристойным поступкам, то во время правления его должны отвыкнуть. Купцы, как громом поражены будучи, взяв блюдо и солонку, пошли в магистрат и, уподобясь черной земле, не могли друг другу и сообщить своего отчаяния по причине той, что воевода уже не по них, который не принимает от них таких поклонов, а особливо при первом случае; каковое их сердечное предчувствование вскоре потом и сбылось.

На другой день поутру разлилась великая и непомерная строгость по городу. Мещане, кои были попростее купечества, думали, что правительство вместо воеводы впустило к ним в город неученого лесного медведя, с которым они сладить не могут; а поразумнее обыватели пришли от того в отчаяние и не знали, что начать: собралися в магистрат, сидели, повеся головы, и один другому не говорили ни слова. Старик, лет семидесяти, подошед в то время к собранию, говорил:

— Не отчаивайтесь, друзья, не вешайте голов и не печальте хозяина; огладится зверек — ручнее будет. Я уже доживаю седьмой десяток и воевод здесь много видал; тут есть, может быть, какая-нибудь уловка: сыщите кого-нибудь из его домашних на свою сто-

рону и выспросите, не охотник ли его высокоблагородие до чего-нибудь особо; так дело все и перевернется на другой манер.

Совет стариков принят был за благо, и отряжен в ту комиссию молодой купец, человек проворный, говорун, торгующий виноградными напитками: то с помощию их и пятидесяти рублей серебряной монеты на другой день, ко удовольствию всего города, купечества, мещанства, ремесленных и прочих обывателей, объявлено было от него, что он чрез камердинера воеводского проведал, что его высокоблагородие неслыханный охотник до щук. Без всякого промедления найдена была в городе самая большая щука, заплачено за нее без ряда, и поднесена воеводе, который с превеликим восторгом принял ее своими руками и сказал магистрату:

— Вот подарок, которым вы меня крайне одолжили, и я вам должен чистосердечно признаться, что я такой до них охотник, что все то, что вам ни угодно, делать буду, и вы от меня ни в чем отказу не получите.

Догадка изрядная, опыт с успехом, и купцы были весьма обрадованы, что они такою милостию могут иметь воеводу всегда на своей стороне. На другой день купец, имевший домашнее дело свое в канцелярии еще не решенным, вознамерился утруждать о том новоопределенного воеводу; просьбы же своей никогда они без приносу не употребляют; а известен уже будучи, что судья кроме щук ничего не принимает, пошел он на садки и спрашивал отменной величины щуки; ему показана была похожая на вчерашнюю, за какую от магистрата заплачено было четыре рубля, но с него просили уже восемьдесят рублей. Знал он верно, что нужда закон переменяет; а притом, может быть, имел уже и сию догадку, что для воеводы малоценная щука невкусна; заплатил требуемую сумму и отнес к градодержателю, которым он и щука приняты были благосклонно, и продолжавшееся дело обещано было кончить. На третий день магистрат, собравшись попросить воеводу о некотором общественном деле, за такую же щуку заплатили уже триста рублей. Наконец дошло до сведения всего города и уезда, что щуки, подносимые воеводе, не составляют из себя множества, но есть оная одна, которая по принесении к нему отправляема была обратно в садок; и продавалась различными ценами, потому что дела просителей имели разные качества: например, магистрат, прося об общественных делах, всякий раз покупал ее по триста рублей, купцы для собственных своих дел, кои побогатее, по сту, а понедостаточнее по пятидесяти рублей; дворяне также покупали ее разными ценами для подносу воеводе, смотря по состоянию своего дела; а откупщик, или коронный поверенный того города и уезда, когда случалась ему по откупу надобность, которая нередко бывала, а особливо для выемок корчемного вина, генерально платил за нее по пятисот рублей, а иногда и более, смотря на надобность собственного своего прибытка.

К сей отменной продаже определен был от воеводы самый исправный приказный служитель, знающий совершенную цену по-

даваемых челобитен и дел нерешенных, сверх того состояния и капиталы все в городе и уезде живущих. Он для каждого покупщика назначал цену щуке и посылал записку на садок, где оная хранилась, за содержание и сбережение которой платили за каждый месяц рыбаку по десяти рублей, и сей рыбак был крепостной воеводский, выписанный для того нарочно из другой губернии, дабы дело содержать в тайне.

Сия тварь орудием взяток избрана была, как кажется, потому: первое, что имеет она острые и многочисленные зубы, в которые если случится какой-нибудь другой рыбе или иному животному попасться, то уже спасения живота и возврату на сей свет не ожидай; второе, столь прожорлива, что втрое больше себя животное съедает и опустошает целые пруда другой рыбы, не спуская и своему роду; третье, жизнь продолжает долее всех ей подобных, и мне кажется, можно бы назначить ее изображением ехидной ябеды, а не правосудия.

В пять лет воеводства надворного советника, по собственным его выкладкам и достоверным приказного служителя запискам, щука сия стоила около двадцати тысяч; но превзошла б она и сию цену, ежели б сему добросовестному воеводе не последовала смена, по причине, как сказывают, притеснения неимущих, которым за настоящую цену щуки оной продавать не хотели, а требовали всегда назначенную приказным служителем; по недостатки их лишали той покупки, а оттого, сказывают, многие растеряли деревнишки и дворишки, которые и причислены к селам, сельцам и дворам обширным и знаменитым.

Расставаясь с воеводством, угощал он дворян и знаменитых купцов, где, между прочим, употреблена была в пищу и та драгоценная щука, которой куски, доставшиеся каждому, ценены были в шутку иной в тысячу, иной более и менее, как кому совесть дозволяла; но смененный воевода при сем случае, так как и прежде пришучивать умея, ответствовал каждому без застенчивости, что он служил за то чем только мог и умел.

— А может-де, получите, — прибавил он, — какого-нибудь военного безграмотного воеводу, который, не смысля силы законов, ни себе, ни людям добра не сделает; сам будет без хлеба, да и других не накормит; а я оставляю многих здешних обывателей, а особливо приказных служителей до последнего такими, которые неусыпным моим старанием в производстве по большей части трудных и сомнительных дел довольно руки понагрели и запасли не только себе, но и деткам.

<1789>

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРИМЕЧАНИЯ И БИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

ЛИТЕРАТУРА ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

Ведомости. Первая печатная русская газета создана по указу Петра I, подписанному 15 декабря 1702 г. Газета должна была «продаваться в мир по надлежащей цене». Цель издания «Ведомостей» — «извещение оными о заграничных и внутренних происшествиях» русских людей, пропагандирование военных, культурных и хозяйственных начинаний Петра, успехов преобразуемого русского государства. По-видимому, первоначально предполагалось назвать газету «Ведомости Московского Государства», однако подавляющее большинство номеров имеет заглавие «Ведомости»; в некоторых случаях газета выходила вообще без названия или с несколько измененным: «Ведомости Московские» (например, № 22 за 1704 г.), «Ведомость Московская». Иногда отдельные номера газеты имели особые заголовки, например: «Юрнал, или поденная роспись, что в мимошедшую осаду под крепостью Нотебурхом чинилось сентября с 26 числа в 1702 году» (номер от 27 декабря 1702 г.).

Первые два номера «Ведомостей» — от 17 и 27 декабря 1702 г.— в печатном виде пока не обнаружены и известны по рукописным копиям; печатные экземпляры газеты сохранились начиная с номера от 2 января 1703 г. До 1715 г. «Ведомости» печатались на Печатном дворе в Москве, с 11 мая этого года до 1719 г.— в Москве и Петербурге (иногда материалы московских и петербургских «Ведомостей» совпадают, иногда отличаются друг от друга), с 1719 г.— в Петербурге (отдельные номера выходили и в Москве). Первым редактором «Ведомостей» был переводчик и стихотворец Федор Поликарпов. В 1727 г. издание газеты перешло в ведение Академии наук; впоследствии она получила название «Санктпетербургские ведомости» и под этим заглавием выходила в течение всего XVIII в.

Приклады, како пишутся комплименты разные. Переведенная с немецкого языка М. П. Шафировым (1681 — после 1725?) книга «Приклады, како пишутся комплименты разные, то есть писания от потентатов к потентатам, поздравительные и сожалетельные и иные, такожде между сродников и приятелей» представляет собой первый письмовник на русском языке, содержащий образцы («приклады») писем разного типа и содержания. Напечатана в 1708 г., переиздана с дополнениями в 1708, 1712, 1718 гг. и с новыми дополнениями в 1725 г.

Юности честное зерцало. Сочиненная по повелению Петра книга «Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов» — один из наиболее ярких образцов так называемой «прикладной» литературы, в силу особенностей эпохи весьма популярной в первых десятилетиях XVIII в. Пропагандируя новую мораль, новые формы отношений между людьми, такого рода литература способствовала становлению нового быта. Книга «Юности честное зерцало», будучи в основе соединением правил этикета (поведения в обществе и семье) с морально-этическим кодексом, в то же время содержала в себе и элементы публицистики, и своеобразные жанровые беллетристические картинки, и нравоучительные и сатирические абзацы. Впервые напечатана в 1717 г., переиздана в 1717, 1719, 1723, 1737, 1742, 1745, 1767 гг.

Гистория о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли. Точное время создания неизвестно, датировка повести определяется по реалиям, содержащимся в тексте:

упоминание Санктпетербурга и Кронштадта свидетельствует о том, что произведение не могло быть написано до 1703 г.; в 1726 г. были окончательно изъяты из обращения в России серебряные монеты «ефимки» — заграничные иоахимсталеры, издавна перечеканивавшиеся на русские монеты. Как и все другие повести Петровской эпохи, гистория о Василии Кориотском напечатана не была и распространялась в рукописном виде. Впервые опубликована в 1878 г.

Песни, канты и стихи

Орел ко солнцу ныне возлетает... — панегирическая песня из цикла, посвященного победе под Полтавой.

Буря море раздымает... — один из интереснейших и в содержательном и в музыкальном отношении кантов Петровского времени. Канты — особый род русской многоголосной бытовой песни весьма широкого содержания, исполнявшейся и в быту, и бродячими певцами. Отличительная особенность кантов — они распространялись в виде рукописных сборников, где был записан не только текст (что свойственно песенникам), но и музыка. Обычно напевы кантов восходили к мотивам В. Титова, который в 1680 г. положил на музыку «Псалтырь рифмотворную» Симеона Полоцкого. Вслед за духовными виршами в сборники кантов вошли переложения псалмов Тредиаковского и Ломоносова, любовные песни Петровского времени, Тредиаковского, Сумарокова и других поэтов XVIII в., специально сочинявшиеся по случаю военных побед Петра торжественные канты — фанфарные, приветственные, героические и др. С другой стороны, попадали в сборники кантов и народные песни. Таким образом, по источникам текстов и музыки и способу распространения канты занимают промежуточное место между народной песней и авторскими бытовым романсом и хоровой песней.

Уж как пал туман на сине море... Эта ставшая народной и доныне известная в разных редакциях песня написана, по свидетельству Н. А. Львова, его дедом Петром Семеновичем Львовым во время Персидского похода Петра I. Данная редакция опубликована Н. А. Львовым.

Ах, что есть свет и в свете, ах, все противное... Авторство приписывалось камергеру Виллиму Ивановичу Монсу (1688—1724), в архиве которого хранится записанный текст. В последнее время выдвинуто предположение, что автором этой и следующей песни была неизвестная поэтесса Петровского времени.

О коль велию радость аз есмь обретох... Автор неизвестен.

Радость моя паче меры, утеха драгая... Автор неизвестен.

Застольная песня. Авторство приписывается выходцу из Немецкой слободы в Москве, поэту и переводчику, магистру Иоганну Вернеру Паусу (Паузе, 1670—1735). Подражание известной студенческой песне «Gaudeamus igitur» (местами — вольный перевод).

Честный изменник, или Фридерико фон Поплей и Алоизия, супруга его. «Комедия» представляет собой полупеределку-полуперевод немецкой пьесы, в свою очередь являющейся переделкой трагикомедии известного итальянского драматурга Джачинто Андреа Чиконьини «Предательство ради чести» (1664). Русский перевод и обработка выполнены, по-видимому, переводчиками Посольского приказа. Пьеса входила в репертуар театра Кунста — Фюрста.

Херликин и Судья. Интермедии, или интерлюдии — короткие шуточные сценки бытового содержания, которые обычно исполнялись между действиями большой пьесы, в антрактах (отсюда их старинное название «междоречия», «междувброшенные забавные игралища»).

Ф. Журовский. «Слава Российская»

Федор Журовский учился, по-видимому, сначала в московской Славяно-греко-латинской академии, а примерно в 1721 г. перешел «учеником хирур-

гической науки» в Госпитальную школу (школу при госпитале доктора Бидлоо). В 1724 г. для существовавшего при школе театра Журовский написал «Славу российскую» по поводу коронации Екатерины, в 1725 г.— пьесу «Слава печальная российскому народу», которая посвящена смерти Петра I (представлена 26 декабря). В 1727 г. Федор Журовский после экзамена произведен в лекари и отправлен к епископу Рязанскому и Муромскому. Впоследствии он принял монашество и был пострижен в сан иеромонаха. На этом наши сведения о Федоре Журовском обрываются, но в 1732 г. должность ректора Славяно-греко-латинской академии исполнял иеромонах Феофилакт Журовский. Так как при пострижении в монахи человек получал другое имя, то весьма убедительно предположение, что иеромонах Феофилакт — то же лицо, что и Федор Журовский. Умер Феофилакт Журовский после 1741 г.

«Слава российская» представлена на сцене школьного театра 18 мая 1724 г. в присутствии Петра I и императрицы Екатерины. Впервые напечатана в 1892 г.

Феофан Прокопович *(1681—1736)*

Сын киевского купца, Прокопович, получивший при крещении имя Елеазар, рано осиротел и был определен дядей в Киево-Могилянскую духовную академию. Окончив здесь философский курс, Прокопович продолжил учение в Польше, затем в Италии. По возвращении в Киев постригся в монахи, приняв при этом имя Феофан, и начал преподавательскую деятельность в академии. В 1705 г. читал курс пиитики (т. е. теории поэзии и стихосложения), в 1706 — риторики, позднее — философии, физики и т. д. Противник схоластической науки и представитель раннего Просвещения, Феофан уже в это время проявил себя горячим сторонником петровских преобразований. В «исторической» трагедокомедии «Владимир» (1705) он выступает в защиту просвещения России, против реакционного духовенства («жрецов»). В 1706 г. Феофан произнес приветственную речь Петру, проезжавшему через Киев, и вскоре начинается его быстрая карьера: он становится префектом, затем ректором академии, в 1716 г. по вызову Петра приезжает в Петербург для посвящения в сан епископа Псковского и Нарвского, в 1720 г. возведен в сан архиепископа Новгородского. При этом большую часть времени Феофан, ставший одним из ближайших сподвижников Петра, живет в Петербурге, произносит многочисленные «слова» и речи; пишет трактаты, в которых затрагивает острейшие политические, государственные, религиозные проблемы: обосновывает необходимость суда над царевичем Алексеем и право государя самому назначать себе наследника («Слово о власти и чести царской», 1718; «Правда воли монаршей», 1722, и т. д.), аргументирует потребность ликвидации патриаршества и организации коллегиального органа управления православной церковью — Синода, доказывает первенство светской власти над церковной («Духовный регламент», опубликован в 1721 г., и т. д.), доказывает неизбежность создания и выгоды для России флота (предисловие к «Морскому уставу», «Слово похвальное о флоте российском», 1720) и т. д. После образования Синода Феофан становится его фактическим главой.

При преемниках Петра (особенно при Петре II) положение Феофана резко ухудшилось. Однако активная роль, которую он сыграл в ликвидации аристократической оппозиции «верховников» в момент воцарения Анны Иоанновны, вновь упрочила его положение, и до смерти Феофан оставался наиболее влиятельным деятелем русской церкви и наиболее ненавидимой широкими кругами духовенства фигурой. Один из самых образованных людей своего времени, выдающийся оратор и теоретик литературы, Феофан был в то же время и крупнейшим поэтом Петровского времени.

О поэтическом искусстве. Написанный на основе курса пиитики, читанного в 1705 г., трактат Феофана заложил основы теории русской литературы нового времени; автор отстаивает основные принципы того направления, которое в XIX в. получило наименование классицизма. Хотя Феофан читал лекции на латинском языке и с практической целью сочинения сти-

хов по-латыни, выдвинутые им проблемы имели общетеоретическое значение. Впервые опубликованный на латинском языке в Могилеве в 1786 г., трактат Феофана «De arte poetica» получил широчайшую известность с момента создания и разошелся по России в десятках списков, оказав огромное влияние на последующее развитие русской эстетики и поэтики. Перевод на русский язык Г. А. Стратановского под редакцией А. Н. Егунова опубликован в 1961 г.

Владимир. Впервые разыграна учениками Киево-Могилянской академии 3 июля 1705 г. Получившая широкое распространение в рукописных копиях, упоминавшаяся во всех историко-литературных статьях и словарях русских писателей, трагедокомедия не могла быть напечатана из-за резкой антиклерикальной направленности ни в XVIII, ни в первой половине XIX в. Впервые опубликована в 1874 г.

Епиникион. Написан по получении известия о победе русских войск под Полтавой 27 июня 1709 г. Впервые опубликован в составе брошюры «Панегирикос, или Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе...», отпечатанной в Киеве 10 июля. Затем появились латинский и польский варианты «Епиникиона».

Плачет пастушок в долгом ненастьи. Стихотворение имеет иносказательный смысл и отражает переживания Феофана в связи с его тяжелым положением в последние месяцы правления Петра II. Двойной смысл заключается уже в стоящем в заглавии слове «пастушок»: «пастухами», «пастырями» своей духовной паствы именовались в XVIII в. священнослужители.

А. Д. Кантемир *(1708—1744)*

Антиох Дмитриевич Кантемир — сын господаря (правителя) Молдавии. Задумав освободить свою страну от турецкого ига, Димитрий Кантемир присоединился к Петру во время Прутского похода 1711 г. Так как поход окончился неудачей, Димитрий Кантемир с семьей был вынужден бежать в Россию, где ему и его семье было пожаловано княжеское достоинство Российской империи. Антиох Кантемир получил хорошее домашнее образование: сначала он учился у преподавателей московской Славяно-греко-латинской академии, затем брал уроки у профессоров Академии наук в Петербурге. В 1725 г. Кантемир начал службу в лейб-гвардии Преображенском полку; в 1728 г. произведен в первый обер-офицерский чин поручика. В это же время он обратился к литературным занятиям: переводил с латинского и французского языков, сочинял любовные песни, получившие, по свидетельству самого поэта, широкую популярность (авторство Кантемира в отношении нескольких из этих песен пока установлено лишь предположительно). В 1727 г. появился первый печатный «трудок» Кантемира «Симфония на Псалтырь» (свод избранных из псалмов стихов).

Наступление поэтической зрелости Кантемира ознаменовала первая сатира «На хулящих учения» (1729), быстро разошедшаяся в списках и принесшая автору известность. В конце 1729 или в начале 1730 г. Кантемир написал вторую сатиру, затем третью (в окончательной редакции называется «О различии страстей человеческих. К архиепископу Новгородскому»), в 1731 г.— четвертую («О опасности сатирических сочинений. К музе своей») и пятую («На человека»; в почти полностью переработанной редакции 1737 г. называется «На человеческие злонравия вообще. Сатир и Периерг»). Кроме того, в 1730 г. писатель завершил работу над переводом книги Б. Фонтенеля «Разговоры о множестве миров» (издана лишь в 1740 г., переиздана в 1761) и создал первую песнь эпической поэмы «Петрида», которая осталась, неоконченной из-за того, что поэт не имел возможности использовать нужные ему материалы архива Петра I.

В 1730 г. Кантемир сблизился с Феофаном Прокоповичем, который приветствовал стихотворным посланием автора сатиры «На хулящих учения». Как член группировавшейся около Феофана «Ученой дружины» (в нее входили также историк В. Н. Татищев, будущий кабинет-министр Анны, казненный Бироном,— А. П. Волынский и другие), Кантемир принял

активнейшее участие в перевороте 1730 г., в результате которого Анна Иоанновна избавилась от «верховников», однако, в отличие от своих соратников, никаких наград не получил. Более того, 1 января 1732 г. он вынужден был навсегда покинуть Россию, получив назначение на пост русского посла в Лондоне, а в 1738 г.— в Париже. Одной из причин этой «почетной ссылки», очевидно, явились сатиры Кантемира, создавшие ему влиятельных при дворе врагов.

За границей Кантемир перевел нерифмованными силлабическими стихами 55 од Анакреона (1736—1742; полностью опубликованы лишь в 1867 г.), «Персидские письма» Монтескье (рукопись не обнаружена) и т. д. В 1738 г. он написал шестую сатиру («О истинном блаженстве»), в 1739 — седьмую и восьмую («На бесстыдную нахальчивость»), в разные годы — ряд мелких стихотворений. Однако все попытки поэта добиться разрешения на издание своих стихотворений в России остались безрезультатными. Только 10 посланий — «писем» Горация (из 22 переведенных Кантемиром нерифмованными силлабическими стихами) вместе с стиховедческим трактатом «Письмо Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских» было напечатано в Петербурге в 1744 г.

После смерти поэта его сатиры были переведены прозой на французский язык другом Кантемира О. Гуаско и изданы в Лондоне в 1749 г. (переизданы в 1750 г.). В 1752 г. в Берлине вышел из печати стихотворный перевод сатир Кантемира на немецкий язык. В России же сатиры Кантемира распространялись в списках и, как отмечал М. В. Ломоносов, были «в российском народе с общею апробациею (т. е. одобрением.— *В. З.*) приняты». Лишь в 1762 г. сатиры и другие оригинальные стихотворения Кантемира были опубликованы под редакцией ученика Ломоносова, переводчика и поэта И. С. Баркова в Петербурге.

В. К. Тредиаковский *(1703—1768)*

Василий Кириллович Тредиаковский, сын астраханского священника, учился в школе католических монахов-капуцинов. В начале 1723 г. бежал из Астрахани в Москву, где продолжал обучение в Славяно-греко-латинской академии. Здесь началась и поэтическая деятельность Тредиаковского: во время пребывания в академии писал «школьные драмы» (не дошедшие до нас), «Элегию на смерть Петра I» (1725) и т. д. В 1726 г. при неясных обстоятельствах Тредиаковский получил возможность выехать в Голландию, в Гаагу, а с 1727 по 1730 г. жил в Париже в доме русского посланника князя Куракина в качестве его секретаря и одновременно учился в Сорбонне.

В 1730 г. Тредиаковский вернулся в Россию и привез с собой перевод аллегорического галантного романа Поля Тальмана «Езда в остров Любви». В том же году роман вышел из печати. В конце книги под специальным шмуцтитулом «Стихи на разные случаи» Тредиаковский опубликовал подборку собственных стихов на русском и французском языках. Первый печатный роман на русском языке понравился дворянскому обществу, был хорошо принят при дворе. После представления императрице Анне Иоановне в 1732 г. Тредиаковский стал придворным «пиитой» и определен на службу при Академии наук «под титлом секретаря». Из адресованных Анне стихотворений интересна «Ода торжественная о сдаче города Гданска» (СПб., 1734). Будучи по существу полупереводом-полупеределкой оды Буало на взятие Намюра, произведение Тредиаковского фактически стало первой русской одой.

В 1735 г. Тредиаковский выпустил «Новый и краткий способ к сложению российских стихов», в котором обосновал роль ударения в русском стихе и дал теоретическое определение двусложной стопы для русского стихосложения. В целом же предложенная здесь Тредиаковским реформа имела, с одной стороны, половинчатый характер, а с другой — не могла создать системы ритмики из-за провозглашенного Тредиаковским правила произвольного употребления любой двусложной стопы в любом месте стиха, кроме заключительного хорея (т. е. обязательной женской рифмы). Выступ-

ления критиков его системы (Ломоносова, Кантемира, Сумарокова) Тредиаковский встречал резко враждебно, что не помешало ему впоследствии ввести все их предложения в полностью переработанное второе издание «Способа» (1752). В результате эта книга стала первым учебником силлабо-тонического стихосложения.

В правление Анны Тредиаковский пользовался поддержкой находившихся у власти немцев. Донос Тредиаковского Бирону стал предлогом для ликвидации противников немецкого засилья при дворе: Волынский и его сторонники после жесточайших пыток были казнены. После воцарения Елизаветы Тредиаковский перешел на сторону церкви и при помощи Синода был произведен в академики (1745). Он занял резко антиматериалистическую и антипросветительскую позицию (особенно ярко в поэме «Феоптия», написанной в 1750—1754 гг.), пытался бороться со своими литературными противниками при помощи политических доносов и обвинений, но вернуть себе первенствующее положение в литературе не смог, хотя писал и особенно переводил чрезвычайно много. В 1751 г. в свет вышли его переводы романа Барклая «Аргенида», с 1749 по 1769 г.— «Древней истории» Роллена в 10 томах, «Римской истории» Роллена в 16 томах, 4 тома «Истории об императорах» Кревье и т. д.

Так как доносы Тредиаковского на Сумарокова, Ломоносова, Теплова особых последствий не имели, более того, Ломоносов стал одним из руководителей Академии наук, Тредиаковский после очередного столкновения с ним перестал посещать академию и, в конце концов, в 1759 г. подал прошение об отставке. Последние годы жизни Тредиаковский провел в бедности. В 1766 г. он опубликовал «Тилемахиду» — перевод романа Фенелона «Похождения Телемака», переложенный в стихи и превращенный в «ироическую пииму». Поскольку роман Фенелона был своего рода «уроком царям», поэма Тредиаковского встретила враждебное отношение Екатерины II. Отсутствие большого поэтического таланта при непомерных претензиях, идейная беспринципность, крайняя неразборчивость в средствах борьбы с литературными противниками, архаичность эстетических воззрений, антипросветительский характер писаний Тредиаковского навлекли на него презрение всех прогрессивно настроенных литераторов-современников, а само имя его надолго стало синонимом графомана.

М. В. Ломоносов *(1711—1765)*

Михайло Васильевич Ломоносов родился в Архангельской губернии, в деревне Мишанинской близ Холмогор. Отец его был помором-промышленником и одновременно подрядчиком, поставлявшим продукты архангельскому архиепископу, в Соловецкий монастырь и т. д. Рано научившись грамоте и арифметике, юный Ломоносов читал книги, имевшиеся у соседей, познакомился с собранием древнерусских рукописей Соловецкого монастыря.

В конце 1730 г. он получил в холмогорской воеводской канцелярии паспорт на девятимесячный срок и, вероятно, против воли отца, ушел в Москву, где поступил в Славяно-греко-латинскую академию, назвав себя сыном дворянина (детей крестьян в академию не принимали). В начале 1736 г. в числе лучших учеников академии он был отправлен в Петербург, в университет при Академии наук, а через несколько месяцев — в Германию для обучения химии и металлургии. В 1736—1739 гг. Ломоносов учится в Марбурге у известного философа, физика и математика Христиана Вольфа, в 1739—1740 гг. изучает горное дело и металлургию во Фрейберге. В августе 1739 г. он пересылает в Академию наук «Письмо о правилах российского стихотворства», в котором, полемизируя с Тредиаковским, обосновывает последовательную систему русского стихосложения (позднее получившую наименование силлабо-тонической). В качестве примера, иллюстрирующего возможности новой системы, Ломоносов приложил к «Письму» свою «Оду на взятие Хотина». Трактат Ломоносова был передан на отзыв Тредиаковскому, который написал длинное опровержение, из-за чего и ода, и «Пись-

мо» не были своевременно опубликованы (полностью ода в переработанной редакции напечатана в 1751 г., «Письмо» — в 1778 г.).

В середине 1741 г. Ломоносов вернулся в Россию, в январе 1742 г. был назначен адъюнктом физического класса Академии наук, в июле 1745 г.— профессором химии (т. е. академиком). Ученый-энциклопедист, он трудился в самых разных областях знаний: физике и химии, геологии и минералогии, астрономии и электродинамике, истории и географии и т. д. В развитии русской теории поэзии большую роль сыграло «Краткое руководство к красноречию» (1-е издание — СПб., 1748; 2-е переработанное — М., 1759). «Российская грамматика» Ломоносова (СПб., 1755, вышла в свет в 1757 г.) явилась первым научным трудом в этой области. «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке», открывшее I том собрания сочинений Ломоносова (М., 1757, выпущен из печати в 1758 г.), подытожило более чем десятилетние искания русских литераторов (прежде всего самого Ломоносова и Сумарокова) в области стилистики новой русской литературы и завершило филологическое обоснование теории «штилей».

Художественное творчество Ломоносова — одна из вершин зрелого русского просветительского классицизма. В собственной поэтической практике Ломоносов отдавал предпочтение высоким жанрам, прежде всего им самим созданному — программной оде. Высокими поэтическими достоинствами отличаются и философские (естественнонаучные) оды, примыкающее к ним «Письмо о пользе стекла». Менее удачны опыты Ломоносова в области трагедии («Тамира и Селим», «Демофонт»). Неоконченная героическая поэма «Петр Великий» оказала сильное воздействие на последующее развитие этого жанра в русской поэзии и высоко оценивалась современниками. Взгляды Ломоносова на задачи поэзии и назначение поэта выражены в «Разговоре с Анакреоном».

Много внимания уделял Ломоносов улучшению работы академического университета и гимназии при академии. По его инициативе в 1755 г. был открыт Московский университет. В начале 1757 г. Ломоносов назначен одним из советников канцелярии Академии наук (т. е. ее руководителей), а вскоре в его ведение было передано руководство учебной и ученой деятельностью академии. Незадолго до смерти Ломоносов составил проект реорганизации Академии наук.

Ода на прибытие... Елисаветы Петровны... 1742 года по коронации. Ода, в которой прославлялись победы над шведами, не могла быть напечатана своевременно, так как по вступлении на престол Елизавета вступила со Швецией в мирные переговоры. Опубликована после изменения политической ситуации, в 1751 г.

Ода на день восшествия на всероссийский престол... Елисаветы Петровны 1747 года. В XVIII в. дни восшествия на престол, коронования, рождения и тезоименитства (именин) царствующего монарха или императрицы являлись «высокоторжественными» «царскими днями», которые отмечались как государственные праздники (сам день торжества мог переноситься на несколько суток). Елизавета вступила на престол 25 ноября. В июле же 1747 г. императрица подписала новый регламент Академии наук, которым значительно увеличивался ее бюджет, а некоторые пункты соответствовали давним предложениям Ломоносова: декларировалось, например, что академическое собрание впредь должно состоять из «природных» русских, русских же следует избирать адъюнктами Академии, состав студентов академического университета должен пополняться за счет лучших учеников семинарий России. Гимн миру («тишине»), которым открывается и завершается ода, вызван политическими событиями: в 1747 г. Россию вовлекали в войну против Франции и Пруссии на стороне Англии, Австрии и Голландии.

Гимн бороде. По указу Петра I, подтвержденному и при Елизавете, право носить бороды имели только духовные лица и крестьяне. Однако, по мнению Синода, ношение бороды было не только правом, но и обязанностью священнослужителя (в 1756 г. один иеромонах, сбривший в бытность за границей бороду, был сурово наказан). Таким образом, внешне как

будто направленный против раскольников, «Гимн бороде» по существу высмеивал православное духовенство вообще, в частности же, по-видимому, Ломоносов имел в виду какого-то конкретного противника (может быть, придворного проповедника, иеромонаха Гедеона Криновского, в проповедях которого содержатся выпады, которые можно расценивать как антиломоносовские). Кроме того, активизация церкви при Елизавете представляла опасность для развития науки и поэзии (в 1756 г. Синод запретил публикацию поэмы А. Попа «Опыт о человеке», переведенной любимым учеником Ломоносова — и под его наблюдением — Н. Н. Поповским). «Гимн бороде» быстро распространился в списках, и после доноса, поступившего в Синод, Ломоносов был вызван туда для объяснений. Ему угрожали «божией казнию» и церковным проклятием, однако он в присутствии членов Синода не только не раскаялся, но и говорил разные «ругательства и укоризны на всех духовных за бороды их». А вскоре Ломоносов написал эпиграмму «О страх! о ужас! гром! ты дернул за штаны...». После этого Синод подал доклад императрице с просьбой наказать Ломоносова, но дело окончилось для поэта благополучно. Вероятно, помогло заступничество фаворита Елизаветы И. И. Шувалова, покровительствовавшего Ломоносову, а кроме того, у Синода не было документальных доказательств авторства Ломоносова в обоих случаях (они не обнаружены и поныне). «Гимн бороде» впервые опубликован в 1859 г., эпиграмма в 1873 г.

Зубницкому. После того как дело по поводу «Гимна бороде» заглохло, по Петербургу начали распространяться пасквили на Ломоносова, подписанные вымышленным именем «Христофор Зубницкий». Как предполагают ныне, за этим псевдонимом скрывался кто-то из членов Синода (вероятно, епископ рязанский Димитрий Сеченов). Ломоносов, однако, считал, что «Зубницкий» — это Тредиаковский. Если даже он ошибался и автором пасквилей был Сеченов, то, бесспорно, Тредиаковский принимал участие и в деле по «Гимну бороде», и как постоянный информатор Синода о научной деятельности Ломоносова. Знал Ломоносов и о доносах Тредиаковского в Синод, направленных против Сумарокова. Впервые опубликовано в 1854 г.

Случились вместе два Астрóнома в пиру... В 1761 г. Ломоносов издал брошюру «Явление Венеры на Солнце, наблюденное в Санктпетербургской Академии наук майя 26 дня 1761 года». К основному тексту брошюры приложено «Прибавление», в котором рассматривается вопрос, противоречит ли гелиоцентрическое учение церковным догматам. Отрицательно отвечая на этот вопрос, Ломоносов, в частности, приводит это стихотворение. Аргумент повара заимствован из книги Сирано де Бержерака «Иной свет, или Государства и империи Луны».

Н. Н. Поповский *(ок. 1730—1760)*

Николай Никитич Поповский, сын московского священника, учился в Славяно-греко-латинской академии. В 1748 г. в числе лучших учеников отправлен в академический университет в Петербурге. Здесь проявил особую склонность к философии и поэзии, и дальнейшие занятия с ним были поручены Ломоносову, который давал Поповскому «наставления в стихотворстве». В мае 1751 г. Ломоносов отправил И. И. Шувалову первое стихотворение Поповского — эклогу «Зима», причем отметил: «Я в ней не поправил ни единого слова» (пока обнаружен только отрывок этого стихотворения, опубликованный впервые в 1972 г. под названием «Начало зимы»). В ходе последующих занятий Поповский перевел «Искусство поэзии» и несколько од Горация, а в 1753 г. под наблюдением Ломоносова приступил к переводу философско-дидактической поэмы А. Попа «Опыт о человеке», работу над которым завершил в 1754 г. По окончании университета Поповский получил звание магистра и был назначен конректором академической гимназии. В 1755 г. он был определен на должность ректора гимназии при Московском университете. В день торжественного открытия университета, 26 апреля 1755 г., Поповский на латинском языке произнес вступительную речь к

курсу философии, причем выдвинул очень важное прогрессивное требование: читать лекции по философии на русском языке (по традиции этот курс читался на латинском). «Нет такой мысли,— заявил Поповский,— кою бы по-российски изъяснить было невозможно».

В 1756 г. Поповский был назначен профессором красноречия. В 1757 г. наконец увидел свет «Опыт о человеке», долгое время проходивший через цензуру Синода. Сам Поповский исправлять «сумнительные места» в своем переводе отказался, а «исправленные» одним из членов Синода строчки приказал в типографии набрать крупными буквами. В последние годы жизни он перевел книгу Д. Локка «О воспитании детей» («Опыт о воспитании»), две части которой появились в продаже в момент неожиданной смерти Поповского.

А. П. Сумароков *(1717/1718—1777)*

Александр Петрович Сумароков, потомок старинного дворянского рода, получив хорошее домашнее образование, в 1732—1740 гг. учился в специальном учебном заведении для молодых дворян — Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, где началась его поэтическая деятельность. Первое выступление в печати — две обращенные к Анне Иоанновне «поздравительные оды в первый день нового года 1740 от Кадетского корпуса сочиненные чрез Александра Сумарокова». Эти оды написаны «пентаметром» и «гекзаметром» по правилам «Нового и краткого способа» Тредиаковского, однако Сумароков не приемлет принципа произвольной взаимозаменяемости стоп, что заметно по полному отсутствию ямбов. Вероятно, после появления в 1741 г. первых печатных од Ломоносова Сумароков перешел на позиции ломоносовской системы силлабо-тонического стихосложения и завершил реформу, создав национальную систему русского силлабо-тонического стиха, благодаря открытию, что пиррихии представляют собой закономерность, вытекающую из свойств русского языка. (Ломоносов принял вывод Сумарокова и с конца 1743 г. отказался от сформулированного в «Письме о правилах российского стихотворства» требования «чистых» ямбов и хореев.) По окончании корпуса Сумароков служил в военной службе.

В 1748 г. из печати вышла брошюра «Две эпистолы Александра Сумарокова. В первой предлагается о русском языке, а во второй о стихотворстве», которая представляет собой манифест зрелого русского классицизма. Впоследствии поэт сократил текст эпистол и объединил их под заглавием «Наставление хотящим быти писателями» (СПб., 1774).

Родоначальник русской трагедии и русской комедии, Сумароков интенсивно работал в различных жанрах драматургии. Его перу принадлежат 9 трагедий (в том числе «Хорев», 1747, «Синав и Трувор», 1750, «Семира», 1751, «Димитрий Самозванец», 1771, «Мстислав», 1774), 12 комедий («Тресотиниус», 1750, «Опекун», 1765, «Лихоимец», 1768, «Рогоносец по воображению» и «Мать — совместница дочери», 1772, и др.), либретто двух опер и балета и т. д. При создании в 1756 г. постоянного Российского театра Сумароков был назначен его директором, причем в этой должности совмещал в одном лице администратора, режиссера, преподавателя, составителя репертуара и т. д. В 1759 г. театр попал в ведение Придворной конторы, с чиновниками («подьячими») и начальником которой у Сумарокова начались резкие столкновения. В результате в 1761 г. Сумароков был вынужден подать в отставку и стал первым писателем-профессионалом России.

Теоретическое узаконение сатиры, осуществленное Сумароковым, сближало литературу с действительностью и имело огромное значение для последующего развития русской литературы. Сам Сумароков в 1759 г. издавал первый в России частный журнал «Трудолюбивая пчела», во многом предвосхитивший сатирическую журналистику 1769—1774 гг. Активно сотрудничал писатель и в повременных изданиях: журнале Академии наук «Ежемесячные сочинения», издававшихся при Московском университете журналах начала 1760-х годов, сатирических изданиях 1769 г. и т. д. Большую роль в истории русской поэзии сыграл провозглашенный Сумароковым принцип равноценности всех жанров литературы, чем было ликвидировано

само понятие жанровой иерархии. Чрезвычайно много и плодотворно писал Сумароков во всех поэтических жанрах, но наиболее интересны его «притчи» — басни (1-я и 2-я книги опубликованы в 1762 г., 3-я — в 1769, еще три книги — посмертно, в Полном собрании сочинений Сумарокова 1781 г.) и песни, оказавшие значительное воздействие на творчество современников и поэтов следующих поколений. Эти жанры приобрели и наибольшую популярность: многие басни попали в лубок, песни, часто без имени автора, перешли в печатные и рукописные песенники.

Материалистически-сенсуалистские и деистические основы воззрений, тираноборческая настроенность, резкая сатирическая направленность творчества Сумарокова — наиболее крупного представителя идеологии Просвещения в России 1740—1760-х годов — создали писателю множество врагов в духовенстве, чиновничестве, дворянстве, придворных кругах и правительстве. В первые же годы по восшествии на престол Екатерина II негласно инспирировала, а затем и возглавила в литературе активную антисумароковскую кампанию. Моральному отчуждению писателя от многих его прежних сторонников в какой-то мере способствовала вызывающая независимость поведения Сумарокова в личной жизни: разведясь с женой-дворянкой (бывшей приближенной Екатерины), он женился на крепостной девушке, а после ее смерти вступил в третий брак, тоже с крепостной. Последние годы жизни Сумароков провел в нищете (по требованию богача Демидова дом его и имущество были описаны) и в изоляции от «общества»: на кладбище Донского монастыря в Москве за гробом писателя шли лишь два актера.

О стопосложении. Время написания определяется предположительно. Впервые напечатано в 1781 г.

Ответ на оду Василью Ивановичу Майкову. Опубликовано в брошюре без титульного листа и без указания места и года печати (М., 1776), открывающейся «Одой о вкусе Александру Петровичу Сумарокову», которая подписана инициалами «В. М.»; после нее следует ответ Сумарокова.

Шалунья. Время написания этой и следующих басен неизвестно; впервые опубликованы в 1781 г.

Эпиграмма («Грабители кричат: «Бранит он нас!..»). Впервые опубликовано в 1781 г.

Другой хор ко превратному свету. Во время торжеств по случаю коронации Екатерины II в Москве 28 января — 2 февраля 1763 г. состоялся большой публичный маскарад, подробное описание которого тогда же было опубликовано в брошюре «Торжествующая Минерва, общенародное зрелище, представленное большим маскарадом...» (М., 1793). Брошюра состоит из обстоятельного либретто маскарада (автор Ф. Г. Волков), «Стихов к большому маскараду» М. М. Хераскова и анонимных хоров, среди которых имеется «Хор ко превратному свету». В этом хоре приплывшая из-за моря собака в ответ на просьбу рассказать о заморских «обрядах» лает: «За морем хам, хам, хам, хам, хам, хам» и т. д. В 1781 г. Н. И. Новиков, располагавший архивом Сумарокова, включил в 8-ю часть его Собрания сочинений все хоры «Торжествующей Минервы», дополнив их «Другим хором ко превратному свету». Очевидно, «Другой хор» первоначально предназначался для маскарада, а после того, как его исполнение было запрещено, Сумароков заменил его тем «Хором ко превратному свету», который вошел в текст «Торжествующей Минервы». Попытки приписать авторство «Другого хора» Ф. Г. Волкову были с абсолютной убедительностью опровергнуты Г. А. Гуковским.

Песня («О приятное приятство!..»). Пародия на В. К. Тредиаковского. Впервые опубликована в 1781 г.

Ода вздорная II. Пародирующие ломоносовскую одическую манеру «вздорные оды» (принадлежит ли определение «вздорные» Сумарокову, неизвестно) предназначались для журнала «Трудолюбивая пчела» (1759), однако Ломоносов, сославшись на распоряжение президента Академии наук К. Г. Разумовского, запретил их публикацию. Впервые напечатаны в 1781 г.

В. И. Лукин *(1737—1794)*

Владимир Игнатьевич Лукин — сын дворянина, служившего при дворе лакеем. В 1752 г. Лукин был определен копиистом в Сенат, с 1756 г. перешел в военную службу в качестве копииста же, в 1762 г. перевелся секретарем к гетману К. Г. Разумовскому. К 1763 г. относится начало литературной деятельности Лукина. Обретя покровителя в лице статс-секретаря императрицы И. П. Елагина, который был в это время ее главным помощником в литературных и театральных делах, Лукин перевел 5-ю и 6-ю части «Приключений маркиза Г***» Прево (СПб., 1764—1765; первые четыре части переведены Елагиным в 1756—1758 гг.). В 1764—1765 гг. Лукин — наиболее деятельная фигура «елагинского кружка»: он перевел и переложил на «русские нравы» ряд комедий французских драматургов; в пространных предисловиях к своим пьесам обосновал мысль о необходимости заимствования, излагал основные принципы теории «преложения», или «склонения на наши нравы» (эта теория полностью заимствована из сочинений датского драматурга Л. Хольберга), решительно отвергал принцип сатирического изображения социальных пороков русской действительности и нападал на крупнейшего сатирика эпохи — Сумарокова. Отрицая сатиру «на лица», Лукин утверждал принцип сатиры «на пороки». Наконец, Лукин энергично поддерживал «всенародный» театр, созданный в Петербурге по идее Екатерины II под наблюдением полиции; при помощи этого театра правительство должно было получить сильное средство воздействия на «нравственность» народа. Образцом подобной «нравственности», псевдонародной «исконной русской добродетели» (как ее истолковывала императрица Екатерина), в сочинениях самого Лукина должен был явиться образ слуги Василия — раба по убеждению (см. предисловие и текст пьесы «Мот, любовию исправленный»). Вместе с тем деятельность Лукина (как и других членов «елагинского кружка») способствовала увеличению театрального репертуара, а создание первых образцов нового для России жанра «слезной комедии» расширяло возможности драматургии.

Сервильный характер писаний Лукина и реакционный смысл его драматургической деятельности был верно понят и осужден всеми прогрессивно настроенными литераторами. Во второй половине 1760-х годов Лукин создал еще несколько переделок, а в 1769 г., по-видимому, сотрудничал в проправительственном журнале «Всякая всячина», что вызвало новую волну нападок на него со стороны сатирических журналов («Трутень» и др.).

Служебная карьера Лукина складывалась весьма удачно. В конце 1764 г. он был официально назначен кабинет-секретарем при Елагине, в 1774 г. служил в Главной дворцовой канцелярии, членом которой был Елагин. Он же принял Лукина в масоны и сделал его великим секретарем масонской Главной провинциальной ложи и мастером стула (т. е. начальником) ложи «Урания». Дослужился Лукин до чина действительного статского советника (чин IV класса, равный генерал-майорскому). После 1770 г. от литературы Лукин отошел. Последнее значительное выступление в печати — перевод 7-й и 8-й частей «Приключений маркиза Г***», содержащих историю кавалера де Грие и Манон Леско (М., 1790).

Я. Б. Княжнин *(1740—1791)*

Сын провинциального чиновника Яков Борисович Княжнин с 1750 г. учился в гимназии при Академии наук. В 1755 г. начал службу в Юстиц-коллегии лифляндских и эстляндских дел в качестве коллегии юнкера, в 1757 г. получил должность переводчика в Канцелярии от строений, а в 1762 г. перешел на военную службу в «немецкие секретари» к гетману К. Г. Разумовскому, который одновременно был президентом Академии наук, камергером двора, командовал Измайловским полком и т. д. В 1764—1772 гг. Княжнин служил в должности «за секретаря при дежурных генерал-адъютантах». Литературная деятельность Княжнина началась рано.

По некоторым данным, первое его стихотворение опубликовано в 1755 г. без имени автора. Как указывал Н. И. Новиков, Княжнин до 1771 г. «много писал весьма изрядных стихотворений, од, элегий и тому подобного», однако все они доныне не установлены. В 1763 г. была поставлена мелодрама Княжнина «Орфей» (опубликована в 1781 г.) с музыкой Торелли; в начале 1790-х годов музыку к «Орфею» сочинил выдающийся композитор Е. И. Фомин, и в таком виде мелодрама ставится до нашего времени. По-видимому, к весне 1765 г. относится написание «Боя стихотворцев», первой шуточной литературно-полемической поэмы в России (впервые опубликована в 1971 г.). В 1767 г. (по другим данным — в 1769) была поставлена первая трагедия Княжнина — «Дидона» [1].

С. Г. Домашнев *(1743—1795)*

Сергей Герасимович Домашнев учился в дворянской гимназии при Московском университете, затем и в самом университете. В 1760—1763 гг. напечатал ряд стихотворений и переводов в журналах, издававшихся при Московском университете («Полезное увеселение» и «Свободные часы»). В майском и июньском номерах «Полезного увеселения» за 1762 г. опубликована статья Домашнева «О стихотворстве», представляющая интерес как выражение теоретических воззрений литераторов круга Хераскова и как один из первых опытов истории новой русской литературы, включенной в обзор мировой поэзии. После университета Домашнев служил в армии, а в 1775 г. был назначен директором (президентом) Академии наук. Недовольная близостью Домашнева к оппозиционным кругам, в 1783 г. императрица, воспользовавшись жалобами некоторых академиков, назначила на его место княгиню Е. Р. Дашкову, а сам Домашнев был отдан под следствие. 15 апреля 1785 г. Домашнев передал статс-секретарю императрицы графу А. А. Безбородко крайне резкое письмо, в котором обвинял его в затягивании следствия в угоду его другу графу А. Р. Воронцову, брату Дашковой. На следующий день Екатерина издала указ об отставке Домашнева и о высылке его из Петербурга в 24 часа «по причине продерзостного и непристойного письма, писанного его рукою к графу Безбородке». В тот же день указ был объявлен Домашневу, и 17 апреля он выехал из столицы.

М. М. Херасков *(1733—1807)*

Сын выходца из Валахии, служившего офицером в русской армии, Михайло Матвеевич Херасков остался сиротой в годовалом возрасте. Вторым браком его мать (урожденная княжна Друцкая-Соколинская) вышла замуж за видного вельможу, друга Кантемира — князя Н. Ю. Трубецкого, человека просвещенного, крупного библиофила. В 1743—1751 гг. Херасков учился в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, откуда был выпущен в военную службу. С 1755 по 1802 г. жизнь Хераскова связана с Московским университетом (с перерывом в 1770—1778 гг.): сначала в должности асессора он руководил деятельностью университетской типографии, библиотеки, театра, в 1763 г. был назначен директором университета, а в 1778 — его куратором (попечителем).

Поэтическая деятельность Хераскова началась еще в корпусе. С 1755 г. он регулярно печатался в академическом журнале «Ежемесячные сочинения»; в 1760—1762 гг. он издавал при университете журнал «Полезное увеселение», в 1763 г.— «Свободные часы». В 1777 г. Херасков совместно с Н. И. Новиковым предпринял издание масонского журнала «Утренний свет», сотрудничал в новиковском журнале «Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета» (с мая 1779 г. издание обоих журналов перенесено в Москву в связи с тем, что Херасков добился сдачи в

---

[1] Более полные сведения о биографии и творчестве Княжнина будут приведены во второй части хрестоматии.

аренду Новикову типографии Московского университета), а также в других журналах Новикова 1780-х годов, журналах «Вечера» (1772), «Новые ежемесячные сочинения» (вторая половина 1780-х — первая половина 1790-х годов), «Московском журнале» и альманах Н. М. Карамзина и т. д. В 1762 г. из печати вышел сборник «Новые оды» (в собрание сочинений Хераскова стихи этого сборника включены под заглавием «Анакреонтические оды»), в 1764 — две книги «Нравоучительных басен», в 1769 г.— «Философические оды или песни» (в собрании сочинений носят название «Оды нравоучительные»).

Как драматург Херасков дебютировал предромантической трагедией «Венецианская монахиня» (1757, напечатана в 1758 г.). Следующая его трагедия «Пламена» создана не позднее 1761 г. (опубликована в 1765); около 1765 г. была написана трагедия «Мартезия и Фалестра»; в 1772 г. поставлена трагедия «Борислав» (напечатана в 1774); в 1782 — «Идолопоклонники, или Горислава»; в 1797 — «Освобожденная Москва»; последняя трагедия Хераскова «Зареида и Ростислав», полностью выдержанная в классицистическом духе опубликована посмертно в 1809 г. Много работал Херасков и в других жанрах драматургии: комедии, комической оперы и особенно «слезной драмы» («Друг несчастных», 1774, «Гонимые», 1775, «Милана», 1786, «Извинительная ревность», 1796, «Школа добродетели», 1796).

В отличие от большинства современников, Херасков уделял значительное внимание художественной прозе. Помимо ряда мелких сочинений, ему принадлежат романы «Нума Помпилий, или Процветающий Рим» (1768), «Кадм и Гармония» (1786), «Полидор, сын Кадма и Гармонии» (1794), повесть «Золотой прут» (1782).

Хераскову принадлежит дидактическая классицистическая поэма «Плоды наук» (1761), героическая поэма «Чесмесский бой» (1771), эпическая поэма «Россияда» (1770—1778, напечатана в 1779 г.). В последующих поэмах Хераскова все более отчетливо выступают элементы предромантизма («Владимир возрожденный», 1785, «Вселенная», 1790, «Пилигримы, или Искатели счастия», 1795, «Царь, или Спасенный Новгород», 1800, «Бахариана», 1803).

Рассуждение о российском стихотворстве. Эта статья, имевшая целью ознакомление иностранных читателей с состоянием русской литературы, была предпослана французскому переводу поэмы Хераскова «Чесмесский бой», вышедшему в свет в 1772 г. В переводе на русский язык напечатана в публикации П. Н. Беркова в 1933 г.

Венецианская монахиня. В основе сюжета трагедии, как подчеркнул Херасков в «Изъяснении», лежит переработка реального факта из истории Венеции. После раскрытия заговора испанского посланника в Венеции Бедмара в 1618 г. венецианские власти строжайше запретили сношения венецианцев с иностранцами. Вскоре на территории одного из посольств был задержан молодой патриций Антонио Фоскарини, отказавшийся назвать при допросе и на суде причину своего появления в запретном месте. Фоскарини был казнен как изменник, но через год выяснилось, что он шел на любовное свидание и не назвал истинную причину своего проступка, оберегая честь возлюбленной. Фоскарини публично провозгласили невиновным, и в память о невинно казненном молодом человеке был отлит и установлен его золотой бюст.

Чесмесский бой. Во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Россия не имела еще флота на Черном море, и для поддержки сухопутной армии русские корабли совершили переход из Балтийского в Средиземное море и открыли военные действия в Греческом архипелаге (группа многочисленных островов, находящаяся в Эгейском море, между Грецией и Малой Азией). 24 июня 1770 г. русский флот под командованием А. Г. Орлова нанес поражение турецкому в Хиосском проливе (это сражение описано в третьей песне поэмы). Турецкий флот укрылся в Чесменской бухте и был здесь почти полностью уничтожен в сражении, происшедшем 26 июня: турки потеряли в этом бою более 60 кораблей и 10 000 человек, у русских же было убито всего 11 человек (эта битва описана в последней, пятой

песне поэмы). Подчеркивая, что его произведение точно соответствует реальным событиям, Херасков писал в одном из примечаний к первой песне: «Покорение Архипелага всему свету известно; храбрость наших героев всякие похвалы превосходит; и должно один раз для всего сочинения моего сказать, что все в нем написанное есть живая истина, исключая стихотворных украшений, которые всякий благоразумный читатель легко отличить может. Весь остаток расположен по точным известиям, полученным из самых вернейших рук, и по самым словам, которые сочинитель счастие имел слышать от воспеваемых им героев».

А. А. Ржевский *(1737—1804)*

Потомок старинного дворянского рода, восходящего к князьям Смоленским, Алексей Андреевич Ржевский значится в службе, как и многие его современники, рано, уже в 1749 г. Однако, в отличие от большинства из них, Ржевский не учился в государственных учебных заведениях и основные начатки образования, по-видимому, получил в домашних условиях. В 1761 г. он произведен в поручики Конной гвардии, а в следующем году был одним из активных участников переворота, возведшего на престол Екатерину II. Литературная деятельность Ржевского началась со скандала: опубликованная в февральском номере «Ежемесячных сочинений» 1759 г. подборка стихов Ржевского была изъята по требованию влиятельных при дворе лиц и заменена другим материалом. В том же году Ржевский был сотрудником сумароковской «Трудолюбивой пчелы». В 1760—1763 гг. он — основной автор журналов Хераскова, деятельнейший член его поэтического кружка. В «Полезном увеселении» и «Свободных часах» Ржевский опубликовал около 250 стихотворений (басен, элегий, од, сонетов, идиллий, мадригалов и т. д.), статей, глав прозаического цикла, носящего условное название «Письма к наборщикам». В этот цикл входят: «Письмо к г... Х...» («Полезное увеселение», 1761, август), «Сбытие сновидения» (1762, март), «Продолжение сбытия сновидения, сообщенного в марте месяце» (июнь), «Следствие сбытия сновидения моего, напечатанного в прошлом годе в марте месяце, и еще продолжение в июне. Письмо к наборщикам первое» («Свободные часы», 1763, февраль), «Продолжение следствия моего сновидения. Письмо к наборщикам второе» (апрель), «Письмо к наборщикам третье» (май), «Письмо к наборщикам четвертое» (июнь), «Письмо к наборщикам пятое» (июль); обещанного в последнем письме продолжения не последовало.

С 1764 г. литературная активность Ржевского снижается. Его обращение к драматургии у современников признания не получило, написанные им трагедии «Прелеста» (1765, не найдена) и «Подложный Смердий» (1769, опубликована в 1956 г.) на сцене не удержались. В 1771—1773 гг. Ржевский служил вице-директором Академии наук, а в течение полугода исполнял обязанности ее директора (т. е. президента), затем был президентом Медицинской коллегии, сенатором и т. д. В последние 35 лет жизни он лишь эпизодически выступал с отдельными стихотворениями.

В. И. Майков *(1728—1778)*

Василий Иванович Майков, сын ярославского помещика, способствовавшего деятельности любительского театра Ф. Г. Волкова, был с детства записан солдатом лейб-гвардии Семеновского полка и с 1747 г. начал служить рядовым. В 1761 г. в чине капитана он вышел в отставку, переехал в Москву и вошел в кружок поэтов, группировавшихся вокруг Хераскова; с января 1762 г. Майков начал печататься в «Полезном увеселении», «Свободных часах», публиковал оды отдельными изданиями. В 1763 г. вышла из печати первая русская ирои-комическая поэма «Игрок ломбера», принесшая автору известность (в последующие двадцать лет она была трижды переиздана). В 1766 г. Майков вступил в гражданскую службу на должность товарища (помощника) московского губернатора, а в следующем

году принял видный пост в Комиссии по составлению нового Уложения; в 1770—1775 гг. Майков служил прокурором Военной коллегии. В эти годы он чрезвычайно много занимался литературой: издал две части «Нравоучительных басен» (М., 1766—1767), написал трагедии «Агриопа» (поставлена в 1769 г.) и «Фемист и Иеронима» (не позднее 1771 г.), перевел стихами трагедию Вольтера «Меропа» (не позднее 1771 г.; обе трагедии и перевод напечатаны в 1775 г.) и т. д. В 1769 г. Майков сотрудничал в «Трутне» и «Смеси»; кроме того, современникам стало известно о его работе над ирои-комической поэмой «Елисей, или Раздраженный Вакх» (завершена и опубликована в 1771 г.). В 1772—1773 гг. поэт опубликовал ряд произведений в журнале «Вечера» (издатели точно неизвестны; предположительно — Н. И. Новиков и Я. Б. Княжнин). После начала восстания Пугачева Майков, подобно Хераскову и Новикову, приходит к масонству, и в его произведениях последних лет жизни явно выражены религиозно-мистические мотивы.

И. Ф. Богданович *(1743—1803)*

Сын бедного дворянина Ипполит Федорович Богданович десяти лет отроду был зачислен юнкером Юстиц-коллегии в Москве и определен в математическое училище при Сенатской конторе. С помощью своего покровителя князя М. И. Дашкова юный Богданович получил разрешение учиться в университете, познакомился с Херасковым и поселился у него в доме. В «Полезном увеселении» Хераскова и появились первые произведения Богдановича. В 1763 г. он редактировал издававшийся княгиней Е. Р. Дашковой при Московском университете журнал «Невинное упражнение», где напечатал ряд своих стихотворений. В 1763—1764 гг. Богданович служил переводчиком в штате П. И. Панина, а с апреля 1764 г. — переводчиком Иностранной коллегии при Н. И. Панине. В 1766—1768 гг. Богданович был секретарем русского посольства в Саксонии, после чего вернулся в Иностранную коллегию. В эти годы Богданович много работал над переводами различных произведений. Из оригинальных его сочинений интересна дидактическая поэма «Сугубое блаженство» (СПб., 1765; в 1773 г. в переработанном и почти вдвое сокращенном виде напечатана под заглавием «Блаженство народов»). Либерально-дворянские идеи, высказанные, хотя и в осторожной форме, в ранних произведениях Богдановича, не выдержали испытания Пугачевским восстанием. Уже в журнале «Собрание новостей», который Богданович издавал в 1775—1776 гг., становится явной его проправительственная ориентация. Недвусмысленные комплименты Екатерине II содержатся в поэме «Душенька», изданной полностью на счет А. А. Ржевского и с его предисловием в 1783 г. (первая книга под заглавием «Душенькины похождения» была напечатана в 1778 г. в Москве). По прямому заказу императрицы Богданович фальсифицировал фольклор в духе екатерининской концепции русского национального характера (сб. «Русские пословицы», ч. 1—3, СПб., 1785), сочинял для Эрмитажного театра пустяковые пьески и т. д. В 1788—1795 гг. он служил председателем Государственного архива, от литературы же почти совершенно отошел.

В. П. Петров *(1736—1799)*

Сын бедного московского священника Василий Петрович Петров учился в Славяно-греко-латинской академии, а с 1761 г. преподавал в ней синтаксис, затем поэтику, риторику, географию, историю, читал публичные проповеди. Первое же произведение — «Ода на великолепный карусель» (М., 1766) принесло Петрову известность: императрица пожаловала ему перстень, Сумароков осмеял в «Дифирамве Пегасу». В 1768 г. Петров был вызван в Петербург, назначен переводчиком Кабинета императрицы и ее личным чтецом, затем библиотекарем. В 1772 г. он был отправлен для пополнения образования в Англию, побывал в Италии, Швейцарии, Франции, Германии и вернулся в Россию, по-видимому, в начале 1775 г. По содержа-

нию поэзия Петрова является образцом того «блистательного направления» в литературе, которое усиленно пропагандировала (как и стихи самого Петрова) Екатерина II. Однако пребывание в Англии сказалось в поэзии Петрова характерным для предромантизма стремлением к индивидуализации художественной формы, особенно заметному в творчестве 1770-х годов тяготению к строфическому эксперименту, к использованию редких видов строф, неологизмов в лексике и т. д. Однако без обновления содержания формальный эксперимент превратился в формальное трюкачество, и с 1780-х годов поэт вернулся к традиционным формам одописи. Как поэт, которого открыто поддерживала императрица, Петров сразу же подвергся нападкам со стороны оппозиционных литературных кругов (Сумароков, Майков и др.) и, наряду с Лукиным, стал главной мишенью литературных нападок со стороны сатирических журналов Новикова и Эмина. В 1780 г. состояние здоровья вынудило Петрова выйти в отставку, он жил попеременно в Москве и в своем имении в Орловской губернии, продолжая заниматься литературным трудом до последних дней жизни.

Ф. А. Эмин *(ок. 1735—1770)*

Биография человека, известного в качестве русского писателя как Федор Александрович Эмин, до недавнего времени была абсолютно неясной, ибо от XVIII в. до нас дошло четыре совершенно разных «редакции» ее. Лишь опубликованные в конце 1976 г. документы показали, что соответствует реальности та биография Эмина, которая считалась самой недостоверной, «фантастической». Национальность его и сегодня определить невозможно. Дед будущего писателя, родом поляк, служил в австрийской кавалерии и «по причине некоторого приключения» бежал в Боснию, находившуюся в то время под властью Турции, в г. Зворник. Здесь он перешел в мусульманство и женился на дочери главного судьи Боснии. Его сын Гуссейн-бей, по прозвищу «Голубой глаз», после смерти губернатора Боснии отправился в Константинополь хлопотать о месте боснийского губернатора; там он женился на купленной им невольнице «христианского закона», от которой у него родился сын Магомет. Не получив назначения в Боснию, Гуссейн-бей вынужден был довольствоваться должностью губернатора Лепанто (в Греции). Спустя пять лет он взял к себе из Константинополя жену и сына. В течение десяти лет он воспитывал сына при себе, обучая его латинскому и польскому языкам, которые он хорошо знал сам, а затем отправил сына учиться в Венецию. Вернувшись из Италии, Магомет узнал, что отец его оклеветан и сослан на один из островов Греческого архипелага. Спустя три года Гуссейн-бей вырвался из ссылки и уехал в Алжир, где был назначен правителем Константины и Бижи, а во время алжиро-тунисской войны 1756 г.— главнокомандующим алжирскими войсками. Принял участие в войне и его сын, получивший за это от алжирского бея чин «полковника в кавалерии». Вскоре Гуссейн-бей скончался от ран, а сын его отправился в Константинополь к матери, которой сообщил о желании ехать в Европу, чтобы «воспринять христианский закон», в коем мать его в малолетстве наставляла. Чтобы не попасть под подозрение, Магомет поехал в Смирну и, погрузив на шведский корабль закупленные товары, под видом купца отплыл в Гибралтар. Однако судно было захвачено корсарами, отведено в марокканский город Дзумуре (Зуммура), где Магомет был приговорен к смерти и избежал ее, ускакав на случайно подвернувшейся лошади в расположенную в пяти верстах португальскую колонию Мазагам на территории Марокко. Оттуда «Магомет Эмин турецкого закона дворянин константинопольский» был доставлен в Лиссабон, где его принял португальский король и, узнав о его желании стать христианином, поручил кардиналу-ректору де Карвалло растолковать основы христианства Эмину. Не желая принять крещение в Португалии, Магомет получил французский паспорт, но спустя пять дней изменил решение и стал обладателем паспорта, выданного английским консулом. 12 февраля 1761 г. Магомет Эмин прибыл в Лондон, а уже 26 февраля был обращен в православную

веру, получив при крещении имя Федор, отчество — Александрович (очевидно, по имени «восприемника от купели» — русского посланника в Лондоне князя А. М. Голицына), фамилию же он первоначально писал «Эминовский». Спустя полтора месяца Эмин отплыл в Россию, где подал прошение о зачислении в Коллегию иностранных дел в качестве переводчика с итальянского, португальского, польского, латинского, испанского, английского языков (турецким Эмин, по его словам, владел только разговорно). Прося о принятии его в русское подданство, Эмин представил ряд документов, а кроме того, написал письма в Турцию знакомым и родным, чтобы русское посольство могло убедиться в его личности и правдивости сообщенных им сведений,— матери Рукье Ладен, ее сестре Эмине Ладен и другим лицам. Подпись в этих письмах была такая: «Магомет али Алжирский». В Коллегию иностранных дел Эмина зачислили, но бывший полковник алжирской и турецкой службы в России получил лишь должность переводчика в чине поручика: хотя проверка подтвердила достоверность сообщенных Эминым сведений, русский посланник в Турции выразил сомнение в полезности «выходца» для Коллегии и вообще посоветовал держать его под подозрением.

Не имея источников дохода кроме незначительного жалования в Коллегии, Эмин преподавал итальянский язык в Сухопутном кадетском корпусе (1762—1763) и в Академии художеств (начало 1763 г.). За весьма короткий срок Эмин в такой мере овладел русским (а затем и французским) языком, что уже в начале 1763 г. отдал в печать произведение «Непостоянная фортуна, или Похождение Мирамонда», роман в трех частях — первый русский оригинальный роман. В том же году из печати вышел второй оригинальный роман Эмина — «Приключения Фемистокла», переведенный с итальянского роман Г. Мартиано «Бессчастный Флоридор, история о принце Ракалмуцком» и названный переводом с португальского роман «Любовный вертоград, или Непреоборимое постоянство Камбера и Арисены». В 1764 г. были опубликованы роман «Награжденная постоянность, или Приключения Лизарка и Сарманды» и означенный как перевод с испанского роман «Горестная любовь маркиза де Толедо» (Эмин указал, что романы «Любовный вертоград» и «Горестная любовь» он получил в Португалии якобы в рукописном виде, а так как португальский и испанский оригиналы до сих пор не обнаружены, то значительная часть исследователей полагает, что эти произведения принадлежат перу самого Эмина). С конца 1763 г. Эмин, уволенный из Коллегии иностранных дел, был определен переводчиком в Кабинет императрицы. В этой должности и в чине титулярного советника он оставался до конца жизни. В 1764 г. Эмин выпустил сборник «Нравоучительные басни», а вскоре сочинил резко сатирический «Сон, виденный в 1765 году генваря 1-го». Памфлет разошелся в рукописи (опубликован лишь в 1873 г.), и 17 мая 1765 г. императрица повелела «переводчика Эмина за его продерзость в составлении некоторого пасквильного сочинения ...вместо заслуженного им по состоянию вины его и строгости законов наказания, из высочайшего и бесприкладного милосердия своего... посадить его... на две недели» в тюрьму Петропавловской крепости. В 1766 г. Эмин опубликовал первый русский сентиментальный роман в четырех частях «Письма Эрнеста и Доравры». Разграничив здесь сатиру «на пороки» и сатиру «на лица», Эмин устами своего героя выступил решительным поборником последней. Примерно в это же время он написал памфлетную комедию «Ученая шайка» (не опубликована). Не менее плодовит Эмин был и как переводчик; известен его перевод с французского «Истории польской» П. Ж. Солиньяка (т. 1—2, СПб., 1766), а в его прошении на имя императрицы, поданном в 1764 г., говорится еще о восьми томах переводимых им с разных языков сочинений. В 1767—1769 гг. вышли в свет три тома «Российской истории» Эмина (это сочинение научно-популярного характера с элементами романического вымысла доведено лишь до 1213 г.). В 1769 г. Эмин выступил как издатель и единоличный автор «Адской почты» — одного из самых боевых сатирических журналов XVIII в. Наконец, ему приписывалось издание журнала 1769 г. «Смесь», который вместе с

«Адской почтой» и «Трутнем» Н. И. Новикова противостоял официозной «Всякой всячине». Об издателе «Смеси» в научной литературе выдвигались и другие предположения; называли имена Н. И. Новикова и Л. И. Сичкарева. В настоящее время наиболее убедительной является точка зрения, считающая «Смесь» изданием двух лиц — Эмина и Новикова.

«Всякая всячина»

Первый лист (т. е. номер) еженедельного журнала появился в первых числах января 1769 г. и раздавался бесплатно. Условия подписки на «Всякую всячину» были опубликованы 6 января, в № 2 «Санктпетербургских ведомостей». Имена издателя, редактора и сотрудников журнала объявлены не были, большинство статей анонимно либо опубликовано под псевдонимами или инициалами (реальными или условными). В части расписок фактора типографии Академии наук, где печаталась «Всякая всячина», указано, что деньги за издание журнала вносил Григорий Васильевич Козицкий (ок. 1725—1775). Украинец по происхождению, он учился в Киевской духовной академии, затем в Бреславльской гимназии и Лейпцигском университете. По возвращении в Россию Козицкий в 1756 г. служил учителем академической гимназии, в 1759 г. получил звание адъюнкта Академии наук, с 1763 г. стал одним из секретарей графа Г. Г. Орлова, а с 1768 г.— одним из статс-секретарей Екатерины II. Как и И. П. Елагин, Козицкий правил черновики указов, публицистических и литературных произведений императрицы. Сам он сотрудничал как переводчик и публицист в журналах «Ежемесячные сочинения», «Трудолюбивая пчела» и т. д. Через посредство Козицкого обращались с прошениями к императрице Новиков, Сумароков, Попов и другие писатели, получавшие от Екатерины значительные суммы на свои издания. В «Опыте исторического словаря о российских писателях» Новиков писал о Козицком: «Слог его чист, важен, плодовит и приятен; по сему-то некоторые и заключают, что «Всякая всячина», еженедельное сочинение 1769 года, приобретшее толикую похвалу, есть произведение его пера».

По-видимому, именно благодаря Козицкому во «Всякой всячине» сотрудничали, хотя и эпизодически, такие литераторы, как Сумароков, Фонвизин, А. О. Аблесимов. Однако большинство сотрудников журнала составляют лица, в большей или меньшей степени близкие ко двору: И. П. Елагин, А. П. Шувалов, Т. И. Остервальд, А. С. Строганов и др. Судя по обилию и резкости нападок на В. И. Лукина со стороны прогрессивных журналов, какую-то роль во «Всякой всячине» играл и он (впрочем, не исключено, что, высмеивая Лукина, сатирики метили в его высокопоставленных покровителей — статс-секретаря императрицы Елагина и саму Екатерину). Наконец, в 1863 г. П. П. Пекарский, разбирая бумаги Кабинета Екатерины II, обнаружил черновики четырех небольших статей из «Всякой всячины», написанных рукой самой императрицы. Так впервые обнаружилось, что определенную роль в издании журнала играла сама Екатерина. Последующие поколения исследователей из этого частного факта сделали ряд далеко идущих выводов: Екатерине стали приписывать чуть ли не большинство опубликованных во «Всякой всячине» материалов, ей, а не Козицкому, отвели роль главного редактора и издателя журнала и т. п. Утверждалось, что издатели и сотрудники других журналов знали об участии Екатерины во «Всякой всячине», и любой выпад Чулкова, Рубана, Эмина, Новикова, направленный против «Всякой всячины», стал истолковываться как выступление лично против императрицы.

Все это, безусловно, не соответствует истине. Екатерина действительно играла руководящую идейную роль в журнале и сама сотрудничала в нем, однако современники об этом не знали. Не только писатели XVIII в., но и крупнейшие историки литературы и библиографы начала XIX в. (Евгений Болховитинов, В. Г. Анастасевич, Д. И. Хвостов и др.), все исследователи сатирических журналов 1769 г., вплоть до А. Н. Афанасьева и Н. А. Добролюбова, даже не подозревали о личном участии Екатерины во «Всякой вся-

чине». Но издатели прогрессивных журналов 1769 г. прекрасно понимали, что «Всякая всячина» — издание официозное, проправительственное, «политическое» (Ф. А. Эмин). Это было ясно и по именам известных сотрудников (Козицкий, Елагин, Лукин и др.), и по активной защите журналом В. Петрова и В. Лукина — литераторов, которых поддерживало правительство, и по яростным нападкам на Сумарокова, нелюбимого императрицей и ее приближенными (особенно Елагиным), и по характеру материалов, разъяснявших политику правительства по тому или иному вопросу (см., например, сказку о мужичке и кафтане).

Поэтому борьба просветительских сатирических журналов Новикова и Эмина («Трутень», «Смесь», «Адская почта») против «Всякой всячины» была борьбой против правительственной, екатерининской политики в области литературы и общественной мысли, и это для судеб русской литературы имело неизмеримо более принципиальный, глубокий и серьезный смысл, чем мнимые нападки на личность государыни.

В этой борьбе «Всякая всячина» потерпела поражение, и хотя издание журнала продолжалось в 1770 г. под названием «Барышек Всякия всячины» (т. е. остаток, избыток «Всякой всячины»), тираж его сокращался, и к маю 1770 г. журнал был закрыт.

Сатирические журналы Н. И. Новикова

Николай Иванович Новиков (1744—1818) принадлежал к старинному дворянскому роду. По-видимому, в 1755 г. поступил в дворянскую гимназию при Московском университете, а в 1760 г. исключен из нее за самовольную отлучку. С 1762 г. служил в Измайловском полку. В 1766 г. Новиков впервые выступил как книгоиздатель. В 1767—1768 гг. в числе большой группы офицеров и унтер-офицеров был откомандирован в Комиссию по составлению нового Уложения для ведения «письменных дел». После роспуска Комиссии Новиков, еще в начале 1768 г. переведенный из гвардии в армию с повышением в чин поручика, ушел с военной службы и определился переводчиком в Коллегию иностранных дел, в которой прослужил с 1770 примерно до 1774 г.

В это время он последовательно издавал четыре сатирических, ярко просветительских журнала: «Трутень» (май 1769 — апрель, фактически июль 1770), «Пустомеля» (июнь — июль 1770), «Живописец» (апрель 1772 — июнь или июль 1773), «Кошелек» (июль — сентябрь 1774). Многое в этих журналах, несомненно, написано самим Новиковым, но что именно, точно неизвестно. Кроме того, в 1769 г., по-видимому, Новиков совместно с Эминым издавал журнал «Смесь»; есть сведения о том, что в 1772 г. Новиков был издателем (возможно, с Я. Б. Княжниным) журнала «Вечера».

В 1772 г. из печати вышел его «Опыт исторического словаря о российских писателях». В 1773—1775 гг. он издал «Древнюю российскую вивлиофику, или Собрание разных древних сочинений» в 10 частях (в дополненном виде переиздана в 20 частях в 1788—1791 гг.). В 1773 г. Новиков совместно с книгопродавцом К. В. Миллером организовал «Общество, старающееся о напечатании книг», которое взяло на себя издание книг, подготовленных «Собранием, старающимся о переводе иностранных книг» (руководитель «Собрания» — Г. В. Козицкий, в числе переводчиков — И. А. Дмитревский, Я. Б. Княжнин, М. И. Попов, А. Н. Радищев и др.).

В 1775 г. Новиков начал отходить от идей Просвещения и примкнул к масонам; уже в 1776 г. он возглавил одну из петербургских лож. В 1777 г. Новиков вместе с Херасковым начинает издавать масонский журнал «Утренний свет»; с мая 1779 г. «Утренний свет» печатается в Москве. В 1781 г. масонско-мистическую серию журналов Новикова продолжает «Московское ежемесячное издание», в 1782 г.— «Вечерняя заря», в 1784—1785 гг.— «Покоящийся трудолюбец».

Кроме того, в 1779 г. Новиков издавал первый русский журнал, предназначенный специально для женщин,— «Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета». Получив в аренду вместе с типографией право печатать газету «Московские ведомости», Новиков издавал беллетристическое прибавление к ней — журнал «Городская и деревенская библиотека» (1782—1786, вышло 12 частей), первый в России специальный детский журнал «Детское чтение для сердца и разума» (1785—1789), ряд журналов, посвященных отдельным отраслям знаний: «Экономический магазин» (1780—1789), «Магазин натуральной истории, физики и химии» (1788—1790) и т. д.

Новиков организовал в Москве огромное книгоиздательское предприятие, сначала на базе университетской типографии, а в 1784 г.— образованной по его инициативе «Типографической компании»; таким образом, в его распоряжении оказались три легальные типографии и одна или две тайные масонские.

Безусловной заслугой Новикова явилось установление прочных книготорговых связей с провинцией, продукция его типографий стала распространяться почти по всей территории России. Будучи противником екатерининского самодержавия, Новиков, как и другие московские масоны, возлагал надежды на Павла Петровича. В ответ на предпринятые им попытки через зодчего В. И. Баженова связаться с Павлом началось преследование московских масонов, в первую очередь направленное против Новикова. Его издательское предприятие было подорвано распоряжением императрицы не сдавать ему более в аренду университетскую типографию по истечении прежнего срока, кончавшегося 1 мая 1789 г. В апреле же 1792 г. последовал полный разгром московской масонской организации, а Новиков был приговорен к заключению в Шлиссельбургскую крепость сроком на 15 лет. Император Павел I на следующий день по восшествии на престол, 7 ноября 1796 г., издал указ об освобождении Новикова. Последние годы жизни больной Новиков провел в бедности.

М. Д. Чулков *(1744—1792)*

Мещанин по происхождению, Михайла Дмитриевич Чулков учился в 1755—1758 гг. в разночинной гимназии при Московском университете, затем был актером университетского театра, а с 1761 г.— придворного российского театра в Петербурге. В начале 1765 г. по личной просьбе Чулков был назначен придворным лакеем, и со следующего года началась его кратковременная интенсивная литературная работа: вышли из печати сборник «Пересмешник, или Славенские сказки» (четыре части, 1766—1768; переиздан с добавлением пятой части в 1789 г.), «Краткий мифологический лексикон» (СПб., 1767), повесть «Похождение Ахиллесово под именем Пирры до Троянския осады» (СПб., 1769).

В 1769 г. Чулков сочинял журнал «И то и се», издание литературно-коммерческого характера. После небольшой стычки со «Всякой всячиной» чулковский журнал принял сторону «Всякой всячины» и выступал с резкими нападками на издания Новикова и Эмина. Линию «И то и се» в 1770 г. продолжил новый журнал Чулкова «Парнасский щепетильник». В этом же году вышли из печати две части «Собрания разных песен», в которые Чулков включил и народные, и литературные песни (третья часть сборника появилась в 1773 г., четвертая — в 1774), а также роман «Пригожая повариха, или Похождение развратной женщины. Часть I». Второй части не появилось, ибо шаткому положению литератора Чулков предпочел бюрократическую карьеру. Определившись в 1770 г. в Сенат, он успешно продвигался по службе: получил в конце концов чин надворного советника, стал потомственным дворянином, приобрел несколько имений под Москвой, после чего перевелся в московский департамент Сената. Со службой связан ряд экономических и юридических трудов Чулкова, крупнейшим из которых является «Историческое описание российской коммерции» (7 томов в 22 книгах, 1781—1788).

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТОВ

ЛИТЕРАТУРА ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

«Ведомости» времени Петра Великого. (В память 200-летия первой русской газеты). Вып. I. М., 1903.

Приклады, како пишутся комплименты разные... СПб., 1725.

Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов повелением е. и. в. государя Петра Великого... СПб., 1717.

Русские повести первой трети XVIII века. М.— Л., 1965.

Вирши. Силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1935.

Русская силлабическая поэзия XVII—VIII вв. Л., 1970.

Московский журнал. 1791, с. IV.

Сборник кантов XVIII века (в извлечениях).— Приложение к кн.: Ливанова Т. Русская музыкальная культура XVIII века. Т. I. М., 1952.

Позднеев А. В. Неизвестная поэтесса Петровского времени.— В кн.: Русская литература на рубеже двух эпох (XVII — начало XVIII в.). М., 1971.

Русские драматические произведения 1672—1725 годов. (К 200-летнему юбилею русского театра). Т. I. СПб., 1874.

Русская народная драма XVII—XX веков. М., 1953.

Ранняя русская драматургия (XVII — первая половина XVIII в.). Пьесы школьных театров Москвы. М., 1974.

Прокопович Феофан. Сочинения. М.— Л., 1961.

ЛИТЕРАТУРА 1730—1750-х ГОДОВ

Кантемир Антиох. Собрание стихотворений. Л., 1956.

Тредиаковский В. К. Сочинения. Т. 1—3. СПб., 1849.

Тредиаковский В. К. Избранные произведения. М.— Л., 1963.

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 7. М.— Л., 1952; т. 8, 1959.

Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. Изд. 2-е. Ч. 1—10. М., 1787.

Поэты XVIII века. Т. 1. Л., 1972.

ЛИТЕРАТУРА 1760-х — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1770-х ГОДОВ

Лукин В. И. и Ельчанинов Б. Е. Сочинения и переводы. СПб., 1868.

Поэты XVIII века. Т. 2. Л., 1972.

Полезное увеселение, 1760—1762.

Рассуждение о российском стихотворстве. Неизвестная статья М. М. Хераскова.— В кн.: Литературное наследство, № 9—10. М., 1933.

Херасков М. М. Избранные произведения. Л., 1961.

Херасков М. М. Творения. Ч. 7. М., 1800.

Свободные часы, 1763.

Майков Василий. Избранные произведения. М.— Л., 1966.

Богданович И. Ф. Стихотворения и поэмы. Л., 1957.

Петров В. Сочинения. Ч. 1. Изд. 2-е. СПб., 1811.

«Сон» Ф. А. Эмина.— В кн.: Майков Л. Н. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий. СПб., 1889.

Эмин Ф. А. Письма Эрнеста и Доравры. Ч. 1—4. СПб., 1766.

Адская почта, или Переписка Хромоногого беса с Кривым, 1769.

Всякая всячина, 1769.

Сатирические журналы Н. И. Новикова. М.— Л., 1951.

Русская проза XVIII века. Т. I. М.— Л., 1950.

СЛОВАРЬ УСТАРЕВШИХ И МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

Абие — тотчас
Адамант — алмаз, бриллиант
Аки — как, словно
Акциденция — взятка, побор; сбор с просителей и дел
Алчба — голод; сильное желание
Артикул — воинское обучение, порядок
Аще — если

Бельт — Балтийское море
Благоутробие — доброта сердца, милосердие
Благочиние — приличие, благопристойность; полиция
Болван — статуя языческого божества, идол, кумир
Бора — сборка, складка платья
Брань — сражение, битва; ругательства
Буде — если

Вельми — очень, весьма, сильно
Веси — селения
Внити — войти, вступить
Вязига — хребтовые сухожилия красной рыбы
Вяще — больше

Горний — высший, небесный (горние места — небо, рай)
Готский — шведский
Гудок — простонародный музыкальный инструмент вроде скрипки

Деньга — мелкая монета (полкопейки)
Днесь — сегодня, ныне, теперь
Довлеет — надлежит

Егда — когда
Естество — природа, сущность, существо

Живот — жизнь; имущество, имение

Заразы — прелести, чары, соблазны
Зело — очень, весьма; много, сильно
Зельный — сильный
Зиждитель — создатель
Зрак — глаз; вид, образ

Иже — который
Инде — в другом месте, кое-где.

Кирка — лютеранская церковь, храм
Клобук — монашеский головной убор с покрывалом
Коловратность — круговорот
Коловратный — вертящийся вокруг, по окружности
Крепить — подписывать (скреплять подписью)
Крин — лилия
Кружало — кабак, питейный дом
Купно — вместе, совокупно

Ласкатель — льстец
Ласкать — льстить, угождать
Лик — лицо, образ; собрание, собор, сонм; хор
Льзя — можно

Мармор — мрамор
Метресса — хозяйка в доме; любовница
Мзда — воздание, награда; взятка
Митра — богато украшенный головной убор высших сановников церкви

Наприклад — например
Нижé — ни, даже ни, ни даже
Ну́дить — принуждать вынуждать, заставлять

Обаче — однако, но
Овамо — туда, в ту сторону
Овогда — иногда
Откуп — право на монопольную торговлю каким-либо товаром (например, водкой) в определенной местности, приобретавшееся одним человеком или компанией от государства
Отнеле же — с тех пор, как (когда)

Паки — еще,. снова, опять
Пастырь — пастух; священник
Паче — более, сильнее
Персть — прах, пыль, земля
Петиметр — щеголь
Подьячий — чиновник
Полнощный — северный (российский)
Полуденный — южный
Понеже — поскольку, так как, потому что
Порода — происхождение, знатность рода
Порты — платье, одежда; штаны
Потщиться — постараться
Пощунять — поунять силой; побранить
Приказный — чиновник
Прилог — выдумка; мораль (в баснях); пример

Рухлядь — вещи, имущество, пожитки

Сарацины, срацины — турки, татары
Семо — сюда, в эту сторону
Скаредный — скупой; дурной, плохой, гнусный
Случай — успех, сила; фавор при дворе
Споспешник — пособник, помощник, соратник
Сугубить — удваивать; усиливать, увеличивать

Тазать — бить, колотить; бранить
Термин урочный — указанный (назначенный) срок
Точию — только
Тупей — мужская прическа (взбитый хохол)
Тщиться — стараться

Убо — ибо, так как, потому что; итак, следовательно, посему
Уставы — законы
Цуг, цук — упряжка (только для карет знатных лиц) в 4, 6, 8 лошадей попарно

Часовник — церковная книга, соединяющая молитвенник с календарем
Червонец — золотая монета разной стоимости (примерно в 2 или 3 рубля серебром)

Экстра́кт — выписка, краткое изложение дела

Яко — как

СОДЕРЖАНИЕ

Составитель
Владимир Александрович Западов

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII ВЕКА

1700—1775

Редактор *Л. И. Вуколов*
Художник *Л. М. Чернышев*
Художественный редактор *Н. М. Ременникова*
Технический редактор *В. Ф. Коскина*
Корректор *Р. С. Збарская*

ИБ № 1805

Сдано в набор 26. 02. 79. Подписано к печати 24. 08. 79. А08433. 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 28,0+форзац 0,25. Уч.-изд. л. 26,57+форзац 0,45. Тираж 254 000 экз. Заказ № 36. Цена 1 руб. 20 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Отпечатано с матриц Саратовского ордена Трудового Красного Знамени полиграфического комбината Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли на Калининском ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.